ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2016 №1-2

ЛФ
литературный факт

ЛФ
литературный факт

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2016. No. 1–2

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2016. № 1–2

16+

Литературный факт: научный журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – № 1–2. – 464 с.
ISSN 2541-8297

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор),
ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Анна Викторовна Журбина (ответственный секретарь)
ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Армен Варужанович Геворкян (редактор)
ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Елена Валерьевна Глухова (редактор)
ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы (Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород, Россия)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Игорь Евгеньевич Лощилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Вена, Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва, Россия)
Михаил Викторович Строганов, Российский гос. университет им. А.Н. Косыгина (Москва / Тверь, Россия)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Оксфорд, Великобритания) / Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва, Россия)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Александр Львович Осповат, НИУ Высшая школа экономики (Москва, Россия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3 (Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Рурский университет (Бохум, Германия)

Literary Fact. Academic journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2016. – No 1–2. – 464 p. ISSN 2541-8297

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Oleg Korostelev (Editor-in-chief),
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Anna Zhurbina (Executive Editor)
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Armen Gevorkyan (Editor)
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Elena Glukhova (Editor)
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin Azadovski, German Academy for Language and Literature (Darmstadt, Germany), St. Petersburg Russian PEN-club (Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Arzamas Philiation of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies at the University of Vienna (Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, "Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House (Moscow, Russia)
Mikhail Stroganov, A.N. Kosygin Russian State University of Design and Technology (Moscow / Tver', Russia)
Andrei Toporkov, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Alexander Ospovat, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca'Foscari (Venice, Italy)
Alexander F. Stroev, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Ruhr University (Bochum, Germany)

Содержание

От редакции 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

А.Л. Соболев. Дневниковые записи М.О. Гершензона 9
Н.А. Богомолов. Письма З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову 41

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

М.В. Ефимов. Статьи и рецензии Д.П. Святополк-Мирского в журнале «Slavische Rundschau» (1929–1932) 83
Д.П. Святополк-Мирский. Статьи и рецензии / Пер. с нем. Т.В. Марченко 95
Т.В. Марченко. Россика на страницах «Slavische Rundschau» 142

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

С. Панов. Из литературной почты «Арзамаса» 179
Д.П. Ивинский. Вяземский и «Арзамас»: Из комментария к письмам А.С. Пушкина 199

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

В.А. Кошелев. Парадокс Бибриса 215
А.И. Федута. Незамеченное признание Михаила Орлова (О возможном адресате эпиграммы А.С. Пушкина «Сказали раз царю...») 227
А.В. Кошелев. «Варвара мне тетка, а правда сестра»: стернианская пословица в русской литературе 237
А.И. Рейтблат. Булгарин и вокруг. 1. Воспоминания Ф.В. Булгарина о писателях (из «Северной пчелы») 245
Е.Н. Строганова. Е. Салиас де Турнемир о Л. Толстом 291
М.В. Строганов. История текста стихотворения Спиридона Дрожжина «Родина» 301
Н.А. Богомолов, А.Л. Соболев. Заветный вензель: к биографии Е. Овербек 311
Михаил Кукин, Олег Лекманов. О шести строках Осипа Мандельштама 332
О.А. Коростелев. «Вести из Пасси»: Рукописная газета В.Н. Буниной 348

ФОРУМ

С.И. Николаев. О филологическом методе (насущные заметки) 370

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

П.А. Дружинин. Филологический факультет Московского университета в 1949 году. Избранные материалы 380

IN MEMORIAM

Александр Сергеевич Янушкевич 453

Contents

Editor's Foreword 8

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

Alexander Sobolev. From Mikhail Gershenzon's Diary 9
Nikolay Bogomolov. Letters of Zinaida Gippius to Alexander Tiniakov 41

FROM THE LITERARY HERITAGE

M.V. Efimov. D.P. Svyatopolk-Mirsky's Articles and Reviews in "Slavische Rundschau" (1929–1932) 83
D.P. Svyatopolk-Mirsky. Articles and Reviews. Translated from German by Tatiana V. Marchenko 95
T.V. Marchenko. Rossica in "Slavische Rundschau" 142

LITERARY GROUPS AND SOCIETIES

S. Panov. From the Literary Correspondence of "Arzamas" 179
Dmitriy Ivinskiy. Viazemskiy and "Arzamas": From the Notes to A. Pushkin's Letters 199

NOTES. MATERIALS

V.A. Koshelev. The Paradox of Bibris 215
Alexander Feduta. Mikhail Orlov's Unnoticed Confession: On the Probable Addressee of Pushkin's Epigram "They Said Once to a Tsar..." 227
A.V. Koshelev. «Barbara Is My Aunt, but Truth Is My Sister»: Laurence Sterne's Saying in Russian Literature 237
A.I. Reitblat. Bulgarin and Others. 1. Bulgarin's Recollections of the Writers (from "Severnaya Pchela") 245
E.N. Stroganova. Elizaveta Salias De Tournemire on Leo Tolstoy 291
Mikhail Stroganov. Textual History of Spiridon Drozhzhin's Poem "Homeland" 301
Nikolay Bogomolov, Alexander Sobolev. "The Cherished Monogram": On Elizabeth Overbeck's Biography 311
Mikhail Koukin, Oleg Lekmanov. On the Six Lines from Osip Mandelstam 332
Oleg Korostelev. "Vesty iz Passy": Vera Bunina's Handwritten Newspaper 348

FORUM

Sergey I. Nikolayev. On a Philological Method. Notes on a Matter of Current Interest 370

ON THE HISTORY OF ACADEMIC LIFE

P.A. Druzhinin. Faculty of Philology, Moscow State University in 1949. Selected Materials 380

IN MEMORIAM

Alexander Sergeevich Yanushkevich 453

«…любой современник укажет вам пальцем, что такое литературный факт»

От редакции

«Литературный факт» – научный рецензируемый журнал по истории русской словесности и филологии. Издается в электронной и печатной версии. Периодичность – 4 номера в год. В программе журнала: статьи, заметки и публикации, посвященные русской литературе XVIII–XX вв., материалы к истории отечественного литературоведения.

Название журнала – не от лефовской «литературы факта», а из статьи Ю.Н. Тынянова «Литературный факт», в которой он писал: «Определения литературы, оперирующие с ее “основными” чертами, наталкиваются на живой *литературный факт*. Тогда как твердое *определение литературы* делается все труднее, любой современник укажет вам пальцем, что такое *литературный факт*. Он скажет, что то-то к литературе не относится, является фактом быта или личной жизни поэта, а то-то, напротив, является именно литературным фактом».

Не претендуя дать все твердые определения, мы хотели бы уделять основное внимание фактической стороне литературного (окололитературного, научного) процесса: проблемам биографии, истории литературной (научной) жизни и литературных (научных) институтов. Журнал призван стать печатной площадкой для публикации новых материалов: художественных текстов, эпистолярия, дневников, документов. Библиографический раздел предполагает публикацию росписей периодических изданий и сборников, заметки и обзоры по ретроспективной библиографии. Хроника научной жизни будет представлять обзоры (с препринтами) работ по текущим проектам научных коллективов российских и зарубежных гуманитарных центров.

Основные направления исследований: История русской литературы и литературной критики. История журналистики. Литература русского зарубежья. Культурная жизнь русской диаспоры. Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Литература как социокультурный институт. Вопросы биографии и творчества писателя. Проблемы историко-литературного процесса. Структура и функционирование литературного произведения. Текстология и вспомогательные литературоведческие дисциплины. Документальные эпистолярные, биографические материалы культурной истории. История отечественной филологии и гуманитарных наук. Актуальные проблемы современного литературоведения.

В качестве предшественников и ориентиров можно назвать историко-архивные альманахи Владимира Аллоя «Минувшее», «Лица» и «Диаспора», а также источниковедческий журнал Александра Галушкина «De visu». Но прежде всего хотелось бы ориентироваться на традиции «Литературного наследства», под эгидой которого журнал и создается.

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-9-40
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Дневниковые записи М.О. Гершензона (1894–1895, 1906/1907)

А.Л. Соболев

Аннотация: Дневниковые записи 1894–1895 гг.: литературные и научные занятия, чтение, театр; регулярные беседы с П.Г. Виноградовым, посещение дома Гольденвейзеров; рефлексия своего чувства к М.Б. Гольденвейзер, стихотворное выражение своих настроений. В записи 1906 (или 1907) г. Гершензон пытается размышлять о том, как «правильно во всем объеме почувствовать вопрос [о смысле] своей жизни».

Ключевые слова: Михаил Гершензон, дневник, Мария Гольденвейзер, стихи Гершензона, литературная жизнь рубежа XIX–XX вв.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Отношения историка с собственным дневником предполагают степень интимности, труднодостижимую для представителей иных профессий – ибо только он в полной мере способен представить, какое эхо разойдется в веках от его поденных записок. В нем действуют, отчасти противоборствуя, чувство ускользающего времени, желание письменно перепроверить попутный извив мысли, тяга всмотреться в свое эпистолярное отражение и, быть может, не в последнюю очередь – сочувствие к будущему коллеге: и все это с оглядкой на кажущееся неизбежным грядущее обнародование текста.

На фоне гомерического по объему эпистолярия Гершензона его дневниковые записи почти лаконичны и хронологически разрознены. Вряд ли мы сможем в обозримом будущем достоверно определить, произошло ли это вследствие добровольного изъятия фондообразователем части документов из на диво сбереженного архива, либо автор обращался к жанру лишь в отдельные периоды жизни. В любом случае, при взгляде на его сохранившийся дневниковый комплекс, становится очевидным, что маркирует он в основном ключевые моменты внутренней и внешней биографии Гершензона – с большими перерывами на сравнительно спокойные годы. Особенно в этом

отношении замечателен ранний дневник, объемлющий два жизнеопределяющих эпизода: начало отношений с Марией Борисовной Гольденвейзер, которая почти десятилетие спустя станет его женой, и, хронологически почти одновременное, постижение собственной научной миссии.

В середине 1890-х годов, с окончанием университета и погружением в угрюмый мир гуманитарной поденщины (фанатически работоспособный Гершензон содержал своими переводами и компиляциями фактически три семьи: родителей, брата и себя самого), в нем аккумулируется особенная русско-еврейская витальность, находящая до поры выход лишь на дневниковых страницах: «Я бесповоротно, на всю жизнь писатель и знаю, что во мне есть какая-то могучая сила. Если бы только жизнь не помешала мне сделаться тем, чем я могу быть! Быть пророком света и радости – вот чем я хотел бы быть; жизнь так хороша, так полна прелести и поэзии, а в людях столько тьмы и злобы. Среди этих близоруких людей, идущих ощупью, я чувствую себя как человек из другого мира, как свежий варвар в императорском Риме»[1]; и далее: «Мой час придет; я скажу людям свежее, молодое слово, скажу им, как хороша жизнь, потому что они забыли это, и скажу им, что одна есть дорога – к свету, одна цель – счастье всех и наслаждение этой красотой. Я слишком отличен от них, слишком свеж сравнительно с ними – я не могу ошибиться в этом. Я между ними как полудикий германец в изнеженном, рафинированном Риме времен империи».

На соседних страницах видны зерна и ростки, из которых прозябнут его классические работы 1900-х: собственно, провиденциальный переход от античных сюжетов к изучению истории новой русской литературы совершается именно в это время. В одной из записей, чуть не обмолвкой, он набрасывает план, выполнение которого (и то неполное) займет у него ближайшие четверть века: «Вообще, я хотел бы написать ряд этюдов о русских писателях, например о наших первых драматургах, напр[имер] об Озерове, затем о поэзии Державина, о поэзии Нахимова и его сверстников, о Батюшкове, Баратынском, Козлове и, sit venia verbo[2], о Пушкине».

Фрагменты дневника Гершензона объединены в архивные единицы почти хаотично – что потребует внушительной ревизии корпуса, когда большая их часть окажется введена в оборот. Ниже я печатаю

[1] Здесь и далее включенный в настоящую публикацию материал цитируется без ссылок.

[2] Да позволено мне будет сказать *(лат.)*.

два из них, вероятно, случайно оказавшихся в одной папке – череду записей осени 1894 – весны 1895 года и одно обширное рассуждение 1906/1907 года. Ни почерк автора (не менявшийся на протяжении всей жизни), ни письменные принадлежности (к которым он был почти равнодушен) не позволят нам датировать второй фрагмент точнее – наша же атрибуция основывается на словах о 37-летии автора и упоминании собаки Зорьки, которая убежала из дома во время его отсутствия в мае 1907 года и с тех пор так и не нашлась. В этой же единице лежит фрагмент публичной лекции «Кризис современной культуры», прочитанной Гершензоном в Киеве в 1917 году; по беловой рукописи он был опубликован[1]; нами он опущен. Тексты печатаются по автографу: РГБ. Ф. 746. Карт. 13. Ед. хр. 6. Второй фрагмент представляет собой густо правленый и перечеркнутый черновик; вероятно, его онтологический статус был пограничным между дневниковой записью и наброском статьи.

Пользуюсь случаем принести благодарность Д.В. Базановой, И.Р. Петрову и Л.И. Соболеву.

ДНЕВНИК 1894 – 1895 гг.

6 окт. 1894 г. Четв. 1 ч. ночи.

Только что вернулся из театра. Шла M-me Sans-Gêne Сарду[2], не

[1] См.: *Гершензон М.О.* Кризис современной культуры // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 11. С. 232–248 (публ. В. Проскуриной и В. Аллоя).

[2] Историческая комедия (1893; рус. перевод – 1894) французского драматурга Викторьена Сарду (1831–1908). В Москве была поставлена в 1894 г. в театре Ф. Корша (цензурное разрешение 7 августа 1894 г.; премьера 16 сентября 1894 г.); шумная история этой постановки попала в стихи: «В газетах вьются слухи, вести, / Что Корш затратил... тысяч двести, / Чтоб раздобыть «Мадам Сан-Жен». / Но метр Сарду Викториен / Не отдал пьесы для печати, – / Чтоб не стащили пьесу тати, – / Свою «Мадам» берег Сарду. / Но Корш в таких делах неистов: / Он шлет в театр стенографистов. / Они, за маленькую мзду, / Текст записали, и с добычей / (Хоть не соблюл он всех приличий) / Корш возвращается в Москву. / Сарду вопит в парижской прессе, / Но Корш с «Мадам» летит в экспрессе, – / И все готово к торжеству» (*Lolo* [Мунштейн Л. Г.]. Москва далекая... // Первопрестольная: далекая и близкая. Москва и москвичи в поэзии русской эмиграции. М., 2005. С. 68). Главную роль сыграла Л.Б. Яворская. Полный список актеров, участвовавших в первых представлениях, см. в изд.: *Сарду В., Моро Э.* Madame Sans-Gêne. Перевод Ф.А. Корша. М., 1909. Информационная заметка о спектакле, на кото-

шла, а хромала. Хорош был только Светлов в роли Фуше[1]. Наполеон был очень плох[2]. Мы были в холостой ложе – Маклаков, Черняев, Чупров, Гольденвейзер, Цингер[3] и я. Маклаков и я были под влиянием имени и образа Наполеона. Сцена, где M-me Sans-Gêne напоминает ему о неуплоченном счете, где он вспоминает время своей неизвестности и бедности[4] – сильно подействовала на нас. В последние годы много пишут и говорят о Наполеоне – не потому ли, что дряблые, не имеющие цели люди этого поколения охотно читают и слушают о последнем герое, которого видела Европа[5], о последнем человеке цельном, обладавшем гигантской энергией, поставившем себе определенную и великую цель – какова бы она ни была. Наполеон был последний герой Европы, – не удивительно, что память о нем свежее, и когда есть потребность в героическом, – вспоминают именно

ром побывал Гершензон: Русские ведомости. 1894. № 276. 6 октября. С. 4. Ср. в его письме брату от 10 октября 1894 г.: «В четверг, как ты знаешь, был я в первый раз в театре – у Корша, на MmeSans-Gêne Сарду, ради Наполеона, который там фигурирует. Пьеса очень эффектная и смотрится с интересом, но играли плохо. Мы были в «холостой» ложе – Маклаков, Гольд[енвейзер] и несколько других» (РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 8. Л. 3–3 об.; расшифровку имен спутников см. ниже в прим. 3).

[1] Светлов Николай Владимирович (?–1909).

[2] Наполеона играл Александр Михайлович Яковлев (?–1905). Ср., кстати, противоположное мнение о постановке: «Л.Б. Яворская в пору знакомства с Чеховым играла в московском театре Корша. Это была красивая, изящная женщина и не блестящая, но весьма и весьма интересная комедийная актриса. Благодаря ей и талантливой игре Яковлева (Наполеон) известная пьеса Сарду «Мадам Сан-Жен» при первой ее постановке в Москве прошла у Корша свыше ста раз в одном сезоне. Вся Москва бегала смотреть «Мадам Сан-Жен». И действительно, Катрин Юбше в исполнении Яворской и Наполеона в исполнении Яковлева стоило и стоило посмотреть» (*Лазарев-Грузинский А.С.* А.П. Чехов // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 110).

[3] Близкий приятель Гершензона Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957); Николай Владимирович Черняев, ближайший друг последнего; выбивающийся по возрасту из этой компании профессор-экономист Александр Иванович Чупров (1842–1908; факт их знакомства подтвержден наличием письма Чупрова в гершензоновском архиве: РГБ. Ф. 746. Карт. 43. Ед. хр. 43); друг Гершензона (и будущий его шурин) Николай Борисович Гольденвейзер (1871–1924); Александр Васильевич Цингер (1870–1934).

[4] Имеется в виду шестое явление третьего действия (*Сарду В., Моро Э.* Madame Sans-Gêne. С. 60–64).

[5] Против этих строк на полях рукою автора написано: «Гарибальди!».

о нем. Скоро станут вспоминать и о других, интерес к героическому будет расти по часам[1].

В театре узнали мы новый бюллетень государя[2]. Дело плохо – «события надвигаются», говорит Маклаков.

В театре была и семья Льва Толстого; им уступила ложу фрейлина Ермолова[3] на том основании, что ей неловко быть в театре, когда не сегодня-завтра можно ожидать смерти государя. Младший сын Толстого, Андрей, – лицеист, а дочь, Марья Львовна[4], была в модном костюме – мужская манишка с длинным галстуком! У Философовой[5], которая была с ними, умное лицо и прекрасный профиль, но лицо красное.

7 окт. Пятн., 12 ч.у.

Сейчас вернулся от Виноградова[6]. Читали утренние телеграммы и говорили о грядущих событиях. Я говорил: «Это будет интересно», – он отвечал: «Это будет тяжело. Начнется метание из стороны в сторону, время капризов, либеральных позывов и господства женщин – со всеми последствиями», и рассказывал, какие тяжелые минуты переживал всякий мыслящий человек в террористическую эпоху 1880-83 при ежедневных известиях о покушениях и казнях.

---

[1] В этих словах – явный след чтения Т. Карлейля, произведшего на Гершензона исключительно сильное впечатление; ср. в письме к жене от 21 мая 1913 г.: «Вообрази, что Семевский, по словам Сакулина, называет меня: “ваш Московский Карлейль”; не знаю, иронически или нет, но какова интуиция! Я ведь правда никогда не спускаю глаз с Карлейля. А если бы ты знала историю его женитьбы и семейной жизни, ты была бы очень удивлена сходством с нами, со мною» (РГБ. Ф. 746. Карт. 21. Ед. хр. 22. Л. 2–2 об.).

[2] В начале октября 1894 г. здоровье угасавшего в Ливадии Александра III было предметом ежедневных новостей. 6-го октября распространялась телеграмма от 11 часов предыдущего вечера: «В состоянии здоровья Государя Императора замечается ухудшение: общая слабость и слабость сердца увеличились». Вечером 6-го был опубликован текст от 19-ти часов: «В состоянии здоровья Государя Императора перемены нет» (Московские ведомости. 1894. № 275. 7 октября. С. 2).

[3] Екатерина Петровна Ермолова (1829–1910) – писательница и благотворительница; давняя знакомая Толстого.

[4] Андрей Львович Толстой (1877–1916) и Мария Львовна Толстая (1871–1906).

[5] Вероятно, Софья Николаевна Толстая (урожд.: Философова; 1867–1934) – жена И.Л. Толстого.

[6] Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) – историк, научный руководитель Гершензона, оказавший на него чрезвычайное влияние.

Говорили о Тэне[1]. Виногр[адов] говорит, что никогда не увлекался им ни как ученым или мыслителем, ни как писателем. На мои слова, что Тэн велик именно не как ученый, а как писатель, он тремя словами метко определил главный недостаток его слога: «Этот слог», – сказал он, – «слишком однообразно-сочен». Я понимаю, что это качество, действительно скверное, должно быть особенно противно Виноградову, строгий ум которого рождает суровый язык – язык без улыбки. Из исторических писателей я сам больше всего люблю тех, чей язык суров и тверд, как из мужских лиц больше всего люблю лица с мужественными и сильными чертами, как у Маклакова. Фукидида, Ранке и Моммсена я люблю больше, чем Ксенофонта, Маколея и Герье[2]. И как прекрасна улыбка и волнение на этих мужественных лицах! Четыре слова Ранке после рассказа о казни Карла I – das Leben war vor ber[3] – стоят целой филиппики Мишле[4]. Какой-то грек сказал о Фукидиде по поводу его рассказа о Килоне: ὁ λέων ἐγέλασε[5]. Какая поэзия в этих словах – и в этой улыбке льва!

---

[1] Ипполит Тэн (1828–1893) – критик, публицист и философ, благодаря доходчивому блеску своих работ, бывший весьма популярным в Европе и России рубежа веков. Гершензон не избежал общего увлечения – так, организуя душевное развитие своей будущий жены, он советует ей три книги: «"Этюды" Тэна (особенно классический этюд о Бальзаке), "Новые веяния" Брандеса и "Современную психологию" Поля Бурже» (письмо от 6 июня 1895 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 21. Ед. хр. 12. Л. 7-8 об.). Позже Гершензон переводил биографию Тэна.

[2] Профессор Московского университета Владимир Иванович Герье (1837–1919), курс новой европейской истории которого прослушал Гершензон, был научным руководителем П.Г. Виноградова.

[3] «Жизнь была закончена» (нем.); см.: *Ranke L. von.* Historische Meisterwerke. Bd. 33. Wien; Hamburg; Zürich, [1930?]. P. 481. Гершензон в свое время готовил материалы для очерка Виноградова о Ранке (Русская мысль. 1888. № 4. II паг. С. 213–224).

[4] Жюль Мишле (1798–1874) – классик французской «романтической историографии».

[5] Неточно цитируется (в оригинале: «Здесь лев засмеялся») реплика древнего схоласта по поводу нехарактерного для Фукидида стиля его рассказа о мятеже Килона (подробности см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 91).

13 окт. Четв. 8 ч. веч.[1]

18 окт. Вторн. 1 ч. н.

Сегодня с 9 до 2 час. читал у Фойгта[2] о Петрарке и пытался угадать ту idée general, из которой с одинаковой необходимостью вытекали бы и тщеславие Петрарки и несомненная у него любовь к классикам, к природе, к человеку[3]. Потом писал для Словаря, между прочим о Твардовском, который обречен до Страшного Суда висеть между небом и землей[4], – а в 7 час. отправился на заседание комиссии воскресных чтений, у Елиз. Ив. Цветковой, на Садовой ул.[5] Там

---

[1] Первая дата обведена чернилами. К какой из них относится печатаемая запись – непонятно.

[2] Фойгт (Фогт) Георг (1827–1891) – немецкий историк. Гершензон, вероятно, имеет в виду его главную книгу «Die Wiederbelebung des classicshen Alterthums»; первое русское издание: *Фойгт Г.* Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма. Пер И.П. Рассадин. Т. 1–2. М., 1884–1885.

[3] Гершензон с середины 1890-х годов занимался Петраркой и переводил его (ср., напр., в письме брату 10 янв. 1895 г.: «[...] последние 3-4 недели, в то время, как я был занят Петраркой, – я ничего не делал у Виногр[адова], только приходил к нему раза два в неделю поболтать» (РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 9. Л. 3); «Да, еще я хотел написать тебе насчет Петрарки. [...] Я писал его с наслаждением, но скрежетал зубами от поспешности, с которою приходилось писать. Когда сдам в печать соч[инение], неделю буду заниматься Петраркой – хочу прибавить еще целую главу» (письмо родным от 20 янв. 1895 г. // Там же. Л. 11-11 об.) и мн. др. Его работы лишь отчасти учтены в: Франческо Петрарка. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. М., 1986.

[4] Вероятно, имеется в виду неподписанная (по обычной для этого издания практике) заметка «Твардовский, пан» для «Энциклопедического словаря Гранат», с которым Гершензон активно сотрудничал (Настольный энциклопедический словарь. [Т. 8]. М. 1895. Стр. 4721 [так! в первом издании пагинация сквозная]). Ср. кстати в письме Гершензона брату от 10 октября 1894 г.: «В Словаре, как уже писал тебе, заработал каторжным трудом 38 р. 6 коп. – написал на 25 с. с лишним, а за редакторскую работу, прочитав, поправив и переделав 1300 строк, получил 13 руб. Если бы это время употребил на писание, то заработал бы в три раза больше. В субботу же я и отказался от редактирования. Теперь взял около 100 слов рублей на 100. Буду писать по мере возможности» (РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 8. Л. 2).

[5] Елизавета Ивановна Цветкова (?–1911) – организатор первой частной женской школы в Москве. О ней см.: *Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912. С. 420–428. Ее адрес – Садовая-Триумфальная, собственный дом.

пробыл два часа. Вынес отличное впечатление. За исключением Костроминой, которая ломается[1], все остальные учительницы – их было 6–7 – и Цветкова показались мне скромными и дельными людьми. Обсуждали вопрос, разрывать ли связь с харьковской комиссией[2]; я высказал свою мысль, и они одобрили ее. Вообще, я чувствовал себя легко, хотя все были незнакомы и женщины; все вместе было очень симпатично.

Оттуда в 10 час. завернул к Гольденвейзерам, и застал гостей: Клара Матвеевна Маркузе, ее сестра с мужем и проч[3]. Эта самая Клара очень хороша собою, превосходно сложена и, главное, жизнь бьет из нее ключом; краснощекая, бойкая, хохотунья и кокетка отчаянная, но очень неглупа. Приятно видеть такое физическое и душевное здоровье. Марья Борисовна[4] была одета к лицу и очень хороша, Татьяна Бор.[5] по обыкновению умна и грациозна. Танцевали все, кроме меня.

---

[1] Московская благотворительница Варвара Семеновна Кострома (1855–1939), основательница Музея педагогического общества и попечительница многих учебных заведений. В описываемое время она работала в школе Цветковой; ср. в дневниковой записи Х. Алчевской: «В.С. Кострома вела серьезно беседу по поводу прочитанного и ставила удачные наводящие вопросы, помогавшие ученице ориентироваться в исчерпанном материале» (*Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое. С. 423). Ср. первое впечатление Гершензона от встречи с Костроминой по делам народного чтения: «Она не понравилась мне: богатая купчиха, бывшая курсистка, для которой все это дело, очевидно, один спорт» (письмо к брату от 10 октября 1894 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 8. Л. 4–4 об.).

[2] Об этой организации см.: *Вязигин А.С.* Краткий отчет деятельности Харьковской комиссии народных чтений за первое десятилетие ее существования (1886–1896 гг.). Харьков, 1896. Коллизия между харьковской и московской комиссиями связана с тем, что Цветкова изначально работала в Харькове (ее муж был правителем канцелярии губернатора) – и позже, в Москве, она продолжила свою просветительскую деятельность: «Но дело воскресной школы слишком захватило ее, чтобы в Москве она могла почить на лаврах. Она открыла там самостоятельно первую частную женскую воскресную школу, а за ней потянулись и другие, благополучно существующие поныне» (*Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое. С. 421–422).

[3] Подробностями об этих лицах мы не располагаем.

[4] Мария Борисовна Гольденвейзер (1873–1940) – будущая жена Гершензона. О семейной жизни Гершензонов см. прежде всего воспоминания их дочери: *Гершензон-Чегодаева Н.М.* Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона). М., 2000.

[5] Татьяна Борисовна Гольденвейзер (1869–1953) – старшая сестра М. Б. Гольденвейзер.

Софья Вас. очень похудела, и завтра идет в клинику, но чудные глаза мерцают удивительно[1]. Я наслаждался, глядя на всех. Какая прелестная картина! Что может доставить более сильное впечатление красоты, чем молодая прелестная девушка? Я не знаю ничего лучше; это поистине перл создания. Если бы народное воображение не создало бы Дон-Жуана, его надо было бы сочинить. Я, в сущности, Дон-Жуан в душе, и не становлюсь им в действительности, потому что не красив, потому что не нахожусь в подходящих условиях, и отчасти, может быть, потому, что хочу знать и писать. Если бы я женился на самой красивой девушке, мое дон-жуанское сердце все-таки не было бы удовлетворено; но если бы мне удалось изобразить в прозе или стихах всю прелесть, всю женственность прекрасной девушки – в наружности, в речах, в неожиданных выходках, в движениях, – тогда я был бы доволен; еще лучше, если бы это было в драме или комедии, и я мог бы видеть воплощение моего образа. Ни у кого я не видел больше женственности в наружности, движениях и неожиданностях, как

[1] Это лицо из дома Гольденвейзеров остается нам неясным, если не считать одного эпизода, о котором Гершензон рассказывал брату: «Ты верно помнишь этого болвана Князькова? Он ухаживал за Татьяной Бор. и делал вид, что влюблен – даже однажды иносказательно признался ей. Она недвусмысленно показывала ему, что не выносит его присутствия. В начале зимы он отделал себе квартиру в своем доме (он богат – из купцов-староверов) – и пригласил Гольд[енвейзеров] на новоселье. Вероятно, по настоянию матери, барышни поехали с Колей [Н. Б. Гольденвейзером] под видом посещения его сестры. Потом они были еще кажется два раза. Меня это более чем удивляло, но это явно было требование матери. Потом перестали бывать, а он продолжал ходить, но замечая холодность, все реже и реже. Последний раз был месяца два назад. Одной из любимых тем разговора было, что брак есть союз чисто-духовный. Заметь, что он был оставлен при Унив[ерситете] и теперь ординатор клиники. Софью Васил. тоже, верно, помнишь.

Итак, на прошлой неделе идет она по улице и слышит – зовут ее. Оглядывается – Князьков. Он стоит у своей одноконной кареты и, спросив куда она идет, предлагает подвести ее. Она сначала отказалась, потом согласилась, и села с ним. Он начал с того, что объяснил ей, насколько он богат, и предложил ей поступить к нему на содержание, обещая окружить ее всяким довольством. «Любовь должна быть свободна». Сколько времени будет продолжаться связь – этого сказать нельзя: год, два или больше. В среду он заедет к ней за ответом. Она пробовала соскочить, но он остановил ее: «Я велю кучеру ехать скорее – ведь вы сделаете скандал». Довез ее до дому и высадил. В среду действ[ительно] приехал за ответом и дураки больше ничего не могли придумать, как сказать, что С. В. нет дома» (письмо от 18 марта 1895 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 9. Л. 47–47 об.).

у Дувинской[1], в речах – как у Гиршберг[2]. Однако, пора спать – скоро два часа.

---

[1] Фредерика Арнольдовна Дувинская. О ней см. в воспоминаниях дочери Гершензона: «Это была старинная папина знакомая из Кишинева. Он знал ее в дни своей молодости хорошенькой, тоненькой девушкой. Кажется, он даже за ней немного ухаживал в одно лето. Теперь она была толстой, веселой и шумливой еврейкой, говорливой и безгранично доброй. Жила она в начале Плющихи» (*Гершензон-Чегодаева Н.М.* Первые шаги жизненного пути [...]. С. 129). Существенные подробности о ней видны из письма М. Б. Гершензон к А. О. Гершензону (брату М. О.): «У меня была Дувинская, тебе верно Миша рассказывал, я после нее три дня не могла опомниться. Она как будто ненормальная, говорила, говорила без конца и многое во мне затронула. Теперь она ушла от мужа, когда уже дети все большие и жизнь не только не успела наладиться, но и прошла. Очень старалась она на своем ломанном языке объяснить мне свою психологию, и, наконец, я ясно поняла: не могла всю жизнь примириться и противилась против места, на которое ее ставил муж, хотела себя самое выгородить, определить, душу свою сохранить» (письмо от 21 мая 1915 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 3. Л. 44–45). В адресной московской книге 1927 г. она значится владелицей кустарной косметической мастерской «Реномэ», после чего следы ее теряются.

[2] Эля (Эрнестина Давыдовна) Гиршберг – одноклассница М.Б. Гольденвейзер по гимназии Фишер (см.: Историческая записка о 40-летии женской классической гимназии С.Н. Фишер. С 1-го сентября 1872 г. по 1-е сентября 1912 г. По материалам, собранным Г.Б. Фишером, составил И. Владимирский. М. 1912. С. 94) и ее приятельница; ср. единственную сохранившуюся записку:

«Dear Mary! Поздравляю тебя с Новым годом и желаю тебе, скверная девчонка, всего хорошего. Целую тебя. – Твоя Эля.

Поклон всем от меня и m-lle Биркенгейм. Прости, что не пишу письма: время уходит, неизвестно куда» (письмо от 31 декабря 1895 г. (по почт. штемпелю)) // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 51. Л. 1). Сохранилось две ее записки к Гершензону (РГБ. Ф. 746. Карт. 31. Ед. хр. 36). В 1894 г. мать Гершензона подозревала в нем наличие романтических чувств к Э. Гиршберг, так что ему пришлось оправдываться: «Жаль, что, будучи в Кишиневе, я не пошел с Вами в синагогу и не поклялся, целуя Тору, что ни в кого не влюблен и ни в этом, ни в будущем году не собираюсь жениться ни на Mlle Гиршберг, ни на ком другом; тогда Вы, может быть, верили бы мне. Как же Вы не хотите понять, что если бы я питал к этой девушке какое-нибудь чувство, и хотел его скрыть от Вас, то летом ничего бы не стал Вам рассказывать о них? И, кроме того, в сотый раз говорю Вам, что если я полюблю кого-нибудь и решусь сделать предложение, то раньше напишу или скажу Вам, хотя, может быть, и не послушаюсь – это зависит от того, какие резоны Вы будете приводить» (письмо к Г.Я. Гершензон от 11 октября 1894 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 16. Ед. хр. 42. Л. 31 об.–32).

22 окт. Суббота, 10 ч.у.

Встал в 8, до сих пор читал книгу Гейгера о Петрарке[1], кончил ее и не могу взяться за работу из нетерпения увидеть газету. Надо как-нибудь сократить это время. Вчера мне пришла в голову отличная мысль: когда-нибудь собрать и издать все стихи Огарева и написать статью о нем, исключительно как о поэте[2]. Его небольшой талант очень привлекает меня своей задушевностью и грустью. Собрать его стихи будет трудно – они разбросаны по многим изданиям. К этой работе буду готовиться, как Сарду к своим драмам: все, что узнаю об этом, буду записывать и заметки хранить отдельно. Вообще, я хотел бы написать ряд этюдов о русских писателях, например о наших первых драматургах, напр[имер] об Озерове, затем о поэзии Державина, о поэзии Нахимова и его сверстников, о Батюшкове, Баратынском, Козлове и, sit venia verbo, о Пушкине[3]. Вперед надо выработать себе твердый метод, и лучший путь к этому – внимательное изучение очерков Тэна.

30 окт. Воскр. 1 ч.д.

По поводу статьи Л. Тихомирова в нынешнем № Моск[овских] Вед[омостей][4] говорили с Виногр[адовым] о монархии. Между прочим я спросил его, почему в последнее время его, по видимому, очень интересует история Византии. Он ответил, что с точки зрения теоретической политики эта история очень любопытна как вследствие своеобразного характера, который приняли в ней идеи и учреждения Рима, так, главным образом, вследствие своеобразного характера визант[ийской] монархии. Там наследственность никогда не могла упрочиться; история Византии есть история узурпаций. Внеш-

[1] Имеется в виду книга немецкого историка Людвига Гейгера (1848–1919): *Geiger L.* Petrarka. Leipzig, 1874.

[2] Этот замысел был воплощен: в 1904 г. Гершензон напечатал в издательстве Сабашниковых двухтомное собрание стихотворений Н.П. Огарева.

[3] Эти обширные планы были выполнены лишь частично – так, работ монографического характера о Баратынском, Нахимове и Озерове у Гершензона нет, хотя все перечисленные лица многократно упоминаются в его трудах.

[4] Имеется в виду статья Льва Александровича Тихомирова (1852–1923) «Носитель идеала» (Московские ведомости. 1894. № 298. 30 октября. С. 3–4), апологетически отзывающаяся о покойном царе: «Император Александр III не был только выразителем идеи. Он был истинный подвижник, носитель идеала. Тяжкий крест всегда бывает уделом таких людей, являющихся лишь в минуты, когда ослабевающее человечество нуждается в особой помощи Провидения».

нее положение Византии предъявляло слишком большой запрос на личный элемент, и как только представители династии, вырождаясь, переставали удовлетворять этому запросу, тотчас происходил переворот, ставивший на место представителя династии сильную личность. У нас дело иначе – в верховной власти важна не личность, а учреждение: ее носитель является представителем принципа порядка, единства, и в этом отношении отвечает потребностям нашей жизни: 1) современному международному порядку, важности военных интересов, 2) этнографической потребности – потребности примирять и ограждать интересы различных народностей России, далеко еще не ассимилировавшихся и отчасти враждебных друг к другу. И надо признать, что наследственная монархия есть лучшая форма, в какой может быть представлен принцип порядка. Это, так сказать, национально-милитарная основа русской монархии. Но она имеет еще другую основу – демократическую, именно сложившееся исторически политическое сознание народа о невозможности жить без такого представителя порядка. Как и когда изменится эта политическая теория народа – неизвестно; она естественно сложилась благодаря особенному ходу нашей истории, глубоко коренится в народном сознании и, при косности земледельной страны, может удержаться еще в течение многих веков. Что касается первых двух условий, то и они несомненно просуществуют века, пока исчезнут милитаризм и национальная вражда. Поэтому русской монархии обеспечено еще вековое существование. Но что должно измениться и что несомненно изменится, это бюрократическая централизация нашего государства. Она убивает всякую жизнь, всякое развитие, и ее разрушат две силы: во-первых, теоретическая работа и, во-вторых, дальнейшая экономическая история России, которая обнаружит вред этого порядка. Если правительство не изменит его вовремя, то оно будет вынуждено к этому какой-нибудь катастрофой, экономической Иеной[1], которая обнаружит экономическое банкротство России. Эта история не обойдется без тяжелых конфликтов. – Общая картина будущей России, по представлению Виноградова, такова: монархия с национальным-милитарным характером и, по прежнему, на демократической основе; слабая централизация – значительная местная и социальная самостоятельность; представительное учреждение, очень слабое, гораздо более слабое, чем даже в Германии – по той причине, что у нас нет такого многочисленного среднего сословия, как там, а есть лишь

[1] Имеется в виду кровопролитная битва при Йене 1806 года, где войска Наполеона нанесли поражение прусской армии.

небольшая кучка образованных людей. – Я спросил: если raison d'être монархии – милитаризм и национальная вражда, то почему не предоставить ей только соответствующую компетенцию, т.е. внешнюю и внутреннюю охрану? – Он ответил: каким бы обстоятельствам ни была обязана своим существованием та или другая идея или учреждение, – раз она вошла в жизнь, – она начинает самостоятельное существование и развивает все свои последствия.

Говоря о демократической основе русской монархии, он заметил, что в этом отношении наши государи делают ряд крупных ошибок: они не сознают своей связи с массой, тратят миллионы на людей, которые никогда не сумеют воспользоваться ими, и т.д. Вообще, огромная ошибка уже то, что монархия у нас приняла характер дворянский. Такой же характер носила и французская монархия.

10 ноября. Среда 8 ч. веч.

Сейчас ушел Маклаков. Он рассказывает, что вчера, когда артисты импер<аторских> театров шли на панихиду[1], Садовский[2] сказал: «Да, помолимся, чтобы Николай Второй не был вторым Николаем»[3]. Теперь вся Москва повторяет эту остроту.

7 янв. 1895 г. Суббота, 11 час. веч.

Давно я не писал здесь. Теперь такая тоска, такое одиночество, а за спиной – звуки рояли. Последние дни, по вечерам, когда остаюсь один, – так становится грустно, что заплакал бы. Ничего не могу делать, просматриваю газеты бегло и с отвращением, и думаю. О чем думаю? Черт знает, что это – говорят, будто влюбился, и теперь я сам начинаю думать, что это правда. Иначе – откуда эта грусть? Права Роз. Мих.[4] – так жадно хочется женской ласки, любви, присутствия –

[1] Подразумевается панихида по Императору Александру III, скончавшемуся 20 октября 1894 года.

[2] Михаил Прович Садовский (1847–1910).

[3] Этот каламбур известен также в рифмованном виде («Смущенные Рока игрой, / Теперь одного мы желаем: / Чтоб царь Николай наш Второй – / Нам не был "вторым Николаем!.."» (см., напр.: *Жданов Л.* Николай «Романов». Последний царь: Исторические наброски. Пг., 1917. С. 13).

[4] Розалия Михайловна Гиршберг, мать упомянутой выше Э.Д. Гиршберг. Биографические сведения о ней незначительны; среди писем Р.М. Гиршберг к Гершензону сохранился бланк доверенности, где она титулуется «Вдова Гольдингенского мещанина Розалия Михайловна Гиршберг» (Гольдинген – г. Кульдига в Латвии); из этого же документа следует, что девичья фамилия у нее, скорее всего, была «Фридсманд» (возможна ошибка чтения: почерк

ах, что врать – хочется, чтобы она, такая красивая и такая далекая, была здесь, хочется видеть ее лицо, смотреть в ее глаза, держать ее руку.

Я положительно начинаю думать, что люблю Марию Борисовну. Полчаса назад я вздрогнул, когда мой взор случайно встретил в газете слово «Мария». «Имя нежное Марии...»[1] Тоска, одиночество, и это имя, и образ, который оно вызывает в уме. Ах, она действительно хороша! Но горда и равнодушна. Теперь, когда я один, она мне кажется ближе ко мне, чем у них, когда мы сидим за одним столом. У нее дивные глаза, и она все время смотрит на меня; я редко взглядываю на нее, и когда наши глаза встречаются, я тотчас отвожу взор и, кажется, иногда вздрагиваю при этом. Зачем она смотрит? Ведь она не любит меня. Или она хочет увидеть в моих глазах мою любовь – это ей приятно. Я нравлюсь ей, – я знаю, что мое присутствие доставляет ей большое удовольствие; поэтому ей приятно, что я люблю ее. Но в ней самой нет и следа любви ко мне. Я стараюсь быть как можно осторожнее, и действительно кажется ни разу сознательно не выдал своих чувств. Между тем Роз. Мих. говорит, что все – и сама М. – убеждены, что я влюблен в нее, а Татьяна Б. прямо сказала мне это в понедельник у Вейнбергов[2] «потому что, говорит она, все признаки

крайне неразборчив); брат ее был купцом в Белостоке (РГБ. Ф. 746. Карт. 31. Ед. хр. 34).

[1] Из «Полтавы» Пушкина.

[2] Вейнберг Леон Осипович (1865–?) – педагог, составитель учебных пособий, преподаватель Набилковского коммерческого училища и Лазаревского института (судя по титулатуре составленных им книг: Новая русская хрестоматия. М., 1903; То же. 5-е изд. Ч. 1–2. М., 1909, 1915). Он же упоминается в письме А.Б. Гольденвейзера к Гершензону от 14 июля 1894 г.: «Леон Осипович дежурит на Филях (за 18 дней – 75 р.) и один раз, проходя с институтом мимо нас, зашел на несколько минут» (Наставник: Александр Гольденвейзер глазами современников. М.; СПб., 2014. С. 34; пребывание его летом в Филях связано с работой в летней резиденции Лазаревского института, см.: *Амирханян А.* Тайны дома Лазаревых. Фрагменты истории Московской армянской общины XIV–XX века. М., 1992. С. 59). О нем см.: *Анненский И.Ф.* Учено-комитетские рецензии 1901–1903 годов. Иваново, 2000. С. 73–74 (комм. А.И. Червякова). Сохранились его письма к Гершензону (РГБ. Ф. 746. Карт. 30. Ед. хр. 4). Ср. в письме Гершензона брату, написанном почти одновременно с этой дневниковой записью: «Вейнберги по прежнему живут в тех же мебл[ированных] комн[атах]. Он недавно получил в том же Лазаревском институте урок латин[ского] яз[ыка] в 1 кл[ассе] и получает теперь уже 70 руб.; тем и живет. Книжка его (Нибур) расходится плохо. Третьего дня я был у него после 2 месяцев» (письмо от 4 янв. 1895 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18.

на лицо». Мне случалось несколько раз провожать ее домой от Гиршбергов, обыкновенно вечером, и я не позволил себе ни одно[го] слова, ни одного намека. Роз. Мих. говорит, что Коля[1] раньше отрицал это, а теперь и он соглашается.

Ведь она мне нравится давно, меня давно влечет к ней, – почему же именно теперь я задаюсь вопросом, люблю ли ее? На этой неделе я провел у них 3 вечера, в четвертый мы вместе были у Вейнбергов – пятница, суббота (под Новый год), воскресенье, понедельник, вторник, – даже целых 5. Во вторн[ик] я не пришел бы, но это был день рождения Алекс. П.[2], и она сказала, что крепко обидится, если я не приду. Пять вечеров подряд, не это ли убило меня? В понед[ельник] (у Вейнбергов) она была в черном платье – оно удивительно шло к ней. И сидя через стол, она все время смотрела мне в глаза. Наверное это заметили и другие. В этот вечер я был точно пьян. И это заметили, особенно Татьяна Бор. Какая милая девушка! Мне кажется, что она любит меня, как сестра – она не раз говорила мне это, и я ее так же люблю.

Боюсь, что эти 5 вечеров будут мне стоить много. Или все это – потому, что намеки на мою влюбленность открыли мне глаза? Вчера Роз. Мих. два часа говорила на эту тему. Мне было очень скверно. Она не только убеждена, что я люблю М., но знает будто бы и факты. Я отрицал это по совести. Она по природе очень добра, исковеркана жизнью, и я ее люблю несмотря на всю наносную грязь; она мне гораздо симпатичнее дочки. Но вчера она истерзала меня.

Но Боже мой, Боже мой! Что из этого выйдет! Если я действительно полюблю, ведь я погибну! Она не любит меня и если не любит, зная три года, то никогда не полюбит. Хватит ли силы забыть ее? Есть одно средство: пока еще не поздно, перестать ходить в дом – но правда ли, что еще не поздно? Хватит ли теперь силы и на это? На-

---

Ед. хр. 9. Л. 2 об.; упомянутая книга: *Классен И.* Бартольд Нибур. Пер. с нем. Л.О. Вейнберга. М., 1894).

[1] Н.Б. Гольденвейзер.

[2] Щекотихина Александра Петровна, сестра матери А.Б., М.Б., Н.Б. и Т.Б. Гольденвейзеров: «Александра Петровна, как мы звали ее – тетя Саша, была к нашей семье очень близка. Несколько лет она жила у нас. Тетя Саша не получил систематического образования, знала немножко французский язык, кое-что читала и, благодаря природному уму, производила впечатление культурного человека. [...] Тетя Саша не была красивой, но обладала стройной фигурой, сохранившейся у нее до старости. Несмотря на то, что в молодости у нее были поклонники, замуж она так и не вышла» (*Гольденвейзер А.Б.* Воспоминания. М., 2009. С. 25).

полеон сказал, что в любви возможна одна победа – своевременное бегство[1], – но он не сказал, когда надо бежать; в тот момент, когда скажешь себе: я люблю – пора бежать, в ту минуту ты уже пленник. Любовь, должно быть, самое прекрасное в жизни – Himmelhoch jauchzend, zu Tode betrübt[2], – но я боюсь, что на мою долю выпадет только последнее.

Как грустно мне! Один в ночной тиши
Сижу с пером в руке, с тоскою в сердце,
И думы одинокие – тебе,
Единый друг – заветная страница,
Я предаю. От глаз людских сокрыта,
Ты примешь их и свято сохранишь.
Тебе я все скажу. Уж много лет
Я тайные веду с тобой беседы;
Когда мой ум кипит и сердце бьется
И до краев исполнится душа, –
Один, один средь торжища людского,
С тобой одной делю я грусть и радость
И тайный страх, и тайные надежды,
В тебе одной ищу я утешенья
И бодрости. Я знаю: ты одна
Мне верность сохранишь; моих волнений
Не выдашь ты толпе себялюбивой,
Не осмеешь моих безумных грез,
И тот кумир, пред кем склоняюсь я,
Не втопчешь в грязь кощунственной стопою.
И ныне я пришел к тебе опять,
Безмолвная и верная подруга,
И снова полон ум безумных грез,
И грустен я, и грусть моя сильна,
Как власть любви, проснувшейся впервые;
И почему так грустно мне – не знаю,
Но плакать и молиться в этот час
Хотел бы я, и, кажется, слезами
Я ум, печали полный, облегчил бы.

[1] Ср., напр.: «Qui ne sait que la seule victoire contre l'amour, c'est la fuite?» (Napoleon. Ses opinions et jugemens. Paris, 1838. T. 1. P. 344).

[2] Из трагедии Гете «Эгмонт» (1788); в пер. Ю.Н. Верховского: «Звездно ликуя, смертельно скорбя».

13 янв. 1895 г. Пятн., 5 ч. дня.

Сегодня мы разбирали с Виногр[адовым] его старые бумаги, отыскивая одну рукопись Семевского[1]. При этом он много рассказывал о своем детстве. Он с пяти лет знал по нем[ецки] и франц[узски], с 15-ти – по англ[ийски], итал[ьянский] изучил уже в университете. Читать сознательно он начал в 6 классе, и за 6-ой и 7-ой классы (он окончил с золотой мед[алью] еще по 7-классной системе) перечитал необыкновенно много книг. Важным он считает то, что отец с самого начала направил его на классическую иностранную литературу и тем, вовсе не желая, положил основание его западничеству. Отец был настоящий русский человек, притом очень религиозный[2]. Читал Виногр[адов] множество романов и проч., а в 7 кл<ассе> отец дал ему Philosoph[ische] Bibliothek Кирхмана[3]; я сам видел толстую тетрадь с заметками по чтению Платона, Аристотеля, Декарта и проч. Сразу Аристотель стал привлекать его больше Платона, Декарт больше Бэкона. Это понятно в уме систематическом, который требует ясных и стройных доказательств и не допускает смешения истины с поэзией; идолы Бэкона[4], напр., очень не нравились ему. Сильное впечатление производил на него Гете, особенно 1-ая ч[асть] Фауста, Вертер и Lehrjahre[5]. Фауста он много раз перечитывал потом, и говорит, что ни одно произведение (даже Шекспир и Данте) не ближе ему. (Впрочем, теперь он, кажется, выше всего ставит Данте). В университете он много читал. Я видел несколько тетрадей, озаглавленных: Memoranda, с номерами 39 и 40 и т.д., содержащих изложение прочитанного;

---

[1] Вероятно – историка Михаила Ивановича Семевского (1837–1892), но возможно и его брата и коллеги Василия Ивановича Семевского (1849–1916).

[2] Гавриил Киприянович Виноградов (1810–1885), директор костромской гимназии, позже - директор женских гимназий ведомства императрицы Марии в Москве, тайный советник. О детстве будущего ученого см.: *Антощенко А.В.* Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010. С. 22–23.

[3] Серия книг, основанная в 1868 г. юристом и политиком Юлиусом Германом фон Кирхманном (1802–1884). До 1872 г. издавалась в Берлине, далее – в Лейпциге. Подробности и библиографию см.: Hundert Jahre philosophische Bibliothek: 1868–1968. Zeittafel und Gesamt-Verlagsverzeichnis 1968. Bearbeitet von Richard Richter. Hamburg, 1968.

[4] Элементы философской системы Фрэнсиса Бэкона – персонифицированные источники косности человека, стоящие на пути его совершенствования.

[5] Подразумевается роман Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehrjahre»).

здесь Lecky[1], Neumann (история Америки)[2], речи лорда Чатама[3], антропология и проч. Три тома Лекки[4] были прочитаны, если хорошо помню [sic], между 3 и 21 июля 1872 (3?) года; на каждой тетради надпись, когда начато, когда окончено. Потом видел его студенч[еские] сочинения 1-го курса, 2-го (о Беовульфе – для Буслаева[5]), черновую студенч[еского] медального сочинения[6] и проч.

Потом разговорились об изящной литер[атуре]. Очевидно, он уже давно не читает ее, но раньше читал много. Он умно выразился о русском романе: в этом нас никто не превзойдет; мы обладаем способностью поэтически описывать правду, находить Das Packende der Wahrheit[7]. Французы, напр[имер], могут описать правду, но без поэзии.

Я взял для прочтения его семинарскую работу у Моммсена – Die Römischen Dichter über M. Valerius Messalla Corvinus[8]; на полях – за-

---

[1] Ирландский историк Уильям Эдуард Хартпол Лекки (1838–1903).

[2] Немецкий историк Карл Фридрих Нейманн (1793–1870), автор трехтомной «Geschichte der Vereinigten Staaten von Amerika» (Berlin, 1863–1866).

[3] Один из сборников речей английского премьер-министра Уильяма Питта, графа Чэтема (1708–1778).

[4] К 1872 г., когда, как сообщается далее, Виноградов читал эту книгу, у Лекки не было еще напечатано трехтомных сочинений, а только двухтомные «History of the rise and influence of the spirit of rationalism in Europe» (2-е изд.; Лондон, 1865) и «History of European Morals, From Augustus to Charlemagne» (Лондон, 1869). Если же допустить, что Гершензон ошибается с датой, то речь может идти о трехтомном немецком издании его «Истории Англии в XVIII веке»: Lecky, William. Geschichte England simachtzehnten Jahrhundert. Bd. 1-3. Leipzig; Heidelberg, 1882.

[5] Виноградов был учеником крупного историка, этнографа и фольклориста Федора Ивановича Буслаева (1818–1897); см. его очерк об учителе: Памяти Федора Ивановича Буслаева: СПб., 1898. С. 43–53.

[6] Медальное сочинение Виноградова – «Землевладение в эпоху Меровингов» (см.: *Антощенко А.В.* Диссертации П.Г. Виноградова // Мир историка. Историографический сборник. Омск. 2000. Вып. 6. С. 89–90).

[7] Захватывающее, содержащееся в правде *(нем.)*.

[8] «Римский поэт Валерий Мессала Корвин» *(нем.)*. Ср. в подробном письме-отчете, посланном Виноградовым В.И. Герье из Берлина 7 ноября 1875 г.: «Сам я не решился взять себе тему по собственному выбору, хотя Моммзен и приглашал нас сделать это, а выбрал одну из предложенных самим Моммзеном тем, именно – анализ сведений о Мессале Корвине, сообщаемых римскими поэтами, главным образом Тибуллом. Я остановился на этом вопросе, потому что при разработке его можно будет изучить отношение между умственной и политической жизнью в начале империи, приноровление лучших

метки Моммсена, написанные необыкновенно мелким и неразборчивым почерком; заметки, вроде: Von Weltherrschaftseheich Nichts [1], и т.п.

Записка сумасшедшего

1) Смысл и значение жизни отдельного человека состоит в том участии, которое он принимает в общем движении – в прогрессе. Помимо этого участия нельзя открыть в человеческой жизни никакой цели.

2) Следовательно, если я хочу жить сознательно, то должен определить, что такое прогресс, т.е. какое из многообразных движений есть прогресс, и принять в этом движении сознательное участие.

3) Обыкновенно хорошие люди так и поступают, но они определяют прогресс субъективно. Как же определить его объективно?

4) Единственный критерий в этом случае – природа. То движение, которому благоприятствует природа, и есть прогресс. Этому движению обеспечена вечность и, следовательно, всякому, кто в нем участвует, – бессмертие. Итак, надо определить, какому движению особенно благоприятствует природа.

5) Природа разумна; это доказывает созданный ею разум человека, ибо чего нет в причине, того нет и в следствии.

6) Все это мысли не новые, но вот мое открытие. Я нашел средство, которое дает возможность точно определить движение особенно благоприятствуемое природой.

7) Каждое движение складывается из отдельных моментов, и в центре каждого момента стоит одна руководящая личность. Итак, что мы должны избрать критерием – момент или личность? Если первое, то поддержка природы выразится в удаче того или другого события. Но это критерий непрочный. Мы должны избрать человека, и вот моя великая мысль: тот человек, который способствует истинному, объективному прогрессу, находится под покровительством природы, и, так как он действует в ее интересах, то природа старается сохранить его как можно дольше. Итак, человек, содействующий прогрессу, живет особенно дольше [sic!], и, наоборот, тот исторический человек, который жил особенно долго, несомненно был носителем прогресса. Следовательно, определив, кто из исторических людей жил долго, и

сил римского общества, оттиснутых в частную жизнь великим переворотом, к новым условиям» (Письма Н.Г. Виноградова к В.И. Герье из Германии (1875–1876 гг.) // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 122; публ. А.В. Антощенко).

[1] Никакого мирового господства не вижу *(нем.)*.

определив далее характер деятельности этих людей, мы получим ряд лиц различных эпох, которые несомненно были людьми прогресса. По этим вехам и можно будет определить, что такое истинный прогресс.

Изложить в форме письма к другу.

Пятн. 10 февр. 9 ч. утра.

Опять два дня подряд видел ее, и опять теряю голову. Что делать? Я не только лишился спокойствия, но и попал в глупое положение. Что может быть глупее роли молчаливого вздыхателя? Я даю вещам идти своей дорогой, не ускоряя и не замедляя – не ищу случаев видеть ее, но и не избегаю. Если бы Шура[1] в среду не принес билета на грузинский вечер[2], было бы гораздо лучше. Весь вечер я сидел рядом с нею, а она была лучше, чем когда-нибудь раньше – может быть самая красивая из всех. Весь вечер я сбоку смотрел на нее и плохо слышал, что пели и играли; такой вечер – несчастие: чувствуешь, как пьешь эту сладкую отраву, и не можешь оторваться. Под конец я совсем опьянел. Вчера вечером я пришел к ним, потому что не был целую неделю. Она опять опустила косу. Зачем она это делает? Она знает, что я люблю это, и, не чувствуя ко мне ничего, дразнит меня все-таки. А сегодня я опять принужден идти к ним – на блины[3]. Она, действительно, необыкновенно хороша. Сидя за столом, мы ежеми-

---

[1] Александр Борисович Гольденвейзер (1875–1961) – в будущем – знаменитый композитор и пианист.

[2] Грузинский вечер состоялся в среду, 8 февраля. Ср. в музыкальной хронике: «В середу, 8 февраля, в Большой зале Благородного Собрания состоялся Грузинский вечер, в пользу недостаточных Грузин-студентов. Как и следовало ожидать, прекрасная цель вечера привлекла много публики, среди которой присутствовали многие представители артистического мира Москвы. Блестящему художественному успеху вечера весьма способствовала представляющая большой интерес, прекрасно и умело составленная, программа, а также и то, что руководителем концерта явился такой превосходный музыкант, талантливый композитор и дирижер, как профессор нашей консерватории М. М. Ипполитов-Иванов» (*Корещенко А.* Грузинский вечер // Московские ведомости. 1895. № 41. 10 февраля. С. 4; ср. другой отзыв: Русские ведомости. 1895. № 42. 11 февраля. С. 3).

[3] В этот же день Гершензон писал брату и матери: «Сегодня, по случаю масленицы и удивительной погоды, решил не заниматься. Днем я приглашен на блины к Гольденв[ейзерам], а вечером пойду к Вернерам» (РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 9; Вернеры – семья Ипполита Антоновича Вернера; 1852–1927).

нутно встречаемся глазами, и это выдает меня, но я не могу иначе – это делается невольно, как вероятно и у нее.

Все это кончится скверно и, что хуже всего, глупо. Я наверное никогда не скажу ей правды и уеду в самой ужасной тоске, буду тосковать и там, а она сейчас меня забудет[1]. Но трудно сказать, не было бы ли много хуже, если бы она меня любила. Теперь мука – ее равнодушие, – тогда было бы не меньше муки, потому что явился бы этот ужасный вопрос о крещении. Теперь я бессилен помочь себе, – тогда счастие зависело бы он меня. Это было бы еще гораздо хуже. Я не должен креститься, ни в каком случае[2].

Чем больше я думаю об этих вещах, тем больше чувствую, что надо поскорее вон из Москвы, потому что от всего этого сойдешь с ума. Иногда подступает к горлу, хочется плакать или обнять кого-нибудь и рассказать все. Если бы был хоть один настоящий друг, а то все – как чужие. Одно спасение – работать, узнавать. В последнее время меня сжигает жажда знания. О, если бы можно было так поработать, как я хотел бы, просветить свой разум, и потом писать о всем, что есть высокого и прекрасного в жизни, о всем печальном и трогательном! Я бесповоротно, на всю жизнь писатель и знаю, что во мне есть какая-то могучая сила. Если бы только жизнь не помешала мне сделаться тем, чем я могу быть! Быть пророком света и радости – вот чем я хотел бы быть; жизнь так хороша, так полна прелести и поэзии, а в людях столько тьмы и злобы. Среди этих близоруких людей, идущих ощупью, я чувствую себя как человек из другого мира, как свежий варвар в императорском Риме. Никто из них не сравнится со мною в способности удивляться, испытывать восторг. Вот эта комната, залитая блеском зимнего солнца, эта тишина, этот стол, заваленный книгами, это тихое и быстрое тиканье карманных часов, лежащих передо мною – какая прелесть в этом, какая радость! Какая радость – вспоминать о ней, мысленно видеть ее и думать о том, какое неизмеримое счастье могла бы она дать, если бы любила! Полюбит ли она когда-нибудь, и найду ли я ее еще, когда через два года вернусь в Москву?

---

[1] В середине мая 1895 г. Гершензон уехал в Шабо к матери с тем, чтобы осенью вернуться в Одессу и остаться там на неопределенный срок.

[2] Гершензон провидит проблему, остро вставшую перед ним несколькими годами позже, после сближения с Марией Борисовной: Гольденвейзеры были христианами, и по закону церковный союз между ним и нею был невозможен, из-за чего они жили в гражданском браке к живому огорчению обеих семей. Позже, когда в законе открылась новая возможность, М.Б. перешла в лютеранство, они официально поженились и Гершензон усыновил собственных, до того считавшихся незаконнорожденными, детей.

Если, вернувшись, я застану ее влюбленной, я не перенесу. Уже лучше было бы застать ее замужем, спокойной, с уравновешенной любовью. Это было бы не так больно. Как глупо! Вчера, лежа в постели, я думал: не лучше ли написать письмо Коле, рассказать правду и перестать бывать? Но рассказать – нет, этого я не могу. Он и без того знает. Это приводит меня в бешенство. Они все знают, и когда я подумаю, что они вслух говорят об этом, я повесился бы.

Три страницы вздоха! Ничтожные, бледные слова, когда сердце так полно, когда так безумно хочется счастия. Опять уже подступает к горлу. Нет, я не бываю zu Tode betrübt; все мысли, связанные с нею, даже мысли о том, что она меня никогда не полюбит, полны счастия – все только himmelhoch jauchzend[1].

5 час. дня.

Только что вернулся от них. Варв. Петр.[2] пригласила придти вечером. Пойду. Пойду и сегодня, и завтра, и в воскресенье – возьму последнее, что можно взять, а потом 2 недели не буду ходить и буду стараться не думать. – Сегодня при мне приехала Лидия Петр.[3] М. взяла ее обеими руками за лицо и поцеловала. Я не выношу, когда она обнимает или целует кого-нибудь. Она опять была с косой и опять смотрела на меня. Я должен бежать от этих взглядов. Как все это глупо! Неужели я обращусь в молчаливого вздыхателя, который смотрит на свой «предмет» взором умирающей лани? Глупо и скверно!

---

[1] См. прим. 2 на стр. 24.

[2] Варвара Петровна Гольденвейзер (урожд. Щекотихина; 1848–1898) – мать А.Б., Т.Б., М.Б. и Н.Б. Гольденвейзеров.

[3] Щекотихина Лидия Петровна, тетя Гольденвейзеров: «Младшая из сестер, Лидия Петровна, училась в женской классической гимназии Фишер в Москве, по окончании которой получила место учительницы в Орловской гимназии. В Орле она и прожила несколько лет вместе со своей матерью, Александрой Васильевной – мой бабушкой. Жили они там до самой смерти бабушки, после чего тетя Лидия переехала в Москву и служила в разных учреждениях. В молодые годы тетя Лидия заболела психическим расстройством и несколько месяцев лечилась в психиатрической клинике в Москве. У нее был впоследствии (уже в Москве) несчастный роман, в результате которого родился сын Коля, талантливый юноша, но очень беспутный. В качестве искусствоведа он работал в разных городах России. В годы гражданской войны и голода тетя Лидия с сыном попали в Харьков; оба заболели там сыпным тифом. Когда Коля выздоровел и вышел из больницы, матери он нигде не нашел – очевидно, она умерла в больнице» (*Гольденвейзер А.Б.* Воспоминания. С. 29).

12 февраля. Воскр. 1 ч. ночи.

Только что вернулся от них. Ты хочешь знать, тетрадь, нет ли новостей? Нет, милая тетрадь! Она все так же хороша и равнодушна, все так же все понимает. Когда я подавал ей руку, прощаясь перед уходом, – я поднял глаза, и наши взгляды встретились; одно мгновение, но взгляд долгий, глубокий, ласковый; я унес его на прощание – на долгую разлуку – на две недели.

Действительно, как она хороша! Особенно, серьезная, слушая разговор или музыку, и больше всего – когда смутится и заалеется. Лучше всего – глаза, особенно когда смотрят ласково. Этот взгляд точно переворачивает во мне сердце; тогда я сейчас отвожу взор. Теперь – две недели! Бесконечное время! Это будет 26 февраля; тогда я пойду рано, часов в 7. Потом, в следующий раз, пойду 10 марта, в день ее рождения. Это будет, кажется, в пятницу. Ей будет 22 года. Следовательно она родилась 10 марта 1873 года. Надо ходить пореже, как можно реже; может быть верну спокойствие и способность работать. Так, как теперь, – не хорошо. Может быть самая работа даст возможность забыть. Надо задушить это чувство, от него не будет добра. В жизни есть высокие задачи, выше личного чувства; ради них и при помощи их надо бороться. На днях в газете было известие о самоубийстве какого-то молодого человека, телеграфиста, где-то на юге, в захолустье[1]. Он оставил записку квартирной хозяйке; я запомнил всю от слова до слова: «Прощайте, милая хозяюшка! Простите за беспокойство: это в последний раз. На балу я встретил свою баловницу. Она была чудно-хороша, но только не для меня. Жизнь прекрасна, но не скучная и одинокая». В этих словах – какая грустная скука одиночества, какая тоска безнадежной любви! Бедный телеграфист, как мне жаль тебя и как я завидую тебе! Говорят, что под влиянием любви расцветает сердце; вот сердце, увядшее в любви.

18 февр. Субб. 12 час. веч.

Я был у них, и не сожалею. Она была в черном платье – моем любимом; оно удивительно идет к ней. Какая она умница! Я сказал между прочим, что женщину создали поэты, и что они сделали ее привлекательной для нас не столько даже теми прелестями, которыми наделили их, сколько прелестью недостатков, которые в них нашли. Она ответила: но поэтов создала женщина. Это было прелесть как хорошо.

---

[1] В газетах, которые обычно читал Гершензон («Московские ведомости» и «Русские ведомости»), этого сообщения не обнаружено.

Все эти дни сидел дома и много читал. Теперь, в эту минуту, я чувствую в себе огромную силу; я был бы способен теперь пойти к ней и смело сказать ей, что люблю ее, и был бы способен бросить в лицо этим узким и затхлым либералам железный стих, дерзкий, молодой, слово, полное свежести и силы, какие я чувствую в себе. Мой час придет; я скажу людям свежее, молодое слово, скажу им, как хороша жизнь, потому что они забыли это, и скажу им, что одна есть дорога – к свету, одна цель – счастье всех и наслаждение этой красотой. Я слишком отличен от них, слишком свеж сравнительно с ними – я не могу ошибиться в этом. Я между ними, как полудикий германец в изнеженном, рафинированном Риме времен империи. Драму, драму – вот что мне нужно! Я должен написать драму и вложить в нее всю мою страстность, весь трагизм моего духа. Она должна могучей рукой схватить их дряблые, сонные сердца и увлечь за собой, чтобы они не успели опомниться. Страсти – вот чего им недостает, а в ком есть – та дремлет. Когда жизнь не будит страсти, это должен сделать поэт, чтобы люди не разучились ей – иначе они забудут богов Греции. Им надо показать всю красоту жизни – в любви, в глубоком взоре девушки, во всей прелести ее души и тела, в ее ласке – ее, моей Маруси, и весь ужас темы – в страдании, всю силу человека – в борьбе. Им снова нужны «Разбойники» или «Фиеско»[1], но только бешеную пьесу, где каждый стих – как удар бича. И я должен добиться славы, чтобы принести ее к ее ногам – тогда она будет моя. Я покорю ее, а не вымолю ее любовь.

Мне снилось, что я целовал ее в уста и в веки полузакрытых глаз и держал ее руку в своей руке, держал ее мягкую руку, и целовал, и не мог оторваться. Потом я смотрел в ее глубокие глаза и страдал от счастия. Где мне взять эту мягкую руку, чтобы держать ее в своей руке, эти уста, эти глаза с мягким и ласкающим взором, это дивное лицо и эту ласку, нужную и безумно-страстную? Она будет моей – иначе не может быть!

В решенье жизненных вопросов
Я погрузился с головой.
Не только вы – я сам, поверьте,
Не узнаю себя порой.
Утратив разум и покой,
То жить хочу, то жажду смерти,
То занимаюсь до утра,
То целый день брожу без дела.
Одна владеет мной всецело
Неизмеримая хандра.

[1] Драмы Шиллера – «Разбойники» и «Заговор Фиеско в Генуе».

25 февр. Суббота 12 час. веч.

Давно не писал. Что делал это время? Почти безвыходно сидел дома и занимался. Читал Лампрехта[1] и переводил Бентама[2]. Это полезно, хотя по временам было скучно и находила тоска. За то бодрость духа, исхудавшая и побледневшая мысль поправилась и окрепла. Если бы изо дня в день хорошо работать, какое бодрое настроение и как много сильных мыслей! Нигде не был в гостях, и не написал ни одного стиха.

26 февр. Воск. 12 ч. ночи.

Сегодня рождение Шуры[3]. Был у них. Не знаю, так ли обыкновенно ревнуют, но я боюсь мысли не то, чтобы она полюбила другого, но чтобы другой влюбился в нее.

6 марта. Понед. 12 ч. ночи.

Все то же. Третьего дня прошел с М. от их дома до Гигиенической лаборатории[4] и обратно. В первый раз так долго разговаривали наедине. Нет, она не знает, но догадывается, то верит, то не верит. Говорили о ее писательстве[5]. Я честно сказал ей свое мнение. Когда я просил ее не сворачивать в переулки, а пойти по Тверскому бульвару – тут я прибавил: мне так редко случается говорить с вами – она покраснела и сказала: со мной едва ли интересно разговаривать; я не умею говорить. При прощании опять так ласково смотрела в глаза и крепко пожала руку.

---

[1] Немецкий историк Карл Лампрехт (1856–1915).

[2] Гершензон в это время работал над переводом Давида Юма (1711–1776) и Иеремии Бентама (1748–1832) для объединенного издания их трудов, подготавливаемого издательством К.Т. Солдатенкова: *Юм Д.* Опыты. *Иеремия Бентам.* Принципы законодательства. – О влиянии условий времени и места на законодательства. – Руководство по политической экономии. Пер. М.О. Гершензона. М., 1896 (Библиотека экономистов. Вып. 5).

[3] А.Б. Гольденвейзер.

[4] Гигиеническая лаборатория Московского университета располагалась среди комплекса зданий медицинского факультета на Девичьем поле.

[5] В архиве сохранилось значительное число прозаических опытов М.Б. Гольденвейзер, условно датируемых 1890-ми годами: рассказы «Дед Иван», «Репетитор», «Дневник Зобеиды», «Дневник скучающего человека» и пр. (см.: РГБ. Ф. 746. Карт. 46. Ед. хр. 2–8). Единственная известная публикация беллетристического произведения М.Б. состоялась только в 1917 г.: Призывы // Русская мысль. 1917. I паг. С. 221–240; подп.: М. Ге.

Как вы могли так верно угадать
Мои мечты и тайные волненья,
Тоску, и страх, и робкие надежды,
И то, чем я питаю грусть мою,
Чем ум больной всечасно я ласкаю?
Как часто, одинокий, я сижу,
Забыв о книге, полный светлых чувств
И грустных дум; Ваш образ предо мною
Стоит, как наяву; в воображеньи
Я вижу ясный взор, и лоб открытый,
И длинные ресницы, и уста.
Как сладкую отраву, этот взор
Я пью мечтой, не насыщая сердца,
И долго жду, чтоб милые уста,
Склонясь к моей мольбе, заговорили.
Я вижу вас так близко. Слов безумных,
Мне кажется, до вас доходит звук.
Я говорю вам в мыслях, как свиданья
Я жадно жду, как нежно вас люблю,
Я вас зову, – без слов, но так мятежно
И пламенно, с такой глубокой страстью,
Что вдруг средь тишины мои уста
Невольно ваше имя произносят.
Как странен он, давно знакомый звук!
Как мил он мне! Как слух лелеет нежно!
Вполголоса смущенный и счастливый,
Я вновь твержу пленительное имя,
И слушаю, как в чуткой тишине
Звучит, дрожа, мой робкий зов: «Маруся!»
Таких минут страданье и блаженство
Как, не любя, постигнуть вы могли?[1]

16 марта, четв. 1 ч. ночи.

Из симфонического. Играли 9-ую симфонию Бетховена. Как будто целое событие в жизни[2]. И тут Маруся. Какая она была краси-

[1] Это стихотворение (оставив пробел на месте имени «Маруся» и прибавив: «Вставьте имя: Вы знаете его. Этих стихов никому не показывайте») автор послал его вдохновительнице летом 1895 г. (РГБ. Ф. 746. Карт. 21. Ед. хр. 12. Л. 9).

[2] Два дня спустя Гершензон писал родным: «В четверг я случайно был в симфонич[еском] концерте: младший Гольденв[ейзер] аккомпанировал

вая строгой красотой в своем черном платье! Раскраснелась от жары. В субботу увижу у Гиршбергов. Она меня несомненно не любит; зачем же она так смотрит? Я ей нравлюсь или симпатичен – это верно; она сама хотела бы быть со мною ближе, но не может отчасти потому, что знает, что я люблю ее, отчасти по своему характеру, отчасти потому, что ее стесняет сестра. Да, Т. Б. сильно стесняет ее, и присутствием, а главное – самостоятельностью характера.

21 апр., пятн. 11 час. веч.

К чему слова? Рассудку непослушный,
Тебе вслед все сказал мой взор,
И я давно прочел свой приговор
В твоих очах; в улыбке равнодушной, –
К чему ж напрасный разговор?

И то, что в сердце мы таим глубоко,
Что взором мы друг другу говорим, –
Едва ли мы в словах передадим:
Я слишком горд и нелюдим, –
Я знаю: ты не так жестока.

28 апр. Пятн. 11 час. веч.

Любить – и женщине любимой
Не сметь свою поведать страсть,
И в час тоски неодолимой
Не сметь к ногам ее упасть,
Не сметь любимой девы руки
На миг к устам своим прижать,
Любить, томиться, и не знать,
Любим ли ты, – какие муки!

4 мая. Четв. 6 ч. дня.

Кто, любя, не ждал награды,
Без надежды жил,
Кто любил, любовь скрывая,
Только тот любил.
Только тот познал отраду
Вдохновенных грез,

и ему дали контрамарку. Исполнили только 3 пьесы, все Бетховена: Леонору, скрипичный концерт и 9-ую симфонию. Последняя так сильно подействовала на меня, точно событие в жизни; вчера я весь день был расстроен» (РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 9. Л. 45 об.).

Прелесть грусти сокровенной,
Сладость тайных слез.
Только тот, всю жизнь лелея
Первую любовь,
Не забудет до могилы,
Не полюбит вновь.

7 мая. Воскр. 12 час. веч.

На этой неделе я бывал у них ежедневно. Сегодня встретил их на бульваре, погулял с ними, потом зашел – выпил стакан чаю и в начале 10-го ушел. Она была нездорова и бледна; на обратном пути мы шли вместе и разговаривали. Ее лицо покрылось румянцем; она была так хороша и мила, что я был, так сказать, тронут. Я знаю, что нравлюсь ей теперь больше, чем когда-нибудь, и что она часто думает обо мне. Что она ответила бы мне? А она наверное уже приготовила ответ – ведь она знает.

В мыслях я всегда зову ее: дитя. В ней действительно так много детского, и когда она дурачится, как маленькая девочка, я совсем теряю голову. Иногда, при ней, на меня хлынет такая волна нежности, что я едва сдерживаюсь.

Когда она подает мне руку на прощание, мне так не хочется выпустить эту мягкую, теплую, милую руку! Она редко пожимает мою руку, но когда бывает недовольна мной, тот тотчас отнимает ее, а иногда, особенно в последнее время, не отнимает. Ей, может быть, жаль меня, едва ли она меня любит, но, кажется, ей приятно, когда я прихожу.

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ 1906–1907 г.

Это чувство проходит три ступени: сначала без мысли острая боль зависти к чужому успеху, потом я говорю себе: ну что ж, он талантливее меня, я такой от природы, очень жаль, но разве я виноват; и затем я начинаю думать о больших и меньших талантах, и вдруг у меня сердце сжимается: позади всяких талантов я чувствую простую ценность человека, – и это – третья ступень; я сознаю, я знаю, что в деле вечных судеб и назначений человек стоит один, нагой, равноценный, все равно – Шекспир или человеческая песчинка какая-нибудь, какой-нибудь сарт, который сейчас едет бездумно мурлыча, низко свесив босые ноги по обоим бокам лошака.

Размышляя о смысле жизни, при помощи науки и мистической теории, развиваешь целую сложную систему, которая уже начинает удовлетворять, – но затем все сразу рушится, как только я трезво взгляну на дело. Я твердо знаю: смысл моей жизни не может быть иным, чем смысл жизни всего существующего. Вот Зорька[1] поймала муху и, раскусив ее, выбросила изо рта: я ничего не пойму, пока не пойму судьбу этой мухи. Ее смерть в своей незаметности еще поразительнее, чем обставленная такой внешней значительностью смерть человека. Но в сущности оба тождественны.

Чтобы правильно во всем объеме почувствовать вопрос своей жизни, я должен обнажить себя и вообразить себя затерянным в веках, песчинкой в пустыне, каким-нибудь киргизом, которого путешественник фотографировал лет сорок назад. Наши декорации – вся эта обстановка, профессия, успехи, симпатии – все это скрадывает остроту нашего истинного положения. Теперь я понимаю, почему я еще с ранней молодости жадно смотрел на изображения таких затерянных в пустыне человеческих песчинок, какого-нибудь дикаря в книге путешественника, и испытывал при этом такое глубокое и сладкое волнение, сам не понимая, почему: я тут подходил к самому существу жизни, я чувствовал дыхание вечности, так, как если приближаешься к морю и уже видишь издали его ширь и слышишь его дыхание. Это самое чувство – я назвал бы его космическим волнением – я испытываю теперь минутами, глядя на ворону, на фотографию какого-нибудь животного, вспоминая какой-нибудь горный ручеек в Альпах, неумолчно журчащий днем и ночью доныне. Это – глубокое инстинктивное чувство общности наших судеб.

Странно вот что: я непреложно ощущаю, что слава имеет органическую связь со смыслом бытия, что это – вещи одного порядка; мало того, я твердо знаю, что жгучую жажду понимания этого смысла может утолить только слава. Я здесь ничего не понимаю, да и не стараюсь понять, потому что это слишком глубоко для мысли, – она не достанет.

Мне 37 лет, а я все еще, как мальчик, сижу в этих вопросах, и мне страшно, что я так далек от положительного и так непохож на людей. Хочется ведь немного счастия.

Счастье, счастье! Может быть, если бы я его больше имел, не так бы мучил меня и тот вопрос.

---

[1] Собака Гершензона, черный шотландский сеттер.

Прекрасный день жизни перешел для меня за половину, а я и не увидел, как минули утро и полдень. Припоминаю – и не вспомню ни радостей безмятежных, ни часов уютного покоя. Все угловато и случайно в моем прошлом; я был как щепка на волнах и жил смутно, не озирая своего жизненного пути на далекое расстояние ни вперед, ни назад, а шел, повинуясь дороге – глядя под ноги.

Но прошлого мне жаль только сердцем, не умом. В прошлом мне жаль только самого себя, а не человека; мне больно вспомнить часы страданий и безрадостные месяцы и годы, которые я прожил, мне горько, что благодаря этому прошлому я стал таким, каков есть – согнутый и некрасивый. Но для прошлого мне смысла не надо, не надо цели; для прошлого мне довольно причинности. Во мне живет неискоренимое сознание безусловной необходимости всего совершившегося; ретроспективно я в полном смысле слова фаталист; невозможно больше меня преклоняться пред судьбою.

Другое дело – будущее и все: тут мне мучительно даже подумать о фатализме; тут все во мне требует смысла и цели. Закон достаточного основания, совершенно удовлетворяющий меня в прошлом, возмущает меня в будущем, и, я думаю, это оттого, что мы – волевые существа, а для воли прошлое не существует; она вся обращена к будущему и в нем не хочет ни с кем делить власть.

Нам нужно решить очевидно два отдельных вопроса. Во-первых, нам нужно уяснить свое место в вечности или, как принято говорить, свое отношение к Богу. Во-вторых, нам нужно выработать какие-нибудь рациональные способы к установлению на земле справедливости, т.е. к решению социальной задачи, ибо зло и горе царят по всей земле. Но вот что мне кажется: эти два вопроса должны решаться отдельно друг от друга, потому что они и лежат в разных плоскостях: первый – в метафизической, второй – в материальной. Первый решается муками отдельных душ, второй – распространением знания и гуманных идей, законодательным почином и т.п.

Но между обоими вопросами бесспорно есть связь, – она в той общей почве, на которой произрастает все человеческое: в психике самого человека. Как хорошо и успешно работать может только тот мастеровой, который вышел на работу здоровый и бодрый, так и общество лишь тогда водворит разумный строй, когда [на этом фрагмент обрывается]

Литература

Антощенко А.В. Диссертации П.Г. Виноградова // Мир историка. Историографический сборник. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2000. Вып. 6. С. 85–120.

Гершензон М.О. Кризис современной культуры / Публ. В. Проскуриной и В. Аллоя // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 11. С. 232–248.

Гершензон-Чегодаева Н.М. Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона). М.: Захаров, 2000. 286 с.

Гольденвейзер А.Б. Воспоминания / Сост. Е.И. Гольденвейзер, А.С. Скрябин, А.Ю. Николаева. М.: ДЕКА-ВС, 2009. 560 с.

Наставник: Александр Гольденвейзер глазами современников / Ред.-сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 518 с.

References

Antoshchenko A.V. Dissertatsii P.G. Vinogradova [Theses PG Vinogradov]. *Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik* [World historian. Historiographical collection]. Vyp. 6. Omsk, Publishing house of the Omsk State Univ., 2000, pp. 85–120. (In Russ.)

Gershenzon M. O. Krizis sovremennoi kul'tury [The crisis of contemporary culture], publ. V. Proskurinoi i V. Alloia. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh* [The Past. Historical Almanac], 1992, t. 11, pp. 232–248. (In Russ.)

Gershenzon-Chegodaeva N.M. *Pervye shagi zhiznennogo puti (vospominaniia docheri Mikhaila Gershenzona)* [The first steps of the life path (daughter of Michael Gershenson memories)]. Moscow, Zakharov Publ., 2000. 286 p. (In Russ.)

Gol'denveizer A.B. *Vospominaniia* [Memories], sost. E.I. Gol'denveizer , A.S. Skriabin, A.Iu. Nikolaeva. Moscow, DEKA-VS Publ., 2009. 560 p. (In Russ.)

Nastavnik: Aleksandr Gol'denveizer glazami sovremennikov [Tutor: Alexander Goldenveizer through the eyes of his contemporaries], red.-sost. S.Ia. Levit. Moscow; Saint-Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaia kniga Publ., 2014. 518 p. (In Russ.)

From Mikhail Gershenzon's Diary (1894–1895, 1906/1907)

Alexander Sobolev

Abstract: Fragments of the early diaries by Mihkail Gershenzon (1869–1925), a writer and a historian, from his personal fund in the Collection of Manuscripts of the Russian State Library are published for the first time. The diary

of 1894–1895 reports his literary work, regular history studies, conversations with his tutor Prof. Pavel Vinogradov, the death of Alexander III, gives an idea of Moscow stage and musical life. The main topic of the diary is Gershenzon's musing on his feelings to Maria Goldenweiser (who later becomes his wife), a sister of his University school-fellow; the diary contains poems devoted to her. Gershenzon plans his studies in the XIXth century Russian literary history and social life, puts down his thoughts about the role of an individuality in the course of history and historical progress (a fragment of *Diary of the Madman*). The entry of 1906 (or, probably, 1907) is dedicated to existential and social musings over ones' mission in life.

Keywords: Mikhail Gershenzon, diary, Maria Goldenweiser, Gershenzon's poems, literary life at the turn of the XIXth – early XXth century.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-41-82
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Письма З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову

Н.А. Богомолов

Аннотация: Публикация полного корпуса сохранившихся писем З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову (1903, 1915–1916) дает богатый материал для определения литературных позиций корреспондентов в годы Первой мировой войны, во многом обусловивших и отношение обоих к революции 1917 года. В 1915 г. чета Мережковских попыталась сблизиться с сотрудником многих предреволюционных периодических изданий А.И. Тиняковым, предполагая обрести в нем если не полного сомышленника, то близкого по духу публициста, которого можно использовать в различных целях: доверять ему рецензировать свои произведения, задавать темы для обсуждения, чтобы затем можно было в полемике реализовать свои собственные устремления, обретать союзника в различных газетных и журнальных предприятиях. Попытка сближения не увенчалась успехом и очень скоро привела к полному разрыву. Письма проясняют некоторые моменты литературных отношений не только Гиппиус и Тинякова, но и других писателей. Письма к А.И. Тинякову – один из разделов готовящегося в серии «Литературное наследство» тома «Из эпистолярного наследия З.Н. Гиппиус».

Ключевые слова: Зинаида Гиппиус, Александр Тиняков, письма писателей, эпистолярий, русская литература начала XX века

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н, профессор МГУ, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Письма Зинаиды Гиппиус к А.И. Тинякову это тот (впрочем, нередкий) случай, когда односторонняя корреспонденция позволяет больше узнать не о ее авторе, а об адресате. Учитывая неполноту сегодняшних сведений о личности и судьбе Тинякова, это обстоятельство является особенно ценным. Характерная фигура своей эпохи, при жизни он был отодвинут на задний план литературы, потом на десятилетия забыт, даже дата смерти была долгое время неизвестна. При том что в 1990-е годы интерес к Тинякову стал достаточно заметным, все же представляется небесполезным напомнить его биографию.

Александр Иванович Тиняков родился 13 (25) ноября 1886 г. в селе Богородицкое Мценского уезда Орловской губернии. Происходил из семьи разбогатевших крестьян (дед уже к концу 1860-х гг. был владельцем имения). Учился в Орловской гимназии, однако курса не окончил, покинув ее в 1903 г. После этого он весьма усиленно занимался самообразованием, что в итоге привело к накоплению внушительно выглядевшей, хотя весьма беспорядочной эрудиции. Гимназическим учителем литературы у Тинякова был довольно известный литератор Ф.Д. Крюков, которому упорно приписывался прототекст «Тихого Дона» [1]. Уже в школьные годы он проявлял значительный интерес к литературе, в 1902–1904 гг. был одним из основных авторов издававшихся в гимназии рукописных журналов «Школьные досуги»[2] и «Лучи зари»[3], а осенью 1903 г. дебютировал в печати[4], избрав себе поэтический псевдоним «Одинокий».

Раннее творчество Тинякова развивалось параллельно по двум направлениям: с одной стороны, вполне традиционные стихи и проза, нередко с «гражданским» оттенком, которые он публиковал в «Орловском вестнике», с другой – «декадентские». Как показывают письма к Гиппиус, еще до первой своей газетной публикации он уже обращал ся в «Новый путь» с предложением стихов, и хотя потерпел неудачу, надежды все же не оставляли его. В декабре 1903 г. Тиняков едет в Москву, где по рекомендации Крюкова знакомится с А.С. Серафимовичем и Л.Н. Андреевым, но гораздо большее впечатление на него производит посещение издательства «Скорпион» и встреча с В.Я. Брюсовым, ставшим, как писал Тиняков, «моим литературным

---

[1] Их переписка: РГБ. Ф. 645. Карт. 5. Ед. хр. 59 (письма Тинякова); РНБ. Ф. 774. № 22 (письма Крюкова). Вполне фантастическая гипотеза об их отношениях высказана в ст.: *Краснова Нина*. Федор Крюков и Александр Тиняков // Наша улица. 2006. № 2. С. 13–25.

[2] Гос. музей И.С. Тургенева в Орле; см.: *Еремин А.И.*, *Жукова Ю.В.* Рукописный журнал орловских гимназистов начала XX века «Школьные досуги» (Источниковедческий обзор) // Образование и общество. 2005. № 1 (30) январь–февраль. С. 113–120 [Электронный ресурс]. URL: // http://www.jeducation.ru/1_2005/113.html)

[3] Экземпляр журнала неизвестен; оглавление вышедших номеров 1903–1904 гг. см.: *Тиняков А.И.* Стихотворения / Изд. подгот. Н.А. Богомолов / 2-е изд. Томск; М.: Водолей, 2002. С. 320–322. (далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Тиняков*).

[4] Одинокий. Последняя песня // Орловский вестник. 1903. 14 сентября. № 244. С. 2.

учителем и предметом моего поклонения»[1]. Как раз в это время в Москве шла ожесточенная борьба между «Скорпионом» и «Грифом», причем Брюсов настаивал, чтобы те, кто собирается печататься в «Скорпионе», не смели и думать о «Грифе». К себе в «Скорпион» он Тинякова не взял, но предложил ему строить жизнь по образцу символистского жизнетворчества. Через год с небольшим, 31 января 1905 г. Тиняков написал ему: «В декабре [1]903 г. Вы, прочитав мои стихи, сказали, что я – “не безнадежен”... За год, прошедший с того времени, я почти ничего не печатал, но я много жил, много брал от жизни и много своих чувств и дум положил на ее алтарь. Я – то разъезжал по России в качестве революционного деятеля; то сжигал себя на молитвенном огне Сладострастия и любви к Женщинам; то кружился в вихре бешеных дней отчаянного пьянства; то бросал все и всех и среди бесконечных деревенских равнин прислушивался, как лед Одиночества окутывал мою душу, как голос безграничного Безмолвия и Безлюдия сладостной болью терзал мое сердце, – а потом опять бросался в Море Жизни с надеждой, что мне удастся забыть о тоске, которая всегда томит меня и властно зовет меня куда-то...»[2]. Стихи же его «декадентского» толка впервые публикуются в альманахе «Гриф» (М., 1904), издатель которого С. Кречетов охотно поддержал начинающего писателя[3].

В 1905 г. Тиняков завязывает какие-то сношения с социал-демократами, в апреле 1906 г., как следует из помет под стихами, находился в Орловской тюрьме. Однако вскоре разочаровался в революции и демонстративно публиковал верноподданнические стихи и антисемитские статьи в правой газете «Орловская речь», продолжая в то же время писать и «революционные» стихи. Во второй половине 1900-х годов чаще всего он сотрудничает с мелкими московскими изданиями (газеты «Вечерняя почта», «Час», журналы «Трудовой путь», «Голос жизни») и лишь эпизодически печатается в «Весах», «Перевале», «Золотом руне». Многочисленные стихи, присылаемые им в символистские издания, как правило, отвергались. Однако круг знакомств Тинякова теперь составляют молодые московские писатели-символисты: известно о его близких отношениях с Н.И. Петров-

[1] *Тиняков А.И.* Отрывки из моей биографии // Тиняков. С. 14. Его воспоминания о Брюсове опубликованы: Последние новости [Пг.]. 1923. 17 декабря; переписка хранится: РГБ. Ф. 386. Карт. 104. Ед. хр. 47–48 (письма Тинякова); РНБ. Ф. 774. № 5 (письма Брюсова).

[2] РГБ. Ф. 386. Карт. 104. Ед. хр. 47. Л. 1.

[3] Его письма к Тинякову – РНБ. Ф. 774. № 39.

ской, сохранилась переписка с В.Ф. Ходасевичем[1], Б.А. Садовским, Л.Н. Столицей, С.А. Клычковым. В 1912 г., после долгих раздумий, он выпустил в издательстве «Гриф» книгу стихов «Navis nigra», довольно единодушно оцененную критикой как эпигонскую[2]. Брюсов не откликнулся на выход книги (на что Тиняков жестоко обиделся), но в письме так оценил первый, составленный еще в 1910 г., вариант сборника: «Среди Ваших стихотворений, собранных Вами в ”Черном корабле”, есть несколько очень удачных. Два основных Ваших недостатка: пристрастие к хитрым рифмам и пристрастие к слишком страшным темам. От того и от другого освободиться можно. Два основных достоинства Ваших стихов: ясность, четкость образов и мелодичность стиха. Эти свои впечатления перескажу Вам подробнее при встрече»[3].

В воспоминаниях о Тинякове, вошедших в очерк «Неудачники», Ходасевич писал о том, что больше всего автора оскорбило умеренное внимание критики: «...спокойного доброжелательства, дружеских ободрений, советов работать Одинокий не вынес. В душе он ожесточился»[4]. Дополнительной обидой был коммерческий провал книги: ее напечатал «Гриф», но целиком за деньги автора (точнее, его отца). Из 900 экземпляров за год книжные магазины продали

---

[1] Письма Ходасевича опубликованы Ю. Колкером: Континент. 1986. № 50. С. 353–370; письма Тинякова – РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 85.

[2] Приведем фрагменты некоторых особенно выразительных отзывов. Так, Н. Гумилев, писал: Тиняков – «ученик Брюсова, но как прав был Андрей Белый, говоря, что брюсовские доспехи раздавят хилых интеллигентов, пожелавших их надеть. Тиняков – один из раздавленных» (*Гумилев Н.* Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 120; впервые: Аполлон. 1912. № 10. С. 75); «...совершенно порабощающее влияние имеет на него В. Брюсов» (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 2010. Т. 2. С. 138; впервые: Альциона. М., 1914. С. 208; ср. его другую рецензию: Там же. С. 85; впервые – Утро России. 1912. 24 ноября. № 271. С. 6 (Ходасевич писал, что редакционными купюрами ее тональность была искажена; см.: *Ходасевич В.* Некрополь: Воспоминания; Литература и власть; Письма Б.А. Садовскому. М., 1996. С. 330–331). Другие рецензии, иногда более снисходительные и даже хвалебные, см.: *Бальмонт К.* Молодой талант // Утро России. 1913. 24 августа; *Чуносов М. [И.И. Ясинский]* // Новое слово, 1912. № 12. С. 155–156; *Городецкий С.* // Речь. 1912. 5 ноября. № 304. С. 3; *Мешков Н.М.* Новые сборники стихов // Путь. 1913. № 1. С. 53–55; *Гиппиус Вл.В.* // Новый журнал для всех. 1912. № 12. С. 131; *Печерский Эр.* «Палач» (Из случайных встреч) // Раннее утро. 1913. 9 января. № 7. С. 2.

[3] Письмо от 24 мая 1910 // РНБ. Ф. 774. № 5. Л.

[4] *Ходасевич В.* Колеблемый треножник. М., 1991. С. 444 (впервые: Возрождение.1935. 10 января. № 3508. С. 4; 12 января. № 3510. С. 3).

всего 75. Но все же и такое выступление давало основания для обретения некоторой известности в литературных кругах: сборник был выпущен статусным издательством, внешним оформлением походил на книги признанных поэтов (например, на «Урну» Андрея Белого), его отметили столичные издания, хотя и не слишком хвалили. Но уже это давало основания составить о нем представление, зафиксированное путаными воспоминаниями Георгия Иванова: «...в свое время их [стихи Тинякова] печатали в лучших журналах и критика лестно о них отзывалась. Кстати, московское книгоиздательство “Гриф” издало книгу его стихов одновременно с книгой другого начинающего поэта... Блока»[1]. И в другом месте: «Ученейший человек, э... э... э... светлая голова. Мы специально его пригласили в будущую субботу. Он нам прочтет доклад об ассирийских мифах – он ведь знаток э... э... э... и ассириологии. Удивительная разносторонность»[2].

Именно с такой репутацией Тиняков в 1912 году перебрался в Петербург. Хорошо знавший его В.Ф. Ходасевич так писал Б.А. Садовскому 22 апреля 1916 г.: «Тиняков – паразит, не в бранном, а в точном смысле слова. [...] На моем веку он обвивался вокруг Нины Петровской, Брюсова, Сологуба, Чацкиной, Мережковских и, вероятно, еще разных лиц. Прибавим сюда и нас с Вами. Он был эс-эром, когда я с ним познакомился, в начале 1905 г. Потом был правым по Брюсову, потом черносотенцем, потом благородным прогрессистом, потом опять черносотенцем (уход из ”Северных записок”), потом кадетом (”Речь”). Кто же он? Да никто. Он нуль. Он принимает окраску окружающей среды. [...] Он все-таки типичный русский интеллигент из пропойц (или пропойца из интеллигентов). В нем много хорошего и довольно плохого. Грешит и кается, кается и грешит»[3]. К списку тех, с кем Тиняков рассчитывал войти в дружеские отношения, можно было бы добавить А.А. Ахматову и Н.С. Гумилева, Игоря-Северянина, А.А. Кондратьева, Г.В. Иванова и др. В столице было проще

[1] *Иванов Георгий*. Соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 391 (очерк «Александр Иванович»). Напомним, что «Стихи о Прекрасной Даме» Блока были действительно изданы «Грифом», но семью годами ранее – в 1905 г.

[2] Там же. С. 404 (очерк «Человек в рединготе»). О тиняковских познаниях в ассириологии см.: *Емельянов Владимир*. Знал ли Александр Иванович халдейский язык? (Об источниках стихотворения А. Тинякова «Тукульти-палешарра») // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикирко) Ленинградской обл., 2010. С. 109-120.

[3] *Ходасевич В.* Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому, М., 1996. С. 355; ср. там же комм. И. Андреевой, с. 413–20.

найти и разнообразную литературную работу. Его имя мы встречаем в журналах «Северные записки», «Новый журнал для всех», «Голос жизни», «Дневники писателей», «Ежемесячный журнал», «Исторический вестник» и других, а также в газетах, начиная с респектабельных «Дня» и «Речи».

В 1913 г. под псевдонимом Александр Куликовский он поместил две статьи в черносотенной газете «Земщина» (4 и 28 октября), получившие одобрение авторитетных черносотенцев. Так, знаменитый Б.В. Никольский записал в дневнике о торжественном обеде 8 ноября 1913 г.: «Здравица за Государя, за героев киевского процесса [т.е. "дела Бейлиса"], новое стихотворение Ивана Пересветова, розданное гостям, статья Тинякова (Александра Куликовского) в "Земщине"...» [1]. В марте 1916 г. Б.А. Садовской опубликовал стихотворный фельетон «Литературные типы. История одинокого человека» [2], положивший начало кампании осуждения Тинякова, который сам подлил масла в огонь, напечатав через номер в том же популярном «Журнале журналов» скандальную статью «Исповедь антисемита», вызвавшую оживленную полемику в прессе [3]. Часть литераторов и журналистов прервала с Тиняковым отношения, запомнив скандал на долгие годы (см. обмен письмами между Тиняковым и В.В. Князевым уже в 1921 году [4]). После того, как выяснилась невозможность сотрудничества в сколько-нибудь респектабельных газетах, Тиняков снова стал печататься в «Земщине» [5], которая, однако, тоже не выдержала долго его сотрудничества. Не удалось ему издать и вторую книгу стихов, задуманную еще в 1910 г. и тогда именовавшуюся «Поругание любви и

---

[1] РГИА. Ф. 1006. Д. 46. Л. 326 об.–327.

[2] Журнал журналов. 1916, № 11. С. 14; подп. Б. Борисов. Перепечатано в кн.: Русская стихотворная сатира 1908-1917-х гг. Л., 1974. С. 457.

[3] Наиболее подробно она представлена в статье: *Варжапетян В.* «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 28–37 (далее – *Варжапетян*; ср. также: *Варжапетян В.* Хождение за Тиняковым // НГ-exlibris. 2016. 10 ноября). Из не включенных в этот обзор откликов назовем: *Андреев Л.* Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. 1916, 23 марта. Утр. вып. № 15468. С. 6; *Скептик*. Литературные нравы // Речь. 1916, 24 марта. № 82. С. 2; *Мельгунов С.* О современных литературных нравах, М., 1916, с. 44-45.

[4] ИРЛИ. Ф. 584. Ед. хр. 42; РНБ. Ф. 774, № 19.

[5] Письмо в редакцию // Земщина. 1916. 17 апреля. С. 3; Русские таланты и жидовские восторги // Земщина. 1916. 22 апреля. С. 2 (обе перепечатаны: *Варжапетян*. С. 32-33, 36).

веры». Новый вариант был оформлен в виде рукописи, судя по ряду косвенных признаков, в 1916 г. под заглавием «Весна в подполье»[1] и предлагался издательству М.Н. Семенова, вообще не очень охотно публиковавшему стихи. Отсутствие постоянной литературной работы, обостряемое хроническим алкоголизмом (Тиняков попадал в психиатрическую лечебницу и под арест за появление в пьяном виде в годы сухого закона), заставило его в примечательный день 25 октября 1917 г. покинуть Петроград и вернуться в Орел.

Практически подводя итог петербургскому этапу своей биографии, Тиняков писал А.М. Ремизову 14 мая 1916 г.: «Особенно несправедливо и грешно, когда меня презирают за мои ”политические” убеждения, потому что убеждения мои совсем по существу не политические, и весь я всегда вне политики, – безразлично – “состою” ли я в правых или в левых. Оглядываясь на 10-12-летие моей жизни, прислушиваясь к тому, что звучит во мне, я должен признать, что огромное место во мне занимают религиозные переживания (не убеждения, а переживания), с ними сплетаются очень сложные и по существу своему чистые художественные переживания, а рядом бушуют темные, низкие и злые страсти» [2].

С 1918 года Тиняков весьма активно участвовал в советских изданиях Орла, потом, после его взятия белыми войсками, – Казани и Чебоксар, преимущественно под псевдонимами Герасим Чудаков, Антип Хлыстов, Александр Орловский; писал публицистические статьи, агитационные стихи, время от времени – критические статьи, впоследствии составившие книгу «Пролетарская революция и буржуазная культура» (Казань, 1920; под псевдонимом Чудаков). В конце 1920 г. возвратился в Петроград, некоторое время жил в Доме искусств, что выразительно описал В.Ф. Ходасевич, сотрудничал в журнале «Красный балтиец», в газете «Красный Балтийский флот», в 1922-1924 гг. много печатался в петроградской газете «Последние новости» и в других периодических изданиях (вечерний выпуск «Красной газеты», «Жизнь искусства»). В 1922 г. выпустил книгу стихов «Треугольник», составил сборник статей о Тютчеве (Пг., 1922), в 1923 г. издал книгу «Русская литература и революция» (Орел), в которой обвинил всю русскую литературу в непонимании идеалов революции. Решительное неприятие в литературных кругах вызвала последняя книга стихов Тинякова «Ego sum qui sum» (Л., 1924).

---

[1] НИОР РГБ. Ф. 784. Карт. 27. Ед. хр. 24; опубликована: *Тиняков*.

[2] ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 264.; *Варжапетян*. С. 37.

О Тинякове этого времени вспоминают как о совершенно опустившемся человеке, готовом на любую подлость. Однако все же утверждения в мемуарах Ходасевича и Георгия Иванова о том, что он служил в ВЧК, вряд ли соответствуют действительности: журналистская работа не оставляла для этого времени, а если иметь в виду систематические запои, то и тем более.

Последнее из известных автобиографических свидетельств Тинякова завершается словами: «С 1926 г., ввиду отсутствия лит[ературной] работы, занимаюсь нищенством» [1]. По воспоминаниям современников, основным местом его промысла был угол Литейного и Невского пр. (или Литейный у книжного кооператива «Колос»), где он сидел с плакатом на груди: «Подайте бывшему поэту». В этом качестве Тиняков описан в «Повести о жизни» М.М. Зощенко. В еще большей степени беллетризован Одинокий в романе Д.Л. Быкова «Остромов, или Ученик чародея».

В 1930 г. был арестован не только за нищенство, с которым советские власти тогда боролись, но и за чтение антисоветских стихов. Два стихотворения такого рода [2] и выписки из дневника Тинякова, сохранившиеся в архиве карательных органов, были обнародованы Г.А. Моревым. В 1933 г. Тиняков вернулся в Ленинград и писал М. Зощенко: «Был я в лагерях, где мне жилось очень хорошо, но откуда меня, к сожалению, освободили досрочно; отбывал я затем конец срока, – на положении почти свободного гражданина, – в Саратове, где голодал и бедствовал невероятно» [3]. Выразительное описание его внешности за месяц до смерти находим в мемуарах: «Каждый день, под вечер, идя из улицы Чехова (облагороженный Эртелев переулок) по Надеждинской в булочную на Невском (Проспект 25-го Октября) за полкило хлеба (1 р. 25 коп.), я встречаю медленно двигающуюся посреди тротуара, опираясь на палочки выставленными вперед двумя руками, высокую фигуру в широкополой серой, мятой, старой фе-

[1] РНБ. Ф. 103. № 141.

[2] Одно из них («Чичерин растерян, и Сталин печален...») было опубликовано относительно давно (Митин журнал. 1999. № 57. С. 501), другое напечатано недавно (*Морев Глеб*. Стихи «бывшего поэта» // Другой гид (Париж), 2010, № 12. Приложение: Декабрьский сбор друзей. С. 72–73). Выписки из дневника (явно по интернет-публикации Г.А. Морева) см.: *Сенчин Роман*. Одинокий // Литературная Россия. 2011. 30 сентября. № 39. С. 3–5.

[3] *Котова Мария*. К истории отношений А. Тинякова и М. Зощенко // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикирко) Ленинградской обл., 2010. С. 122.

тровой шляпе и в светло-коричневой плисовой поношенной бекеше, с длинными седыми волосами и бородой, с воспаленным лицом – и все же сохраняющую оттенок старого интеллигента. Это – писатель Тиняков» [1]. Скончался он, как установил В. Варжапетян, в ленинградской больнице Жертв Революции 17 августа 1934 года и надолго был забыт всеми.

В последние годы жизни он продавал свой архив, который ухитрился сохранить, несмотря на все житейские испытания. В РГАЛИ находится коллекция различных документов, им собранная, а в РНБ – письма к нему. Среди них немало интересных, но едва ли не самые выразительные – письма З.Н. Гиппиус.

В приведенном выше отрывке из письма Ходасевича среди тех, к кому постоянно «прилипал» Тиняков, названы и Мережковские. Нам неизвестно точно, когда он с ними познакомился, однако еще в 1925 году вспоминал: «Виднейшие писатели интересовались мною. Одно время я был в очень хороших отношениях с Ф.К. Сологубом, затем еще ближе сошелся с Д.С. Мережковским и Зин. Н. Гиппиус, которую я и сейчас считаю самой замечательной и безусловно самой очаровательной личностью среди всех наших литераторов»[2]. Сохранившиеся письма начинаются, если не считать ответа из редакции «Нового пути», с 31 марта 1915 года, однако вполне очевидно, что приязненное знакомство произошло ранее. В появившемся 18 февраля этого года восьмом номере журнала «Голос жизни», действенное участие в котором принимал триумвират Мережковских и Философова (последний значился «ближайшим участником» выходившего без имени редактора журнала, а первые там печатались, начиная с первого же номера), появилась статья Тинякова «К переоценке ценностей», на которую в следующем номере отвечал А. Кр., то есть Антон Крайний – Зинаида Гиппиус. В письмах следов этой полемики обнаружить не удается, однако она весьма любопытна сама по себе.

В своей статье, уже названием отсылающей к Ницше (и действительно, его имя появится в тексте), Тиняков довольно неоригинально с точки зрения профессионала, но в то же время явно претендуя на новое слово в истории мировой культуры, говорил, что исконная задача России состоит не в том, чтобы перенять достижения западной

---

[1] *Энгельгардт Н.А.* Эпизоды моей жизни (Воспоминания) / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1998. Вып. 24. С. 10.

[2] *Тиняков А.* Отрывки из моей биографии. С. 15. Эпиграфом из З. Гиппиус сопровождается стихотворение Тинякова «Шудра» (1916).

цивилизации (в том смысле, в каком это слово употреблялось в начале XX века), а в отказе от нее и в желании сохранить те духовные ценности, которые в ней уцелели, погибнув или погибая в Европе. Вот какова его аргументация (возникающая из полемики с Ф. Сологубом): «...после монгольского ига на русские плечи упало новое иго, быть может, более опасное; именно: со времени Петра I руководящие классы русского общества слишком резко повернулись в сторону Запада, и в конце концов почти вся русская интеллигенция дошла до чрезмерного преклонения пред достижениями и устремлениями европейцев. Между тем на Западе далеко не все было благополучно. [...] К началу XX века несоответствие между достижениями материальной, интеллектуальной и духовной культуры на Западе стало угрожающим. [...] Под тлетворным дыханием жадности, под зловещим дыханием торопливости стала задыхаться европейская мудрость, стала угасать европейская красота. Безумие глянуло в мир из гениальных книг Фр. Ницше, уродливые лики декадентства и футуризма зареяли над европейскими литературами, а возвышенная жизнерадостность Гёте превратилась в пошлое самодовольство... [...] На Западе стремятся поработить себе природу, – мы должны стремиться к творческому, но мирному сотрудничеству с природою. Активность Запада и миролюбие Востока должны мы соединить в себе, и плодом этого соединения должна стать наша будущая культура. [...] Мы еще должны долго и много работать, чтобы воспринять и воспитать в себе европейское, германское упорство, немецкую волю; но с помощью этой воли мы должны развивать не технику, не фабрики и заводы, не пути сообщения, а наше нравственное “я”. “Пусть побывавшая в европейской школе Марфа хлопочет и заботится о всем внешнем, — хозяйкою нашего великого русского дома останется все же мечтательная и молитвенная Мария, сидящая у ног Христовых”, — пишет Сологуб. Но если так, то хозяйке нашего дома не нужны броненосцы и граммофоны и заботы о чем-либо подобном, ибо Мария не забудет слов Учителя, сказанных ее сестре: “Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно”. Здесь не может быть колебаний и совмещений: Христос и Эдиссон идут в разные стороны, и если нам душа Марии действительно ближе души Марфы, то мы пойдем за Христом, не слушая того, что нам будет кричать Эдиссон в усовершенствованную телефонную трубку. И не только сами пойдем, но и наших западных братьев попытаемся увлечь на наш путь!»[1]

[1] *Тиняков Александр*. К переоценке ценностей // Голос жизни. 1915. № 8. С. 12–14.

Гиппиус отвечала ему буквально в следующей книжке журнала: «Очень опасен уклон статьи г. Тинякова [...] Опасен и неверен, хотя исходит автор из верных положений, – о *двойственности* культуры. Я касался этого вопроса неоднократно («Голос Ж[изни]», «День»). Да, понятие культуры – двусторонне. Да, известная сгармонированность между культурой внутренней и внешней может назваться настоящей Культурой. Не совершенная гармония (ибо мир только идет к совершенству), но хотя бы связь, последовательное сцепление. [...] Переразвитие внешней культуры ведет к механике, к автоматизму – к падению; переразвитие стороны внутренней – к разъединению, к вымиранию, к одичанию – т.е. опять к падению. У нас и у немцев – две разные, но *равные* опасности. Перепроизводство внешней культуры у немцев в ущерб внутренней (всякое ненормальное развитие одной стороны идет в ущерб другой, соответственно умаляет ее), грозит им механикой, разложением личности; наше переразвитие духовное, не гармонирующее с уровнем нашего внешнего развития, носит в себе ту же, обратную, но равно страшную угрозу. А г. Тиняков предлагает нам следовать дальше как раз по этому, самому для нас опасному склону. [...] К вырождению ли духа ведет путь или к вырождению плоти – на конце обоих одинаковая гибель. Допустим, что в Германии разлагается личность; а мы будем ли правее и счастливее, если у нас начнет разлагаться – общество? «Христос и Эдиссон идут в разные стороны», – утверждает г. Тиняков. Сопоставление не из удачных, но все равно, мы берем не личности, а принципы. И тут я должен в сотый, в тысячный раз сказать: нет, они именно идут в одну сторону, вместе, неразрывно слитые в одном *движении*. Мало того: в Христе уже есть Эдиссон, и отречение от Эдиссона равносильно отречению от Христа»[1].

Продолжилась полемика и далее. Тинякову запальчиво отвечала М. Шагинян[2], он же, не осмеливаясь затронуть позицию Гиппиус, в своем письме в редакцию «Голоса жизни» отводил некоторые обвинения Шагинян, указывая на неверное понимание отдельных положений его статьи, а также на ошибочные (с его точки зрения) утверждения оппонента в области истории и антропологии[3]. По замыслу, вероятнее всего, принадлежащему Гиппиус, полемика перешла и в стихи:

---

[1] *А. Кр.* [Гиппиус З.] Равноценности // Голос жизни. 1915. № 9. С. 1.

[2] *Шагинян М.* Европа и мы. Ответ г. Тинякову // Голос жизни. 1915. № 14. С. 8–9

[3] *Тиняков Александр*. Письмо в редакцию // Голос жизни. 1915. № 18. С. 18.

расположенные на одной полосе непосредственно вслед за статьей Шагинян три стихотворения О. Мандельштама под общим заглавием «Из цикла “Рим”» и два стихотворения Тинякова также были направлены друг против друга[1]. Своеобразное завершение полемики можно усмотреть в отклике Тинякова на книгу С.Н. Булгакова «Война и русское самосознание», где он в значительной степени повторяет положения Гиппиус, несколько по-иному их аргументируя[2].

К 1915 году относится наибольшее сближение Тинякова с четой Мережковских, которые, по всей видимости, предполагали обрести в нем если не полного сомышленника, то близкого по духу публициста, которого можно использовать в различных целях: доверять ему рецензировать (под строгим контролем) свои произведения, задавать темы для обсуждения, чтобы затем можно было в полемике реализовать свои собственные стратегии, обретать союзника в различных газетных и журнальных предприятиях. Однако эти надежды были развеяны еще до того скандала начала 1916 года, о котором мы писали выше. Прелюдией размолвки послужили выступления Тинякова с резкой оценкой новых сборников статей и прозы Б.А. Садовского[3], с которым он ранее близко дружил, переписывался и пр. Нам неизвестно, да, вероятно, и не очень важно, какова была последовательность. Еще в феврале 1915 года они вместе с Садовским навещают общего их друга А.А. Кондратьева (не застав его)[4]. 27 мая Садовской пишет Тинякову вполне мирное письмо[5]. Но в письме от 6 июня Тиняков уже отвечает ему едва ли не в истерике: «Бог Вас знает за что Вы желаете истребить меня из литературы! Я Вам зла не делал и не желал, а Вы разным паршивым жуликам рассказали что-то про какую-то “Земщину”, – и они этим уже начали пользоваться в своих низких

---

[1] Подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Неосуществленный цикл О.Э. Мандельштама и журнальная полемика 1915 года // Русская публицистика и периодика эпохи первой мировой войны: Политика и поэтика: Исследования и материалы. М., 2013. С. 243–254.

[2] *Тиняков Александр.* Византиец XX века // Речь. 1915. 3 (16) августа. № 211 (3234). С. 3–4.

[3] См.: *Чернохлебов Иван.* Критика с погоста // Голос жизни. 1915. № 19. С. 19–20 (рецензия посвящена скандальной книге Садовского «Озимь»); *Тиняков Александр.* [Рец. на:] Борис Садовской. Лебединые клики. Пг., 1915 // Речь. 1915. 7 (20) сентября. № 246 (3269). С. 3–4.

[4] Письмо А.А. Кондратьева к Тинякову от 27 февраля 1915 // РНБ. Ф. 774. № 20. Л. 60; 10 марта тот же Кондратьев зовет Тинякова на вечер с присутствием Садовского (Там же. Л. 61).

[5] Процитировано – *Варжапетян.* С. 27.

целях. [...] Сознаю в себе, как святыню, мою Арийскую душу и не могу загнать себя ни в какую жидовскую каморочку. [...] А когда Вы у меня будете хлеб отнимать, я буду бороться, как зверь, как гад и как дьявол – вместе! [...] Фет, Случевский, Лесков – богатыри были, да и то их Рославлевы с Ауслендерами затравили и в грязь втоптали. Но верую свято и твердо: будет время, и критика *русская* по достоинству отметит тех и других и громко скажет, что черносотенцы Тютчев и Фет дороже народу русскому, чем высоко-радикальные Ауслендеры, имена же из odiosa sunt»[1]. Для нас очень важно, что их расхождение было во многом замешано на отношении к Мережковским, о чем свидетельствует еще одно письмо Тинякова Садовскому: «Мережковский прислал мне полное собрание своих сочинений и несколько очень лестных писем. По совести сказать, это – честь, еще не заслуженная мною, и, конечно, – счастье великое. Я буду писать о нем большую статью и, вероятно, прочту публичную лекцию (мысль о лекции пришла в голову не мне) [...] Толстой, Достоевский и Мережковский – самые значительные русские писатели; даже Пушкин – при всем его художественном таланте и уме, не сказал слова столь значительного, какое сказали они. *Над* ними только Тютчев и З.Н. Гиппиус»[2].

Однако, судя по всему, именно преклонение и попытка «открыть душу» перед Мережковскими и привели Тинякова к разрыву отношений с ними. Еще в конце 1915 года Тиняков, судя по всему, рассказал Гиппиус кое-что о своем прошлом сотрудничестве с черносотенной печатью (видимо, намеками), на что она отвечала ему несколькими весьма содержательными письмами, которые по сути составляют центральный нерв переписки, поскольку именно в них Гиппиус формулирует свое отношение к важным темам: верности (даже в неверном), антисемитизму и его вариациям, к правой печати, к человеческой психологии, в том числе и к психологии самого Тинякова. Никакого сочувствия у Гиппиус Тиняков не нашел. Очень характерно, что их отношения прекращаются еще до публичного скандала. Тем более невозможно стало общение Мережковских с ним после повторного возвращения Тинякова в «Земщину». Последнее из публикуемых нами писем читается как объявление о разрыве всяческих отношений.

Но печатное развернутое суждение Тинякова о творчестве Гиппиус сохранилось, и относится оно к более позднему времени. Это

---

[1] Там же. Ответ Садовского – там же.

[2] *Ходасевич Владислав*. Некрополь [...]. С. 417 (коммент. И.П. Андреевой).

его пометы на книге «Последние стихи» и написанная на основе этих помет рецензия на книгу, где читаем: «Говоря о последней книге стихов К. Бальмонта (“Орл[овские] изв[естия]”, 11 августа)[1], – я не мог определить состояние этого поэта иначе, как словами: “во власти классового бешенства”. То же самое я принужден сказать и о г-же Гиппиус. [...] Книжка г-жи Гиппиус, – как и разобранная мною ранее книжка Бальмонта, – не имея никакой чисто литературной ценности, – служит, однако, весьма важным обвинительным документом против нашей интеллигенции. Эта самая интеллигенция очень любит говорить о своей “сверхклассовой” психологии, о своем беспристрастии и бескорыстии, о своих заслугах перед революцией и перед народом. Книжки г-жи Гиппиус и Бальмонта с неопровержимой ясностью показывают, что интеллигенция наша, даже в лице культурнейших своих представителей, – вовсе не отличается какими-то небывалыми “сверхклассовыми” качествами, и вполне и всецело примыкает к единому определенному классу – к буржуазии. И насколько враждебна народу буржуазия, настолько же враждебна ему и буржуазная интеллигенция. [...] “Нагайки” и “хлысты” для народа, – это ее подлинные слова. Прибавить к ним почти нечего, – возгласы негодования в данном случае были бы только наивностью. Но можно и должно, в виду подобных буржуазно-интеллигентских признаний, лишний раз напомнить трудовому народу, особенно пролетариату, – что стоит ему хоть на миг задремать, хоть на миг отступить – и буржуазная нечисть набросится на него и упьется народною кровью [...] – “Последние стихи” З. Гиппиус ручаются за то, что – в бешенстве своем – буржуазия способна на все»[2].

Гиппиус же о Тинякове, кажется, не вспоминала вообще, даже в связи со своим кружком молодых, о котором неоднократно рассказывала.

Письма хранятся: РНБ. Ф. 774. № 11. Значительная часть п. 9 опубликована в комментарии И. Андреевой в кн.: *Ходасевич Владислав*. Некрополь: Воспоминания; Литература и власть; Письма к Б.А. Садовскому. М., 1996. С. 418–419.

---

[1] См.: *А.Т.* Во власти классового бешенства // Орловские известия советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 11августа. № 138. С. 4.

[2] *Чудаков Герасим*. Во власти классового бешенства. Заметка вторая // Орловские известия советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 6 октября. № 182. С. 4. Эта статья, равно как и пометы Тинякова на книге, опубл.: *Лекманов Олег*. 15 помет Александра Тинякова на книге Зинаиды Гиппиус «Последние стихи» (1918): К построению читательской истории литературы // Антропология революции. М., 2009. С. 127-138.

1. [2 мая 1903.Петербург]*

2.5.03

Милостивый Государь.

К сожалению, присланные Вами стихи не могут быть напечатаны, благодаря недостаточно выработанной форме. Быть может, Вы пишете что-либо прозой? Стихотворный отдел нашего журнала вообще не широк.

С уважением

За редактора

З. Гиппиус.

На бумаге: Новый путь. Ежемесячный журнал. Спб., Невский, 88. Конверт с адресом: г. Орел. 2-я Курская ул. д. Граф. Александру Ивановичу Тинякову. Почт.штемпели: СПб. 2 май 1903. Орел 4 мая 1903.

2. [31 марта 1915.Петроград]

31-3-15. Спб. Серг[иевская] 83

Многоуважаемый Александр Иванович.

Вы очень все преувеличиваете. Я сама критик и хорошо знаю, чего я стую и чего не стую. Слишком увлекаться средними произведениями средних современных писателей так же опасно, как слишком их бранить.

Я задержала корректуру вашей статьи о «З[еленом] К[ольце]» (посылаю ее вам), во-первых, потому, что хочу показать вам, какие выкидки из нее считаю обязательными (для себя); во-вторых, – имея в виду ваше письмо, где вы говорите, что после прочтения пьесы сказали бы иначе о стороне общественной[1]. Кстати, и Д[митрий] Вл[адимирович][2] находит, что эта сторона в вашей статье смутна.

Во всяком случае, жду статьи не позже воскресенья[3], когда надеюсь увидаться с вами.

Сердечно ваша

З. Гиппиус.

---

* В коммент. приняты сокращения:

Варжапетян – *Варжапетян В.* «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 28-37.

Гиппиус. Стихотворения – *Гиппиус Зинаида*. Стихотворения / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб., 1999 (Новая Библиотека поэта.Большая серия).

Тиняков – *Тиняков А.И.* Стихотворения. 2-е изд. / Изд. подгот. Н.А. Богомолов. Томск; М., 2002.

P.S. Относительно «Лукоморья» сказать можно много, но лучше при свиданьи[4].

Сохранился конверт с адресом: Александру Ивановичу Тинякову. В.О. Малый пр. 32 кв 8. *Здесь*. Почт.штемпель: Петроград 31.3.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 1 апр[еля] 1915».

[1] «Зеленое кольцо» – пьеса Гиппиус, поставленная В.Э. Мейерхольдом в Александринском театре (премьера состоялась 20 февраля 1915 г.). Сводка рецензий о постановке: Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. М., 2005. Вып. 3: 1911 – октябрь 1917. С. 374. Статьи о спектакле, написанной Тиняковым, мы не знаем. Судя по всему, она была набрана для еженедельника «Голос жизни», издававшегося «при ближайшем участии Д.В. Философова», упоминаемого в следующей фразе, да и сама Гиппиус была активным автором журнала (см. об этом во вступительной статье). В журнале постановку рецензировал Н.Л. Слонимский («Зеленое кольцо» // Голос жизни. 1915. 11 марта, № 11. С. 18–20), однако его статья была больше похожа на пересказ сюжета. Видимо, статья Тинякова носила полемический характер, что вызвало нарекания как Гиппиус, так и Философова.

[2] Философов, бывший фактическим редактором «Голоса жизни».

[3] Следующее воскресенье приходилось на 6 апреля.

[4] «Лукоморье» – журнал, выходивший в Петербурге-Петрограде с апреля 1914 по сентябрь 1917 г. Издателем был М.А. Суворин, редактировали журнал в разное время А. Ренников (А.М. Селитренников), сам Суворин и Н.Ю. Жуковская. Журнал предлагал писателям и художникам повышенные гонорары, однако многие, исходя из одиозной для «левой» общественности репутации как А.С. Суворина, так и его наследников, отказывались там печататься или же сокрушались, подобно М.А. Кузмину: «До чего дошел: в суворинский журнал иду» (*Кузмин М.* Дневник 1908–1915. СПб., [2000]. С. 441). В начале 1915 г. Тиняков напечатал там два стихотворения (31 января, № 5; 18 апреля, № 16), Мережковские в нем не сотрудничали. Подробно об истории журнала см.: *Лекманов Олег.* «У Лукоморья»: К истории одного «националистического» журнала // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. XII. Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту, 2011. С. 411-426.

3. [18 апреля 1915. Петроград]

18-4-15

Серг[иевская] 83 Спб.

Многоуважаемый Александр Иванович.

Подумайте, какое же у меня право указывать вам линию поведения. Поведение – только знак внутреннего взгляда; не свободен ли тут каждый, и на кого можно «сердиться» за несогласие? Я могу огор-

чаться, если нахожу, что кто-нибудь, *с моей точки зрения*, в неправде. Но это уж мое дело. И перемена поведения ничего еще не переменяет; будет насильственно. Пока «сердце ваше не осуждает вас»[1], – пишите в «Лукоморье», а я только оставлю за собой право надеяться, что когда-нибудь «сердце осудит», и эта линия само [так!] собою переменит у вас направление.

Стихи не нравятся мне[2]. «Политически-недостойного» ничего нет, но какие-то они слабые, не нужные. Для инакомыслящих могут быть «удобными», впрочем. Есть многое, что живо и хорошо, пока облечено в молчание, а «описанное» – гаснет и даже может начадить.

А ваша статья о Розанове вышла удачна[3]. Ее очень одобряет и ДС., и жалеет, что не попросил *вас* дать отзыв в «Г[олосе] Ж[изни]» о его новых книгах[4].

Пожалуйста, бросьте лишние сомнения и спокойно приходите завтра.

З. Гиппиус.

Конверт журнала «Голос жизни» с адресом редакции: Петроград, Лиговская, 114. Послано на тот же адрес Тинякова. Почт. штемпель: 18.4.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 19 апр[еля] 1915».

[1]. См.: «Возлюбленные! Если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу» (1 Ин 3: 21).

[2]. Судя по всему, имеется в виду только что напечатанное в «Лукоморье» стихотворение «Страшна смиренная Россия...» (1915. № 16). Текст см.: *Тинякова*. С. 282.

[3]. Речь идет о статье: *Чернохлебов Иван* [Тиняков А.И.]. В.В. Розанов и война // Голос жизни. 1915. № 16 (15 апреля). С. 8-11.

[4]. О желании Мережковского видеть Тинякова автором статьи о своих книгах говорят его письма. 23 июля Мережковский писал: «Мне очень важно, чтобы Вы написали обо мне статью. Я не сомневаюсь, что Вы ее в конце концов напечатаете. Думаю, что в Биржев[ых ведомостях] или Дне возьмут – я там пользуюсь некоторым влиянием. Сегодня я отдал распоряжение, чтобы Сытин послал Вам Полное Собрание моих сочинений» (РНБ. Ф. 774. № 29); 25 июля: «Конечно, с великим интересом прочту Вашу статью и скажу мое мнение. Очень было бы хорошо, если бы Вы ее прочли в виде лекции публичной. Я думаю, что она собрала бы публику и вызвала бы обмен мнений, что подготовило бы впечатление для печати» (Там же). И, наконец, 17 ноября: «Я говорил Гаккебушу (Биржев[ые] Ведом[ости]) о Вашей статье. Он согласен ее напечатать. Если она не пойдет в “Голосе”, то не отдадите ли ему (Мих. Мих. Гаккебуш, Галерная 40, Бирж. В.). Очень хотелось бы, чтобы Ваша статья все-таки появилась» (Там же; тексты писем предоставлены М.М. Павловой).

4. [12 октября 1915. Петроград]

12-X-15

Дорогой Александр Иванович.

Дм. Серг. просит меня известить вас, что завтра на Моховой читать не будет[1]. Он простудился, болит горло, не выходит. Надеялась повидаться с вами у нас в среду, но т.к. Дм. С-чу трудно говорить, то он просит вас не посетовать, что свидание откладывается.

Я часто вспоминала вас за это время и всегда с самым хорошим чувством.

З. Гиппиус.

Открытка с адресом: Здесь. В.О. 11 линия, д. 52, кв. 20. Александру Ивановичу Тинякову. Почт. штемпель: 12.10.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 13 окт[ября] 1915».

[1] Сведений о таком чтении в печати обнаружить не удалось. Возможно, имеется в виду доклад, о котором Мережковский пишет в своем письме к Тинякову от 10 октября: «Если получите повестку (я просил, чтобы Вам послали) «на чашку чаю» к Шубину-Поздееву, имейте в виду, что я там читаю доклад о русском “единовластии” по отношению к церкви. Там собрание думских прогрессистов» (РГБ. Ф. 774. № 29).

5. [31 октября 1915. Петроград]

31-X-15

Серг[иевская] 83

Многоуважаемый Александр Иванович, Дм. Серг. все собирается назначить нам «свидание», а я все жду, но конца сборам не вижу. Лучше вы попросту приходите *ко мне* днем в воскресенье, когда сможете, по примеру прошлого года. Вот хотя бы завтра, 1-го. Тогда виднее будет и насчет приватного свиданья.

После Дм. С. и я была больна ангиной, до сих пор не выхожу. У меня теперь в воскресенье никто почти и не бывает, я никого не зову особенно. А тут еще всяческие болезни...

Итак, надеюсь, до завтра.

Ваша
З. Гиппиус.

Закрытое письмо на тот же адрес. Почт. штемпель: 31.10.15. Помета Тинякова карандашом: «1 н[оя]бр[я] 1915».

6. [12 декабря 1915. Петроград]

9-12-15 Спб

Многоуважаемый Александр Иванович.

Напротив, я совершенно не хочу, чтобы вы молчали по вопросу, который я тоже считаю крайне интересным и важным. Более важным, чем это воображают невинные наши сочлены[1]. Так как вы видите, – из них, если кто и хочет здесь что-нибудь сказать – не может, то на вас, на могущего, ложится сугубая обязанность говорить. Полагаю, однако, что чем вы искреннее будете говорить, тем лучше. Что за беда, если наши с вами убеждения тут не вполне сойдутся. Это будет значить, что кто-либо из нас ошибается; или оба, а правда посередине, и в столкновениях мы ее найдем.

Читали ли вы, в 1 № студ[енческого] журнала «Студ[енческая] Мысль», статейку «Забытые»? Она даже поставлена на анкету[2]. И любопытна... опять тем же, опять ожиданием героя, учителя, жалобами на то, что «писатели, между прочим» «забыли молодежь» и нет ни одного, указывающего «как жить». Как беспомощно, как старо и слепо![3]

Относительно «Зел[еного] Кольца» я Вам скажу в воскресенье, ибо увижу Ляцкого в пятницу[4]. А вы до пятницы дайте мне какой-нибудь ответ о ваших статейных и отзывных планах, т.е. чту бы вы хотели и смогли из них конкретизировать для трех книжек первых, и в какие сроки. Ляцкий мне все звонит, Гиппиус до Рождества пальцем не может двинуть, и я решительно не представляю себе будущего. Если в пятницу я смогу ему, Ляцкому, ответить хоть относительно вас, и то уж хорошо.

А вопрос «учительства, водительства, наставничества и начальничества» – не оставляйте, поставьте его как можно резче[5]. Этим вы серьезно поможете.

Искренно ваша
З. Гиппиус.

Не забудьте ваших «приводимых». А Оцуп – теософ? Я и не знала. Хотя похоже[6].

Отправлено по тому же адресу. Почт. штемпель: 10.12.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 10 дек[абря] 1915».

[1] Речь идет о собраниях литературной молодежи у Мережковских. Подробнее о них см.: З.Н. Гиппиус в переписке с братьями Н.Л. и М.Л. Слоним-

скими (1915–1923): История личных и творческих отношений / Вст. ст., подг. текста и коммент. Кита Триббла (*США*) // Русская литература. 2006. № 6. С. 193–229.

[2] *Ледерман Михаил*. Забытые // Студенческая мысль. 1915. № 1 (декабрь). Стлб. 25–28. В заключение говорилось: «...редакция обращается к читателям с просьбой высказать свои мысли о том, что представляло собой студенчество за последнее десятилетие. Данные анкеты будут опубликованы на страницах журнала». Журнал, однако, остановился на первом номере.

[3]. Гиппиус пересказывает следующий абзац статьи: «Творцы мысли, к вам взываем мы. Скажите, что представляло студенчество в последние пять лет. Чем оно жило и что оно создало? Если бледны узоры нашей жизни, уловите неуловимое. Может быть, оно и теперь скрыто бунтует в разрешении смысла жизни. Куда идти?» (Там же. Стлб. 28).

[4] Пятница приходилась на 11 декабря. Речь, вероятно, идет о том же отзыве Тинякова по поводу спектакля «Зеленое кольцо», что и в п. 1. Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) – этнограф, литературовед, литератор. Принимал участие в работе многих периодических изданий. Однако о его журнальных или газетных планах на этот период информации собрать не удалось. С осторожностью можно высказать предположение, что обсуждалась возможность напечатать статью Тинякова в приложении к книжному изданию «Зеленого кольца» (Пг.: Огни, 1916; Ляцкий близко стоял к этому издательству). Гиппиус рецензировала его книгу «Роман и жизнь. (Развитие творческой личности Гончарова)» (Прага, 1925): Самое интересное // Последние новости. 1925. 27 августа. № 1638. С. 2; подп.: Антон Крайний. Перепеч.: *Гиппиус Зинаида*. Мечты и кошмар [На перепл.: Неизвестная проза 1920-1925 годов]. СПб., 2002. С. 481-486. В связи с этой рецензией и изданием в Праге ее воспоминаний «Живые лица» состояла с Ляцким в переписке (см.: Евгений Ляцкий. Материалы к биографии / Подг. текстов и публ. д.и.н. С.И. Михальченко. Брянск, 2000. С. 96-117).

[5] Публикация доклада или специальной статьи Тинякова на подобную тему нам неизвестны.

[6] Оцуп Николай Авдеевич (1894–1958) – поэт, прозаик, публицист, историк литературы, член Третьего «Цеха поэтов», с 1922 в эмиграции. В 1915 входил в «Кружок поэтов» Петербургского университета. В единственном, насколько мы знаем, сохранившемся третьем выпуске его машинописного альманаха (РГБ. Ф. 245. Карт. 11. Ед. хр. 50) напечатаны его стихи рядом с произведениями других молодых поэтов, близких в то время к кругу Гиппиус,– Н. Адуева и Г. Маслова. О теософских контактах Оцупа этого времени нам ничего неизвестно, хотя, возможно, это проливает некоторый свет на его редакторство знаменитого альманаха «Числа», издававшегося в значительной степени на деньги теософов.

7. [11 декабря 1915. Петроград]

11-12-15 Спб.

Тринадцатого, многоуважаемый А.И., *начинать* не следует ничего (если не следует!), а продолжать – что угодно[1]. Мороз – причина более уважительная, хотя мне будет особенно жаль, если вы не придете, потому, что в *следующее* воскресенье я не наверно присутствую и могу не услышать вас. Нынче же, полагаю, и так многие не придут, кто болен, кто замерз, кто «проштрафился»... Было мне возни за неделю с этим роковым «учительством»! Жюльен[2] прислал длинную записку по вопросу.

Очень возможно, что вы и будете писать беллетристику, но должна признаться, что не мнение Горького меня в этом убеждает[3].

Итак, надеюсь – до свиданья.

З. Гиппиус

Закрытое письмо на тот же адрес. Почт. штемпель: 11.12.15.

[1] Речь, судя по всему, идет о том же докладе Тинякова, что и в п. 6. 13 декабря было воскресенье, т.е. день встреч «молодежи» у Мережковских.

[2] О ком идет речь, неизвестно.

[3] В «Отрывках из моей биографии» Тинякова к 1915 г. отнесена фраза: «Завязалась у меня переписка и личное знакомство с М. Горьким» (*Тиняков*. С. 15). 7 декабря, прочитав отзыв о своем рассказе «Пропащий», Тиняков спрашивал Горького: «...быть может, Вы соблаговолите сказать мне несколько откровенных слов о том: есть ли, по Вашему мнению, у меня вообще способность к художественному творчеству или же выше анекдота не пойду? [...] Я за карьерой беллетриста не гонюсь, но если понимающие люди, как, например, Вы, – найдут в моих писаниях нечто неглупое и живое, то отчего же и не поработать?» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2004. Т. 11. С. 482; в коммент. И.А. Зайцевой). На следующий день Горький отвечал: «...беллетрист ли Вы? Я почти уверен в этом. Читая Ваши рецензии, я вижу в них прежде всего беллетриста. И если позволите советовать – советую: пишите рассказы. Очень советую» (Там же. С. 288). К тому времени у Тинякова была напечатана повесть «Старый редактор» (Новый журнал для всех. 1914. № 3), о которой он сам говорил: «...надо сознаться, очень плох[ая]» (*Тиняков*. С. 15).

8. [22 декабря 1915. Петроград]

22-12-15

Мне весьма будет жаль, дорогой А[лександр] И[ванович], если вы так и уедете на неопределенное время, не узнав, как двое из слушавших вас реагировали на ваши слова. К сожалению, вам они ничего не гово-

рят, а пишут потом – мне. Жюльен мне написал вообще любопытное письмо (в то же воскресенье), а вас, по-моему, понял глубоко превратно[1]. Ястребова[2] письмо тоже чрезвычайно интересно; очень мы понимаем мало каждого человека! и вы, конечно. И вас, естественно.

Забыла сказать еще, что очень бы хорошо, если б вы взялись написать о трех письмах Тургенева (о фр[анко-]пр[усской] войне), они только что вышли в «Пропилеях» и необыкновенно интересны в связи с сегодн[яшним] днем. Если вы не сейчас уедете, я бы вам могла дать и книжку[3].

Всего хорошего

З. Гиппиус.

Послано на тот же адрес. Почт. штемпель: 22.12.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 23 дек[абря] 1915».

[1] Личность этого человека установить не удалось, письмо нам неизвестно.

[2] Ястребов Николай Николаевич (1885–?) начинающий поэт из круга Гиппиус, студент физико-математического факультета Петроградского университета, офицер. Его стихи напечатаны в «Голосе жизни» и в собранной Гиппиус антологии «88 современных стихотворений, избранных З.Н. Гиппиус» (Пг., 1917). См. также: *Ястребов Н.* Зори грядущего // Голос жизни. № 15. С. 7–8; на эту статью отвечала Гиппиус: *Антон Крайний*. Зори ли? Грядущего ли? // Там же. С. 9–10. Ему посвящено стихотворение Гиппиус «Непоправимо». Справки о нем см.: Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 474–475; *Гиппиус*. Стихотворения. С. 509 (коммент. А.В. Лаврова).

[3] Имеется в виду публикация: [*Тургенев И.С.*] Корреспонденции о Франко-Прусской войне // Русские Пропилеи: материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М., 1916. Т. 3: Писания И.С. Тургенева, не включенные в собрания его сочинений. С. 202–219.

9. [30 декабря 1915. Петроград]

30 Дек. 15 Спб.

> «....он говорит нам, что... всякое общественное
> (даже политическое) дело по существу своему
> не менее религиозно, нежели жаркая молитва
> верующего. Он говорит нам о социальной жизни:
> войдите, и здесь Бог; но он прибавляет: помните же,
> что здесь Бог и что вы служите *ему*».
>
> *(Чаадаев)* [1].

Ваше письмо, Александр Иванович, трижды мне доказывает, как мало еще вы меня знаете.

О первом пункте не будем, пожалуй, говорить: слишком серьезен он, в принципе, для вас. Вкратце же скажу вам, с простотой, что я недостойна человеческого *поклонения*, как недостоин его всякий человек. *Этому* вашему лику я, в сущности, могла бы только ответить: «отойди от меня, сатана»[2]; но я не верю, что у вас есть, действительно, такой «лик»; я считаю это временным вашим душевномысленным заблуждением, непреодоленным соблазном. И понимаю, что здесь знание или незнание меня – не играет роли; не важно, я ли именно или не я. В данном действии все лежит на субъекте, а объект безразличен, по самому своему положению – пассивности.

Другое дело, когда мы переходим к той части письма, в которой вы меня спрашиваете, как отнесусь я к вашему, вот такому-то, прошлому. Вы даже предполагаете, что, быть может, я «не захочу вас видеть». Это странное предположение связано с не менее странными (обращенными ко *мне*) вашими пояснениями насчет того, что ваша «личность» не вмещается ни в «политику», ни в какие бы то ни было «политические партии»[3]. Думаете ли вы, что моя вмещается, или даже что я допускаю вмещение другой какой-нибудь «личности»? Личность вмещается только в Бога, но в нее-то вмещается очень многое, и так надо, только надо, чтобы это многое было доброе, светлое, а не темное, такое, чту было бы не стыдно, не больно нести и донести. И вечный происходит отбор, выбор. Иной раз приходится брать тяжелый кусок шлака, если есть в нем золотые зерна; ради них трудишься, и отбор делаешь в пути, время помогает воле. Партии, группы и т.д., все, что касается правды *человечества*, это отдельные земляные, грубые куски, золотых слитков нет; но надо хватать эти куски и *выбирать* те, которые можно очистить, в которых *есть* золото, а не пустая черная земля.

Вы брали эс-деков[4]; вы испугались, что с ними можно «потерять душу» (личность). Да, можно, еще бы! Если личность еще так мала, что вмещается в них, а не их в себя вмещает. Вы пошли туда, где «личность» как бы явно поддерживается, пошли как бы в более для нее безопасное место, сохранное. («Анти» – не важно для того, для кого Христос не важнее моего «я»). Ну и что же дальше? Ведь из этого «безопасного» места вы тоже ушли. Ушли не только из этой жизненной реки (воды всех жизненных рек довольно грязны, было бы за что грязь прощать) – но и от внутренних устьев данного места отошли. Куда? С чем? Во имя чего? Не хочу и не могу сказать «в пустоту», но во всяком случае вы вне рек жизни, опять «душу сохраняете», боитесь, как бы ее грязной водой не смыло.

Я, впрочем, не сужу ни вас, ни того, чего я не знаю. Каждый знает о правде то, что может, свое, по совести. Я смиренно не боюсь поте-

рять душу, лезу в ту реку, что течет, по-моему, в верную сторону. Если душа захлебнется в этих волнах, туда ей и дорога. Было чту хранить! Беда не в том моя, что лезу в воду, а в том, что порою еще по-старому, по слабостям, уклоняюсь и не во всю свою меру лезу.

Понимая ваш путь, ваши переходы и то, что вас толкало к Розанову[5], к Бор. Никольскому[6] и т.д. – я не только не могла бы предать вас за него остракизму (Пешехонов[7] я, что ли? Ленин?) – но и за более опасное ваше плавание в черной реке не сумела бы поставить на вас крест. Например, если бы во времена близости вашей к Розанову последний убедил, соблазнил вас написать антисемитическую статью в каком-нибудь «Русском Знамени»[8] и поместил бы ее там хоть без имени, – чту бы этот факт прибавил или убавил для меня? Ровно ничего. Я верю, что вы тогда *искренно* так думали. Высказывать, что думаешь, даже честнее, чем замазывать. И верю я, что вы никогда не были именно Розановым, т.е. человеком с двоящимися мыслями – во всякий час. А только вот в этом последнем случае я бы перестала вас... видеть, различать; такое без-личие просто выпадает из поля моего зрения, проваливается для меня.....

Если с крайним стойким черносотенством я не интенсивно общаюсь в смысле борьбы, то потому, что некогда, и центр борьбы не тут, слишком они позади, много дела вне «Земщин»[9]. Но я их могу *видеть*, поскольку они длительно и бескорыстно (?) отстаивают свою, явно пропащую, позицию. Но к «Розановым» я слепну[10].

Антисемитизм, между прочим, мне тоже кажется каким-то маленьким *трусливым* чувством. Вопреки рассудку и примитивному общекультурному ощущению – опять дрожь за слабое *свое*: съем жида, пока он меня не съел; отдам его на кухню, прав[ительст]ву, пусть изжарит, а я тогда, готовенького, с правом съем. К чему, Господи! Пусть солнце всходит над жидами и русскими, мне солнца не жалко. А вот тех русских, которые в борьбе с евреями жидовеют, – мне жалко. Вопрос еврейства так глубок сам по себе, что стыдно подходить к нему, не отмыв себя начисто от всякого «анти»-семитизма.

Еще вот что я вам скажу: всего ценнее и лучше было бы, если бы вы, совершая ваш дальнейший путь, на каждом повороте поверяли его, но не чужой правдой, а своей душой. Все люди вам в помощь; выбирайте из тех, от кого чаете получить лучшую; верьте им, но не в них. Все равно, пока правда другого не сделается моей, изнутри моей, как бы мною найденной, – она во мне бездейственна. Если – говорю к примеру – вы были тогда, весной, убеждены, что хорошо и внутренно вам можно писать в «Лукоморье», вы обязаны были там писать. Вы погрешили *перед собой*, если, не убедившись моими словами вну-

тренно, а лишь «послушавшись» меня, ушли оттуда[11]. Вам было приятно, быть может, послушаться, и оказалось потом выгодно; а грех все же остался (если было так.)

И теперь: подумайте над правом и смыслом своей «аполитичности»; но не интересуйтесь «политикой», потому что вот тот-то или этот ею интересуется. А что моего интересованья касается, то видите: вы его еще не поняли, – когда писали мне, по крайней мере.

Однако я, кажется, возвращаюсь к началу письма. Да и пора кончить. Успокоили ли Ганфмана?[12] Вот, ему кроме *фактов* ни до чего нет дела. Надеюсь, что вы устроили с отъездом, остались?[13] В воскресенье[14] жду вас. Ежели написала что не так – постарайтесь все же понять недописанное.

З. Гиппиус.

Отправлено на тот же адрес. Почт. штемпель: 30.12.15. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 31 дек[абря] 1915». Частично опубл. в коммент. Н.А. Богомолова к кн.: *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 440; тот же фрагмент – *Варжапетян*. С. 28. Другой фрагмент – в примечаниях И.П. Андреевой к кн.: *Ходасевич Владислав*. Некрополь: Воспоминания; Литература и власть; Письма Б.А. Садовскому. М., 1996. С. 418–419.

[1]Цитата из предисловия М.О. Гершензона к его книге «П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (СПб., 1908. С. IV), с сокращением (обозначено отточием) и собственным добавлением Гиппиус (в круглых скобках).

[2] Слова Иисуса, обращенные им к сатане/дьяволу (Мф. 4: 10; Лк. 4: 8), но также и к апостолу Павлу (Мф. 16: 23; Мк. 8: 33).

[3] Ср. в письме Тинякова к Б.А. Садовскому от 6 июня 1915: «...я органически выше и шире партийных и газетных перегородок» (*Варжапетян*. С. 27). Ср. также в «Исповеди антисемита»: «Что же касается меня, то *разницу* между этими газетами [«Речь» и «Земщина»] я вижу, а *бездны* действительно, не вижу, и вместиться *всецело* не могу и не хочу ни в ту, ни в другую, ни в какую-нибудь третью газету» (Журнал журналов. 1916. № 13. С. 7; *Варжапетян*. С. 29).

[4] Общеупотребительное сокращенное название партии социал-демократов (как большевиков, так и меньшевиков). Судя по всему, с ними Тиняков сблизился в 1904–1905 гг., но впоследствии решительно отошел.

[5] На протяжении долгого времени Тиняков с глубоким интересом относился как к творчеству В.В. Розанова (1856–1919), так и к нему самому. Воспоминаниями Б.А. Садовского зафиксировано его присутствие на «воскресеньях» Розанова (Российский архив. М., 1991. Т. 1. С. 175 / Публ. С.В. Шумихина), сохранился инскрипт Розанова, обращенный к Тинякову (см.:Розановская энциклопедия. М., 2008. Стлб. 1255; справка Е.Р. Обатниной). Однако в 1915 г.Тиняков несколько раз печатно выступал против новых произведений Розанова (см. п. 3, примеч. 3, а также: *Тиняков Александр*. «Наименее рожденный» // Петроградский курьер. 1915. 1 октября).

[6] Никольский Борис Владимирович (1870–1919, расстрелян красными) – юрист, поэт, литературовед, переводчик, активный деятель крайне правого общественного движения. Был приват-доцентом историко-филологического факультета Петербургского университета, преподавал в Училище правоведения, с 1913 – профессор Юридического факультета Юрьевского университета (назначен приказом министра, а не избран). О своем знакомстве с Никольским Тиняков рассказывал: «...Садовской, узнав, что я написал статью о деле Бейлиса, отнес ее к известному “правому” деятелю профессору N, и уже с “благословения” последнего и с его поправками эта статья и была напечатана в “Земщине”» (Журнал журналов. 1916. № 13. С. 7; *Варжапетян*. С. 29; см. также запись в дневнике Никольского, приведенную выше). К 1915 г. связи Тинякова и Никольского прекратились – судя по всему, по воле Тинякова. 19 февраля 1914 г. А.А. Кондратьев, близко знакомый с Никольским еще с университетских времен, сообщал Тинякову: «Б.В.Н. о Вас осведомлялся» (РНБ. Ф. 774. № 20. Л. 21), и 18 июня того же года: «Рекомендую Вам как-нибудь черкнуть письмо Борису Владимировичу. Он всегда о Вас спрашивает» (Там же. Л. 28), затем 14 июля: «Я виделся недавно случайно с Борисом Владимировичем. Он спрашивал о Вас и просил Вас ему написать, обещая ответить. Летом он отвечает. Его адрес: ст. Турцевич Николаевской ж.д., имение княгини Урусовой. Б.В. Н-му» (Там же. Л. 40). Однако, судя по всему, ни писем, ни встреч между ними больше не было. Особенно должны были остеречь Никольского сообщения Кондратьева. Так, 6 января 1916 г. он писал: «Садовский же просил у меня навести справку, в каком № “Земщины” была напечатана Тиняковым статья за подписью Куликовского. Но я предпочитаю не дразнить змей без особой к тому надобности, да и времени у меня для справок нет. Он хочет обличить Тинякова в литературных кругах, а на самом деле свести с ним личные счеты. Да и сам Садовской хорош гусь» (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 130 и об.), а 25 июня добавлял: «Вообще Вас, по-видимому, не забыли, хотя в печати и не упоминают столь же часто, как в прежние годы. К сожалению, последняя ссора Бориса Александровича с Александром Ивановичем, в которой оба этих оказавшихся мелкими себялюбцами человека старались при помощи всяких средств потопить друг друга, Вам повредила. В своих стремлениях очернить один другого, они касались и третьих лиц. Александр Иванович намекал в одном из писем в редакцию, что Борис Александрович толкал его на что-то близкое к провокации, и оба тут же или почти рядом упоминали правого профессора, специалиста по Фету. Получалась, вольно или невольно, какая-то, б[ыть] м[ожет], и нежелательная для них самих ассоциация. Но я боюсь, что ассоциация эта отравила Ваше последнее литературное знакомство. Ну да черт с ними!..» (Там же. Л. 138).

[7]Пешехонов Алексей Васильевич (1866–1933) – экономист, видный публицист, один из основателей народно-социалистической партии (1906), министр Временного правительства (1917).

[8] «Русское знамя» – ежедневная газета, выходившая в Петербурге-Петрограде, орган Союза русского народа (1905–1917).

[9] «Земщина» – ежедневная ультраправая газета, выходившая в Петербурге-Петрограде в 1909–1917 гг. В ней, помимо Тинякова, сотрудничал и В.В. Розанов, напечатавший ряд статей, касающихся дела Бейлиса.

[10] Имя Розанова здесь упомянуто как символ «переметничества», что было связано с давним к тому времени конфликтом между ним и Мережковскими, вылившимся в исключение Розанова из Религиозно-философского общества, широко обсуждавшееся в печати того времени.

[11] См. п. 2 и примеч. к нему.

[12] Ганфман Максим Ипполитович (1873–1934) – юрист, публицист, редактор литературного отдела газеты «Речь», где в то время сотрудничал Тиняков.

[13] Ввиду тяжелого материального положения Тиняков постоянно собирался уехать в Орловскую губернию к родителям. Случилось это только в конце 1917 г.

[14] Ближайшее воскресенье приходилось на 3 января 1916 г.

10. [4 февраля 1916. Петроград]

4-2-16 Спб.
Серг[иевская] 83

Многоуважаемый Александр Иванович,

я более или менее поправилась, не придете ли в это воскресенье?[1]

ДС. тоже хотел бы с вами повидаться.

Искренно Ваша

З. Гиппиус.

Отправлено на тот же адрес. Почт. штемпель: 5.2.16. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 5 февр[аля] 1916».

[1] Имеется в виду 7 февраля.

11. [22 февраля 1916. Петроград]

22-2-16 Спб.

Многоуважаемый
Александр Иванович.

«Прерыв» и «переворот» еще не значит «конец». Это лишь означает вступление в какую-то, пока, неизвестность.

Но об этом – в свое время. А пока – ДС. просит вас зайти к нам *завтра* (вторн[ик]) около 10 вечера, с тем материалом, [с] кот[орым] вы должны были прийти в воскресенье[1].

З. Гиппиус.

Закрытое письмо на адрес: Александру Ивановичу Тинякову. В[асильевский] О[стров]. 5 л[иния]. д. 30 кв. 25. Почт. штемпель: 22.2.16. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 23 ф[евраля] 1916».

[1] О каком материале идет речь, нам неизвестно.

12. [26 февраля 1916. Петроград]

Серг[иевская] 83, 26-2-16. Спб.

Многоуважаемый А[лександр] И[ванович].

Я прочла вашу статью[1]. Извините меня, если не смогу по поводу нее сказать столько, сколько бы следовало. Но для всего, что я могла бы вам сказать, почтовых листков недостаточно. Ограничусь некоторыми отрывочными замечаниями.

Сначала о внешнем, конкретно-деловом. Я вам, для вас, не советую читать статью. Для лекции серьезно-специальной она недостаточно цельна и длинна; для публично-популярной – слишком специальна и серьезна. Ее нецельность ей вредит во всех смыслах. Вам, быть может, следовало бы сказать *свое* и «впятеро пространнее», и отнюдь не отталкиваясь ни от Мережковского, ни от кого другого. Такие отправления производят впечатление искусственности. И заставляют вас переходить из одной плоскости в другую, из одного масштаба в другой, почти полемизировать с частными явлениями, говоря об общих. Благодаря этому, значение того положительного, что вы хотите сказать, умаляется, перебивается, и самые возражения вам могут быть тоже какие-то смешанные. Если даже мы вынем все наиболее попутное, – отдельные взгляды отдельных людей с Мер[ежковским] включительно, и такие ваши «возражения» как статистика, указывающая на «малое еще распространение христианства» (в каком *порядке* это «возражение»? Для кого оно? Для убежденных – смешно, для неубежденных – не интересно), если, говорю я, мы с усилием все эти очевидные нестройности и даже порою lapsus'ы выкинем – то и после этого труда не легко будет определить вашу позицию и позицию статьи, главное. Говорите ли вы религиозно или философски? И... говорите ли вы о религии или о философии? Что это, историко-философское исследование религий или религиозная проповедь?

И нельзя решить, ибо это, в самом деле, ни то, ни другое, это смешение методов и концепций. Порою так выходит, что это, главным образом, суд над *народами* по признаку их религий, по их концепции Бога. Вы тогда во главу угла ставите нацию, народ, и даже не в движении их, а в любом данном. Вам не приходит в голову, что иудейская религия как таковая оценивается с двух сторон, со стороны вечного критерия и со стороны исторической; и если с одной стороны она должна быть осуждена, то *иудейского народа* это осуждение никак не может коснуться, ибо никакой народ никогда не может быть судим вне концепции исторической[2].

Но я отбрасываю все детали, важные и неважные, для краткости и подхожу к центру прямо, т.е. к тому, что, для меня, скажем, – есть главная религиозная нить, а в вас и в ваших религиозных приближениях абсолютно отсутствует. Это столь центрально, что я даже затрудняюсь, по совести, назвать *религией* систему или мироощущенье, где такой элемент отсутствует.

Я назову его – *Движением*. Возьмите как можно широко. Конечно, это обще, это намек, но уверяю вас, что знающий – поймет, о чем я говорю, без дальнейших определений (вполне возможных), а не знающий вряд ли поймет и с ними.

Отсутствие этого элемента у вас во всех проэкциях, в философии, в истории и т.д. – очень примечательно. Восходя дальше, я и принуждена спросить себя, не таково ли самое свойство вашей «религии», не оттуда ли идут эти неподвижные лучи? Все, что вы говорите мне об этом источнике, очень внятно отвечает мне «да». Напрасны все словесные доказательства о «деятельности», о «приемлемости мира», о «воле», даже о «движении».... это все будет «не о том», и лишь совпадение слов. Ведь и движение по кругу – движение; и внутреннее стремление к Богу – тоже. Но для меня-то, знающей, о чем я говорю (и для других знающих и узнавших) – это будет не то, мимо. Там «сомкнут тайный круг»[3]. И вот, все –

Застыло, каменея, как тело мертвеца.
Движенье – но без воли. Конец – но без конца.

Тут: «Отец Мой и доныне делает»[4].

Там: «И вечности безглазой беззвучен строй и лад.....»

Пусть я не права. Но Божественному-только-Божественному, самому несказанно-высокому, самому «сверх-».... я, однако, «почтительнейше билет возвращаю»[5] во имя ценности моего и всечеловеческого. Мало того: я имею дерзость считать, что у меня есть

нечто, оправдывающее «возвращение билета».... на проезд в Индию[6]. «Движение» – это все еще в плоскости философской, и хотя не имеющему этого понятия дать его никакими разъяснениями нельзя, однако разъяснять тут, обосновывать, говорить – очень возможно. Но соответственно «Движению» – в плоскости религиозной есть Нечто, что ни на каком языке раскрыто быть не может, – а есть, и даже все есть потому, что оно есть. Я дерзаю поставить его «сверх» всей сверхмудрости и сверх-личного восточного Божества, сверх всего древнего бездонного круга. Назвать? Но имени я не знаю. Имею только условный знак, им сообщаются между собою те, кто носят в себе зерно понимания. Этот знак, слово, – *Любовь*.

Тут уж я вам не скажу: возьмите широко. Его, знак, ни широко, ни узко, нельзя взять, вообще нельзя взять: только иметь или не иметь. Видеть или не видеть.

Видящий или хоть понимающий, о чем речь, уже не пойдет в широкий, неподвижный Круг Востока, с его беспредельно-высокими небесами, не пойдет ни за какое сверх-блаженство, ни за какие обещанньясверхправды. «Небо-то.... ведь оно, ты что думаешь? ведь оно в рост человеческий», – сказал один сибирский старичок[7]. И верно; так же верно, как и то, что оно высоко – без предела. Знающий о Движении, понимающий о Любви – это поймет. Другие – да пребывают в посильном блаженстве Высшей Мудрости, но пусть не судят Наивысшего, – им оно не даровано.

Возвращаясь к вам и к смешанности ваших реплик, скажу: если б весь мир принял «религию» Востока, и только трое[8] оставались бы в религии «Движения – Любви», – то уверенность этих троих не поколебалась бы: они точно так же надеялись, желали и ждали бы, что Круг разорвется, что мир сдвинется, что со всей Мудростью он войдет в Волю высшую, т.е. в Движение – Любовь.

Как ни трудно разорвать Круг для находящихся в Круге, – «нет невозможного для Бога»[9], и я не смотрю и на них, как на остановившихся довека; ведь я не хочу, ради Истины, отнять у них что-либо, – но *прибавить*. А все-таки сколь ближе мне (и ближе к Истине) братья-иудеи, народ-ребенок, *уже* весь в Движении, *уже*, с самого начала поставленный на путях к Любви. Не очень мудр мудрец, если он убьет ребенка за то, что ребенок своими словами, по своему видению, расскажет ему об отце, – неверно, конечно, неполно и смешно. Убить же этого ребенка или хоть за дверь выкинуть – не смешно, а страшно.

Плененный далекой, неподвижной Мудростью – вы уже готовы на убийство. Войдя в Круг, сделавшись мудрецом, вы, конечно, и от

этих движений откажетесь. И ваш суд над иудаизмом (+ народом иудейским) я отношу к вашей опасной переходной позиции. К вашим «бореniям». Как она ни опасна, ни неустойчива – желаю вам, все же, оставаться на ней по возможности дольше..... если, в конце концов, вы попустите Круг замкнуть вас.

Зерна понимания того Главного, о чем говорила я смутными намеками, – лежат во всякой душе. Но в иных прорастают, в других спят долго-долго, мертвым сном. У вас они спят. Бог один знает, когда этот мертвый сон переходит в подлинную смерть. И переходит ли. Но на каждого человека смотрю я с надеждой или со страхом. Один слова не умеет связать, глупые грубости городит, а у него зеленая былинка в душе качается; другой доступен сложнейшим умственным построениям, высоким экстазам ощущений, и.... сухая земля у него там, где лежат глухо семена «Движения – Любви».

Не останавливаюсь совершенно на ваших строках о «революции»[10]. Они у вас даже внешне-непродуманы да и естественно-ненужны, притянуты искусственно (как весь Мережковский и вместе с ним). Кроме того, если принять все, что сказано мною выше, – ясно, что ничего нельзя говорить о «революции», увидеть даже нельзя ее, не зная ничего о Движении. Она ему прилежит, как творог и снег прилежат «белому». Слепой может говорить кое-что о твороге и о снеге, но никогда не скажет всего верного, нужного – *мне*, знающей «белизну».

Кончаю тем, чем начала. Если вопрос, которым Вы заняты, трогает вас серьезно, – отнеситесь к нему серьезно, – с какой-нибудь из двух сторон: научной или внутренней, но *не литературной*; во всяком случае – смешением тонов, аспектов и отсутствием перспектив ничего не достигается. Всякое действие (даже чтение лекции) должно быть узко, как лезвие ножа должно быть – устро.

До свиданья. Не сетуйте на смутную отрывочность письма. Как иначе?

З. Гиппиус.

Послано на тот же адрес. Почт. штемпель 27.2.1916. Помета Тинякова карандашом: «получ[ено] 27 февр[аля] 1916».

[1]О каком именно тексте Тинякова идет речь, неизвестно. Вероятно, он не был опубликован или прочитан в виде публичной лекции, иначе заслужил бы отзывы в критике в связи с апрельским скандалом. После же этого скандала появление материала в печати стало бы невозможно.

[2] См. в письме Тинякова в редакцию газеты «Земщина» (вероятно, в более обостренном и усиленном виде по сравнению с обсуждаемым тек-

стом): «...поскольку *иудаизм* является выражением семитического духа и поскольку *христианство* является преодолением и отрицанием иудаизма – постольку я и до сих пор являюсь антисемитом, и впредь таковым останусь, от Иисуса Христа не отрекусь. [...] Евреи желают утвердить в мире свое национальное “я” в ущерб всякому другому ”я”. И нет, на мой взгляд, дела более позорного, изменнического и грешного, чем помогать им в этом их стремлении, ибо еврейские победа и торжество будут знаменовать собою гибель и поругание всей нашей культуры и утверждение в мире тесного для нас и омерзительного талмудического порядка» (Земщина. 1916. 17 апреля. № 2328. С. 3).

[3] Не вполне точная цитата (в оригинале: «...сомкнули тайный круг») из стих. «Часы стоят» (1902) (*Гиппиус*. Стихотворения. С. 127-128). И далее Гиппиус цитирует это же стихотворение, не везде точно.

[4] Не совсем точная евангельская цитата (Ин.: 5: 17: «Отец мой доныне делает, и Я делаю»).

[5] Слова Ивана Карамазова (Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы», ч. 2, кн. 5, гл. VI). Поставлены эпиграфом к позднейшему стихотворению Гиппиус «Рай» (*Гиппиус*. Стихотворения. С. 339).

[6] Речь идет о мировоззренческих принципах некоторых восточных религий и соответствующей им бытовой практике «бездвижности». См., напр., в отклике Гиппиус на статью Тинякова: «Если мне скажут, что *Будда* и Эдиссон идут в разные стороны, – о, под этим я подпишусь обеими руками. Но и пусть себе они идут в разные стороны. Я не участи Индии хочу моей России» (*А. Кр*. Равноценности // Голос жизни. 1915. № 9. С. 1).

[7] Источник цитаты не разыскан.

[8] Имеются в виду члены «триумвирата» – Гиппиус, Мережковский и Философов. С другой стороны здесь, очевидно, есть намек на евангельскую фразу: «...где двое или трое собраны во имя мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20).

[9] Ср.: «...человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19: 26).

[10] См. в письме Тинякова А.А. Блоку от 20 апреля 1916: «...революционные движения не всегда бывают прогрессивны, но, по большей части, только *конвульсивны* и *как таковые* они часто ведут не к возрождению, а к ослаблению народных сил, и, следовательно, считать революцию непременно составленной частью *общечеловеческого* прогресса – нельзя. Не думаю, чтобы Гете или Толстой были враждебны прогрессу, но вряд ли у Революции найдется много столь серьезных противников, как они» (*Варжапетян*. С. 34).

13. [28 февраля 1916. Петроград]

28-2-16 Спб.

Я была бы не собой, а чем-то вроде того демонического существа (никогда «субъекта», всегда «объекта»), которым вы меня представ-

ляете, если б я могла оставить ваше письмо без ответа. Мне кажется бесполезным говорить с вами словами разума. Но не могу и смотреть молча на живое человеческое существо, столь явно исчезающее под властью Беса. Тем менее могу, что очевидно: какая-то шерстинка, волосок какой у этого вашего беса – от меня. Слова прозвучали... сгасли, как будто, и ничего; из них вырос коготок чорта, в вас вошедшего. «Люблю я себя, как Бога....»[1], «мы все пойдем на восток....»[2] и, наконец, – «безрадостно-благополучно....»[3]– вы даже не заметили, *откуда* это? Я справилась с чортом, а *показать* смогла не борьбу и победу, а только его самого. Я его выгнала из своего дома, а он пошел в ваш и, «найдя его прибранным и выметенным», «привел с собою злейших и поселился» в нем[4]. И мне случайно (или не случайно) довелось на это любоваться.

Я бы могла указать на вопиющие логические противоречия вашего собственного письма, но.... бесполезно; ибо «сей род изгоняется лишь постом и молитвой»[5], лишь действием *воли*, человеческой и божественной, или Бого-человеческой. Бог не захочет помочь вам (из любви к вам не захочет), если вы не захотите помочь Ему в этой помощи.

Слышу знакомый голос дьявола в «смиренной» – «оценке своих сил». Не верьте ему, – тут я с правом скажу – верьте *мне*: человеку не открыта мера его сил, не позволено определять ее, «ибо не мерою дает Бог духа...»[6]. Ваше ли это дело? Ваше – идти так, чтобы дойти, остальное вас не касается. Мало *верить* в Бога: надо еще *доверять* Ему. (Я не говорю, что я, вот именно я, и верю, и доверяю. Я говорю только, что *надо*; и имею право требовать этого от вас, ибо такие же требования предъявляю и к себе.) Есть только одна опасность: совершить *меньше* своих сил. Вот для этого-то дьявол и подталкивает на недозволенное «самовозвешиванье», имеющее такой «смиренный» аспект! И затемняет воистину смиренный разум, показывающий, что «оценка» уже потому ненужна, что сверх-то своих сил вы, ведь, ничего не сделаете, и только дадите «меру сил», когда будете делать без меры.

Но.... «сей род изгоняется постом и молитвой». Для каждого свой «пост», свое действие. Не только Бог, но и человек не может другому помочь, если другой не поможет ему помочь. Попробуйте захотеть моей помощи, быть может, я и смогу вам ее дать. Я хотела бы, и уже потому особенно, что по человечеству виновата перед вами, – (если хоть шерстинка беса, вас одолевающего, от меня).

Не забывайте только, что моя помощь будет – человека человеку. Вашему бесу, заставляющему вас смотреть на меня своими глазами

и видеть во мне не Человека (без смирения ставлю большую букву и желаю быть только достойной этого имени) – но какое-то подозрительное существо, «объект» благоговения и т.д., – вашему этому кощунственному бесу я помогать не желаю. Если вас не хватит и для первого усилия освобождения – и моя протянутая *человеческая* рука не встретит вашу, – что ж, это будет дьявольская победа, и моя вина останется на мне.... Но это я напрасно пишу вам: не для меня, а для себя сделайте усилие освобождения. Для себя. За свои вины я сама отвечу, думайте о себе, прежде всего.

Чем сильнее хочу я помочь вам, – тем беспощаднее я к вашему бесу. И напрасно он говорит со мною из вас – обо мне. Я знаю его насквозь, меня он не обманет. Я – уже и не спорю с ним: *наш* спор кончен. Я смеюсь ему в лицо, где бы я это лицо не увидала. И придумал новую штуку: одолевать других на моих глазах. Мне остается один выход: пытаться помочь другому в борьбе.

З. Гиппиус.

Вот это тоже *не вы* сделали приписку о «непрочтении вашего письма на собрании». Не вы, и не мне, а тому безответственно-божественному объекту, одному из тех, которым, по своей благости, «Бог не дал *быть*».

Послано на тот же адрес. Почт. штемпель 29.2.16. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 29 ф[евраля] 1916».

[1] Из стих. «Посвящение» (1894). См.: *Гиппиус*. Стихотворения. С. 76.

[2] Неточная цитата из того же стих. В оригинале: «Мы оба идем на восток».

[3] Из стих. Гиппиус «Дьяволенок» (1906). См.: Там же. С. 177-179.

[4] Отсылка к Лк. 11: 24-46.

[5] Не вполне точная евангельская цитата: Мф. 17: 21; ср. тж. Мк. 9: 29.

[6] Ин. 3: 34.

14. [2 марта 1916. Петроград]

2-3-16. СПБ.

Совершенно основательны были мои опасения, что слова разума ни к чему нас не приведут.

Верю вашей искренности. Могу уловить вашу психологию. Она мне чужда. И так наполняет вас, что для логики нет места. Оттого вы

и не слышите меня. Ни согласий, ни несогласий у вас нет со мною. И на «путь» мой вы не можете ни нейти, ни идти, ибо этого пути вы не видите.

И все ваши «возражения» я принуждена признать несуществующими, т.к. это возражения «не на то».

Устраним же из наших разговоров – бесполезное для вас (ибо невидимое) – мое «ту». Оставайтесь в царстве своей собственной, данной, психологии. Она мне чужда, – но не могу же я отрицать то, что есть. Я буду помнить, что под все слова, как «любовь, помощь, справедливость, движение» – вы подставляете свои (психологические, поэтому неустойчивые) понятия, и совсем *не можете* представить себе другие. Помня это, я, если придется говорить с вами, в вашей плоскости и постараюсь оставаться.

Возможны неожиданности, конечно; откуда, например, у вас выплыло «масонство», и какое оно имеет к нам и нашим разговорам отношение, – я никак не могла понять сразу[1]. Стала в тупик. Оперируя с прихотливыми нитями чистой психологии, да еще чужой, всегда можно запутаться. Масоны... откуда масоны? Звуковые ассоциации... Вы против иудаизма... против жидовства... против масонства.... – «жидо-масоны»... – это «отображение внизу». Отлично. Готова и тут понять. Но ваш пафос против масонства не только мне чужд: еще неинтересен, благодаря неинтересности масонства.

А впрочем.... говорите о* масонстве. Говорите о чем хотите. Ваши рассуждения о «влюбленности» меня почти так же удивили, как и неожиданное появление масонства. Но я их тоже принимаю. Вы искренни – этого довольно. Всякая моя требовательность к вам прекращается.

Помощи я *оказать* вам не могу. Но если вы называете что-то «помощью» и хотите это от меня *взять* – берите, пожалуйста. Где несправедливость? (пусть «справедливость – высшее», я, ведь, говорю по-вашему.) Я ничего не даю; если же вам *кажется*, что вы что-то берете, и это «кажется» вас утешает, – где проигрыш? Не на моей, во всяком случае, стороне.

Напротив, «запрещая» вам что-либо (видеть меня, например), я тем продолжала бы наш, в данную минуту бесплодный, спор, какой-то лишний, х [икс] сил потратила бы. Данное же положение и вас и меня устраивает. В моем простом, самом жизненном, доброжелательстве – вы, конечно, не будете сомневаться.

---

* В тексте – «и», т.е. вероятно, Гиппиус имела в виду написать «и о».

Если зайдете во вторник днем (воскресенья мои отменены), я отдам вам вашу статью. И кое-что скажу насчет Ляцкого[2].

До свиданья

З. Гиппиус

Послано на тот же адрес. Почт. штемпель 3.3.16. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 3 марта 1916».

[1]Тиняков верил классическому утверждению антисемитской пропаганды о единстве масонства и иудаизма (или мирового еврейства). См. в его письме к А.М. Ремизову от 14 января 1914: «Либо мы сохраним нашу Расовую Арийскую душу, наши церкви и нашу культуру, – либо потеряем все и подпадем под власть дьяволопоклонников – жидов и масонов. Да не будет второго» (*Варжапетян*. С. 24). Ср. также письмо к нему И.С. Рукавишникова от 15 января 1914 (*Варжапетян*. С. 25).

[2] См. п. 6, примеч. 4.

15. [24 марта 1916. Петроград]

24-3-16 СПБ

Я не то что осуждаю вас, Александр Иванович, но мне очень грустно на вас смотреть. Если вы «довольны и счастливы» – тем грустнее. Не оттого, что «мудрость печальна»[1], а оттого, что вам не от чего быть сейчас собою довольным. Да и все у вас надрыв. Ослепли и путаете, смешиваете и важное, и неважное, без перспективы. Ведь вы мне (теперь!) серьезно пишете, что, вот, Шмаков[2] вам книгу с автографом прислал, а у вас и тут «голова не закружилась» и вы не променяли «исканья правды» на эту честь. Я просто теряюсь, не знаю, улыбнуться мне или отвернуться. Совершенно так же непонятна мне психология ваша, когда вы пишете что-то о Мережковском, о ненависти к нему и т.д. Если бы все порядочные люди сплошь ненавидели нас до кровомщения, а все Шмаковы обожали, – вы думаете, что я из-за этого порядочных стала бы проклинать со всеми их делами и родом их, а Шмакова принимать? Вот, пожалуй, иудейская психология, в дурном смысле, – ведь не дай Бог, когда русский человек «жидовеет», он хуже еврея на это способен.

Я повторяю: ни ссориться с вами, ни «запрещать» вам что-либо – намерения не имею. Если бы вы слушались советов – я бы вам их давала. Но вы их не слушаетесь, значит – бесполезно. Смотрю на вас совершенно иначе, нежели вы сами на себя. Даже обратно. Т.е. ваши поступки и ваши «страстишки» (вроде «заведу драку» и пр.) я считаю вредными, – слегка для других, весьма для вас самого; и мелкими:

неумными даже, почти «провинциальными», вроде скандальчиков губернского чиновника в подпитии[3]. Но вас самого – я считаю человеком талантливым, с хорошими *возможностями*. Я вижу вашу правду даже когда вы лжете и выкручиваетесь, и тем более мне грустно и жалко... не вас, а вот эту обиженную правду, вами в вас попираемую. Почти попранную.

Это ложь, что вы «презираете» мнение о вас «всех» (?) и «дорожите только моим». Вы дрожите, напротив, перед взглядом последнего из «всех», но.... неловки, и как раз потому, что сущность-то ваша – не ложь, не эта безмерная, жалкая слабость, рабья какая-то; – сущность ваша иная. Вы только ее душите, вместе с отпущенными вам «дарами».

Видите, мы смотрим совершенно противоположно на одного и того же человека, – на вас. Кто-нибудь ошибается. Но тут уж надо сказать открыто: ошибаетесь вы. *Не я*.

Знайте же, что ваши «поступки», вот хотя бы в этой истории, вплоть до вашего «письма» Василевскому[4], *я отрицаю*; я – с теми, кто вашим поступкам не доверяет. Но то доброе в вас, что и есть *вы,* – утверждаю. Пока не будет совсем задушено. Очень трудно теперь освобождать его. Куда легче задушить окончательно. Только скользить дальше... Но вы понимаете, что мне грустно смотреть на это. Нечем любоваться.

З. Гиппиус.

Адрес на конверте: Александру Ивановичу Тинякову. Вознесенский пр. д. 18 кв. 39. Здесь. Почт. штемпель: 24.3.16. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 4 марта 1916». Опубл.: *Варжапетян*. С. 30.

[1] Слова восходят к Еккл. 1:18.

[2] Шмаков Алексей Семенович (1852–1916) – видный антисемит, автор книг «Евреи в истории» (1907), «Международное тайное правительство» (1912) и др. По основной профессии юрист, на процессе Бейлиса был гражданским истцом. В статье «Грозовая заря» Тиняков писал: «Участие в процессе Бейлиса такого глубокого знатока еврейских тайн, каков А.С. Шмаков, заставляет надеяться на то, что тайные цели жидов будут раскрыты с достаточной ясностью» (Земщина. 1913. 4 октября. № 1459. С. 3; *Варжапетян*. С. 24).

[3] Явный намек на поведение самого Тинякова, известного скандалами в пьяном виде. В частности, с Ф. Сологубом и Ан.Н. Чеботаревской он разошелся именно из-за такого скандала.

[4] Василевский Илья Маркович (псевд. Не-Буква; 1882–1938; расстрелян) – журналист, в 1916 – редактор «Журнала журналов», где была опубликована «Исповедь антисемита» Тинякова.

16. [29 марта 1916. Петроград]

29 Мр. 16

Завтра, в среду, будьте добры зайти ко мне около 5 ч., Александр Иванович, если желаете сказать еще что-либо сверх вами сказанного.

З. Гиппиус.

Закрытое письмо на тот же адрес. Штемпель не читается. Помета Тинякова карандашом: «Получ[ено] 30 мар[та] 1916».

Литература

Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 474–475.

Богомолов Н.А. Неосуществленный цикл О.Э. Мандельштама и журнальная полемика 1915 года // Русская публицистика и периодика эпохи первой мировой войны: Политика и поэтика: Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 243–254.

Варжапетян В. «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 28–37.

Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар: Неизвестная проза 1920–1925 годов / Сост., вступ. ст. и комм. А. Н. Николюкина. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2002. 560 с.

Гиппиус З.Н. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. (Новая Библиотека поэта. Большая серия). 592 с.

Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 11. 589 с.

Емельянов В. Знал ли Александр Иванович халдейский язык? (Об источниках стихотворения А. Тинякова «Тукультипалешарра») // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикирко) Ленинградской обл., 2010. С. 109–120.

Еремин А.И., Жукова Ю.В. Рукописный журнал орловских гимназистов начала XX века «Школьные досуги» (Источниковедческий обзор) // Образование и общество. 2005. № 1 (30) январь – февраль. С. 113–120 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jeducation.ru/1_2005/113.html

З.Н. Гиппиус в переписке с братьями Н.Л. и М.Л. Слонимскими (1915–1923): История личных и творческих отношений / Вступ. ст.,

подгот. текста и коммент. Кита Триббла // Русская литература. 2006. № 6. С. 193–229.

Котова М. К истории отношений А. Тинякова и М. Зощенко // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикирко) Ленинградской обл., 2010. С. 122.

Краснова Н. Федор Крюков и Александр Тиняков // Наша улица. 2006. № 2. С. 13–25.

Лекманов О. «У Лукоморья»: К истории одного «националистического» журнала // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. XII. Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту, 2011. С. 411–426.

Лекманов О. 15 помет Александра Тинякова на книге Зинаиды Гиппиус «Последние стихи» (1918): К построению читательской истории литературы // Антропология революции. Сб. статей / Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин. М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 127–138.

Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. Вып. 3: 1911 – октябрь 1917 / Ред.-сост. М.Г. Петрова; Под общ. ред. А.В. Лаврова. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 670 с.

Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М. РОССПЭН, 2008. 1216 с.

Тиняков А.И. Стихотворения. 2-е изд., испр. и доп. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова. Томск; М.: Водолей, 2002. 416 с.

Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное / Под общ. ред. Н.А. Богомолова. М.: Советский писатель, 1991. 688 с.

Ходасевич В. Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому / Сост. С. Сильванович и М. Шатин. Предисл. и комм. Н. Богомолов. Примеч. к письмам и заключ. статья И. Андреева. М.: СС, 1996. 464 с.

Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни (Воспоминания) / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. СПб.: Феникс, 1998. Вып. 24. С. 10.

References

Blok v neizdannoi perepiske i dnevnikakh sovremennikov (1898–1921) [Block in the unpublished correspondence and diaries of contemporaries (1898–1921)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], Moscow, Nauka Publ., 1982, t. 92, kn. 3, pp. 474–475. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Neosushchestvlennyi tsikl O.E. Mandel'shtama i zhurnal'naia polemika 1915 goda [Unrealized cycle of Osip Mandelshtam and the

journal polemics in 1915]. *Russkaia publitsistika i periodika epokhi pervoi mirovoi voiny: Politika I poetika: Issledovaniia i materialy* [Russian journalism and periodicals era of the First World War period: Politics and Poetics: Research and Materials]. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of World Literature Publ., 2013, pp. 243–254. (In Russ.)

Emel'ianov Vladimir. Znal li Aleksandr Ivanovich khaldeiskii iazyk? (Ob istochnikakh stikhotvoreniia A. Tiniakova «Tukul'tipalesharra») [Whether Alexander Ivanovich knew the Chaldaic language? (on the Sources of the Tiniakov's Poem "Tukultipalesharra")], *Lesnaia shkola: Trudy VI Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel'skom peresheike po russkoi literature* [Proceedings of the VI International Summer School on the Karelian Isthmus in Russian literature]. Pos. Poliany (Uusikirko) Leningradskoi obl., 2010, pp. 109–120. (In Russ.)

Engel'gardt N.A. Epizody moei zhizni (Vospominaniia) [Episodes of My Life (Memoirs)]; publ. S.V. Shumikhina. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh.* [Past: Historical almanac], Saint-Petersburg, Feniks Publ., 1998, vyp. 24, p. 10. (In Russ.)

Eremin A.I., Zhukova Iu. V. Rukopisnyi zhurnal orlovskikh gimnazistov nachala XX veka «Shkol'nye dosugi» (Istochnikovedcheskii obzor) [Manuscript journal of Oriol's Gymnasium students of the beginning of the 20th century "School leisure" (Source studies)]. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and Society]. 2005, no 1 (30) ianvar' fevral', pp. 113 120. available at: http://www.jeducation.ru/1_2005/113.html (In Russ.)

Gippius Z.N. *Mechty i koshmar: Neizvestnaia proza 1920–1925 godov* [Dreams and Nightmare: Unknown Prose of 1920–1925]; sost., vstup. st. i komm. A.N. Nikoliukina. Saint-Petersburg, OOO «Izdatel'stvo"Rostok"», 2002. 560 p. (In Russ.)

Gippius Zinaida. *Stikhotvoreniia* [Poems]; vstup. st., sost., podgot. teksta i primech. A.V. Lavrova. Saint-Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskii proekt» Publ., 1999. (Novaia Biblioteka poeta. Bol'shaia seriia). 592 p. (In Russ.)

Gor'kii M. *Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t.* [Complete of Works. Letters. In 24 vols.]. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of World Literature Publ., 2004, t. 11. 589 p. (In Russ.)

Khodasevich V. *Koleblemyi trenozhnik* [Shaked Tripod]; pod obshch. red. N.A. Bogomolova. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 688 p. (In Russ.)

Khodasevich V. *Nekropol'. Literatura i vlast'. Pis'ma B.A. Sadovskomu* [Necropolis: Memoirs; Literature and Power; Letters to B.A. Sadovskoj]; sost. S. Sil'vanovich i M. Shatin, pred. i komm. N. Bogomolov, prim. k pis'mam i zakl. stat'ia I. Andreeva. Moscow, SS Publ., 1996. 464 p. (In Russ.)

Kotova Mariia. K istorii otnoshenii A. Tiniakova i M. Zoshchenko [To the History of a Relationship: A. Tiniakov and M. Zoshchenko]. *Lesnaia shkola: Trudy VI Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel'skom peresheike po russkoi literature* [Proceedings of the VI International Summer School on the Karelian Isthmus in Russian literature]. Pos. Poliany (Uusikirko) Leningradskoi obl., 2010, p. 122. (In Russ.)

Krasnova Nina. Fedor Kriukov i Aleksandr Tiniakov [Fiodor Kriukov and Alexander Tiniakov], *Nasha ulitsa* [Our Street], 2006, no 2, pp. 13–25. (In Russ.)

Lekmanov Oleg. «U Lukomor'ia»: K istorii odnogo «natsionalisticheskogo» zhurnala ["U Lukomor'ia": to the History of a "nationalistic" journal]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, XII, Mifologiia kul'turnogo prostranstva; K 80-letiiu Sergeia Gennadievicha Isakova. Tartu, 2011, pp. 411–426. (In Russ.)

Lekmanov Oleg. 15 pomet Aleksandra Tiniakova na knige Zinaidy Gippius «Poslednie stikhi» (1918): K postroeniiu chitatel'skoi istorii literatury [15 Notes by Alexander Tiniakov on Zinaida Gippius' book "The Last Poems" (1918): Creating the Reader's History of Literature]. *Antropologiia revoliutsii* [Revolution anthropology]. Sb. statei; sost.i red. I. Prokhorova, A. Dmitriev, I. Kukulin. M. Maiofis. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 127–138. (In Russ.)

Letopis' literaturnykh sobytii v Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [Annals of literary events in Russia, end of the 19th – beginning of the 20th cent.] Vyp. 3: 1911 – oktiabr' 1917; red.-sost. M.G. Petrova; pod obshch. red. A.V. Lavrova. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of World Literature Publ., 2005. 670 p. (In Russ.)

Rozanovskaia entsiklopediia [Rozanov encyclopedia], sost. i gl. red. A.N. Nikoliukin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 1216 p. (In Russ.)

Tiniakov A.I. *Stikhotvoreniia* [Poems], 2-e izd., ispr. i dop.; podgot. teksta, vstup. st. i komment. N.A. Bogomolova. Tomsk; Moscow, Vodolei Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)

Varzhapetian Vardvan. «Ispoved' antisemita», ili K istori odnoi stat'i ["The Confessions of an Antisemite", or To the History of One Article]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary review], 1992, no 1, pp. 28–37. (In Russ.)

Z.N. Gippius v perepiske s brat'iami N.L. i M.L. Slonimskimi (1915–1923): Istoriia lichnykh i tvorcheskikh otnoshenii [Z.N. Gippius and her Correspondence with N.L. and M.L. Slonimskie Brothers (1915–1923): a Story of Personal and Artistic Relationship], vstup. st., podgot. teksta i komment. Kita Tribbla. *Russkaia literatura* [Russian Literature], 2006, no 6, pp. 193–229. (In Russ.)

The Letters of Zinaida Gippius to Alexander Tiniakov

Nikolay Bogomolov

Abstract: Publication of the full corpus of Zinaida Gippius' surviving letters to Alexander Tiniakov (1903, 1915–1916) provides a rich material to determine the correspondent's positions in the literary world during the First World War and before the Revolution of 1917. In 1915 the Merezhkovskys tried to get close to Tiniakov, who worked for many pre-revolutionary periodicals; they expected him to be a person with close views, a publicist they could collaborate with in various ways: they planned to ask him to review their works, to set him topics for discussions in order to propagate by means of polemics their views, to make him an ally in various projects and ventures connected with different periodicals. The attempt of rapprochement was not successful and very soon led to a complete rupture. The letters also provide an insight into the literary relationship not only between Gippius and Tiniakov, but also between other writers. Letters to Tiniakov are considered as a part of a bigger edition, a volume *From the Epistolary Heritage of Zinaida Gippius* of the series *Literaturnoe Nasledstvo*.

Keywords: Zinaida Gippius, Alexander Tiniakov, writers' letters, epistolary, Russian literature of the beginning of the 20th century

Information about the author: Nikolay A. Bogomolov, Doctor Hab. in Philology, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-83-178
УДК 82 (09) +82 (92 + 95) Святополк-Мирский ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Статьи и рецензии Д.П. Святополк-Мирского в журнале «Slavische Rundschau» (1929–1932)

М.В. Ефимов

Аннотация: Творческое наследие литературного критика и историка литературы кн. Д.П. Святополк-Мирского (1890–1939) привлекает к себе в последние годы всё большее внимание. Постепенно формируется понимание масштаба личности Мирского – одной из крупнейших фигур в литературе русского зарубежья 1920-х гг., значимого участника евразийского движения, важнейшего посредника между русскими эмигрантами и европейскими интеллектуалами. Актуальной задачей является введение в российский исследовательский оборот малоизвестных, малодоступных и фактически забытых текстов Мирского.

В настоящей публикации впервые представлены русские переводы статей и рецензий Святополк-Мирского в журнале «Slavische Rundschau» (1929–1932). Журнал выходил в Праге на немецком языке, его восточнославянский отдел редактировал Р.О. Якобсон. Мирский участвовал в журнале по приглашению Якобсона.

Мирскому принадлежит в журнале восемь публикаций. Это – три обзорные аналитические статьи (о литературе русской эмиграции, о современном русском историческом романе, о рецепции творчества Достоевского в Европе), три рецензии на историко-литературные публикации (книги Н. Арсеньева, М. Алексеева и В. Кирпотина) и два обзора культурных событий в Великобритании, связанных с Россией.

Немецкоязычные работы Мирского являются важной частью его творческого наследия, необходимой для понимания эволюции его историко-литературных взглядов.

Ключевые слова: Святополк-Мирский, Slavische Rundschau, славистика, Якобсон, русское зарубежье, Прага, Достоевский, исторический роман, Великобритания, история литературы

Информация об авторах:

Михаил Витальевич Ефимов, старший научный сотрудник, ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», г. Выборг Ленинградской области, Россия. E-mail: mikhail.v.efimov@gmail.com

Татьяна Вячеславовна Марченко, д.ф.н., заведующая отделом «Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына», Москва, Россия. E-mail: tvmarch27@gmail.com

Олег Анатольевич Коростелев, к.ф.н., заместитель директора по научной работе ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: okorostelev@mail.ru

Творческое наследие литературного критика и историка литературы кн. Д.П. Святополк-Мирского (1890–1939) привлекает к себе в последние годы всё большее внимание[1]. Постепенно формируется понимание масштаба личности Мирского – одной из крупнейших фигур в литературе русского зарубежья 1920-х гг., значимого участника евразийского движения, важнейшего посредника между русскими эмигрантами и европейскими интеллектуалами. Мирский оказался в эмиграции в 1920 г. и уехал в 1932 г. в СССР, где после нескольких лет активного участия в советской литературной жизни был арестован и погиб в заключении[2].

Понять масштаб Мирского призваны и свидетельства современников (работа по их собиранию продолжается), и – в большей

[1] См. основополагающую биографию: *Smith G.S.* D.S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939. Oxford: Oxford UP, 2000. За последние двадцать лет появилось несколько новых изданий работ Мирского: *Мирский Д.С.* Стихотворения. Статьи о русской поэзии / Compiled and edited by G.K. Perkins and G.S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1997; *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002. (Русское зарубежье); Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирский / Вступ. ст. Е.Б. Белодубровского. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2010; *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

[2] См.: *Ефимов М.В.* Д.П. Святополк-Мирский: судьба творческого наследия и проблемы изучения (К 120-летию со дня рождения) // Нансеновские чтения 2010 / Научн. ред. М.Н. Толстой. СПб.: Санкт-Петербургский Институт истории РАН; ИКЦ «Русская эмиграция», 2012. С. 274–288; *Ефимов М.В.* Д.П. Святополк-Мирский: нетипичный эмигрант в нетипичных обстоятельствах // Нансеновские чтения 2012 / Научн. ред. М.Н. Толстой. СПб.: Санкт-Петербургский Институт истории РАН; ИКЦ «Русская эмиграция», 2014. С. 354–366; *Ефимов М.* Мирский как советский критик: стратегия / трагедия двусмысленности // Политика литературы – поэтика власти / Сб. статей; под ред. Г. Обатнина, Б. Хеллмана и Т. Хуттунена. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 214–226.

степени – введение в российский исследовательский оборот малоизвестных, малодоступных и фактически забытых текстов Мирского. Мирский писал много и на разных языках: по-русски, по-английски[1], по-французски, по-немецки и по-итальянски[2]. В этом многоязычии он не уникален среди своих русских современников (достаточно вспомнить Д.И. Чижевского, В.В. Вейдле, Н.С. Трубецкого и др.). Важнее другое: Мирский, часто обращавшийся к одним и тем же предметам, редко повторяется. Его аналитическая мысль, проникая в художественный текст или филологическое исследование, извлекала материал для создания своеобразного индивидуального канона русской литературы, до настоящего времени еще систематически не описанный и не проанализированный[3]. Исключительно важно, что Мирский воспринимал текущую литературу в историко-литературных, а не только литературно-критических категориях. Результатом этого стал плодотворный синтез историко-литературной науки и литературной критики, которому трудно найти аналогию в среде его современников. Но неслучайно Мирский был многолетним заинтересованным участником полемики вокруг формальной школы[4].

Важной, но до настоящего времени практически неисследованной страницей является сотрудничество Мирского в 1929–1932 гг. с пражским немецкоязычным журналом «Slavische Rundschau». Восточнославянский отдел в «Slavische Rundschau» ре-

---

[1] См.: «Судья строгий, но праведный»: Статьи и рецензии Д. Мирского в журнале «The Slavonic Review» (1922–1929). Публ., вступит. ст. и коммент. О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; пер. с англ. М.В. Ефимова // Русская литература. 2013. № 2. С. 199–232.

[2] *Святополк-Мирский Д.П.* Место Достоевского в русской литературе // Перевод с итальянского К. Суботовой, публикация, редакция перевода, комментарии М.К. Гидини, О. Коростелева и М. Ефимова, вступительная заметка М. Ефимова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016 (в печати).

[3] Одна из первых попыток этого предпринята в работе: Ефимов М.В. Поэзия И.Ф. Анненского в авторском каноне русской литературы Д.П. Святополк-Мирского // Сб. материалов Всероссийская научная конференция с международным участием «Иннокентий Анненский (1855–1909): жизнь, творчество, эпоха (к 160-летию со дня рождения)» (ИРЛИ РАН, 12–14 октября 2015 г.) / Отв. ред. Г.В. Петрова. СПб., 2016 (в печати).

[4] См.: *Ефимов М.В.* Атакующий защитник: кн. Д.П. Святополк-Мирский и формалисты (1920–1929) // Русская литература. 2017 (в печати).

дактировал Р.О. Якобсон, что закономерно привлекло внимание исследователей[1].

Как пишет В.А. Бахтина,

> «[с] осени 1928 года судьба Р.О. Якобсона связана с родившимся в Праге новым немецкоязычным журналом “Slavische Rundschau. Berichtende und kritische Zeitschrift für das geistige Leben der slavischen Völker” (Herausgegeben von Franz Spina und Gerhard Gesemann. Verlag Walter de Gruyter & Co. Berlin – Leipzig – Prag). Журнал был организован по инициативе и под редакцией профессора-слависта Пражского немецкого университета Ф. Спины (в период создания журнала он выполнял обязанности министра общественных работ Чехословацкой республики) и известного исследователя югославянского эпоса и русской литературы проф. Герхарда Геземанна.
>
> В состав редакционной коллегии входили: словенский писатель Иож Глонар, славист Р. Якобсон (вел восточнославянский отдел), А. Магр и Иж Шаунов (польский отдел), доцент Пражского немецкого университета Е. Рипль (чехословацкий отдел) и доцент Э. Шнеевейс, специалист по южнославянской этнографии и фольклору»[2].

По словам Н.С. Автономовой,

> «[г]лавная задача журнала – самоутверждение русской, славянской культур перед лицом Запада»; «Русская и советская (шире – славянская) культура представлена в нем в своего рода экспортном варианте»[3].

В письме к В.Б. Шкловскому от 26 февраля 1929 г. Якобсон так объяснял направление и характер издания:

---

[1] См.: *Автономова Н.С.* «Славянское обозрение»: научные споры и культурная дипломатия // *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. (Российские Пропилеи). С. 59–74.

[2] *Бахтина В.А.* Прага – Москва. Письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым //Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / Отв. редакторы С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 323–324.

[3] *Автономова Н.С.* «Славянское обозрение»: научные споры и культурная дипломатия // *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. (Российские Пропилеи). С. 62.

«Неправильно квалифицировать Рундшау как смешанный журнал. В нем несколько десятков сотрудников из числа советских ученых. <...> Что касается нескольких русских ученых, находящихся за рубежом и сотрудничающих в Рундшау, то это, во-первых, только участие специалистов, реферирование по специальным вопросам, во-вторых, большинство этих людей печатается и в СССР, так, например, профессор Чижевский приглашен сотрудничать в институте Маркса и Энгельса, учебник профессора Карцевского издан Госиздатом и рекомендован в трудшколы, книга Бема издана не так давно в Ленинграде. <...>

Редакция в тесном контакте с Полпредством. В журнале публикуются регулярно советские объявления. 1-й номер ты получил. В печатающемся мартовском номере и в редакционных папках большой запас разнообразнейших статей, рецензий и т.д. со всех концов СССР. Смешно, если как раз опоязовцы уклонятся и, например, в области истории литературы мне придется печатать внуков Скабичевского и маститых»[1].

Участие Мирского в «Slavische Rundschau» – немаловажный факт в биографиях и Мирского, и Якобсона. По словам Н.С. Автономовой, «[в] целом, журнал – детище Якобсона со товарищи»[2]. Допустимо, как представляется, все же скорректировать этот тезис. В журнале русистике было отведено столько же места, сколько полонистике, болгаристике и другим славистическим дисциплинам, в которых роль Якобсона была неизмеримо ниже, чем в русистике. По крайней мере, те первые три года издания журнала, когда с ним сотрудничал Мирский, демонстрируют широкий славистический консенсус, без специальной руководящей роли Якобсона.

История взаимоотношений Мирского и Якобсона не написана. В силу скудости доступных источников она может быть восстановлена на сегодняшний день лишь фрагментарно. В феврале 1926 г.

---

[1] *Бахтина В.А.* Прага – Москва. Письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым //Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / Отв. редакторы С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 324.

[2] *Автономова Н.С.* «Славянское обозрение»: научные споры и культурная дипломатия // *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. (Российские Пропилеи). С. 61.

Мирский, обсуждая со своим ближайшим другом и соредактором журнала «Версты» П.П. Сувчинским редакционные планы, писал: «О языковедении сам думал, и радуюсь встрече намерений. Якобсона особенно хотел – непременно нужен, это огромная голова»[1].

Как можно понять из контекста, идею пригласить Якобсона к участию в «Верстах» высказал Сувчинский, сообщивший о ней и Н.С. Трубецкому, с которым Сувчинского связывала многолетняя совместная работа в евразийском движении. 15 февраля 1926 г. Трубецкой писал Сувчинскому о «Верстах»:

> «Проект нового журнала мне очень нравится. С приглашением Якобсона я бы пока повременил, т.к. он все-таки имеет определенную репутацию, и появление его имени в первых №№ журнала могло бы создать сразу определенную презумпцию. Но со временем его надо пригласить: он очень талантлив. Вообще же по возможности поменьше жидов»[2].

Современный исследователь истории евразийства С. Глебов комментирует слова Трубецкого следующим образом:

> «Сувчинский пригласил [Якобсона] участвовать в газете “Евразия”[3]. Якобсон принял приглашение, но предпочел печататься под псевдонимом. В свою очередь, Сувчинский участвовал в редактировавшемся Якобсоном научном журнале Slavische Rundschau. Многие эмигранты считали Якобсона (официально – сотрудника советского торгпредства) большевиком»[4].

Из проекта участия Якобсона в «Верстах» в итоге ничего не вышло, хотя и полтора года спустя, в сентябре 1927 г., он по-прежнему обсуждался. Н.С. Трубецкой писал тогда Сувчинскому:

> «Особенно единодушны мы с Якобсоном. В области науки это, пожалуй, самый близкий мне человек. Он теперь и насчет быта говорит “те” слова. Кажется, он собирается что-то об этом написать для “Верст”. Кстати сказать, он просит не распространять, что будет уча-

---

[1] The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931 / Comp. and ed. by G.S. Smith. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs, 26). P. 44.

[2] *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство, 2010. (Новые границы). С. 374.

[3] Явная описка публикатора: речь идет не о газете «Евразия», начавшей выходить лишь в 1929 г., а о журнале «Версты» (№ 1 вышел и поступил в продажу в начале июля 1926 г.).

[4] *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. С. 377.

ствовать в “Верстах”. Вероятно, он все-таки будет писать под псевдонимом. – К сожалению, он безнадежен не только в отношении религии, но и в отношении политической установки. Идеократии и этатизма не приемлет никак, сколько я ни стараюсь»[1].

Летом 1928 г. Якобсон обратился к Трубецкому с просьбой порекомендовать авторов для «Slavische Rundschau». Трубецкой сообщил Якобсону координаты трех евразийцев – П.П. Сувчинского, П.Н. Савицкого и Мирского[2]. Как пишет С. Глебов, «Якобсон приглашал П.П. Сувчинского к сотрудничеству в журнале» и «Сувчинский участвовал в редактировавшемся Якобсоном журнале Slavische Rundschau»[3]. При этом публикаций Сувчинского в «Slavische Rundschau» не выявлено[4].

До нас не дошли письма Якобсона к Мирскому[5], хотя они наверняка существовали, поскольку Якобсон жил на рубеже 1920–1930-х гг. в Праге, а Мирский – в Лондоне (с регулярными поездками в Париж).

Для Якобсона сотрудничество с Мирским явно не было факультативным, поскольку в 1931 г. – т.е. в то время, когда Мирский публиковался в «Slavische Rundschau» – именно он оказался единственным автором, с кем Якобсону удалось издать сборник памяти Владимира Маяковского[6]. В сборник, как известно, вошли только две статьи:

---

[1] *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. С. 502. Здесь вызывает особое внимание подчеркивание Трубецким возможного синтеза структурной лингвистики и евразийства – в т.ч., в пространстве журнала «Версты».

См.: Ram H. Spatializing the Sign: The Futurist Eurasianism of Roman Jakobson and Velemir Khlebnikov // Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism. Ed. Mark Bassin, Sergey Glebov, and Marlene Laruelle. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. P. 137–149.

[2] Письма и заметки Н.С. Трубецкого / Вступ. ст. В.Н. Топорова; Подгот. к изд. Р. Якобсона и др.; Пер. предисл., примеч. и указ. В.А. Плунгяна и др. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 115.

[3] *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. С. 156, 377.

[4] Возможно, будущие разыскания в архиве Сувчинского, хранящегося ныне в Национальной библиотеке (Париж), позволят выявить переписку Сувчинского с Якобсоном.

[5] Лондонский архив Мирского был, по-видимому, уничтожен самим Мирским в 1932 г. перед отъездом в СССР.

[6] Смерть Владимира Маяковского. Берлин: Петрополис, 1931.

Истории создания сборника «Смерть Владимира Маяковского» был посвящен доклад А. Устинова «Roman Jakobson and the Generation “that

«О поколении, растратившем своих поэтов» самого Якобсона[1] и «Две смерти: 1837–1930» Мирского[2].

Для Мирского период рубежа 1920–1930-х гг. – решающий в его биографии. Радикальное полевение Мирского привело его к фактическому разрыву с русской антибольшевистской эмиграцией. Закрытие издававшегося Мирским и Сувчинским журнала «Версты» повлекло за собой издание газеты «Евразия», в которой Мирский активно участвовал – причем больше как историк и политический

Squandered its Poets"» на международной конференции «Roman Jakobson: Linguistics and Poetics / Роман Якобсон: Лингвистика и Поэтика» (Милан, Верчелли, ноябрь 2015 г.). См. также: *McLean H.* Roman Jakobson, A Memoir // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010. С. 642–659.

[1] Статья Якобсона была первоначально опубликована в «Slavische Rundschau» в немецком переводе: *Jacobson R.* Von einer Generation, die ihre Dichter vergeudet hat // Slavische Rundschau. 1930. № 7. S. 481–495.

[2] А.Л. Бем печатно высказался о сборнике и помещенных в нем статьях в статье «Спор о Маяковском» (Руль. 1931. 2 июля. № 3220). Статья Р.О. Якобсона «... принадлежит, несомненно, к одной из лучших работ о Маяковском, появившихся после его смерти.

Однако приходится пожалеть, что очутилась она по соседству со статьей Д. Святополк-Мирского. Прежде всего поражает полная противоположность двух статей, объединенных общей обложкой, по основной своей идее. Если Р. Якобсон склонен видеть в гибели поэта жестокое проявление непонимания окружающей средой поэта, если в этом он видит сходство в судьбе Маяковского с судьбой Пушкина, то для Д. Святополк-Мирского гибель и одного, и другого явилась прямым следствием непонимания поэтами нового духа времени. Эту свою мысль Д. Святополк-Мирский пытается обосновать в духе социологической школы и делает это с завидной прямолинейностью. Как раз то, что рисуется Р. Якобсону наиболее значительным в поэтическом творчестве В. Маяковского, его лирика, представляется Святополк-Мирскому "спадом в обывательщину" и проявлением "мелкобуржуазной сущности". Смерть Маяковского только показала, что пришел конец индивидуалистическому периоду русской литературы. На смену ему пришла пролетарская литература. Она единственная восходящая сила.

Статья Д. Святополк-Мирского прекрасное доказательство от противного. Она убедительно показывает, что поэзия Маяковского никак не укладывается в рамки казенного марксистского мировоззрения. И Святополк-Мирский здесь куда более последователен, чем подневольные советские критики, которые пытаются сохранить Маяковского для себя. Им страшно сознаться, что один за другим ушли от них в смерть и Блок, и Есенин, и Маяковский» (Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. С.Г. Бочарова; Предисл. и коммент. С.Г. Бочарова и И.З. Сурат. М.: Языки славянской культуры, 2001. (Studia philologica). С. 345).

публицист, чем как литературный критик[1]. В это же время значительно сокращается количество публикаций Мирского в журнале «The Slavonic and East European Review», официальном издании Школы славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета, в которой Мирский преподавал в 1922–1931 гг. Причиной этого была и сознательная переориентация Мирского с историко-литературных интересов на исторические и политические, и нарастающий конфликт Мирского с Б. Пэрсом, руководившим Школой. Опубликованная в 1932 г. в «Slavische Rundschau» уже после увольнения Мирского из Школы статья о русском историческом романе оказалась последней собственно историко-литературной работой Мирского, относящейся к его эмигрантскому периоду.

Мирскому принадлежит в журнале восемь публикаций. Это – три обзорные аналитические статьи (о литературе русской эмиграции[2], о современном русском историческом романе[3], о рецепции творчества Достоевского в Европе[4]), три небольшие рецензии на историко-литературные публикации (книги Н. Арсеньева[5], М. Алексеева[6] и В. Кирпотина[7]) и два небольших обзора культурных событий в Великобритании, связанных с Россией [8]. Все они

---

[1] См.: *Ефимов М.В.* Д.П. Святополк-Мирский в газете «Евразия» (1928–1929 гг.): поиск синтеза «авторского канона» русской литературы с евразийской и марксистской идеологиями // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия III: Филология. 2015. Вып. 1 (41). С. 39–52.

[2] *Sv'atopolk Mirskij D.* Die Literatur der Russischen Emigration // Slavische Rundschau. 1929. April. Bd. 1. № 4. S. 290–294.

[3] *Sv'atopolk-Mirskij D.* Der Russische Historische Roman der Gegenwart // Slavische Rundschau. 1932. Bd. 4. S. 10–17.

[4] *Sv'atopolk-Mirskij D.* Dostojevskij im Westen – I: Dostojevskij in Frankreich und England // Slavische Rundschau. 1931. Bd. 3. S. 310–318.

[5] *D.S.M.* [Rev.] N. von Arseniew. Die Russische Literatur der Neu Zeit und Gegenwart in ihren Geistigen Zusammenhangen. Mainz // Slavische Rundschau. 1929. Bd. 1. S. 490–491.

[6] *D.S.M.* [Rev.] M.P. Alekseev. Voltaire et Schouvaloff: Fragments inedits d'une correspondance franco-russe au XVIII siecle. Odessa, 1928; M.P. Alekseev. Etjudy o Marlinskom. Irkutsk, 1928; Sibir' v romane Defo. Irkutsk, 1928 // Slavische Rundschau. 1929. Bd. 1. S. 551–552.

[7] *D.S.-M.* [Rev.] V.Ja. Kirpotin. Radikal'nyj Raznocinec: D.I. Pisarev. Leningrad // Slavische Rundschau. 1929. Bd. 1. S. 829.

[8] *D.S.M.* England // Slavische Rundschau. 1929. Bd. 1. №. 1–2. S. 112–114; *D.S.M.* Englische Rossica [Kulturchronik] // Slavische Rundschau. 1930. Februar. Bd. 2. № 2. S. 158–159.

полностью воспроизводятся в настоящей публикации в переводе с немецкого.

Написание биографии Ленина[1], контакты с М. Горьким[2], участие в просоветской газете «Евразия» – всё это, казалось бы, могло превратить публикации Мирского в пражском журнале в манифестации его радикального левого уклона. Однако исключительно важны слова Якобсона в уже цитированном письме к Шкловскому: «... у нас нет в журнале ни одного злостного эмигранта, ни одного активного политика, и вообще всякая политика чужда и тщательно вытравляется редакцией»[3].

Потому в условиях вмененной самому себе марксистской ортодоксии Мирский проявляет в «Slavische Rundschau» не только свободу Мирского-критика от Мирского-идеолога, но и свои лучшие качества историка литературы и литературного критика. Так, например, в анализе произведений А.Н. Толстого и М.А. Шолохова (впервые представленном именно в «Slavische Rundschau») это и способность к концентрированному экскурсу в историю жанра, и яркие аналогии и сопоставления (в данном случае – между М. Шолоховым и П. Красновым), и взгляд на конкретные произведения в рамках еди-

---

[1] *Mirsky D.S.* Lenin: Makers of the Modern Age. London: The Holme Press, 1931; idem: Boston: Little, Brown & Co., 1931.

[2] D.S. Mirsky to Maxim Gorky: Sixteen letters (1928–1934) / Ed. by O. Kaznina, G.S. Smith // Oxford Slavonic Papers. New series. 1993. Vol. XXVI. P. 87–103; К истории «евразийства»: М. Горький и П.П. Сувчинский / Публикация Дж. Мальмстада // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж: Atheneum. СПб.: Феникс, 2001. С. 327–347; «Жму Вашу руку, дорогой товарищ». Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина. Публ., подгот. текста, вступл. и комм. Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // Новый мир. 1997. № 9. С. 156–178.

[3] *Бахтина В.А.* Прага – Москва. Письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым //Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / Отв. редакторы С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 324.

Важно учесть и слова Н.С. Автономовой о характерной для редакционной политики журнала установке «на сглаживание различий между позицией пражско-берлинской эмиграции и позициями Советской России» (Автономова Н.С. «Славянское обозрение»: научные споры и культурная дипломатия // Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. (Российские Пропилеи). С. 72).

ного русского литературного пространства. Посвященный М. Цветаевой раздел в статье о литературе русской эмиграции стал, по словам Дж. Смита, «по существу единственной опубликованной попыткой того времени охватить развитие Цветаевой вплоть до конца 1920-х гг.»[1]. Таким образом, немецкоязычные работы Мирского являются важной частью его творческого наследия, необходимой для понимания эволюции его историко-литературных взглядов.

Сотрудничество Мирского в немецкоязычном издании ставит перед исследователями еще один вопрос. В письме 1928 г. к княгине Маргарите Каэтани, издательнице журнала «Commerce», Мирский писал: «I can talk German all right, but I cannot write a letter in German [Я без проблем могу говорить по-немецки, но не могу написать по-немецки письма]»[2]. Данное свидетельство имеет особенную ценность в свете публикаций в «Slavische Rundschau»: ни в одной из них не содержится указаний на то, что это чьи-либо переводы с русского[3]. Вероятность того, что статьи Мирского поступали в редакцию написанными по-русски, существует, и, учитывая признание в письме к М. Каэтани, она весьма велика.

По свидетельству Р.О. Якобсона в письме 1976 г. к Х. Маклейну, напечатанный в «Slavische Rundschau» немецкий текст статьи «О поколении, растратившем своих поэтов» – это перевод на немецкий, выполненный Максимом Гектером (Maxim Hekter), сотрудничавшим с «Prager Presse» и «Slavische Rundschau»[4].

Неизвестно, мог ли и Мирский располагать услугами того же переводчика, но исключать такую возможность нельзя. Учитывая общий характер издания, его авторов-полиглотов, а также знаменитое многоязычие самого Мирского, можно предположить, что публика-

---

[1] *Смит Дж.* Марина Цветаева и Д. Святополк-Мирский // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике / Пер. с англ. М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой. М.: Языки славянской культуры, 2002. (Studia poetica.) С. 279.

[2] La rivista «Commerce» e Marguerite Caetani. Direzione di Sophie Levie. III. Letters from D.S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani. Edited by Sophie Levie and Gerald S. Smith. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2015. P. 36, подчеркнуто Мирским.

[3] При этом в предшествующие годы Мирский обозревал написанные по-немецки книги. См., напр.: Mirsky D.S. [Rev.] Geschichte der Russischen Literatur, by Arthur Luther. Bibliographisches Institut. Leipzig, I924 // The Slavonic Review. 1925 (March). Vol. 3. № 9. P. 735–737.

[4] *McLean H.* Roman Jakobson, A Memoir // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010. С. 649.

ции Мирского в «Slavische Rundschau» являются его оригинальными немецкоязычными работами, но в отсутствие редакционного архива, а также архива самого Мирского, это предположение остается в высокой степени гадательным. Представляется корректным оставить на данный момент вопрос открытым.

Но и допущение о публикации в журнале немецких переводов (без соответствующего указания) работ Мирского, написанных в оригинале по-русски, не умаляет, разумеется, их значения. Публикация русских переводов статей Мирского, опубликованных по-немецки, представляется корректной и оправданной в условиях отсутствия русскоязычных оригиналов статей. Переводы с немецкого выполнены Т.В. Марченко по текстам первых публикаций.

Тексты подготовлены и откомментированы Т.В. Марченко и М.В. Ефимовым

Благодарим Джеральда Смита (Оксфорд), Искру Шварц (Вена), Олега Коростелева (Москва), Сергея Панова (Москва), Анну Акимову (Москва) за многообразную щедрую помощь при подготовке публикации.

Статьи и рецензии

Д.П. Святополк-Мирский

Пер. с нем. Т.В. Марченко. Подгот. текста и коммент. Т.В. Марченко, М.В. Ефимова

Литература русской эмиграции

С некоторых пор Париж очевидно превратился в литературный центр русской эмиграции. Какое-то время его уравновешивала Прага, и сегодня еще многие молодые таланты, если они могут взрасти в эмиграции, дают всходы на пражской почве. Недавно, впрочем, дела изменились; с 1928 г. «Воля России», единственный стоящий литературный журнал, выходивший за пределами Франции, тоже переехал в Париж[1]. Вне Западной Европы интересные идеологические публикации время от времени появляются на Дальнем Востоке (Устрялов[2], Сетницкий[3]). Что касается Америки и прочих стран, то о них и говорить нечего. Несмотря на то, что молодое поколение эмиграции развивает все более бурную деятельность, первенствующее место и поныне принадлежит литературной продукции писателей, составивших себе имя еще в России. Старшие группируются вокруг журнала «Современные записки», охотно печатающего произведения известных писателей и держащего глухую оборону против молодежи. Эта политика немало способствует распространению взгляда, будто эмиграция в литературном отношении совершенно бесплодна. Только в последних выпусках журнала всплыли неизвестные прежде имена[4].

Из сочинений «знаменитостей», недавно появившихся на страницах «Современных записок», в первую очередь следует назвать «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина (тома с 34 по 36)[5]. Роман подан как автобиографический, и тем он особенно важен для уяснения социальных корней автора «Суходола», повествующего о стремительном разложении дворян русского Черноземья. Однако о художественных высотах «Суходола» в «Жизни Арсеньева» нет и помину: слишком велико расстояние от бунинского расцвета до теперешнего Бунина. Вместо поэтически мощного, «симфонического» созидания здесь ца-

рит рыхлая бесформенность, еще и приумноженная обильными метафизическими излияниями. И все же этот роман, такой подлинный и живой, к тому же свободный от фатального для Бунина романтического вымысла («Митина любовь»), на мой взгляд, является одним из самых значительных среди его послереволюционных произведений[6]. Иван Шмелев, после Бунина самый выдающийся из знаменитостей, завершил в 35-м томе свою «Историю любовную», к которой мы еще вернемся[7]. Еще один роман из круга известных писателей – «Сивцев Вражек» Михаила Осоргина (Париж, 1928)[8] – лишь утверждает в убеждении, что писатель – способный, но лубочный журналист и еще не дорос до писательского мастерства. Из произведений более молодых прозаиков, которым журнал предоставил страницы, стоит отметить неожиданно сильный и в хорошем смысле «жестокий» рассказ «Зоя Андреевна» Нины Берберовой[9]. Менее привлекателен рассказ «Планида Козий Рог» Иосифа Матусевича[10] – второклассное подражание провинциальным гротескам Ремизова и Замятина.

Несравненно больше места предоставляет молодым прозаикам журнал «Воля России», который наполняет свой литературный раздел почти полностью молодыми эмигрантами, пражанами по преимуществу. Первое место – не по ее достоинствам, а по размеру – отдано повести Василия Федорова «Финтифлюшки» (1928, № 3/4)[11]. Это интересно задуманное, но крайне неуклюжее повествование о некоем Кукурекине, простаке и неудачнике, бесхитростном совмещении Кандида и лесковского Перегуда из рассказа «Заячий ремиз». Автор повествует о его приключениях до и после революции, а потом в эмиграции. В целом повесть не удалась, поскольку избранной теме не отвечают литературные приемы писателя, и прежде всего язык повествования, который напоминает не столько о Лескове, сколько о Зощенко. С рассказами выступили Гайто Газданов («Товарищ Брак», № 2)[12] и Виктор Экерсдорф («Случай с Владимиром Ивановичем», № 6)[13]. «Товарищ Брак» – претенциозная, но не без размаха написанная история провинциальной барышни, примкнувшей к анархистам. В «Случае с Владимиром Ивановичем» ощущается настоящее безумие, воздействие которого тем сильнее, чем проще обыденный, нарочито непритязательный стиль повествования, хотя и не всегда выдержанный. Рассказ задевает, хотя сразу и не понять, то ли в нем сказалась мода на психологизм, то ли просто работа в определенном художественном направлении не доведена до конца. В последнем случае следует исключить немотивированную фантастику и считать рассказ своего рода сюрреалистической новеллой (в ущерб психологии). В общем и целом: эмигрантская беллетристика начинает пробуждать

небезосновательные надежды, однако ее нельзя рассматривать как нечто самостоятельное. К тому же сомнительно, что она способна достичь «множества в единстве» и, благодаря обретению общего лица и общего социального задания, отметить печатью какой-либо общности разнообразные литературные искания.

Для эмигрантской литературы довольно типичны пограничные художественные формы между вымышленными и подлинными историями: воспоминания и документальная очеркистика. В прошлом году появились новые публикации этого типа. М. Алданов, корифей исторической полубеллетристики, выпустил книгу под названием «Современники» (Изд-во «Слово», Берлин)[14], которую следует оценить гораздо выше, чем его романы, куда более тщательно выделанные, однако совсем незначительные в художественном отношении. В книге помещены портреты ряда современных политических деятелей. Изображения политиков иностранных, особенно Клемансо и Людендорфа, выполнены блестяще. Русские фигуры – Сталин, Луначарский, Канегиссер (убийца Урицкого) вылеплены не столь хорошо: автор слишком очевидно теряется перед лицом послереволюционной России. Зато Россию накануне революции, в 1915 и 1916 г., он изобразил в романе «Ключ» (первая глава опубликована в «Современных записках»[15]) чрезвычайно достоверно и остроумно; высшие круги петроградской буржуазии предстают в этих зарисовках во всем своем псевдоевропейском ничтожестве. Та же эпоха изображена Георгием Ивановым в его книге «Петербургские зимы»[16]. В ней отразились воспоминания о литературной богеме 1910-х гг., собиравшейся в «Бродячей собаке». Книжка забавная и хорошо читается, однако она поверхностна и написана не затем, чтобы должным образом вынести приговор предреволюционной буржуазной культуре.

В поэзии, как и в прозе, заметно увеличивается роль молодого поколения, выросшего в эмиграции, однако молодым поэтам в еще меньшей степени, чем их собратьям в прозе, удалось создать лирическую поэзию зарубежной России. Парижские поэты, публикующиеся уже несколько лет, доросли до сборничка «Стихотворение» (пока вышло два выпуска)[17]. Божнев[18], Гингер[19], Вадим Андреев[20] пишут формально правильные и вполне изысканные стихи, не обнаруживая при этом ни общего лица, ни собственной физиономии. Иными словами, они лишены значительных, будоражащих тем. В этом отношении предпочтешь порой технически несовершенные, но содержательные стихи кого-нибудь из пражских поэтов, скажем, насквозь наивное стихотворение А. Эйснера о завоевании Парижа конницей Буденного[21]. Тем ярче выступает на парижском фоне личность Ми-

хаила Струве[22], поэта старшего поколения, друга и ученика Гумилева и все же «юного» новобранца среди поэтов. У него есть тема, техника и ум. Его социальные стихи (о революции, о возвращении на родину, «Версты» № 3)[23] исполнены благородной патетической риторики; его «Кукла» («Воля России», № 3)[24] совсем иначе разрабатывает тему, типичную для поэтов русского Парижа: меонизм[25] жизни в чужом и непокорном городе; кукла превращается в человека, а человек, которому она принадлежит, – в куклу. Не так давно в Париже появился поэт, чья личность запечатлена в его стихах и сразу бросается в глаза: Борис Поплавский. Он не опубликовал ни одной книги, и, однако, довольно его стихов (с эпиграфом из Рембо), напечатанных во второй тетради «Стихотворения»[26], чтобы тотчас узнать настоящего поэта, которому есть что сказать. Тематика его стихов совершенно «парижская», зарубежная, свободная от русских реминисценций. Тем не менее и в поэзии старшее поколение держит пальму первенства. На сей раз к поэтам следует причислить и Алексея Ремизова. Его сборник «Звезда надзвездная» (Париж, 1928)[27], хотя и напечатан как проза, состоит из лирически окрашенных духовных песнопений, которые, несомненно, следует отнести к числу своеобычных стихов Ремизова. Недавно появилось еще одно ремизовское собрание легенд, «Три серпа»[28], которые также пополнят сокровищницу его поэзии.

И все же первое место в поэтической (и вообще литературной) продукции зарубежья принадлежит сборнику «После России» Марины Цветаевой, где опубликованы все ее стихи 1922–1925 гг.[29] К сожалению, высшие достижения этого периода, «Поэма Горы» и «Поэма конца», не были включены в сборник по формальным соображениям, но и вошедших в него стихотворений достаточно, чтобы признать в Цветаевой крупнейшего (после Пастернака) поэта ее поколения, а годы 1922–1925 отнести к самым плодотворным (пока) в ее писательской биографии. Лишь немногие стихотворения сборника бессюжетны, причем благодаря чистейшему динамизму словесной стихии они невероятно интересны – таковы, например, циклы «Деревья», «Облака», «Окно», с их особенной героико-фонетической мифологизацией внешнего мира (который без подобной мифологизации вообще не существует для поэтессы). Заслуживает внимания также бессюжетное, но в другом роде, стихотворение «Плач цыганки по графу Зубову». Стихотворения сборника группируются, главным образом, вокруг любовной и общественной тем. Особенно сильными в первой группе оказываются те стихотворения, которые проникнуты обычно несвойственными Цветаевой человечностью и состраданием – «Ущелье», «Ахилл на валу», «Ночные места» и др. Но не менее

замечателен «Клинок», напоминающий своим героическим тоном Корнеля. К гражданским стихам относятся циклы «На рельсах», «Заводские», «Хвала богатым» и воистину великолепная «Полотерская», которая по разгулу народно-поэтической стихии может быть поставлена рядом с пушкинским «Царем Салтаном» и некрасовскими «Коробейниками». Помимо этой книги Цветаева опубликовала в прошедшем году три новых стихотворения, которые были написаны в 1926–27 гг., – «С моря»[30], «Новогоднее»[31] («Версты», № 3) и «Попытка комнаты»[32] («Воля России», № 5). Большинство почитателей ее поэзии не получат от них такой радости, как от книги «После России». Ее динамичное словотворчество выражается здесь в плетении словес, которое не способствует развитию темы, но сворачивает на путь назойливых и мучительных фонетических ассоциаций. И все же не стоит жаловаться на поэта, небрежного в черновой работе; быть может, это грубое вязание слов – только необходимая часть языкового развития поэтессы, которое позже проявится в ее еще более зрелом, чем в 1922–1925 гг., поэтическом мире. Возможно, эти новые структуры уже возникают и проявляются в монументальной простоте «Федры» («Совр. записки», 36–37[33]; «Федра» – вторая часть трагической трилогии, первая часть которой под названием «Тезей» была опубликована в журнале «Версты», 1927, № 2[34]). Тем не менее, и здесь не хватает внутренней собранности, а перехлестывающая словесная стихия не преодолена. Более мощным и живым, хотя и застрявшим все в том же поэтическом кругу словесных смещений и сдвигов, представляется новейшее стихотворение – «Перекоп» в «Воле России»[35], первое короткое стихотворение Цветаевой за много лет[36].

Опубл.: D. Sv'atopolk Mirskij. Die Literatur der Russischen Emigration // Slavische Rundschau. 1929. April. Bd. 1. № 4. S. 290–294.

[1] «Воля России» – общественно-политическое и литературное периодическое издание (1920–1932). В 1920–1928 гг. выходило в Праге, в 1928–1932 гг. – в Париже. «Воля России» сначала издавалась как газета, с 1922 г. как еженедельный журнал, с 1925 г. как ежемесячник. См.: «Воля России». Систематический указатель статей, помещенных в «Воле России» за 1922–1926 гг. Прага: Славянское издательство, 1927; *Зверев А.М.* «Журнал политики и культуры»: «Воля России» // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: РЖ. Сер. 7: Литературоведение. М., 1996. № 4. С.89–106; *Федоров М.В.* Редакция журнала «Воля России» в 1922–1932 гг. // Путь России и судьба историка: к 80-летию профессора В.А. Кутузова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет; Институт истории, 2015. С. 105–118.

[2] Устрялов Николай Васильевич (1890–1937) – русский философ, политический деятель, основоположник сменовеховства. С 1920 г. жил в Харбине, в 1926–1935 гг. работал советником на КВЖД. В 1935 г. вернулся в СССР, в 1937 г. арестован и расстрелян. См.: *Романовский В.К.* Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). 2-е изд. М.: Русское слово, 2009; *Устрялов Н.В.* Письма к П.П. Сувчинскому. 1926–1930 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына, 2010.

[3] Сетницкий Николай Александрович (1888–1937) – русский философ, последователь .Ф. Федорова. Окончил отделение восточных языков Петербургского университета (1913). В 1925–1935 гг. жил в Харбине, работал в Экономическом бюро КВЖД, преподавал на юридическом факультете. Совместно с А.К. Горским издал книгу «Смертобожничество» (Харбин, 1926). В 1935 г. вернулся в СССР, в 1937 г. арестован и расстрелян. См.: *Горский А.К., Сетницкий Н.А.* Сочинения. М.: Раритет, 1995. (Библиотека духовного возрождения); *Макаров В.Г.* Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 136–157.

[4] В 1926 г. Мирский опубликовал сопоставительный обзор «Современных записок» и «Воли России», вызвавший ожесточенную полемику в эмигрантской прессе: *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага) // Версты. 1926. № 1. С. 206–210. Републиковано в: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 141–144. О полемике вокруг статьи см.: Там же. С. 439–442.

[5] *Бунин И.* Жизнь Арсеньева // Современные записки. 1928. Кн. XXXIV. С. 7–75; 1928. Кн. XXXV. С. 5–72; 1928. Кн. XXXVII. С. 5–56. Мирский не точен: в кн. XXXVI «Жизнь Арсеньева» не публиковалась.

[6] См.: *Ефимов М.В.* К рецепции творчества И.А. Бунина в эмиграции: Д.П. Святополк-Мирский // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Том 70, № 6. С. 44–57.

[7] *Шмелев И.* История любовная // Современные записки. 1927. Кн. XXX. С. 5–63; 1927. Кн. XXXI. С. 5–70; 1927. Кн. XXXII. С. 19–84; 1927. Кн. XXXIII. С. 27–91; 1928. Кн. XXXIV. С. 76–135; Кн. XXXV. С. 73–127. Далее в тексте Мирского о романе и о Шмелеве не упоминается.

[8] *Осоргин М.* Сивцев Вражек (отрывки из романа) // Современные записки. 1927. Кн. XXXIII. С. 154–190; 1928. Кн. XXXIV. С. 136–184. Отд. изд.: *Осоргин М.* Сивцев Вражек. Париж: изд. кн. маг. «Москва», 1928.

[9] *Берберова Н.* Зоя Андреевна // Современные записки. 1928. Кн. XXXIV. С. 185–210.

[10] *Матусевич И.* Планида Козий Рог // Современные записки. 1928. Кн. XXXV. С. 201–235. Ср. с другими отзывами: «довольно “дубовое” подражание таким же дубовым образцам из второсортной российской словесности» (*Иванов Г.* «Современные записки». Книга XXXV-ая // Последние

новости. 1928. 31 мая. № 2626. С. 3); «Повесть Матусевича “Планида Козий Рог” читается легко. Это – лубок, немножко под раннего Достоевского, умело сфабрикованный, но именно *сфабрикованный*» (*Зайцев К.* Критические наброски: «Современные записки» [№ 35] // Россия. 1928. 26 мая. № 37. С. 5, курсив Зайцева).

[11] *Федоров В.* Финтифлюшки. Повесть // Воля России. 1928. № 3. С. 3–31; № 4. С. 3–24. См. новейшее издание сочинений Василия Георгиевича Федорова (1895–1959): *Федоров В.Г.* Канареечное счастье: [Сборник] / [составление, предисловие, примечания В.П. Нечаева]. М.: Московский рабочий, 1990.

[12] *Газданов Г.* Товарищ Брак // Воля России. 1928. № 2. С. 3–22.

[13] *Экерсдорф В.* Случай с Владимиром Ивановичем // Воля России. 1928. № 6. С. 3–53.

Эккерсдорф Виктор Адольфович (1894–1957) – актер, писатель. В 1920-х гг. тайно выехал из СССР, жил в Белграде. С 1930 г. – актер русского театра «Комедия». Помимо «Воли России» печатался также в парижских журналах «Путь» и «Вестник РСХД». Умер в Швейцарии.

[14] *Алданов М.* Современники. Берлин: Слово, 1928.

[15] *Алданов М.* Ключ // Современные записки. 1928. Кн. XXXV. С. 128–196.

[16] *Иванов Г.* Петербургские зимы. Париж: Родник, 1928.

[17] Стихотворение: Поэзия и поэтическая критика / Под редакцией Бориса Божнева. При ближайшем участии Вадима Андреева, А. Булкина, А. Гингера, Вл. Познера, Б. Поплавского, Д. Резникова и Б. Сосинского. Париж. 1928. Вып. I– II.

[18] Б. Божнев опубликовал в «Стихотворении» следующие стихи: «Лира», «Бессонница» (Вып. I. С. 4–5), «Пером гусиным и великим» (Вып. II. С. 17 [3]),

[19] А. Гингер опубликовал в «Стихотворении» следующие стихи: «Стисни губы, воин честный», (Вып. I. С. 6), «Голова моя поднята к небу» (Вып. II. С. 23 [9]).

[20] В. Андреев опубликовал в «Стихотворении» следующие стихи: «Не звучен свет, огонь не ярок», «Прозрачен и беспомощно высок» (Вып. I. С. 7–8), «Осина» («Бог наложит к слою слой») (Вып. II. С. 25 [11]).

[21] Имеется в виду стихотворение А. Эйснера «Конница» («Толпа подавит вздох глубокий», 1928). Опубл.: Воля России. 1928. № 5. С. 39–43.

[22] Струве Михаил Александрович (1890–1949) – поэт, критик, племянник П.Б. Струве, двоюродный брат Г.П. Струве. См.: *Струве М.* Из стихов о войне. Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и публикация Алексея Вовка // Дети Ра. 2013. № 8 (106): http://magazines.russ.ru/ra/2013/8/6s.html; Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна). Вступ. ст., составление, подгот. текста и примеч. Р. Тименчика и В. Хазана. СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2006. (Новая Библиотека поэта). СПб., 2006. С. 745–746.

[23] *Струве М.* Четыре стихотворения // Версты. 1928. № 3. С. 20–25. В подборку включены стихотворения «Семилетье 1914–1921», «Полет», «Старик», «В парижском предместье».

[24] *Струве М.* Кукла // Воля России. 1928. № 4. С. 39–42.

[25] Меон – основная категория теории меонизма (мэонизма), разработанной Н.М. Минским в его религиозно-философском труде «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (1890) и др. сочинениях. Заимствованная у Платона категория переосмысливается и предстает как «недостижимая святыня». См.: *Минский Н.М.* Религия будущего (Философские разговоры). СПб., 1905.

[26] *Поплавский Б.* Никто не знает // Стихотворение. 1928. Вып. II. С. 19 [5]–21 [7]. Эпиграф из стихотворения А. Рембо «Fetes de la faim»: «Anne, Anne, / Fuit sur un ne» («Голод мой, Анна, Анна, / Мчит на осле неустанно», пер. М. Кудинова).

[27] *Ремизов А.М.* Звезда надзвездная. Stella Maria Maris. Париж: YMCA Press, 1928.

[28] *Ремизов А.М.* Три серпа. Московские любимые легенды. В двух томах. Париж: Таир, 1929.

[29] *Цветаева М.* После России: Стихи 1922–1925. Париж: Тип. Union, 1928. Мирский писал Сувчинскому 5 июля 1928 г. об этой книге стихов Цветаевой: «Получил стихи Маринины. Перечитывал многое, был многим взволнован – какой все-таки, еби ее мать, поэт! Одно плохо, что в свое время мало секли. Эти годы 1922–25 [–] ее лучшие. Восходящая линия ее идет до Родзевича и Родзевичем обрывается» (The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 107). Цветаева сделала Мирскому дарственную надпись на экземпляре «После России»: «Дорогому другу Димитрию Петровичу Святополку-Мирскому, на память о том Виллетте, том Лондоне, той Вандее – Марина Цветаева. – Медон, 17-го июня 1928 г.» (*Смит Дж.* Марина Цветаева и Д. Святополк-Мирский // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике / Пер. с англ. М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой. М.: Языки славянской культуры, 2002. (Studia poetica.) С. 278).

[30] *Цветаева М.* С моря // Версты. 1928. № 3. С. 7–13.

[31] *Цветаева М.* Новогоднее // Версты. 1928. № 3. С. 14–19.

[32] *Цветаева М.* Попытка комнаты. Поэма // Воля России. 1928. № 3. С. 32–39.

[33] *Цветаева М.* Тезей: Трилогия. Часть вторая. Федра // Современные записки. 1928. Кн. XXXVI. С. 121–162; 1928. Кн. XXXVII. С. 114–146.

[34] *Цветаева М.* Тезей. Трагедия // Версты. 1927. № 2. С. 5–83.

[35] Непонятно, что имеет в виду Мирский, поскольку «Перекоп» при жизни Цветаевой опубликован не был.

[36] Как отмечает Дж. Смит, «[э]та забытая рецензия является по существу единственной опубликованной попыткой того времени охватить развитие Цветаевой вплоть до конца 1920-х гг. Мирский был самым проницательным читателем Цветаевой в 1920-е гг., и это свидетельство, что ее эволюция опередила даже его, – предвестие то изоляции, которая постигла ее в 1930-х гг.» (*Смит Дж.* Марина Цветаева и Д. Святополк-Мирский // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике / Пер. с англ. М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой. М.: Языки славянской культуры, 2002. (Studia poetica.) С. 279).

Николай Арсеньев. Русская литература Нового времени и современности в ее связи с духовной культурой. В отдельных очерках. Майнц, 1929.

Книга Арсеньева[1] обладает одним бесспорным преимуществом, бросающимся в глаза: она написана с предначертанной и твердо выдержанной идеологической позиции; иными словами – книга сознательно и грубо тенденциозна.

Автор движется в русле либерально-православного течения эмигрантской мысли, словно магнитом притягиваемого ИМКА[2]. В общем и целом, Арсеньев с должным мастерством справился с заданием создать Вульгату[3] новой и новейшей русской литературы по образцу ИМКА. В его сети угодило не только все, что подходит к его направлению, но и то, что он определяет как «объективное художественное творчество», то есть все, что свободно от тенденциозности, то есть от явно выраженной тенденции, откровенно враждебной его собственной. Он особенно настаивает на «объективности» как неотъемлемом критерии «художественного», как только речь заходит о радикальных и прежде всего советских писателях. Но даже у худших из радикалов он способен найти нечто положительное: уважение к духовности, к душе, к этическим ценностям. Подобное рассмотрение заставляет его высоко поставить радикального Глеба Успенского на том основании, что тот будто бы был «борцом за душу народа». С другой стороны, он отворачивается от всего «нездорового» и тщательно разделяет писателей на «приемлемых» и «неприемлемых» для ИМКА, относя к последним «символистов» и «оргиастов». С особым негодованием отброшен Андрей Белый, поскольку к священным догматам ИМКА относятся так называемые простота, искренность и безыскусность. Жестко обходится автор и с Мережковским, но ему многое прощается из-за его «глубоко укорененной морали» и «горячего сердца», что делает его непримиримым врагом всякого, кто «хочет погубить дух и душу его народа». Куда больше автору, естественно, подходит Иван Ильин, чьи сочинения, как сказано, «воспитывают и поднимают настроение» и от чьей книги «О сопротивлении злу силою»[4] веет «исключительно свежим воздухом».

Прискорбно, но потуги Арсеньева в создании Вульгаты, приемлемой для всех охваченных ИМКА людей, терпят неудачу из-за его совершенно устаревших литературных представлений. Так, из-за отсутствия информации о современных литературных и прочих настроениях он опирается на утверждение, что русские неизменно видят «своего вождя и учителя в... Достоевском», или сообщает о Некра-

сове, что «сейчас от него все совершенно отвернулись». Само собой разумеется, у Арсеньева нет и тени представления об истории литературы как об историческом процессе в буквальном смысле. Его книга не только не отвечает требованиям, предъявляемым к истории литературы, напротив, перед ним стоят прямо противоположные задачи: собрать свод сведений ad usum[5] YMCA.

Опубл.: D. S. M. [Rev.] N. von Arseniew. Die Russische Literatur der Neu Zeit und Gegenwart in ihren Geistigen Zusammenhangen. Mainz // Slavische Rundschau. 1929. Bd. 1. S. 490–491.

[1] *Arseniew N., von.* Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenh ngen. In Einzeldarstellungen (= Welt und Geist)., Mainz: Dioskuren-Verlag, 1929.

Арсеньев Николай Сергеевич (Nikolaus von Arseniew, 1888–1977) – философ, историк религии и культуры, поэт. В эмиграции с 1920 г. До 1944 г. был профессором по русской культуре и истории русской духовной жизни Кёнигсбергского университета, в 1926–1938 гг. – профессор православного богословского факультета Варшавского университета.

[2] YMCA (ИМКА; «*Young Men's Christian Association», англ.* «Юношеская христианская ассоциация») – всемирная межконфессиональная молодежная организация, задуманная как объединение молодых людей и девушек христианского, но не узко церковного направления. Российская ИМКА была основана в 1900 г. в Санкт-Петербурге; в эмиграции ИМКА проводила широкую образовательную и пропагандистскую работу, в частности, в летних лагерях, куда привлекались и русские школьники, и прежде всего – русское студенчество. РПЦЗ воспринимала деятельность ИМКА враждебно, определив характер организации как неправославный, воспитавший целые поколения молодых людей в духе экуменизма. См.: *Miller M.L.* The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. N.Y.: Lanham, 2013.

[3] Вульгата, *Vulgata* – латинский перевод Библии, выполненный блаженным Иеронимом; со времени Тридентского собора (1545–1547), несмотря на дополнения и исправления, является единственным, принятым в католической церкви, каноническим текстом Священного Писания. Именно последнее – незыблемость текста и высказанных в нем суждений и оценок – и становится основой для метафорического употребления названия «Вульгата» в приложении к истории русской литературы под православным углом зрения, первым образцом которой, вероятно, и следует считать вышедший по-немецки труд Н.С. Арсеньева.

[4] *Ильин И.* О сопротивлении злу силою. Берлин: Тип. о-ва «Presse», 1925.

[5] Ad usum Delphini – «для использования дофином» (лат.); здесь – в смысле адаптации классики для несведущего и целомудренного читателя.

Алексеев М.П. Voltaire et Schouvaloff. Fragments inédits d'une correspondance franco-russe au XVIII s. Тр. Гос. публ. б-ки в Одессе. Серия V: Неопубликованные документы. Одесса, «Одесполиграф», 1928. 49 с.
Алексеев М.П. Этюды о Марлинском. Оттиск из тома XV Сборника трудов Иркутского государственного университета. Иркутск, 1928.
Алексеев М.П. Сибирь в романе Дефо. Иркутск, 1928.

Публикуя два неизвестных письма графа Андрея Петровича Шувалова (1744–1789) Вольтеру, профессор Алексеев[1] набрасывает краткий очерк этой весьма примечательной русской личности XVIII века[2]. В усвоении французской культуры он заходит куда дальше, чем это казалось желательным многим его современникам и потомкам во времена Александра I. Главнейшим и обессмертившим его творением является стихотворение «Epitre à Ninon» («Послание к Нинон»), которую французы упорно приписывают Вольтеру. Из опубликованных теперь писем особенно интересно второе, в котором Шувалов полуофициально наставляет Вольтера, как тот должен рекламировать Екатерину в связи с изготовленным по ее поручению русским переводом запрещенного во Франции «Велизария» Мармонтеля[3].

В брошюре, посвященной «Робинзону Крузо»[4], профессор Алексеев задается вопросом, до какой степени описания Сибири во второй части романа[5] соответствуют действительности. Он приходит к выводу, что Дефо в целом находился на уровне доступной ему литературы по географии, когда же ему не хватало источников, он заменял недостающие сведения изображением приключений, которые он произвольно связывал с тем или иным местом[6].

В очерке о Марлинском собственно литературный взгляд на вещи соединяется с краеведением. Алексеев сравнивает главное произведение Марлинского, повесть «Аммалат-Бек», с источниками, которые, возможно, были в распоряжении автора, и устанавливает, что Марлинский мало что выдумывал, напротив, живо интересовался собиранием материала по этнографии и бытописанию. Другой этюд посвящен читательскому восприятию образа Марлинского в 1830-е гг. Поскольку цензура вымарывала всякие упоминания о его причастности к восстанию декабристов, это вело к возникновению различных легенд, в том числе и совершенно неправдоподобных. Этюды о Марлинском составляют часть обширного труда «Марлинский, история литературной репутации», который Алексеев надеется опубликовать вскоре в полном объеме[7].

Опубл.: D. S. M. [Rev.] M.P. Alekseev. Voltaire et Schouvaloff: Fragments inedits d'une correspondance franco-russe au XVIII siecle. Odessa, 1928;

M.P. Alekseev. Etjudy o Marlinskom. Irkutsk, 1928; Sibir' v romane Defo. Irkutsk, 1928 // Slavische Rundschau. 1929. Bd. 1. S. 551–552.

[1] Михаил Павлович Алексеев (1895–1981) в 1920–1927 гг. работал в Одессе, затем – профессор Иркутского университета, с 1933 г. – в Ленинграде; академик (1958). Вероятно, сам прислал на рецензию свои брошюры. Еще в 1923 г. Алексеев направил статью «Pushkin and Washington Irving» в лондонский «Slavonic Review» (см.: Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 72; публ. неизвестна), а с 1928 г. стал сотрудничать с «Slavische Rundschau» (см. его рецензии и обзоры: 1928. Jg. 1, № 4. S. 301; 1930. Jg. 2, № 11. S. 658–661; 1931. Jg. 3, № 9–10. S. 665–671); публиковался также в « Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven» (1929, 1931), «English Study» (1931), «Germanoslavica» (1932–1933).

[2] Граф Андрей Петрович Шувалов (1744–1789) был пропагандистом русской культуры во Франции, писал по-французски статьи и стихи, которые высоко оценивал Вольтер. Анонимно изданное «Epitre à Ninon de Lenclos» (1774) молва приписывала самому Вольтеру, настоявшему на новом издании с указанием авторства Шувалова. К теме сотрудничества А. Шувалова и Вольтера Алексеев вернулся в статье «Вольтер и рус. культура XVIII века» (1947).

[3] Велизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской академии, переведен на Волге. Печатан при имп. Московском университете 1768 года. Роман, полученный Екатериной II от автора, был переведен придворным кружком императрицы во время ее плавания со свитой по Волге в 1767 г.; участвовал в переводе и А.П. Шувалов.

[4] Оттиск из кн.: Сибирский литературно-краеведческий сборник. 1 / Под ред. М. К. Азадовского и Ис. Г. Гольдберга. Иркутск, 1928. С. 51–72. Алексеев вернулся к Дефо в статье «“Робинзон Крузо” в русских переводах» (1963).

[5] Роман Д. Дефо «The Further adventures of Robinson Crusoe» («Дальнейшие приключения Робинзона Крузо»), опубликованный в 1719 г.

[6] Мирскому принадлежит предисловие к изданию: *Дефо Д.* Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо: В 2 т. / Пер. М.М. Шишмаревой и З.Н. Журавской. М.; Л.: Academia, 1935. Т. 1. С. VII–XVI. В этом тексте Мирский не упоминает сибирских приключений Робинзона, хотя и замечает относительно географической точности Дефо: «Точен Дефо всегда; но очень часто эта точность не основана ни на каких сведениях. География “Робинзона” довольно фантастична. Описание берегов Африки между Марокко и Сенегалом ровно ничему не соответствует. Климат Робинзонова острова, описанный с такой научной точностью, не только не климат острова около устьев Ориноко, но вообще климат, не существующий в природе» (*Мирский Д.П.* Статьи о литературе / Сост. М. Андронов. Вступ. статья Н. Анастасьева. М.: Художественная литература, 1987. С. 95).

[7] «Этюды» 1928 г. – фрагмент монографии Алексеева о Бестужеве-Марлинском, которую он безуспешно пытался опубликовать с 1923–1925 гг. (см.: Пушкин и его современники. Вып. 1 (40). С. 79); позже оставил этот замы-

сел. 22 апреля 1932 г. Алексеев писал редактору «Литературного наследства» И.С. Зильберштейну: «У меня по Марлинскому ничего неизданного, да и подходящего для вас нет. Я очень далеко отошел от этой работы, особенно после того, как издал в Иркутске в 1928 г. книжку “Этюды о Марлинском”. С тех пор занятия пошли у меня совершенно в другом плане» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. 3. Л. 10).

Кирпотин В. Радикальный разночинец – Д.И. Писарев. Ленинградский научно-исследовательский институт марксизма. Л.: Прибой, 1929. 253 с.

В. Кирпотин – историк, а не историк литературы[1], и, несомненно, гораздо плодотворнее изучать публициста шестидесятых годов с помощью исторической методологии, нежели с литературоведческих позиций. Именно потому, что Добролюбова и Писарева рассматривают главным образом как историков литературы, в известных кругах им уготовано надменное и незаслуженное безразличие. Подобно Чернышевскому, Добролюбов и Писарев были прежде всего работниками революции. Ввиду специфически русского состояния гласности Добролюбов счел более удобным заниматься пропагандой в привычных формах художественной литературы; остальные двое затрагивали чисто литературные вопросы относительно редко[2]. Писарев занимался прежде всего агитацией в области культуры и популяризацией естественнонаучных знаний. Кирпотин видит в нем лишенного классовой принадлежности интеллектуала: получив как будто дворянское воспитание, он уже с младых ногтей был вынужден добывать себе пропитание журналистикой. Идеология его была типичной для интеллигента. Он был умереннее Чернышевского, он был холоден к нуждам крестьянства, вместо революционной программы у него была культурная работа, просвещение. Образование революционных кадров должно предшествовать массовому революционному выступлению. В какое-то мгновение он было развернул революционный стяг – и заплатил за это четырьмя годами крепости. Заключение в крепости сделало его еще более умеренным, и тем более поразительным кажется образ радикального агитатора, который из тюремной камеры руководил мыслями всей оппозиционно настроенной интеллигенции. Для историка литературы наибольший интерес представляет глава «Разрушение эстетики»[3]. Знаменитый поход Писарева против искусства Кирпотин остроумно определяет как «левые фразы», которыми были завуалировано его политическое поправение. Этот вывод следует принять безоговорочно. На самом

деле под шумок своих антиэстетических выступлений Писарев сдавал одну за другой свои социалистические позиции и переходил к чистой буржуазно-демократической пропаганде технического прогресса и индустриализации. Традиция поздней революционной интеллигенции в эстетических вопросах перешла – в обход Писарева – к Чернышевскому.

Опубл.: D. S.-M. [Rev.] V.Ja. Kirpotin. Radikal'nyj Raznocinec: D.I. Pisarev. Leningrad // Slavische Rundschau. 1929. Bd. 1. S. 829.

[1] Мирский с формальной (по крайней мере) точки зрения ошибается. В.Я. Кирпотин (1898–1997) окончил в 1925 г. философское отделение Института красной профессуры; в 1928–1932 гг. работал в Институте литературы и языка Коммунистической академии; автор книги «Наследие Пушкина и коммунизм» (М.: ГИХЛ, 1936). В мае 1937 г. Кирпотин был в числе тех, кто печатно обвинял Мирского в «троцкизме»: *Кирпотин В.* Троцкистская агентура в литературе // Правда. 1937. 17 мая. № 134. С. 3.

[2] Непонятно, что имеет в виду Мирский. И Добролюбов, и Писарев были известны прежде всего именно как литературные критики, Чернышевский – как писатель и критик.

[3] По названию статьи Д.И. Писарева (1865).

Достоевский на Западе. I: Достоевский во Франции и Англии[1]

Открытие французами Достоевского было лишь частью большого процесса открытия «русских», что, в свою очередь, стало существенной частью важнейшей тенденции: антиматериалистической реакции второй половины 1880-х гг. «Русский роман» Мельхиора де Вогюэ (вышел в 1885 г.)[2], впервые сделавший «русских» фактом французской литературы, оказался, скорее всего, единичным и дерзким проявлением идеалистической реакции против научно-материалистического направления натурализма, позже достигшей своих высот в деятельности Барреса[3] и Бергсона[4]. Охваченная этой реакцией французская буржуазия не могла при этом отвергнуть ценных единомышленников, которых ей предлагали современные политические союзники. Сопоставление этих совершенно различных явлений – литературное обаяние русских и французско-русский альянс[5] – может показаться несколько странным. Они появились, несомненно, независимо друг от друга. И все же они были проявлением одной и той же материи – симптомами той фазы, в которую вступила французская буржуазия на пути к позднему капитализму. Разные, но родственные побуждения, они, с одной стороны, сталкивались на пути буржуазно-

го объединения, с другой – в реакции буржуазии против материалистической, даже против рационалистической идеологии эпохи своего здорового процветания и в ее обольщении наркотизирующей философией, которая более отвечала ее близящейся дряхлости.

Даже участие России в обоих этих процессах не случайно: отсталая аграрная страна была не только удобным местом для инвестиций избыточного капитала и еще более удобным поставщиком пушечного мяса, но и отличным проводником реакционной идеологии. Так что русские прибыли во Францию как реакционная стихия, как своего рода духовные жандармы; и даже Тургенев, который в русской культуре сыграл прогрессивную роль, был использован как удобное оружие против Золя[6]. И уж Достоевского, разумеется, было еще лучше использовать для этой цели.

Роль русских не ограничивалась, однако, их участием в антиматериалистической реакции. Хотя для буржуазии конца XIX в. они были отсталым элементом, все же они несли с собой те особые условия русской литературы, которая хотя и была по своему происхождению дворянской, но объективно испытала воздействие мещанства и потому могла выглядеть как демократическая. Двойственная природа одновременно отсталой и демократической мелкой буржуазии предопределила и двойственную роль русской литературы на Западе и создала мост между собой и западным мелкобуржуазным элементом.

Идеалистическая реакция конца XIX в. была не столько реакцией на всякую ясность и определенность догадывающейся о своем загнивании буржуазии, сколько возмущением чувства мелкобуржуазной демократии против бездушной объективности капиталистической культуры, протестом против всех «железных законов» господствующего социального порядка. Эта двойственность превращала Достоевского, с одной стороны, в идеалиста реакционного лагеря вроде Октава Фейе[7], Вогюэ и Бурже[8], с другой – в гуманиста в рядах возмущенной богемы. Его популярность росла там <на Западе> в начале 1900-х гг. словно транслируемая через рупор растущей популярности Горького и сливалась со своего рода богемно-демократической сентиментальностью писателей вроде Шарля-Луи Филиппа[9]. В обоих лагерях, однако, воспринимали одну и ту же гуманно-христианскую сторону Достоевского и особенно высоко ценили таких героев как Соня Мармеладова и князь Мышкин.

Дальнейшие этапы восприятия Достоевского во Франции отражают следующую фазу в развитии буржуазной культуры. Они связаны прежде всего с именем Андре Жида – с одной из интереснейших и значительнейших фигур в современной буржуазной литературе не

только во Франции[10]. Его место в развитии деструктивного направления, которое можно было бы описать отжившим словом «декаданс», находится в том поворотном пункте, когда это направление, возникшее из возмущения деклассированной богемы против общества, превратилось в неотъемлемую часть буржуазной культуры. То, что у Бодлера, у Рембо, у Верлена было подлинным трагизмом, подлинным самосожжением, подлинным всемирным отрицанием бунтаря, отвергнувшего буржуазную жизнь, в позднем декадансе превращается в трагическую цитату к внутреннему миру буржуазного индивидуалиста. Ужасная внутренняя фауна, которая у Рембо представляла совершенно реальную опасность, превращается в домашний зверинец, где ужасов не больше, чем в гётевском саду прекрасной Лилии[11]. Укрощенные и подчиненные некоему устойчивому modus vivendi чудовища еще ворочаются, но их движения передают – sit venia verba[12] – лишь пикантные подробности внутренней жизни буржуа, не затронутой никаким подлинным трагизмом. И А. Жид – характернейший представитель этого подпольного мира, сумевшего присосаться к буржуазной жизни. Внешне это лучше всего проявляется в особом соединении того, к чему его склонность непреодолима, всего гнилого, порочного, двусмысленного, «чреватого бедами» и «насыщенного невыразимым наслаждением»*[13], с корректно-сдержанной выправкой, вымуштрованной сразу двумя школами – эстетической и этической, а именно – французским классицизмом и французским протестантизмом.

«Достоевский» Жида (1924)[14] представляет совершенно другого Достоевского, чем Вогюэ. Во-первых, он совершенно освободил Достоевского от какой бы то ни было социальной среды и полностью сосредоточился на внутреннем <мире героев>, почти как Лев Шестов[15]. Далее, всячески подчеркивается *двусмысленность* Достоевского, невозможность использовать его для построения какой-либо позитивной идеологии. «Запискам из подполья» отведено в труде Жида центрально место, тогда как образы Кириллова и Ставрогина отодвинуты на задний план. Основополагающей считается для Достоевского проблема индетерминизма, проблема, которой Жид, наряду с его излюбленной идеей «acte gratuit»[16], носится уже давно. Наконец, в последней главе прославляются болезнь и ненормальность как почва для всякого гения, будто бы «подлинное творчество невозможно без сотрудничества с бесами», то есть (хотя Жид, как и его собратья

* Весьма типична для Жида очевидная склонность к «декадентскому периоду» Пушкина, например, к «Пиковой даме» (*прим. автора*).

по вере, протестанты, не верит в личного дьявола) без погружения в бездны подсознания, конструктивно воспользовавшись которым и воздвигся буржуазный декаданс. Беспрестанно подчеркивая противоречивость изобилующего конфликтами внутреннего мира Достоевского и его человека, Жид в то же время совершенно пренебрегает динамикой развития этих конфликтов (и не случайно он отказывает человечности Достоевского в «intelligence et volonté»[17]), конфликты для него играют роль ядов, придающих остроты варящемуся внутри напитку, однако не смертельных. Всеми силами подчеркивая темные, бесовские элементы у Достоевского, Жид вовсе не хочет, подобно Шестову, обесценить их умиротворяющего синтеза и широко пользуется своим христианским словарем. Трагедия оказывается безобидной, а беспокойный дух усваивается, ad majorem gloriam[18], эстетикой индивидуализма.

В Англии Достоевский стал литературным фактом позже, чем во Франции. Р.Л. Стивенсон читал его, правда, во французском переводе примерно году в 1890-м, был восхищен глубинами его анализа и даже усвоил кое-что из его художественных приемов[19]. И все же подобное частичное влияние одного писателя на другого важного литературного значения не возымело. Еще в 900-е гг. Морис Беринг[20] в своих книгах о русской литературе (это, кстати, первые работы на английском языке, выдающие основательное знакомство с русской литературой) говорит о Достоевском как о писателе не очень актуальном для своих читателей. В своем восприятии Достоевского Беринг опирается на Вогюэ, однако Достоевский, приготовленный по образцу Вогюэ, был в Англии малосъедобным. Для борьбы против естественнонаучного взгляда на мир там хватало собственных сил, надлежащим образом дозировавших идеализм и гуманизм. Детеологизированный пуританизм Джордж Элиот[21] и демократический эстетизм Рёскина[22] и Уильяма Морриса[23] отвечали потребностям, для удовлетворения которых Франции понадобились «les Russes»[24]. С другой стороны, английская жизнь была намного счастливее, и господствовавший оптимизм делал трагическое мировосприятие попросту ненужным*[25], а назревающие конфликты еще не коснулись сознания буржуазного общества. Предвоенные годы (либеральная эра 1906–1914) как раз и стали временем мощного подъема социального оптимизма в ши-

* Недвусмысленная трагичность А.Э. Хаусмана или Томаса Гарди как раз напротив тесно связана с нарастающим естественнонаучным взглядом на мир и на самом деле является лишь более мужественной формой позитивистского пессимизма Тургенева (*прим. автора*).

роких мелкобуржуазных слоях. Бюджет Ллойда-Джорджа был куда более важной реальностью, чем морское соперничество с Германией. В то время, когда интерес был прикован к Шоу и Уэллсу, Достоевский был заведомо не ко двору. Впрочем, и в Англии вызревали причины, которые разворачивали буржуазную интеллигенцию к внутреннему миру, к ультрапсихологическому и ультраинтроспективному индивидуализму, от чего интерес к Достоевскому должен был неминуемо возрасти. Первые корректные переводы его произведений (выполненные Констанс Гарнет[26]) появились в 1913 г.; его имя становилось все более известным. Но об «открытии» Достоевского англичанами позаботилась война.

Следует учитывать атмосферу наивного исторического оптимизма и веры в мирное развитие общества, в которой пребывала буржуазная Англия на пороге войны, чтобы понять воздействие войны на английскую интеллигенцию. Для типичного интеллектуала это было крушением всех его верований, всего мироощущения, ужасающим откровением, что нет никаких благодетельных сил, которые правят миром. Для большинства следствием стал полный отказ от всего социального, совершенная утрата веры в объективные ценности, абсолютное погружение в собственный внутренний мир, и вдобавок следствием войны стали всевозможные неврозы и комплексы. На этой почве пышным цветом расцвел разного рода ультраинтроспективный и сверхпассивный психологизм, который проявился в увлечении Фрейдом – который воспринимался как освобождение от всякой внутренней «цензуры», – и Достоевским, который реализовал это освобождение. «Scandale de la nudit »[27], выражение француза Суаре[28], которое еще в 90-е годы тяготело над Достоевским[29], лучше всего характеризует силу его притяжения для англичан в военные и первые послевоенные годы. Но Достоевский не был только стихией, которая способствовала процессу этого индивидуалистического разложения; он послужил также и утешителем, и целителем травм, которые нанесла английскому интеллектуалу война. Он открыл им трагедии и треволнения, рядом с которыми война отошла на задний план, но он пообещал им после них и через них исцеление и спасение. И в то же время оказывалось, по Достоевскому, что субъективное, заключенное в мобилизованном на фронт интеллектуале, разуверившемся в объективном, это-то и есть путь к объективному добру, тот путь, что ведет через трагические коллизии и конфликты, и тем более убедительный в представленных писателем отношениях. Но, самое главное, Достоевский дал им идею чуда, исторической непредопределенности, которая была совершенно чужда довоенной Англии; этой верой в чудо и

в грядущее возрождение человечества он уберегал их от злобной силы истории. Это новое отношение к Достоевскому отразилось в изданной в 1916 г. книге Миддлтона Марри «Федор Достоевский»[30].

После войны и наступившего затишья стало более устойчивым и отношение англичан к Достоевскому. Чудо перестало быть столь насущно необходимым. Остались мысли о грядущем возрождении человечества и о конечной гармонии, которая находится по ту сторону трагедии, но центральной, оставшейся после крушения объективных идеалов проблемой для послевоенной интеллигенции стало оправдание субъективных ценностей после обнаружения их объективной основы. Историческую условность этих первых поневоле пришлось принять к сведению, но возросший в протестантизме индивидуализм не мог совладать с чистым релятивизмом (материалистическое объяснение было с самого начала отвергнуто). Пришлось уверовать, что в субъективном начале все-таки всегда таится зародыш прогресса, и потому как раз в развитии этого субъективного сознания и состоит прогресс.

Попытка научно обосновать эту теорию была предпринята в талантливых книгах А.А. Ричардса[31]; он разработал дарвиновскую концепцию культурного прогресса, как выбора предопределенных реакций, присущих данной среде. Из заурядных истолкований особенно утвердилась провозглашенная вышеупомянутым Миддлтоном Марри новая литературная религия («Неизвестному Богу» <To the Unknown God>, 1924[32]): вера в объективность субъективных данных покоится у него на «традиции», которая ведет от «Эхилла, Еврипида и Платона, через Иисуса Христа, через Шекспира, Китса и Уитмена к Толстому и Достоевскому, к Чехову и Гарди». Из этого перечня явствует, что и тут Достоевскому, как и прежде, не отводится слишком большой роли, хотя и прибавлено, что он (и Толстой) стоят «у края» великой тайны, то есть того самого возрождения человечества. Достоевский оказывается постепенно в тени Чехова (опошление которого ad usum philistrorum[33] Миддлтону Марри удается проделать с большим искусством), а русские писатели в целом медленно замещаются доморощенной английской традицией, куда более спокойной и безвредной. Толстой и Достоевский привели Россию к большевизму; Уитмен и Мелвилл «ввергли Америку в механической загнивание; а Англия все живет себе и органично развивается». Так обнаруживает себя английский мещанин, для которого раны и трагедии остались в прошлом, на удобном и приятном пути к его будущему возрождению. А Достоевский обратился в одного из идолов интеллектуального Пантеона.

Увлечение достоевщиной прошло, и Достоевский достался в удел лишь профессиональным критикам и записным романистам. В соот-

ветствии с изучением его романов с чисто литературной точки зрения произошло смещение центра интереса с рассмотрения средств психологического анализа на разбор его повествовательной техники и драматического мастерства, что приводит нас к новой и, в настоящее время, последней стадии его восприятия.

Этот новый поворот тесно связан с культом действия, распространившимся среди буржуазной и частично в мелкобуржуазной интеллигенции, следствие обострения тех капиталистических противоречий, которые подвигли интеллектуалов рассматривать жизнь как борьбу. Интеллектуал-индивидуалист, будь он левый или правый, фашист или революционер-большевик, сочетали острейшее чувство борьбы с упорным разглядыванием внутреннего мира, с неисправимым нарциссизмом. Для них Достоевский оказался самой подходящей пищей. Во Франции фашистские тенденции оказались столь сильно пронизаны идеей «латинской дисциплины», что им понадобилась помощь, так сказать, косматого славянина, – литературного идеолога французского фашизма, Андре Моруа[34], больше интересовал маршал Лиотэ[35], нежели Достоевский. Но левых он притягивал очень сильно, но совсем не тем же самым, чем немецких благородных коммунистов: типичный продукт интеллектуального псевдобольшевизма, «Завоеватели» Андре Мальро (1925)[36] насквозь пропитаны магнетизмом Достоевского.

Между тем в Англии фашистские настроения находятся на чисто литературной ступени развития; в целом они его обегают и предпочитают ему авторитеты местного или латинского происхождения. Принимая, впрочем, во внимание, что молодое поколение, выросшее в атмосфере Достоевского, проникнуто новым драматическим и фашистским сознанием, оно и представляет Достоевского по своему образу и подобию. В этом отношении вполне симптоматично появление года два назад книги одаренного молодого романиста Джона Каррузерса «Шехерезада, или будущее английского романа»[37]. Он проповедует необходимость для романиста сосредоточиться на фабуле, а не на психологии, дезавуирует извращения старших собратьев по перу, зависимых от Достоевского и выдвигает на первый план драматический характер своей конструкции. Еще один молодой критик, Эдвин Мюир, в своей книге о романе[38], посвящает одну из глав, озаглавленную «Драматический роман», Достоевскому, и ставит его в один ряд с гениальной английской романисткой, Эмили Бронте*. Подобное сопоставление могло бы стать унизительным для Достоевско-

* Стремительный рост славы Эмили Бронте (1818–1848), почти неизвестной на континенте, является ярчайшим литературным отражением растущего драматического мировосприятия (*прим. автора*).

го (хотя Мюир прямо и не приходит к этому заключению), поскольку Эмили Бронте разбивает его как драматического писателя наголову. Когда же двусмысленный мистицизм и разлагающийся психологизм перестают главенствовать в целом, а на их место заступают динамизм повествования и драматическая (сюжетная) определенность, своеобразные вес и влияние Достоевского неотвратимо идут ко дну.

Принимая во внимание, как глубоко укоренены в самом существе буржуазной культуры причины, способствующие распространению достоевщины, отмежеваться от нее удается лишь частично. Приходится считаться с неизбежным возвратом к чистой достоевщине, однако дело случая, окажется ли в ее центре именно Достоевский. Нам, впрочем, известно по русскому опыту, что интерес к Достоевскому, как к романисту – мастеру драматических коллизий и сконструированного содержания – в целом растет, тогда как интерес к нему как к особому индивидуальному явлению – падает. Из этого мы можем сделать вывод, что также и на Западе рост интереса к этим формально-содержательным сторонам его творчества означает тем самым утрату интереса к собственно достоевщине.

Опубл.: D. Sv'atopolk-Mirskij. Dostojevskij im Westen – I: Dostojevskij in Frankreich und England // Slavische Rundschau. 1931. Bd. 3. S. 310–318.

[1] Первая часть обзора «Достоевский на Западе», вторая – «Достоевский в Германии» – принадлежит перу Герхарда Геземана: *Gesemann G.* Dostojevskij im Deutschland // Slavische Rundschau. 1931. Bd. 3. S. 318–323.

Геземан Герхард Фридрих Франц (Gerhard Friedrich Franz Gesemann; 1888–1948) – немецкий славист, историк литературы и фольклора, сербохорватист. В 1930-х гг. профессор славистики Немецкого университета в Праге, один из основателей Немецкого общества славянских исследований (Deutsche Gesellschaft f r Slawistische Forschung), издававшего журнал « «Slavische Rundschau».

[2] Вогюэ Эжен-Мельхиор, де, маркиз (Eug ne-Melchior de Vogüé, vicomte, 1848–1910) – французский дипломат, писатель, литературный критик, историк литературы, член Французской академии, автор книги «Le roman russe» (1886; сокращенный русский перевод: *Вогюэ Э. М. де.* Современные русские писатели: Толстой – Тургенев – Достоевский = Le Roman russe / пер. с фр. В.П. Бефани. М.: Изд-во В.Н. Маракуев, 1887).

[3] Баррес Морис (Auguste-Maurice Barrès, 1862–1923) – французский писатель.

[4] Бергсон Анри (Bergson Henri, 1859–1941) – французский философ, лауреат Нобелевской премии по литературе (1927). Ср.: «Его [Мирского] философская почва – бергсонизм (хотя романтический эволюционизм Бергсона ему совершенно чужд), и разум он подчиняет интуиции, цельному воззре-

нию, неразложимому восприятию конкретного» (*Смит Дж.* Параболы и парадоксы Д. Мирского // *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. С. 28).

[5] Франко-русский союз – военно-политический союз России и Франции, который был основным вектором внешней политики двух государств в 1891–1917 гг. и предшествовал созданию тройственной (с участием Великобритании) Антанты. Противостоял Тройственному союзу во главе с Германией.

[6] О взаимоотношениях И.С. Тургенева и Э. Золя см.: Из переписки Э. Золя с русскими корреспондентами / Публ. М. Клемана // Литературное наследство. Том 31/32. Русская культура и Франция. [Кн.] II. Пригот. С.А. Макашин. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. С. 943–980; *Кафанова О.Б.* Крупная фигура (Э. Золя в оценке И.С. Тургенева) // Тургеневский чтения V. Сост. и научн. Редактор Е.Г. Петраш. М.: Русский путь, 2011. С. 103–114. .

[7] Фёйе Октай (Octave Feuillet; 1821–1890) – французский писатель, убежденный роялист и апологет аристократии.

[8] Бурже Поль (Paul Bourget; 1852–1935) – французский писатель, романист; противник материалистического мировоззрения, против которого выступал с позиций католицизма и монархизма.

[9] Филипп Шарль-Луи (Charles-Louis Philippe; 1874–1909) – французский писатель, автор произведений о жизни низших слоев общества, был близок к социалистам; испытал влияние русской литературы, прежде всего Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

[10] Жид Андре (Andr Paul Guillaume Gide; 1869–1951) – французский писатель, прозаик, драматург и эссеист, лауреат Нобелевской премии по литературе (1947).

[11] Имеется в виду сказка И.В. Гете «Сад прекрасной Лилии» из «Разговоров немецких беженцев» («Unterhaltungen Deutscher Ausgewanderten», 1794).

[12] не во гнев будь сказано (*лат.*).

[13] К ПОДСТРОЧНОМУ ПРИМ. МИРСКОГО

В 1923 г. А. Жид участвовал в переводе «Пиковой дамы» Пушкина (*Pouchkine A.* La Dame de pique. Thaduction de J. Schiffrin, B. de Schloezen et A. Gide. Avant-propos de Andre Gide. Illistrations de Vassili Choukhaeff, editions de la Pleiade, J. Schiffrin et Cie. Paris: Ëditions de la Pleiade, 1923). В этом издании были представлены примеры из первого перевода «Пиковой дамы» на французский язык, осуществленного П. Мериме с очевидным приукрашиванием слога Пушкина.

См.: *Н. Р. [Рыкова Н.]* Андре Жид о Пушкине // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Вып.] 1. С. 385–386. Автор заметки резюмирует: «Переводы А. Жида сделаны с нарочитой установкой на точность. Как произведения французского языка они не уступают работе Мериме, являясь без сомнения крупным вкладом в дело ознакомления французского читателя с Пушкиным, все еще недостаточно оцененным на Западе» (с. 386).

См. также предисловие Мирского к английскому изданию «Пиковой дамы» (Pushkin A. The Queen of spades [translated by J. E. Pouterman and C. Bruerton]. Introductory essay by D. S. Mirsky and original woodcuts in colours by H. Alexieff. Limit. ed. London: Blackamore Press, 1929; русский перевод: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. С. 179–181), которое он рекомендовал вниманию немецкоязычного читателя в «Slavishe Rundschau» в обзоре «Английская россика», размещенном в разделе «Культурная хроника» (см. наст. публ.).

[14] *Gide A.* Dosto evski. Paris: Gallimard, 1923. См. также: *Жид А.* Достоевский. Эссе: пер. с фр. Томск: Водолей, 1994.

[15] См.: *Шестов Л.* Достоевский и Ницше (философия трагедии). СПб., 1903; *Шестов Л.* Достоевский и Нитше. Берлин: Скифы, 1922; *Шестов Л.* Преодоление самоочевидностей: К столетию рождения Ф.М. Достоевского // Современные записки. 1922. Кн. IX. С. 190–215.

[16] беспричинный поступок (*франц.*).

[17] уме и воле (*франц.*). В «Slavische Rundschau» это выражение напечатано макароническим способом: «intelligence und volont »; чтобы избежать путаницы, приводим это выражение целиком по-французски.

[18] к вящей славе (*лат.*).

[19] См.: *Maguire M.* Crime and Publishing: How Dostoevskii Changed the British Murder // A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture. Ed. by Anthony Cross. Open Book Publisher, 2012. P. 149–174.

[20] Беринг Морис (Maurice Baring, 1874–1945) – английский писатель, переводчик, журналист. Автор ряда книг о России («With the Russians in Manchuria», 1905; «A Year In Russia», «The Russian People», 1911, «The Mainsprings of Russia», 1914, «An Outline of Russian Literature», 1914–1915). Об отношениях Мирского и Беринга см.: *Lavroukine N.* Maurice Baring and D. S. Mirsky: A Literary Relationship // The Slavonic and East European Review. 1984 (January). Vol. 62. № 1. P. 25–35; *Lavroukine N.* Through Russian Eyes: D.S. Mirsky on Maurice Baring // Chesterton Review. 1988. № 19/I. P. 51–62.

[21] Элиот Джордж (George Eliot; настоящее имя: Мэри Энн Эванс, Mary Ann Evans; 1819–1880) – английская романистка, журналистка и переводчица.

[22] Рёскин Джон (John Ruskin; 1819–1900) – английский писатель и поэт, художник, теоретик искусства и литературный критик.

[23] Моррис Уильям (William Morris; 1834–1896) – английский поэт и художник-прерафаэлит, книгоиздатель, создатель мануфактуры по производству декоративно-прикладных предметов; социалист.

[24] русские (*франц.*).

[25] К ПОДСТРОЧНОМУ ПРИМ. МИРСКОГО

Хаусман Альфред Эдвард (Alfred Edward Housman; 1859–1936) – английский поэт; Гарди (Харди) Томас (Thomas Hardy; 1840–1928) – английский прозаик и поэт.

[26] Гарнетт Констанс Клара (Constance Clara Garnett; 1861–1946) – английская переводчица русской литературы XIX в. См.: *Garnett R.* Constance Garnett: A Heroic Life. London: Sinclair-Stevenson Ltd, 1991.

[27] скандал наготы (франц.).

[28] Суаре Андре (1868–1948) – французский писатель и поэт. См. его статью о Достоевском: *Suarès A.* Dostoïevski // Cahiers de la Quinzaine. 1911–1912. XIII (Treizième série), № 8.

[29] Ср. у Достоевского («Бобок», 1873): «Но пока я хочу, чтоб не лгать. Черт возьми, ведь значит же что-нибудь могила! Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться. Я прежде всех про себя расскажу. Я, знаете, из плотоядных. Всё это там вверху было связано гнилыми веревками. Долой веревки, и проживем в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся! – Обнажимся, обнажимся! – Закричали все голоса» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 52).

[30] *Murry J.M.* Fyodor Dostoevsky: a critical study. London: Martin Secker, 1916. Марри Джон Миддлтон (Murry John Middleton; 1899–1957) – британский писатель, журналист, литературный критик.

[31] Ричардс Айвор Армстронг (Ivor Armstrong Richards; 1893–1979) – английский филолог, литературный критик, писатель и драматург. Один из основоположников «Новой критики» (New Criticism). Автор книг: «The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism» (1923, совместно с Ч.К. Огденом), «Principles of Literary Criticism» (1926), «Practical Criticism» (1929), «The Philosophy of Rhetoric» (1936).

[32] *Murry J.M.* To the unknown God: essays towards a religion. London: J. Cape, 1924.

[33] для использования филистером (*лат.*), т.е. в меру понимания обывателя, узко мещанские. Мирский обыгрывает латинское выражение «ad usum delphinium» (см. выше).

[34] Моруа Андре (Andr Maurois, наст. имя Эмиль Саломон Вильгельм Эрзог, Émile-Salomon-Wilhelm Herzog, 1885–1967) – французский писатель, прославившийся прежде всего как автор романизированных биографий. В 1931 г. А. Моруа выпустил две биографии: «Лиотэ» (см. ниже) и «Тургенев» (*Maurois A.* Tourguéniev. Paris: Grasset & Fasquelle, 1931).

[35] В 1931 г. А. Моруа выпустил биографию Л. Лиотэ: *Maurois A.* Lyautey Paris: Plon, 1931.

Лиотэ (Лиотей) Луи Юбер Гонзалв (Louis Hubert Gonzalve Lyautey; 1854–1934) – французский военачальник, маршал Франции (1921), министр обороны Франции в 1916–1917 гг.; прославился участием в колониальных войнах в Индокитае и Марокко.

[36] *Malraux A.* Les Conquérants. Paris: Grasset, 1928.

Мальро Андре (André Malraux, 1901–1976) – французский писатель. Сын банкира, закончивший Национальную школу восточных языков, в 1925–1927 гг. воевал на стороне коммунистов в Кантоне (Гуаньчжоу; Китай), где Чан Кайши была совершена попытка переворота. Этим событиям и посвящен роман «Завоеватели». Не будучи коммунистом, А. Мальро открыто выступал против фашизма, возглавлял общественное движение за освобождение Э. Тельмана и Г. Димитрова.

[37] *Carruthers J.* Scheherazade, or the Future of the English Novel. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co., 1928. «Джон Каррузерс» (John Carruthers) – псевдоним Джона Янга Томсона Грига (John Young Thomson Greig, J.Y.T. Greig; 1891–1963), британского историка литературы. Известен, среди прочего, вышедшей в 1931 г. биографией Д. Юма (*Greig J.Y.T.* David Hume. Oxford: Oxford University Press, 1931).

[38] *Muir E.* The Structure of the Novel. London: Hogarth Press, 1928.

Мюир Эдвин (Edwin Muir; 1887–1959) – шотландский поэт, литературный критик, переводчик. Автор, среди прочего, книги «Scott and Scotland; the predicament of the Scottish writer» (London: G. Routledge and Sons, 1936), в которой настаивал на том, что шотландская литература может быть создана только на английском языке, что противоположно мнению знакомого Мирского, шотландского поэта Х. МакДиармида.

Современный русский исторический роман

Русский исторический роман в своем развитии прошел ряд этапов, не сходных друг с другом и едва ли имеющих генетически между собой что-то общее.

Первая фаза, связанная с именами Карамзина, Жуковского, Нарежного, меньше всего была «исторической» и столь же мало самостоятельной; это была, скорее, провинциальная реакция на возникшую на Запада эстетику живописного, нежели отражение пробуждающегося в русском дворянстве сознания «народности», национальной самобытности. Вторая фаза – влияние Вальтера Скотта в 1830-е годы – была также во многом зависима от западных образцов, однако общественное содержание этого «вальтерскоттства» было иным, чем в Англии или Франции. Там это было сложным сплетением ретроспективно романтических настроений переживающего закат дворянства (история как застывшее прошлое) и энергичных романтических устремлений все еще революционизированной буржуазии (история как движение). В России, как и в прочих относительно отсталых странах (например, в Италии – Манцони), исторический роман этого периода обусловлен в первую очередь патриотической идеологией еще незрелой буржуазии. Вследствие еще очень слабо развитого классового сознания русской буржуазии эта идеология приобрела особые черты «официальной народности», всеподданнейшего патриотизма.

Бросается в глаза, каким разительным исключением из этого правила оказываются крупнейшие писатели. У Пушкина, который особенно мощно сочетал в себе все противоречия тяготеющего к «третьему сословию» и все же не примыкающего к нему дворянства, исто-

рический роман («Капитанская дочка», «Дубровский») становится средством для изучения движущих классовых сил русского общества; у Гоголя («Тарас Бульба») ирреально окрашенный национальный романтизм в своем эмоциональном тоне сближается с мелкобуржуазной романтикой Гюго или Мишле; у Лермонтова («Вадим») эта тональность использована уже сознательно и доведена до ярко выраженного протеста, что типично для деклассированных дворян.

У врат третьей фазы стоит «Война и мир». Но эта гениальная попытка развенчать и устранить историю, заменив ее «вечным возвращением», оказала в свое время лишь самое поверхностное влияние на русский исторический роман (например, чисто внешнее использование художественных приемов Толстого Салиасом[1]). Массовое производство исторических романов в последней трети XIX в. находится за пределами «высокой» литературы. Его единственной задачей было снабдить чтением тех читателей, которые были не настолько умны, чтобы интересоваться Салтыковым или Глебом Успенским. Провинциальный темп жизни еще наполовину увязшей в крепостном праве России заставлял мелкобуржуазного читателя искать действия и сюжета только в прошлом; смена этого темпа более бурными ритмами эпохи империализма ведет к замене исторического романа детективным.

Новая фаза для исторического романа настала в эпоху символизма и эстетизма. Его функция оставалась, в каком-то отношении, той же самой: найти в прошлом стимуляторы, которые не предоставляет окружающая действительность, – и в то же время исторический роман превратился из специфически обывательского чтения в высоко культурное занятие, поскольку он снабжал декадентскую и утонченную буржуазию художественными мирами, диапазон которых простирался от лавки древностей Мережковского, с ее «вечными ценностями», до чисто сексуальных реконструкций Кузмина.

* * *

В революционные эпохи исторический роман расцветает. Гегель и Гизо явились как непосредственное следствие французской революции. Присущее пролетарской идеологии единство теории и практики привело, однако, к тому, что революционный историзм Октябрьской революции полностью исчерпал себя в прямом революционном действии и его осмыслении. Проблематика пролетарского романа, даже когда он по форме стоит ближе всего к исторической хронике (например, у Фурманова), – это, в первую очередь, проблематика практически-политическая и педагогическая, направленная, в частности,

на разъяснение функций отдельного революционного рабочего в революционной среде, или на проблему практического воздействия коммунистической партии и отдельного члена партии на окружающую, преимущественно крестьянскую, среду.

Исторический роман в собственном смысле – это целиком продукт непролетарской литературы; здесь сфера его распространения весьма обширна и простирается от правого крыла эмиграции до мелкобуржуазных писателей, которые стоят ближе всего к коммунизму и уже сливаются с партией. В этой связи особенно примечательно сходство между романом монархиста Краснова («От Двуглавого Орла к красному знамени», 1921) и «Тихим Доном» (1929) напрасно причисляемого к пролетарским писателям донского казака Шолохова[2]. Правда, Шолохов несравненно талантливее и культурнее своего бывшего атамана, он безмерно далек от пышной тривиальности, наполняющей роман Краснова. Оба романа интересны, однако, как отголоски композиционных приемов «Войны и мира» в современной литературе. Смысл этих приемов у Толстого состоит в развенчании истории, во-первых, через снижение исторических личностей до и ниже уровня обыкновенных смертных и, во-вторых, через подчеркивание «вечного возвращения» жизни, что отрицает качественно изменяющую силу истории. «Война и мир», по существу, не исторический, а антиисторический роман, и созданная Толстым форма не годится ни для конкретного изображения эпохи во всем ее разнообразии, ни для объяснения исторического процесса иначе как в антиисторическом смысле. Убожество генерала Краснова (и, возможно, его мания величия) состоит, между прочим, в том, что он взял толстовскую форму за образец для подражания, тогда как его собственная задача была совершенно антитолстовской: весь его роман выстроен вокруг проблемы, как можно было бы предотвратить революцию!

Напротив, Шолохов подсознательно находится ближе к Толстому, и «Тихий Дон» в своем «эпическом» течении действительно родственен «Войне и миру» как роману «деревенскому», стихийному, отрицающему возможность улучшения мира. Но Шолохов столь же далек от Толстого, как Краснов от Шолохова. Ему также не удалось привести антиисторическую подоплеку в гармонию с историческим материалом. У Толстого план абсолютно целостен, он сознательно преследует цель опорочивания исторического посредством неисторического. У Шолохова царит непримиримое противоречие между замыслом и стихийным подсознанием. Всем своим сознанием он на стороне революции, которая разрушает эпическое бытие его казаков. Но в своей «глубине» он целиком на стороне бытия, и рево-

люция в его изображении остается безжизненным и неорганичным придатком на антиисторическом фоне. Только те моменты революции, которые глубже всего коренятся в бытии, выходят у Шолохова ярко и убедительно, как, например, великолепный, глубоко запоминающийся образ становящегося большевиком казака Подтелкова. «Тихий Дон» – это роман мелкобуржуазного попутчика революции, которого влечет к себе дело пролетариата, но который всем сердцем живет в «вечных» категориях «надреволюционной» деревни, подобно тому как Толстой сознательно живет в «надысторических» категориях дворянско-крестьянской деревни.

Иные настроения, рожденные революцией, проявляются в произведениях М. Алданова, любимого автора образованной части эмиграции. В основу его романов лежит развенчание и снижение исторических личностей, особенно выдающихся революционеров, и утверждение тезиса: plus a change, plus a reste la m me chose[3]. Однако это настроение вызвано не почвенническим биологизмом Толстого и Шолохова, а придирчивым недовольством буржуа, деклассированного революцией, из-за ее плебейской неучтивости. Скептическое презрение – единственное достойное умного человека отношение к истории, особенно к ее революционным эпохам. Обратная сторона этого презрения – идеализация «реалистов» и циников в политике, каковы Талейран или директор царского департамента полиции («Ключ»). Эта линия порой связана у Алданова со специфическим буржуазно-эмигрантским прославлением поверженной империи, которую в свое время, увы, недооценивали.

Понятие «история» содержит два компонента: движение и прошедшее. Если романы Алданова имеют дело с первым, показывая, будто это движение в качественном отношении однотипно и не ведет ни к каким изменениям, то советский исторический роман в своих наиболее талантливых проявлениях обращается не столько к движению, сколько к прошлому с его очевидным отличием от современности. К прошлому в его очевидном отличии от современности был обращен и исторический роман символистов, у которых он служил задаче найти «другие миры», эстетически более приемлемые, чем современность. В этом сказались страх перед действительностью и слабеющие жизненные силы предреволюционной буржуазии. Бегство современных писателей в прошлое обусловлено не декадентским taedium vitae[4], а объективным вытеснением старой буржуазной интеллигенции из настоящего. Это вытеснение, конечно, нельзя представлять себе как чисто внешнее – вроде некоей директивы, согласно которой немарксисты не смеют писать о современности. Это просто

следствие подлинной культурной победы рабочего класса и сливающейся с ней партийной интеллигенции во всех сферах сегодняшней жизни. Поскольку для писателя из старой интеллигенции по социальным причинам невозможно влиять на современность, он теряет также чисто созерцательную власть над нею и вытесняется на позицию, предопределенную для него его литературной образованностью, – в прошлое литературы.

Так в советской литературе за последние пять-шесть лет образовалась самостоятельная отрасль, поставляющая чтение для старой интеллигенции и живущая литературно-историческим материалом. Она включает различные формы литературного монтажа, более или менее романизированные биографии и, в качестве наиболее изысканной формы – литературно-исторический роман. То, что это не просто исторический, а именно литературно-исторический роман, и то, что он опирается на всю литературно-историческую литературу, в высшей степени характерно для положения непролетарской литературы в обществе строящегося социализма. Теряя почву в реальной действительности, старая, в принципе буржуазная, интеллигенция замыкается в самой себе. Последыши «великой русской литературы», то есть дворянско-буржуазной литературы, поворачиваются к тому великому времени, когда эта литература была восходящей силой настоящего и будущего. Не случаен и неизменно повторяющийся выбор эпохи – первая половина правления императора Николая I. В авторском подсознании Кюхельбекер, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов в когтях николаевского царизма символизируют самих авторов, которым в социалистическом государстве не приходится наслаждаться внутренней, присущей их классу свободой («свобода», по Гегелю, «состоит в том, чтобы не желать ничего, кроме себя»[5]). Идентифицируя себя со своими героями, писатели неосознанно восстают против пролетарской власти.

Этот субъективный момент невольно искажает историческую достоверность в этих романах. Будучи представителями обреченного на смерть, в сущности, уже умершего класса, авторы не в состоянии сопереживать настроениям восходящего класса. Все эти романы – это романы гибели и безнадежности. Потому и предпочитают эти романисты период с 1825 по 1840 гг., что это была эпоха, когда поступательное движение русской буржуазно-дворянской культуры было «всерьез и надолго» остановлено «железной зимой» (Тютчев) николаевского режима. Это временное препятствие в развитии буржуазии используется, однако, затем, чтобы символизировать окончательную агонию буржуазной культуры, что ведет к неверному освещению изо-

бражаемой эпохи. В этом отношении особенно показательной представляется «Смерть Вазир-Мухтара» Тынянова, очевидный шедевр всей школы. Тынянов – историк умный и зоркий, он отлично постигает трагизм социального предательства в жизни Грибоедова, который изменил своей либеральной молодости и поступил на службу царизму. В то же время Грибоедов изображен как обломок ушедших поколений, переживший свой век и не понимающий века нового. Остается не эксплицированным, что Грибоедов, в сущности, – человек не только вчерашнего, но и завтрашнего дня, тогда как подхалимы Николая, которых он, Грибоедов, в исторической перспективе победил, – это преходящее сегодня. Вступая в их партию, Грибоедов предает не только свое прошлое, но и будущее – свое и своего класса.

Романам Тынянова принадлежит центральное место в формировании литературно-исторического романа как особого жанра. Выработанная им форма послужила образцом для целой школы подражателей. К особенностям этой формы относятся: во-первых, обращение к историческим фактам при минимальном участии вымысла; во-вторых, построение повествования на основе чередования отдельных эпизодов и в смысловом отношении законченных сцен, которые не связаны между собой никакими повествовательными переходами. Выработанная Тыняновым манера роднит литературно-исторический роман его с «литературным монтажом» – следующей формой развития того же литературного типа (впрочем, хронологически это не совсем верно: первый тыняновский роман, «Кюхля», появился уже в 1925 г.[6], незадолго до первой попытки чистого литературного монтажа – вересаевского «Пушкина в жизни»[7]). С одной стороны, эта форма (через устранение вымысла) сближается с лефовской идеей «литературы факта», с другой – с техникой кино. Таким образом, она представляет собой периферийное отражение искусства технической интеллигенции, в то время как содержание литературно-исторической литературы выдает в качестве непосредственного источника наименее технический слой технической интеллигенции – историко-филологический.

Выработанная Тыняновым форма обладает явным сходством с методом «peep show», который Толстой применил в «Хаджи-Мурате». У Толстого отдельность эпизодов была выражением его этического формализма, который пришел на смену жизнеутверждающей непрерывности «Войны и мира»; она выражала замену биологического утверждения помещичьей жизни ее рационалистическим отрицанием. Конструктивный формализм «Хаджи-Мурата» бросается в глаза: художественный материал совершенно отчетливо скомпо-

нован по принципу замкнутой кривой («бумеранга»), с очевидным кульминационным пунктом (сцена у Николая I) и возвращением к исходному пункту. Замечательна эта несопоставимо большая формальная ясность реалиста Толстого в сравнении с формалистом Тыняновым. Она соответствует подлинной близости старика Толстого к «народной литературе» (то есть крестьянской), всегда прозрачной формально. В то же время контраст между большим вниманием формалистов к формальной структуре чужих произведений и отсутствием подобной структуры в их собственном творчестве вообще типичен для технически высококвалифицированной, но лишенной всякой общественной цели интеллигенции. Из всех формалистов (в широком смысле слова) формальную ясность демонстрируют лишь те, кто в наибольшей степени слился с пролетарской революцией, в первую очередь Маяковский, затем работающие в более «техническом» виде искусства кинорежиссеры Эйзенштейн и Пудовкин.

У широких кругов непролетарской публики есть особые мотивы, которые влекут целый ряд писателей к историко-литературному материалу, неважно какому, – всякое прошлое для них хорошо, коль скоро оно освобождает их от революционного настоящего. Спрос на исторический роман самого различного содержания быстро вырос, и выработанная Тыняновым формула использована для этих целей писателями совершенно иного типа. Один из таких романов – «Петр Первый» Алексея Толстого[8] – заслуживает особого внимания. То обстоятельство, что совершенно антиисторический Алексей Толстой предался историческим романам, в высшей степени показательно для владеющего непролетарскими писателями убеждения: темпы современности для них недоступны. То, что ему удалось создать подобный роман, и то, что это удалось именно ему, имеет особое значение для освещения писательской личности этого автора.

Литература дореволюционной России была буржуазной. Класс помещиков полностью истощился уже к концу XIX века. Тем не менее на общем буржуазном фоне предреволюционной литературы резко выделяются отдельные писатели, происходящие из находящегося в распаде дворянства. В первую очередь это Бунин и Алексей Толстой, которые засвидетельствовали, на разных этапах, разложение своего класса. Бунин еще тесно связан со своим классом и мучительно остро чувствует его распад. Отсюда и его парадоксальный переход от невероятно проницательного изображения этого распада в «Суходоле» (1912) к чистому помешательству на дворянстве после революции[9]. А. Толстой вышел из до того уже разложившегося класса, что его собственной здоровой натуре не оставалось ничего другого,

как отказаться от этого класса, культурно мертвого и не способного дать ему никакого культурного наследства. А. Толстой не страдает к тому же никаким «помещичьим комплексом» и нимало не переживает, подобно Бунину, о своем классе. Он целиком принадлежит культуре мелкобуржуазной богемы предреволюционных лет. Но хотя он и совершенно порвал с помещичьей культурой, он сохраняет изумительно сочные впечатления своего детства. Эта черта оказалась у него столь сильно выраженной, что этот индивидуальный пример в определенной степени подтверждает тезис Переверзева о судьбоносной обусловленности художественного творчества первоначальной общественной средой[10].

Вылазка А. Толстого в историю была бы, несомненно, столь же наивна, как и его прогулки по современности, если бы он случайно не родился в конце долгой исторической формации и не жил в эпоху, абсолютно чуждую среде, из которой он вышел. Буржуазно-пролетарский современный мир он может принимать лишь с непосредственной первобытной наивностью, но в прошлом крепостной России он узнает тот с детства знакомый мир, в котором он чувствует себя свободно. В «Петре Первом» он воспринимает Россию конца XVII в. так же, как и Россию конца XIX в., последние годы которой он еще застал. «Петр Первый» – это роман о крепостной России в состоянии кризиса и разложения. Юность Петра была временем кризиса и частичного упадка определенной стадии крепостного общества; конец XIX в., который Толстой знает непосредственно, был временем завершающего кризиса и окончательного разложения целой формации. И потому оправдан его поход в «старую Россию» Милославского, Нарышкина, Лопухина, для изображения которой он щедро пользуется образами, хорошо знакомыми с детства.

Для сбора материала ему оказался полезным покойный П. Щеголев[11]. Но, честно говоря, он мало ему помог. В результате получилась мешанина из довольно беспомощной, механической архаизации и легкомысленных анахронизмов, временами смахивающая на сознательную оффенбахиаду. Историческая концепция эпохи, как и следовало ожидать, также получилась весьма пестрой. Заметно влияние Покровского, подчеркивается зависимость Петра от иностранного торгового капитала; некоторые сцены в историческом отношении удачны. Совершенно непроясненным остается, однако, вопрос: против чего, собственно, борется Петр, откуда взялись, собственно, те упрямство и косность, которые связывают общим делом Нарышкиных и Лопухиных со стрельцами? Напротив, превосходно все, что касается изображения крепостнической России на пороге великих по-

трясений. Все пронизывающая атмосфера крепостничества и развал системы переданы с убедительной силой. Особенно пронзительно (что типично для сына эпохи кризиса и разложения) описано текучесть этой жизни, скитания бесчисленных деклассированных рабов в стенах расшатанной тюрьмы.

Много сказано и написано[12] о контрасте между образом Петра в этом романе и образом того же самого Петра в более раннем произведении А. Толстого («День Петра»)[13], созданном в 1917 году. В «Дне Петра» Петр – это жестокий и безумный зверь, в котором нет ничего человеческого; в «Петре Первом» – это наивный мальчик с сильным чувством неполноценности по отношению к иностранцам; человек добросердечный, полный добрых намерений, восприимчивый, но ленящийся думать и не уверенный в своих поступках. Он необычайно симпатичен и, как это ни странно, изображается с той теплотой, которую писатели обычно приберегают для автобиографических персонажей. В нем можно было бы увидеть своеобразную транспозицию личности автора в довольно удивительное окружение. «Петр Первый», без сомнения, роман субъективный, но, в отличие от тыняновских романов, он субъективен неактуально, без какого бы то ни было отношения к современности. Наличие у А. Толстого ярко выраженной позиции по отношению к современности вызывает сомнения, и во всяком случае то обстоятельство, что подобной тенденции в его романе нет, следует считать преимуществом, – это спасает его от легкой и достаточно банальной параллели между Петром и большевиками.

Опубл.: D. Sv'atopolk-Mirskij. Der Russische Historische Roman der Gegenwart // Slavische Rundschau. 1932. Bd. 4. S. 10–17.

[1] Салиас-де-Турнемир Евгений Андреевич, граф (1840–1908) – автор многочисленных исторических и приключенческих повестей и романов.

По поводу романа «Пугачевцы» (1874) А.И. Введенский заметил, что «критика поставила в упрек графу Салиасу, между прочим, то, что он является не только последователем, но и рабским подражателем графу Льву Толстому» (*Введенский А.И.* Современные литературные деятели. IV. Граф Евгений Андреевич Салиас // Исторический вестник. 1890. Август. С. 387).

[2] Отметим, что вскоре после публикации статьи Мирского Краснова и Шолохова сравнивал Г.В. Адамович: «"Тихий Дон" не раз уже сравнивали с "Войной и миром". Шолохова называли последователем и учеником Толстого. Кое-что от Толстого у него, действительно, есть, но чем пристальнее вглядываешься, тем сильнее убеждаешься, что это – только оболочка толстовского искусства... Да, "roman-fleuve". Но Толстой им управляет, он нас

самих, читателей, уносит на его волнах. А Шолохов не в силах поток сдержать. Третий том “Тихого Дона” сбивается на откровенную бестолочь: автор больше не знает, что, куда, к чему, и в поисках спасения цепляется за “руководящую” коммунистическую идейку. Мысль могла бы помочь ему. Но мысли у Шолохова нет. Мне вспоминается не Толстой, а совсем другой писатель, которого, кстати, с Толстым у нас тоже сравнивали. О нем в “Тихом Доне” довольно много говорится, как об одном из участников гражданской войны. Это – генерал Краснов. Читатели, пожалуй, заподозрят меня в склонности к парадоксам... Напрасно! На основательности сравнения я настаиваю. Краснов – дурной писатель, конечно. Он во всех отношениях Шолохову уступает. Но характер и дух его писаний – шолоховский. Притом таланта у него отрицать нельзя» (*Адамович Г.* Шолохов // Последние новости. 1933. 24 августа. № 4537. С. 3).

Вскоре это сравнение вызвало к жизни целую книгу: *Попов К.* «Война и мир» и «От двуглавого орла к красному знамени». Париж, 1934.

Адамович не упоминает имени Мирского, но заочный диалог с ним весьма вероятен. См.: *Коростелев О.А., Ефимов М.В.* Г. Адамович и Д. Святополк-Мирский: К вопросу о типологии литературной критики русского зарубежья 1920-х гг. (в печати).

[3] чем больше перемен, тем меньше изменений (франц.; букв.: чем больше что-то меняется, тем больше остается прежним).

[4] отвращение к жизни (*лат.*).

[5] Именно так эту фразу цитирует Г.В. Плеханов в работе «Основные вопросы марксизма» (1908). У Гегеля: «Nichts zu wollen als sich, Nichts zu wollen als die Freiheit» («Ничего не желать кроме себя, ничего не желать кроме свободы»).

[6] *Тынянов Ю.* Кюхля. Повесть о декабристе. Л., Госиздат, 1925.

[7] *Вересаев В.* Пушкин в жизни. Характер – Настроения – Привычки – Наружность – Одежда – Обстановка. Систематический свод подлинных свидетельств современников. Вып. 1–4. М.: Недра, 1926–1927.

[8] Первые публикации романа (первоначально – «повести») А.Н. Толстого «Петр Первый» появились в 1929–1930 гг.: главы первой книги публиковались в журналах «Красная Нива» (1929. № 15), «Красная панорама» (1929. № 15–16), «Стройка» (1930. № 5); первая книга опубликована в журнале «Новый мир» (1929. № 7–12; 1930. № 1–7); первое отдельное издание первой книги: М.: Прибой, 1930.

[9] См.: *Ефимов М.В.* К рецепции творчества И.А. Бунина в эмиграции: Д.П. Святополк-Мирский // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 6. С. 44–57.

[10] Переверзев Валерьян Федорович (1882–1968) – советский литературовед, один из ведущих представителей «социологического метода» в литературоведении. В 1929–1930 гг. метод был подвергнут критике, Переверзев и его ученики обвинялись в ревизии марксизма («переверзевщина») (см., напр.: *Малахов С.* Переверзевщина на практике: критика теории и практики.

М.; Л.: ГИХЛ, 1931); в 1938 г. Переверзев был репрессирован и до 1956 г. находился в лагерях и ссылке.

[11] Щёголев Павел Елисеевич (1877–1931) – историк литературы и общественного движения, пушкинист, соавтор А.Н. Толстого, с которым они общались в 1920-х гг., уже после возвращения Толстого из эмиграции. Сам Толстой (в «Автобиографии», в ответах на анкету «Как мы пишем») своим консультантом назвал только «покойного историка В.В. Каллаша»: «В новой работе мне много помог покойный историк В.В. Каллаш. Он познакомил меня с архивами, с актами Тайной канцелярии и Преображенского приказа, так называемыми делами “Слова и дела”» (*Толстой А.Н.* ПСС: В 15 т. М., 1946–1953. Т. 1. С. 85).

[12] Известны слова самого Толстого: «Несомненно, что эта повесть написана под влиянием Мережковского» (*Толстой А.Н.* ПСС: В 15 т. Т. 13. С. 494, 495).

[13] Впервые: *Толстой А.Н.* День Петра. Рассказ // Скрижаль: Сборник первый. 1918. С. 185–216.

Хроника культурной жизни. Англия (1929)

Английские переводы из русских классиков за последнее время: «Капитанская дочка» Пушкина (перевод Натали Даддингтон, предисловие Эдварда Гарнета. Dent[1]), «Герой нашего времени» Лермонтова (перевод Р. Мертона, предисловие Д.С. Мирского, Philip Allan[2]), «Миргород» Гоголя (перевод Констанции Гарнет; Chatto and Windus[3]). Анонимный отзыв о последней книге в литературном приложении к «Таймс» (Times Literary Supplement) от 29 ноября – лучшее, что написано о Гоголе по-английски[4]. В издательстве «Chatto and Windus» вышел том избранных рассказов Чехова в переводах Гарнетт[5].

Из произведений современных русский писателей: «Страна детей» Гусева-Оренбургского[6], «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева в переводе А. Верта[7]; «Чертов мост» Алданова в переводе А<льфреда> Э<дварда> Шамо[8]; «Понять – простить» генерала Краснова[9].

По случаю Толстовского юбилея издательство Оксфордского университета (Oxford University Press) выпустило четыре тома полного собрания сочинений Толстого. Собрание подготовило «Толстовское общество», которое, собственно, для этого и было создано. Перевод осуществлен Луизой и Эймлером Модами[10]. В уже вышедшие тома вошли: «Детство, отрочество и юность» со вступительным словом профессора Йельского университета У.Л. Фелпса[11]; драматические сочинения с предисловием драматурга Харли Гренвилл-Баркера[12] и редактора Эймлера Мода, народные рассказы, от «Кавказского пленника» до «Воскресения» с предисловием Г.Дж. Уэллса

(т. 19). Это предисловие весьма любопытно и содержит утверждение исключительно одного положения – каким плохим писателем был Толстой: даже лучшие строки «Воскресения» не поднимаются до уровня Голсуорси. Все предисловие являет собой неслыханное бесстыдство.

То же Толстовское общество организовало три представления «Власти тьмы» и «Плодов просвещения»[13]. ПЕН-клуб дал обед в честь Толстого. Вся литературная пресса о Толстом потребовала особого юбилейного обзора. «Slavonic Review» посвятил Толстому специальный выпуск[14].

Издательство Голланца (Gollancz) выпустило дневники писательских жен: С.А. Толстой в переводе А. Верта[15] и А.Г. Достоевской – переведенные с немецкого языка![16]

Из переводов, лежащих за пределами собственно литературы, стоит упомянуть: «Ленинизм» Сталина[17], «Мир как органическое целое» Лосского (в переводе Н. Даддингтон, в издании Оксфордского университета)[18], «Китайские боги богатства» В.М. Алексеева (Институт востоковедения)[19], «Биологическая основа эволюции музыки» И.И. Крыжановского (издание Оксфордского университета)[20]. Следует еще упомянуть вышедшую в Праге по-английски монографию А.И. Анисимова об <иконе> Владимирской Божьей матери (в переводе княгини Яшвиль[21] и Т.Н. Родзянко[22], издательство Кондаковского семинара)[23].

Крупный успех выпал на долю романа Э. дю Кудрэ «Другая страна» (издательство «Аллэн»)[24]. «Э. дю Кудрэ» – псевдоним, под которым скрывается русская. Критика отмечает мастерство писательницы в развертывании действия, а также обрисовку характеров. В романе самым уничижительным образом описана жизнь русских эмигрантов на острове Мальта в 1919–1920 гг.

Единственная книга о русской литературе – это книга о Достоевском Майер-Грэфе[25], но, впрочем, как и всегда, в книгах, посвященных литературе, речь часто заходит о русских писателях. Так, в «Структуре романа» Эдвина Мюира много места уделено анализу «Идиота» и «Войны и мира»[26].

«Крайтерион» («Criterion»), орган Т.С. Элиота, регулярно размещает на своих страницах обзоры русской прессы, как советской, так и эмигрантской[27]. В Литературном приложении к «Таймс» от 26 апреля помещена передовая статья о марксистской критике[28].

В театре «Апполон» («Apollo») сыграли «Латунное пресс-папье» Ф. Комиссаржевского, переработку для сцены «Братьев Карамазовых»[29]. В инсценировке сделана попытка избавиться от всего идеоло-

гического содержания романа и воплотить исключительно его мелодраматический сюжет. Полный провал.

В «Кинообществе», или обществе для «частного» проката фильмов, запрещенных цензурой или малоперспективных в коммерческом отношении, 21 ноября показали «Мать» Пудовкина[30] по одноименному роману М. Горького. И в обычной, и в сугубо кинематографической прессе появилось множество, главным образом, восторженных откликов. «Интернационал» был заменен во время показа на «Марсельезу».

Опубл.: D.S.M. England // Slavische Rundschau. 1929. Bd. 1. №. 1–2. S. 112–114.

[1] *Pushkin A.* The captain's daughter / Transl. from the Russ. by Natalie Duddington. With an introd. by Edward Garnett. London: Dent a. Sons, 1928.

[2] *Lermontov M.* A hero of our time / Transl. by Reginald Merton. With a foreword by D.S. Mirsky. London: Allan, 1928.

[3] The Works of Nikolay Gogol. 6 vols / Transl. by Constance Garnett. London: Chatto and Windus, 1922–1928. Vol. 6. Mirgorod (1928).

[4] *[Charques R.D.]* Nikolay Gogol // Times Literary Supplement. 1928. November 29. № 1400. P. 930.

[5] Какое именно издание имеет в виду Мирский, не вполне ясно. В 1928 г. в «Chatto and Windus» вышел том пьес Чехова «The Cherry Orchard and Other Plays» в переводе К. Гарнетт. В том же 1928 г. рассказы Чехова в переводе К. Гарнетт выпустило нью-йоркское издательство Макмиллан (The Tales of Chekhov: The Darling and Other Stories, by Anton Chekhov. Transl. by Constance Garnett. New York: Macmillan, 1928). Издательство «Chatto and Windus» выпустило в 1916–1923 гг. 13 томов рассказов Чехова; тома назывались по одному из включенных в их состав рассказов: The Tales of Chekhov. 13 vol. London: Chatto and Windus, 1916–1923 (см.: Encyclopedia of Literary Translation into English. Vol. I. A–L. Ed. Olivi Classe. London: Taylor & Francis, 2000. P. 268–269). Мнения о переводческом мастерстве К. Гарнетт расходятся: «У нее часто пропадает чеховский юмор и недосказанность, хотя она, бесспорно, сыграла главную роль в ознакомлении англоязычных стран практически со всеми важными русскими писателями» (Encyclopedia of Literary Translation... P. 271). К. Гарнет была известна своей переводческой продуктивностью: в ее переводах с русского на английский опубликованы 17 томов Тургенева, 6 томов Л. Толстого, 12 томов Достоевского, 13 томов Чехова, 6 томов Гоголя (см.: *Simon Sh.* Gender in Translation. Cultural Identity and the Politics of Transmission. London; New York: Routledge, 2003. P. 66). Чехов в переводах Гарнетт продолжает переиздаваться и поныне.

[6] *Gusev Orenburgsky S.* The Land of the Children, (Novel). New York: Longmans, Green and Co., 1928.

[7] *Ognyov N.* A Diary of a Communist Schoolboy / Transl. by Alexander Werth. London: Gollancz, 1928.

[8] *Aldanov* M. The Devil's Bridge / Transl. by A.E. Chamot. New York: A.A. Knopf, 1928.

[9] *Krasnov P.N.* The unforgiven. New York: Duffield and Company, 1928.

[10] *Мод* Эйлмер (Aylmer Maude; 1858–1938) – английский писатель, переводчик, в 1874–1897 гг. жил в России. Принадлежал к британскому землячеству в Москве, сотрудничал с компанией «Мюр и Мерилиз». Женился в 1884 г. на Луизе Шанкс, англичанке, родившейся в Москве. В 1888 г. познакомился с Л.Н. Толстым, с которым переписывался вплоть до 1910 г.

Мирский в 1925 г. рецензировал подготовленную Э. Модом книгу (*Mirsky D.S.* Tolstoy on Art. By Aylmer Maude. Oxford University Press. (Humphrey Milford.) 17s. 6d. net. // The Slavonic Review. 1925. Vol. 3. № 9. P. 739–740). Рус. перевод: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. С. 110–111.

[11] *Фелпс* Уильям Лайон (William Lyon Phelps; 1865–1943) – американский писатель, филолог, литературный критик. Автор, среди прочего, книги «Essays on Russian Novelists» (New York: The Macmillan Company, 1911), содержащей очерки о Гоголе, Тургеневе, Достоевском, Толстом, Горьком, Чехове, Арцыбашеве, Андрееве, Куприне. Преподавал в Йельском университете, разработал первый в Америке университетский курс, посвященный современному роману.

[12] *Грэнвилл-Баркер* Хэрли (Harley Granville-Barker; сценическое имя: Granville Barker; 1877–1946) – английский режиссер, театральный продюсер, критик, драматург.

[13] Оба спектакля шли в «Arts Theater Club»: премьера «Власти тьмы» («The Power of Darkness») в постановке Майкла Орма (Michael Orme) состоялась 30 октября 1928 г., а «Плодов просвещения» («The Fruits of Enlightenment»), поставленных У. Китом Моосом (W. Keith Moos), 2 ноября 1928 г.

[14] Мирский был составителем и редактором специального приложения, посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Толстого «The Slavonic and East European Review» (1929. Vol. 7. № 20). В него вошли следующие работы: Leo Shestov. Tolstoy's «Memoirs of a Madman» (Two Chapters from «The Revelations of Death») (перевод Камиллы Ковентри (Camilla Coventry). P. 465–472); Alexey Remizov. The Miraculous in Tolstoy (P. 473–474); Aylmer Maude. Recollections of Tolstoy (P. 475–481); M.A. Aldanov. Some Reflections on Tolstoy and Tolstoyism (P. 482–491); P. Pavlov. Tolstoy's Novel «Family Happiness» (P. 492–510).

Мирский опубликовал в этом номере рецензию: *D.S.M.* The Works of Leo Tolstoy (Vol. 3, Childhood, Boyhood and Youth, with an Introduction by William Lyon Phelps; Vol. 13, Twenty-Three Tales, with an Introduction by Madeline Mason-Manheim; Vol. 17, Plays, with an Introduction by Harley Granville-Barker; Vol. 19, Resurrection, with an Introduction by H. G. Wells), translated by Mr. and Mrs. Aylmer Maude. For the Tolstoy Society, Oxford University Press // The Slavonic and East European Review. 1929. Vol. 7. № 20. P. 511. Русский перевод: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. С. 200.

[15] The diary of Tolstoy's wife, 1860–1891 / Translated from the Russian by Alexander Werth. London: Gollancz, 1928.

[16] The diary of Dostoyevsky's wife / Edited by Ren F l p-Miller and Dr. Fr. Eckstein; translated from the German edition by Madge Pemberton. London: Gollancz, 1928.

[17] *Stalin J.* Leninism / Transl. by Eden and Cedar Paul. London: G. Allen & Unwin, 1928. Перевод брошюры 1926 г. «Вопросы ленинизма»; в Германии в немецком переводе вышла годом раньше.

[18] *Lossky N.O.* The world as an organic whole / Translated from the Russian by Natalie Duddington. Oxford University Press, 1928.

[19] *Alekseev V.M.* The Chinese Gods of Wealth: A Lecture delivered at the School of Oriental Studies, University of London, 26th of March 1926. London: School of Oriental Studies and The China Society, 1928. Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) – русский советский китаист. В марте 1926 г. читал лекции в Институте востоковедения (School of Oriental Studies) Лондонского университета. Мирский упоминает одну из прочитанных лекций, изданную отдельной брошюрой.

[20] *Kryzhanovsky I.I.* The biological bases of the evolution of music. Translated from the author's unpublished manuscript by S.W. Pring. Oxford University Press, 1928.

Крыжановский Иван Иванович (1867–1924) – российский физиолог, композитор, музыковед. Получил медицинское образование; с 1901 г. работал в Санкт-Петербургском медицинском институте, в том числе под руководством И.П. Павлова. Изучал, в частности, физиологические аспекты музыкальной деятельности, читал специальные курсы в этой области, в 1922 г. опубликовал монографию «Физиологические основы фортепианной техники». Итоговый труд Крыжановского «Биологические основы развития музыки» остался по-русски в рукописи, однако С.У. Принг выполнил его перевод на английский. В 1900 г. окончил Санкт-Петербургскую консерваторию по классу композиции Н.А. Римского-Корсакова. Под руководством Крыжановского занимался теорией музыки Н.Я. Мясковский, посвятивший ему свою Первую симфонию Op. 3 (1908).

[21] Яшвиль Наталья Григорьевна, княгиня (урожд. Филипсон; 1861–1939) – русская художница (иконописец), общественная деятельница. С 1922 г., по личному приглашению президента Чехословакии Т. Г. Масарика жила в Праге. Была членом кружка акад. Н.П. Кондакова (впоследствии – «Seminarium Kondakovianum», преобразованный в 1931 г. в Археологический институт им. Н.П. Кондакова), организатором выставки «Русская икона» («Ruská ikona») (Прага, 23 апреля – 4 мая 1932 г.), прошедшей при поддержке Института им. Н.П. Кондакова.

[22] Родзянко Татьяна Николаевна (урожд. княжна Яшвиль; 1892–1933) – художница, дочь Н.Г. Яшвиль, супруга Георгия Михайловича Родзянко (1890–1918), сына М.В. Родзянко, председателя IV Государственной думы.

[23] *Anisimov A.* Our Lady of Vladimir. Transl. by N.G. Yaschwill and T.N. Rodzianko. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1928.

Анисимов Александр Иванович (1877–1937) – историк и реставратор древнерусской живописи. В 1920–1929 гг. работал в Государственном Историческом музее заведующим отделом памятников религиозного быта. В начале 1920-х гг. руководил секцией древнерусского искусства в Институте историко-художественных изысканий и музееведения. Работал в Московском НИИ археологии и искусствознания, ГАХН. В 1926 г. вместе с Н.И. Брягиным собрал выставку древнерусских икон. Участвовал в организации передвижной выставки русских икон в Европе и США (1929–1932). В 1930 г. арестован по делу о «шпионаже и вредительстве через Центральные государственные реставрационные мастерские», в 1931 г. приговорен к 10 годам лагерей. Отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения (Кемский лагпункт). С мая 1931 г. до середины 1932 г. работал в музее Соловецкого лагеря, реставрировал иконы, читал доклады. В 1937 г. переведен в Беломоро-Балтийский лагерь (лагпункт Кузема). В августе 1937 г. в лагере арестован, приговорен к расстрелу. Расстрелян 2 сентября 1937 г. в урочище Сандармох под Медвежьегорском.

Б.М. Кустодиев написал в 1915 г. портрет Анисимова на фоне древнерусской архитектуры (ныне – в собрании ГРМ, Санкт-Петербург). М. Волошин посвятил Анисимову стихотворение «Владимирская Богоматерь» (1929).

[24] Кудрэ Элен, дю (H l ne du Coudray; 1906–1971) – английская писательница, автор книг: «Another country» (London: P. Allan & Co., 1928); «Electra» (Jonathan Cape, 1933); «The brief Hour» (London: P. Allan, 1930); «Metternich» (Cape, 1935; Yale Univ. Press, 1936). В качестве ее настоящего имени называют Hélène Héroys. Родилась в Киеве, детство провела в Санкт-Петербурге. Во время Первой мировой войны вместе с родителями переехала в Финляндию, затем в Швецию, в возрасте тринадцати лет оказалась в Англии. Роман «Другая страна» написана дю Кудрэ в возрасте двадцати лет. В 1927 г. дю Кудрэ приняла участие в открытом конкурсе Оксфордского и Кембриджского университетов на лучший студенческий роман и выиграла его. Сейчас этот конкурс, поддержанный несколькими университетами и издательством «Майя Пресс» («Maia Press») и финансируемый Художественным советом Англии (Arts Council of England), носит имя Элен дю Кудрэ (Hélène du Coudray Prize). Роман «Другая страна был переиздан в недавнее время: *Coudray H. du.* Another country. London: Maia, 2003. «Другая страна» представляет собой редкое свидетельство о мальтийской странице русской послереволюционной эмиграции. Ср..: «Присутствие на Мальте русских беженцев между 1919 и 1922 гг. представляет собой красноречивый эпизод в русско-мальтийских отношениях, который не был достаточно изучен, несмотря на наличие на Мальте многочисленных первичных источников» (*Золина Е.* Беженцы на Мальте в начале XX столетия // Мальта и Россия. Путешествие через века. Исторические открытия в российско-мальтийских отношениях: пер. с англ. / Сост., ред. и авт. предисл. Е. Золина. М.: ЦГО, 2005. С. 206).

[25] *Meier-Graefe J.* Dostoevsky: the man and his work. London: G. Routledge and Sons Ltd., 1928. Книга Юлиуса Майер-Грэфе вышла двумя годами ранее по-немецки: *Meier-Graefe J.* Dostojewski der Dichter. Berlin: Rohwolt, 1926.

Майер-Грэфе Юлиус (Julius Meier-Graefe; 1867–1935) – немецкий историк искусства, критик, писатель.

[26] *Muir E.* The Structure of the Novel. London: Hogarth Press, 1928.

[27] В журнале «Criterion» печатался и сам Мирский. См.: *Mirsky D.S.* Chekhov and the English // The Monthly Criterion. 1927. № 6. P. 292–304; *Mirsky D.S.* [Rev.] G. Fletcher. Europe's Two Frontiers: A Study of the Historical Forces at Work in Russia and America as They Will Increasingly Affect European Civilisation. London, 1930 // The Criterion. 1931. № 10. P. 534–536; *Mirsky D.S.* H.G. Wells and History – I // The Criterion. 1932. № 12. P. 1–9.

[28] *[Cournos J.]* Marxian Criticism // Times Literary Supplement. 1928. April 26. № 1369. P. 297–298.

[29] Dostoevsky F., adopted by F. Komissarzhevsky. The Brass paperweight (Brothers Karamazov). Премьера состоялась в театре «Apollo» 15 октября 1928 г.

[30] «Мать» – немой художественный фильм В.И. Пудовкина по сценарию Н.А. Зархи (1926).

Хроника культурной жизни. Английская россика (1930)[1]

Литература. Из произведений русской классики в 1929 г. были переведены: «Пиковая дама» (Blackamore Press, с иллюстрациями Алексеева и предисловием Д. Святополк-Мирского)[2] и «Обломов» (Allen & Unwin, перевод Натали Даддингтон); последнее следует отнести к важным событиям, поскольку это первое полное издание романа на английском языке[3]. Критика почти единогласно признала этот роман первостепенным классическим произведением. Из современной беллетристики появились: «Конармия» Бабеля[4], «Цемент» Гладкова[5], «Растратчики» Катаева[6], «Костя Рябцев в вузе»[7], «Голый год» Пильняка[8] – и два тома рассказов разных авторов: «Голубые города. Рассказы новой России»[9], где опубликованы произведения Бабеля, Вс. Иванова, Пильняка, Ляшко, Неверова, Романова, Ал. Толстого (в переводе Дж. Дж. Роббинса и с предисловием Дж. Куница), и «Истории из Советской России» с рассказами Бабеля, Вс. Иванова, Сергеева-Ценского, Пришвина, Зощенко, Зозули и др. (в переводе Джона Курноса)[10]. Помимо этого, издательство «Бенн» <Benn> выпустил большую антологию русской прозы от Жуковского до наших дней[11]. Из стихотворных переводов стоит выделить «Песню про купца Калашникова», переведенную Джоном Курносом[12], и новое издание антологии «Русская поэзия» Аврама Ярмолинского и Бабетты Дейч[13]. Книга Патрика «Народная поэзия в Советской России» («Popular Poetry in Soviet

Russia») (California University Press)[14] хотя и содержит переводы стихотворений крестьянских и пролетарских поэтов, однако большую часть книги составляет вызывающе тенденциозное, прокрестьянское и антикоммунистическое предисловие.

Среди сочинений по истории литературы весьма стоящей представляется книга Дж. Куница «Русская литература и еврей»[15] (Columbia University Press), где материал освещается с марксистских, хотя и не всегда последовательных позиций. Появились и новые тома биографических материалов о Толстом и Достоевском: «Новые письма Достоевского» в переводе С. Котелянского[16] и продолжение дневников С.А. Толстой за девяностые годы[17]. К значительным относится также глубокий и всесторонний обзор Хантли Картера о советском театре, с приложениями, касающимися кино и радио[18]. Из области истории музыки достоин упоминания перевод книги «Русские композиторы» Леонида Сабанеева[19].

Из книг по истории России упоминания заслуживает лишь «История России» Г. Вернадского (Yale University Press)[20], сокращенный вариант его «Начертания русской истории»[21], к которому приложен чисто публицистический очерк новейшей истории России и Советского Союза; еще можно отметить принадлежащую Стивену Грэму биографию Петра Великого[22]. Среди многочисленных изданий о Советском Союзе выделяется серьезным подходом к исследуемому предмету «Гражданское обучение в Советском Союзе» Самуэля Харпера[23] и «Советская Россия во втором десятилетии» трех американских специалистов по национальной экономике – Чейза, Данна и Тагвэлла[24]. Чисто литературный интерес представляет собой книга американского романиста Теодора Драйзера «Драйзер смотрит на Россию»[25]. Не лишена интереса книга известного в своем роде газетного корреспондента Диллона «Россия вчера и сегодня»[26].

Недавно основанное издательство Мартина Лоуренса (Martin Lawrence) развернуло бурную деятельность по ознакомлению английской общественности с современной Россией. Наряду с чисто литературно-художественными изданиями, из числа вышеупомянутых, оно начало выпуск собрания сочинений Ленина, из которого вышел пока лишь первый том (статьи до 1917 г.)[27]. Одновременно популярным изданием были выпущены избранные сочинения Ленина[28].

Искусство. 18 ноября открывается выставка русской иконописи. Состав и структура выставки те же, что были в Берлине и других городах Германии: около 150 подлинных икон XIII–XIX вв. и семь великолепных копий самых ценных икон (среди них – Владимирской Божьей матери и Троицы Рублева), выполненных в московских ре-

ставрационных мастерских. Эта выставка, первая в Англии, весьма популярна у критики и у публики. Самый влиятельный английский художественный критик, Роджер Фрай[29], прежде весьма скептически настроенный по отношению к русской иконописи, признал ее подлинную оригинальность, самобытность и совершенство. Составленный им альбом русских икон выйдет в течение нынешнего года.

Кино[30]. В 1929-ом году продолжало возрастать влияние советского кино. Главную роль в ознакомлении любителей кино с новыми достижениями советской киноиндустрии играло Кинообщество. Демонстрация советских фильмов, начавшаяся осенью 1928 г. с «Матери» Пудовкина[31], продолжилась с начала нового года еще двумя фильмами Пудовкина, «Конец Санкт-Петербурга»[32] и «Кровать и диван»[33]. Во время первого показа первого из вышеназванных фильмов Пудовкин присутствовал лично, и после просмотра картины сделал доклад об основах своего киномастерства. Его книга о технике кино – «Пудовкин о технике фильма» вышла осенью в переводе Айвора Монтегю в издательстве Голланца[34]. Осенний сезон Кинообщества прошел под знаком Эйзенштейна; кинопоказ начался с демонстрации «Потемкина» и, между прочим, в полной версии, в отличие от дозволенного в Германии[35]. В рассматриваемый год «Живой труп» с Пудовкиным в роли Феди оказался единственным советским фильмом, который отважились выпустить в официальный прокат[36]. Ежемесячный журнал «Close Up»[37], орган прогрессивных кинематографистов, уделяет много места советскому кино. В одном из последних номеров помещены кадры из фильмов Довженко «Арсенал» и Эрмлера «Обломок империи»[38].

Театр. В начале 1929 г. была поставлена «Ржавчина» Киршона и Успенского[39], но не имела успеха. Осенью был возобновлен спектакль «Три сестры» в постановке Ф. Комиссаржевского[40], и, в первый раз, вырастая из студенческого спектакля, была поставлена «Гроза» Островского[41].

Опубл.: D.S.M. Englische Rossica [Kulturchronik] // Slavische Rundschau. 1930. Februar. Bd. 2. № 2. S. 158–159.

[1] Под английской россикой Мирский понимает россику англоязычную, англо-американскую и, сообщая о новейших книгах, касающихся России, не делает различий между изданиями, выпущенными в Великобритании и США. Кроме того, заметно, что Мирского интересует не столько «россика», сколько «советика» – художественная литература из СССР, книги о новом государстве, в том числе по политэкономии, кинопродукция и советские пьесы на британской сцене. В обзоре французской россики, помещенном

вслед за «Хроникой» Мирского, упор делается главным образом на русскую классику во французских переводах.

[2] *Pushkin A.S.* The Queen of Spades / Transl. by J.E. Pouterman and C. Bruerton, engravings in colour by A. Alexeieff, preface by Prince D. Sviatopolk-Mirsky. London: The Blackamore Press, 1928. Предисловие Мирского: P. XI–XVIII; рус. перевод: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. С. 179–181.

[3] *Goncharov I. A.* Oblomov. Transl. by Natalie A. Duddington. New York: Macmillan, 1929.

[4] *Babel I.* Red Cavalry / Trans. N. Helstein. New York: Knopf, 1929; *Babel I.* Red Cavalry / Trans. J. Harland. London: Knopf, 1929. Как указывает Э. Сихер, это один и тот же перевод, хотя в нью-йоркском и лондонском изданиях указаны разные переводчики, а также различается пагинация (Checklist of the works of Isaak Babel´ (1894-1940) and translations. Compiled by Efraim Sicher. P. 16; https://web.stanford.edu/~gfreidin/Publications/babel/BABEL2.pdf).

[5] *Gladkov F.* Cement / Translated from the Russian by A.S. Arthur and C. Ashleigh. London: Martin Lawrence, 1929.

[6] *Kataev V.* The Embezzlers / Translated by Leonide Zarine, with an introduction by Stephen Graham. New York; London: MacVeagh; The Dial Press, 1929.

[7] *Ognyov N.* A Diary of a Communist Schoolboy. Transl. by Alexander Werth. London: Gollancz, 1928.

[8] *Pilniak B.* The Naked Year. Trans. Alec Brown. New York: Payson & Clarke, Ltd., 1928.

[9] Azure Cities: Stories of New Russia. Ed. J. Kunitz. London: Modern Books, 1929. В книгу были включены следующие произведения: *Tolstoy A.* Azure cities; *Ivanov Vs.* The baby; *Neverov A.* Marya the Bolshevik; *Shishkov V.* Cranes; *Volkov M.* The miracle; *Romanov P.* Black fritters; *Seifullina L.* The old woman; *Pilniak B.* The law of the wolf; *Babel I.* The letter; *Zoshchenko M.* Gold teeth; *Liashko N.* The song of the chains; *Shaginian M.* Three looms; *Lidin V.* Youth.

[10] Short Stories out of Soviet Russia. Compiled by John Cournos. New York: E.P. Dutton & Co., 1929. В книгу были включены следующие произведения: *Cournos Leonid.* Ivan's misadventure; *Tolstoy A.* The affair on the Basseynaya; *Tolstoy A.* A white night; *Babel I.* The letter; *Babel I.* Salt; *Babel I.* The death of Dolgushov; *Ivanov Vs.* When I was a fakir; *Ivanov Vs.* The child; *Sergeev-Tzensky S.* The man you couldn't kill; *Pilniak B.* The human wind; *Lidin V.* Glaciers; *Zozulya E.* A tale about Ak and humanity; *Zozulya E.* The mother; *Kataev V.* Fellow-countrymen; *Alekseev Glieb.* Other eyes; *Prishvin M.* A werewolf of the steppe.

[11] Great Russian Short Stories / Ed. Stephen Graham. London: Benn, 1929.

[12] *Lermontov M.* A Song About Tsar Ivan Vasilyevitch and His Young Body-Guard and the Valiant Merchant Kalashnikov / Transl. John Cournos. London: The Aquila Press, 1929.

[13] *Deutsch B., Yarmolinsky A.* Russian Poetry, 2 vols. New York, 1929.

[14] Popular Poetry in Soviet Russia / Ed. George Z. Patrick. Berkeley: University of California Press, 1929.

[15] *Kunitz J.* Russian literature and the Jew; a sociological inquiry into the nature and origin of literary patterns. New York: Columbia University Press, 1929. О книге Кьюница см.: An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry. Vol. 1–2: 1801–2001 / Ed. Maxim D. Shrayer. New York, 2007. Vol. 1. P. XLII.

[16] New Dostoevsky Letters / Transl. from the Russian by S.S. Koteliansky. London: The Mandrake Press, 1929.

[17] *Tolstoy S.* The Countess Tolstoy's Later Diary 1891–1897 / Transl. Alexander Werth. New York: Payson and Clarke Ltd., 1929.

[18] *Carter H.* New Spirit in the Russian Theatre 1917–1928. London: Brentano's Ltd., 1929.

[19] *Sabaneev L.* Modern Russian Composers / Transl. Judah H. Joffe. London: Martin Lawrence, 1927; New York: International Publishes, 1927.

[20] *Vernadsky G.* A History of Russia. New Haven: Yale University Press, 1929.

[21] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. Ср. высказывание Мирского в частном письме 1927 г. о книге Вернадского: «Слабо. Я думаю, он просто довольно глуп. Единственное достоинство книги, – что она вносит некоторое количество любопытного и малоизвестного материала» (*Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. P. 90).

[22] *Graham S.* Peter the Great: A Life of Peter I of Russia called The Great. New York, 1929. Грэм Стивен (Steven Graham*;* 1884–1975) – британский журналист и прозаик, путешественник; автор книг очерков о дореволюционной России и о поездке в Иерусалим с русскими православными паломниками.

[23] *Harper S.* Civic Training in Soviet Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1928. Харпер Самуэль Нортруп (Harper Samuel; 1882–1943) – профессор русского языка и русских институций в Университете Чикаго, первый американец, посвятивший свою научную карьеру изучению России. В первые послереволюционные годы играл исключительную роль как специалист по русской революции и России.

Мирский опубликовал по-русски рецензию на книгу Харпера: [Рец.] Samuel N. Harper. Civic Training in Sov. Russia. University of Chicago Press, 1929 // Евразия. 1929. 27 июля. № 32. С. 7.

[24] Soviet Russia in the Second Decade. Edited by Stuart Chase, Robert Dunn and R.G. Tugwell of the Technical Staff of the First American Trade Union Delegation to the Soviet Union. New York: John Day Company, 1928.

[25] Т. Драйзер (1871–1945) был в СССР в ноябре 1927 – январе 1928. Американское издание его книги «Dreiser Looks at Russia»: ноябрь 1928 (New York: Horace Liveright); английское: 1929 (London: Constable). Русский перевод готовился в составе собрания сочинений Драйзера 1928–1930 (ЗиФ; ГИХЛ), но не появился. Фрагмент опубликован: Глазами иностранцев. 1917–1932. М.: ГИХЛ, 1932. С. 253–265. Первый полный русский перевод (пер. с англ. О. Кириченко) появился к 1998 г.: Драйзер Т. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12: Драйзер смотрит на Россию (1928); Очерки, интервью, статьи, письма. М.: Терра-книжный клуб, 1998.

См.: *Панова О.Ю., Панов С.И.* «Драйзер смотрит на Россию»: к истории книги Т. Драйзера об СССР // Вестник УРАО. 2015. № 4 (77). С. 61–67.

[26] *Dillon E.J.* Russia Today and Yesterday: An Impartial View of Soviet Russia. London: J.M. Dent & Sons Ltd., 1929.

Диллон Эмиль Джозеф (Emile Joseph Dillon; 1854–1933) – британский писатель, журналист, лингвист (короткое время занимал место профессора санскрита и сравнительной филологии в Харьковском университете). Был русским корреспондентом «Daily Telegraph», в качестве репортера был свидетелем важнейших событий истории; дружил с С.Ю. Витте, первым браком был женат на русской (Е.М. Богачевой). Среди его книг: Maxim Gorky: His Life and Writings. London: Isbister & Co., 1902; The Eclipse of Russia. London: J.M. Dent & Sons Ltd., 1918; Count Leo Tolstoy: A New Portrait. London: Hutchinson & Co., 1934.

[27] В 1928 г. Мартин Лоуренс выпустил «Материализм и эмпириокритицизм»; в 1929 г. издательство М. Лоуренса выпустило другой по нумерации том Ленина, и содержание его было иным ср.: Collected Works of V.I. Lenin. Vol. IV. The Iskra Period, 1900–1902. Book II. London: Martin Lawrence Ltd., 1929. Работы 1917 г. вышли в том же году в собр. соч. Ленина, предпринятом другим издательством, ср.: *Lenin V. I.* Lenin Collected Works. Vol. XX. The Revolution of 1917. Books I–II. From the March Revolution to the July Days. Transl. Joshua Kunitz, Moissaye J. Olgin; ed. by Alexander Trachtenberg. New York: International Publishers, 1929. Издательство «International Publishers» основано в 1924 г. в Нью-Йорке А.А. Геллером (Heller) и Александром Трахтенбергом, специализировалось на издании марксистской литературы и финансировалось из СССР.

[28] Selections from Lenin. Vol I. The Fight for the Programme Party Organisation and Tactics, 1893–1904. London: Martin Lawrence, 1929.

[29] Редактором альбома был М. Фэрбман. Р. Фрай опубликовал в этом издании статью: *Fry R.* Russian Icon-Painting from a Western-European Point of View // Masterpieces of Russian Painting, ed. by M. Farbman. London, 1930. P. 35–58. Известно, что копия рублевской «Троицы» была создана И.А. Барановым и Г.О. Чириковым в 1926–1928 гг. к передвижной выставке «Русские иконы», проходившей в 1929–1932 гг. в Германии, Англии и США. См. об этом: *Olsufiev Y.A.* The Development of Russian Icon Painting from the Twelfth to the Nineteenth Century // The Art Bulletin. 1930. Vol. 12. № 4 (December). P. 347–373. Р. Фрай восхищался точностью копирования: «a copy of such extraordinary perfection that one felt that little had been lost» (*Fry R.* Russian Icon-Painting from a Western-European Point of View. P. 56).

[30] Мирский внимательно следил за развитием советского кинематографа. См.: *Mirsky D.S.* The Background of the Russian Films // The London Mercury. 1931. № 24. P. 53–64, перев. на русск. А.Б. Рогачевского: Литературное обозрение. 1993. № 5. С. 92–99; *Mirsky D.S.* Books and Films in Russia // The Yale Review. 1931. Vol. XX. № 3. P. 472–487; перепеч.: *Mirsky D.S.* Uncollected writings on Russian Literature / Ed. by G. S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1989. (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts. Vol. 13). С. 312–327; The Soviet Films // The Virginia Quarterly Review. 1931. Vol. 7. № 4.

P. 522–532; рус. перевод А.В. Подгуренко: Литературное обозрение. 1993. № 5. С. 88–92.

[31] Мирский сообщал П.П. Сувчинскому из Лондона 18 октября 1928 г.: «В воскресенье еду на “Мать” [в] Совкино» (The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931 / Comp. and ed. by G.S. Smith. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs, 26). P. 112).

[32] Мирский – П.П. Сувчинскому из Лондона 5 февраля 1929 г.: «Третьего дни был на “Конце С-Петербурга”, Пудовкина. Хуже “Матери”» (The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 120).

[33] «Мать» (1926) и «Конец Санкт-Петербурга» (1927) – фильмы В.И. Пудовкина. «Кровать и диван» («Bed and Sofa») – прокатное немецкое название фильма А.М. Роома «Третья Мещанская (Любовь втроем)» (1927).

[34] В 1929 г. в Лондоне был издан сборник избранных статей В.С. Пудовкина: Film Technique and Film Acting: The Cinema Writings of V.I. Pudovkin. London: Gollancz, 1929. Transl. From Russian by Ivor Montagu. Книга много раз переиздавалась (последний раз в 2014 г.); ее, в частности, высоко оценивал Стэнли Кубрик. Из книг Пудовкина наиболее известны «Киносценарий» (1926), «Кинорежиссер и киноматериал» (1926).

[35] Мирский писал П.П. Сувчинскому из Лондона 27 октября 1929 г.: «Сюда ждут Эйзенштейна, который откроет семинарий по киноработе, который я собираюсь посещать. Film Society к его приезду хочет поставить “Потемкина”, но разрешения еще нет» (The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 138). 6 декабря 1929 г. Мирский писал: «Вчера на private show видел “Октябрь” Эйзенштейна. По-моему, это лучшая изо всех виденных мною революционных фильм» (Там же. P. 150).

[36] «Живой труп» (Германия – СССР, 1928) – немой фильм, экранизация одноименной пьесы Л.Н. Толстого. Режиссер: Ф.А. Оцеп (1895–1949), советский, европейский (1929–1939), американский (с 1939 г.) кинорежиссер и сценарист. В роли Федора Протасова – В.И. Пудовкин.

[37] «Close Up» («Крупный план») – британский ежемесячный журнал, посвященный кино; издавался в 1927–1933 г., главный редактор Кеннет Макферсон. На обложке указывалось: «международный журнал, посвященный искусству кино».

[38] Упомянутые фильмы советских кинорежиссеров, «Арсенал» (1929) А.П. Довженко и «Обломок империи» (1929) Ф.М. Эрмлера, только что вышли на экраны.

[39] *Киршон В.М., Успенский А.В.* Константин Терехин (Ржавчина): [Пьеса]. М.: Гос. изд-во, 1927. В английском переводе – «Красная ржавчина» («Red Rust»). Режиссер: Фрэнк Вернон (Frank Vernon), театральная студия «Little», премьера 28 февраля 1929 г.

[40] Первая постановка «Трех сестер» Ф.Ф. Комиссаржевским в Лондоне: The Barnes Theatre, 16 февраля 1926 г. Вторая постановка: The Fortune Theatre, 23 октября 1929 г. (см.: *Allen D.* Performing Chekhov. London: Routledge, 2000. P. 162).

[41] «The Storm» («Гроза»), режиссер-постановщик: Малькольм Морли (Malcolm Morley), театральная студия «Everyman», премьера 3 декабря 1929 г.

Россика на страницах «Slavische Rundschau»

Т.В. Марченко

«Slavische Rundschau» («Славянское обозрение») — обзорно-критический журнал о духовной жизни славянских народов, издавался в Праге в 1929–1940 гг. на немецком языке под редакцией Ф. Спины и Г. Геземана. «Подлинными создателями и организаторами журнала были Франц Спина и Герхард Геземан, которые отлично знали ничтожность славистики как дисциплины в немецких университетах и понимали, на что себя обрекают, — писал К. Гюнтер, составитель «Указателя к содержанию журнала» за 12 лет его существования. — Они побуждали немецкую славистику обратиться к проблемам современности, активнее входить в вопросы экономической, общественной и культурной жизни современных славянских народов и энергичнее на них реагировать. Раздвигая узкие рамки изучения одной славянской дисциплины (т.е. русистики, полонистики и т.д. — *Т.М.*), которую выбирал для специализации обычный немецкий студент, они стремились дать этому студенту хотя бы общее представление о культуре славянских народов и познакомить с высшими достижениями их литературы. А обращение к прошлому этих народов служило постижению их обычаев и национального характера»[1].

В редколлегию «Славише рундшау» входили Йожа Глонар, Роман Якобсон, А.Ст. Магр, Евгений Риппль, Эдмунд Шнеевейс, Иза Шаунова. В недавнем издании состав редколлегии «Славише рундшау» выглядит так: «словенский писатель Иож Глонар, славист Р. Якобсон (вел восточнославянский отдел), А. Магр и Иж Шаунов (польский отдел), доцент Пражского немецкого университета Е. Рипль (чехословацкий отдел) и доцент Э. Шнеевейс, специалист по южнославянской этнографии и фольклору»[2]. На наш взгляд, стоит указать все

---

[1] *Günter K.* Vorwort // Slavische Rundschau. Bd. 1–12. Gesamtinhaltsverzeichnis / Bearb. K. Günter, Ausführ. I. Richter. Berlin, Deutsche Akademie der Wissenschaft zu Berlin, 1964 [1967]). S. II.

[2] В подготовленной В.А. Бахтиной публикации писем П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона раскрываются страницы истории журнала «Slavische Rundschau» со ссылкой на печатные и архивные источники, однако с именами перечисленных членов редколлегии произошла необъяснимая путани-

имена верно (и в оригинальном написании, и по-русски), а также уточнить биографические сведения о членах редколлегии одного из первых славистических журналов («Slavia» начала выходить в той же Праге с 1922 г.). И хотя один из членов редколлегии, Роман Якобсон, в представлении не нуждается, все же напомним: в Праге Р.О. Якобсон находился с 1920 г., докторскую диссертацию защитил в Немецком университете в Праге в 1930 г., преподавал в университете в Брно; в 1939 г., вскоре после ввода гитлеровских войск в Чехословакию, покинул эту страну и, после двух лет преподавания в университетах скандинавских стран, выехал в США.

Франц Спина (Franz Spina, 1868–1938) — немецкий и чешский славист (богемист), педагог и политик. Единственный немец, входивший в правительство Чехословакии в период между двумя мировыми войнами (с 1926 г. министр общественных работ, с 1936 г. — министр без портфеля). В 1930 г. основал вместе с Г. Геземаном Немецкое общество славянских исследований (Deutsche Gesellschaft für Slawistische Forschung), печатным органом которого стал журнал «Славише рундшау».

Герхард Геземан (Gerhard Friedrich Franz Gesemann, 1888–1948) — немецкий славист, фольклорист и литературовед, по преимуществу балканист, в 1922–1944 гг. профессор Немецкого университета Карла-Фердинанда в Праге, в 1941–1944 гг. возглавлял пражский Славянский институт, ставший частью Государственного фонда научных исследований Р. Гейдриха (Reichsstiftung für wissenschaftliche Forschung), однако приобрел репутацию политического оппортуниста и под предлогом болезни сердца ушел на заслуженный отдых. Лишившись библиотеки и архива во время Второй мировой войны, в последние годы жизни Г. Геземан обратился к литературному творчеству.

Йожа Глонар (Jože Glonar, 1885–1946) — словенский историк литературы, библиотекарь, переводчик (с немецкого, чешского, польского и русского, известен, прежде всего, как переводчик В. Реймонта, А. Мицкевича и Г. Сенкевича) и составитель нескольких словарей, сотрудничал с научно-просветительским учреждением «Словенская матица», работал в библиотеке Люблянского университета; в 1945 г. был вынужден уйти в отставку.

ца, см.: *Бахтина В.А.* Прага — Москва. Письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / Отв. ред. С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 324.

Антонин Станислав Магр (Antonin Stanislav Mágr, 1887–1960) — чешский славист, исследователь чешской и польской литературы, переводчик О. Бжезины на немецкий язык, редактор «Прагер прессе» (Prager Presse); в годы войны и в послевоенное время — издательский работник, в 1950–1959 гг. сотрудник Славянского института, составитель (по материалам чехословацкой периодики) обширной библиографии критических откликов на произведения славянских писателей.

Эдмунд Шнеевайс (Edmund Schneeweis, 1886–1964) — славист, сербокроатист и богемист. В 1922–1926 гг. преподавал в Белградском университете, с 1927 г. — в Пражском университете (профессор по фольклору и славянским древностям, директор Славянского института); с августа 1942 г. возглавлял вместе с Йозефом Ханикой (Josef Hanika) Институт чешского фольклора (Institut für Volkskunde Böhmens) фонда Р. Гейдриха. С 1938 был членом Судетской немецкой партии, вступил ли после оккупации Чехословакии (1939) в нацистскую партию, доподлинно неизвестно. После войны занимал должность профессора славянской филологии в восточногерманских университетах (Ростока и Берлина), преподавал и после ухода на пенсию (в 1955). Член-корреспондент Немецкого общества по науке и искусству в Праге, Польской академии наук в Кракове, Научного общества в Скопье и Ассоциации по этнологии и фольклору в Вене; с 1930 г. генеральный секретарь (Generalsekretär) «Славише рундшау».

Иза Шаунова (Iza Šaunová, 1898–1960) – лингвист, полонистка, преподаватель Карлова университета в Праге (кафедры полонистики, созданной в 1923 г.) и Немецкого университета, член Академического кружка друзей Польши, переводчик польского дипломатического корпуса в Праге, автор учебников по польскому языку. Совместно с Т. Лех-Сплавинским издала «Грамматику польского языка» (Mluvnice jazyka polského. Praha, 1934); подготовленный ею в 1939 г. польско-чешский словарь из печати не вышел. Много публиковалась в периодике, в 1928–1936 гг. была редактором польского раздела «Славише рундшау» и писала обзоры о литературно-культурной жизни в Польше. После войны продолжила преподавание в Карловом университете; свою богатую личную библиотеку передала в дар филологическому факультету.

Евгений (Ойген) Риппль (Eugen Rippl, 1888–1945) — чешский славист немецкого происхождения, с 1929 г. преподавал в Немецком университете в Праге (с 1941 г. профессор чешской и словацкой филологии). Член Судетской немецкой партии, затем НСДАП. Во время Второй мировой войны возглавлял Институт чешского языка

и литературы фонда Р. Гейдриха. Некоторые его исследования (например, современных социальных диалектов) и поныне не утратили актуальности; под его редакцией выходила «Антология чешской литературы» на немецком языке; с 1937 г. — член Чешского общества наук. В ночь с 5 на 6 мая 1945 года покончил жизнь самоубийством вместе с женой, похоронен на Ольшанском кладбище.

В соответствии со своей славистической специализацией члены редколлегии и занимались формированием портфеля журнала.

Первый том («первый год издания») за 1929 год состоял из десяти тетрадей и начинался сдвоенным выпуском № 1–2 за январь–февраль. На обороте лицевой стороны обложки было оговорено, что «обычный размер» номера предполагается примерно в 80 страниц и что каждый новый номер будет появляться в начале следующего месяца, с исключением «отпускных» июля и августа. Содержание журнала за 1929 г. занимает девять с половиной страниц. Обзор Д. Святополк-Мирского «Литература русской эмиграции» помещен в сводном списке публикаций с неверным указанием рубрики («Статьи») и страницы (209 вместо правильных стр. 290–294); в содержании № 4 «Slavische Rundschau», где появился обзор, страницы, как и рубрика («Литература», представляющая рефераты, рецензии и другие обзорно-критические материалы), указаны верно. Однако материал Д. Мирского, подписанный инициалами Д. С. М., уже есть в пилотном № 1: это четыре столбца «Англия» в рубрике «Культурная хроника».

Первый сдвоенный номер «Slavische Rundschau» производит ошеломляющее впечатление. Во-первых, полно и разнообразно представлен весь *славянский мир*. Во-вторых, русская гуманитарная наука является целостной, не разделенной на «советскую» и «эмигрантскую». Р.О. Якобсон уверял В.Б. Шкловского, что советские ученые получили приглашение сотрудничать в журнале, поскольку его редакция находится «в тесном контакте с Полпредством»[1]. Вклейка, помещенная между обложкой и собственно текстом, встречала читателя фотографиями из России — проектов новых зданий и исторических памятников. Это были иллюстрации к статье А.И. Некрасова «Новая архитектура и ее место в традиционном русском градостроительстве» (Die neue Architektur und ihre Stellung in der traditionellen russischen Baukunst. S. 1–15), символика их прозрачна и идеологична: от древнерусской старины к созданию нового советского государства. Затем располагались следующие материалы: «Путь и цель польской

[1] *Бахтина В.А.* Прага – Москва. С. 324.

литературной критики» Л. Помировского (Pomirowski L. Weg und Ziel der polnischen literarischen Kritik. S. 15–23), «Пражские горгоны» П. Эйснера (Eisner P. Die Gorgon von Prag. S. 23–30), «Духовная жизнь в Черногории после войны» Душана Вуксана (Vuksan D. Das geistige Leben in Montenegro nach dem Kriege. S. 30-36), «Болгарская литература в немецком переводе» К. Христова (Hristov K. Die bulgarische Literatur in deutscher Übersetzung. S. 36–42), «Проблемы славянского музыковедения» Й. Хуттера (Hutter J. Probleme der slavischen Musikwisenschaft. S. 43–48) и «Славянское языкознание в Советской Украине» Л.А. Булаховского (Die slavische Sprachwissenschaft in der Räteukraine Räteukraine. S. 48–54). Принцип разнообразия и все(славянской)охватности соблюден с невероятным усердием, представлены статьи и на общеславянские темы, и связанные с интеллектуально-эстетическим самосознанием славян всех языковых групп и даже подгрупп (русские и украинцы, болгары и «югославы», поляки и чехи), к тому же «духовная жизнь» охвачена во всей возможной полноте — культура, литература, гуманитарная научная мысль. Среди статей опубликована работа советского ученого (Булаховского). Что касается русских ученых за границей, то «большинство этих людей печатается и в СССР», уверял Р. Якобсон (Карцевский, Бем, а Чижевский так и вообще «приглашен сотрудничать в институте Маркса и Энгельса»), и «ни одного злостного эмигранта» на страницах журнала нет[1]. В самом деле: в «восточнославянской» части раздела «Литература» — так назывался критико-библиографический отдел — напечатаны рецензии Д. Чижевского (на книгу: E. v. Radlov. Russische Philosopie. Breslau, 1925) и Н. Дурново, чья судьба сложится не в пример трагичнее (на ленинградское издание 1928 г. «Славянской кирилловской палеографии» Е.Ф. Карского). Рецензия на текстологический очерк «Писатель и книга» Б. Томашевского (Л., 1928) подписан инициалами G.V., которые расшифровываются как Григорий Винокур (под инициалом G. печатал мелкие материалы Г. Геземан). Библиографический отдел занимает 24 (!) страницы, из них 7 отдано под издания на русском языке (с подразделами «Из журналов», иногда с росписью содержания или, чаще, с указанием только статей, и «Новые книги»), больше двух страниц — о книгах на украинском и один столбец — о книгах на белорусском языке.

Перечислим журналы, упомянутые в «Библиографии» № 1–2: «Большевик», «Искусство в школе», «Каторга и ссылка», «Краеведение», «Красная летопись», «Красная новь», «Молодая гвардия», «Му-

[1] Там же.

зыка и революция», «На литературном посту», «Народный учитель», «Научное слово», «Научный работник», «Новый мир», «Октябрь», «Печать и революция», «Под знаменем марксизма», «Просвещение», «Революция и культура», «Сибирские огни», «Советское право», «Вестник коммунистической Академии», «Звезда», «Журналист», «Путь», «Воля России». Именно в таком порядке, с перечислением некоторых имен и публикаций (S. 216–217); позже к нескольким эмигрантским изданиям присоединятся «Современные записки» (с № 7). Список вышедших книг (и это только советские издания, причем не только столичные, но и провинциальные) начинается с брошюры А. Андреева «Революция языкознания. Яфетическая теория академика Н. Марра» (М., 1929), а заканчивается — по немецкому алфавиту — первым томом собр. соч. Евг. Замятина (М., 1929).

«Хронику культуры» открывает беглый обзор английской россики Святополк-Мирского; о жизни славянских советских республик — России, Украины и Белоруссии — написано гораздо обстоятельнее (включая специальные заметки об археологических раскопках в Крыму, возле Бахчисарая и в Ольвии), причем подписан — В. Герыновичем — только украинский обзор. Культурных событий в «Русской советской республике» происходит много, в корреспонденциях идет речь о театральных, литературных, музыкальных, музейных и тому подобных новостях. Это исключительно позитивная информация, призванная засвидетельствовать бурный расцвет культурно-интеллектуальной жизни в СССР.

В № 3 отметим только материалы, подписанные именами русских ученых: «библиографический обзор» А. Скафтымова «Юбилей Н.Г. Чернышевского» (Das Jubiläum N.G. Černyševskijs. Eine bibliographische Übersicht von A. Skaftymov. S. 171–177), статьи М. Азадовского «Научная деятельность в Сибири» (Wissenschaftliche Tätigkeit in Sibirien. S. 177–182) и П. Савицкого «Современная русская география почв и растений» (Die moderne russische Pflanzen- und Bodengeographie. S. 182–186). Рецензии почти все написаны советскими исследователями, подписей всего четыре — Н. Попов, [Ю.] Тынянов, Валентина Дынник (известная впоследствии переводчица написала о труде Этторе Ло Гатто «История русской литературы» на итальянском языке 1928 г.) и Е. Карский, еще одна рецензия — на «опыт исследования языка красноармейца» нескольких авторов — подписана инициалами Р.Ш. (московский лингвист Розалия Шор). Библиографический раздел существенно похудел, культурная хроника посвящена лицам и событиям из «русской советской республики» и «белорусской советской республики», из Югославии или Чехословакии пока приходят

новости только о народах этих стран, о жизни русской эмиграции сообщений нет.

№ 4 открывается материалом «Женщина в современной Польше» (Ю. Дикштейн-Вылежинская = J. Dickstein-Wieleżynska. Die Frau in heutigen Polen. S. 251–263). Внушительная по объему статья А. Новака «Чешская повествовательная проза последнего десятилетия», во всяком случае, не посвящена двум чешским прозаикам, — Гашеку и Чапеку... (Novák A. Die čechische erzählende Prosa des letzten Jahrzehntes. S. 264–280). Есть крошечная заметка (в том же разделе «Статьи») о «современном белорусском театре» (Das heutige weissrussische Theater. S. 281–283), принадлежащая перу Ал. Вознесенского. Среди рецензий — отклики Д. Зеленина на «Морфологию сказки» В. Проппа (Л., 1928), Г. Винокура на исследование И. Розанова «Литературные репутации» (М., 1928), А. Бема (пока еще в этимологически точной немецкой транскрипции A. Böhm) на изданную И. Зильберштейном переписку Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева (Л., 1928); две из отрецензированных ленинградских книг выпущены в издательстве «Academia». Завершается обзорно-критический раздел статьей Д. Мирского «Литература русской эмиграции». Культурная хроника, касающаяся восточных славян, вновь сосредоточена только на СССР; и в разделе «Чехословакия» сообщается о 70-летнем юбилее профессора-слависта А.Л. Петрова, о работе семинара по изучению творчества Достоевского под руководством Бема (на сей раз его фамилия русифицирована — «А. Bem»; колебания в передаче фамилии русско-немецкого филолога — эмигранта из советской России — будут встречаться на протяжении всего первого года издания журнала, но постепенно утвердится именно русифицированная традиция ее написания) и о трудах русского философского общества в Праге.

В № 5 большая, проиллюстрированная кинокадрами статья Е. Арнольди посвящена «Искусству кино в Советском Союзе» (Die Filmkunst der Sovjetunion. Mit Bildern. S. 352–360). Среди рецензий — отклик В.В. Гиппиуса (V. Hippius) на издание «Фауста» Гете в переводе В. Брюсова (1928), Н. Дурново на второе издание «Русского синтаксиса в научном освещении» А.М. Пешковского (1928), Д. Зеленина на сборники «Крестьянское искусство в СССР» (1927 и 1928, издательство «Academia»). Библиографический раздел и раздел культуры выглядят в соответствии с уже сложившейся традицией, тогда как жизни русской диаспоры уделено довольно много места в чехословацком подразделе (Славянский институт в Праге, Русское историческое общество в Праге, Русский народный университет в Праге), во французском (на фоне славянского присутствия в целом) и в ита-

льянском. В. Джусти (W. Giusti) сообщает о лекции А.В. Амфитеатрова в Миланском университете на тему «Итальянские трагедии и русское искусство», о композиторских успехах его сына Даниила и о постановке «Грозы» А.Н. Островского в римском Театре Валле[1] с «блистательной» Татьяной Павловой в главной роли: «Итальянская пресса была восхищена как пьесой, так и ее постановкой» (1929. № 5. S. 422).

Россика в № 6 представлена статьей В. Чернобаева «Из русской славистики последних лет» (Černobajev V. Aus der russischen Slavistik der letzten Jahre. S. 454–458), продолжением статьи П. Савицкого о русском почвоведении, солидным обзором С. Гинзбурга «русской музыкальной литературы 1928 г.» (Die russische Musikliteratur 1928. S. 465–468), рецензиями Г. Винокура, Д. Зеленина и М. Грушевского (Hruševśkyj; на публикацию «Україна та Дін» в одном из киевских научных журналов). Из культурной жизни примечательны сообщения из Праги и Берлина об успешных выставках художницы Любови Козинцовой (жены И. Эренбурга), из Праги же — о докладе Б.А. Евреинова в Русском историческом институте о пражском эпизоде в биографии Ю.Ф. Самарина. На нескольких страницах сообщений о «духовной жизни» Югославии русские эмигранты традиционно не упоминаются.

В № 7 (который открывается статьей на неизменно злободневную тему «Пробуждение югославских мусульман к современной жизни») в рубрике «Культурная хроника» интересны известия из Германии: два столбца (при обычных нескольких строках петитом) отведены работе открытого в 1926 г. в Берлине Украинского научного института — его цели и задачи, члены, лекции и семинары. Две однотипные новости имели слишком разные последствия для тех, о ком в них шла речь. Проф. Сергей Гессен (S. Hessen), избранный членом-корреспондентом Школы славянских исследований Лондонского университета (School of Slavonic Studies), по приглашению английского научного сообщества отправился «читать доклады и лекции о России (особенно о школьном обучении и о русской философии)» (S. 620). Его дальнейшей судьбой стала успешная научно-преподавательская

[1] Teatro Valle (букв.: «театр долины») был открыт в 1726 г. и на протяжении полувека оставался единственным театром в Риме. Первоначально в нем давали оперу, но с середины XIX в. сцена театра была отдана драме. В 1921 г. в Театре Валле состоялась премьера пьесы Л. Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора». С 2011 г. театр закрыт из-за недостатка финансирования, но труппа препятствует его приватизации.

карьера в Великобритании. «Один из известнейших русских византинистов» В.Н. Бенешевич избран членом-корреспондентом Прусской академии наук» в Берлине (S. 619). Дальнейшая судьба крупнейшего ученого, после возвращения в СССР из трехмесячной командировки в Германию в 1927 г., — аресты, ссылки, лагеря, расстрел (в 1938 г.).

Если россика не отмечена статьями в № 7, то в критико-библиографическом разделе она занимает с. 544–555 (рецензии набираются петитом). Подробный обзор С. Балухатого посвящен юбилейной литературе о Льве Толстом. Рецензий много, среди авторов появляется П. Богатырев, Д. Чижевский демонстрирует свои украинские интересы, а Д. Святополк-Мирский откликается сразу на три работы М.П. Алексеева; П. Савицкий и Д. Чижевский отрецензировали также и немецкие издания.

Блок статей в № 8 объединен освещением Первого съезда филологов-славистов в Праге 6–13 октября 1929 г. После вступительной заметки Г. Геземана («Нужно одно» — Eins ist not. S. 623–629), посвященной необходимости объединить научные усилия, следуют статьи Р. Якобсона «О сегодняшних условиях русской славистики» (Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik. S. 629–646), Т. Лер-Сплавинского «Славистика в Польше за последнее десятилетие» (Lehr-Spławiński T. Die Slavistik in Polen im letzten Jahrzehnt. S. 646–651) и «Краткие комментарии (Glossen) к чешской славистике чешского неслависта» В. Матезиуса (Mathesius V. Glossen zur čechischen Slavistik eines čechischen Nichtslavisten. S. 651–656).

Раздел «Литература» начинается с «общеславянского» обзора библиографических журналов, а Н. Мельникова-Папоушкова подробно реферирует «новые книги по истории русского символизма». Культурная хроника становится богаче на русские имена и события: из Югославии сообщают о русской научной жизни с упоминанием имен А.А. Кизеветтера, А.Л. Погодина, П.Б. Струве, А.Б. Соловьева, А.В. Флоровского и др.; из Женевы пишут о деятельности «Очага славяноведения» (Foyer d'études slaves) и о лекциях проф. С. Карцевского о русской и чешской литературе и языках, а из Италии приходит весть о смерти в Венеции (в легендарном Grand Hotel des Bains на Лидо) «многосторонне одаренного и имеющего большие заслуги в распространении русского искусства за рубежом» С.П. Дягилева (№ 7. S. 730).

В № 9 статья, в сущности, всего одна — третья часть почвоведческого исследования П. Савицкого. «Литература» представлена «Пушкинианой 1928/29» — очень подробным обзором Г. Винокура. № 10 открывается двумя фотографиями и некрологами двум великим уче-

ным — Р. Якобсон пишет о И.А. (Яне Игнации Мечиславе) Бодуэне де Куртене (S. 809–812), а Е. Карский — о скончавшемся в Москве А.И. Соболевском, старейшем действительном члене Академии наук (к тому времени уже советской), с которым ушла целая эпоха в истории русской филологии, палеорусистики, славистики (S. 812–814). Среди рецензий интересен отклик П. Савицкого, раскрывающий его историко-культурные интересы, на изданный в 1929 г. Кондаковским семинаром в Праге труд М.И. Ростовцева «Срединная Азия, Россия и Китай и звериный стиль» и отзыв Д. С.-М. (Д. Мирского) на книгу В. Кирпотина (Л., 1929) «Радикальный разночинец» о Д.И. Писареве. Впервые в хронике культурной жизни появляется небольшое сообщение из Латвии о двух параллельных выставках в Риге — древнерусского искусства и советской графики (последняя — на обратном пути в СССР из Цюриха, Амстердама и Роттердама; S. 879).

«Slavische Rundschau» в **1930 году** принимает тот облик, который был обещан при старте издания: десять выпусков ровно по 80 страниц; после № 7, июльского, № 8 выходит уже в октябре, с перерывом редколлегии и редакции на летний отпуск.

Второй год издания открывался редакционным предисловием «Ретроспектива и перспектива» (Rückblick und ausblick) Г. Геземана (S. 1–7). Редактор утверждает, что первый год журнала отражает целое десятилетие в существовании славянского мира, если вести отсчет от окончания Первой мировой войны и образования ряда новых национальных государств (Польская республика, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Чехословакия, СССР с республиками — РСФСР, Украина, Белоруссия). Г. Геземан потрудился привести статистику: в десяти первых номерах было напечатано 60 полноценных статей о культуре и духовной жизни славянских народов, более 300 литературных обзоров, дано более 2000 названий книг и около 1000 сообщений из культурной хроники по всему славянскому миру. Задача редакции (выпускающих журнал немецких ученых и их «славянских соредакторов и сотрудников») — «продемонстрировать богатейшее содержание журнала через возможно более многогранный отбор тем из сферы культуры: философия, литература и литературоведение, язык и языкознание, искусство и искусствоведение, театр, музыка, археология, религиозные и культурные проблемы...» (S. 2). В этом перечислении не учтены кино и архитектура, которым на страницах журнала отводилось немалое место. О русистике и русских авторах в этом обзоре специально не говорится.

Среди авторов статей, представленных в росписи содержания за год, русских «советских» имен немногим больше, чем эмигрант-

ских, ср: М. Азадовский, М. Алексеев, Г. Виноградов, В. Гиппиус, Д. Зеленин, А. Некрасов, Н. Щекатихин, И. Эренбург, П. Эттингер vs П. Богатырев, Н. Осипов, С. Постников, П. Савицкий, Д. Чижевский, Р. Якобсон. Рецензионная часть журнала также широко представляет как советские издания (впрочем, наиболее рафинированные, часто выпускаемые в «Academia»), так и эмигрантские. Интересно в этом отношении реферирование работ о Достоевском. В двух номерах журнала, № 2 (S. 89–92) и № 4 (S. 253–259), печатается обширный обзор Н. Осипова «Новые пути в достоевсковедении» (Neue Wege in der Dostoevskijforschung), посвященный рассмотрению «работ А.Л. Бёма»[1] (Böhm), в № 1 сам А. Бем (Bem) откликается на только что вышедшую книгу М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (Л.: Прибой, 1929) и в № 2 — очень кратко — на книгу Е. Скобцовой «Достоевский и современность» (Paris: YMCA-Press, 1929). В № 1 со ссылкой на чешскую печать сообщается, что на съезде славистов было принято решение создать «Общество Достоевского»; инициатором выступил «русский специалист [по творчеству Достоевского] А. Бем», среди «достоевсковедов» назван и «украинский ученый» Д. Чижевский (S. 70–71).

Тематика статей разнообразна, многоохватна, статьи часто носят проблемный характер. При сквозном просмотре выпусков журнала[2] создается ощущение *становления науки* — в широком смысле славистических гуманитарных исследований в разных областях, истории литературы и искусства, философии и этнографии, идет ли речь о славистике в целом (редко) или о национальных дисциплинах — русистике, полонистике, богемистике.... Назовем некоторые публикации: М.П. Алексеев, «Изучение русской литературы за рубежом до 19 века» (№ 9)[3], П.Г. Богатырев, «Этнографическая практика» (№ 5)[4], Д.И. Чижевский, «Из новой русской литературы по истории философии» (№ 7)[5], И.Г. Эренбург, «Заметки на полях о современной русской литературе» (№ 2; кстати, его фамилия печатается по-немецки тра-

[1] При этом в Содержании № 2 «ошибочно перепутали» имена Осипова и Бема, приписав обзор работ Бема о Достоевском — самому Бему. В № 4 вводящую в заблуждение опечатку исправили.

[2] Тетради журнала сшивались в тома, каждый из которых содержит 800 страниц, и если статьи набирались более крупным кеглем, то все остальные материалы — мелким или совсем мелким шрифтом.

[3] Das Studium der russischen Literatur im Auslande vor dem 19. Jahrhundert. S. 658–661.

[4] Etnographische Praxis. S. 331–337.

[5] Aus der neuren russischen Literatur zur Geschichte der Philosophie. S. 511–517.

дицонно Ehrenburg, в отличии от фамилии, например, Чижевского, где для шипящих использованы чешские «гачеки»)[1], А.И. Некрасов, «Работы по истории древнерусского искусства» (№ 2)[2], П. Савицкий, «Немецко-славянская наука некогда, сейчас и в будущем» (№ 5)[3]. Известный московский искусствовед и коллекционер П.Д. Эттингер публикует несколько обзорно-библиографических работ (№ 1, 3, 10), В.В. Гиппиус реферирует «новые издания классиков» (№ 10), выдающийся этнограф Д.К. Зеленин — издания по этнографии (№ 5, 9). Некоторые номера тематически направлены; так, № 3 открывается статьями о Т.П. Масарике (к 80-летнему юбилею), а № 7 — статьей Р. Якобсона об ушедшем 14 апреля 1930 г. из жизни Владимире Маяковском: «О поколении, растратившем своих поэтов»[4].

В № 2 среди культурных событий Германии упомянуты два: успешный показ «новых настоящих фильмов русской кинопродукции» «Турксиб» и «Пробуждение Востока» и получение «известным русским философом» Семеном Франком, профессором Русского научного института в Берлине, преподавательской ставки в Институте славистики Берлинского университета (S. 157). Перевернув страницу, читатель знакомился в разделе «Англия» с «английской россикой» (подписанной Д. С.-М.). Возможно, что заглавие материала принадлежало автору, и было оставлено редакцией при публикации; материалы из Германии или Франции «россикой» не называются и публикуются неподписанными. Из Парижа сообщается о следующих «событиях»: о публикации Я. Полонским писем А.И. Герцена в «Последних новостях», о создании общества «Икона» и о выходе «Записок охотника» Тургенева в новом переводе на французский язык, осуществленном Анри Монго. В литовском Каунасе, между тем, создано общество по изучению культуры СССР, там же проходит выставка М. Добужинского, получившего заказ на создание декораций к постановке «Бориса Годунова» Мусоргского в Национальном театре Каунаса; при этом упомянуты его работы как декоратора в Дюссельдорфе («Ревизор») и Брюсселе («Преступление и наказание»).

---

[1] Randbemerkungen zur heutigen russischen Literatur. S. 81–88.

[2] Arbeiten zur Geschichte der altrussischen Kunst (Erste Hälfte 1919). S. 104–107.

[3] Deutsch-slavische Wissenschaft einst, jetzt und in Zukunft. S. 337–344.

[4] Von einer Generation, die ihre Dichter vergeudet hat. S. 481–495. Каноническое название этой работы не кажется удачным — лучше было бы «растранжирившем» (с отсылкой к Маяковскому же — «бесценных слов мот и транжир», «Нате»). Кстати, именно это и означает немецкий глагол «vergeuden».

В № 3 в отделе «Литература» П.Д. Эттингер, изменив искусствознанию, размышляет над феноменом детской литературы с точки зрения ее истории в России: это высоко положительная рецензия на двухтомное издание московского Института методов внешкольной работы «Материалы к истории русской юношеской литературы 1750–1855 гг.». Д. Мирский позитивно оценивает издание «трудов семинария Б. Эйхенбаума по изучению литературного быта», книгу М. Аронсона и С. Рейсера «Литературные кружки и салоны» (Л., 1929). Ал. Слонимский откликается на вышедшую в «Academia» (1929) монографию Н. Волкова «Мейерхольд», Д. Чижевский разбирает «опыт анализа понятия “книга”» в работе М.Ф. Яновского «О книге» (Киев, 1929). Среди культурной хроники внимание останавливает неподписанный, к сожалению, отчет из Праги о постановке «Бесов» Достоевского на сцене Чешского национального театра. Корреспондент сопровождает информацию критическим разбором «общих и неизбежных ошибок» при переработке прозы Достоевского для сцены (S. 233). Заметка «Русские художники в Париже» подписана инициалами Р.Е. Вероятнее всего, за ними скрывается тот же П.Д. Эттингер, который в этой корреспонденции опирается не на собственные впечатления, а на каталог выставки: «Если пролистать каталог последнего, 22-го по счету Парижского салона, <...> где обязательно указаны для каждого национальность и место рождения, то можно насчитать не меньше 46 русских художников, и это при том, что ряд знаменитостей из числа парижских русских — Шагал, Александр Яковлев, Анненков, Александр Бенуа, Сомов и многие другие на этом салоне вообще не выставлялись» (S. 238). Среди кратких in memoriam сообщается о смерти в Москве писателя И.А. Белоусова (некогда доброго друга Бунина), историка литературы А.Е. Грузинского и Георгия Якубовского, поэта и литературоведа.

В № 4 С. Постников дает обширнейший обзор «Русской мемуарной литературы за 1929 г.» (с подзаголовком «Политические и общественно-политические воспоминания»)[1]. Среди проходящих в славянском мире выставок русскому искусству посвящена устроенная в Белграде «под патронатом короля Югославии» и собравшая «363 картины и рисунка и 48 плаката»; среди ее участников — «известные русские художники эмиграции» Бенуа, Билибин, Добужинский, Коровин, Малявин, Репин, Сомов «и другие» (S. 316). За два года это едва ли не первое сообщение о русской жизни в Югославии.

[1] *Postnikov S.* Die russische Memoirenliteratur 1929. Politische und sozialpolitische Memoirenwerke. S. 265–273.

За подписью «Е.» во французском разделе помещена также касающаяся искусства новость — о выставке 100 рисунков М. Шагала из иллюстраций к басням Лафонтена; это офорты художника к новому изданию. В № 5, словно en pendant, сообщается «о маленькой выставке Марка Шагала» в одной из частных берлинских галерей, где будет представлено «100 акварелей к басням Лафонтена» (S. 398).

В № 6 П. Эттинген дает обзор новой (советской) чеховианы (Neue Čechoviana. S. 428), Э. Шнеевейс разбирает франкоязычное издание П. Богатырева о фольклоре подкарпатской Руси «Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpathique» (S. 428). В Хронике впервые появляется информация о деятельности Пражского лингвистического кружка, с перечислением прочитанных в минувшем году в заседании докладов. Культурная жизнь Берлина ознаменована визитом В. Мейерхольда, его полемическим докладом в битком набитом зале и мастер-классом с участием членов труппы прославленного режиссера. К 90-летию П.И. Чайковского по радио исполняют Пятую симфонию композитора и посвященную ему сюиту И. Стравинского «Поцелуй феи». В Русском научном институте в летний семестр были прочтены доклады С. Франка о русской духовной жизни XIX в., Н. Алексеева о социально-политических идеалах русского народа и И. Пусино о значении Востока для западноевропейской культуры. Уходящая культура: в Ленинграде скончался художник Александр Головин, в Москве — поэт Иван Рукавишников.

№ 7, помимо статьи Якобсона о Маяковском, интересен целиком отданным Д. Чижевскому разделом «Литература»: в общем обзоре новой русской литературы по истории философии (Aus der neueren russischen Literatur zur Geschichte der Philosophie. S. 511–514) содержится остроумный выпад против единственного господствующего в СССР направления — марксистской философии, и единственной школы — исторического материализма, которые, впрочем, не мешают прорываться различным «заимствованиям из “буржуазной” литературы» (S. 511). Кроме того Д.И. Чижевский помещает четыре отдельных рецензии — на первый том Сочинений Гегеля (под ред. А. Деборина и Д. Рязанова. М.; Л., 1920), на первый том «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова (Харбин, 1928/1929) с конвоем посвященных Федорову статей (одной А. Остромирова и двух А. Горностаева), и на мемуары Андрея Белого «На рубеже двух столетий» (М.; Л., 1930).

Раздел культурной хроники в июльском (летнем) номере отсутствует, в библиографическом разделе приведена роспись содержания журнала «The Slavonic (and East European) Review» (Vol. 8, № 24. Март 1930). Краткие некрологи как будто призваны подчеркнуть нераз-

рывность русской «духовной жизни», неважно, в стране или за рубежом (не стало Дмитрия Иванова, директора Оружейной палаты Московского Кремля; ученицы Ю. Тынянова, молодой исследовательницы и сотрудницы SR Елизаветы Калайдович; автора салонных романов Евдокии Нагродской — скончавшейся в Париже любимицы читающих мещанских кругов; крупного театрального антрепренера К.Н. Незлобина, жившего после революции в Латвии, Сергея Заяицкого, «одного из одареннейших писателей новой России» (S. 558).

№ 8 обращен к русской научной и культурной жизни единственным материалом — рефератом М. Азадовского о сибирской науке: «Научные работы в Сибири 1928–1929» (Wissenschaftliche Arbeiten in Sibirien 1928–1929). И только одно сообщение из СССР имеет непосредственное отношение к филологии — скончался акад. П.Н. Сакулин.

Напротив, в № 9 раздел «Литература» переполнен русскими обзорами и рецензиями. Д. Зеленин пишет о новых исследованиях по этнографии, выходящих в разных славянских странах, М. Алексеев ставит проблему рецепции русской литературы на Западе с опорой на европейскую периодику XVIII–XIX в., С. Гессен откликается на выход юбилейного сборника «Московский университет» (Paris, 1930), и совсем коротенький отзыв на воспоминания П. Гнедича «Книга жизни» (Л., 1929) дает автор с инициалами N.M.-P. (Мельникова-Папоушкова).

Раздел Культурной хроники начинается большим материалом Ф. Клейншнитцовой «Вопросы славянской библиографии на Международном съезде библиотекарей» (S. 700–701), в чехословацком разделе помещена статья С. Постникова «Русский исторический зарубежный архив в Праге» (S. 712–714) и отчет, подписанный «В.», о 5-м съезде русских ученых в Софии (S. 715–718). Почтили память ушедших из жизни исследователя Дальнего Востока В.К. Арсеньева и двух художников — А.Е. Архипова и И.Е. Репина.

В последнем, 10-м номере за 1930 г. публикации русских авторов и на русские темы занимают не меньше трети общего объема номера. Перечислим эти публикации в порядке их размещения: Д. Чижевский, «Русская современная философия» (Die russische Philosophie der Gegenwart. S. 730–739); В. Гиппиус, «Новые русские издания классиков» (Neue russische Klassikerausgaben. S. 744–750; имеются в виду классики русской литературы XIX в.); П. Эттингер, «История русского искусства в публикациях на иностранных языках» (Russische Kunstgeschichte in fremdsprachigen Publikationen. S. 750–753); рецензии — «P.B.» (Петра Богатырева?) на «Курс этнологии» П. Пре-

ображенского (М.; Л., 1929; S. 753) и П. Савицкого на «Пробуждение Мурмана» — исследование Г. Чиркина, выпущенное в Москве в 1929 г. (S. 753–754). Кроме того, к «русским» материалам примыкает рецензия Леопольда Зильберштейна (Leopold Silberstein; S. 770–772) на следующее издание: Eckhard, Hans von. Russland [из серии «Регионы мировой экономики и мировой политики»]. Leipzig, 1930. Bibliographisches Institut. 568 S., mit 16 Karten, 233 Abbildungen [рисунками] und Diagrammen. В разделе хроники культурной жизни из Берлина сообщается о большой выставке советских художников и о выходе в издательстве С. Фишера (в котором публиковались переводы сочинений русских эмигрантов) «широкомасштабной» «Истории русской революции» Л. Троцкого (S. 796). Итальянский корреспондент свидетельствует о «распространении славянских литератур в Италии» (Verbreitung slavischer Literaturen in Italien). В. Джусти, в частности, пишет: «Само собой разумеется, что из всех славянских литератур русская пользуется в Италии наибольшим интересом. И это не специфически итальянское, а общеевропейское явление» (S. 796). Речь, впрочем, идет прежде всего о советской литературе и советских авторах. Среди утрат русской гуманитарной науки — П.В. Быков, поэт и создатель «Словаря псевдонимов русских писателей», и В.В. Сиповский, известный историк литературы и автор стилизованных романов.

«В эпоху, когда открыто звучат всевозможные жалобы на недостаточное признание славянского мира со стороны Германской империи [Reichsdeutschland — официальное название Германии] и славистики — некоторыми правительствами немецких земель, создание в Праге Немецкого общества славянских исследований особенно симптоматично. Мы, немцы в славянском зарубежье, знаем, что это значит. И то, какое сочувствие мы получаем от славянских официальных лиц и от коллег в частном общении, подтверждает одно: славянский мир весьма заинтересован в развитии этой части европейской и особенно немецкой науки, чтобы плодотворно и совместно для этого мира (а с Россией это “полмира”!) работать. И этого шанса мы не упустим!» — говорится в неподписанном редакционном материале, открывающем **№ 1 за 1931 год**. Речь идет об основании Немецкого общества славянских исследований в Праге (Deutsche Gesellschaft für slavistische Forschung in Prag. S. 1–7). Среди статей этого номера отметим работу С. Кулаковского о влиянии новой русской лирики на польских поэтов; впрочем, речь главным образом идет об их переводческой активности (Der Einfluß der neuen russischen Lyrik auf die polnischen Dichter. S. 8–13). В разделе «Литература» помещены обзор А. Некрасова работ по истории древнерусского искусства и рецен-

зия В. Чернобаева на исследование Н. Никольского «”Повесть временных лет” как источник для истории начального периода русской письменности и культуры» (Изв. АН СССР. Вып. I. 1930).

В короткой корреспонденции из Германии сообщается об интересе немецких театров к пьесе В. Катаева «Квадратура круга»; однако, несмотря на отличные постановки и хорошую прессу, она не пользовалась «ожидаемым успехом» (S. 70) на театральных подмостках Берлина и Лейпцига.

В 1931 г. исполнилось 110 лет со дня рождения Ф.М. Достоевского и 50 лет со дня его смерти (полвека со дня кончины русского гения было воспринято как более серьезная мемориальная дата). Эти юбилейные события отразилось на страницах третьего тома «Slavische Rundschau» целой серией публикаций. В № 2 сразу три статьи посвящены Достоевскому: Г. Геземана «Некоторые мотивы Достоевского в новейшей немецкой живописи» (Einige Dostoevskijsche Motive in der jüngsten deutschen Malerei. S. 73–91), К. Герстенберга «Цикл гравюр по “Братьям Карамазовым” Достоевского» (Eine Holzschnittfolge zu Dostoevkijs “Brüder Karamazov”. S. 91–95), О. Фишера «Достоевский на чешской сцене» (Dostoevskij auf der čechischen Bühne. S. 96–101). В хронике культурных событий Чехословакии сообщается о прошедшем в декабре в Праге Международном фонологическом съезде (S. 142) и о деятельности Семинара по изучению творчества Достоевского, руководимого А. Бемом, о прочитанных докладах и о новых публикациях (S. 145). Из Германии информируют, что и в новом 1931 г. немецкий кинопоказ проходит «под знаком советских фильмов» (S. 148), а также пишут о переводах немецкой художественной и специальной литературы в СССР (S. 149), черпая статистические данные из советской «Книжной летописи» за 1927–1929 гг.

Некрологи приходят из России и из зарубежья. В Праге скончался основатель Кондаковского семинара византолог Николай Беляев, в своей деревне под Тверью умер крестьянский поэт Спиридон Дрожжин, в Париже не стало выдающегося библиофила и искусствоведа В.А. Верещагина.

Первые два номера **1931 г.** вышли в старом формате. Начиная с № 3 формат меняется, содержание номеров теперь делится на следующие рубрики: «Статьи», «Хроника культурной жизни» (Kulturchronik), «Литература» (как и прежде — по языковым группам и подгруппам) и «Некрологи». Т.е. информация о событиях культурной жизни идет сразу за разделом статей, а все критико-библиографическое разнообразие формирует вторую половину журнала. Раздел «Литература» теперь выглядит так (в каждом национальном разделе

однотипно): критико-библиографический обзор, рецензии, следом библиография, поделенная, как и прежде, на две части (перечисление новых изданий и «из журналов» — указание на одну-две стоящие статьи, иногда перечень публикующихся авторов).

В № 3 русские материалы разнообразны. Это искусствоведческая статья А. Некрасова о русской лаковой живописи (Russische Lackmalerei. S. 163–169), критико-библиографический обзор П. Савицким литературы по географии и отклик В. Гиппиуса на два французских издания по тургениевистике: публикация Андре Мазоном парижских рукописей писателя и французский перевод стихотворений в прозе (S. 205–207)[1]. В разделе культурной хроники публикуется «Письмо из Ленинграда» («Brief aus Leningrad»), подписанное «Ado». Прежде всего, в нем сообщается об открытии в ноябре 1930 г. Института новой русской литературы под руководством А.В. Луначарского на базе Пушкинского дома. «Институт, согласно уставу, будет поделен на два сектора: литературно-исторический и теоретико-методологический. Первый сектор будет поделен на отделы в соответствии с общественными эпохами: литература дворянского периода, промышленного капитализма, буржуазно-демократическая и современная литература» (S. 184). Наконец, Соня Лане (Sonia Lane) делает статистический обзор изданий и публикаций, появившихся в Германии с 1918 г. и посвященных Достоевскому. Ее материал озаглавлен «Немецкий бум Достоевского» (Deutsche Dostoevskij-Inflation. S. 196–198). Этот бум автор материала объясняет, в том числе, наводнившими Германию русскими эмигрантами и русскими немцами, хотя и призывает не переоценивать этого факта: «Восприятие Достоевского немецким духом имеет глубокие основания и обусловлено отчасти некоторыми постоянными чертами немецкого характера и немецкого духа (рецепция русского духа в Германии прослеживается как непрерывная традиция на протяжении ста лет), отчасти — особенностями современных настроений и интересов» (S. 198).

Некрологи сообщают об уходе из жизни 45-летней Анны Павловой (она скончалась в Гааге) и ее ровесника писателя Ивана Вольнова, умершего в Орле. В Ленинграде умер П.Е Щеголев.

В № 4 публикуется блок материалов «К характерологии славян», среди которых — статья Д. Чижевского «Украинец» (Ukrainer. S. 237–244). Юбилей Достоевского отмечен открывающей номер статьей С. Гессена «Портрет Ставрогина» (Das Porträt Stavrogins. S. 233–237).

---

[1] Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930; Tourguénev. Nouveaux poëmes en prosa [так!]. Paris, 1930.

Автор, подписавшийся инициалами «В.А.», сообщает о праздновании в Москве юбилея Достоевского (Das Dostoevskij-Jubiläum in Moskau. S. 259–262), а в информационном блоке о культурных событиях в Югославии сообщается о празднике Достоевского в Загребе: «Почти все загребские журналы и газеты опубликовали статьи к пятидесятилетию со дня кончины Достоевского. Писатель особенно важен для понимания советской революции и для освещения современной России. Однако ни одно из местных литературных и культурных обществ не организовало празднование этой даты», ее отметила «здешняя русская колония», правда, привлекшая и «югославянских работников культуры» (S. 276). На соседней странице помещен интереснейший отчет об открытии в Галле (Германия) выставки иллюстраций немецких художников к произведениям Достоевского (S. 277); неподписавшийся корреспондент явно посетил выставку и разбирает соответствие представленных работ «духу» Достоевского.

П. Эттингер сообщает о визитах в Москву европейских знаменитостей, среди которых — известный итальянский славист Этторе Ло Гатто (Moskauer Brief. S. 258–259); а в Берлин (сообщение из хроники культуры без подписи) приезжает Вс. Пудовкин и при большом стечении заинтересованной публики рассказывает о «Новых путях современного русского искусства кино» («Россия выработала свой собственный стиль, но ему грозит впадение в формализм», чтобы этого не произошло, нужна «тесная связь с жизнью», S. 277).

Тот же П. Эттингер (наряду с Д. Чижевским один из наиболее активных авторов журнала) публикует обзорную статью о русском искусстве и русских художниках за рубежом (Russische Kunst und Künstler im Auslande. S. 278–280). На с. 299–300 Д. Чижевский помещает рецензию на немецкое издание «Жития протопопа Аввакума» (Jagotitsch R. Das Leben des Protopopen Avvakum von ihm selbst niedergeschrieben. Übersetzung aus altrussischenn nebst Einleitung und Kommentar. Berlin; K nigsberg, 1930).

В № 5, в котором раздел «Статьи» открывался материалом Рудольфа Панвитца «Значение немецкой культуры для славян» (Pannwitz R. Die Bedeutung der deutschen Kultur für die Slaven. S. 305–310), представлена рубрика «Достоевский на Западе» (Dostoevskij im Westen) из двух статей, посвященных рецепции Достоевского европейским сознанием: первая — Д. Святополк-Мирского (Dostoevskij in Frankreich und England. S. 310–318), вторая — Г. Геземана (Dostoevskij in Deutschland. S. 318–323). От названия заключительной статьи этого раздела веет безмятежной верой в неколебимость мирного течения жизни: В. Гётель, «Охрана природы и национальные парки в славянских зем-

лях» (Goetel W. Naturschutz und Nationalparks in den slavischen Ländern. S. 323–327). Культурная хроника неизменно богата, Д. Чижевский представляет обзор русских научных публикаций за рубежом за 1930 г.; по всем славянским регионам обзоры литературы поражают интенсивностью и разнообразием культурной жизни; из французских источников П. Эттингером отобран для рецензирования специальный номер музыкального обозрения «Revue musicale» «Les ballets Russes de Serge de Diagelew» (1930. Dec. № 4). П. Савицкий делает обзор следующего труда: «Духовная жизнь Украины в прошлом и настоящем» (это специальный выпуск периодического издания «Германский мир и зарубежье» (Das geistige Leben der Ukraine in Vergangenheit und Gegenwart. Hrsg. von V. Zalozieckyj u.a. Deutschtum und Ausland. Heft 28, 29. Münster. 1930. № 8. 219 S.). Позитивно оценивая собранный в книге «обширный фактический материал», рецензент неприятно поражен неточностями и особенно националистическими передержками: «Крайне искусственна терминология, которая все явления культурной жизни Киевской Руси в X–XII вв. описывает как “украинские” (например, главного героя “Слова о полку Игореве” как “украинского князя” и т.д. Подобное словоупотребление затушевывает ведущую роль, которую играла Киевская Русь во всем тогдашнем русском мире. Если уж использовать терминологию, которая не соответствует словоупотреблению источников, то и “Русская правда” может называться “Украинской правдой”» (S. 379). В немецком оригинале используется определение «rutenisch» (рутенский), т.е. украинский; это было понятие, официально обозначающее в Австро-Венгрии галицийских украинцев, постепенно распространенное на западных украинцев и, как показывает текст почти девяностолетней давности, на Украину и ее историю в целом. От значения немецкой культуры для славян — до «рутенизации» Киевской Руси, пока еще осмеянной русским рецензентом: такова постепенная, но уже заметная эволюция немецкой славистики в 1930-е гг.

В композиции журнальных номеров эта линия начинает приобретать кольцеобразную закономерность. № 1 открывается публикацией «Немецкое общество по славянским исследованиям в Праге», а завершается — «Южнославянским кругом славистов в Немецком университете в Праге». Очевидно, что издающие журнал немецкие слависты стремятся руководить славистикой. При этом статьи и материалы из Польши и Чехословакии, русские советские и эмигрантские публикации свидетельствуют о том, что славяноведение не нуждается в руководстве. У немецких исследователей своя, отнюдь не славистическая «терминология»: в немецкой «терминологии», на-

пример, не осталось лужицких сербов, вытесненного на восточную окраину Германии малого западнославянского народа. В том же номере «Slavische Rundschau» опубликована рецензия Э. Шнеевейса на исследование Р. Лемана (R. Lehmann) «История серболужичан в Нижней Лужице», в оригинале: «Geschichte des Wendetums in der Niederlausitz» (серболужичане по-немецки именуются вендами). С другой стороны, культура славян в Германии представлена широко и разнообразно. В № 5 на одной странице (S. 346) хроники культурной жизни рассказано о докладе «Болгарское народной искусство» в Берлине (профессора Касснера), о премьере нового скрипичного концерта И. Стравинского — тоже в Берлине, о постановке «чешской оперы» в Аугсбурге (речь идет о «Братьях Карамазовых» О. Йеремиаша, и это своего рода германо-славистический ответ на 50-летие со дня смерти Достоевского). Там же сообщается о работе русских кинорежиссеров в Германии (Ф. Оцепа, Ал. Грановского) и о завершении немецкого озвучивания новой американской экранизации «Воскресения».

В № 6 «блок» по рецепции Достоевского «на Западе» продолжается статьей Станислава Бачинского «Достоевский в Польше» (Baczyński S. Dostoevskij in Polen. S. 385–392). Цикл «К характерологии славян» дополнен статьей Г. Геземана «Проблемный болгарин» (Der problematische Bulgare. S. 404–409). Номер, как обычно, разнообразен материалами из разных славянских «языковых областей»: обширный обзор Д. Зеленина об этнографической литературе славянских народов, статья Ф. Кубки об отражении Первой мировой войны в чехословацкой художественной литературе, анализ Р. Якобсоном новых чехословацких работ по «поэтической форме». И все же тематически номер вновь стянут к двум узлам — Достоевский (помимо названной польской статьи, сообщение из Болгарии о двухдневном заседании в Академии наук, с участием проф. П.М. Бицилли, «Памяти Достоевского», S. 423; отклик А. Бема на немецкое издание в «прославленной серии “Наследие Достоевского”» книги «Полина Суслова. Вечная подруга Достоевского»[1]), а также германо-славика с очевидным акцентированием немецкого духовного влияния на культурное развитие славянских стран («Германия и новое югославское изобразительное искусство» Д. Винтера и «Польская книга о Гете» Р. Дыбоского[2]. Последняя — язвительная рецензия на беллетризо-

[1] Polina Suslowa. Dostoevskijs Ewige Freundin. Hrsg. von René Fülöp–Miller und Friedrich Eckstein. München: R. Piper Verlag, 1931. 280 S.

[2] *Dyboski R.* Ein polnishces Buch über Goethe [Rec. ad op.: Hoesik F. Goethe i “naipiękniejsze dni” w jego życiu, 1814–1832. Warszawa, 1931]. S. 442–446.

ванную биографию немецкого классика; о введенном в моду Андре Моруа жанре сказано, что в Польше он превратился в «излюбленный предмет для юмористических упражнений польских сатириков», S. 443).

В Ленинграде скончались крупный филолог-славист Е.Ф. Карский и знаменитый до революции П.В. Самойлов, актер широкого драматического диапазона (Островский, Л. Толстой, Шекспир, Ибсен).

Главным украшением № 7 становится открывающая его статья Альфреда Бема «Достоевский, гениальный читатель» (Bem A. Dostojevskij, der geniale Leser. S. 467–477). Заметка «Книгопечатание в РСФСР» (Der Buchdruck in RSFSR. S. 492–493), подписанная инициалом «Т.», содержит статистические данные с цифрами тиражей — как правило, это десятки, иногда сотни тысяч экземпляров. П. Савицкий публикует подробный обзор «Научное регионоведение в РСФСР» (Wissenschaftliche Landeskunde in RSFSR. S. 505–512); обзор новых публикаций о прошлом Карпатской Руси (Neue Arbeiten zur Vergangenheit Karpathorußlands. S. 512–514) подписан инициалами «R.J.» (Роман Якобсон)[1].

В № 8 цикл «Достоевский на Западе» продолжается статьей Вольфанго Джусти «Достоевский в Италии» (Giusti W. Dostoevskij in Italien. S. 547–552). Подавляющее большинство публикаций посвящено польским, чехословацким и югославским культурным и литературным проблемам. П. Эттингер делает очередной обзор новейших русских книг по искусству (Neueste russische Kunstliteratur. S. 583–590 и 591–594; в содержании номера страницы указаны ошибочно). С. Гессен публикует рецензию на издание: Д. Чижевский. «Наброски к истории философии на Украине» ([Skizzen zur Geschichte der Philosophie in der Ukraine]. S. 590–591: Нариси з історіифілософіі на Україне. Прага: Укр. Гром. Выдавн. Фонд., 1931[2]).

Интересны сообщения из хроники культурной жизни в Германии. Новое сообщение о «славянских операх» — о постановке («с большим успехом», S. 582) в Висбадене «Мазепы» Чайковского, а в Берлине — «Из Мертвого дома», оперы Л. Яначека по книге Достоевского. В Немецкой библиотеке в Лейпциге прошла выставка «Немецкость [Deutschtum] в России», а в «Листках государственной оперы» был помещен чрезвычайно богатый для темы рецепции рус-

[1] См. также [Bernátek 2016, p. 23]: Роман Якобсон инициалами «R.J». подписывал также свои публикации в «Прагер прессе».

[2] Название приведено латиницей.

ской литературы в Германии обзор «Оперные тексты, драмы, фильмы и аудиоспектакли по Достоевскому» (S. 582–583).

Последний номер 1931 г. выходит сдвоенным — № 9–10. В нем печатается пятая в этом году статья из цикла «Достоевский на Западе» — В.Й. Горака «Масарик и Достоевский» (Horák V.J. Masaryk und Dostoevskij. S. 627–636). Следующая статья номера — совсем о другой рецепции: «Русский миф о Франции» Романа Якобсона — это рецензия на книгу О. Савича и И. Эренбурга «Мы и они» (Der russische Frankreich-Mythus [Rec. adop.: O. Savič, I. Ehrenburg. My i oni. Francija. Berlin: Petropolis, 1931. 295 S.]). В этом номере сразу три обзорно-критические работы связаны с русскими советскими изданиями: Вл. Тукалевский пишет о «писателях и художественной литературе в РСФСР» (Tukalevskij Vl. Schriftsteller und schöne Literatur in RSFSR. S. 649–652), а П. Эттингер сообщает о трехлетнем плане издательства «Academia» (Der Dreijahrsplan des Verlages “Academia”. S. 652–654). М.П. Алексеев сосредоточился на проблемах перевода и новых изданиях европейских классиков (Aus der russischen Übersetzungsliteratur. Neue Ausgabe europäischerKlassiker. S. 665–671). В разделе некрологов сообщается о смерти в Женеве П.И. Бирюкова, «лучшего биографа, личного друга и верного соратника Льва Толстого» (S. 702), и о смерти А.И. Лященко, историка славянских литератур, руководителя славянского отдела библиотеки Федеральной академии наук (Берлин) и зам. председателя Ленинградского общества по изучению украинской истории.

Годовая подшивка **1932** состоит всего из шести номеров, и по толщине том IV уступает предыдущим.

№ 1 открывается блоком, посвященным современной литературе разных славянских народов, куда органично вписался и материал Д. Мирского о современном русском историческом романе (Sv’atopolk-Mirskij D. Der russische historische Roman der Gegenwart): А. Брюкнер «История славянских литератур» (Brückner A. Geschichte der slavischen Literaturen), Е. Риппль «Актуальные проблемы современной чешской прозы» (Rippl E. Gegenwartsprobleme in der jungsten čechischen Prosa), К. Христов «Трудный путь к новой болгарской литературе» (Hristov K. Der schwere Weg zur neuen bulgarischen Literatur).

Хроника культуры начинается со знаменательного сообщения из СССР: осенью в 1931 г. был основан Инслав — Институт славяноведения, целью которого объявлено «изучение истории, экономики, литературы, этнографии и фольклора славянских народов Западной Европы (так! — Westeuropas) и СССР, а также тех народов (греки, албанцы, молдаване, румыны, венгры, литовцы, латыши, латгальцы),

чьи историко-культурные судьбы тесно сплетены со славянством» (S. 30). Это подробное сообщение подписано Н. Державиным, «директором Института славяноведения советской Академии наук в Ленинграде» (S. 33)[1]. С его рапортом, победно звучащим на страницах журнала славистической направленности, контрастируют ламентации о «Бедственном положении польской науки» (Die Not der polnischen Wissenschaft, S. 35–36).

В библиографическом разделе «Литература» Богуслав Гавранек (Bohuslav Havránek) помещает объемный (S. 47–57) обзор новых публикаций 1931 г. по «славянской лингвистике», начиная его с работы Н.С. Трубецкого «Полабские исследования» (Polabische Studien). Замечательно, что имя или инициалы рядом с фамилией не проставлены, как не проставлены они и в прочих мини-рецензиях, из которых состоит этот обзор (ср. «статья Матвеевой-Исаевой[2] в Известиях по русскому языку (том 3)», S. 48). Фамилии русских ученых мелькают без разделения на «советских» и «эмигрантских» (Кульбакин, Дурново, Истрин, Карский, Пешковский), и этот сугубо научный, без вмешательства политической конъюнктуры дискурс почти изумляет накануне «дела славистов» (1934), когда славистика, палеорусистика, исследования памятников древнейшей письменности были буквально искоренены в Советской России.

Подборка новейших публикаций сделана почти сплошь из советской периодики (характерны названия журналов — «Историк-марксист», «Пролетарский музыкант», «За пролетарское искусство», «Воинствующий атеист», «Революция и национальности», «Земля советская» — на этом фоне «Новый мир», «Октябрь» или «Молодая Русь» воспринимаются как нейтральные), и только из пражской «Центральной Европы» выбраны статьи славистической тематики, в том числе «Толстой о Масарике» (Tolstoj über Masaryk) Р. Якобсона. Среди перечисленных новых книг — только советские издания, исключение сделано лишь для одного труда: «Тридцатые годы. Утверж-

[1] Державин Николай Севастьянович (1977–1953) — филолог-славист, академик с 1931 г. (избран, минуя стаж члена-корреспондента, после усиления позиций Н.Я. Марра), в 1931–1934 гг. директор Института славяноведения. Репрессии против славистов и разгром академического славяноведения привели к закрытию института, но не коснулись его директора-марриста; Институт славяноведения АН СССР вновь открыт в Москве в 1947 г.; Н.С. Державин стал его номинальным главой и директором ленинградского отделения.

[2] Матвеева-Исаева Любовь Васильевна (1889–1954) — славист, языковед; преподавала в ЛГПИ, с 1949 г. — профессор кафедры русского языка.

дение евразийцев. Кн. VII. Paris, 1931». Из работ русских славистов отдельной, весьма краткой рецензии А. Некрасова удостоился вып. III издаваемых Н. Окуневым под эгидой пражского Славянского института «Monumenta Artis Serbicae».

В № 2 внимание привлекает статья, написанная на тему и поныне актуальную и все еще мало изученную: «Германия глазами русских» О. Савича (Savič O. Deutschland, von Russen gesehen). Культурная хроника открывается сообщением об археологических разысканиях в СССР в минувшие два года (1930–1931), сообщается, в частности, о находках А.В. Арциховского под Ленинградом, датируемых X–XIV вв., и об открытых «руинах храма» возле Коктебеля в Крыму, «напоминающего типом севернорусские» церкви.

В неподписанном материале из Франции речь идет о «чрезвычайно полезной книге» В. Викторова-Топорова «Россика и советика. Библиография произведений, вышедших по-французски с 1917 по 1930 г., включая относящиеся к России и СССР» (Rossica et Sovietica, Bibliographie des ouvrages parus en français de 1917 a 1930 inclus relatifs à la Russie et à l'URSS). Библиографический справочник включает 1312 названий, и, «хотя он не может считаться исчерпывающим, тем не менее первую попытку в этом роде нельзя не приветствовать» (S. 147). Некоторую статистическую выкладку, сделанную анонимным рецензентом, стоит привести целиком: новейшие переводы русских писателей (всего отмечено 178) распределились следующим образом: «Чехов и Горький по 16, Лев Толстой — 13, Тургенев — 12, Гоголь и Мережковский по 10, Пушкин — 8, Эренбург и Куприн — 5, Краснов и Алексей Толстой — 3», по два перевода сделано из следующих авторов: Алданов, Бабель, Бунин, Брешко-Брешковский, Шмелев, Федин, Кропоткин, Лермонтов, Познер, Ремизов и «вовсе неизвестный Марк Семенов (очевидно, соперник Краснова, если судить по заглавию его произведений)[1]» (S. 147). Список тех писателей, кого перевели пока только один раз, занимает шесть строк, все они

[1] Семенов Марк Евгеньевич (Semenoff Mark; 1884–1968) — писатель, переводчик русской классики на французский язык. Французский язык с детства стал его вторым родным языком, так что вероятнее всего речь шла о его оригинальных произведениях по-французски, среди которых встречаются книги с завлекательными названиями: «Introduction à la vie secrète» (Введение в тайную жизнь, 1923), «Par les jardins d'amour de Catherine la Grande» (По садам любви Екатерины Великой, 1927), «Ivan le Terrible» (Иван Грозный, 1928), «Dieu et le diable autour d'un trône» (Бог и дьявол у трона, 1934) — последний роман, впрочем, вышел позже реферируемой публикации.

принадлежат к «младшим» классикам XIX и теперь уже и XX века, а «некоторые другие, менее или вовсе неизвестные авторы», даже не удостоены перечисления. Аноним анализирует и главные тенденции в выборе писателей и их произведений для перевода на французский язык — отбираются не просто «классики» или «примыкающие к классической традиции авторы», но и «беспроблемные», «солидные» тексты, которые давно снискали высокую оценку на родине. Это суждение касается и советских писателей — Бабеля, Сейфулиной, Серафимовича, Неверова, Фадеева, Шкловского, Шолохова (из которых переведены «образцовые произведения» (Standartwerken, S. 148)... Из Достоевского, которого, по общепринятому, давно усвоенному мнению принято считать едва ли не единственным читаемым на Западе писателем, было переведено шесть «канонических» произведений. «Ужасает» рецензента, который скрупулезно подсчитал, сколько произведений приходится на какого из французских переводчиков русской литературы, что из французов на русский язык больше всего переведено «легкомысленного Жозефа Кесселя» (S. 148)[1]. Перечислены также упомянутые в библиографии некоторые филологические работы — как переведенные с русского языка, так и написанные французскими славистами о русских классиках.

Следующий обзор как будто продолжает предыдущий — в нем Дмитрий Чижевский пишет о «трех новых книгах о Толстом» (Drei neue Bücher über Tolstoj). Оставив за скобками «многие интересные публикации юбилейного толстовского года» (S. 149), среди которых на первое место поставлены работы русских формалистов, В. Шкловского о «Войне и мире» и Б. Эйхенбаума «Молодой Толстой», Д. Чижевский подвергает рассмотрению две книги, посвященные «патологическим элементам в душевной жизни» русского гения (А.М. Евлахова и И. Каллиникова), а также диссертацию немецкого исследователя Р. Квискампа (R. Quiskamp), анализирующего философскую систему Толстого с точки зрения немецкого идеализма. Н. Дурново печатает рецензию о монографии С. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке» (Вып. 2. Множественное число. Л., 1931), А. Ваулин кратко реагирует на «Книгу о Стравинском» Игоря Глебова (Л., 1929), а П. Этт[ингер] (P. Ett) сообщает о справочнике «Научные работники Москвы», содержащем более 8000 адресов и кратких биогра-

[1] Возможно, имеется в виду его популярный роман о русских эмигрантах в Париже, см.: *Kessel J.* Nuits des princes. Paris: Éditions Mornay, 1927; *Кессель Ж.* Княжеские ночи. Пер. с фр. К.Н. Марк. Рига: Orient, [1928]; *Kessel J.* Nuits des princes. Paris: libr. Gallimard: Éditions de la «Nouvelle Revue française», 1930.

фических справок. На три десятка советских журналов в обзоре периодики появляются единицы эмигрантских названий — «Современные записки» (отмечены воспоминания А. Толстой, «Положение советской литературы Г. Адамовича и «Из прошлого» В. Маклакова), «Путь» с публикациями Н. Бердяева и Н. Арсеньева, «Новый град», «Воля России» (с «Заметками об эмигрантской литературе» М. Слонима) и «Центральная Европа». Художественная литература, так же, как и книги культурно-исторического содержания, помещенные под рубрикой «Новые книги», — целиком представляют советскую книжную продукцию.

Среди ушедших журнал помянул русского писателя Е. Н. Чирикова и историка-слависта А.Л. Петрова — оба скончались в Праге.

В номере третьем номере обширную статью «Формирование советской литературы» (Die Entstehung der Sovjetliteratur) помещает А. Аросев.

Культурная хроника отражает празднование юбилея Гете в славянских странах, прежде всего в СССР, не только в узкой культурно-научной сфере, но и на государственном уровне. Автор этого материала, Вл. Тукалевский, отмечает «повсеместно высокий интерес советской общественности к немецкому поэту и к новым изданиям его сочинений на русском языке» (S. 228). В обзоре периодики отмечено выступление М. Слонима на страницах «Воли России» («На литературном фронте»). Неизменно поражает богатство советских журналов, представленных в обзоре русской периодики, широта и разнообразие публикуемых в них материалов (оставляя в стороне и в высшей степени марксистские названия периодических изданий, и идеологически выверенные заголовки статей вроде: Р. Шор, «На путях к марксистской лингвистике», или «За ленинское искусствознание» («Материалы дискуссии» в Институте литературы, искусства и языка, под ред. Ю. Янель), или «стенографический отчет» «Первой всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы»).

Р. Якобсон реферирует «Новые работы о южно-славянской поэтической форме» (Neue Arbeiten über die südslavische dichterische Form. Забегая вперед, укажем, что в № 6 размещен его критический обзор «Новых работ о чешской поэтической форме» (Neue Arbeiten über die čechische dichterische Form). Закрывая страницу участия Р.О. Якобсона в качестве автора на страницах «Славише рундшау», отметим, что его перу принадлежат по одной публикации в томах за 1934, 1935, 1936 и 1938 гг. — на темы столь различные, что видно, насколько мало заботился ученый о «специализации» внутри филологической науки.

Среди немецких изданий два посвящены литературному юбиляру предыдущего года: «Достоевский. Исследования. Составитель и

редактор Д. Чижевский» (Dostoevskij-Studien. Gesammelt und herausgegeben von Dm. Čyžev'skyj. Reichenberg: Verlag Gebrüder Stiepel, 1931. 116 S.» и В. Иванов «Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика» (Iwanow W. Dostoevskij. Tragödie — Mythos — Mystik. Aus dem Russischen übersetzt von A. Kresling. Tübingen 1932. Verlag I.C.B. Mohr. 142 S.).

В Москве скончался историк М.Н. Покровский, во время поездки в Магнитогорск умер от тифа критик В.П. Полонский. С этого года, кстати, журнал начал размещать на последних страницах рекламу — самого разного характера, от научно-издательских предложений и до рекламы обуви для туризма.

Словно откликаясь на предложения попутешествовать, «один немецкий турист» отправляется в Москву и Ленинград. Материал, открывающий № 4, так и озаглавлен: «Leningrad und Moskau. Eindrücke eines deutschen Touristen». «Впечатления» подписаны Arch. A. Sandwort, суждения немецкого архитектора независимы, курьезны и обаятельны, ср.: «Знаменательно, что несмотря на свою тягу к абсурду, Москва осталась без рококо. Рококо — стиль педагогический и демагогический» (S. 293), и т.д. Немецкого туриста в 1932 г. еще поражает все заполонившая собой пропаганда, так что архитектурная Москва облекается уже «не в форму, а в слово» (там же). И все же общая оценка отстраивающейся Москвы оптимистична — «самобытная плодотворность этого загадочного» зодчества «переживет все превратности истории и воздвигнет новый вечный город» (там же).

С. Гессен предлагает обзор «новых книг по истории русской школьной системы» и привлекает к рассмотрению одного советского автора (Е. Медынского), одного эмигрантского (П. Милюкова) и одного — некогда российского, затем эмигрантского, но уже британского — Н. Ганса (N. Hans). Отметим, как иронично удалось рецензенту обратить внимание на идеологическое жонглирование одним и тем же понятием — «автономность школьной системы»: в этом вопросе Милюков выступает как «европеец» — «“западник”, сказали бы славянофилы, “буржуй”, сказал бы Медынский» (S. 332). В обзоре журналов преобладают научные («известия» различных отделений АН СССР, «Литературное наследство») или отраслевые печатные органы, но с прибавкой «советский» («Советская этнография», «Советский коллекционер»), «красный» («Красный библиотекарь») или совсем серьезно — «Марксистско-ленинское искусствознание»; обширна приведенная филологическая периодика (в том числе «Яфетический сборник», книги же самого Н. Марра включены почти в каждый обзор книг) и созвездие литературных журналов, в которых отмечены, прежде всего, критические выступления и литературоведческие разборы (в частности, в «Звезде» № 2 статья Миллер-Будниц-

кой[1] «Эпигон формализма» о В. Каверине). Среди книг — новые научно-критические издания русской классики, книги по литературе, лингвистике, фольклору, искусству — художественная литература отсутствует полностью. В Праге ушел из жизни еще один из могикан — главный редактор «Русских ведомостей» В.А. Розенберг.

Словно наверстывая упущенное и выстраивая некоторый баланс, издатели не дают в № 5 материалов по русистики, зато помещают большие публикации по украинистике. Советская периодика по-прежнему широко представлена в рубрике «Из новых журналов», из европейской (эмигрантской) периодики росписи главных публикаций подверглась «Центральная Европа» с ее ориентацией на искусство, «Путь» с созвездием русских мыслителей — П. Бицилли, С. Франк, В. Ильин, Н. Бердяев, — «Воля России», где были напечатаны эссе М. Цветаевой «Поэт и время» и «литературный портрет» Л. Леонова, принадлежащий перу М. Слонима.

Траурных сообщений из России пришло много — из жизни уходят старейшие ученые (историк Н.Н. Любович), литераторы (переводчица М.В. Ватсон). Не стало А.С. Грина и М.А. Волошина.

В № 6, финальном в этом году (и в последующие годы журнал будет выходить раз в два месяца), статья известного советского фольклориста Бориса Соколова «Два сказителя былин» (Zwei Bylinenrezitatoren) помещена в память об ушедшем из жизни в 1930 г. ученом. Инициалами B.S. подписан материал «Пятнадцать лет культурного строительства» из раздела «Хроника культуры», где приведена, в том числе, статистика роста числа научных работников, аспирантов и финансирования, выделяемого на науку. Для сравнения — число аспирантов за три года (с 1929 по 1932) возросло почти впятеро (с 7 до 34 тысяч), а расходы на науку — всего-навсего удвоились, хотя и исчисляются сотнями миллионов рублей (S. 477). Автор сообщает, между прочим: «Принцип самодеятельности применяется теперь во всех областях советского искусства. Весь Советский Союз покрыт сетью самодеятельных театральных объединений, рабочих хоров и художественных кружков. На вершине этого движения стоит Театр рабочей молодежи (ТРАМ), в спектаклях которого занято до 85–90 % молодых рабочих, комсомольцев и членов партии» (S. 477).

А. Бем выступает с пространным обзором «Пушкиниана 1930–1931» (Puškiniana 1930–1931), обращая первостепенное внимание на различные издания самого Пушкина (от собрания сочинений до публикации архивных, рукописных материалов, предпринятых

[1] Миллер-Будницкая Рашель Зиновьевна (1906–1967) — литературовед, литературный критик, переводчик.

разными коллективами и авторами в Москве и Ленинграде), а также на «литературные связи» (S. 490) Пушкина с другими писателями — русскими и зарубежными. Рецензенты не утруждали себя подробными библиографическими справками, отсылая к другим своим публикациям, где библиография, дескать, подробно приведена. Завершает А.Л. Бем свой «не полный обзор» (S. 491) кодой о «Пушкине и современности». Пражский литературовед напоминает, что «оценка Пушкина знавала эпохи приливов и отливов», что на недавней памяти его «культ» пытались поколебать футуристы, что «на путь отрицания Пушкина ступила было и пролетарская поэзия, но под давлением массового читателя смягчилась и отступила» (S. 491). В настоящее время, замечает Бем, культ Пушкина и в советской России, и в русской эмиграции тверд и неколебим, и наряду с «отдельными попытками “свергнуть” Пушкина (Д. Святополк-Мирский, Г. Адамович), на глазах растет число апологетических работ о нем, и налицо все признаки, что близится время бесповоротной канонизации Пушкина как в русском, так и в мировом сознании» (S. 491).

Интеллектуальная жизнь в СССР все еще кипит, научная мысль, несмотря на засилье «красного», «советского» и «молодого» в названиях журналов и книг, погружается в загадки древней письменности, отраженной в богослужебных текстах. Рисунки В. Маяковского издают О. Брик и В. Катанян, а Н. Малицкий изучает «древнерусские культы сельскохозяйственных святых». Это невиданное разнообразие научных и культурных процессов в СССР, представленное, разумеется, не только в «Славише рундшау», вероятно, и тянуло Д. Мирского «в эту бучу — боевую, кипучую...»

А. Некрасов пространно откликается на выход «двух внушительных работ по истории русского искусства», а D.D. [Д. Дорошенко] рецензирует выход «Повести временных лет» в переводе на немецкий язык Р. Траутмана (Лейпциг, 1931). Репрессии против ученых-славистов сведут на нет усилия поколений исследователей — искусствоведов, лингвистов, литературоведов — по крупицам восстанавливавшим древний облик Руси, через слово и образ, разумеется, неотделимые от православной веры.

Отъезд Д.П. Мирского из Европы в СССР в те годы еще не мог сказаться на его возможном сотрудничестве со «Славише рундшау», однако он для этого журнала больше ничего не писал. Хотя никакой регулярности из его обзоров о россике в Англии не вышло, но с ним, как с автором, эта страна из культурной хроники «Славише рундшау» исчезла окончательно.

К. Гюнтер, составитель Указателя к содержанию журнала за 12 лет — век этого ценного начинания был недолог, — так его харак-

теризует: «“Славише рундшау” своим названием восходит, с одной стороны, к знаменитому “Немецкому обозрению” (Deutsche Rundschau), с другой — к известному чешскому литературно-публицистическому журналу “Славянский обзор” (Slovanský Přehled). Отход от традиционных названий специальных научных изданий (таких как Архив, Журнал, Ежегодник, Анналы) является программным. “Славише рундшау”, которое было организовано двумя немецкими славистами и в котором сотрудничали слависты из всех славянских стран, вышло за рамки строго научного органа по одной дисциплине и приблизилось к более гибкому жанру общественно-публицистического журнала, не утратив научного характера. Журнал был обращен к немецкому читателю, как к специалистам, которых они информировали о современной жизни славянских народов и событиях в славянских странах, так и к образованной интеллигенции других специальностей, просто интересующейся проблемами славистики и славянства. Журнал оперативно информировал своего читателя обо всех новейших явлениях культурной жизни славян, в доступной форме приобщая его к научным проблемам. Традиционный круг славянских вопросов был сознательно расширен, прежде всего за счет информации о современной жизни славянских наций, обо всех выдающихся явлениях и событиях в области экономики и культуры, подаваемых через собственно славянское восприятие и не только регистрируемых, но и научно объясняемых.

Оглядываясь назад, можно сказать, что “Славише рундшау” соблюдало подлинное равновесие между публицистикой и специально научным печатным органом. И поныне оно не потеряло научной значимости и ценности и по-прежнему рассматривается как одно из выдающихся немецких славистических начинаний. С другой стороны, журнал стал полноценным документом своего времени, в котором содержится информация о немецком и о славянских народах в судьбоносную для них эпоху и который способен разъяснить культурные и духовные течения и тенденции того времени. Журнал, который ставил перед собой задачу познакомить немецкого читателя с жизнью и достижениями славянских народов, появился в то время, когда разрасталась ненависть нацистов ко всем “неарийцам”, в том числе к славянам, и когда каждый голос взаимопонимания должен был умолкнуть»[1].

Три высказанные выше идеи непосредственно касаются Д.П. Святополк-Мирского. Он безусловно относился к плеяде «славистов из разных стран», которых редакция привлекала к сотрудничеству. Он безусловно сочетал научный подход с публицистической заостren-

[1] *Günter K.* Vorwort [Slavische Rundschau. Bd. 1–12. Gesamtinhaltsverzeichnis], S. II.

ностью. Он в полной мере испытал на себе всю беспощадность времени. Что касается «Славише рундшау», то «[в] течение первых семи лет (до 1935 г.) журнал выходил в Берлине-Лейпциге-Праге, в последующие годы его печатали только в Праге, в последние два года его издавал единолично чешский Славянский институт [Slovanský Ústav] и, в конце концов, на середине последнего, 12-го года, издание было прекращено»[1].

Литература

Автономова Н.С. «Славянское обозрение»: научные споры и культурная дипломатия // *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. (Российские Пропилеи). С. 59–74.

Бахтина В.А. Прага — Москва. Письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым //Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / Отв. редакторы С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 323–324.

Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. С.Г. Бочарова; Предисл. и коммент. С.Г. Бочарова и И.З. Сурат. М.: Языки славянской культуры, 2001. (Studia philologica). 345 с.

Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство, 2010. (Новые границы). 632 с.

Ефимов М.В. Д.П. Святополк-Мирский в газете «Евразия» (1928–1929 гг.): поиск синтеза «авторского канона» русской литературы с евразийской и марксистской идеологиями // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия III: Филология. 2015. Вып. 1 (41). С. 39–52.

Ефимов М.В. Д.П. Святополк-Мирский: нетипичный эмигрант в нетипичных обстоятельствах // Нансеновские чтения 2012 / Научн. ред. М.Н. Толстой. СПб.: Санкт-Петербургский Институт истории РАН; ИКЦ «Русская эмиграция», 2014. С. 354–366.

Ефимов М.В. Д.П. Святополк-Мирский: судьба творческого наследия и проблемы изучения (К 120-летию со дня рождения) // Нансеновские чтения 2010 / Научн. ред. М.Н. Толстой. СПб.: Санкт-Петербургский Институт истории РАН; ИКЦ «Русская эмиграция», 2012. С. 274–288.

Ефимов М.В. Мирский как советский критик: стратегия / трагедия двусмысленности // Политика литературы — поэтика власти / Сб. статей; под ред. Г. Обатнина, Б. Хеллмана и Т. Хуттунена. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 214–226.

[1] Ibid.

«Жму Вашу руку, дорогой товарищ». Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина. Публ., подгот. текста, вступл. и комм. Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // Новый мир. 1997. № 9. С. 156–178.

К истории «евразийства»: М. Горький и П.П. Сувчинский. Публикация Дж. Мальмстада // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Отв. ред. Владимир Аллой. Париж: Atheneum. СПб.: Феникс, 2001. С. 327–347.

Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 616 с.

Мирский Д.С. Стихотворения. Статьи о русской поэзии / Compiled and edited by G.K. Perkins and G.S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1997. 298 с.

Письма и заметки Н.С. Трубецкого / Вступ. ст. В.Н. Топорова; Подгот. к изд. Р. Якобсона и др.; Пер. предисл., примеч. и указ. В.А. Плунгяна и др. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирский / Вступ. ст. Е.Б. Белодубровского. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2010. 292 с.

Святополк-Мирский Д.П. Место Достоевского в русской литературе // Перевод с итальянского К. Суботовой, публикация, редакция перевода, комментарии М.К. Гидини, О. Коростелева и М. Ефимова, вступительная заметка М. Ефимова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016 (в печати).

Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002. 380 с.

Смит Дж. Марина Цветаева и Д. Святополк-Мирский // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике / Пер. с англ. М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой. М.: Языки славянской культуры, 2002. (Studia poetica.) С. 279.

«Судья строгий, но праведный»: Статьи и рецензии Д. Мирского в журнале «The Slavonic Review» (1922–1929). Публ., вступит. ст. и коммент. О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; пер. с англ. М.В. Ефимова // Русская литература. 2013. № 2. С. 199–232.

Bernátek M. Projekty spolupráce, formy propagace: Pražský lingvistický kroužek a německojazyčný tisk v meziválečném Československu [Partnership and Promotion: the Prague Lingvistic Circle and German Newspapers in the Interwar Czechoslovakia] // Theatralia: revue současného myšlení o divadelní kultuře. Prague, 2016. No. 19, Suppl. 1. P. 7–34.

D.S. Mirsky to Maxim Gorky: Sixteen letters (1928–1934) / Ed. by O. Kaznina, G.S. Smith // Oxford Slavonic Papers. New series. 1993. Vol. XXVI. P. 87–103.

Günter K. Vorwort / Slavische Rundschau. Bd. 1–12. Gesamtinhaltsverzeichnis / Bearb. K. Günter, Ausführung I. Richter. Berlin, Deutsche Akademie der Wissenschaft zu Berlin, 1964 [1967]). S. I–IV.

Jacobson R. Von einer Generation, die ihre Dichter vergeudet hat // Slavische Rundschau. 1930. № 7. S. 481–495.

La rivista «Commerce» e Marguerite Caetani. Direzione di Sophie Levie. III. Letters from D.S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani. Edited by Sophie Levie and Gerald S. Smith. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2015. P. 36.

McLean H. Roman Jakobson, A Memoir // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010. С. 642–659.

Mirsky D.S. Lenin: Makers of the Modern Age. London: The Holme Press, 1931, 226 p.; idem: Boston, Little, Brown & Co., 1931. 236 p.

Ram H. Spatializing the Sign: The Futurist Eurasianism of Roman Jakobson and Velemir Khlebnikov // Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism. Ed. Mark Bassin, Sergey Glebov, and Marlene Laruelle. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. P. 137–149.

Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939. Oxford: Oxford UP, 2000. 398 p.

The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931 / Comp. and ed. by G.S. Smith. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs, 26). 238 p.

References

Avtonomova N.S. «Slavianskoe obozrenie»: nauchnye spory i kul'turnaia diplomatiia ["Slavische Rundschau": scientific discussions and cultural diplomacy]. Avtonomova N.S. *Otkrytaia struktura: Iakobson — Bakhtin — Lotman — Gasparov* [The Open Structure: Jacobson — Bakhtin — Lotman — Gasparov]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2009, pp. 59–74. (In Russ.)

Bakhtina V.A. Praga — Moskva. Pis'ma P.G. Bogatyreva i R.O. Iakobsona k B.M. i Iu.M. Sokolovym [Prague — Moscow. The Letters of P.G. Bogatyrev and R.O. Jacobson to B.M. and J.M. Solovyev]. *Funktsional'no-strukturnyi metod P.G. Bogatyreva v sovremennykh issledovaniiakh fol'klora: Sbornik statei i materialov* [The functional structural method of P.G. Bogatyrev in modern Folklore Studies: A Collection], ed. by S.P. Sorokina and L.V. Fadeeva. Moscow, Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia Publ., 2015, pp. 323–324. (In Russ.)

Bem A.L. *Issledovaniia. Pis'ma o literature* [Studies. The Letters on Literature] / Ed. by S.G. Bocharov; Foreword and annot. by S.G. Bocharov and I.Z. Surat. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001. (Studia philologica). 345 p. (In Russ.)

Bernátek M. Projekty spolupráce, formy propagace: Pražský lingvistický kroužek a německojazyčný tisk v meziválečném Československu [Partnership and Promotion: the Prague Lingvistic Circle and German Newspapers in the

Interwar Czechoslovakia] // *Theatralia: revue současného myšlení o divadelní kultuře*. Prague, 2016, no. 19, Suppl. 1, pp. 7–34.

Glebov S. *Evraziistvo mezhdu imperiei i modernom: Istoriia v dokumentakh* [The Eurasianism between Empire and Modern Age]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2010. 632 p. (In Russ.)

Günter K. Vorwort / *Slavische Rundschau*. Bd. 1–12. Gesamtinhaltsverzeichnis / Bearb. K. Günter, Ausführung I. Richter. Berlin, Deutsche Akademie der Wissenschaft zu Berlin, 1964 [1967]). S. I–IV.

Efimov M.V. D.P. Sviatopolk-Mirskii v gazete «Evraziia» (1928–1929 gg.): poisk sinteza «avtorskogo kanona» russkoi literatury s evraziiskoi i marksistskoi ideologiiami [D.P. Sviatopolk-Mirskii in "Eurasia" newspaper (1928 —29): Searching for synthesis of "the individual canon" of Russian literature with the ideology of Eurasianism and Marxism]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Series III: Filologiia* [Bulletin of Saint Tikhon's Orthodox University. Series III: Philology]. 2015, no. 1 (41), pp. 39–52. (In Russ.)

Efimov M.V. D.P. Sviatopolk-Mirskii: netipichnyi emigrant v netipichnykh obstoiatel'stvakh [D.P. Sviatopolk-Mirskii: the untypical émigré in the untypical circumstances]. *Nansenovskie chteniia 2012*, ed. by M.N. Tolstoi. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii Institut istorii RAN; IKTs "Russkaia emigratsiia" Publ., 2014, pp. 354–366. (In Russ.)

Efimov M.V. D.P. Sviatopolk-Mirskii: sud'ba tvorcheskogo naslediia i problemy izucheniia (K 120-letiiu so dnia rozhdeniia) [D.P. Sviatopolk-Mirski: the fate of his works and the problems of it researching] // *Nansenovskie chteniia 2010*, ed. by M.N. Tolstoi. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii Institut istorii RAN; IKTs «Russkaia emigratsiia» Publ., 2012, pp. 274–288. (In Russ.)

Efimov M.V. Mirskii kak sovetskii kritik: strategiia / tragediia dvusmyslennosti [D. Mirskii as Soviet critic: the strategy / tragedy of ambiguity]. *Politika literatury — poetika vlasti* [Politics of Literature — Poetics of Power]/ Sb. statei; Ed. by G. Obatnin, B. Hellman, T. Huttunen. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 214–226.

«Zhmu Vashu ruku, dorogoi tovarishch». Perepiska Maksima Gor'kogo i Iosifa Stalina ["Shake you by hand firmly, dear comrade". The correspondence of Maxim Gorky and Josef Stalin], publication, preparation of text, introduction and annotation by T. Dubinskaia-Dzhalilova and A. Cherneva. *Novyi mir* [New World], 1997, no 9, pp. 156–178. (In Russ.)

K istorii «evraziistva»: M. Gor'kii i P.P. Suvchinskii [Towards the history of "Euarasianism": Maxim Gorky and P.P. Suvchinskii], publikatsiia Dzh. Mal'mstada. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: New materials], vol. 1, 2001, pp. 327–347. (In Russ.)

Mirskii D. *O literature i iskusstve: Stat'i i retsenzii 1922–1937* [On literature and arts: The articles and reviews 1922–1937], ed. by O.A. Korostelev and M.V. Efimov, introduction by G. Smith. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 616 p. (In Russ.)

Mirskii D.S. *Stikhotvoreniia. Stat'i o russkoi poezii* [Poems. Articles on Russian poetry], compiled and edited by G.K. Perkins and G.S. Smith. Oakland, Berkeley Slavic Specialties, 1997. 298 p. (In Russ.)

Pis'ma i zametki N.S. Trubetskogo [Letters and Notes by N.S. Trubetskoi], introduction by V.N. Toporov; Ed. by R. Jacobson. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 608 p. (In Russ.)

Russkaia lirika: Malen'kaia antologiia ot Lomonosova do Pasternaka [Russian Lyric: Little Anthology from Lomonosov to Pasternak], compiled and edited by Prince D. Sviatopolk-Mirskii, introduction by E.B. Belodubrovskii. Novosibirsk, «Svin'in i synov'ia» Publ., 2010. 292 p. (In Russ.)

Sviatopolk-Mirskii D.P. Mesto Dostoevskogo v russkoi literature [The place of Dostoevsky in Russian literature]; translated from Italian by K. Subotova, publication and annotations by M.C. Ghidini, O. Korostelev, M. Efimova, introduction by M. Efimov. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2016* [The Yearbook of House of The Russian Abroad of A. Solzhenitsyn, 2016]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2016 (in press). (In Russ.)

Sviatopolk-Mirskii D.P. *Poety i Rossiia: stat'i, retsenzii, portrety, nekrologi* [Poets and Russia: articles, review, portraits, obituaries], compiled and edited by V.V. Perkhin. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2002. 380 p. (In Russ.)

Smith D. Marina Tsvetaeva i D. Sviatopolk-Mirskii [Marina Tsvetaeva and D. Sviatopolk-Mirskii]. Smith D. *Vzgliad izvne: Stat'i o russkoi poezii i poetike* [Outside View: Studies in Russian Poetry and Poetics], translated from English by M.L. Gasparov, T.V. Skulacheva. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, p. 279. (In Russ.)

«Sud'ia strogii, no pravednyi»: Stat'i i retsenzii D. Mirskogo v zhurnale «The Slavonic Review» (1922–1929) ["The judge is severe but righteous". The articles and reviews of D. Mirsky in "The Slavonic Review" (1922–1929)]. Publication, introduction and annotations by O.A. Korostelev and M.V. Efimov; translated by M.V. Efimov. *Russkaia literatura* [Russian Literature], 2013, no 2, pp. 199–232. (In Russ.)

D.S. Mirsky to Maxim Gorky: Sixteen letters (1928–1934), ed. by O. Kaznina, G.S. Smith. *Oxford Slavonic Papers. New series*, 1993, vol. XXVI, pp. 87–103.

Jacobson R. *Von einer Generation, die ihre Dichter vergeudet hat*. Slavische Rundschau, 1930, no 7, pp. 481–495.

La rivista «Commerce» e Marguerite Caetani. Direzione di Sophie Levie. III. Letters from D.S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani. Edited by Sophie Levie and Gerald S. Smith. Roma, Edizioni di Storia e Letteratura, 2015, p. 36.

McLean H. Roman Jakobson, A Memoir. *Vademecum: K 65-letiiu Lazaria Fleishmana* [Vademecum: Festschrift to Lazar Fleishman on the occasion of his 65th birthday]. Moscow, Vodolei, 2010, pp. 642–659.

Mirsky D.S. *Lenin: Makers of the Modern Age*. London, The Holme Press, 1931, 226 p.; idem: Boston, Little, Brown & Co., 1931. 236 p.

Ram H. Spatializing the Sign: The Futurist Eurasianism of Roman Jakobson and Velemir Khlebnikov. *Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism*, ed. Mark Bassin, Sergey Glebov, and Marlene Laruelle. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2015, pp. 137–149.

Smith G.S. *D.S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939*. Oxford, Oxford UP, 2000. 398 p.

The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931, comp. and ed. by G.S. Smith. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs, 26). 238 p.

D.P. Svyatopolk-Mirsky's Articles and Reviews in "Slavische Rundschau" (1929–1932)

Mikhail V. Efimov

Abstract: The life and works of Prince D.P. Svyatopolk-Mirsky (D.S. Mirsky) (1890–1939), the eminent literary critic and historian of literature, have attracted increasing attention in recent years. A comprehensive understanding of the importance of the personality and achievements of D.P. Svyatopolk-Mirsky is gradually being formed. He was one of the leading figures in Russian literature abroad during the 1920s, a significant participant in the Eurasian movement, and a distinguished intermediary between Russian emigrants and European intellectuals. Introducing the inaccessible and currently forgotten texts of D.P. Svyatopolk-Mirsky to Russian researchers is an urgent undertaking.

The present publication presents annotated translations into Russian of articles and reviews by Svyatopolk-Mirsky in "Slavische Rundschau" (1929–1932). This journal was published in Prague in German, and its East Slavic section was edited by Roman Jakobson. Svyatopolk-Mirsky's participation resulted from an invitation by Jakobson.

Svyatopolk-Mirsky made eight contributions in "Slavische Rundschau". There are three analytical survey articles (on the literature of Russian emigration, on the modern Russian historical novel, and on the reception of Dostoevsky's work in Europe); three reviews of historical and literary publications (books by N. von Arsenyev, M. Alekseev, and B. Kirpotin); and two surveys of UK cultural events concerning Russia.

The German-language works of Svyatopolk-Mirsky constitute an important part of his heritage, and are essential for a better understanding of the evolution of Svyatopolk-Mirsky's views.

Keywords: Svyatopolk-Mirsky, Slavische Rundschau, Slavic studies, Roman Jacobson, Russia abroad, Prague, Dostoyevsky, historical novel, Great Britain, history of literature

Information about authors:

Mikhail V. Efimov, senior researcher, The State cultural establishment of Leningrad region «Vyborg United Museum Preserve», Vyborg, Leningrad region, Russia. E-mail: mikhail.v.efimov@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-179-198
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Из литературной почты «Арзамаса»[1]

С. Панов

Аннотация: На основании неопубликованных писем участников литературного общества «Арзамас» (основанного в 1815 г.) уточняются отдельные эпизоды его истории и предыстории. Юношеское письмо П.А. Вяземского (1809) демонстрирует один из ранних образцов шутливого стиля дружеской переписки («галиматьи»), который получил свое развитие в арзамасском эпистолярии. Письмо 1815 г. А.И. Тургенева к Вяземскому — первое сообщение из Петербурга в Москву об учреждении «Арзамаса». Дипломат П.И. Полетика пишет из Лондона (1816) попечителю Петербургского учебного округа С.С. Уварову о делах службы, но на языке «Арзамаса». Герои сюжетов также «секретарь» «Арзамаса» В.А. Жуковский и «староста» общества В.Л. Пушкин.

Ключевые слова: Литературные общества, «Арзамас», П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, дружеское письмо, «арзамасская галиматья», история русской литературы XIX века

Информация об авторе: Сергей Игоревич Панов, к.ф.н., с.н.с. Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия. E-mail: litfact@gmail.com

С.Н. Пяткину — арзамасскому домовому

Капитальный двухтомный свод арзамасских документов[2] (представленных в «широкой» хронологии, в соответствии с концепцией «арзамасского братства», разработанной инициатором этого издания М.И. Гиллельсоном), впервые столь полно собрав воедино (и введя в

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Остафьевский архив. П.А. Вяземский: новые материалы и исследования», поддержанного РГНФ (№ 14-04-00492). Была представлена в форме доклада на Всероссийской научной конференции «Литературное общество “Арзамас”: история и современность» (Арзамасский филиал Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 20–23 мая 2015 г.).

[2] «Арзамас»: Сборник. В 2 кн. / Под общей ред. В.Э. Вацуро и А.Л. Осповата. М.: Художественная литература, 1994. Ссылки на это издание даются в тексте статьи [Арзамас] с указанием тома и страниц.

культурный оборот многие неизданные) материалы самого знаменитого литературного объединения России XIX века, поставил в повестку исследований — работы по уточнению (дополнению) отдельных эпизодов истории «Арзамаса». Одной из главных форм существования «Арзамасского общества безвестных людей» была переписка его участников, во многом сформировавшая жанр «литературного дружеского письма» XIX в. В настоящей публикации предлагается ряд новых текстов арзамасского эпистолярия.

1. «Из первых опытов галиматьи»

В письме к редактору «Русского архива» П.И. Бартеневу «По поводу бумаг В.А. Жуковского» (1875) П.А. Вяземский вывел формулу, ставшую отправной в трактовке «Арзамаса» как неформального дружеского объединения: «Мы уже были арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было. Арзамасское общество служило только оболочкой нашего нравственного братства. Шуточные обряды его, торжественные заседания — все это лежало на втором плане» (Арзамас I, с. 107). Это «братство» формируется еще в 1800-е (В.А. Жуковский и его друзья Д.Н. Блудов, А.И. Тургенев), ускорение объединению придает вхождение в кружок совсем юного П.А. Вяземского, с появлением которого резко возрастает и значение «шуточных обрядов» как маркированного элемента арзамасского стиля. Классиком арзамасской буффонады, «галиматьи» почитался Жуковский. Он сам расценивал ее как конструктивный фактор общества: «Буффонада явилась причиной рождения Арзамаса, и с этого момента буффонство определяло его характер. Мы объединились, чтобы хохотать во все горло, как сумасшедшие; и я, избранный секретарем общества, сделал немалый вклад, чтобы достигнуть этой главной цели, т.е. смеха...» (Арзамас I, с. 134; из письма 1846 г., пер. с фр.).

Творческое открытие Жуковским стиля «галиматьи» принято относить к 1811–1812 гг. (муратовские юмористические журналы, постановки шуточных пьес в Черни, стихотворная переписка с А.А. Плещеевым). Однако чуть ранее упражняться в «галиматье» и буффонстве Жуковский начал со своим молодым приятелем — Вяземским.

Вяземский познакомился с Жуковским в 1807 г., когда тот, наездами из Белева, бывал в доме Вяземских у Карамзина. В конце года Жуковский поселился в Москве, готовясь редактировать «Вестник Европы», и 15-летний Вяземский сразу же напомнил ему о себе письмом, предлагая для журнала перевод — речь Цицерона против Катилины, ученический опус, которым он занят под присмотром Карамзина (он

опекает своего осиротевшего шурина), вынужденного вносить поправки в каждое предложение текста неумелого переводчика. Выступление Вяземского-латиниста в печати не состоялось, он дебютирует в «Вестнике» осенью 1808 г. стихотворным «Посланием к [Жуковскому] в деревню», по поводу которого спустя годы отметит: «В послании почти все стихи сплошь и целиком переделаны Жуковским. Мне было тогда 16 лет»[1]. В течение этого года Вяземский знакомится и с друзьями Жуковского Блудовым и Тургеневым: приезжая в Москву, они наносят визиты Карамзину. Спустя четверть века Тургенев вспоминал, как в юности у дома Вяземских на Колымажном дворе он подолгу смотрел на окно комнаты, в которой жила старшая сестра Вяземского княжна Екатерина, бывшая в 1808–1809 гг. ему гораздо интереснее брата. (Она в апреле 1809 г. вышла замуж за кн. А.Г. Щербатова и в следующем году умерла от горячки.) С князем Петром он знаком, но «едва», первое упоминание Тургенева о нем — в письме к Жуковскому в октябре 1809 г., в контексте вопроса о Карамзине.

В начале 1809 г. Д.Н. Блудов поселился в Петербурге на одной квартире с Тургеневым и в январском (неизвестном нам) письме в Москву, вероятно, в полушутку просил Жуковского (возможно, обращаясь при этом и к Вяземскому) прислать им гостинцев (табаку и проч.) — в перспективе весенних «рождений» друзей (Тургенев родился 27 марта, Блудов — 5 апреля). Это предположение гадательно, а факт в том, что в начале февраля, справляя масленицу, Вяземский в присутствии Жуковского (скорее всего, с его определенным участием) сочиняет письмо Тургеневу (отчество которого он помнит еще не твердо и поэтому сначала пишет ошибочно). Во второй половине жизни, пересматривая свою эпистолярную коллекцию, Вяземский запишет сверху письма: «Из первых опытов наших в Галиматьи[,] Жуковского и меня — к Тургеневу».

П.А. Вяземский — А.И. Тургеневу[2]

[Москва. 4 февраля 1809]

Милостивый Государь мой Александр ~~Петрович~~ Иванович!

По получении письма, или так сказать, приказа от Господина вам известного под именем Блудова, о присылке разных вещиц, как то табаку, табакерку, несколько сахарных голов и фунтов той инопле-

[1] Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 441 (комм. К.А. Кумпан).

[2] РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 1–2 об. В правом верхнем углу первого листа Жуковским записан служебный «адрес» Тургенева в Петербурге: «В комиссии о сочинении законов».

менной амброзии, носящей название кофе, то есть Леванского, для дня Ангела, или ей Богу не знаю рождения ли вашего, вам в подарок долженствующих быть поднесенных, решился я вам то есть посредством писания сказать, что понеже оные обьекты слишком драгоценны в нашей, я хочу сказать Москве, и поелику кошелек оной вышеозначенной персоны не больно звучащь и не слишком, смею сказать, полновесен, кольми паче по поездке его в оную страну Лапландцов[1], я их почти не купил, то есть не торговал, и уж если до искренности стремится чистосердечное признание мое, я объявлю по правде без всякой отвлеченной затейливости, что я их и не взял: а вы можете как бы без умысла решиться на то, что будто вы оные презенты и получили, но по какому нибудь сказать вымышленному обстоятельству, что золотая табакерка растопилась, табак смок, кофе выкушан, сахар разгрызан — но вы умны, почтенный заочный компанист, и так конечно не средства вплести в обман Блудова, из натурального сожаленья к его убожеству, — но разве паче, не смею и думать корыстолюбивые, но таинственные желания вас от оного словесного происшествия прочь отодвинут в особливом намерении. Я же с позволением сказать с стороны своей, представлюсь в письме моем на будущей почте долженствующим посыланом быть, как усерднейший и самый скорейший исполнитель в рассуждении и даже безотвлеченно вас приказания.

Прошу всепокорнейшее не видеть в оном, хотя для моей честности едва и не сумнительном казусе, ничто иное как особенное, и если смею сказать, и персональное пылание сердца для сохранения всебезмятежного покоя Блудова, не могшего быть без отличного трезвона в кошельке. Я же в будущем своем может быть данном исполнении, исполню может быть или тем более надеюсь буду для вас судьбою благосклоннее, а в соразмерности чувств своих и утешнее для самого себя исполнением какого-нибудь предначертания ~~быть~~.

Позвольте мне остаться, или по крайней мере желать остаться, и даже если можно было по собственному сердца вашего соизволению, вашим преданнейшим, и очень алкающим милостивого вашего ко мне благорасположения, и малой, но для меня одного всегда преогромнейшей наклонности духа слугою

Иван Никитов сын *Карасев*

Москва
Февраля месяца 4-го дня
В Четверг масленицы на 1809 году от сотворения земного мира.

[1] Вероятно, имеется в виду первая зарубежная командировка Блудова — в 1808 г. в Голландию; в молодости небогатому Блудову (имение расстроил долгами его отец) приходилось жить министерским жалованьем.

Так «галиматья», на которой позже будет «ехать верхом» «Арзамас», рождается в качестве стиля приятельского письма в общении Вяземского и Жуковского. О том, что стиль найден и закреплен, говорит неслучайное совпадение: ставшая памятником культуры многотомная переписка Вяземского с А.И. Тургеневым открывается в публикации В.И. Саитова письмом, написанным Вяземским ровно три года спустя (начало 1812 г.) и обращенном как бы к слуге Тургенева с просьбой дать весть о его «безмолвном барине»: «Милостивый государь Лаврентий (кажется) Никитич!...»[1] Хронологически следующий текст в этом ряду «писем с галиматьей» («Приказ Семену Гаврилову» с сопроводительным письмом, 1813) уже непосредственно относится к предарзамасской литературной критике.

Одновременно, в 1808–1809 гг., в обмене стихами и стихотворными записками между Вяземским и Жуковским вырабатывается «галиматья поэтическая». Их регулярная стихотворная переписка начинается в мае–июне 1808 г. Июньскому обмену посланиями[2] предшествует стихотворное письмо Вяземского от 12 мая:

Соперник! Мастер! в той науке,
В которой ты Муз славный жрец,
А я стихов простый кузнец!
Пишу к тебе при страшном стуке
Моих несносных молотков:
По твоему письму узнавши,
Что как на печки мой стоящий
Notron одинатцать часов
Пробьет — то ты ко мне приедешь,
Решился я писать к тебе,
Что так желается судьбе,
Что если будешь, — то уедешь
Курносый не видав нос мой!
А ежели после обеда,
Как мне твоя, — моя беседа
Тебе приятность принесет,
То Князь Жуковского зовет.

[1] Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819 / под ред. В.И. Саитова. СПб., 1899. С. 1. Ссылки на это издание даются в тексте статьи [ОА] с указанием тома и страниц.

[2] Стихи Жуковского см.: Русская литература. 1983. № 1. С. 188 (публ. В.В. Пухова).

Ему ж он будет столь доволен,
Сколь пьяница, когда он волен
Вина отдуть бутылок шесть!.....
С поклоном быть имею честь
Слугою вашим, — и позором
Певцов Российских, — но я вздором
Своим наскучил вам..... болтать
Давно пора мне перестать!...

Князь Петр Вяземский.

Москва
Маія 12 1808[1]

К этому же времени относится еще более характерное для нашей темы обращение Вяземского к Жуковскому, сохранившееся в черновике и, может быть, не посланное адресату:

К нежной половине внутренности моей

(не говорю *к другу*, слово сие в нынешнее время сделалось так сомнительно, что к нему всегда необходимы комментарии, а *краткость первая красота слога*, как сказал Гораций, Депрео, Бате, Хвостов и все прочие Парнасские Профессоры, умеющие с целебною Истиною соглашать фразисы свои).

Жуковский! чтоб сказать тебе, сколь я тебя,
...Тебя... сколь я!.. тебя... из всех живых амурю,
В чернилы надобно б преобратить моря,
Со всех гусей содрать пернатую их шкуру,
Из Неба сделать бы Александрийской лист;
А я бы сделался рас-обер-копиист.
На веки твой,
А не чужой. —
Сердце имея
Им не владея
Богом я чтусь
Не сумневаюсь [?][2] .

Символично, что в этом мире веселой, хоть еще и не умелой, бол-

[1] РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 1–1 об.
[2] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 854. Л. 3.

товни появляются гуси в «пернатых шкурах» — конечно, незадачливые предшественники *арзамасских гусей*.

2. Первые вести из «Арзамаса» в Москву

В документальной летописи «Арзамаса» самым ранним свидетельством об учреждении общества и его первом заседании, состоявшемся 14 октября 1815 г., является сообщение в письме Жуковского Вяземскому от 19 октября:

> «Ты верно уже знаешь о моем потоплении в Липецких водах — эта фарса взбунтовала Блудова и Дашкова. Блудов грянул ужасным *Видением Шаховского в ограде Беседы,* а Дашков *Письмом к Аристофану.* Но самое веселое то, что у нас завелось общество, которого и ты член. Это общество называется *Арзамасским Обществом безвестных*[1] *людей*. Статуты его сочиняются, и ты получишь об них донесение. Главная обязанность членов есть непримиримая ненависть к Беседе. И так как оно родилось от нападения на Баллады, то каждый член принимает на себя какое-нибудь имя из Баллады. Уваров — *Старушка*; Дашков — *Чу!*; Блудов — *Кассандра*; я — *Светлана*; Жихарев — *Громобой*; Тургенев — *Эолова Арфа*. Не хочешь ли быть *Асмодеем*. Каждый вступающий член говорит (по примеру Французских Академиков) похвальную речь, своему покойному предшественнику; но так как у нас недостаток в покойниках, то мы и положили брать на прокат покойников из Беседы и Академии. Приезжай, чтобы заступить свое место в нашем Клубе» (Арзамас I, с. 270; публ. О.А. Проскурина, с уточнением по подлиннику).

Но Жуковского-Светлану упредила Эолова Арфа — А.И. Тургенев. Именно его записку к Вяземскому следует считать первым «формально арзамасским» письмом, тем более что и датировано оно уже по новому летоисчислению (на второй день после организационного заседания общества на квартире С.С. Уварова).

---

[1] Отметим характерную ошибку Жуковского в подлиннике письма: первоначально он написал «Арзамасским Обществом веселых людей» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1909. Л. 73). Эта описка Светланы говорит о том, что пришедшее из «Видения в какой-то ограде» Д.Н. Блудова и закрепленное в составленной Д.В. Дашковым «Формуле торжественного обещания» арзамасца определение («безвестных») еще не стало «своим» даже для секретаря общества.

А.И. Тургенев — П.А. Вяземскому[1]

[Петербург. 15 октября 1815]

Г. отсутствующему члену Арзамасского ученого общества безвестных людей посылает письмо к новейшему Аристофану, сочинение члена Арзамасского общества Чу! член Эолова Арфа. В лето от Липецкого потопа первое, от Видения в Арзамасе первое, в месяц после Листопада первый, в день второй по открытии в доме члена Старушки (honny soit qui mal y pense)[2] Арзамасского ученого общества.

Эолова Арфа.

Новый Арзамас.

«Письмо» Д.В. Дашкова против комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» и лично ее автора — А.А. Шаховского, вскоре появилось в «Сыне отечества» (1815. № 42). Программного «Видения» Блудова, очевидно, еще не было в копиях, иначе Тургенев прислал бы и его; список «Видения» он смог выслать Вяземскому лишь недели через две (Вяземский благодарит Тургенева 4 ноября (ОА I, с. 32; Арзамас I, с. 289)).

Дальнейшее общение между Петербургом и московским отделением «Арзамаса», вплоть до приезда его ядра в столицу зимой 1816 года — подробно документировано. Стоит заметить лишь, что письмо Вяземского от 18 ноября 1815 г. («Хороши вы, Арзамасцы! Вся Москва наводнена “Липецкими Водами”; одни мы, усердные Арзамасцы, забыты вами» (Арзамас I, с. 303–304)) – адресовано Жуковскому, а не А.И. Тургеневу, что понятно и по его содержанию, особенно из окончания письма, которое было разыскано в бумагах Вяземского только на стадии составления В.И. Саитовым примечаний к [ОА I] и поэтому помещено в его комментариях. Прощаясь, Вяземский сетует: «Арзамасцам мой сердечный поклон. Чу [Д.В. Дашков] меня забыл: я к нему писал, а он и в ус не дует. Эолова Арфа [А.И. Тургенев] холоден ко мне, как лед. Пишешь ли к Батюшкову?» (ОА I, с. 415). При этом В.И. Саитов не отметил, что адресат письма им определен неверно; эту оплошность первопубликатора следует исправить.

---

[1] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2886. Л. 1.

[2] Заманчиво, но вряд ли оправдано на основании упоминания в первом же арзамасском письме девиза британского Ордена Подвязки возводить конструкции относительно культурной генеалогии литературного общества, актуализируя уставы, обряды и смыслы средневекового Ордена, девиз которого давно стал простой фразеологемой, к которой охотно прибегали в дружеской переписке далеко не только арзамасцы.

3. «Упиться радостью из Арзамасского ковша…»

Переписка П.А. Вяземского и А.И. Тургенева за 1817 год началась «арзамасским» письмом Эоловой Арфы от 2 января (ОА I, с. 67–68). Тургенев слал новогодний подарок: копию указа (подписан 30 декабря 1816 г.) Александра I министру финансов — производить ежегодные выплаты по 4.000 руб. «известному писателю, штабс-капитану Василью Жуковскому». Рескрипт о назначении Жуковскому пенсиона Тургенев огласил в 16-м заседании Арзамаса 24 декабря, и в Петербурге за это уже выпили и закусили. Москвичи, кроме того, должны были порадоваться и другим арзамасским победам: Тургенев сообщал об отставке с поста попечителя Московского учебного округа и Московского университета ненавистного им П.И. Голенищева-Кутузова и назначении вместо него кн. А.П. Оболенского — родственника Асмодея. «Если арзамасское твое сердце не выпрыгнет от радости из арзамасской груди твоей или не выльется из нея в прекрасных арзамасских стихах и не скажет спасибо Эоловой Арфе, которая поспешила добряцать до тебя эти арзамасские звуки, то ты — не Асмодей!» — восклицал Тургенев.

Восторженный ответ Асмодея должен пополнить коллекцию арзамасских документов. Отметим, что это письмо было особо отмечено адресатом: Тургенев выделил его в подборку избранных образцов своей корреспонденции, позднее заключенных в общий переплет. Очевидно, этот альбом предназначался для демонстрации знакомым — поэтому пришлось прибегнуть к «домашней цензуре» и аккуратно вырвать фрагмент бумаги внизу листа, точно по границам второго слова из цитируемой Вяземским 114-й строки «Опасного соседа» арзамасского старосты Вот. На адресной стороне письма — не арзамасское имя, а дружеское прозвище Тургенева, употребление которого, насколько известно, было в ходу почти исключительно в семье Вяземских, закрепившись в их обиходе вплоть до 1840-х годов. Вяземский адресовал письмо: «Александру Сюсе-Тургеневу»; тут же помета (адресата?): «Erratum Сюська» — так, *Сюся* или *Сюська, Сюсенька*, Вяземский называл друга в переписке с женой и дочерью[1].

[1] См., например, в письмах 1834 г.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 5, 10, 23. Родившуюся в 1817 г. дочь Прасковью Вяземский отрекомендовал Тургеневу как «новую Сюсеньку» (ОА I, с. 69).

П.А. Вяземский — А.И. Тургеневу[1]

[Москва. 8 января 1817]

Обнимаю тебя четыре тысячи раз, мой добрый, мой славный друг! Я получил радостное письмо твое в ночном собрании у Константина Булгакова[2] и громогласно объявил о благодетельном благотворении Государя, которого от всей души поздравляю с добрым делом. Всегдашнее желание сердца моего угадано и исполнено. Бегом, на крылиях примчался бы я к Вам упиться благодарностию и радостью из Арзамасского ковша: мне так бы весело было праздновать вместе новую победу нашего гуся-орла, но необходимость заставляет меня кричать издали: да здравствует Арзамас и расточатся враги его и выскачет от зависти бородавка на сухом гузне Шишкова и чреватый желчью и водою пузырь на пространной заднице Шаховского![3] Я еще не успел протрезвонить всем ушам о победе нашей: дай срок! Предпочтительно заглушу я некоторые длинные уши, которые испугаются, видя воскресения из мертвых распятого и погребенного Вкуса и торжество правой стороны. Лента Карамзина[4] задушила их: теперь подавятся они рублями Жуковского. Но где он? Где наш Герой? Ты от радости забыл и сказать мне, в Петербур-

---

[1] ИРЛИ. Ф. 309 (Архив братьев Тургеневых). № 124. Л. 345–346 об. Благодарим хранителя архива братьев Тургеневых в РО ИРЛИ Н.А. Хохлову, которая любезно указала нам это письмо.

[2] Московского (1816–1819), а затем петербургского почт-директора К.Я. Булгакова Тургенев подготовил к хорошим новостям в письме от 21 декабря 1816: «Присылайте к нам Вяземского. Светлана возвратилась, и у нас был прелестный Арзамас. К новому году я готовлю другой у себя, в надежде, что Вяземский приедет. Скажи ему и себе, что скоро будут большие Арзамасские радости» (Письма Александра Тургенева Булгаковым / Изд. подгот. А.А. Сабуров. М.: Соцэк, 1939. С. 155).

[3] Сопряжение «сухого» А.С. Шишкова и «вспученного» А.А. Шаховского, ставшее общим местом арзамасской сатиры, берет начало в эпиграмме Д.Н. Блудова «Угодно ль, господа, меж русскими певцами / Вам видеть записных Карамзина врагов?..» (1809)

[4] 16 марта 1816 г. Карамзину был пожалован чин статского советника и орден Св. Анны 1-й степени (кроме нагрудной звезды предполагал крест на ленте через левое плечо); «Арзамас» воспринял это и как свою победу и чествовал историографа в 11-м заседании; в поднесенном от общества дипломе Карамзин именовался «кавалером Анны и славы» (Арзамас I, с. 352).

ге ли он, или нет. Прости, мой добрый друг. Обнимаю тебя от всей души.

Ты добрый человек, твой мне приятен вид!
Всем нашим поклон и поздравление за Светлану:
Ведь [блядь,] в том спора нет, есть общее именье!

8-го Генваря.

Игривая аллюзия не умаляет искренней радости Асмодея за друга-Светлану, чьи талант и слава — «общее именье» «Арзамаса»; Вяземский даже забыл побранить Жуковского, который пишет ему редко, а в извинение приводит милые глупые отговорки («я написал множество писем и потому ленюсь к тебе писать») [1], о важном сообщая лишь туманными намеками. Радость за друзей была непременной арзамасской чертой.

4. Арзамасцы на Альбионе

Первыми новичками «Арзамаса», после кооптации в общество «природных арзамасцев»-москвичей, стали прибывшие в ноябре 1815 г. в Петербург из-за границы дипломаты П.И. Полетика («Очарованный челнок») и Д.П. Северин («Резвый кот»), принятые на заседании 25 ноября (Арзамас I, с. 304–316; II, с. 398). Ивиков журавль-Вигель отмечал, что степенный Полетика был скорее арзамасцем «почетным», по своим дипломатическим связям с Д.В. Дашковым и Д.Н. Блудовым, особого участия в работах общества не принимал и даже «ускользнул от обязанности произнести вступительную речь» (Арзамас I, с. 85), а вскоре вовсе оторвался от «Арзамаса», отбыв весной 1816 г. советником посольства в Лондон. Это, однако, не помешало Очарованному челноку вполне органично усвоить арзамасскую стилистику и культурную мифологию общества, свидетельством чему служит его деловое по сути и при этом предельно «арзамасское» по духу и форме письмо к Старушке-Уварову.

[1] Из последнего полученного на тот момент Вяземским письма Жуковского, посланного из Дерпта еще в середине декабря 1816 г. (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1909. Л. 77).

П.И. Полетика — С.С. Уварову[1]

Лондон. 19/31 октября 1816

Прибывшие сюда за несколько пред сим дней ученые питомцы ваши, любезнейшая Старушка, вручили мне грамотку вашу от *30-го июля*. Долг службы и особенное мое к вам уважение слишком достаточны, чтоб побудить меня к оказанию сим молодым Педагогам всех зависящих от меня услуг. Но если бы сих поводов было недовольно, одно звание Кандидатов *благословенного Арзамаса* подает им полное право на мое усердие и посильное вспоможение. При звуке *Арзамас*, дошедшем чрез вас до сего Царства тумана, *Очарованный Челнок* восплескал от радости и начал колыхаться. — Гн Страндман, коему особенно поручены Арзамасские Кандидаты, принялся за них как жаркий последователь новых систем учения. Нельзя было избрать для них лутчаго дядьки. Посольству остается подавать ему руку помощи по востребованию его: на сей щет вы можете быть покойны. — Беседа скончалась естественною смертию: в Державине потеряли мы доброго почтенного Старика, но Поета давно уже лишились. Мы имеем здесь отломок Беседы в рифмослогательнице Буниной: я не имел еще счастия познакомиться с нашею Сафою, но довольно был несчастлив, чтоб читать вздорные Эпистолы, коими часто обременяет она Посла. — Арзамас рассыпался. Но зажженный в оном светильник стерегут два отличнейших жреца храма сего, и он не погаснет. — Арзамас восстанет с новым блеском на развалинах Беседы и Академии. — Между тем недостойный, но ревностный последователь оного предлагает услуги свои здесь, любезнейшей *Старушке*.

Очарованный Челнок.

По всей видимости, Уваров сразу же передал письмо А.И. Тургеневу (в бумагах которого оно и сохранилось), и тот 20 ноября 1816 г. сообщал Вяземскому: «Очарованный Челнок писал к нам из Лондона. Он осужден там спасать от бури заимодавцев Бунину [...]. Но сам Челнок не мог спастись от стихов ея, которые могли бы разочаровать его насчет русской поэзии, если б он не был Арзамасцем» (ОА I, с. 62). Тяжело больная Анна Петровна Бунина (1774–1829), почетный член «Беседы» со дня основания, лечилась в Англии в 1815–1817 гг. и сильно бедствовала[2].

---

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 247 (Тургеневы). Ед. хр. 10.

[2] См.: *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) / Литературное наследство. Т. 91. М.: Наука, 1982.

Во второй части письма Полетики дано ставшее locus communis описание прекращения «Беседы» и «Арзамаса». Первая умерла со смертью 8 июля 1816 г. Державина (и без того пережившего себя: «Но, ах, почто так долго жить?», по формулировке Сверчка), оставившего беседчиков бесприютными сиротами. Ср. эпиграмму Вяземского:

Когда беседчикам Державин пред концом
Жилища своего не завещал в наследство,
Он знал их твердые права на желтый дом
И прочил им соседство.

«Арзамас» же «рассыпался» — его участники разъехались из Петербурга; «стерегут светильник», по мнению Очарованного Челнока, Уваров и, вероятно, А.И. Тургенев или Д.Н. Блудов.

Любопытнее арзамасский контекст первой, деловой части письма. Тут речь идет о стажировке четырех выпускников Педагогического института (впоследствии небезызвестных деятелей науки и просвещения Ф.И. Буссе, А.Г. Ободовского, К.Ф. Свенске, М.М. Тимаева), направленных попечителем Петербургского учебного округа Уваровым за границу для изучения передовых методик начального образования, в частности, новомодных систем взаимного обучения. Студенты провели два года в учебных центрах Англии, Шотландии, Франции и Швейцарии и вернулись в Россию грамотными специалистами. Секретарь русского посольства в Лондоне, уроженец Эстляндии Иван Оттович фон Штрандман (1784–1842) включил в их группу англичанина Джеймса Гёрда, активно осваивавшего ланкастерскую систему. По поручению графа Н.П. Румянцева Штрандман завербует этого Гёрда для работы в России, и он откроет в 1817 г. в Гомеле (вотчине Румянцева) первую в империи ланкастерскую школу.

Характерно, что в своем сопроводительном письме Уваров именовал студентов «кандидатами Арзамаса», расценивая учебную командировку как арзамасский просветительский проект. Это еще один эпизод к истории образовательной работы «Арзамаса», которую М.Л. Майофис убедительно определила как органичный элемент

С. 255–260. Пример эпистолы Буниной начала 1816 г. — ее пространное послание к М.В. де Бальмен «Призывание Мальвины из Брайтона в Бат...», экземпляр которого предназначался и для отсылки священнику русской посольской церкви в Лондоне Якову Смирнову (см. комм. М. Амелина и М. Нестеренко в: *Бунина Анна*. Неопытная муза: Собрание стихотворений. М.: БСГ-Пресс, 2016. С. 531). Послом России в Англии был гр. Х.А. Ливен.

программы Общества безвестных людей[1]. Показательно, что еще один арзамасец, М.Ф. Орлов («Рейн») в это же время создает под Киевом ланкастерские школы для солдат 4-го пехотного корпуса.

5. Письмо Асмодея к Старосте Вот-я-вас

Староста Арзамаса В.Л. Пушкин сохранил в сердце и в своем литературно-речевом обиходе арзамасский дух до конца своих дней. К сожалению, выступавший Ментором Вотрушки Асмодей в год смерти старшего друга (1830) еще не приобрел ценную в историко-литературном отношении привычку забирать у наследников покойных приятелей свои (а при возможности — и чужие) письма. Архив Старосты не уцелел, пропали и письма к нему друзей-арзамасцев, среди них — и десятки писем Асмодея. Их эпистолярное общение известно нам односторонне: в Остафьевском архиве сохранилось до сотни писем Пушкина-дяди. В них много около-арзамасских сюжетов.

Так, 10 апреля 1819 г. В.Л. Пушкин писал Вяземскому в Варшаву:

> «Мысль твоя издать Московскую Флору прелестна и, точно, золотая. Каченовский-репейник в 6-й книжке Вестника Европы еще более остервенился на Николая Михайловича. Теперь выходит на сцену какой-то Житель Девичьего поля. Приятель его, отставной бригадир ругает нашего историографа наповал. Я удивляюсь, что Оболенский молчит и не препятствует Зоилу нашему изливать желчь свою. — Я писал к тебе о пресловутой Беседе. Я почти намерен вовсе от нее отказаться; гадко быть с этими уродами. Об Антонском я скажу, однако, что он не одобряет ни Каченовского, ни Мерзлякова, но репейник и полынь давят кашку, а луга литературы нашей чрезвычайно ими изобильны» (Арзамас II, с. 437).

Комментируя этот пассаж, А.А. Ильин-Томич отметил: «Отсюда следует, что в “Московской Флоре” Вяземского А.Ф. Мерзлякову была отведена роль полыни (намек на его алкогольные пристрастия), а Прокоповичу-Антонскому — кашки» (Арзамас II, с. 595). Реконструкция законная, однако, недооценивающая творческий потенциал самого Старосты. Дело в том, что как раз в этом случае мы можем заглянуть и в обратную сторону переписки двух арзамасцев.

---

[1] См.: *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 272–285.

Из Варшавы, где Вяземский служил в 1818–1821 гг., он присылал друзьям (А.И. Тургеневу, А.Я. Булгакову, Карамзину, И.И. Дмитриеву и др.) европейские издания, газеты и политические брошюры, его письма читались коллективно и передавались для прочтения в своем кругу. Получив в апреле 1819 г. письмо Вяземского с сообщением для И.И. Дмитриева, В. Пушкин поспешил аккуратно переписать соответствующий фрагмент (чтобы не отдавать подлинник ценного для него письма), присовокупив и примыкающий общезанимательный сатирический пассаж о московском Английском клубе, завсегдатаем которого был Дмитриев. В его бумагах и сохранилась эта копия. Она начинается с резюме Вяземского по поводу некоей истории с участием «Бер.....а» (деликатный В.Пушкин, списывая текст, прозрачно усекает имена упоминаемых лиц) — речь идет о серии скандалов с участием С.Ф. Берхмана (ум. в 1839), о которых Пушкин регулярно сообщает Вяземскому с конца 1818 г.; в письме от 10 апреля 1819 г. он делится пикантной развязкой: «Берхман увез мадам Шульц. Это совершенная правда. Он нанял своей красавице небольшую квартиру» и т.д.[1] С обсуждения Бер[хман]а и начинается фрагмент письма Вяземского:

П.А. Вяземский — В.Л. Пушкину[2]

[Варшава. Конец марта 1819]

[...] Москва прелесть на такие дела; да и где кроме Москвы может родиться и возмужать Бер.....ъ? На другой земле не ростут такие растения. В Аглинском клубе можно издать *Московскую флору*. Юс...ъ[3] будет род татарского пиона; Каченовский журнального репейника и так далее. Барской спеси и мака будет тысячу родов, одна сенатская теплица, или лучше сказать парники, займет долго Ботаниста. Ант...й[4] кашка.

---

[1] Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л.: Наука, 1983. С. 226, см. там же с. 224–225.

[2] РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 53. Тут же, в подборке писем Вяземского к Дмитриеву, сохранилось и еще одно письмо Асмодея к Старосте (из Варшавы от 10–13 ноября 1819 г.) — на этот раз целиком и в подлиннике: В.Пушкин поленился сделать копию, и Дмитриев не вернул ему оригинал (за что теперь исследователи могут поблагодарить патриарха московских поэтов).

[3] Князь Николай Борисович Юсупов (1750–1831), чьи татарские корни В. Пушкин и Вяземский не раз акцентировали в своей переписке («мирза Юсупов»).

[4] Антон Антонович Прокопович-Антонский (1762–1848) в 1819 г. стал ректором Московского университета.

Сделай одолжение скажи Ив.Ив. [Дмитриеву], что я послал ему через Ник. Михайл. [Карамзина] новую книгу о кампании 1815-го сочинения *Gourgaud*[1], писавшего ее под глазами Наполеона, и следственно чрезвычайно любопытную. —

Сверх того скажи ему мое душевное почтение, а не пишу к нему потому, что в самом деле писать нечего внимания его достойного, а писать только для того, чтобы уверить в чувствах моих к нему, почитаю лишним, ласкаясь надеждою, что он в них уверен и без того. Тут нет хитрого оправдания лени, а простое признание искренности. — Американцу[2] скажи, что я его люблю по старому, а не пишу потому, что я все как-то не в духе, и к тому же с приезда своего был всегда занят. А к нему надобно писать сердце настежь и спустя рукава. —

В добрый час я отделал бы мастерски золотую мысль свою о *Московской флоре*. Теперь работа вышла топорная и вальяжная, а мысль забавная и многообещающая. Прости! [...]

Таким образом, замысел «Московской флоры» вписывается в контекст постоянной иронии в переписке арзамасцев по поводу Английского клуба. В первом же письме из Варшавы [6 марта 1818 г.] к Жуковскому ностальгия Вяземского, играя арзамасскими цветами, стремится (на мотив перевода Жуковским песни Миньоны из Гете — «Мина. Романс», 1817) в московский Клуб: «Что делаешь ты? И ты

---

[1] Речь идет о книге «La Campagne de 1815» (Лондон, Париж, 1818) барона Гаспара Гурго (1783–1852), генерала, участника похода в Россию и Европейской кампании, который три года провел вместе с Наполеоном на острове Св. Елены, где и составил описание военных действий 1815 года. Тогда же, записывая рассказы и суждения императора, он вместе с Карлом Монтолоном работал над составлением «Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon» (Париж, 1822–1823), об интересе к которым Вяземского, Карамзина, А.С. Пушкина и их окружения см., например: Пушкин. Письма / Под ред. Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: Гиз, 1926. Т. I. С. 400. Произведенный Гурго критический разбор «Истории Наполеона и Великой армии в 1812 году» гр. Ф.-П. де Сегюра (1824) использовал в своей статье «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году» (1835) Д.В. Давыдов. В ряду «проникновенных» биографов Наполеона Вяземский упоминает Гурго в статье о «Записках графини Жанлис» (Московский телеграф. 1826. № 5), а в «Поживках французских журналов в 1827 году» (Московский телеграф. 1828. № 13) дал оценку тому, как Гурго пробовал откреститься от обвинений в свой адрес, содержавшихся в «Истории Наполеона» Вальтера Скотта.

[2] Гр. Федор Иванович Толстой (1782–1846); см. публ. Е.В. Бронниковой и Т.Л. Латыповой: «Верь нелицемерной к тебе любви Толстова»: Из писем гр. Ф.И. Толстого к кн. П.А. Вяземскому // Наше наследие. 2012. № 104.

осиротел. Арзамас рассеялся; то-то я думаю спишь за обе щеки. Будильников твоих Блудова и Вяземского нет, и ты говоришь: жизнь есть сон, а я говорю: бред, и таким образом ты жизнь проспишь, а я пробрежу. Не так ли, батюшка Василий Андреевич? [...] Помнишь ли мое предложение в Арзамасе? Каждые два месяца переписываться всем членам между собою, или каждому члену писать в главное пребывание Арзамаса, а Арзамасу давать знать каждому члену о состоянии Арзамаса, пребывании членов и проч. и проч.? Это было бы бесценно для меня; а то я уверен, что здесь заросту травою забвения и придется мне аукаться с Анастасевичем, или Ошмянецем.

Я знаю край! там Англинской есть клоб,
Во мгле горит там Айгустова лоб,
Вельяшев там стихами холодит,
Голицын князь у печки тихо бздит[1].
Там порят гиль, туда, туда
Мечта зовет! там сердцем я всегда [...]» и т.д.[2]

[1] Завсегдатаи московского Английского клуба: Айгустов — вероятно, отставной секунд-майор Федор Васильевич (1768–1852). Ср. в письме В.Л. Пушкина Вяземскому 21 июня 1818 г.: «Москва совсем опустела. <...> В Аглинском клубе сидят Терпигорев, Айгустов и аптекарь Эйнбродт. Все мрачно и пусто» (Пушкин: Исследования и материалы. Т. XI. С. 221). Поэт и театрал Дмитрий Иванович Вельяшев-Волынцев (1774/1775–1818) регулярно играл в клубе в карты, что фиксировал в своем дневнике (РГБ. Ф. 721. Карт. 3. Ед. хр. 3). Портрет «клубного» князя Голицына Вяземский оставил в «Старой записной книжке»: «Когда пудра была уже в изгнании, сохранившийся остаток волос его (отчего нет у нас слова chevelure?) был всегда тщательно и на бело напудрен. Панталоны и сапоги давно уже выгнали коротенькие штаны и башмаки с пряжками; но его не переуверили они, и даже в клубе являлся он маркизом прошлого столетия. Странное дело, никогда в клубе не видал я его ни за обеденным столом, ни за карточным; никогда не видал я, чтобы он с кем-нибудь разговаривал. Зачем же ездил он в клуб? Как теперь рисуется он мне, в задней комнате, один, греющийся зимою у печки. Мимо его многие проходили; но им было не до него. Довершить ли мои следственные справки? Не тем будь он помянут, а прозвище его было: князь-моська; а такое прозвище, говорили, было дано ему потому, что он любил кушать жареные моськи» (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 504). Историк рода Голицыных затруднился идентифицировать «князя-моську» (*Голицын Н.Н.* Род князей Голицыных. СПб., 1892. Т. 1. С. 359–360); возможно, имелся в виду стихотворец, отставной бригадир кн. Василий Дмитриевич Голицын (1752–1822), доживавший свой век в Москве холостяком (см. о нем: Словарь рус. писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 1; ст. В.П. Степанова).

[2] РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 27.

Пушкин-Староста в своем ответном письме Асмодею переводит ботанические исследования в литературно-корпоративную плоскость, ограничивая палисадник современными журналами (выступления против Карамзина в «Вестнике Европы») и объединениями, сосредоточившись на Обществе любителей российской словесности при Московском университете. Это Общество, несмотря на членство в нем многих арзамасцев, изначально воспринималось ими как «московская Беседа», площадка «халдеев». В. Пушкин через письмо ругает его Вяземскому и сообщает о своем намерении порвать с Обществом (при этом не прекращая регулярно читать на его заседаниях свои и чужие стихи и публиковаться в его «Трудах»). Соответственно, А.А. Прокопович-Антонский в трактовке В. Пушкина выступает в качестве не клубного посетителя, а председателя ОЛРС, который не в состоянии противостоять «архаистам» — Качановскому и Мерзлякову. Последнего Староста вплел в гербарий уже по своей инициативе («архаизм» Мерзлякова актуализировался его недавним «Письмом из Сибири» (1818) — с нападками на баллады, заставив вспомнить о «липецком потопе» 1815 г., колыбели «Арзамаса»), и сам же окрестил его «полынью».

Литература

Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) / Литературное наследство. Т. 91. М.: Наука, 1982. 864 с.

«Арзамас»: Сборник. В 2 кн. / Под общ. ред. В.Э. Вацуро и А.Л. Осповата. М.: Художественная литература, 1994.

Бунина Анна. Неопытная муза: Собрание стихотворений / Изд. подгот. М. Амелин, М. Нестеренко. М.: БСГ-Пресс, 2016. 560 с.

Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. 524 с.

Вяземский П.А. Стихотворения / Сост., подг. текста и примеч. К.А. Кумпан. Л.: Советский писатель, 1986. 544 с. (Б-ка поэта. Большая серия.)

Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Сб. научн. ст. / Отв. ред. С.Н. Пяткин. Арзамас; Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. 552 с.

Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819 / под ред. В.И. Саитова. СПб., 1899. 730 + IV с.

Письма Александра Тургенева Булгаковым / Изд. подгот. А.А. Сабуров. М.: Соцэк, 1939. 376 с.

Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л.: Наука, 1983. 360 с.

Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л.: Наука, 1988. 360 с.

References

Alekseev M.P. "Russko-angliiskie literaturnye sviazi (XVIII vek — pervaia polovina XIX veka)", *Literaturnoe nasledstvo*, t. 91. Moscow, Nauka Publ., 1982. 864 p.

«Arzamas»: Sbornik. In 2 vols., eds. V.E. Vatsuro, A.L. Ospovat. Moscow, Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1994.

Bunina Anna. *Neopytnaia muza: Sobranie stikhotvorenii*, eds. M. Amelin, M. Nesterenko. Moscow, BSG-Press Publ., 2016. 560 p.

Literaturnoe obshchestvo «Arzamas»: istoriia i sovremennost'. Sbornik nauchnykh statei, ed. S.N. Piatkin. Arzamas; Nizhnii Novgorod: OOO «Rastr» Publ., 2015. 552 p.

Maiofis M. *Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2008. 800 p.

Ostaf'evskii arkhiv kniazei Viazemskikh. V. I: *Perepiska kniazia P.A. Viazemskogo s A.I. Turgenevym. 1812–1819*, ed. V.I. Saitov. Saint-Petersburg, 1899. 730 + IV p.

Pis'ma Aleksandra Turgeneva Bulgakovym, ed. A.A. Saburov. Moscow, Sotsek Publ., 1939. 376 s.

Pushkin. Issledovaniia i materialy, vol. XI. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 360 p.

Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. Issue 1 (A–I). Leningrad, Nauka Publ., 1988. 360 p.

Viazemskii P.A. *Polnoe sobranie sochineniy*. Saint-Petersburg, 1883. V. 8. 524 p.

Viazemskii P.A. *Stikhotvoreniia*, ed., comp., comment. K.A. Kumpan. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 544 p. (Biblioteka poeta. Bol'shaia seriia.).

From the Literary Corrspondence of "Arzamas"

Sergei Panov

Abtract: Some episodes of the history of *Arzamas* literary society (founded 1815) are specified on the basis of its members' unpublished letters. Young prince P.A. Vyazemsky's letter (1809) is an early example of the humorous epistolary style ("gallimatia") typical for the friendly letter exchange in *Arzamas*.

A.I. Turgenev's letter to Vyazemsky (1809) is the first announcement about the foundation of *Arzamas* that was sent from Petersburg to Moscow. In 1816 P.I. Poletika, a diplomat, writes from London to S.S. Uvarov, a trustee of Petersburg educational circuit, a business letter in *Arzamas* style. Other persons involved in the story are V.A. Zhukovsky and V.L. Pushkin, the secretary and the warden of *Arzamas*.

Keywords: literary societies, *Arzamas*, P.A. Vyazemsky, V.A. Zhukovsky, friendly letter, "gallimatia" of *Arzamas*, Russian literary history of the XIXth century.

Information about the author: Sergei I. Panov, PhD, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: litfact@gmail.com

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-199-214
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Вяземский и «Арзамас»: Из комментария к письмам А.С. Пушкина[1]

Д.П. Ивинский

Аннотация: Пушкин говорит о Вяземском «наш Аристип и Асмодей», а его литературную манеру соотносит с творчеством «Шапеля и Буало». В статье анализируется семантика этих имен в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв., особые «арзамасские» обертоны их значений – с проекцией на литературно-бытовую репутацию П.А. Вяземского в кругу участников общества «Арзамас».

Ключевые слова: «Арзамас», Вяземский, Пушкин, Державин, литературные общества, литературная репутация

Информация об авторе: Дмитрий Павлович Ивинский, д.ф.н., профессор Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru

Когда речь идет о литературных обществах, не имевших ни жесткой организации, ни единой литературной программы, ни, тем более, глубоко проработанной идеологии, не оказавших видимого воздействия на литературный процесс, по крайней мере такого, которое заставило бы участников литературного процесса говорить о деятельности общества как о событии, по отношению к которому необходимо всерьез самоопределяться, приходится сосредотачиваться на каждом участнике общества и детально рассматривать его позицию; в нашем случае, попросту говоря, нужно ответить на вопрос о том, что такое «Арзамас» для каждого «арзамасца» и, соот-

[1] Статья подготовлена в рамках работы над проектом «Остафьевский архив. П.А. Вяземский: новые материалы и исследования», поддержанным РГНФ (№ 14-04-00492).

ветственно, на каком расстоянии от «Арзамаса» находился каждый в него входивший.

Это тем более важно, что никто из числа литераторов, участвовавших в «Арзамасе», не был склонен ни переоценивать значение общества, ни даже обсуждать его за пределами пространства дружеского общения.

Исключения из этого правила немногочисленны, одно из них связано именно с Вяземским, который по прошествии лет счел нужным выступить в роли историка «Арзамаса», или по крайней мере публикатора части сохранившихся у него «бумаг», относящихся к истории общества (Вяземский 1866а, 64–109; впервые: Вяземский 1866; Вяземский, 8, с. 416–426; впервые: Вяземский 1876).

Итоги размышлений о значении «Арзамаса» были подведены им в «Старой записной книжке»:

> Много было тут шалости и, пожалуй, частью и вздорного; но не мало было и ума и веселости[1]. В старой Италии было множество подобных академий, шуточных по названию и некоторым обрядам своим, но не менее того обратившихся на пользу языка и литературы. Может быть, и Арзамас, хотя недолго просуществовавший, принес свою долю литературной пользы. Во-первых, это было новое скрепление литературных и дружеских связей, уже существовавших прежде между приятелями. Далее, это была школа взаимного литературного обучения, литераторского товарищества. А главное, заседания Арзамаса были сборным местом, куда люди разных возрастов, иногда даже и разных воззрений и мнений по другим посторонним вопросам, сходились потолковать о литературе, сообщить друг другу свои труды и опыты и остроумно повеселиться и подурачиться.
>
> Вяземский, 8, с. 415–416.

[1] Ср. в речи Д.Н. Блудова на юбилее Вяземского: «Так и мы, обращаясь к прошедшему, вспоминая [...] близкие наши, оживлявшие и образовавшие наш вкус к с словесности сношения, друг с другом и с нашими учителями вкуса, *Карамзиным*, *Дмитриевым* и с [...] *Жуковским*, [...] вспомним [...] и об наших [...] *литературных шалостях*, потому [...] что в них не редко бывало много живости и ума» (Юбилей 1861). Эти слова Блудова были вынесены в эпиграф к осуществленной Вяземским публикации «арзамасских» материалов в «Русском архиве», озаглавленной «Литературные арзамасские шалости» (Вяземский 1866, с. 64).

Итак, «Арзамас» в одно и то же время 1) дружеское общество[1], 2) что-то вроде литературной ланкастерской школы, 3) литературный клуб. Его влияние на «язык и литературу» признается предположительно и со множеством оговорок («может быть [...] хотя [...] свою долю»).

Вместе с тем, текст Вяземского достаточно сложен и вместил в себя более или менее определенные указания на, как минимум, три уровня культурного мышления и соответствующие им культурные контексты: 1) уровень европейской культурной истории, с которым прямо или косвенно соотносится деятельность общества; 2) уровень национальной литературной истории, в той ее части, которая признавалась актуальной участниками общества, на которую они прямо или косвенно влияли, в которую входили путем «взаимного литературного обучения»; 3) уровень индивидуальных опытов интерпретации целей деятельности общества в конкретных обстоятельствах литературной жизни и в связи с теми «посторонними вопросами»,по которым они имели «разные воззрения и мнения».

Случай Вяземского, его видение «арзамасской» ситуации, по крайней мере с некоторыми упрощениями, которые, на мой взгляд, не имеют критического характера, может быть описан следующим образом. Архаике «Беседы», имевшей «предромантический» оттенок (ср.: Вацуро 1994, с. 14–15), но вряд ли воспринимавшейся подобным образом, противопоставляется «буалоизм» (и, в определенной мере, русская традиции его усвоения, в первую очередь Сумароков; ср. заявление Вяземского в «Автобиографическом введении»: «Я и ныне не отрекаюсь от Сумарокова» [Вяземский, 1, с. XII]), в какой-то мере сочетающийся с уваровским вариантом актуализации античного наследия (с подключением Оленина и особенно близких Вяземскому Озерова и Батюшкова). «Классицизму» Академии (и ее французскому прототипу) противопоставляется культура итальянского ренессанса,

[1] В этом качестве «Арзамас» был только эпизодом длительной истории дружеских связей, и не все участники общества в контексте этой истории выглядели вполне уместно, ср.: «Мы уже были арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было. Арзамасское обшество служило только оболочкой нашего нравственного братства. Шуточные обряды его, торжественные заседания – все это лежало на втором плане». «Не излишне будет сказать, что с приращением общества [...] общая связь, растягиваясь, могла частью и ослабнуть: под конец могли в общем итоге оказаться и арзамасцы пришлые, и полуарзамасцы» (Вяземский, 7, с. 411–412). Это и ряд подобных высказываний участников общества легли в основу влиятельной концепции «арзамасского братства», сформировавшегося до «Арзамаса» и продолжившегося после него, выдвинутой М. И. Гиллельсоном (Гиллельсон 1969, с. 26-59; Гиллельсон 1974).

по крайней мере в той ее части, которая связана с историей шуточных академий: именно этот подтекст «Арзамаса», как мы только что видели, Вяземский отметил на склоне лет[1]. Вполне вероятно, он при этом учитывал доарзамасский опыт Жуковского, который в 1811 г. и позднее вместе с А.А. Плещеевым и др. выстроил игровое литературное общение в небольшом дружеском кружке, именовавшем себя «Академией нахально-любопытных», ориентированной, в частности, на «Академию Гранеллески» (см. об этом: Соловьев, 1, с. 21–34; 2, с. 108–126; Иезуитова 1989, с. 209–210; Вяткина 2011)[2].

* * *

О том, в какой историко-литературной перспективе Вяземского воспринимали в «Арзамасе», свидетельствуют, в частности, несколько слов Пушкина, косвенно поддерживающих тему «шуточных академий», но не итальянских, а французских, и не ренессансных, а эпохи классицизма. Письмо к Вяземскому от 27 марта 1816 г. Пушкин начинает двойным комплиментом: «Признаюсь, что одна только надежда получить из Москвы русские стихи Шапеля и Буало могла победить благословенную мою леность» (Пушкин, 13, 2)[3]. В письме к дяде от

[1] Литература об итальянских академиях огромна; наиболее полным трудом энциклопедического характера остается, вероятно, Maylender 1926–1930. Из работ недавнего времени: Rolbiecki 1977; Italian academies 1995. См. также материалы специализированного сайта: http://apia.italianacademy.columbia.edu/library.html (просмотрено 27.03.2016).

[2] О европейских академиях как ключевом культурном контексте «Арзамаса» см. также в позднейших заметках С.С. Уварова (Арзамас, 1, с. 40–41).

[3] В свое время М.И. Гиллельсон высказал правдоподобную догадку, согласно которой Пушкин имеет в виду стихотворения Вяземского «Погреб» и «К перу моему», «которые писались как раз в то время»(Гиллельсон 1969, с. 56-57). Действительно, первое тяготеет к эпикурейской теме, близкой Шапелю (любопытно, что в тексте пьесы упоминается и Шолье, с которым Вяземский отождествляет Ю. А. Нелединского-Мелецкого), второе представляет собой «вариацию седьмой сатиры Буало» (ОА, 1, с. 423–424 [коммент. В.И. Саитова]; ср.: Вяземский 1935, с. 483 [коммент. В.С. Нечаевой]; ср.: Вяземский 1958, с. 424 [коммент. Л.Я. Гинзбург]; ср.: Вяземский 1986, с. 456 [коммент. К.А. Кумпан]; см. также: Песков 1989, с. 79). Прямых подтверждений версия М.И. Гиллельсона не имеет до сих пор; на наш взгляд, она во всяком случае не является единственно возможной: если Пушкин не угадывает, а сознательно обыгрывает содержание указанных исследователем стихотворений Вяземского, то он, скорее всего, их уже знает, и вероятнее всего, получил их от Вяземского при письме, на которое отвечает (ср. в следующей фразе пушкинского письма: «сами виноваты; зачем дразнить было несчастного царскосельского пустынника, которого уж и без того дергает бешеный

последних чисел декабря 1816 г. Пушкин говорит о Вяземском: «Шапель Андреевич конечно / Меня забыл давным давно» (Пушкин, 13, 6; в тексте «Сына отечества», где письмо было напечатано без ведома Пушкина по неизвестному источнику, вместо Шапеля стоит Шолье [Пушкин 1821]). Так Пушкин: почти одновременно отождествляет Вяземского с Шапелем и с его учеником (с последним, вполне вероятно, против своей воли; впрочем, раздражение Пушкина вызвал факт публикации его письма, а о том, как он воспринял поправки в тексте, если они принадлежали не ему, нам ничего не известно) и дает характеристику «Арзамасу», внятную посвященным и демонстрирующую осведомленность автора писем.

Как известно, и Шапель, и Шолье, и Буало имели самое непосредственное отношение к «эпикурейским школам»; здесь ограничимся краткими выдержками из раннего перевода фрагмента статьи об эпикуреизме, написанной Дидро для «Энциклопедии», которую «арзамасцы» хорошо знали:

> [...] Петр Гассенди [...] во Франции [...] был восстановителем Епикурейской Философии; [...] он [...] имел учениками, или лучше, последователями многих обессмертивших память свою, как то: Шапеля, Мольера, Берньера, Аббата Шольэ, г. Гранд-Приера, Вандома, Маркиза де ла Фарра, Шевалье де Буйльона, Маршала Катината, и многих чрезвычайных людей, кои, по противоположности приятных и высоких качеств, соединяли в себе иройство с нежностию, вкус добродетели со вкусом удовольствия, качества Политическия с качествами учености, и составили во Франции различные школы нравственного Епикурства [...]. Самая древняя и первая из сих школ [...] была в Турнельской улице, в доме Нинoны де Ленклос [...]. После сих первых Епикурцев, Берньер, Шапель и Мольер [...] перевели Епикурову школу [...] в Отейль: Батомонт, Барон де Блот, которого песенки так редки и так рачительно выработаны, и де Барро [...] более всех прославили Отейльскую школу. Школа Нейльи последовала за школою Отейльскою; она некоторое время поддерживаема была Шапелем и г-ми Соннингами; но в самом почти своем начале смешалась со школою Анета и Тампля. Сколько имян представляется нам в сей последней! Шапель и ученик его Шольэ, г. Вандом, гж. Буйльон, Маркиз де ла Фарр, Руссо, г-да Соннинги, Аббат Куртин, Кампистрон, Палапрат, Барон де Бретайль, отец знаменитого Маркиза Шателет, Президент де Месмес, Президент Ферранд, Маркиз де Данжо, Герцог де Неверс, Катинат, Граф де Фиеск, Герцог де

демон бумагомарания» [Пушкин, 13, с. 2]) или, что еще более вероятно, при личной встрече, состоявшейся двумя днями ранее, 25 марта 1816 г.

Фоа или Рандан, г. де Периньи, Реньер, любезной собеседник, которой пел, играя на лютне; г. де Лассере, Герцог де ла Фейлад и пр. Школа *Со* соединила в себе все, что оставалось от сих последователей роскоши, изящности, вежливости, Философии, добродетелей, наук и удовольствия; она имела еще Кардинала Полиньяка [...]; Гамильтона, С. Авлера, Аббата Женета, Малезье, ла Мотт, Фонтенеля, Вольтера, многих Академиков [...]: из чего видно, что [...] Епикурейская Секта нигде не имела большей славы как во Франции, а особливо в последнем веке

(Епикур 1796, с. 124–129; ср. современный перевод: Дидро, 2, с. 525–543).

Здесь только обозначен культурно-исторический контекст пушкинского комплимента. Но именно к этому контексту отсылает широко известный литературный анекдот, приведенный Карамзиным в «Письмах русского путешественника» и, без сомнения, памятный «арзамасцам» уже в силу его непосредственной связи с игровой символикой общества[1], в т.ч., конечно, и Пушкину, и Вяземскому:

Деревня Отель, июня...

Я пришел сюда для того, чтобы видеть дом, в котором Буало писал сатиры свои, веселился с друзьями и где Мольер спас жизнь всех лучших французских писателей тогдашнего времени. Помните ли этот забавный анекдот? Хозяин, Расин, Лафонтен, Шапель, Мольер ужинали, пили, смеялись и наконец вздумали гераклитствовать, оплакивать житейские горести, проклинать судьбу, находя, по словам одного греческого софиста, что первое счастие есть... не родиться, а второе – умереть как можно скорее. Буало, не теряя времени, предложил друзьям своим броситься в реку. Сена была недалеко, и дети Аполлоновы, разгоряченные вином, вскочили, хотели бежать, лететь в объятия смерти. Один благоразумный Мольер не встал с места и сказал им: «Друзья! Намерение ваше похвально, но теперь ночь: никто не увидит героического конца поэтов. Дождемся Феба, отца нашего, и тогда весь Париж будет свидетелем славной смерти детей его!» Такая счастливая мысль всем полюбилась, и Шапель, наливая рюмку, говорил: «Правда, правда; утопимся завтра, а теперь допьем остальное вино!» – По смерти стихотворца Буало жил в его доме придворный медик Жандрон. Вольтер, будучи у него в гостях, написал карандашом на стене:

[1] Не исключено, что этот анекдот, оказавший влияние на мироощущение «арзамасцев» и переосмысленный ими (Буало и его друзья ждут Феба, чтобы умереть самим, «арзамасцы» «отпевают» тех, кто собирается жить), имел по крайней мере косвенное отношение к некоторым более ранним текстам, в т.ч. к сатире Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809).

C'est ici le vrai Parnasse
Des vrais enfants d'Apollon:
Sous le nom de Boileau, ces lieux virent Horace,
Esculape y paroit sous celui de Gendron.

Теперь этот дом принадлежит господину... Забыл имя
(Карамзин 1987, с. 299)[1].

Буало и Шапель здесь соотнесены друг с другом (как и все прочие участники ужина, они «гераклитствовали») и противопоставлены: в первом возобладал Гераклит (именно Буало предложил всем собравшимся утопиться), во втором – Эпикур (именно Шапель предложил допить вино, дожидаясь Феба). Пушкин, именуя Вяземского Буало[2] и Шапелем, тем самым отождествил его одновременно с Гераклитом и Эпикуром: судя по всему, он имел уже представление о психологических особенностях Вяземского, чья склонность к жизненным удовольствиям нередко (с годами – все чаще) омрачалась приступами хандры, а литературно-политический оптимизм осложнялся скептическим складом ума. Эпикурейский подтекст биографической темы Вяземского в достаточной мере выражался и отождествлением его не только с Шапелем, но и с Шолье, репутация которого в этом отношении многократно обсуждалась[3]; обычно он воспринимался как поэт изящный, но неровный[4]; во всяком случае, отождествление с ним

[1] О соотнесенности данного фрагмента «Писем русского путешественника» с другими упоминаниями о Буало в этой книге см.: Песков 1989, с. 116–117.

[2] Эта часть пушкинского комплимента была отзвуком общеарзамасской репутации Вяземского; см.: Песков 1989, с. 66.

[3] Ср., напр.: «По сем увидел я пришедшего в храм, блистательного Аббата де Шолье, который пел, вышед из за стола. Он дерзал ласкать Бога [так!] вкуса с откровенным и с приятным видом. Его живое воображение распростирало в приятном пьянстве его, изящность без поправления; [...] которая, хотя и была несколько противна благопристойности, однакож одушевлялась страстию» (Вольтер 1784, с. 148). В этом контексте слова Пушкина о Вяземском-Шолье, склонном «петь и пить», могут восприниматься как каламбур: «петь» здесь, возможно, означает не только «сочинять», но и петь в буквальном смысле, т.е. голосом. Ср. еще замечание о «морали Епиркуровой» Шолье (Петров 1803, 1, с. 92).

[4] Ср., напр.: «В стихотворении Аббата де Шолье много есть противоречий; нет трех пиес из его сочинений, кои бы правильно до самого конца продолжались, однакож чувства и воображения, по всем местам распростирающиеся, заглаживают все сии погрешности» (Вольтер 1784, 148 [примеч. 25]).

Вяземского неявным образом отражает особенности его поэтического стиля, в которых он вполне отдавал себе отчет; ср., напр.: «Язык мой не всегда бывает непорочным, / Вкус верным, чистым слог, а выраженье точным; / И часто, как примусь шутить на счет других, / Коварно надо мной подшучивает стих» (Вяземский, 2, 122; впервые: 1816); ср.: Вяземский, 1, с. XXXIII–XLIII; см. также: Гиллельсон 1969, с. 259–260[1].

* * *

В письме Пушкина к Вяземскому, отправленном около 24 сентября 1824 г., читаем:

> Ради бога докажи Вас.[илию] Льв.[овичу], что Элегия на смерть *Ан.[ны] Льв.[овны]* не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Он восклицает «а она его сестре 15.000 оставила!»... Это напоминает чай, которым он поил Милонова. Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате –
>
> Сатирик и поэт любовный
> Наш Аристип и Асмодей,
> Ты не племянник Анны Львовны,
> Покойной тетушки моей,
> Писатель нежный, тонкий, острый,
> Мой дядюшка — не дядя твой,
> Но, милый, — Музы наши сестры,
> Итак ты всё же братец мой.
>
> Variante: *Василий Львович тонкий, острый*
>
> (Пушкин, 13, с. 231).

Ср. мнение Фридриха II: «Шолье, при всем своем небрежении в некоторых своих сочинениях без сомнения превышает Анакреонта» (Фридрих II 1792, 1, с. 85).

[1] От этих, вероятно вполне чистосердечных, признаний Вяземского следует отличать литературную «маску» ленивого / небрежного стихотворца, которая сформировалась не без прямого влияния литературной репутации Шолье, напр., у Пушкина, ср.: «Пишу своим я складом ныне / Кой-как стихи [...]»; «[...] не для имени поэта / Мараю два иль три куплета»; «Анакреон, Шолье, Парни [...] / [...] / И я – неопытный поэт – / Небрежный ваших рифм наследник, / За вами крадуся вослед...»; «Люблю под сению укромной / [...] / Небрежно стансы намарать / И жечь потом свои творенья» и т.д. (Пушкин, 1, с. 46, 151, 152, 158).

Называя Вяземского *Аристиппом*, Пушкин апеллирует к тем аспектам его кружковой репутации, которые были зафиксированы в послании Батюшкова «Мои пенаты»:

> О Вяземский! цветами / Друзей твоих венчай, / Дар Вакха перед нами: / Вот кубок — наливай! / Питомец муз надежный, / О Аристиппов внук! / Ты любишь песни нежны / И рюмок звон и стук! / В час неги и прохлады / На ужинах твоих / Ты любишь томны взгляды / Прелестниц записных. / И все заботы славы, / Сует и шум, и блажь, / За быстрый миг забавы / С поклонами отдашь. / О! дай же ты мне руку, / Товарищ в лени мой, / И мы.... потопим скуку / В сей чаше золотой!
>
> (Батюшков, 1, с. 139–140).

Пушкин, вероятно, не знал, что именование *Аристипповым* внуком не польстило Вяземскому, и Батюшкову пришлось объяснять, почему он не хочет поправить это место (Батюшков, 3, с. 167–168). Впрочем, для Батюшкова, как и для Пушкина и Вяземского, тема Аристиппа не принадлежала к числу существенных и никогда не выдвигалась на первый план. Кажется, только у Державина она была развернута широко, напомним его «Аристиппову баню» (1811):

> Что вы, аркадские утехи, / [...] / Пред тем, где Аристипп живет? / Что вы? — Дом полн его довольством, / Свободой, тишиной, спокойством, / И всех блаженств он чашу пьет! // Жизнь мудрого — жизнь наслажденья / Всем тем, природа что дает. / [...] / Жить с беззаконными законно; / Чтить доблесть, не любить порок, / Со всеми и всегда ужиться, / Но только с добрыми дружиться: / Вот в чем был Аристиппов толк! // Взгляните ж на него. Он в бане! / Се роскоши и вкуса храм! / [...] // Он нежится, и Апеллеса / Картины вкруг его стоят: / Сверкают битвы Геркулеса; / Сократ с улыбкою пьет яд; / Звучат пиры Анакреона; / Видна и ссылка Аполлона / [...]. // А здесь — в соседственном покое, / В очках друзей его собор / [...] // Едино счастье в том неложно, / Коль услаждать дух с чувством можно, / А всё другое — суета. // Не в том беда, чтоб чем прельщаться, / Беда пороку сдаться в плен. / [...] / Для жизни человек родится, / Его стихия — веселиться; / Лишь нужно страсти побеждать. // [...] Себя лишь мудрый умеряет / И смерть, как гостью, ожидает, / Крутя, задумавшись, усы
>
> (Державин, 5, с. 162–166; впервые: Державин 1812).

Как видим, с именем Аристиппа Державин связывает культ земных радостей («блаженств»)[1], ограниченный философским неприятием пороков и умением побеждать страсти. Далее он передает известный анекдот о трех наложницах, которых подарил Аристиппу «Дионисий, Царь Сиракузский», а тот отослал их обратно со словами «Но выдьте вон: – я Философ» (Державин, 5, 166)[2]. Державин в «Арзамасе» ценился, но не поздний и уж конечно не как создатель и вдохновитель «Беседы любителей русского слова»[3]; не исключаем того, что говоря о Вяземском, Пушкин называет его *нашим* Аристиппом, имея в виду, помимо всего прочего, что тема Аристиппа выдвигалась и в *чужом* или враждебном «арзамасцам» литературном пространстве, сформированном, в частности, поздними текстами Державина. Вместе с тем нет оснований полагать, что державинская интерпретация личности Аристиппа воспринималась Пушкиным или Вяземским как неверная; поэтому державинский контекст оказывался не только «фоном» отталкивания, но и «фоном» притяжения[4].

[1] Ср. в стихотворении «Философы пьяный и трезвый», где пьяным философом представлен Аристипп: «Сосед! на свете все пустое / Богатство, слава и чины; / А естьли за добро прямое / Мечты быть могут почтены, / То здраво и покойно жить, / С друзьями время проводить, / Красот любить, любимым быть, / И сладко есть и пить» (Державин 1804, с. 92). Ср. те же мотивы в сочетании с разумным требованием умеренности в «Приглашении к обеду» (Державин, 1, с. 299–302).

[2] Все основные сведения об Аристиппе, которыми могли воспользоваться Державин, Батюшков, Пушкин, восходят к Диогену Лаэртию и широко разошлись по разного рода справочным изданиям (см., напр.: Словарь исторический, 1, с. 439–442; ср.: Диоген 1986, с. 112–118). О некоторых текстах Аристиппа и их источниках см.: Алиева 2012, с. 110.

[3] Показательно, что свою некрологическую статью о Державине (1816) Вяземский закончил следующим образом: «Разборчивая и строгая критика изречет со временем свой решительный приговор достоинству Державина, и в горниле своем очистит золото от чуждой примеси» (Вяземский, 1, с. 21). Пушкин через десять лет в письме к А.А. Бестужеву высказался в том же духе, но свободнее и резче: «Кумир Державина, ¼ золотой, ¾ свинцовый, доныне еще не оценен» (Пушкин, 13, с. 178). О восприятии Державина в «Арзамасе» см., в т. ч.: Проскурин 1995, с. 360–363; Гаспаров 1999, с. 132, 154–155.

[4] Напомним в этой связи о двусмысленной концовке «Воспоминаний в Царском Селе», две заключительные строфы которых построены так, что могут быть отнесены и к Державину, и к Жуковскому. С одной стороны, Жуковский неявным образом противопоставляется Державину как «свой» «чужому», с другой же «державинский» подтекст этих строф не противоречит «жуковскому», а сочетается с ним и дополняет его (см. об этом: Ивинский 2012).

В отличие от Аристиппа, Асмодей, с которым Пушкин непринужденно соотносит Вяземского, отождествив его уже с Аристиппом и актуализируя специфически «арзамасский» контекст, на лавры философа, конечно, не претендовал, о пользе ограничения разумом страстей, кажется, не рассуждал и пользовался репутацией распутника и даже сводника, обладая, впрочем и иными способностями, из коих выделяются его приверженность азартным играм и французским модам[1]. Все перечисленное (за вычетом, разумеется, сводничества) в большей или меньшей степени соответствовало репутации Вяземского в дружеском кругу, как и его страсть к бескомпромиссной литературной борьбе, в «игровом» «арзамасском» контексте отождествлявшаяся с жестокостью, которая была еще одним атрибутом Асмодея, в целом ряде источников представавшим безжалостным демоном-убийцей.

Галломан, модник, претендовавший на скрупулезное знание «туалетного уложения» (см. в этой связи о его знакомстве с Батюшковым: Ивинский 2005, с. 256), игрок, «прокипятивший в карты около полумиллиона» (ОА, 2, с. 362), наносивший яростные удары по литературным репутациям «халдеев “Беседы”»: вот, кажется, все ближайшие подтексты «арзамасского» прозвища Вяземского. Одновременное отождествление его с Аристиппом откровенно парадоксально: если Асмодей культивирует страсти, то Аристипп их ограничивает, стремясь к разумному блаженству. «Аристипп и Асмодей» – эпиграмматически лапидарное указание на два «полюса» личности Вяземского, вряд ли соотносимое чересчур прямолинейно с противопоставлением его «эпикурства» и «гераклитства», «зашифрованным» в более ранней пушкинской двусмысленности о Шапеле / Шолье и Буало[2].

---

[1] См., напр.: «Но что до меня касается, то я [...] установляю смешные браки; выдаю молодых девушек за стариков; женю господ на служанках; а красавиц с малым приданым совокупляю с нежными полюбовниками, которые столь же голы. Я ввел в свет роскошь и великолепие, азартные игры и химию [...], танцование, музыку, комедии и все новые Французские моды. Одним словом, я называюсь Асмодей [...]. Я дьявол роскоши, или [...] бог Купидон: ибо стихотворцы дали мне сие изрядное имя, и сии господа [...] говорят, что у меня позолоченные крылья, глаза завязаны, в руках лук, за плечами калчан [так!] наполненный стрелами, и сверьх того я пленяющей красоты» (Лесаж 1791, 1, с. 5–6). Ср. упоминание о колчане в «арзамасской» речи С.С. Уварова к Вяземскому: «Твой неистощимый колчан звенит еще за твоими плечами, а ты уже стремишься к новым победам» (Арзамас, 1, с. 330).

[2] Впрочем, эта тема парадоксального единства умонастроений скрыта и в самом имени Аристиппа, если принять ту версию его характера, которая была

Но в эту и без того уже сложную картину необходимо внести еще один элемент: именование Вяземского Аристиппом могло и даже должно было восприниматься как указание на специфику его поэтического стиля. «Аристиппова манера» «изложения темы» предполагает «форму осуждения» (АР 1978, с. 283; см. также: Брагинская 2008, с. 151), ассоциирующуюся, в частности, с эпиграммой и сатирой, но имеющую и более широкое значение: это стиль мышления и речи, в котором преобладает привычка к выхватыванию из потока жизненных впечатлений тех, которые могут быть объединены негирующей эмоцией.

Так скептический и насмешливый склад ума Вяземского-Аристиппа связывался Пушкиным с «разумным» эпикурейством и одновременно приобретал демонические черты в «балладном» контексте «Арзамаса», а сближение Вяземского с «небрежным» Шолье дополнялось косвенными указаниями на преобладание «аристипповой» «формы осуждения» в поэтическом стиле Вяземского и на парадоксальное сочетание скептицизма с приверженностью к наслаждениям жизни.

Литература

Алиева 2012 – *Алиева О.В.* «Сократики» и ΛΟΓΟΣ ΠΡΟΤΡΕΠΤΙΚΟΣ в IV в. до Р. Х. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гос. ун-та. [Серия] I: Богословие; Философия. 2012. Вып. 3. С. 105–114.

АР 1978 – Античные риторики / Собрание текстов, статьи, коммент. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Издательство Московского университета, 1978. (Университетская библиотека). 352 с.

Арзамас – «Арзамас»: Сборник в двух книгах. М.: Художественная литература, 1994. 606+539 с.

Батюшков – *Батюшков К.Н.* Соч. Т. 1–3. СПб., 1885–1887.

Брагинская 2008 – *Брагинская Н.В.* Аристипп Киренский // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 150–151.

выдвинута Виландом, сочинения которого были хорошо известны и Пушкину и Вяземскому, ср.: «Природа дала мне [...] довольно холодную голову, но теплое сердце. Мне очень любо, когда чувствую себя совершенно расположенным благоприятствовать всем людям; а я всегда таков, когда бываю весел в обществе; ибо тогда неприметно усыпляю себя приятною мечтою почитать их всех добрыми и благожелательными [...]. И так покажется тебе совершенно понятным, милый Клеонид, что не смотря на угрюмые лица степенных моих товарищей, а иногда и самого учителя, не упускаю ни одного случая, при котором могу доставить себе такое приятное наслаждение жизни» (Виланд, 1, с. 101–102).

Вацуро 1994 – *Вацуро В.Э.* В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас»: Сб. в двух книгах. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1994. С. 5–27.

Виланд – Аристипп и некоторые из его современников: Сочинение Виланда: В 8 частях. М., 1807-1808.

Вольтер 1784 –Аллегорические, философические и критические сочинения Г. Волтера. СПб.: тип. Галченкова, 1784. 303 с.

Вяземский – *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: Т. 1–12 / Издание графа С.Д. Шереметева. СПб., 1878–1896.

Вяземский 1866 – *Вяземский П.А.* Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива // Русский архив. 1866. № 3. Стб. 473–502.

Вяземский 1866а – Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. М.: тип. В. Грачева и К°, 1866. 239 с.

Вяземский 1876 – *Вяземский П.А.* Выдержки из старой записной книжки, начатой в 1813 году // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 60–70.

Вяземский 1935 – *Вяземский П.А.* Избранные стихотворения. М.; Л., 1935.

Вяземский 1958 – *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1958 (Библиотека поэта. Большая серия. Издание 2-е).

Вяземский 1986 – *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1986 (Библиотека поэта. Большая серия. Издание 3-е).

Вяткина 2011 – *Вяткина И.А.* Традиции commedia dell'arte и пародийный ритуал Академии Гранеллески в домашней поэзии В. А. Жуковского и литературном быте его окружения // Образы Италии в русской словесности. Томск: Издательство Томского университета, 2011. С. 17–26.

Гаспаров 1999 – *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999. (Современная западная русистика). 400 с.

Гиллельсон 1969 – *Гиллельсон М.И.* П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 392 с.

Гиллельсон 1974 – *Гиллельсон М.И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л.: Наука, 1974. 224 с.

Державин – Державин Г.Р. Соч. Ч. 1–5. СПб.: тип. Шнора, 1808–1816.

Державин 1804 – [Державин Г.Р.] Анакреонтические песни. В Петрограде: 1804 года.

Державин 1812 – *Державин Г.Р.* Аристиппова баня // Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 6. СПб., 1812. С. 65–70.

Дидро – *Дидро Д.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991.

Диоген 1986 – *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / 2-е изд. М., 1986 (Философское наследие).

Епикур 1796 – *Епикур* (перевод с франц.) // Муза: Ежемесячное издание на 1796 год. Ч. 4. С. 111-129.

Ивинский 2005 – *Ивинский Д.П.* О Пушкине. М.: Intrada, 2005. 272 с.

Ивинский 2012 – *Ивинский Д.П.* Пушкин и 1812 год: лицейские стихотворения // Известия РАН: Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 6. С. 26–41.

Иезуитова 1989 – *Иезуитова Р.В.* Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989. 290 с.

Карамзин 1987 – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984 (Литературные памятники).

Лесаж 1791 – Повесть о хромоногом бесе, сочиненная на французском языке г. Лесажем, переведена Академии наук студентами Дмитрием Легким и Дмитрием Мокеевым. 3-м тиснением. СПб., 1791.

ОА – Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1–5. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметьева, 1899–1913.

Песков 1989 – *Песков А.М.* Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. М.: Издательство Московского университета, 1989. 178 с.

Петров 1803 – О внешнем богослужении и наружных действиях Человека Христианина. Сочинение Московской Единоверческой церкви Священника Ивана Петрова. Т. 1–3. М., 1803.

Проскурин 1995 – *Проскурин О.А.* Имя в «Арзамасе» (Материалы к истории пародической антропонимии) // Лотмановский сборник. [Вып.] 1. М., 1995. С. 353–364.

Пушкин – Пушкин [А.С.] Полн. собр. соч.: Т. 1–17 [М.; Л.,] 1936–1959.

Пушкин 1821 – Пушкин А. Письмо к В.Л. Пушкину // Сын Отечества. 1821. Ч. 68. № 11. С. 178–180.

Словарь исторический – [Шодон, Луи Мейель.] Словарь исторический, или Сокращенная библиотека. Ч. 1–14. М., 1790–1798.

Соловьев – *Соловьев Н.В.* История одной жизни: А.А. Воейкова – «Светлана». [Вып. 1–2]. Пг., 1915–1916.

Фридрих II 1792 – Оставшиеся творения Фридриха Второго Короля Прусского / 2-е изд. Т. 1–2. СПб., 1792–1793.

Юбилей 1861 – Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. СПб., 1861.

Italian academies 1995 – Italian academies of the Sixteenth Century / Edited by D.S. Chambers and F. Quiviger. London: Warburg Institute, 1995. 215 p.

Maylender 1926–1930 – *Maylender, Michele.* Storia delle Accademie d'Italia. V. 1–5. Bologna [etc.]: Cappelli, [1926–1930].

Rolbiecki 1977 – *Rolbiecki, Waldemar.* Akademie włoskie w latach 1454–1667: Początek towarzystw naukowych jako typu instytucji. Wrocław; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. 278 p.

References

Alieva 2012 – Alieva O.V. “Sokratiki” i LOGO PROTREPTIKOΣ v IV v. do R. Kh. [“Socratics” and the Logos Protrepticos in the 4 BC]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon State Univ.]. [Seriia] I: Bogoslovie; Filosofiia. 2012, vyp. 3, pp. 105–114. (In Russ.)

AR 1978 – *Antichnye ritoriki* [ancient rhetoric], Sobranie tekstov, stat’i, komment. i obshch. red. A.A. Takho-Godi. Moscow, Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1978. (Universitetskaia biblioteka). 352 p. (In Russ.)

Arzamas – *“Arzamas”: Sbornik v dvukh knigakh* [Arzamas. Collection in 2 vols]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1994. 606+539 p. (In Russ.)

Braginskaia 2008 – Braginskaia N.V. Aristipp Kirenskii [Aristippe of Kyrene]. *Antichnaia filosofiia: Entsiklopedicheskii slovar’* [Ancient philosophy: Collegiate Dictionary]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2008, pp. 150–151. (In Russ.)

Gasparov 1999 – Gasparov B.M. *Poeticheskii iazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo iazyka* [Poetical Language of Pushkin as a fact of the Russian Literary Language History]. Saint-Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1999. (Sovremennaia zapadnaia rusistika). 400 p. (In Russ.)

Gillel’son 1969 – Gillel’son M.I. *P.A. Viazemskii: Zhizn’ i tvorchestvo* [P.A.Viazemskii: Life and Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. (In Russ.)

Gillel’son 1974 – Gillel’son M.I. *Molodoi Pushkin i arzamasskoe bratstvo* [Young Pushkin and the Arzamas Fraternity]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 224 p. (In Russ.)

Iezuitova 1989 – Iezuitova R.V. *Zhukovskii i ego vremia* [Zhukovskii and His Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 290 p. (In Russ.)

Ivinskii 2005 – Ivinskii D.P. *O Pushkine* [On Pushkin]. Moscow, Intrada Publ., 2005. (In Russ.)

Ivinskii 2012 – Ivinskii D.P. Pushkin i 1812 god: litseiskie stikhotvoreniia [Pushkin and the 1812: Poems of the Lycee Period]. *Izvestiia RAN: Seriia literatury i iazyka* [Izvestiya RAN: Series of Literature and Language]. 2012, t. 71, no 6, pp. 26–41. (In Russ.)

Italian academies 1995 – *Italian academies of the Sixteenth Century*, Edited by D.S. Chambers and F. Quiviger. London, Warburg Institute, 1995. 215 p.

Maylender 1926–1930 – Maylender, Michele. *Storia delle Accademie d’Italia*. V. 1–5. Bologna [etc.], [1926–1930].

Peskov 1989 – Peskov A.M. *Bualo v russkoi literature XVIII – pervoi treti XIX veka* [Boileau in Russian Literature of 18–early 19th century]. Moscow, Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1989. 178 p. (In Russ.)

Proskurin 1995 – Proskurin O. A. Imia v «Arzamase» (Materialy k istorii parodicheskoi antroponimii) [Name in ‘Arzamas’ (Materials for the history

of parodical athroponymy]. *Lotmanovskii sbornik*, [vyp.] 1. Moscow, 1995, pp. 353–364. (In Russ.)

Rolbiecki 1977 – Rolbiecki, Waldemar. *Akademie włoskie w latach 1454–1667: Początek towarzystw naukowych jako typu instytucji*. Wrocław; Gdańsk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. 278 p.

Vatsuro V.E. V preddverii pushkinskoi epokhi [Immediately before the Pushkin Era]. *"Arzamas": Sbornik v dvukh knigakh* [Arzamas. Collection in 2 vols]. Moscow: Khudozhestvennaia literature Publ., 1994, kn. 1. pp. 5–27. (In Russ.)

Viatkina 2011 – Viatkina I.A. Traditsii commedia dell'arte i parodiinyi ritual Akademii Granelleski v domashnei poezii V.A. Zhukovskogo i literaturnom byte ego okruzheniia [Commedia dell'arte tradition and a parody of the Academy of ritual poetry in the home Granelleski VA Zhukovsky and literary life of his entourage]. *Obrazy Italii v russkoi slovesnosti* [Images of Italy in the Russian literature]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 2011, pp. 17–26. (In Russ.)

Viazemskiy and «Arzamas»:From the Notes to the A. Pushkin's Letters

Dmitriy Ivinskiy

Abstract: In Pushkin's literary imagination Boileau and Chapelle correlate – and at the same time are opposed: the former is identified with Heraclitus, the latter – with Epicurus. Juxtaposing Vyazemsky and both of them, Pushkin had in mind Vyazemsky's psychological characteristics: his penchant for the pleasures of life was often overshadowed by attacks of melancholy; his literary and political optimism was complicated by a skeptical turn of mind. Epicurean subtext of Viazemsky's biography is adequately expressed by identifying him not only with Chapelle, but with Chaulieu as well, who is usually viewed as a refined but unstable and erratic poet; therefore identifying Viazemsky with him could be regarded as an additional epigrammatic connotation.

Calling Vyazemsky "Aristippus", Pushkin refers to certain aspects of his reputation in "Arzamas" literary society, recorded in Batiushkov's epistle "My Penates". Unlike Aristippus, Asmodeus neither aspires to get the laurels of a philosopher, nor talks about restraining passion with the help of intellect. Asmodeus was considered a libertine, and among his characteristics there was predilection for gambling and French fashion. All of it fit into Vyazemsky's reputation in a circle of friends; moreover, his passion for the uncompromising literary struggle in "Arzamas"' ludic context was identified with cruelty, i.e. another characteristic feature of Asmodeus, often represented as a merciless demon-assassin.

Keywords: "Arzamas" society, Vyazemsky, Pushkin, Derzhavin, literary society, literary reputation

Information about the author: Dmitriy P. Ivinskiy. PhD. Professor of Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-215-226
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Парадокс Бибриса

В.А. Кошелев

Аннотация: Репутация поэта-«архаиста» Семена Боброва сформировалась эпиграммами, наиболее известной из которых стало двустишие К.Н. Батюшкова. Это двустишие, имевшее сложную и неоднозначную семантику, рассматривается на фоне «антибобровской» литературной полемики, развернувшейся в 1810-е годы.

Ключевые слова: С. Бобров, поэтический восторг, запой, литературные репутации, К. Батюшков, П. Вяземский, А. Пушкин

Информация об авторе: Вячеслав Анатольевич Кошелев, д.ф.н., профессор, Арзамасский филиал Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, Арзамас, Россия. E-mail: anatoly.koshelev@novsu.ru

Как трудно Бибрису со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напиться![1]

Перед нами – самая известная из ранних эпиграмм К.Н. Батюшкова, многократно печатавшаяся при жизни автора. Сначала она появилась в сентябрьской книжке журнала «Цветник» за 1809 г. (ч. III. № 9. С. 372), потом в майском номере «Вестника Европы» за 1810 г. (ч. 51. № 10. С. 327). Перепечатывалась и в «Собрании русских стихотворений», и в «Пантеоне русской поэзии», и в «Опыте русской анфологии». Наконец, вошла в авторский сборник «Опыты в стихах и прозе», в раздел «Эпиграммы, надписи и пр.» (СПб., 1817. Ч. II. С. 202).

Написана эта эпиграмма была, скорее всего, летом 1809 г. в усадьбе Хантоново, откуда была послана в Петербург к Н.И. Гнедичу в числе «нескольких эпиграмм», для публикации предназначенных: «Вот тебе несколько эпиграмм; напечатай в “Цветнике”, если он не завял совершенно. А они не дурны. На будущей почте я пришлю тебе не-

[1] *Батюшков К.Н.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 239

сколько похвальных слов, именно вот каких: поэт Сидор, что написал Потоп, а рыбы на кустах, ну, уж гений!..»[1].

Упоминание «поэта Сидора» раскрывает адресата приведенной эпиграммы, «Бибриса». В третьей части четырехтомного собрания сочинений Семена Сергеевича Боброва с причудливым заглавием «Рассвет полночи, или Созерцание славы, торжества и мудрости порфироносных, браноносных и мирных Гениев России с последованием Дидактических, Эпических и других разного рода в стихах и прозе опытов» (СПб, 1804) была напечатана его старая поэма «Судьба древнего мира, или Всемирный потоп» (для этого издания вновь «поправленная»). Там на глаза Батюшкову попались нелепые стихи:

Тогда тьмы рыб в древах висели,
Где черный вран кричал в гнезде...

А *Бибрис*, каламбурно–пародийное прозвище Боброва, бывшего предметом насмешек в словесности начала XIX столетия, происходило от немецкого слова *Biber* (бобёр) и латинского *bibere* (пить)[2]: соединение двух равнозвучных понятий как будто намекало на страсть поэта к спиртному... Правда, еще Н.О. Лернер, автор энциклопедической статьи о Боброве, указал, что о том факте, что поэт «был алкоголик» можно утверждать только «*судя по эпиграммам его литературных противников*» – других данных на этот счет нет.

«Этими эпиграмматическими отзывами (кн. П.А. Вяземского, Батюшкова и Пушкина, называвшего его “тяжелым Бибрусом”) имя Б[оброва] спасено от забвения», – добавлял тот же исследователь. И далее: «Это был писатель действительно тяжелый, о чем дают достаточное понятие самые названия его огромных книг...»[3]. Но как соотносится «тяжелый» язык «Бибриса» и «недуг» Боброва – «запойная болезнь»?[4]

Повторим, каких-либо документальных или мемуарных данных об этой «болезни» Боброва не сохранилось. Напротив, в его некро-

---

[1] *Батюшков К.Н.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 98–99.

[2] См.: *Зайонц Л.О.* «Маска» Бибруса // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 683 (Труды по русской и славянской филологии). 1986. С. 34; *Зайонц Л.О.* «Пьянствующие» архаисты // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 220–235.

[3] *Л[ернер Н.]* Бобров С.С. // Энциклопедич. словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. М., 1992. Т. 2. С. 324–325.

[4] *Зайонц Л.О.* Бобров С.С. // Русские писатели. 1800–1917. Биографич. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 293.

логе говорилось, что покойный «был человек недостаточный», вел жизнь «самую умеренную», а доходов его «едва ли достаточно было на содержание его с семейством» (Вестник Европы. 1810. Ч. 51. № 11. С. 246). Тогда на каком основании тот же Батюшков в сатире «Видение на брегах Леты» (1809) назвал его «*виноносным* гением»?

В этой сатире Бобров занимает первое место среди «осмеиваемых» поэтов. Он появляется уже в первых стихах: «Вчера, Бобровым утомленный, / Я спал и видел чудный сон!..» И далее – подробная картина допроса и последующей «расправы» – Бобров не просто осмеивается, а прямо уничтожается Батюшковым как поэт-«изувер»:

«Кто ты?» — «Я — виноносный гений.
Поэмы три да сотню од,
Где всюду ночь, где всюду тени,
Где роща ржуща ружий ржот,
Писал с заказу Глазунова
Всегда на срок... Что вижу я?
Здесь реет между вод ладья,
А там, в разрывах черна крова,
Урания – душа сих сфер
И все титаны ледовиты,
Прозрачной мантией покрыты,
Слезят!» — Иссякнул изувер
От взора грозныя Эгиды...[1]

Выделенную курсивом строку Батюшков сопроводил примечанием: «Этот стих слово в слово г. Боброва, я ничего не хочу присваивать». В.Л. Коровин в книге о Боброве показал, что «возмутившая Батюшкова какофония явилась результатом сознательных исканий Боброва, звукоподражательно изображавшего здесь ужасы войны (способностью ”ржать” у него наделены обычно “ад”, “геенна” и т.п.)»[2]. Но Батюшкова возмутила (а точнее: насмешила!) не столько «какофония», сколько элементарная бессмыслица возникающей картины «рощи», состоящей из «ржущих ружей». Он уже к тому времени, когда писалась сатира, изведал на собственном опыте не меньше «ужасов войны», чем Бобров – но сам, в отличие от «виноносного гения», не связывал эти «ужасы» со «способностью ржать». И он не принимает как раз такой позиции поэта, который «наплевал» на при-

[1] *Батюшков К.Н.* Соч. Т. 1. С. 370, 375.

[2] *Коровин В.Л.* Семен Сергеевич Бобров: Жизнь и творчество. М., 2004. С. 139.

вычные психологические представления читателя и подчинил свои поэтические формы изначально уродливой семантике: «Один отец “Тилемахиды” / Слова сии умел понять...».

Как выяснил тот же исследователь, и последующие обороты в речи Боброва в «Видении...» взяты из несколько измененных бобровских стихов, которые нормальный человек просто не способен понять. Поэтому автор «Видения...» обрекает поэта Боброва (к тому времени еще живого) не на «забвение» (как остальных персонажей сатиры), а на физическое уничтожение: «Иссякнул *изувер* / От взора грозныя Эгиды», то есть погиб от взора змееголовой Горгоны, изображенной на щите неизвестно откуда появившегося Зевса. Бобров, в отличие от остальных поэтов-современников, настолько ненавистен Батюшкову, что тот желает его смерти (действительно, наступившей вскоре после написания «Видения...»).

С.С. Бобров умер 22 марта 1810 г. в Петербурге от изнурительной чахотки. И буквально сразу же случился «литературный скандал», подробно описанный О.А. Проскуриным[1]. *В той же книжке* московского журнала «Вестник Европы», где был напечатан некролог покойному поэту, появилась вышеприведенная эпиграмма Батюшкова (перепечатанная из «Цветника») и две новые эпиграммы П.А. Вяземского. В первой из них, «Быль в преисподней», выводился «Бибрис», которого не хотят пустить в царство мертвых, потому что никак не могут понять, что же он хочет: «Ага! Здесь, видно, так, как и на той стране, – / Покойник говорит, – меня не понимают!». Вторая эпиграмма Вяземского была короче и жестче:

Нет спора, что Бибрис богов языком пел:
Из смертных бо никто его не разумел[2].

«Развернутая в “Вестнике Европы” эпиграмматическая кампания против Бибриса, – отмечает О.А. Проскурин, – выглядела по тогдашним моральным стандартам достаточно неординарно. Публичное глумление над умершим – вещь чрезвычайно предосудительная с точки зрения христианской морали и христианского отношения к смерти. Необычно в этой ситуации было и участие в организации и проведении антибобровской кампании не только юного вольтерьян-

[1] *Проскурин О.А.* Поминки по Бибрису: Почему в «Вестнике Европы» смеялись над покойником // Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 81–115.

[2] *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 55.

ца Вяземского, но и отнюдь не склонного к вызывающему либертинскому поведению Батюшкова и, что, на первый взгляд, особенно удивительно, религиозного моралиста Жуковского». И еще: «Эпиграммы Вяземского и Батюшкова составляли своеобразное смысловое единство и, бесспорно, выражали общую эстетическую позицию журнала»[1].

Все бы хорошо – но ведь напечатанные в одной книжке «Вестника...» «антибобровские» эпиграммы Вяземского и Батюшкова не могли составлять «смыслового единства» уже потому, что были, что называется, *о разном*.

Предмет эпиграмматической насмешки Вяземского – «темнота» и затрудненность тяжеловесных виршей «Бибриса», стремящегося выражаться «богов языком». Как отметил В.Л. Коровин, в эпиграмме Вяземского, помимо всего прочего, «уловим оттенок тщательно скрываемой беспомощности перед “необузданным и своевольным” гением Боброва»[2]. И в том, что автор эпиграммы Боброва не «разумеет», виноват не Бобров, а он сам – ибо ряд других современников (И.И. Мартынов, М.И. Невзоров и др.) очень даже Боброва «разумели». Кроме того, в эпиграммах Вяземского содержится претензия не собственно к «непонятности» сочинений «необузданного» Боброва, а к тому, что они *нарочито* непонятны, напоминая в этом отношении бормотания неких «авгуров», «посвященных» в какую-то особенную поэтическую систему.

А Батюшков в своей эпиграмме представил факт другого рода, значимый для русской словесности: в каком отношении к литературному творчеству находится состояние опьянения? Или Бобров был запойным алкоголиком (и мог писать стихи только в этом состоянии) – или безвинно оклеветан Батюшковым ради красного словца? Имеет ли отношение «маска Бибруса» к личностно обозначенному поэту – или она возникла в литературной полемике в соответствии с какими-то иными, внеположными конкретной биографии, законами?

В книге В.Л. Коровина эпиграмма Батюшкова комментируется следующим образом: «*Пьет, чтобы писать* – значит, пишет только в пьяном бреду. *Пишет, чтоб напиться* – значит, плодовитым автором Боброва делает нужда (в “Видении на брегах Леты” этот мотив повторяется: “Писал с заказу Глазунова / Всегда на срок...”). Последний упрек не лишен оснований. В сохранившихся письмах к С.И. Селивановскому от 1807 г. Бобров жаловался на “нужды семейства”, по-

[1] *Проскурин О.А.* Поминки по Бибрису. С. 85, 89–90.

[2] *Коровин В.Л.* Семен Сергеевич Бобров. С. 144.

буждающие его к изданию своих трудов...»[1] В результате возникает этакий «осовремененный» облик поэта-пьяницы, которому для достижения состояния вдохновения необходимо «принять на грудь», а для обеспечения творчества – иметь достаточное количество денег, чтобы приобрести бутылку-другую хмельного пития.

Комментарий этот явно неудовлетворителен.

Во-первых, с точки зрения Батюшкова, последователя Карамзина («кто пишет так, как говорит») и лидера формирующейся «школы гармонической точности» (Л.Я. Гинзбург), сочинение стихов «в пьяном бреду» – дело невозможное. Таким образом возможно разве что «сумбуротворство» или создание рифмованных (а чаще – «безрифменных») стихотворческих «шарад», свидетельствующих об отсутствии «поэтического дарования». Если бы речь шла только о «невинных твореньях», которые умирают «своею смертию»[2], то не из чего было бы огород городить. Батюшков чувствует, что в поэтических образцах «Бибриса» что-то есть, что привело поэта к известной «славе» – речь идет лишь о том, как сложно с этой славою «*ужиться*». Ведь «Бибрис» уверен, что «крылатеет к престолу небеси» исключительно такое творчество, которое соответствует его собственным представлениям о поэзии. У Батюшкова речь идет именно об убийственной направленности подобной поэтической «славы».

Во-вторых, книжный рынок начала XIX столетия попросту исключал, чтобы на деньги, вырученные от продажи стихотворных сочинений, можно было сколько-нибудь сносно существовать. Бобров жил (как указывалось в некрологе) «в крайней бедности», хотя и служил чиновником в двух учреждениях (в департаменте Адмиралтейства и в Комиссии составления законов). В последние годы он публиковал стихи в тех журналах и сборниках («Цветник», «Лицей», «Талия», «Северный вестник»), в которых просто не существовало авторских гонораров за стихотворения. А «с заказу Глазунова» (книгоиздателя И.П. Глазунова) он издал разве что четырехтомный «Рассвет полночи...». Но это было давно (в 1804 г.), и к тому же не могло принести большого дохода. В 1814 г., через 10 лет, Пушкин печатно констатировал:

Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрисом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать...[3]

---

[1] *Коровин В.Л.* Семен Сергеевич Бобров. С. 137.

[2] См. эпиграмму Батюшкова «Безрифмина совет...»: Соч. Т. 1. С. 353.

[3] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 26. Курсив мой.

Книгоиздатель, разоренный сочинителем – характерная фигура тогдашних анекдотов. П.А. Вяземский в письме к Батюшкову от 9 декабря 1811 г. красочно живописует ссору М.Т. Каченовского и П.И. Шаликова – и завершает описание следующим эпизодом: «И вот входит внезапно книгопродавец; осажденные упреками совести при виде человека, которого довели они почти до нищенства, убегают наши Журналисты, как некоторые убийцы, которые хотя и имеют дух зарезать человека, но не имеют твердости взирать на его труп!»[1]

Но даже если бы изданная книга и принесла доход, то вряд ли бы на него можно было бы роскошествовать именно автору. Классический пример, иллюстрирующий издательские нравы, – издание сочинений Батюшкова его приятелем Н.И. Гнедичем: последний «никак не мог похвалиться добросовестностью в отношении к своим доверителям. Так, еще в 1817 г., издавая “Опыты в стихах и прозе” Батюшкова, Гнедич заставил поэта принять на себя всю целиком денежную ответственность на случай неуспеха издания. А когда книга вышла и принесла доход сверх всяких ожиданий, Гнедич, выручив до пятнадцати тысяч, уплатил Батюшкову всего две тысячи»[2].

В интересующей нас эпиграмме дело идет как будто об ином явлении. В конце XX столетия в литературоведении возник «парадокс Бибриса», когда конкретного малоизвестного писателя имярек, который был «забыт» не только читающей публикой, но и историками литературы, захотели представить «одним из крупнейших и оригинальнейших поэтов своего времени»[3] – именно с таковыми эпитетами и предстает «покойный господин Бобров».

Но как совместить две антиномичных данности: *забытый* и *крупнейший*... Такого рода совмещение непременно предполагает постановку вопроса *почему?* – а вслед за ним и знаменитых «проклятых» российских вопросов *кто виноват?* и *что делать?* Кажется, все просто. «Забытый» писатель был забыт, потому что современники его не поняли. Виновата в этом неправильная «полемическая традиция». И возникла задача ввести этого «забытого» и одновременно «крупнейшего» писателя в массы, издавать и распространять его наследие, «как картофель при Екатерине» (по известному выражению Б. Пастернака).

Но не так просто разом пересмотреть то явление, которое «не отложилось» исторически. Взять того же Семена Боброва: ведь к

---

[1] Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 127.

[2] *Гессен С.* Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930. С. 32.

[3] *Коровин В.Л.* Семен Сергеевич Бобров. С. 3.

собственной славе «сумбуротворца» он и сам немало приложил усилий – даже и в тех «находках», которые оказались плодотворны. В упомянутой «энциклопедической» статье Н.О. Лернера, вслед за констатацией отсутствия у Боброва «поэтического дарования» следует неожиданное: «Но современники не сумели оценить в Б[оброве] *литературного теоретика с твердыми и даже прозорливыми взглядами*. В те времена, когда литература была еще так молода, Б[обров] почувствовал, как тяжела *борьба между замыслом и словесным воплощением*. "Язык легок, но сколь обманчив! – писал он, – вещь, проходя чрез слух, нередко теряет правоту свою", и смело создавал неологизмы, объясняя: "обыкновенные и ветхие имена, кажется, не придали бы слову той силы и крепости, каковую свежие, смелые и как бы с патриотическим старанием изобретенные имена". Из множества изобретенных им слов, большей частью неуклюже-сложных и безвкусных, некоторые, однако, вошли в обиходную и литературную речь; особенно охотно пользовался он славянизмами, что привлекло к нему симпатии А.С. Шишкова и сделало его посмешищем карамзинистов. Он утверждал, что "рифма никогда еще не должна составлять существенной музыки в стихах", и что она, "часто служа будто некоторым отводом прекраснейших чувствований и изящнейших мыслей, почти всегда убивает душу сочинения", если автор делает ей лишние уступки. Задолго до Бенедиктова, Бальмонта и символистов конца XIX в. Б[обров] ощущал тоску по "неслыханным звукам" и "неведомом языке" и первый заговорил о красоте белого стиха. *Русская поэзия не может отвести ему никакого места, но в истории литературной теории и версификации его заслуги неоспоримы*»[1].

Подобная точка зрения плодотворна прежде всего тем, что наилучшим образом ограничивает рамки «перемены знаков» в отношении к Боброву и подобным ему поэтам, которым история русской поэзии «не может отвести *никакого* места». Стоит ли вот так, «напрямую» сразу же определять «искомое» место «сумбуротворца» как «одно из крупнейших»? Прямая «перемена знаков» ничего ни уяснить, ни изменить не в состоянии.

Когда-то Вл. Маяковский в статье о Велимире Хлебникове разделил два типа поэтов: «поэт для потребителя» и «поэт для производителя». Семен Бобров-поэт существовал прежде всего «для производителя», и вовсе не случайно то обстоятельство, что имя этого «крупнейшего и оригинальнейшего» поэта даже не упоминается, например, в известном «компендиуме» по истории русской поэзии В.С. Баевско-

[1] *Л[ернер Н.]* Бобров С.С. С.325. Курсив мой.

го. «Неупоминание» свидетельствует не о «недосмотре» исследователя, а именно о том, что в истории русской поэзии (которая все-таки предназначается «для потребителя» и именно поэтому и существует!) Боброву действительно не находится места. Его «поэтическая слава» основана, в общем-то, на том, что какие-нибудь позднейшие «новаторы» (Н. Лернером упоминаются Бенедиктов и Бальмонт) *могли бы* воспользоваться бобровским литературным опытом, *если бы* прочли его творения...

А то, что они «не прочли», свидетельствует опять-таки не об их неграмотности и нерадении, а о естественном литературном развитии, в котором иные «плюсы» и «минусы» уничтожаются сами собою. Еще в начале XX в. признавались «неоспоримые» заслуги Боброва в «версификации» – однако его творения не поминаются и не разбираются, например, в замечательном «Очерке истории русского стиха» М.Л. Гаспарова, посвященном как раз истории русской версификации. И это опять-таки не недосмотр исследователя, а жесткая (и может быть, жестокая) данность литературной истории – даже и в ее приложении к истории стиха: «Да не воскреснет из забвенья / Покойный господин Бобров» (Пушкин)[1].

«Парадокс Бибриса» трансформировал и обыденные представления. Собственно, в интересующей нас эпиграмме Батюшкова речь идет вовсе не о конкретном «запойном пьянстве» конкретного литератора, – но о неких общих тенденциях, прежде всего, нравственно-литературного характера. «Словарь Академии Российской» определял «пьяного» как «имеющего голову, разгоряченную парами от вина *или другого какого-либо хмельного напитка* происшедшими». Батюшков имеет в виду как раз «другой напиток»: наркотически воздействующее на человека поэтическое «витийство».

Он пьет, чтобы писать... Пьянство, уточняет тот же современный «Бибрису» словарь – это «подлая страсть, от которой человек лишается не только здоровья, *но и душевные дарования приводит в ослабление*, и, лишась здравого рассудка, в другие страсти впадает удобно». Автор эпиграммы убежден, что те логические фантасмагории, которые рождаются в стихах «Бибриса» – все эти «рассветы полночи», ладьи, «реющие между вод», «все титаны ледовиты» или «ржущая роща ружий» – могут родиться только при ослаблении «здравого рассудка» и «душевных дарований». Человеку в нормальном состоянии подобное в голову не придет.

...и пишет, чтоб напиться. А что еще остается, когда он, пробудившись от пьянства, прочитает то, что написал? Ведь и восприни-

[1] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 44.

мать подобные опусы можно только в состоянии измененного сознания. Получается порочный круг бесконечного «витийственного» опьянения. Пьяница, читаем в том же словаре, – это «человек, который отличающую его от прочих животных способность душевную, рассудок и память от излишнего употребления крепких напитков теряет и *дарования свои истребляет*»[1].

Таким «истребителем» дарования и является «изувер» Бобров, уничтожаемый Батюшковым, не позволившим ему даже и приблизиться к «поэтической» Лете. Само присутствие его – губительно для всех остальных «певцов» без исключения:

Я вижу тень Боброва!
Она передо мной,
Нагая, без покрова,
С заразой и с чумой!
Сугубым вздором дышит
И на скрижалях пишет
Бессмертные стихи...
Которые в мехи
Бог ветров собирает
И в воздух выпускает
На гибель для певцов...
Им дышит граф Хвостов,
Шихматов оным дышит,
И друг твой, если пишет
Без мыслей кучу слов...[2]

Литература

Батюшков К.Н. Сочинения: В 2 т. / Под ред. В.А. Кошелева и А.Л. Зорина. М.: Художественная литература, 1989.

Вяземский П.А. Стихотворения / Вступит. ст. Л.Я. Гинзбург; сост., подгот. текста и примеч. К.А. Кумпан. Л.: Советский писатель, 1986. 542 с.

Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л.: Academia, 1930. 148 с.

Зайонц Л.О. Бобров С.С. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 292–293.

[1] Словарь Академии Российской. СПб, 1793. Ч. 4. Стб. 1245–1247. Курсив мой.

[2] *Батюшков К.Н.* Соч. Т. 2. С. 132.

Зайонц Л.О. «Маска» Бибруса // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 683 (Труды по русской и славянской филологии). 1986. С. 32–37.

Зайонц Л.О. «Пьянствующие» архаисты // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 220–235.

Л[ернер Н.] Бобров С.С. // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 324–325.

Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб.: Наука, 1994. 398 с.

Коровин В.Л. Семен Сергеевич Бобров: Жизнь и творчество. М.: Academia, 2004. 320 с.

Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. 368 с.

References

Batiushkov K.N. *Sochineniia* [Works]. V 2 t., Pod red. V.A. Kosheleva i A.L. Zorina. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. (In Russ)

Viazemskii P.A. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Vstupit. st. L.Ia. Ginzburg; sost., podgot. teksta i primech. K.A. Kumpan. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 542 p. (In Russ)

Gessen S. *Knigoizdatel' Aleksandr Pushkin* [Book publisher Alexander Pushkin]. Leningrad, Academia Publ., 1930. 148 p. (In Russ)

Zajonc L.O. "Bobrov S.S." *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopedia Publ., 1989, t. 1, pp. 292–293. (In Russ)

Zajonc L.O. "'Maska' Bibrusa" [Bibrus "Mask"] *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. un-ta* [Scientific notes of Tartu State Univ.]. Vyp. 683 (Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii). 1986, pp. 32–37. (In Russ)

Zajonc L.O. "'P'janstvujushhie' arhaisty" ["Ebrious" archaists]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1996, no 21, pp. 220–235. (In Russ)

L[erner N.] "Bobrov S.S." *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauz i Efron. Biografii* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Biographies]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopedia Publ., 1992, t. 2, pp.324–325. (In Russ)

Literaturnyj arhiv: Materialy po istorii russkoj literatury i obshhestvennoj mysli [Literary Archive: Articles on the history of Russian literature and social thought]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1994. 398 p. (In Russ)

Korovin V.L. *Semen Sergeevich Bobrov: Zhizn' i tvorchestvo* [Semyon Sergeyevich Bobrov: Life and Work]. Moscow, Academia Publ., 2004. 320 p. (In Russ)

Proskurin O.A. *Literaturnye skandaly pushkinskoj epohi* [Literary scandals of Pushkin's era] Moscow, OGI Publ., 2000. 328 p. (In Russ)

The Paradox of Bibris

V.A. Koshelev

Abstract: Semyon Bobrov's image of a poet-Archaist was shaped by epigrams, including the famous Batyushkov's distich. This distich characterized with complex and ambivalent meaning is considered against the background of the literary polemics contra Bobrov that took place in 1810-ies.

Keywords: Semyon Bobrov, poetic exaltation, hard drinking, literary reputation, Konstantin Batyushkov, Pyotr Vyazemsky, Alexander Pushkin

Information about author: Vyacheslav A. Koshelev, Doctor Hab. in Philology, Professor at Arzamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas, Russia; e-mail: anatoly.koshelev@yandex.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-227-236
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Незамеченное признание Михаила Орлова (О возможном адресате эпиграммы «Сказали раз царю…»)

А.И. Федута

Аннотация: Традиционно адресатом эпиграммы А.С. Пушкина «Сказали раз царю...» считается граф М.С. Воронцов. Основанием для этого являются поздние воспоминания декабриста Н.В. Басаргина. Критический анализ исторических обстоятельств и учет показаний М.Ф. Орлова заставляют поставить под сомнение однозначность этой версии.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, проблема адресата, эпиграмма, мемуаристика

Информация об авторе: Александр Иосифович Федута, к.ф.н., главный редактор издательства «Лимариус», Минск, Беларусь. E-mail: feodor1964@yandex.by

Одной из наиболее известных эпиграмм А.С. Пушкина является эпиграмма «Сказали раз царю...» (1825 г.):

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удавлен.
«Я очень рад, — сказал усердный льстец, —
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства[1].

[1] *Пушкин А.С.* <На Воронцова> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 193–1959.Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. 1947. С. 378.

Традиционно считается, что ее адресатом был новороссийский и бессарабский губернатор М.С. Воронцов. Именно так считал впервые опубликовавший эпиграмму в 1861 г. Н.В. Гербель, утверждавший: «Написано по следующему случаю: Однажды за обедом во дворце, когда зашла речь о смерти Риэго, граф М.С. Воронцов (впоследствии князь и наместник кавказский) сказал: “Тем лучше: одним мерзавцем меньше!”»[1]. При этом на источник данного «анекдота» Гербель не указывает, а сам он, что вполне естественно, при подобном разговоре, если таковой имел место, присутствовать не мог.

Основой для реконструкции исторического контекста «анекдота», изложенного Гербелем, для пушкинистов традиционно являются «Записки» декабриста Н.В. Басаргина, где сюжет передается следующим образом:

«После смотра был обед в лагере генерала Рудзевича. Когда сели за стол, накрытый полукругом, середину коего занимал государь, то он, получив перед самым выходом к столу с фельдъегерем письмо от Шатобриана, бывшего тогда французским министром иностранных дел, сказал, обращаясь к сидевшим около него генералам: “Messieurs, je vous félicite: Riego est fait prisionnier”[Господа, я вас поздравляю, Риего схвачен (франц.)]. Все отвечали молчанием и потупили глаза, один только Воронцов воскликнул: “Quell heureuse nouvelle, Sir” [Какая счастливая новость, государь (франц.)]. Эта выходка так была неуместна и так не согласовалась с прежней его репутацией, что ответом этим он много потерял тогда в общем мнении. И в самом деле, зная, какая участь ожидала бедного Riego, жестоко было радоваться этому известию»[2]. Именно на этот фрагмент ссылаются Б.В. Томашевский[3],а вслед за ним Т.Г. Цявловская и другие сторонники версии о том, что адресатом пушкинской эпиграммы был именно М.С. Воронцов. При этом следует отметить, что в книжной версии «Записок» Н.В. Басаргина, выпущенных П.И. Бартеневым в 1872 г. (с. 22), как и в публикации их в сборнике «Девятнадцатый век» (т. 1, с. 83) тем же Бартеневым, вместо фамилии Воронцова стоит крип-

---

[1] Стихотворения А.С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений / [Под редакцией Н.В. Гербеля]. Берлин, 1861. С. 228.

[2] *Басаргин Н.В.* Записки // Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 71. Текст «Записок» подготовлен И.В. Порохом по авторским рукописям.

[3] *Томашевский Б.В.* Примечания // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. / Под ред. и с примеч. Б.В. Томашевского. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 431 – и последующие переиздания.

тоним NN, что не исключает замены ее как по цензурным, так и самоцензурным соображениям издателя (Бартенев вел работу по подготовке к публикации сорокатомного «Архива князя Воронцова» и явно был не заинтересован в конфликте).

Сомнение в историческом правдоподобии версии Гербеля / Басаргина высказал Л.М. Аринштейн. Проанализировав текст письма Ф.-Р. Шатобриана Александру I, в котором вождь повстанцев Рафаэль Риего-и-Нуньес не упоминается, Аринштейн делает вывод: «всё, что Александр мог узнать из письма Шатобриана и с чем он, следовательно, мог поздравить присутствовавших на обеде в Тульчине – это с успешным окончанием войны против кортесов и с возвращением на престол Фердинанда»[1]. Исследователь обращает внимание и на другие противоречия в истории, рассказанной декабристом: в частности, Басаргин путает даты посещения императором Тульчина; Воронцов расстался с императором за несколько недель до подавления испанского восстания, не был на описанном Басаргиным обеде и не встречался с Александром I после этого в период, когда судьба Риего была актуальной новостью. Аринштейн объяснил этот казус эффектом «вторичной мемуаристики» – смещением мемуаристами акцентов под влиянием пушкинской эпиграммы. Однако аргументы ученого услышаны не были[2], да и сам он не сомневался в том, что адресатом эпиграммы был, скорее всего, Воронцов.

При этом тема Риего вовсе не была актуальна для Воронцова: его имя не упоминается ни в одном из опубликованных писем М.С. Воронцова или его корреспондентов. Однако она была весьма актуальна для других – в частности, для будущих декабристов.

Г.С. Батеньков вспоминал: «Нас было в гостях молодежи человек до двадцати в тот день, как получено было известие: вдруг вошел

---

[1] *Аринштейн Л.М.* «Вторичная мемуаристика» в комментарии (Об эпиграмме Пушкина «Сказали раз царю...») // Временник Пушкинской комиссии, 1981. Л., 1985. С. 10.

[2] С.А. Фомичев высказывает еще одно соображение в пользу того, что адресатом эпиграммы является именно Воронцов: по его мнению, в рабочей тетради эпиграмма записана на странице, которая «вся [...] посвящена М.С. Воронцову» – *Фомичев С.А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Т. 11. Л., 1983. С. 61. Однако, на наш взгляд, соседство с наброском другой эпиграммы «Он вежлив был в иных прихожих...» не может считаться достаточным аргументом, свидетельствующим, что у эпиграмм один адресат – к тому же, не указанный автором. Кроме того, общий контекст тетради шире «воронцовского» – скорее, он «южный» или «одесский».

Греч и громогласно объявил, что Риего повешен и в вящее его уничтожение оторваны самые бесчестные члены тела и сосланы сюда для положения в соборе на гроб Екатерины Великой. Самые умеренные и спокойные люди отзывались, что до Испании нет им никакого дела, но Риего имел полное право, как бы он ни действовал по крайнему своему разумению, протестовать против безумного и неблагодарного своего короля-мучителя»[1]. Сочувственное по отношению к повстанцам описание казни было легально опубликовано Н.А. Бестужевым в «Полярной Звезде» на 1825 г.[2], при этом, согласно воспоминаниям Н.И. Греча, Н.А. Бестужев даже вступил в тайное общество под впечатлением расправы над соратниками Риего: «в Гибралтаре [...] видел он, как испанцы королевские расстреливали на перешейке взятых ими безоружных либералов, сообщников Риего, расстреливали как татей и разбойников, сзади»[3]. Наконец, А.С. Гангеблов рассказывал, как, обсуждая в кружке друзей различные темы из всеобщей истории, «не прошло и часу, как от древней истории, от Тиглат-Паласаров и Салманасаров, мы свернули на Риэго, недавно повешенного в Испании, а затем и на другие подобные материи, и так протолковали допоздна»[4]. Наконец, напомним К.Ф. Рылеева, искренне сожалевшего о том, что в «изнеженном племени переродившихся славян» восставший народ не найдет «ни Брута, ни Риеги»[5]. Нет сомнений в том, что в дискуссиях о тактике и стратегии революционного движения судьба лидера испанских либералов должна была быть одной из животрепещущих тем.

Кроме того, есть документальное – и опубликованное – свидетельство того, что на одном из обедов в Тульчине – фактическом центре Южного общества – судьба Риего, похоже, действительно обсуждалась – хотя и без участия императора и М.С. Воронцова. Об этом рассказывает в своих письменных показаниях Следственной Комиссии по делу декабристов М.Ф. Орлов. В частности, характеризуя

---

[1] *Батеньков Г.С.* Автобиографические рассказы в письмах // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов / Общая редакция Ю.Г. Оксмана: В 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 142.

[2] *Бестужев Н.А.* Гибралтар. Письмо III // Полярная Звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / издание подг. В.А. Архипов, В.Г. Базанов и Я.Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 615.

[3] *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 419.

[4] Воспоминания Александра Семеновича Гангеблова. Как я попал в декабристы и что за тем последовало // Русский архив. 1886. № 6. С. 219.

[5] *Рылеев К.Ф.* «Я ль буду в роковое время...» // Рылеев К.Ф. Сочинения. Л., 1987. С. 75.

заговорщиков, Орлов утверждает: «[...] американский федерализм, гишпанские происшествия, неаполитанская революция играли большую ролю во всех их разговорах. Они, казалось, отвергали силу обстоятельств и постепенность дарованных прав, а руководствовались одною только умозрительною теориею, не признавающею никаких оттенков в различии нравов и обычаев народных. Я помню еще, как они все на меня восстали за то, что я сказал, что Риего (Riego) был дурак и что его нечего жалеть. Это было за обедом, где было также много и посторонних людей. Ибо все, что я теперь сказал, не говорилось наедине и под видом тайны, но публично в общих разговорах, на улице, в театре, словом, везде»[1].

М.Ф. Орлов не называет дату обеда и не называет присутствующих. Не называет он также и причин, побудивших его дать такую характеристику вождю испанских республиканцев. Однако трудно предположить, чтобы он лгал. Очевидно, что осуждение, высказанное в адрес вождя восставших испанцев, искреннее: Орлов сторонник, скорее, мирного реформирования политического строя и, вполне вероятно, не только в России.

Мог ли знать о таком отношении Орлова к Риего Пушкин? Напомним, что после отставки с поста командира 16-й пехотной дивизии (апрель 1823 года) Орлов проводит время в Крыму, Тульчине и Одессе, где также, как и в Кишиневе, общается с Пушкиным. Очевидно, что среди предметов, их занимавших, могла быть и судьба революционера: во всяком случае, и Пушкин, и Орлов высказываются по поводу привезенной П.А. Мухановым рукописи поэмы К.Ф. Рылеева «Войнаровский», смысл которой обоим понятен[2]. При этом Пушкин в этот период по взглядам, насколько можно судить, значительно радикальней Орлова. Скорее всего, именно тогда между опальным поэтом и отставным генералом происходит какой-то конфликт, на который Пушкин намекает в письме Н.Н. Пушкиной от 11 мая 1836 г.: «Орлов умный человек и очень добрый малый, но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям» (XVI, 114)[3].

---

[1] Показания генерал-майора Орлова 1-го // Орлов М.Ф. Падение Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 85.

[2] «Войнаровский, твой почтенный дитятко, попал к нам в гости; мы его приняли весьма гостеприимно, любовались им; он побывал у всех здешних любителей стихов и съездил в Одессу. [...] Я читал его М. Орлову, который им любовался; Пушкин тоже» – Муханов П.А. Письмо К.Ф. Рылееву от 13 апреля 1824 г. // Муханов П.А. Сочинения. Письма. Иркутск, 1991. С. 191.

[3] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 114.

По нашему мнению, речь и может идти о противоречиях во взглядах, высказанных во время общения на Юге. И отношение к Риего, озвученное Орловым публично, вполне могло быть транслировано им и Пушкину.

Возникает вопрос: насколько реально, чтобы столь острый текст Пушкина адресовался именно Орлову. Во-первых, известны и другие характеристики, данные ему поэтом; в частности, в первых строчках послания «<В.Л. Давыдову>» он назван «Обритым рекрутом Гименея» – достаточно ироническая оценка плешивого новобрачного генерала; не говоря уже об унизительной для Орлова эпиграмме «Орлов с Истоминой в постеле...». Во-вторых, как справедливо отмечает С.Я. Боровой, Орлов «почти всегда кажется нам более “широким”, чем его сотоварищи по общественной деятельности и борьбе, но в то же время менее цельным и последовательным»[1].

В качестве доказательства приведем пример из записок Н.И. Тургенева: «Создание Царства Польского и особенно речь Александра при открытии сейма произвели в России изрядное волнение. [...] В сердцах людей – как свободных, так и рабов – дурные страсти всегда сильнее любви к добру и истине. Поэтому генерал Орлов составил некий меморандум против учреждений, только что дарованных Александром Польше, и хотел подать его императору. Он попытался собрать подписи некоторых генералов и влиятельных лиц и даже сумел уговорить некоторых. Но еще до представления этой бумаги о ней стало известно императору, и усилия генерала Орлова пропали даром, не возымев никаких последствий. Узнав об этом, я не преминул упрекнуть Орлова в узком понимании патриотизма, заявив, что только патриотизм раба мог продиктовать ему подобный протест. Он оказался настолько благороден, что отчасти признал мои упреки справедливыми»[2]. Напомним, что, согласно одной из версий, М.Ф. Орлов должен был стать командующим войсками повстанцев[3],

---

[1] *Боровой С.Я.* М.Ф. Орлов и его литературное наследие // Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 276.

[2] *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001. С. 50.

[3] «Постановлено было в день, назначенный для новой присяги, собраться на Сенатской площади, вести туда сколько возможно будет войска под предлогом поддержания прав Константина, вверить начальство над войсками князю Трубецкому, если к тому времени не прибудет из Москвы Орлов» – *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 122—123. – Показательно, что заменить Орлова должен был вполне умеренный по своим взглядам С.П. Трубецкой, что и произошло.

и характеристика, данная ему Н.И. Тургеневым, несколько корректирует наше представление о том, как именно воспринимали генерала его радикальные современники. И хотя известные нам эпиграммы Пушкина, адресатом которых выступает Орлов, носят бытовой характер, а не политико-полемический, это не исключает и наличия «антиорловских» политических текстов.

Суммируя, мы можем сказать следующее.

Свидетельства Н.В. Гербеля и Н.В. Басаргина о том, что М.С. Воронцов позволил себе публично одобрить казнь руководителя испанского восстания, относятся к середине 1850-х – началу 1860-х гг., в то время как признание М.Ф. Орлова в публичном осуждении Р. Риего-и-Нуньеса сделано в 1826 г. При этом никто из рассказывавших историю о Воронцове сам при этом не присутствовал. Каких-либо иных источников, свидетельствующих об отношении М.С. Воронцова к Риего, также нет. Орлов же констатирует, что оценка Риего была дана им самим публично и что отношение к испанскому восстанию было одним из моментов принципиального расхождения его с молодыми радикалами из Южного общества.

Впрочем, и Северного также. Напомним, что К.Ф. Рылеев в процитированном нами выше стихотворении «Я ль буду в роковое время» (1824), ставит имя Риего рядом с именем Луция Юния Брута, предводителя восстания против царя римского Тарквиния Гордого[1].

Между апрелем 1823 г. (отставка М.Ф. Орлова) и отъездом А.С. Пушкина в Михайловское между ними наметились разногласия, о которых позже Пушкин и сообщает в письме к жене. Высока вероятность того, что разногласия носили не только человеческий, но и политический характер.

Нет оснований полагать, что история о высказывании царедворца в присутствии императора вообще имела место[2], а не была резуль-

[1] Обычно в комментариях – на наш взгляд, ошибочно – указывается имя Марка Юния Брута, убийцы Цезаря, однако упоминание Риего создает иной контекст – речь должна идти не о цареубийстве, но о радикальном республиканстве.

[2] Как раз царедворец и не мог, на наш взгляд, выступить с заявлениями подобного рода. «Испанофилия» русского общества получила развитие после того, как в Великих Луках 8 (20) июля 1812 г. уполномоченными России и испанских кортесов был подписан договор о союзнических отношениях. Александр I пошел на это, рассчитывая на усиление борьбы испанцев с Францией. Напоминание об изменении испанской политики российского императора в его присутствии в сложившейся ситуации было, по меньшей мере, бестактностью. Ф.П. Фонтон со ссылкой на бывшего поверенного в

татом художественного осмысления поэтом сложившейся вокруг подавления испанского восстания и конфликтной ситуации с тем, кого он мог отчасти считать свои единомышленником (в данном случае – с М.Ф. Орловым). Само же отношение к судьбе Р. Риеги являлось для современников Пушкина одним из важных свидетельств единомыслия: одобрять казнь Риеги могли только крайние реакционеры.

Не считая высказанные нами аргументы достаточными, чтобы однозначно атрибутировать пушкинскую эпиграмму «Сказали раз царю...» как адресованную М.Ф. Орлову, мы вместе с тем убеждены, что дальнейшая публикация ее под редакционным названием «<На М.С. Воронцова>» также является недостаточно обоснованной. Более корректной, на наш взгляд, была бы публикация под названием «<Неизвестному>» с указанием в комментарии как на версию, изложенную в публикации Н.В. Гербеля и в записках Н.В. Басаргина, так и на аргументы Л.М. Аринштейна и на свидетельство в показаниях М.Ф. Орлова.

Литература

Аринштейн Л.М. «Вторичная мемуаристика» в комментарии (Об эпиграмме Пушкина «Сказали раз царю...») // Временник Пушкинской комиссии, 1981. Л.: Наука, 1985. С. 10.

делах России в Мадриде (1811—1812), а затем заведующего дипломатической частью при великом князе Константине Павловиче (1814—1823) тайного советника барона П.О. Моренгейма описывает «шутку», подстроенную Константином по отношению к брату, возвращавшемуся после Веронского конгресса 1822 г., на котором Россия согласилась разорвать отношения с революционной Испанией. Истопник великого князя Еремей, отвечая на провокационный вопрос о том, какое правление есть наилучшее, указал на правление испанских народных представительных кортесов, аргументируя это тем, что правительство было признано Александром, заключившим с ним союз – см.: *Фонтон Ф.П.* Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма. В 2 т. Т. 1. Лейпциг, 1862. С. 28—30. – Понятно, что намек исходил не от истопника, а от его господина. При этом двойственность положения российского императора, разумеется, вряд ли была секретом не только для его брата и бывшего наследника, но и для высшего генералитета и чиновничества, к которому принадлежал Воронцов. Однако то, что мог себе позволить цесаревич Константин Павлович, отстраненный Александром от наследования престола и, несомненно, имевший право чувствовать себя оскорбленным и подшучивать над ним (пусть и устами своего истопника), не мог себе позволить М.С. Воронцов – сын посла в Италии и Англии, племянник и внучатый племянник двух государственных канцлеров, воспитанный с хорошим знанием придворного этикета.

Батеньков Г.С. Автобиографические рассказы в письмах // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов / Под общ. ред. Ю.Г. Оксмана: В 2 т. М.: ГПИБ, 2008. Т. 2. С. 142.

Басаргин Н.В. Записки // Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / Вст. ст., подгот. текста И.В. Порох. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. 541 с.

Бестужев Н.А. Гибралтар. Письмо III // Полярная Звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / издание подг. В.А. Архипов, В.Г. Базанов и Я.Л. Левкович. М.; Л.: Наука, 1960. С. 615.

Боровой С.Я. М.Ф. Орлов и его литературное наследие // *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М.: Наука, 1963. 376 с.

Муханов П.А. Сочинения. Письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. 496 с.

Показания генерал-майора Орлова 1-го // *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М.: Наука, 1963. 376 с.

Розен А.Е. Записки декабриста / Издание подгот. Г.А. Невелевым. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 480 с.

Рылеев К.Ф. Сочинения. Л.: Художественная литература, 1987. 416 с.

Тургенев Н.И. Россия и русские. Пер. с фр. и ст. С.В. Житомирской, коммент А.Р. Курилкина. М.: ОГИ, 2001. 742 с.

Фомичев С.А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. Л.: Наука, 1983. С. 27–65.

References

Arinshtein L.M. «Vtorichnaia memuaristika» v kommentarii (Ob epigramme Pushkina «Skazali raz tsariu...») [Secondary Memoirs Commented (On Pushkin's Epigram "They Said Once to a King"] // *Vremennik Pushkinskoi komissii, 1981* [Annals Pushkin Commission, 1981]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. p. 10. (In Russ.)

Baten'kov G.S. Avtobiograficheskie rasskazy v pis'makh [Epistolary Autobiographical Stories]. *Vospominanija i rasskazy dejatelej tajnyh obshhestv 1820-h godov* [Memories and stories of secret societies figures 1820], Pod obshh. red. Ju.G. Oksmana: V 2 t. Moscow, GPIB Publ., 2008, t. 2. p. 142. (In Russ.)

Basargin N.V. Zapiski [Notes] // Basargin N.V. *Vospominaniia, rasskazy, stat'i* [Memories, stories, articles], Vst. st., podgot. teksta I.V. Poroh. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. 541 p. (In Russ.)

Bestuzhev N.A. Gibraltar. Pis'mo III [Gibraltar. Letter III] // *Poliarnaia Zvezda, izdannaia A. Bestuzhevym i K. Ryleevym* [Polar Star, published by A. Bestuzhev and K. Ryleev], izdanie podg. V.A. Arkhipov, V.G. Bazanov i Ia.L. Levkovich. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1960. p. 615. (In Russ.)

Borovoi S.Ia. M.F. Orlov i ego literaturnoe nasledie [Orlov and His Heritage] // Orlov M.F. *Kapituliatsiia Parizha. Politicheskie sochineniia. Pis'ma* [The capitulation of Paris. Political writings. Letters]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 376 p. (In Russ.)

Mukhanov P.A. *Sochineniia. Pis'ma* [Works. Letters]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 496 p. (In Russ.)

Pokazaniia general-maiora Orlova 1-go [Testimonies of Major-general Orlov the First] // Orlov M.F. *Kapituliatsiia Parizha. Politicheskie sochineniia. Pis'ma* [The capitulation of Paris. Political writings. Letters]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 376 p. (In Russ.)

Rozen A.E. *Zapiski dekabrista*. [Notes of a Decembrist]. Izdanie podgot. G.A. Nevelevym. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 480 p. (In Russ.)

Ryleev K.F. *Sochineniia* [Works]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987. 416 p. (In Russ.)

Turgenev N.I. *Rossiia i russkie* [Russia and Russians]. Per. s fr. i st. S.V. Zhitomirskoj; Komment. A.R. Kurilkina. Moscow, OGI Publ., 2001. 742 p. (In Russ.)

Fomichev S.A. Rabochaia tetrad' Pushkina PD № 835 (Iz tekstologicheskikh nabliudenii) [Pushkin's Workbook PD 835 (From Textological Observations)]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. [Pushkin: Studies and Materials]. t. 11. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 27–65. (In Russ.)

Unnoticed confession by Mikhail Orlov
(On the Probable Addressee of a "They Said Once to a King" Epigram)

Alexander Feduta

Abstract: It is traditionally thought that the addressee of Pushkin's epigram "They said once to a King" is count M.S. Vorontsov. This position is grounded on late memoirs of Decembrist N.V. Basargin. A critical analysis of historical events taking into account a certain M.F. Orlov's testimony makes one doubt the verity of this position.

Keywords: A.S. Pushkin, addressee problem, epigram, memoirs

Information about the author: Alexander I. Feduta, PhD, chief editor of Limarius Publishing House, Minsk, Belarus. E-mail: feodor1964@yandex.by

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-237-244
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

«Варвара мне тетка, а правда сестра»: стернианская пословица в русской литературе

А.В. Кошелев

Аннотация: В статье рассмотрены литературные корни пословицы «Варвара мне тетка, а правда сестра», а также ее применение в русской журналистике первой половины XIX в., в частности, в статьях Ф.В. Булгарина.

Ключевые слова: пословица, Лоренс Стерн, Ф.В. Булгарин, «Северная пчела»

Информация об авторе: Анатолий Вячеславович Кошелев, д.ф.н., профессор Новгородского гос. университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. E-mail: anatoly.koshelev@yandex.ru

Пословица «Варвара мне тетка, а правда сестра» воспринимается как органическая часть русской народной культуры: неслучайно она попала в собрание В.И. Даля[1]. Между тем, это выражение имеет литературные корни, что было выявлено еще в XIX в. М.И. Михельсоном, указавшим на неожиданную связь пословицы с романом Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»[2].

Вальтер Шенди, отец заглавного героя романа, любил повторять историю своей двоюродной тетки Дины, «которая, лет шестьдесят тому назад, вышла замуж за кучера и прижила от него ребенка». Этот случай служил для него ярким доказательством теории о мистическом влиянии, которое имя «неизбежно оказывает на наш характер и наше поведение». Историю «злосчастной порчи одной из прекраснейших веток» Вальтер Шенди рассказывал во многих случайных обществах, что всякий раз вызывало оправданное негодование его брата, дяди Тоби. Отвечая на упреки последнего, Вальтер обычно вспоминал крылатую фразу, приписываемую Аристотелю («Платон мне друг, но

[1] Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957. С. 196.

[2] См.: *Михельсон М.И.* Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М., 1994. С. 32.

истина больший друг») [1]. Вот как представлено это место в первом русском переводе романа Стерна, выполненном М.С. Кайсаровым в начале XIX в.; стремящийся к адекватной передаче сложной художественно-языковой системы подлинника, в данном случае М. Кайсаров производит замену имени героини, называя Дину – Варварой:

«– Отец мой, как я сказывал вам, был совершенной Философ, – умозрительный, – систематической; – и дело бабушки Варвары было для него столь же важно, как течение планет для Коперника. [...]

– Amicus Plato, говорил отец мой дяде Тоби, расхаживая по комнате, – Amicus Plato, – то есть *Варвара* была моя тетка; – sed magis amica veritas – но *истина* мне сестра» [2].

«Варвара, то есть варварка...», – так объяснил особенности характера знаменитой великомученицы, явленные в «своеобразном житии», отец Павел Флоренский [3]. Негативные значения, которые закрепились за «варваром» в греческом языке (чужой, жестокий, необразованный и т.д.), сформировали представление об этом имени в русской культуре. См., например, в собрании В.И. Даля: «Проворна Варвара на чужие карманы», «прогнали Варвару из чужого амбару»[4] и т.д. А значение пословицы «к Варваре на расправу» традиционно связывается с тем, что рядом с церковью св. Варвары в Москве находился Судебный приказ, где нередко пытали заключенных[5]. Надо думать, что подобные наблю-

---

[1] *Стерн Лоренс*. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 78–79.

[2] Жизнь и мнения Тристрама Шанди. Сочинение Стерна. СПб., 1804. Т. 1. С. 163–164. Ср. ориг.: «Amicus Plato, my father would say, construing the words to my uncle Toby, as he went along, Amicus Plato; that is, Dinah was my aunt; – sed magis amica veritas – but Truth is my sister».

[3] См.: *Флоренский Павел*. Имена. Кострома, 1993. С. 211–219.

[4] Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. С. 165.

[5] См.: *Федосюк Ю.А.* Москва в кольце Садовых. Путеводитель. М., 1983.

«Мистическое», если пользоваться выражением героя Стерна, значение имени, осознанное в художественном творчестве, не было с достаточной полнотой описано в исследованиях первой половины XIX в. И.М. Снегирев, например, объяснял появление личных имен в народных выражениях так: «В поговорках народных часто встречаются [...] имена собственные, род метонимии народной, кои обобщились употреблением, как напр.: Иваны, Макары, Мироны, Яковы, Ермаки, Еремеи, Пахомы, Федоты, Фомы, Варвары, Настасьи, Марьи, Татьяны, Пелагеи и пр. Лицо, место и время забыты, а имя и дело остались в поговорке» (Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. И. Снегирева. Ч. I–IV. М., 1834. Ч. IV. С. 193–194).

дения заставили Михаила Кайсарова изменить имя героини романа Стерна: в этом случае «мнение» Вальтера Шенди, записанное его сыном, становится понятнее русскому читателю[1].

В первой трети XIX века замечание о тетке Варваре из русского перевода «Жизни и мнений Тристрама Шенди» не воспринималось в качестве исконного русского выражения, но его афористическая точность была быстро оценена Ф. Булгариным.

В 1830 г. П.А. Каратыгин написал свой первый водевиль «Знакомые незнакомцы», в одной из «эпизодических сцен» которого была представлена «ожесточенная борьба» Н.А. Полевого и Булгарина (выведенного в образе журналиста Сарказмова). На сцене Сарказмова сыграл актер Василий Рязанцев, который «фигурой своей, и лицом, и голосом очень походил на Булгарина». Каратыгин записал в своих воспоминаниях обращенные к нему слова Булгарина: «А Рязанцев собака, говорят, мастерски меня скорчил. Я не видал еще вашей пьесы, но люди, которым я верю, ее хвалят; на днях непременно пойду посмотреть ее и сам напишу о ней статью. Только уж не прогневайтесь, какая случится, в литературном мире у меня нет ни свата, ни брата; мне тетка – Варвара, а правда – сестра».

«Это была любимая его поговорка (из романа Свифта), – продолжил Каратыгин. – Не знаю, была ли у него тетка Варвара, но что касается сестры, то об этом бабушка на двое сказала»[2].

«Северная пчела» откликнулась на премьеру краткой рецензией, в которой приветствовала дебют начинающего драматурга: «Журналист Сарказмов, хотя карикатурен, но забавен до крайности [...]. Советуем г. Каратыгину не ограничиваться одним этим водевилем: мы даем ему наше журнальное благословение и с отверзтыми объятиями принимаем в авторскую семью. В добрый час!»[3]

Каратыгин, конечно, ошибся с английским автором. Упоминая же о «слабости» Булгарина к сентенции о Варваре, Каратыгин, думается, ориентировался не только на личное с ним общение, но и на печатные выступления журналиста. Тот прибегал к этому выражению в том случае, когда хотел отделить собственную точку зрения от мнения других, но близких ему по духу авторов.

---

[1] Ср.: «...отец мой, соображаясь с своею гипотезою о Христианских именах, часто говаривал, что ей [Варваре] должно бы благодарить своих отца и мать крестных» (Жизнь и мнения Тристрама Шанди. Т. 1. С. 156).

[2] *Каратыгин П.А.* Записки. Л., 1929. Т. 1. С. 300, 309.

[3] Знакомые незнакомцы, новая комедия-водевиль, в одном действии. Соч. актера г. Каратыгина меньшого // Северная пчела. 1830. № 47. 19 апреля.

Для Булгарина это выражение не существует «отдельно» от Стерна. В 1858 г. он опубликовал замечания на статью А. Старчевского об Осипе Сенковском[1]. По мнению Булгарина, последний позволил молодому коллеге приукрасить свои ученые заслуги: «Господин А. Страчевский уверяет [...], что Сенковский [...] изучал китайский, монгольский, манджурский, тибетский и многие другие языки. [...] удивляюсь, как он при жизни своей позволил господину Старчевскому напечатать себе заживо панегирик, основанный на лжи и проникнутый хитросплетениями. [...] Ожидаем полной биографии О.И. Сенковского, человека ученого, умного, но более остроумного, трудолюбивого, деятельного, обладавшего многосторонними и разнообразными сведениями, вообще человека с большими дарованиями, но ... довольно о нем; придерживаюсь буквально писанного Стерном: *Варвара мне тетка, а правда сестра.* Dixi!»[2]

Однако в критических статьях Булгарина значение пословицы оказывается более сложным. Остановимся на одном показательном примере.

«Варвара мне тетка, а правда сестра. *Стерн*», – такой эпиграф предпослан к одной из его статей о сборнике Барона Брамбеуса (т.е. того же Осипа Сенковского) «Фантастические путешествия» (1833)[3].

Статья написана от лица рассказчика, который попал в общество, «где находилось несколько любителей и любительниц словесности». Разговор коснулся недавно изданных повестей, и он сказал: «Я почитаю “Фантастические путешествия” [...] явлением необыкновенным не только в русской, но и в современной европейской литературе». В разговор вмешался некий «пожилой человек», который, «подняв указательный палец», спросил, какую из четырех повестей, составивших сборник, рассказчик считает лучшей.

«Я хотел было отвечать, – писал Булгарин, – но один из собеседников не допустил меня и сказал: «Разумеется, что лучшая статья суть: Поэтическое путешествие по белу свету и Сентиментальное путешествие на гору Этну [...] Ведь и в “Северной пчеле” похвалили

---

[1] См.: Справочный энциклопедический словарь. Т. X. Часть II. СПб., 1858. С. 370-377.

[2] *Ф.Б.* [Булгарин Ф.В.] Журнальная всякая всячина (Письмо в Сибирь) // Северная пчела. 1858. № 95. 3 мая. Обвинения эти несколько запоздали: Сенковский скончался в начале марта 1858 г. Автор благодарен А.И. Рейтблату, указавшему на цитированную статью.

[3] См.: *Ф.Б.* [Булгарин Ф.В.] Обозрение новых русских романов и других произведений словесности // Северная пчела. 1833. № 269. 25 ноября.

особенно две эти статьи...”». Далее слово взял пожилой человек. Назвав критику «Северной пчелы» «слишком поверхностною», он потряс слушателей своим пониманием «Ученого путешествия на Медвежий Остров»: «Глубокомысленна, как “Фауст” Гете, и производит такое впечатление, как Байронов “Манфред” [...] статья *Ученое путешествие на Медвежий остров* есть поэма, исполненная жизни, высочайшей поэзии, изобилующая глубоким чувством филантропии, являющейся здесь в плаще иронии. [...] У всех народов сохранилось предание о *потопе*, истребившем развратное и униженное пороками человечество. – Это был перелом (кризис) болезненного состояния природы, и человека, переход к новой жизни. [...] Брамбеус в пиитическом порыве начертал нам великую картину сего ужасного переворота, бывшего в натуре [...] И посреди сих ужасов выставлено развратное человечество с своими мелкими страстями, с своим смешным тщеславием, с своею ничтожною надменностью. Какая высокая поэзия, какое спасительное нравоучение! [...] При чтении сей статьи меня несколько раз обдавало ужасом, и этого хотел автор, когда писал грозную картину разрушения природы. Но по прочтении во мне осталось не *горестное* и не *неприятное* впечатление, а, напротив, в душе моей возродилось высокое чувство моего благородства, чувство высокого предопределения человека, когда я, закрыв книгу, сказал себе: душа моя бессмертна, и сокрушение целой вселенной не лишит меня бытия!» В иероглифах Писаной комнаты «пожилой человек» увидел «спасительное нравоучение» для своих современников, т.е. понял повесть как антиутопию. Современники были неприятно поражены излишне смелыми сопоставлениями повести Брамбеуса с произведениями крупнейших европейских авторов[1].

Статья оканчивается следующим замечанием: «...как я совершенно согласен с его мнением, то с величайшим удовольствием подписываю под его статьей мое имя – Ф.[аддей] Б.[улгарин]» (такого рода «двойные» подписи не редки в его критике). Приписывая авторство постороннему человеку, а за собой оставляя роль «секретаря», Булгарин в данном случае сглаживал полемическую остроту своего выступления, направленного против сотрудника его же газеты.

Под «поверхностной критикой» «Фантастических путешествий» имеется в виду статья, подписанная литерой «О.» (под ней в «Север-

[1] Отзывы об этом выступлении Булгарина собраны в статье: *Кошелев А.В.* «Какой-то Брамбеус...» // Будущее как сюжет. Статьи и материалы. Тверь, 2014. С. 89–97.

ной пчеле» публиковался критик и переводчик А.Н. Очкин)[1]. Отметив «Поэтическое путешествие по белу-свету» и «Сентиментальное путешествие на гору Этну», критик предложил оригинальную трактовку «Ученого путешествия...»: «Автор говорит не о всемирном потопе, который находим мы в Священном Писании; но у всех народов есть предание о том, что некогда существовал мир порочный, который, за грехи свои, истреблен великим потопом». Такая трактовка «Ученого путешествия...» чрезвычайно близка той, которую высказал «пожилой человек» из булгаринской статьи.

Но, лишь заявив о «серьезном» содержании повести, критик свел свои рассуждения в фарс: «Où diable la poèsie va-t-elle se nicher? (Где, черт возьми, гнездится поэзия – *фр.*) – скажете вы. Оно, конечно, странно; но поэт превращает в поэзию все, к чему прикасается; прочтите [...] описание кометы, её обрушение, взволнование земли, на которой сила природы переставляет горы, как рука игрока в шахматы; взгляните на шар земной, который, выбившись из обыкновенной своей колеи, неправильно носится в беспредельном пространстве, колышется и переменяет полюсы; прочтите все это, и скажите мне, если можете, что это не поэзия, не самая высокая поэзия!» Последнее замечание указывало на ту «высокую поэзию», которую почувствовал Брамбеус в одесском карантине (повесть «Поэтическое путешествие по белу-свету»): «Я поселюсь в моей комнатке. В одно мгновение ока огромные, тощие алчные блохи, подобно угрызениям совести, нападают на меня черною тучею; кусают, щиплют мое тело, скачут по лицу и по рукам, проникают в сапоги и под платье, высасывают кровь из-под кожи, высасывают спокойствие из души, счастие из сердца, воображение из головы; я чешусь, прыгаю, потею, изнемогаю; отчаяние овладевает мною [...] «Здесь есть высокая поэзия! – восклицаю я с восторгом. – Что за малороссийская грязь!.. Настоящая поэзия находится только в одесском карантине»».[2]

«Не знаю, чему дивиться в этом превосходном творении: силе и воображению автора, поэтическому взгляду его на вещи, чудному искусству, с которым управляет он читателем, то поражая его ужасом, то заставляя смеяться, или безжалостности, с которою он истребляет впечатление, им произведенное, заменяя его другим, совершенно противоположным», – так подытожил критик свои «разные впечатления» от повести Брамбеуса. «Теткина ложь» на

[1] *О.* [Очкин А.Н.?] Новые книги. Фантастические путешествия Барона Брамбеуса. СПб., 1833 // Северная пчела. 1833. № 248. 1 ноября.

[2] *Сенковский О.И.* Сочинения Барона Брамбеуса. М., 1989. С. 46.

поверку отнюдь не противопоставлена «сестриной правде» статьи Булгарина.

Да и «правда» оказывается удивительно разноликой. Булгарин вернулся к обсуждению «Ученого путешествия...» спустя две с небольшим недели после выхода первой статьи, опубликовав в разделе «Юмористика» письмо раздраженного повестью врача-гомеопата Прудеуса (*лат.* – ученый)[1].

Незадачливый Прудеус заявил о вреде повести по «медицинским показаниям»: «В ней острота и ум разлиты аллопатически» (т.е. – в избыточном количестве). За строгим приговором без труда угадывалось восхищение юмористическим талантом автора. Эта статья, как и раннее выступление Булгарина, имеет замысловатую подпись: «По гомеопатической бережливости Г. Прудеуса на чернила, подписуется за него: Ф.Б.».

Разные интерпретации собственного творчества допускал и сам Стерн. В одном из своих писем к любителю литературы, подарившему писателю трость, он отметил: «Пользуясь тростью, каждый берется за ту рукоятку, которая для него наиболее удобна. В “Тристраме Шенди” читатели берутся за ту рукоятку, которая подходит для их страстей, их невежества, их чувствительности». Эта особенность «Ученого путешествия...» Сенковского раскрывается в статьях Булгарина.

В критическом творчестве Булгарина отражен один из этапов ассимиляции выражения про «Варвару» в русском языке. Включение же его в сборник Даля, изданный впервые в 1862 г., означает, что к этому времени фраза из переводного романа стала осознаваться как полноценная русская пословица.

Литература

Каратыгин П.А. Записки: В 2 т. Л.: Academia, 1929.

Кошелев А.В. «Какой-то Брамбеус...» // Будущее как сюжет. Статьи и материалы. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 89–97.

Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: Терра, 1994. 598 с.

Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: ГИХЛ, 1957. 992 с.

Сенковский О.И. Сочинения Барона Брамбеуса / Сост.: В. А. Кошелев, А. Е. Новиков. *М.*: Советская Россия, 1989. 491 с.

[1] *Ф.Б.* [Булгарин Ф.В.] Письмо гомеопата Прудеуса к знатоку египетских иероглифов Барону Брамбеусу // Северная пчела. 1833. № 286. 13 декабря.

Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шанди. Т. 1–6. СПб., 1804–1807.

Федосюк Ю.А. Москва в кольце Садовых. Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1983. 447 с.

Флоренский П. Имена. Кострома: Купина, 1993. 320 с.

References

Karatygin P.A. *Zapiski*: V 2 t. Leningrad, Academia Publ., 1929. (In Russ.)

Koshelev A.V. "Kakoi-to Brambeus..." ["Any Brambeus..."]. *Budushchee kak siuzhet. Stat'i i materialy*. Tver', Marina Batasova Publ., 2014, pp. 89–97. 328 p. (In Russ.)

Mikhel'son M.I. *Khodiachie i metkie slova. Sbornik russkikh i inostrannykh tsitat, poslovits, pogovorok, poslovichnykh vyrazhenii i otdel'nykh slov (inoskazanii)*. [Catch words. Collection of Russian and foreign quotations, proverbs, sayings, proverbs and expressions (parables)]. Moscow, Terra Publ., 1994. 598 p. (In Russ.)

Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. Sbornik V. Dalia. Moscow, GIHL Publ., 1957. 992 p. (In Russ.)

Senkovskii O.I. *Sochineniia Barona Brambeusa* Works by Baron Brambeus], sostaviteli V.A. Koshelev, A.E. Novikov. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1989. 491 p. (In Russ.)

Stern L. *Zhizn' i mneniia Tristrama Shandi* [The Life and Opinions of Tristram Shandy]. T. 1–6. Saint Petersburg, 1804–1807. (In Russ.)

Fedosiuk Iu.A. *Moskva v kol'tse Sadovykh. Putevoditel'*. [Moscow Garden Ring. Guide]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1983. 447 p. (In Russ.)

Florenskii Pavel. *Imena* [Names]. Kostroma, Kupina Publ., 1993. 320 p. (In Russ.)

«Barbara Is My Aunt, but Truth Is My Sister»: Laurence Sterne's saying in Russian Literature

Anatoly V. Koshelev

Abtract: The article analyses literary sources of the proverb "Barbara is my aunt, but Truth is my sister" and its use in Russian periodicals in the first half of the XIXth century, particularly in F.V. Bulgarin's articles.

Keywords: proverb, Laurence Sterne, F.V. Bulgarin, *Severnaya Pchela*

Information about the author: Anatoly V. Koshelev, Doctor Hab. in Philology, Professor at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia. E-mail: anatoly.koshelev@yandex.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-245-290
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Булгарин и вокруг

А.И. Рейтблат

Аннотация: В своих обширных «Воспоминаниях» (1846–1849) Ф.В. Булгарин не дошел до периода своей литературной и редакторской деятельности. Однако републикуемые мемуарные фрагменты из его забытых фельетонов в газете «Северная пчела» содержат сведения о русских писателях первой половины XIX века, с которыми он был хорошо знаком, уточнения к биографическим публикациям о них, характеристики их творчества.

Ключевые слова: Ф. Булгарин, мемуаристика, литературные биографии

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская библиотека искусств, Москва, Россия: E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

В центре отечественной историко-литературоведческой науки с самого ее возникновения – писатели, условно говоря, верхнего слоя литературы, составившие канон русской классики.

Собственно, сама эта наука внесла немалый вклад в фомирование и поддержание данного канона. Все, что не входило в него, почти не удостаивалось внимания исследователей, а если и становилось предметом изучения, то, как правило, именно в аспекте связей с писателями из канона. Из литераторов первой половины XIX века в число классиков вошли литераторы-любители, которые жили за счет службы или поместья. Писательство не было главным предметом их занятий, поэтому печатались они мало, литературные доходы (если они и были) служили им лишь в качестве некоторого дополнения к основным источникам средств. Другой литературный слой – профессиональные литераторы, главным образом журналисты, которые со второй половины 1830-х годов преимущественно обеспечивали материалом для чтения русскую читающую публику, были презрительно названы коммерческими и почти не изучались. В результате такие ключевые для русской литературы и журналистики фигуры, как Н.И. Греч, Ф.В. Булгарин, Н.В. Кукольник, П.П. Свиньин, не говоря

уже о таких литераторах, как К.П. Масальский, Р.М. Зотов, А.В. Тимофеев и др., по сути выпали из круга исследовательского внимания, и эмпирический материал о их жизни и деятельности введен в научный оборот лишь в очень небольшой степени. Ситуацию несколько изменил биографический словарь «Русские писатели. 1800–1917», но представленные в нем сравнительно краткие статьи в полной мере проблему не решают. Данная коллективная рубрика ставит своей задачей публикацию документальных материалов о литераторах этого «журнального» слоя литературы. В известном смысле она служит продолжением намеченного в более широких рамках проекта «булгаринского номера» «Нового литературного обозрения» (1999. № 40).

1. Воспоминания Ф.В. Булгарина о писателях (из «Северной пчелы»)

Значительную часть литературного наследия Ф.В. Булгарина составляют мемуары, в частности лучшая его книга «Воспоминания» (Ч. 1–6. СПб., 1846–1849). К этому жанру Булгарин обратился довольно рано. Уже в первой половине 1820-х гг. он публиковал в «Северном архиве» небольшие мемуарно-некрологические заметки, а со второй половины этого десятилетия регулярно выступал с воспоминаниями, среди которых такие заметные публикации, как «Встреча с Карамзиным» (1828), «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» (1830), «Театральные воспоминания моей юности» (1840), «Воспоминания об И.А. Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений» (1845), «Поездка в Грузино в 1824 году» (1846). Однако помимо этих хорошо известных и широко используемых текстов он поместил в «Северной пчеле» десятки других мемуарных очерков, посвященных военным, писателям, актерам и т.д. – как отдельных и нередко довольно обширных, например, «Воспоминания о Василье Андреевиче Каратыгине» (1853), «Краткий биографический очерк генерал-лейтенанта Александра Ивановича Михайловского-Данилевского» (1848), так и более кратких, включенных в его фельетоны из цикла «Журнальная всякая всячина». Последние малоизвестны и редко учитываются историками, литературоведами и театроведами. Принято считать, что публикация архивных материалов гораздо ценнее републикации ранее печатавшихся текстов. В какой-то степени это верно, но нередко опубликованные тексты доступны меньше, чем неопубликованные. Дело в том, что применительно к архивам исследователь располагает обзорами фондов, их описями, картотеками авторов (а в некоторых архи-

вах и упоминаемых имен) и т.д. Газеты же «раскрыты» гораздо хуже. Библиографические росписи имеются по очень немногим изданиям, а тематических библиографических указателей почти нет. Так, указатель мемуарных публикаций, подготовленный С.Р. Минцловым[1], включает лишь ничтожную часть воспоминаний, печатавшихся на страницах русских газет.

В этом номере ЛФ мы републикуем несколько булгаринских мемуарных фрагментов из «Журнальной всякой всячины», посвященных русским писателям, с которыми Булгарин был хорошо знаком. Учитывая журнальный характер публикации, причем в профессиональном издании, широкоизвестные персонажи, например Н.И. Греч, А.Ф. Смирдин, А.С. Шишков, не комментируются. В библиографических описаниях «Северная пчела» указывается сокращенно: СП.

---

[1] См.: *Минцлов С.Р.* Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1911–1912. Вып. 1–5.

[О.И. СЕНКОВСКИЙ]

Некоторые почитатели покойного Осипа Ивановича Сенковского, желая составить полную его биографию[1], просят всех знавших его сообщить известные им о нем сведения не позже 1 сентября сего года в книжный магазин А. Смирдина сына[2] и Комп. Я знал покойного О.И. Сенковского с начала 1817 года[3], т.е. сорок с лишком лет, прочел все, что он написал по-русски, по-польски и по-французски, и могу утвердительно сказать, что находился с ним всегда в самых коротких отношениях. И на этот торжественный вызов гг. почитателей покойного Сенковского обязан я сказать все, что знаю.

Обращаюсь сначала к почитателям О.И. Сенковского с краткою речью: «Каких же сведений о покойном требуете вы, господа, когда в Справочном энциклопедическом словаре, изданном под редакциею А. Старчевского (том IX, часть II, на странице 370 до 377)[4] премелким шрифтом напечатана полная и преполная биография О.И. Сенковского»? В этой биографии род Сенковских выведен из известного рода *Сарбевских*, в котором процветал знаменитый поэт *Сарбевский* (Sarbevius)[5]. Исчисление предков его начинается со времен польского короля Сигизмунда I[6]. По исчислению всех предков покойного Осипа Ивановича видно, что многочисленные отрасли Сенковских

из Сарбева, из Великого Сенкова, из Болемина, из Войнова[7] были, по уверению биографа, близкие между собою родственники. В этом жизнеописании прибавлено, что все они были *великие писатели* и люди *близкие к польской королевской фамилии* и что один из Сенковских был другом Коперника и Гозиуса[8]. Чудное сочетание великих мужей в одном роде! Дед О.И. Сенковского, по удостоверению биографа, находился в *тесных дружеских связях* с бывшим королем польским Станиславом Понятовским[9], а отец Осипа Ивановича, по словам биографа, камергером короля, славился с ранних лет отличным образованием и необыкновенным остроумием. Женщины в роде Сенковских, по словам биографа, были немки, итальянки и француженки. Вступление в биографию О.И. Сеновского – настоящая «Илиада»! Недостает только доказательства происхождения героя от Юпитера. Но мы, благоговея пред возгласами биографа, осмелимся сказать, что слышали от покойного нашего дяди, подконюшего Великого княжества Литовского и маршала трибунальского Павла Булгарина[10], как он, рассказывая самому О.И. Сенковскому об его отце, припоминал, что отец Сенковского, родовой дворянин, служил прежде у известного богача Тизенгауза[11], потом исправлял у моего дяди звание комиссара, или эконома в поместье его. Это нисколько не унижает Осипа Ивановича, потому что в старинной Польше обедневшие члены весьма хороших фамилий служили у других богатых дворян, хотя и обедали за одним столом с ними и составляли общество хозяина (jak wolny z wolnym, jak równy z równym[12]).

По окончании курса наук в Минской гимназии[13] О.И. Сенковский поступил в Виленский университет и, оказав необыкновенные успехи в науках, обратил на себя внимание профессоров университета, славившихся тогда в Вильне. В это время Сенковский, пристрастившись к восточным языкам, познакомился с одним ученым татарином и под его руководством перевел с арабского на польский язык басни Пильпая, снабдил их комментариями и напечатал[14]. Виленский университет не имел тогда профессора восточных языков, и этот перевод Пильпая подал мысль ученым основать в университете кафедру восточных языков, на что с радостью согласился бывший тогда попечителем университета князь Адам Адамович Чарторийский[15], пользовавшийся особенною милостию Императора Александра Павловича. Образованная публика, которая на зиму собиралась в Вильне и всегда живо сочувствовала успехам тамошнего университета, содействовала исполнению этого предприятия. Добровольными складчинами собрана была значительная сумма, чтоб отправить О.И. Сенковского на Восток для изучения восточных языков, с одним только условием,

чтобы он издал, на польском языке, знаменитое сочинение д'Оссона о Турции, с комментариями[16]. В 1819 году Сенковский отправился в Константинополь, а оттуда на Ливанские горы, где, между племенем друзов[17], жил известный ученый ориенталист Арида[18]. В Ливанских горах Сенковский изучил древний арабский язык и новое его наречие, также и язык турецкий. Потом совершил путешествие по Египту и Нубии. Из Константинополя послал в виленский журнал («Dziennik Wileński») статью о своем путешествии из Вильны до Одессы, в которой описаны помещичий быт и состояние поселян в губерниях, от Польши присоединенных. В этой статье жестоко отделаны все помещики, которые подписались на его путешествие[19]. Некоторое время О.И. Сенковский находился при нашей миссии в Константинополе, под начальством посла нашего в Турции барона (впоследствии графа) Г.А. Строгонова[20]. В конце 1821 года, при разрыве с Турциею, Сенковский возвратился в Вильну, но вооружив против себя прежнею статьею всех виленских ученых и виленскую публику, нашел весьма неблагоприятное к себе расположение. Мысль об определении его профессором восточных языков в Вильне была весьма отринута — хотя его биограф в «Справочном энциклопедическом словаре» и утверждает, что ему предоставлено было это место[21]. При таком расположении виленского общества Осип Иванович решился отправиться в Петербург и прибыл сюда в 1823 году[22]. На другой день по прибытии он навестил меня. Я должен был поделиться с О.И. Сенковским, как говорится, *последними крохами*, и он принял за то участие в моих трудах. Первая статья его, напечатанная в «Сыне Отечества», наделала много хлопот. Сенковский написал известие о путешественнике по Египту г. Бельзони[23], опровергая все его заслуги и достоинства[24]. И в это самое время Бельзони прибыл в Петербург. Трудно себе представить, до какой степени ожесточился Бельзони! Он непременно хотел убить Сенковского, и мне стоило немало труда и хлопот успокоить раздраженного италиянца[25].

В начале 1824 года навестил я бывшего тогда попечителем С. Петербургского учебного округа Дмитрия Павловича Рунича[26] и застал его, пишущего письмо в Вену, к известному ориенталисту Гаммеру, с просьбою прислать ориенталиста для замещения гг. Деманжа и Шармуа[27], которые в это время перешли из университета в Министерство иностранных дел. Узнав о содержании письма, я сказал Руничу, что он может заменить этих иностранных профессоров русским подданным, который на счет виленского дворянства обучался восточным языкам на месте и находится теперь в Петербурге. Д.П. Рунич весьма обрадовался этому известию и поручил мне на другой же день при-

везти к нему молодого ориенталиста. Я исполнил поручение. Сенковский отправлен был к академику Френу[28] для испытания и вслед за тем определен ординарным профессором восточных языков в С. Петербургском университете[29]. В 1826 году Сенковский издал на польском языке сочинение под заглавием «Collectanea» или извлечение из турецких летописей разных отрывков, касающихся до сношений и столкновений Турции с Россиею и Польшею[30]. Эта книга произвела величайшее негодование во всех провинциях, составлявших древнюю Польшу. Все ложные и превратные рассказы турецких историков относительно сношений Турции с Польшею представлены были Сенковским как сущая правда, и польские победы над турками превращены в поражения. В 1828 году Осип Иванович издал, на французском языке, забавную, но при том злую статью против известного венского ориенталиста Гаммера, написавшего книги: «Des origines russes» и «Supplément à l'Histoire des Huns, des Turcs et des Mogols»[31]. В 1830 г. издал он перевод, или правильнее, переделку романа Мориера, под заглавием: «Гаджи-Баба», который имел два издания[32]. В то время О.И. еще плохо владел русским языком, и перевод его был исправлен или, лучше сказать, переделан Н.И. Гречем. В 1829 г. Сенковский назначен был членом ценсурного комитета, в котором звании находился до 1833 года[33]. Он был отличный ценсор, руководствовал и предостерегал писателей, стараясь по возможности расширить круг их деятельности. После издания «Гаджи-Баба» Сенковский начал писать по-русски и помещал статьи в издававшихся тогда альманахах и журналах[34]. Он особенно был замечателен так называемым *юмором* (humour); хотя многие статьи его не отличались безукоризненною чистотою и правильностью слога, но везде проявлялись его ум, начитанность, познания и наблюдательность. Так называемой *сердечной стороны* в его сочинениях вовсе не заметно. В 1833 году начал он издавать журнал «Библиотека для чтения» с книгопродавцем А.Ф. Смирдиным, который взял на себя все издержки. В первом году издания (1834) участвовал в нем Н.И. Греч.

Не стану разбирать подробно «Библиотеки для чтения»; скажу только, что между многими остроумными ее статьями было бесчисленное множество парадоксов и вообще несправедливых мыслей и суждений. Не зная вовсе России и нравственного ее состояния, изучив русский язык только поверхностно, в зрелом возрасте, Осип Иванович вздумал быть *преобразователем* и *законодателем* русского языка! Сенковский начал свое *преобразование* русского языка с уничтожения местоимений *сей* и *оный*![35] Это понравилось молодым писакам. Между тем употребление этих местоимений не противно

духу русского языка, и иногда одно такое местоимение дает, как говорится, тон целой речи. Все юмористические статьи он стал подписывать вымышленным прозванием *Барон Брамбеус*. Это прозвание пришло ему в голову при следующем случае. Однажды он пришел ко мне и застал моего мальчика Ефимку, читающего в передней сказку о *Францыле Венециане*[36]. Сенковский взял книгу и нашел в ней прозвание *Брамбеус*; оно ему чрезвычайно понравилось; он вошел ко мне в комнату с хохотом, повторяя: «Брамбеус! Брамбеус!» и потом усвоил себе этот псевдоним. «Библиотека для чтения», несмотря на все несообразности и множество в ней неправды, была журналом занимательным, когда ею заведовал сам Осип Иванович. По несчастию, большей части его изысканий нельзя верить на слово. Ни с одним литератором ни в Вильне, ни в С. Петербурге не был он никогда в дружеских, близких отношениях и всегда, так сказать, жил *особняком*. Только я был так счастлив, что с 1817 года, до самой своей смерти, О.И. Сенковский никогда не писал против меня, так чтобы поколебать мой литературный авторитет. Напротив, я, грешный, иногда не мог вытерпеть его ложных выходок и писал против него в «Северной пчеле»[37]. Надобно отдать справедливость Осипу Ивановичу, что он никогда за это на меня не гневался и при встрече всегда с улыбкою говорил: «Перестань горячиться из пустяков!» Впоследствии, как известно, Сенковский избрал в соиздатели «Библиотеки для чтения» г. А. Старчевского, который, вероятно, из благодарности к Осипу Ивановичу, поместил в изданном им Справочном энциклопедическом словаре (Том IX. Часть II. Стр. 370—377) так называемую биографию Сенковского. Право не знаю, как назвать эту статью! Полагаю, что ни в одном из языков всего мира нет статьи, в которой все было бы искажено и изложено таким превратным образом. Всем известно, что Сенковский знал языки русский, польский, латинский, французский, арабский и турецкий. И этого уже довольно для ученого человека. Но кроме того весьма порядочно разумел языки итальянский и английский. Только один немецкий язык ему никак не давался. Послушайте его панегириков. Господин А. Старчевский уверяет (Справочный энциклопедический словарь. Том IX. Часть II. Стр. 371), что Сенковский, будучи уже профессором Петербургского университета, изучал: китайский, монгольский, манджурский, тибетский, санскритский и многие другие языки. Новый редактор «Библиотеки для чтения» (в книжке за апрель сего года) в похвальном слове основателю этого журнала[38] утверждает, что Сенковский знал совершенно *немецкий* язык и удивлял медиков своими познаниями в области медицинских наук. Это точно такая же правда, как и пока-

зание, что Сенковский знал санскритский язык! Но удивляюсь, как он при жизни своей позволил господину А. Старчевскому напечатать себе заживо панегирик, основанный на лжи и проникнутый хитросплетениями. Нет спора, что Осип Иванович знал много, но зато г. Старчевский написал о нем такие небылицы, какие не могли бы даже войти в хорошо составленную сказку. Ожидаем полной биографии О.И. Сенковского, человека ученого, умного, но более остроумного, трудолюбивого, деятельного, обладавшего многосторонними и разнообразными сведениями, вообще человека с большими дарованиями, но... довольно о нем; придерживаюсь буквально сказанного Стерном: «Варвара мне тетка, а правда сестра»[39]. Dixi![40]

Печатается по: *Ф.Б.* Журнальная всякая всячина // СП. 1858. № 95. 5 мая.

Биографические сведения об О.И. Сенковском см. в нашей статье о нем: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 572–580.

[1] По-видимому, речь идет о П.С. Савельеве, который писал предисловие к Собранию сочинений Сековского, см.: *Савельев П.* О жизни и трудах О.И. Сенковского // Сенковский О.И. Собр. соч. СПб., 1858. Т. 1. С. XI–CXII. Возможно, имеется в виду и вдова Сенковского, которая работала над книгой: *Сенковская А.А.* Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус): Биографические записки его жены. СПб., 1858.

[2] Имеется в виду Александр Александрович Смирдин (1834–1862), унаследовавший после смерти А.Ф. Смирдина его книготорговое дело.

[3] Булгарин познакомился с Сенковским в Вильне, когда жил там, посещал вольнослушателем Виленский университет и вступил в Общество шубравцев, членом которого был и Сенковский. После приезда Сенковского в Петербург в 1819 г. Булгарин находился с ним в приятельских отношениях, печатал в «Северном архиве» (1822. № 1, 5, 7, 16; 1826. № 1) и «Северной пчеле» (1827. № 105–110, 129–133; 1828. № 72–78; 1833. № 4, 17, 137, 152, и др.). Сенковский цензурировал «Северную пчелу» в 1829–1830 гг. и книги Булгарина «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830), «Сочинения» (Ч. 12. СПб., 1830), «Картина войны России с Турциею [...]» (СПб., 1830), «Петр Иванович Выжигин» (СПб., 1831). В дальнейшем, когда с 1834 г. Сенковский стал редактировать журнал «Библиотека для чтения», отношения стали более сложными. Хотя Булгарин и печатался в «Библиотеке для чтения» (см.: 1834. Т. 1, 4, 6, 8; 1838. Т. 28; 1845. Т. 68, 69; 1847. Т. 80–82, и др.), но они с Сенковским то разражались преувеличенными похвалами друг другу, то выступали с резкими нападками (об их взаимоотношениях см.: *Jabłonowski A.* Orientalista Sękowski w korespondencyi z Lelewelem // Jabłonowski A. Pisma. T. 7. Warszawa, 1913. S. 1–177; *Каверин В.А.* Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского,

журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». 2-е изд. М., 1966; *Рейтблат А.И.* Булгарин и Сенковский в 1810–1820-х годах // Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 177–187).

[4] См.: Справочный энциклопедический словарь [: В 12 т.] / Издание К. Крайя. СПб., 1855. Т. 9, ч. II. *Старчевский* Альберт Викентьевич (1818–1901) – журналист, историк, филолог; редактор словаря в 1848–1853 гг.; в 1850-х гг. был вторым редактором журнала О.И. Сенковского «Библиотека для чтения».

[5] Матей Казимир Сарбевский (1595–1640) – литовско-польский новолатинский поэт и теоретик искусства.

[6] Сигизмунд I Старый (1467–1548) – великий князь литовский и король польский с 1506 г.

[7] Города и села различных польских воеводств.

[8] Станислав Гозий (*лат.* Hosius Stanislaus; 1504–1579) – теолог, кардинал (1561); поддерживал контакты с Эразмом Роттердамским.

[9] Станислав Август Понятовский (1732–1798) – польский король в 1764–1795 гг. Был избран королем при поддержке Екатерины II и прусского короля Фридриха II; служил проводником русских интересов в Польше.

[10] Павел Булгарин (?–1829) – двоюродный брат отца Ф.В. Булгарина, с 25 лет – маршал литовского трибунала (высший судебный орган), затем подконюший (т.е. шталмейстер) Великого княжества Литовского.

[11] Антоний Тизенгауз (Тизенгаузен; 1733–1785) – литовский надворный подскарбий (казначей) с 1775 г., гродненский староста при Станиславе Понятовском; финансист, меценат.

[12] Как свободный со свободным, как равный с равным (*польск.*).

[13] Сенковский учился в Минском коллегиуме (Rhetorum Collegium Minscensis), но недолго, и, не кончив его, перешел в Виленский университет.

[14] Сенковский перевел басни не легендарного индийского мудреца Пильпая (правильно – Бидпая), а легендарного арабского мудреца – Локмана. См.: Amtsal Lokman el-hakim. Podobe stva i bayki m drca Lokmana. Wilno, 1818; перевод подписан криптонимом Т.Н.

[15] Адам Ежи Чарторыйский (Адам Адамович; 1770–1861), князь – министр иностранных дел Российской империи (1804–1806), попечитель Виленского учебного округа (1803–1823), глава польского национального правительства во время восстания 1830–1831 гг. Позднее в эмиграции в Париже.

[16] См.: *Ohsson I.M. d'*. Tableau général de l'Empire ohtoman. Paris, 1788–1824. Vols. 1–7. Рус. пер. первых двух томов: *д'Оссон*. Полная картина Оттоманския империи: В 2 ч. СПб., 1795. Сенковский опубликовал изложение содержания этой книги и ее разбор в журнале «Dziennik Wileński» (1819. T. I. S. 342–368, 481–500, 609–634; T. II. S. 359–372, 493–507, 597–621). д'Оссон Мураджа (Челепи Игнатиос Мураджаян; 1740–1807) – чрезвычайный и полномочный представитель и посланник Швеции в Османской империи (с 1795 г.).

[17] Друзы – арабы, исповедающие друзизм, очень специфическое ответвление мусульманства.

[18] Антоний Арыда (1736–1820) – сирийский ориенталист.

[19] См.: Dziennik podryży... z Wilno przez Odessę do Stambulu [Дневник путешествия... из Вильно через Одессу в Стамбул] // Dziennik Wileński. 1819. T. 2; Opis Odessę [Описание Одессы] // Dziennik Wileński. 1820. T. 1; фрагменты в пер. на русский – Вестник Европы. 1820. № 1, 7.

[20] Григорий Александрович Строганов (1770–1857), граф с 1826 г. – дипломат, в 1816–1821 гг. – российский посланник в Турции, с 1827 г. – член Государственного совета.

[21] Булгарин не прав. В марте 1822 г. Сенковский отклонил предложение Виленского университета занять кафедру ориенталистики.

[22] Неверное утверждение. Сенковский покинул Египет в июле 1821 г. и в октябре прибыл в Петербург.

[23] Джованни Баттиста Бельцони (Бельзони; 1778–1823) – итальянский путешественник, исследователь египетских древностей.

[24] Сенковский писал: «На другой день посетили мы вторую пирамиду. Г. Бельзони, проникший в нее вместе с каирскими любителями древностей, хвалился сим отважным и великим подвигом. При входе и в Царской комнате он украсил стены надписями, в которых хотел сказать, что он открыл сию пирамиду (Scoperta da Giovanni Belzoni il 2 marzo 1818). Он сделал еще более: составил акт в канцелярии английского консула в Каире, чтобы в потомстве утвердить славу свою, какой не удостаивался еще ни один из *фигляров* в свете» (Посещение пирамид. Из путевых записок Иосифа Сенковского // Сын отечества. 1822. № 1. С. 27). В примечании к этому пассажу, помещенном в конце статьи, Сенковский утверждал, что Бельзони «отнюдь не стоит той славы ученого антиквария, которую он сам себе восписал в книге, изданной в Лондоне под именем его жены». По словам Сенковского, Бельзони был всего лишь надзирателем над арабами, осуществлявшими раскопки, руководство раскопками осуществляли другие лица, гораздо более компетентные (Сын отечества. 1822. № 3. С. 122–123).

[25] Возможно именно с этой целью Булгарин поместил в рубрике «Смесь» своего журнала «Северный архив» выдержанную в панегирических тонах заметку о Бельцони, приехавшем в Петербург в первой половине марта 1822 г. Булгарин писал, что «никто из путешественников нашего времени не обратил на себя столько внимания, как г. Бельзони», называл его «прославившимся своими путешествиями по Египту и Нубии (1815–1819) и открытием драгоценных памятников искусств древних египтян», а труды его характеризовал как «блистательные» (Северный архив. 1822. № 7 (апрель). С. 76–77).

[26] Дмитрий Павлович Рунич (1780–1860) – попечитель Петербургского учебного округа (1821–1826). Булгарин поддерживал с ним контакты и оказывал ему услуги.

[27] Йозеф фон Гаммер-Пургшталь (1774–1856), барон – австрийский дипломат, востоковед; Жан Франсуа Деманж (1789–?) – французский ориента-

лист, профессор кафедры арабского языка в петербургском Главном педагогическом институте (1817–1819), в Петербургском университете (1819–1822), затем по 1840 г. преподавал в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте; Франсуа Бернар Шармуа (1793–1869) – профессор персидского языка в Главном педагогическом институте (1817–1819), Петербургском университете (1819–1822), Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте (1823–1835), вновь в Петербургском университете (1831–1835).

[28] Христиан Мартынович Френ (1782–1851) – ориенталист, академик.

[29] После испытания у Х.М. Френа Сенковский в декабре 1821 г. был определен переводчиком в Коллегию иностранных дел и лишь в июне 1822 г. стал ординарным профессором арабской и турецкой словесности Петербургского университета.

[30] См.: Collectanea z dziejopisów tureckych rzeczy do historyi polskiej służących z dodatkiem objaśnień potrzebnych i krytycznych uwag [Выборка из сочинений турецких историков, касающихся польской истории, с прибавлением необходимых пояснений и критических замечаний]. Warszawa, 1824–1825. T. 1–2.

[31] Книга «Sur les origines russes» (St. Petersburg, 1825) действительно принадлежит Й. фон Гаммер-Пургшталю, и по поводу ее Сенковский написал памфлет «Письмо Тютюнджю-Оглу-Мустафы-Аги, настоящего турецкого философа, к одному из издателей Северной пчелы» (СП. 1827. № 129–133), в переводе на французский язык и с дополнениями вышедший в Петербурге в том же году отдельным изданием; в этом «остроумном, исполненном глубоких сведений и необыкновенной веселости письме своем», пародируя высокопарный восточный слог, Сенковский доказывал Гаммеру, «что все им написанное есть совершенно пустой набор слов» ([*Полевой Н.А.*] [Рец. на кн.: Гаммер И. О начале Руси, извлечение из восточных рукописей. СПб., 1827; Тютюнджю-Оглу-Мустафа-Ага. Письмо к Ф.В. Булгарину. СПб., 1828] // Московский телеграф. 1828. № 23. С. 336, 334). Книга же «Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols, contenant un Abrugu de l'histoire de la domination des Uzbuks dans la grande Bukharie...» («Дополнение к истории гуннов, турок и монголов, содержащее в себе сокращенную историю владычества узбеков в Великой Бухарии...») (St. Petersburg, 1824) издана самим Сенковским и является дополнением к книге французского ориенталиста Жозефа Дегина (De Guignes, 1721–1800) «Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols...» (Paris, 1756–1758. T. 1–4).

[32] Имеется в виду вольный перевод сатирических книг английского дипломата и писателя Джеймса Джастина Мориера (1780–1849), высмеивающих стяжательство, лицемерие, религиозное ханжество и деспотизм, – «Мирза Хаджи-Баба Исфагани в Лондоне» (СПб., 1830. Ч. 1–4; отрывки: СП. 1830. № 7, 8, 65–67) и «Похождения Хаджи-Бабы Исфагани в Персии и Турции, или Персидский Жилблаз» (СПб., 1831. Ч. 1–4; отрывки: Сын Отечества и Северный архив. 1831. № 21–23; СП. 1831. № 30–38); обе книги были переизданы под названием «Мирза Хаджи-Баба Исфагани» (СПб., 1845).

[33] О.И. Сенковский был вынужден 14 апреля 1833 г. покинуть цензуру после скандала, связанного с пропуском им драмы В. Гюго «Лукреция Борджиа» в журнале «Revue étrangère» (1833. Кн. 5). Номер был уничтожен, а убытки по распоряжению С.С. Уварова взысканы с Сенковского (см.: [*Стасов В.В.*] Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 3. С. 573).

[34] В «Северной пчеле» Сенковский под криптонимом ССС поместил в 1833 г. ряд нравоописательных очерков: «Петербургская барышня» (№ 4), «Личности» (№ 17), «Человечек» (№ 137), «Моя жена» (№ 152). В альманахе «Новоселье» (СПб., 1833), составленном Сенковским, под псевдонимом Барон Брамбеус он напечатал юмористический очерк «Незнакомка» и памфлет «Большой выход у Сатаны». В этом же году Сенковский выпустил книгу «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса» (СПб., 1833) и в «Северной пчеле» с этой же подписью нравоописательные очерки «Арифметика» (1833. № 209–210), «Заколдованный клад» (1833. № 220) и «Объявление. Продается за отъездом» (1834. № 6, 7).

[35] См.: *Барон Брамбеус* [*Сенковский О.И.*]. Резолюция на челобитную *сего, оного, такового, коего, поелику, якобы* и других, причастных к оной челобитной, по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из русского языка // Библиотека для чтения. 1835. Т. 8. Отд. 6. С. 26–34.

[36] Любовно-авантюрный роман «История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцивене», созданный на основе старинного французского романа, проник в Россию в первой трети XVIII в. и получил широкое распространение в рукописном виде. Впервые был издан в Москве в 1787 г., впоследствии неоднократно переиздавался.

[37] См., например, обширный список разного рода выпадов и негативных характеристик в публикациях Булгарина 1835–1839 гг. в: *Каверин В.А.* Барон Брамбеус. С. 220–225.

[38] Имеется в виду писатель, литературный критик и переводчик Александр Васильевич Дружинин (1824–1864). См.: *Дружинин А.В.* О.И. Сенковский: некролог // Библиотека для чтения. 1858. № 4. С. 80–96. Дружинин редактировал «Библиотеку для чтения» в 1856–1860 гг.

[39] Выражение это Булгарин заимствовал из русского перевода романа Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (СПб., 1804). У Стерна не Варвара, а Дина, см. подробнее в статье А.В. Кошелева в этом номере ЛФ.

[40] «Я сказал, [что нужно было сказать]!» (*лат.*).

За десять лет до этого Булгарин несколько иначе характеризовал печатно и самого Сенковского, и круг языков, которыми он владел: «Осип Иванович Сенковский получил классическое образование под руководством ученых, снискавших европейскую славу, и с юношеского возраста посвятил себя изучению восточных языков, не по особенной страсти собственно к языкам, но к Востоку вообще, т.е. к его истории, географии, этнографии, словом, к существованию древнему и новому восточных народов, наших предшественников

в образованности. За двадцать семь лет пред сим, в первой молодости, О.И. Сенковский, имея уже достаточные сведения в арабском языке, отправился к знаменитому ориенталисту Ариде, жившему в каком-то монастыре в горах Ливанских, и под его руководством изучил основательно древний и современный язык арабский и язык турецкий, путешествовал по Востоку, посетил Египет и Нубию, и прожив несколько времени в Константинополе, возвратился на родину. Сколько нам известно, О.И. Сенковский знает языки: греческий, древнееврейский, латинский, арабский (письменный и новый разговорный), турецкий, персидский, татарский, древнеисландский (на котором написаны саги), французский (на нем пишет он свободно), английский, немецкий, итальянский, испанский и все славянские наречия. Мы нисколько не преувеличиваем, исчисляя столько языков. Иным это покажется даже сомнительным, однако ж это сущая истина. Само по себе разумеется, что он не все эти языки знает в совершенстве, но на всех читает и все понимает, а для ученых трудов этого довольно. Когда здесь был турецкий посланник Галиль-Паша, то по произношению О.И. Сенковского принял его за природного турка. Сколько можно было бы сделать с таким богатым запасом сведений, с умом О.И. Сенковского и с его трудолюбием! Было время, когда он, изучая языки и историю Востока, занимался по десяти и даже по двенадцати часов в сутки, и по нескольку месяцев не выходил из дому! Мы помним время, в которое О.И. Сенковский принялся за изучение языка китайского и занимался составлением сравнительного словаря восточных языков, взяв за основание знаменитый Словарь Меннинского, и когда намеревался написать по восточным источникам историю хазаров, народа поныне почти неизвестного. Сколько света пролилось бы из этой истории на историю русскую, если б начатое было кончено! О.И. Сенковский воздвигнул бы себе незыблемый памятник в области наук и прославил бы наше отечество. На бесплодном поле русской журналистики иссякли все эти ученые предприятия, и разрушились все надежды знавших коротко глубокую ученость и необыкновенные способности О.И. Сенковского!» (*Ф.Б.* Журнальная всякая всячина // СП. 1848. № 30. 7 февр.). См. также записку о Сенковском, написанную Булгариным для III отделения: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 267–268.

[А.Е. ИЗМАЙЛОВ]

[...] К «Полному собранию сочинений русских авторов»[1], издаваемому нашим единственным Смирдиным, присовокуплены в нынешнем году Сочинения бывшего журналиста Александра Ефимовича Измайлова, в двух томах[2]. О предприятии Смирдина говорить мне нечего. Я уже сказал, что это истинно патриотический подвиг, который, без сомнения, оценят все русские, которым дороги русское

слово и русская *слава*[3]. Ведь и финны, и эстонцы, и латыши имеют свою литературу, а как же нам не дорожить своею литературою, плодом нашего умственного существования? Поговорю с тобою[4] о А.Е. Измайлове. Может быть ты помнишь фигуру покойного Измайлова, но знать его ты не мог, потому что был ребенком, когда он выехал из Петербурга в провинцию на службу, а по возвращении в Петербург он вскоре умер[5]. Измайлов стоил того, чтоб знать его коротко!

Во всем он был оригинален, и по фигуре, и по одежде, и по образу жизни, и по речам, и по изложению в своих сочинениях, и даже по голосу. Лучшие из всех его оригинальностей были: его удивительная честность и праводушие. Почти всех баснописцев, древних и новых, изображают *наивными** и жестоко в этом ошибаются. Например Езоп, который, будучи отправлен в путь с другими рабами своего господина, для перенесения тяжестей, выбрал самую тяжелую ношу – хлеб для своих спутников, зная, что тяжесть его ноши скоро уменьшится – Езоп далек был от *наивности*! Лафонтен и Крылов, два первые баснописца новых времен, были люди глубокого ума и под покровом *наивности* высказали в баснях все, чего бы не высказали ни в истории, ни в сатире. А.Е. Измайлов хотя и ниже их дарованием, однако *наивностью* выше всех баснописцев, журналистов, поэтов и вообще всех писателей. Он говорил и писал, что у него было на уме и на сердце, и если чего не высказал или не написал, то это значило, что не мог.

Родился он 14 апреля 1779 года и воспитывался в Горном кадетском корпусе[6]. По тогдашнему обучаю он был записан на седьмом году от рождения каптенармусом в лейб-гвардии Преображенский полк; произведен в сержанты в 1791 году, а в 1797 году, т.е. осьмнадцати лет от роду, уволен от военной службы для определения к статским делам, с чином губернского секретаря. С тех пор, до конца 1830 года, т.е. тридцать три года, служил он в Министерстве финансов, занимаясь постоянно русскою словесностью. В 1799 году вышло в свет первое его сочинение: «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества», повесть в двух частях, которая удостоилась второго издания, в 1801 году[7]. Это верная картина дурного воспитания и вследствие того развратной жизни *тогдашнего* времени, когда пороков не скрывали тщательно, но хвастали ими, как молодечеством. Повесть эта изобилует картинами, которые в последнее время принялась *литографировать* так называемая *натуральная школа*[8], с тою разницею,

* Воля ваша, но в русском языке нет слова, вполне выражающего полное значение французского слова naïf. Лексикографы переводят это слово: чистосердечный, естественный, откровенный, нехитрый, простодушный.

что Измайлов никогда не искажал русского языка, писал правильно и всегда с нравственною целью. Повесть «Евгений» имела в свое время много читателей, потому что проказы *кутилы* были для многих занимательны, а вывод повести нравственный, и она доставила автору известность. «Бедная Маша», повесть, как мы в шутку называли ее, *раздирательная* (т.е. чувствительная), написана в 1801 году, в подражание заглавию повести Карамзина «Бедная Лиза». Вывод из повести также самый нравственный, а рассказ анекдотический. Некто Милов приезжает в чужой город и женится на сироте, внучке отставного обер-офицера. Прожив несколько месяцев с женою, Милов уезжает, оставляя беременную жену, и исчезает. Наконец открывается, что Милов женат был прежде, на немке. Маша отправляется к Милову с ребенком и находит его в нежностях с другою женою. Дело кончается тем, что первая жена Милова перерезывает себе горло, Милов перерезывает себе жилы на руках и на ногах, а бедная Маша чрез несколько месяцев умирает с грусти, et le combat finit, faute de combattants[9]. В этой повести сцена провинциального сватовства и вообще домашний быт провинциала мастерски списаны с натуры, т.е. в чувствительной повести лучшая сторона *юмористическая*. «Рассуждение о нищих, т.е. каким способом уменьшить число их в России» и проч., написанное в 1804 году, и «Вчерашний день, или Некоторые размышления о жалованиях и пенсиях», в 1807 году[10], исполнены прекрасных мыслей, полезных истин и благородных патриотических чувств. Добрый А.Е. Измайлов простодушно просит господ отставных чиновников, имеющих родовое имение или наживших в продолжение службы *благоприобретенное* состояние, отказаться от незначительных вещей, не составляющих для них никакого счета, а богатых молодых людей уговаривает отказаться от жалованья в пользу бедных чиновников, не умеющих *благоприобретать* ничего, кроме общего уважения и наград по службе. Вот как рассуждал об этом деле благородный А.Е. Измайлов (см. Собр. сочин. Часть II, стр. 429–431): «И давеча он еще, говоря о повесе, своем сыне Иване Власьиче, сказал: разве мы даром, дворяне, служить обязаны? Да для чего же и не так? Я сам природный дворянин, однако же служил без жалованья, когда был в гвардии сержантом, и нисколько тем не обижался. Жалованье должно производиться только тем людям, которые предоставили себя единственно на службу отечеству и, занимаясь должностью, не имея собственного достатка, не имеют и никаких способов доставать нужное к своему содержанию; а кто богат, кто имеет, например, как Власий Кириллович, 10 000 рублей годового дохода, не стыдно ли тому брать жалованья 1200 рублей и половинную при отставке пен-

сию? Так ли служили старинные дворяне, наши предки? Они тратили в службе собственное свое иждивение, лили собственную свою кровь – и из чего? из одного благородного честолюбия, усердия к Государю и Отечеству. Удовольствие оказать услуги своему Государю и народу составляло самую лучшую награду, а благоволения Государя, каким бы образом они изъявлены ни были, почитались за величайшие милости, и серебряный кубок или другая какая вещь хранилась из роду в род, как священная драгоценность».

В этой статье виден весь человек с обнаженным сердцем.

В 1809 году Измайлов вместе с Беницким (прославившимся *одною* восточною повестью, им написанною[11]) издавал журнал «Цветник», а в следующем 1810 году продолжал тот же журнал вместе с Никольским, весьма остроумным и даровитым молодым человеком, рано слегшим в могилу, к ущербу русской словесности[12]. В 1814 году вышли в свет «Басни и сказки А.Е. Измайлова», а второе их издание, исправленное и умноженное, появилось чрез два года (1816), с виньетками. «Новые басни и сказки с разными стихотворениями» изданы в 1817 году, а в 1821 году изданы *четвертым* изданием «Басни и сказки с присовокуплением Опыта о рассказе басни и разбора некоторых образцовых басен лучших русских фабулистов», в трех частях. В 1826 году вышло *пятое* их издание. «Сочинения в прозе» изданы в том же 1826 году[13]. С 1818 до 1827 года А.Е. издавал журнал под заглавием «Благонамеренный», сперва по 12 книжек, потом по 24, а наконец по 52 книжки в год. Книжки выходили в свет неисправно, и издатель всегда представлял своим читателям извинения, заставлявшие всех хохотать[14]. Наконец Измайлов начал недодавать книжек. В 1824 году не вышли № 23 и 24; в 1825 году с № 41 по конец года, а в 1826 году журнал не выходил в свет с № 13 до конца года. Но А.Е. Измайлов имел свой круг читателей, которые весьма любили его и прощали ему неисправность. На 1826 и 1827 годы он издал альманах «Календарь муз»[15]. В 1829 году[16] изданы «Басни и сказки» Измайлова в крошечном формате, с портретом автора.

Характер всех его сочинений, верный отпечаток его собственного характера, добродушие и чистосердечие (наивность). А.Е. Измайлов не был богат вымыслом, не анатомировал сердца человеческого и, будучи самым добрым и чувствительным человеком, не имел дара тронуть сердце и извлечь слезы у читателя, но рассказ его в прозе и в стихах всегда прост, увлекателен и проникнут неподдельным русским юмором, т.е. веселостью и непринужденностью. Главный недостаток его – отступление от изящного вкуса. Это говорил я ему в глаза, печатал при его жизни и теперь должен высказать после его смерти. Но

все же картины его во сто раз чище картин Гоголя и его подражателей. А.Е. Измайлов грешил более выражениями, но не изображал никогда таких неопрятных сцен, как находим, например, в «Мертвых душах» Гоголя или в стихотворениях Некрасова. Начало и весь рассказ басен и сказок Измайлова всегда хороши и естественны, но конец не соответствует началу и средине. Некоторые его стихи знали наизусть все современные литераторы, потому что эти стихи того заслуживали. Например:

Жила-была собака пребольшая,
Предобрая, презлая[17],
Ласкала всех своих,
Бросалась на чужих –
И только что бросалась,
А не кусала.
Затем, что на цепи привязана была.
(«Собака и вор»)

Предобрая, презлая – это прелесть! Мы обыкновенно называем дворовую собаку доброю, когда она зла к чужим людям. А кто не хохотал от сказки: «Пьяница» и не помнил стихов

Вот вечером его [по улице] ведут
Два воина осанки важной,
С секирами, в броне сермяжной!

Может ли быть что-нибудь естественнее и забавнее рассказа в сказке «Встреча двух подруг»:

Две дамы встретились в рядах.
«Ах!
Прасковья Марковна! Вы ль это?»
«Я, Анна Дмитревна, вот нынешнее лето
Из Твери приплыла». – «Ах, Боже мой, лет пять
Мы с вами не видались.
Привел же Бог увидеться опять!»
(Тут три раза они поцеловались.)
«Как рада я!.. Но как переменились вы!
Ужасно похудели!..»
«И вы не очень подобрели!»
«Конечно замужем?» – «Увы!
Четвертый год», и проч.

Натура! Есть некоторые сказки и басни, которые без обиняков назову совершенством. В этом числе первое место занимает сказка «Лгун», начинающаяся стихом «Павлушка медный лоб (приличное прозванье!)»[18]. Это настоящий chef-d'oeuvre!

Во второй части сочинений А.Е. Измайлова, в письме о бывшем в Петербурге наводнении, на стр. 506 напечатано: «Впрочем, справедливость требует сказать, что все нынешние литераторы сохраняют всегда на словах должную благопристойность. Пишут друг на друга эпиграммы, сказки, воюют в журналах, но в обществе никогда не сделают друг другу ни малейшей грубости, ни малейшей невежливости». Добрый А.Е. Измайлов, как все писатели, сам был весьма раздражителен и написал несколько сказок, басен и эпиграмм на своих критиков и соперников. Если б объяснить, когда, на кого и по какому случаю написано было много подобного, в то время, когда были и литература и страстные ее любители, – это было бы весьма любопытно и занимательно. Но теперь, может быть, еще рано поднимать завесу нашего времени, и я скажу только о том, что в полной моей власти, т.е. *о себе*.

Александр Ефимович задел в своем «Благонамеренном» одного из самых коротких моих приятелей, человека с необыкновенным дарованием и остроумием, теперь уже покоящегося в земле[19]. Я вступился за приятеля в издаваемых мною при «Северном архиве» «Литературных листках»[20], и между прочим уколол А.Е. Измайлова его собственным стихом из сказки: «Пьяница и судьба».

В ночь темную, зимой,
Подьячий пьяный шел через реку домой;
С прямой дороги сбился
И где ж? – *у полыньи каналья очутился.*

Разумеется, что последний стих привел я иронически, как *образец изящного*. Александр Ефимович разгневался, и общие наши приятели сказали мне, что он читал у себя на вечере[21] басню на мой счет. Замечу при этом случае, что в то время все журналисты имели у себя *назначенные дни*, в которые собирались к ним литераторы. Чрез несколько дней встречаюсь я с Александром Ефимовичем в книжной лавке покойного Сленина[22]. Мы были с Измайловым на самой короткой ноге и говорили друг другу *ты*. «Здорово, брат Ефимыч!» – «Здравствуй!» – «Ты написал на меня басню?» – «А ты почему знаешь?» – «Сказали те, которым ты читал». – «Виноват – написал!» – «Прочти же, пожалуйста!» – «Сердиться станешь!» – «Как тебе не стыдно!

Разве ты меня не знаешь?» – «Хочешь – так изволь!» Тут Александр Ефимович снял свои серебряные очки, протер их перед светом, потом вынул огромную кипу* бумаг из бокового кармана (он никогда не выходил из дому без кипы бумаг), отыскал басню и прочел мне. Я хохотал от души и просил позволения напечатать в моем журнале, но он на это не согласился и при жизни своей не печатал ее**. Впервые напечатал ее, после кончины доброго Измайлова, А.Ф. Воейков, не помню в «Славянине» или в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду». Басня эта помещена теперь в первой части собрания сочинений, на стр. 78, под заглавием «Слон и собака»[24]. Не постигаю, почему прекрасная эта сказка искажена в печати, даже до собственных имен! В печати собака Брылан, а в подлиннике Барбос. Разве это не все равно? В подлиннике сказано, *какой породы собака*, а какой свинья, и это весьма важно для характеристики[25]. Словом, сказка искажена, а все же очень хороша![26] Вскоре я залил целебным бальзамом царапину, нанесенную мною авторскому самолюбию Измайлова. А.Ф. Воейков прибавил несколько куплетов к своему «Дому сумасшедших», в котором помещены все известнейшие литераторы, и дал местечко А.Е. Измайлову, сказав о нем следующее:

Вот Измайлов, автор басен,
Рассуждений, эпиграмм;
Он пищит мне: «Я согласен,
Я писатель не для дам», и проч.

Добрый А.Е. Измайлов, при всей дородности своей и при всем пренебрежении утонченностей туалета, был страстный обожатель, разумеется платонический, прекрасного пола, писал послания к дамам, украшал их альбомы стихами и не скрывался с притязаниями на их благоволение, т.е. хотел нравиться женщинам. Стих «Я писатель не для дам» жестоко растревожил его. В день его рождения я послал ему шуточные стишки, в которых после каждого куплета был припев (refrain):

---

* В шуточном стихотворении барона Дельвига сказано о А.Е. Измайлове, между прочим:

Оттопырен карман,
В нем торчит, как чурбан
Трехпудовая тетрадь[23].

Описание с натуры!

** Но он позволил мне списать басню, и списал ее для меня, тут же на месте, покойный О.М. Сомов.

Нет, нет! ты вопреки врагам,
Писатель для мужчин и дам!

Измайлов был в восторге! Стишки напечатал в «Благонамеренном» (без моей воли)[27], а припев приказал вырезать на своей серебряной табакерке, которую всегда носил с собою. На другой же день он явился ко мне и, пыхтя и утирая пот, катившийся градом с лица, бросился в мои объятия, восклицая: «Спасибо, Фаддей! Вот друг, сослужил службу!»[28] С этих пор ни одно облачко не промчалось между нами[29].

Во всю свою жизнь Измайлов не выезжал из Петербурга и вдруг вздумал служить в провинции. В конце 1826 г. назначен он был (в чине статского советника) в вице-губернаторы в Тверь, а в 1828 году в том же звании переведен в Архангельск. Но он не мог ужиться в провинции. Там не понимали его шуток, самые невинные стишки называли *критикою* (!!!), а честный Измайлов не понимал и не хотел понимать подьячества, *благоприобретаемых* доходов по питейной части и т.п. В 1829 он причислен был к Министерству финансов для особых поручений, а в конце 1830 года уволен вовсе от службы, с пенсионом по 2000 руб. ассигнациями в год. Этим трудно было прожить в столице, и он взялся преподавать русскую словесность в Пажеском корпусе. На одной из лекций (в первой половине января 1831 года) он почувствовал, что ему дурно, его отвезли домой, и он скончался от апоплексического удара, к искреннему сожалению всех знавших его.

Я сказал выше, что, будучи добрым и чувствительным, он не умел в своих сочинениях трогать сердца и извлекать слезы. Так было при жизни его, но когда я теперь стал перечитывать его сочинения, то, нахохотавшись досыта, невольно прослезился, находя благодарность к благодетелям, искреннюю любовь к человечеству, простодушие и честность во всех его помыслах. Дети его должны написать на надгробном памятнике Александра Ефимовича ту самую эпитафию, которую он сочинил для своего отца:

Здесь прах покоится честно́го человека:
Он зла не делал и врагам;
Служил отечеству с усердием полвека
И имя доброе оставил только нам[30].

В моих «Воспоминаниях» я скажу о А.Е. Измайлове больше[31], а теперь и так слишком расписался сам не знаю как! Как вспомнил о том времени, когда у нас были и *лето*[32] и *литература*, когда мы, т.е.

пишущая братия, собирались в дружеские кружки, проводили время без карт, шутили, забавлялись, печатали друг противу друга шутки, не оскорбляя притом чести *намеками* и *иносказаниями*... уважали друг друга... вспомнил, и забылся! [...]

Печатается по: *Ф.Б.* Журнальная всякая всячина // СП. 1849. № 141, 142. 28, 30 июня.

[1] В эту серию (1846–1855), не имевшую в русском книгоиздании аналогов ни ранее, ни позднее, вошли сочинения 40 писателей, в том числе ко времени написания настоящего мемуара В.А. Озерова (1846), Д.И. Фонвизина (1846), Г.Р. Державина (1847), А.Д. Кантемира (1847), М.Ю. Лермонтова (1847), М.В. Ломоносова (1847), М.Н. Муравьева (1847), И.И. Хемницера (1847), Я.Б. Княжнина (1847–1848), И.Ф. Богдановича (1848), Д.В. Давыдова (1848) и др.

[2] *Измайлов А.Е.* Соч.: В 2 т. СПб., 1849. (Полное собр. соч. русских авторов). См. расширенное переизд. сочинений в стихах: *Измайлов А.* Избр. соч. / Изд. подгот. М.Амелин. М., 2009.

[3] По поводу выхода Полных сочинений Фонвизина Булгарин писал о серии Смирдина в очередном фельетоне «Журнальная всякая всячина»: «Предприятие истинно патриотическое, благородное, достойное внимания всех грамотных людей в России и сильной поддержки со стороны всех сословий, от А до Z!» и всячески расхваливал издание (СП. 1846. № 242. 26 окт.).

[4] Этот фельетон Булгарина из цикла «Журнальная всякая всячина» имел подзаголовок «Письмо к А.Н. Г[речу], в Заманиловку, близ Парголова», т.е. был обращен к сыну Н.И. Греча Алексею (1814–1850), исполнявшему в то время обязанности секретаря редакции.

[5] В 1826 г. А.Е. Измайлов был назначен вице-губернатором Тверской губернии (А.Н. Гречу было тогда 12 лет), в 1828 г. переведен на такой же пост в Архангельскую губернию, в 1829 г. вернулся в Петербург, а в начале 1831 г. умер.

[6] Измайлов в 1792 г. поступил в Горное училище (основанное в 1773 г.), покинул его в 1797 г., а в 1804 г. училище было преобразовано в Горный кадетский корпус (ныне Санкт-Петербургский государственный горный институт им. Г.В. Плеханова).

[7] Булгарин ошибается. В 1799 г. вышла первая часть этой повести, а в 1801 г. – вторая.

[8] Термин «натуральная школа» был впервые использован самим Булгариным в одном из фельетонов в «Северной пчеле» (26 января 1846 г.) для критической характеристики Гоголя и его последователей, но впоследствии был применен В.Г. Белинским как удачное название для ориентированных на «реализм» современных русских писателей.

[9] бой прекратился из-за отсутствия бойцов (*фр.*) – цитата из трагедии П. Корнеля «Сид».

[10] См.: Разсуждение о нищих, каким способом можно уменьшить у нас в России великое число оных и доставить всем прочим безнужное пропитание безо всякаго на то иждивения от казны, написанное Александром Измайловым. СПб., 1804; Вчерашний день, или Некоторые размышления о жалованье и о пенсиях. СПб., 1807.

[11] Речь идет об «индийской сказке» Александра Петровича Бенитцкого (1782–1809) «На другой день», опубликованной в журнале «Цветник» (1809. № 1). В анонимной заметке «Двойник» (СП. 1840. № 69. 27 марта), принадлежащей, по-видимому, Булгарину, говорилось про «литератора Беницкого, оставившего после себя весьма немного сочинений, но внесенного в историю русской литературы за одну только превосходную повесть “На другой день”». А.А. Бестужев также писал, что «Беницкий написал только три сказки, зато образцовою прозою. Из них “На другой день, или Завтра” будет на всех языках оригинальною, ибо кипит мыслями» (*Бестужев А.А.* Взгляд не старую и новую словесность в России [1823] // Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 528).

[12] Никольский Павел Александрович (1791–1816) – критик, журналист, переводчик.

[13] Точное название книги: Соч. в прозе и стихах. Ч. 1. Проза. СПб., 1826. (Ч. 2 не выходила.)

[14] Имеются в виду сообщения Измайлова о причинах задержки номеров типа следующих: «Книжка сия выходит несколько позже обыкновенного срока; виноват издатель, гулял на праздниках» (Благонамеренный. 1819. № 7. С. 68); «Опять виноват издатель:

Как русский человек, на праздниках гулял;
Забыл жену, детей, не только что журнал» (1820. № 6. С. 442).

[15] Альманах «Календарь муз» Измайлов издавал вместе со своим племянником П.Л. Яковлевым.

[16] Тут описка Булгарина или опечатка в газете, это издание вышло в 1839 г.

[17] Здесь и далее курсив Булгарина.

[18] Эта «сказка» представляет собой сатирическое изображение писателя и журналиста П.П. Свиньина.

[19] Речь идет о заметке Измайлова (подписанной криптонимом И.) в постоянной рубрике «Сатирические ведомости» в № 1 «Благонамеренного» за 1824 г. Там описывалось торжественное собрание некоего Общества баловней поэтов и прозаиков, на котором «г. Безграмотный [, читая “Смотр поэтам и прозаикам”,] с фонарем критики прошел скорым шагом по всем рядам поэтов и прозаиков и в красноречивом рапорте своем публике обличил таланты и успехи каждого писателя» (с. 64). Под Безграмотным Измайлов имел в виду А.А. Бестужева. В его статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 го да» в «Полярной звезде на 1824 г.» (положительная рецензия Измайлова на этот альманах была опубликована в том же № 1) говорилось, что стихотворение В.И. Туманского «обличает талант молодого певца» и что Булгарин

«с фонарем археологии спускался в неразработанные еще рудники нашей старины») (Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Издание подготовили В.А. Архипов, В.Г. Базанов и Я.Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 268, 270). Выпад Измайлова был вызван замечанием Бестужева в обзоре, что «Благонамеренный» «забавен для своего круга» (Там же. С. 269). В.П. Бурнашев запечатлел следующий рассказ Измайлова: «...зимою 1824 года за обедом у издателей "Полярной звезды" я дал торжественное слово Булгарину сделать его бессмертным. Но, прежде чем совершить казнь, я хотел заставить Фаддея с братиею вытерпеть ряд разнообразных юмористических пыток, в уповании, что когда дойдет до последнего удара секиры, все эти господа волею-неволею отрекутся от своего, брошенного ими на ветер, мнения, что "Благонамеренный" забавен только для своего круга. Для этого я не пренебрегал никакими случаями, чтоб Фаддея с Орестом Сомовым, бывшим моим сотрудником, а теперь критиканом "Литературных обозрений" в "Полярной звезде", представить в их настоящем свете. Одним из таких случаев был в Москве маскарад на святках в доме моих друзей и кумов, Дорогомыжских, куда каждый из гостей должен был явиться в каком-нибудь характерном костюме. Я избрал своим костюмом "Полярную звезду". Я надел на себя пестрое арлекинское платье, само собою разумеется нарочно сшитое по моему слоновьему росту театральным костюмером Натье. На грудь и на спину я прицепил себе две громадные звезды из серебряной бумаги, по крайней мере по аршину в диаметре каждую. На арлекинской шапочке торчала у меня маленькая серебряная звездочка. К поясу прикреплен был фонарь критики – детский игрушечный барабан с яркою надписью: "Ах! Лучше барабан поэта, Чем сиплый критика свисток!" – это стихи Туманского, напечатанные им в "Полярной звезде" 1824 года». В своей речи о современной литературе Измайлов стал превозносить «в самом карикатурном виде некоторых современных знаменитостей и в том числе лающего критика-юмориста, в котором, без упоминания имени, все узнали издателя "Волшебного фонаря", "Листков" и нынешнего сотоварища Греча по изданию "Северной пчелы"» (*Эртаулов* [*Бурнашев В.П.*] Воспоминания об А.Е. Измайлове // Дело. 1874. № 4. С. 176—177). О. Сомов печатал обозрения русской литературы позднее, в «Северных цветах» на 1828—1831 гг., а во всех выпусках «Полярной звезды» подобные обозрения помещал А.А. Бестужев. Либо память подвела Бурнашева, либо он не хотел упоминать репрессированного декабриста. «Эпиграмма» В.И. Туманского процитирована Бурнашевым или Измайловым неточно, в оригинале «Оставил барабан поэта За грязный критика свисток». «Волшебный фонарь» – рубрика булгаринского журнала «Литературные листки».

[20] Булгарин, похвалив в рубрике «Литературные новости» басню Измайлова «Лгун», помещенную в № 1 «Благонамеренного» за 1824 г., иронически заметил, имея в виду процитированную выше заметку, что в том же номере Измайлов «весьма забавно описал собственную литературную вечеринку и назвал себя и своих сотоварищей именами, которые конечно каждый примет за шутку» (Литературные листки. 1824. № 2. С. 66). Чуть позже в заметке

по поводу отзыва издателя газеты «St. Petersburger Zeitschrift» Е.И. Ольдекопа об Измайлове Булгарин оспорил положительную оценку его критических выступлений, заметив, что тот не печатал в своем журнале статей о поэзии и что там вообще не рассматривались серьезно поэтические произведения (*Ф.Б.* Литература // Литературные листки. 1824. № 4. С. 139—143). Измайлов резко ответил Булгарину в статье «Изъявление благодарности гг. издателям St. Petersb. Zeitscrift (sic!) и Литературных листков, журнала нравов и словесности» (Благонамеренный. 1824. № 5. С. 368–375), заявив, что критические статьи (пусть не его, а других авторов) печатались в журнале в большом числе, а в заметке об обществе литераторов изображен вовсе не он и не его знакомые. Булгарин не остался в долгу. Он писал, что «сказал только, что в нем [“Благонамеренном”] не были разбираемы беспристрастно и основательно пиитические творения <...>», а что касается заметки о Безграмотном, то нехорошо вкладывать в уста якобы придуманных персонажей хорошо известные многим слова реально существующих людей. Булгарин спрашивал Измайлова, понравится ли ему, если «другой представит критика с осанкой важной, в броне сермяжной, который, желая смыть все литературные свои погрешности, очутился у полыньи и едва не потонул» (*Ф.Б.* Ответ издателю Благонамеренного на его изъявление благодарности Литературных листков (см. № 5 Благонамеренного на стр. 368) // Литературные листки. 1824. № 6. С. 237).

[21] Вечера у Измайлова проходили в первой половине 1820-х гг. Там бывали Н.Ф. Остолопов, И.Б. Чеславский, Э.П. Перцов и др.

[22] Сленин Иван Васильевич (1789–1836) – книгопродавец. Его магазин в доме Энгельгардта на Невском просп. воспет Измайловым в стих. «Слёнина лавка» (1824).

[23] Стихотворение А.А. Дельвига «До рассвета поднявшись, извозчика взял Александр Ефимыч с Песков...» Булгарин цитирует, по-видимому, по памяти. В оригинале: «...Оттопырен карман: в нем торчит, как чурбан / Двадцатифунтовая тетрадь» (*Дельвиг А.А.* Соч. / Изд. подгот. В.Э. Вацуро. Л., 1986. С. 165).

[24] Правильно: «Слон и собаки». Басня была написана 2 апреля 1824 г. и впервые опубликована в «Литературной газете» (1831. № 23. 21 апр.), которую издавал О.М. Сомов, а не А.Ф. Воейков.

[25] В сохранившемся в РНБ автографе раннего варианта басни собака была названа Цербером, а свинья охарактеризована как американская, что было очевидным намеком на П.П. Свиньина (см. коммент. Г.В. Ермаковой-Битнер в: Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л., 1959. С. 693–694; там же на с. 353–354 текст самой басни).

[26] Помимо басни «Слон и собаки» против Булгарина направлены сатирические стихотворения Измайлова «Фаддей с фонарем», «Судья Фаддей», «Сленина лавка», «Песня» («Пусть задорный пес Фаддей...»), эпиграмма «Ну, исполат Фаддею!» (все – 1824).

[27] Булгарин имеет в виду следующее стихотворение, помещенное в «Благонамеренном» в 1823 г. (№ 16. С. 274–275):

На день рождения А.Е.И.

Когда б ты был в числе вельможей,
Или имел с Фортуной связь,
Тогда б в сей день в твоей прихожей,
Толпа народу собралась:
Спешили бы к тебе принесть
С поклонами дары и лесть.
Но ты, увы! Поэт, писатель,
Народный русский фабулист,
Журнала скромного издатель,
И на беду не романист!
Итак покорен будь судьбе,
Даров в сей день не жди себе.
Пусть Зависть с гнусной Клеветою,
Ударив дружно по рукам,
Гласит в плохих стихах трубою
Что ты писатель не для дам.
Нет, нет! ты вопреки вралям,
Писатель для мужчин и дам.
Зато писатели собором,
В сей день пришедши в твой приют,
Измайлову согласным хором,
Хвалу не лестную поют:
Ликуй, Измайлов, журналист!
Ликуй, поэт и фабулист!
Дай Бог подписчиков тебе,
Сотрудников – и вдохновенье;
Дай Бог, чтоб нажил ты себе
Трудами славу и именье;
Трудись и наживай добра:
Ура! Измайлов наш, ура!

14 апреля 1823

Б-нъ

[28] А. Измайлов писал 3 мая 1823 г. П.Л. Яковлеву, что на следующий день после празднования его дня рождения, который приходился на 14 апреля, пришли к нему гости, придворные певчие, и «запели стихи, сочиненные на день моего рождения сарматом Булгариным. [...] Сюрприз был самый приятный» (ИРЛИ. 14.163. Л. 31 об.).

[29] Булгарин неверно передает последовательность событий: приведенное стихотворение создано до басни «Слон и собаки» и других направленных против Булгарина эпиграмм и басен Измайлова. После указанных выше

взаимных выпадов Булгарин отозвался о редактировании Измайловым Сочинений В.А. Озерова как о «событии, неслыханном поныне в истории словесности просвещенных народов», демонстрируя на примерах, что своей правкой Измайлов во многих местах «превратил смысл стихов Озерова, лишил их сладкозвучия и несносною перестановкою слов совершенно ослабил действие речей драматических лиц, выведенных на сцену Озеровым» (Литературные листки. 1824. № 8. С. 315–316). Измайлов ответил на это стихотворением «Судья Фаддей» и рядом других стихотворений и эпиграмм, которые опубликовать ему не удалось, но они широко распространялись в рукописи. В печать попали только мелкие выпады и намеки в «Благонамеренном» (№ 9. С. 229; № 11. С. 320—322, 333—334), после которых Булгарин прекратил полемику, заявив: «[Измайлов] усиливается доказать мое бессилие по части критики и находит у меня множество ошибок. Сожалею, что не могу ему услужить тем же: я в нем ничего не вижу. Ex nihilo nihil fit [Из ничего ничто не происходит (лат.)]» (Краткие литературные замечания, наблюдения и проч. // Литературные листки. 1824. № 11/12. С. 430). Но к концу года отношения их стали теплее, в начале 1825 г. Измайлов поместил в «Благонамеренном» сочувственный отзыв об изданном Булгариным театральном альманахе «Русская Талия» (№ 1. С. 40--42), в начале следующего года Булгарин расхвалил изданный Измайловым альманах «Календарь муз» (СП. 1826. № 6. 14 янв.). (Об их взаимоотношениях см. также: *Левкович Я.Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А.Е. Измайлова к П.Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 151–194.) В 1826 г. Измайлов выпустил «Благонамеренный» только за первое полугодие и прекратил издавать журнал, а в конце года уехал из Петербурга служить в провинции. Вернулся в столицу он только в мае 1829 г. и вскоре опубликовал в «Северной пчеле» сатирический очерк «Письмо к издателям Северной пчелы» с подписью Михей Простенков (1829. № 92. 1 авг.), а также заметки о нравах и анекдоты (Изм... А. Смесь // СП. 1829. № 100, 102. 20, 24 авг.). После его смерти в «Северной пчеле» был помещен теплый некролог, где про Измайлова говорилось, что «в литературе русской он известен своими баснями и сказками и изданием разных журналов, в частной жизни был он человек честный, благородный, добродетельный, добрый сын, супруг и отец; в сердцах друзей своих оставляет он неизгладимое временем воспоминание» (1831. № 15. 20 янв.). В.П. Бурнашев в цитировавшихся выше воспоминаниях об Измайлове утверждал, что во время службы в Твери Измайлов публиковал в «Северной пчеле» «легкие статеечки в стихах» с подписью А.И. (Дело. 1874. № 4. С. 196, см. также с. 194), но стихи с подобной подписью в «Северной пчеле» не печатались.

[30] Эпитафия помещена на могильном памятнике Е.Ф. Измайлову на Смоленском кладбище (Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 2. С. 260); опубл. в «Новых баснях и сказках» Измайлова (1817).

[31] «Воспоминания» Булгарин не завершил и об Измайлове написать не успел.

[32] В начале фельетона Булгарин жаловался на холодное лето в Лифляндии.

[Н.М. ЯЗЫКОВ]

Вот умер и Языков, на сороковом году возраста! Два литератора говорили о нем на его свежей могиле: г. Губер[1], в Петербурге (в № 5 Ак[адемических] В[едомостей])[2], и г. профессор Шевырев, в Москве, в «Московском городском листке»[3], и оба не сказали ничего определительного. Г. Губер, по случаю смерти Языкова, высказал несколько мыслей о прошлом и настоящем состоянии нашей литературы, назвал Языкова *сподвижником* Пушкина, вместе с Дельвигом и Баратынским, пожалел о положении поэта и художника, являющегося не вовремя (а NB все поэты и художники верят, что они *опередили* свой век), изложил несколько прекрасных истин на счет должного уважения к трудам и заслугам каждого литератора и заключил тем, что, говоря о Языкове, он (т.е. г. Губер) именно не хочет говорить о Языкове: Ergo: ex nihile nihil est (т.е. следовательно, из ничего и вышло ничего). Г. Шевырев, напротив, *собственными стихами* Языкова хотел определить и литературное развитие, и характер Языкова как поэта и как человека. По нашему мнению, это самое неверное и даже обманчивое средство к определению характеристики человека и поэта. Вы возьмете *одни* отрывки, а я возьму *другие*, и характеристика выйдет двусторонняя. Особенно опасно это средство к изображению таких поэтов, каковы были Языков, Дельвиг и Баратынский, которые в своих стихах клепали сами на себя небылицы и принужденно представлялись певцами полных чаш, дев и лени. Это были три божества, которых жрецами называли сами себя Языков, Баратынский и Дельвиг, назло благонамеренной критике, веря, что призвание поэта – петь *лень, вино и любовь*! Не вовсе чужд был этого предрассудка и Пушкин. В свое время мы были сильными противниками этой *любовно-винно-ленивой* школы и смело можем сказать, что много содействовали к обращению Пушкина на отечественные предметы, вопия громогласно, что поэзия должна приносить первые и лучшие жертвы пред алтарем живого Бога и Отечества[4]. Когда мы дойдем в наших «Воспоминаниях» до литературной эпохи[5], то приложим в подлиннике письма к нам Пушкина, и тогда самые противники наши удостоверятся в истине слов наших. То же самое говорили мы в глаза покойному Языкову, с которым познакомились в Дерпте, в 1828 году, где он доживал тогда свою студенческую жизнь. Познакомил нас

друг Языкова, отличный художник-любитель, оригинально-умный и добрый старый дерптский студент и русский дворянин, Александр Дмитриевич Хрипков, который, окончив курс в Дерптском университете, лет двадцать собирался выехать из Дерпта и никак не мог решиться оставить ливонские Афины, где все мы жили тихо, мирно и приятно, по поговорке – как у Христа за пазухой[6]. Языков долго не решался приходить в мое мирное и богоспасаемое* Карлово[8], на дружескую хлеб-соль, и по произведении следствия о таком отчуждении оказалось, что причиною этого была привычка развязывать галстух после обеда, а когда мы уверили его, что в кабинете можно не только снять галстух, но и фрак, Языков стал часто навещать нас в Карлове. Это маловажное обстоятельство – важная характеристическая черта! Языков точно любил полениться и понежиться, любил хороший стол и веселую беседу, но был при том добрый, благородный, добродушный человек и оставил по себе в Дерпте, где он жил лет десять[9], самые приятные воспоминания. Тогда было в Дерпте другое время. Многие жили в Дерпте по десяти и по пятнадцати лет, считались студентами и не посещали лекций. Языков также не весьма усердно посещал их и не сдал экзамена; но все же пребывание в Дерпте было для него полезно. Он узнал немецкий язык и немецкую литературу, и если не изучил глубоко наук, то освоился с ними. Я уже говорил однажды, что кажется, будто дерптский воздух напитан ученостью, и даже не делая ничего, а только прислушиваясь к разговорам, в Дерпте можно приобресть некоторые сведения. Лежать, читать кое-что и писать стихи, когда поэзия навевала свои вдохновения, между сном и пищеварением, составляли существо жизни Языкова в Дерпте, и все лучшее написано им в эту эпоху[10]. По выезде Языкова из Дерпта мы потеряли его из вида, и не знаем, где он жил, что делал и каким образом, будучи сильного и крепкого, геркулесовского сложения, впал в расслабление, которое заставило его искать исцеления за границею и потом свело в раннюю могилу. Но литературная его жизнь разделяется на две половины, точно так же, как и вышедшие поныне его стихотворения разделяются на два тома. Первый том издан в С. Петербурге, в 1833 году, второй в Москве, в 1845[11]. В первом томе Языков является удалым юношею, пламенным, живым, красноречивым поэтом; во втором томе умным (а иногда даже и утомительным) стихотворцем, усталым и пресыщенным жизнью человеком, ни юношею, ни зрелым, ни ста-

* Так прозвал его любезный мой товарищ по изданию Русской статистики, ныне профессор Казанского университета, Н.А. Иванов[7].

риком. Кажется, что по выезде Языкова из Дерпта пламя поэзии в нем угасло; остались одни искры.

Во всех странах, где растет виноград, нет столько вина, в Магометовом раю нет столько гурий и на всем Востоке нет столько кейфа, а в Италии far niente (т.е. лени), как в стихах Языкова. Все алмазы его поэзии надобно отыскивать между пенистыми чашами, черноокими девами и дремлющею ленью. Тошно и приторно, но зато если отыщешь алмаз, так он уж не поддельный и высокой цены! Много ли таких стихотворений у самого Пушкина, как Языкова «Ливония», написанная в Дерпте в 1824 году и напечатанная в первом томе (петербургского издания, 1833 г.) на стр. 117.

Не встанешь ты из векового праха,
Ты не блеснешь под знаменем креста,
Тяжелый меч наследников Рорбаха*,
Ливонии прекрасной красота!
Прошла пора твоих завоеваний,
Когда в огнях тревоги боевой
Вожди побед, смирители Казани,
Смирялися, бледнея, пред тобой!

Но тишина постыдного забвенья
Не все, не все у славы отняла:
И черные дела опустошенья,
И доблести возвышенной дела...
Они живут для музы песнопенья,
Для гордости поэтова чела!

Рукою лет разбитые громады**,
Где бранная воспитывалась честь,
Где торжество не ведало пощады,
И грозную разгорячало месть, –
Несмелый внук ливонца удалого
Глядит на ваш красноречивый прах...
И нет в груди волнения живого,
И нет огня в безмысленных очах!
Таков ли взор любимца вдохновенья,
В душе его такая ль тишина,

* Знаменитый гермейстер ордена меченосцев.

** Развалины рыцарских замков.

Когда ему, под рубищем забвенья,
Является святая старина?
Исполненный божественной отрады,
Он зрит в мечтах минувшие века;
Душа кипит; горят, яснеют взгляды...
И падает к струнам его рука[12].

Вот истинное вдохновение! Таких стихотворений и еще выше по содержанию, как например: «Моя родина»[13] и т.п., есть много у Языкова; есть и стихи нежные и сладкогласные, трогающие душу, как, например, на смерть А.А. Воейковой[14]. Нет никакого сомнения, что Языков родился поэтом и хотя не создал ничего великого, могучего, но все же ознаменовал свое существование незабвенными памятниками ума и чувства, и имя его, как тихая звезда, останется навсегда на горизонте нашей литературы. В житейском быту Языков был неприметною точкой. Почтенный г. Шевырев представил (в № 6 «Моск[овского] город[ского] листка») весьма любопытный документ, а именно послужной список Языкова. Это также поэзия и притом высокая! Вот этот формуляр слово в слово: «Канцелярист Николай Языков поступил в Канцелярию Главного директора Межевой канцелярии 1831 года, сентября 12; 1832 года, сентября 17, за № 1757, представлен бывшим главным директором, сенатором Гермесом[15] г-ну министру юстиции[16] о награждении его, Языкова, чином коллежского регистратора, а 18 ноября 1833 года он, Языков, уволен по прошению от службы». – Обширное служебное поприще оставил *перед собою* Языков – да недалеко ушел на нем! – Не будь он поэтом, к нему можно было бы применить эпитафию И.И. Дмитриева:

Жил, жил, и только что в газетах
Осталось: выехал в Ростов[17].

Но теперь мы вспоминаем и о благородных качествах души, и о прекрасном характере, и о светлом уме поэта, и имя его становится почетным. Если б у Языкова были дети, и сын его пришел к нам требовать помощи именем отца-поэта, мы бы разделили с ним последний кусок хлеба!.. Жизнь в памяти людей – вот награда умного и благонамеренного писателя по смерти!

Новая наша критика жестоко и бесчувственно осудила поэзию Языкова[18], но эта критика истлеет, не оставив после себя следов, а

имя Языкова останется навсегда в русской литературе в числе имен милых, умных и даровитых поэтов.

Печатается по: *Ф.Б.* Журнальная всякая всячина // СП. 1847. № 20. 25 янв.

[1] Эдуард Иванович Губер (1814–1847) – поэт и переводчик.

[2] Имеются в виду «С.-Петербургские ведомости», издателем которых являлась Академия наук.

[3] См.: *Шевырев С.П.* Николай Михайлович Языков // Московский городской листок. 1847. № 6, 7.

[4] Так, еще в 1824 г. в «Литературных листках» Булгарин писал: «Гений Пушкина обещает много для России; мы бы желали, чтоб он своими гармоническими стихами прославил какой-нибудь отечественный подвиг» (№ 1. С. 25). В 1830 г. в рецензии на VII главу «Евгения Онегина» он развил эту мысль: «Мы думали, что автор “Руслана и Людмилы” устремился на Кавказ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов – и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный, слабый... *Сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину*» (Северная пчела. 1830. № 35. 22 марта).

[5] В своих «Воспоминаниях» Булгарин не успел написать об этом.

[6] Александр Дмитриевич Хрипков (1799–?) изучал военные науки в Дерпте, потом служил в армии, вышел в отставку в чине лейтенанта и поселился в Дерпте. Ср. о нем: «Это был человек, в известном отношении, не от мира сего. Он – орловский помещик, роздал свое имение родственникам, сделался артистом (в значении – “человеком искусства”. – *А.Р.*); уехал в Дерпт на несколько времени и оставался тут 20 лет; доходил иногда до того, что нуждался в мелочах, но был со всеми знаком, всеми любим, хотя ни у кого не заискивал и всем за взятое отплачивал или своими артистическими произведениями, или своею дружескою компаниею» (*Пирогов Н.И.* Вопросы жизни // Пирогов Н.И. Сочинения. Киев, 1910. Т. 2. С. 610–611).

[7] Николай Алексеевич Иванов (1811–1869) – историк. Учился в Казанском университете, завершил обучение в профессорском институте в Дерпте (1833–1839). Проф. русской и всеобщей истории в Казанском университете (1839–1855), проф. русской истории в Дерптском университете (1856–1859). Булгарин имеет в виду свою книгу «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» (СПб., 1837), две части которой, посвященные статистике, он писал при участии Н.А. Иванова.

[8] Булгарин приобрел имение Карлово под Дерптом в 1828 г.

[9] Языков жил в Дерпте 7 лет, с 1822 по 1829 г.

[10] Булгарин писал о Языкове как о «человеке с необыкновенным дарованием», находил в его стихах «глубокое чувство и свежесть мыслей» (Прогулка по Ливонии // СП. 1827. № 75) и поместил в «Северной пчеле» три его стихотворения (1825. № 60; 1827. № 19; 1828. № 49). Об их взаимоотношениях см.: Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829). СПб., 1913, по указ.

[11] Булгарин имеет в виду следующие издания Языкова: Стихотворения. СПб., 1833; Новые стихотворения. М., 1845.

[12] Перепечатка стихотворения Языкова не прошла Булгарину даром. В конце января 1847 г. Н.И. Греч писал Булгарину: «У меня был Л.В. Д[убельт] и объявил, что приведение стихов Языкова о Лифляндии принято было с неудовольствием, потому что теперь не время на такие выходки» (Наша старина. 1916. № 1. С. 70). Замечание было сделано несмотря на то, что стихотворение печаталось отнюдь не в первый раз: впервые оно было опубликовано в альманахе «Мнемозина» (1825), затем входило в сборник стихотворений Языкова 1833 г.

[13] Стихотворение Языкова 1822 г.

[14] Имеется в виду стихотворение «Воспоминание об А.А. Воейковой» (1831). Александра Андреевна Воейкова (урожд. Протасова; 1795–1829) – жена А.Ф. Воейкова, племянница В.А. Жуковского; Языков в Дерпте был влюблен в нее.

[15] Богдан Андреевич Гермес (1755–1839) – тобольский (с 1801) и пермский (с 1806) губернатор, сенатор (1817), главный директор Межевой канцелярии (1823–1833).

[16] Этот пост занимал тогда Д.В. Дашков.

[17] Неточно цитируется стихотворение И.И. Дмитриева «Эпитафия» («Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах...», 1803).

[18] Булгарин имеет в виду В.Г. Белинского, который в 1840-е, после сближения Языкова со славянофилами, неоднократно негативно отзывался о его творчестве. В статье 1842 г. «Русская литература в 1841 году» он писал, что Языков «утратил даже свой звонкий и разгульный стих» и у него «не сорвалось с пера ни одного русского слова, ни одного русского выражения, на которые отозвалась бы русская душа или в котором отозвалась бы русская душа» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 561). В том же 1842 г. в рецензии на «Стихотворения Полежаева» он писал, что это стихотворец, «ошибочно провозглашенный поэтом» (Там же. М., 1955. Т. 6. С. 124). В статье «Русская литература в 1844 г.» (1845) Белинский даже утверждал, что «в эстетическом отношении общий характер поэзии г. Языкова чисто реторический, основание зыбко, пафос беден, краски ложны, а содержание и форма лишены истины» (Там же. М., 1955. Т. 8. С. 459).

[А.И. ДЕЛЬВИГ]

В № 1 «Современника» на 1854 год бросилось мне в глаза прежде всего: «Дельвиг, статья третья. Соч. В.П. Гаевского»[1]. Мы вовсе не знаем почтенного автора этой статьи, но из существа ее заключаем, что он писал по слухам и по известиям, напечатанным в современных журналах, но сам не находился в литературном кругу той близкой к нам эпохи, которую описывает, и потому можем смело сказать, что эта *блистательная эпоха* нашей литературы представлена автором в не надлежащем свете, а действовавшие в ней лица поставлены вовсе не на тех местах, которые они занимали в литературном кругу[2]. Удивляюсь только терпению и трудолюбию автора, который перечитал множество журналов, хрестоматий, альманахов и т.п. для составления своей статьи! Труд истинно исполинский! Скажу вкратце мое мнение об этом труде.

Барон Антон [Антонович] Дельвиг, воспитанник Императорского Царскосельского лицея[3], был очень добрый малый, веселый собеседник приятельских пирушек, человек с талантом, хотя и весьма ограниченным, и главное – задушевный друг *первого русского поэта* А.С. Пушкина, друг и товарищ Пушкина от детства, по лицею. Эта дружба, которую со стороны Пушкина можно назвать даже слабостью, доставила Дельвигу известность в литературном кругу и некоторое значение в современной литературе. Но как о поэте, о Дельвиге можно только приятно вспомнить в истории литературы. Мелочные его стихотворения написаны гладко, как и все, что тогда выходило из-под пера современников Пушкина, но не заключают в себе ни глубоких мыслей, ни сильных ощущений, ни ярких картин. Песенки, послания, куплеты, эпиграммы и другие стихотворения Дельвига – мелкие вкусные конфекты, но не крепительная пища для ума и сердца. Такую огромную и старательную статью можно было бы написать только о Карамзине, Державине и т.п., а не о бароне Дельвиге, которого все, знавшие его лично, приятно вспоминают как доброго и умного человека, но вовсе не как гениального поэта, которого, так сказать, каждый шаг, каждое движение, каждое слово дорого для потомства. В этом невольно сознается и сам автор статьи (на стр. 12). Излагая содержание письма Пушкина к Дельвигу, автор статьи говорит: «Он (т.е. Пушкин) называет Дельвига талантом прекрасным и *ленивым*[4], спрашивает, долго ли он будет шалить и разменивать свой гений “на серебряные четвертаки”*, и, находя, что поэзия мрачная,

* Эти *серебряные четвертаки* составляют всю сущность произведений барона Дельвига. Нет ни одного червонца!

богатырская, сильная, байроническая – истинный удел Дельвига, – *заблуждение, объясняемое только пристрастием* дружбы*, – советует ему написать своего “Монаха”[5], умертвить в себе ветхого человека, но не убивать вдохновенного поэта»[6]. – В примечании к стр. 15 автор статьи говорит: «Оговорка эта может служить доказательством равнодушия Пушкина к журнальным мнениям». Утверждаю, на основании личного знакомства с Пушкиным и целой кипе его писем ко мне, что никто более Пушкина не дорожил и не огорчался журнальным мнением! На меня, нижеподписавшегося, который находился в литературном кругу тогдашней эпохи и бывал во всех домах, где собирались литераторы[7], автор статьи ссылается *много раз*, т.е. на мои напечатанные рассказы[8], однако ж я должен сказать, что литературное общество у А.Ф. Воейкова[9] описано иначе нежели как было, и лица, которые, по словам автора статьи, украшали собою вечера А.Ф. Воейкова, в то время вовсе ничего не значили ни в свете, ни в литературе. Литературное общество у С.Д.П.[10], которое автор статьи поставляет *рядом* с собраниями у Карамзина, А.Н. Оленина[11] и Александры Андреевны[12] Воейковой (олицетворенной музы!), – принадлежало к задней шеренге, или, как написал Воейков, к 15 классу[13]. Там не бывал даже ни один журналист, кроме А.Е. Измайлова! Автор статьи, весьма часто ссылаясь на *меня*, нижеподписавшегося, весьма не благоволит к моему слабому дарованию. Доказательства *везде*, и особенно на 33-й стран[ице], в примечании. Приводя сонет Дельвига к С.Д.П. при посылке сочинения Булгарина «Воспоминания об Испании»[14], автор статьи говорит в примечании: «В “Полярной звезде”, во “Взгляде на русскую словесность” в течение 1823 года, напечатано (стр. 4–5) несколько слов о сочинении г. Булгарина, доказывающих, что оно имело в *свое время* (!!!) *некоторый успех, благодаря новости предмета и легкости изложения*». Это говорит автор статьи. Благодарю его покорно! Не желаю я большего для современной брошюры, как *легкости* в изложении и *современного успеха*, а статье о Дельвиге – предоставляю бессмертие и вечное торжество, как «Илиаде» Гомера! Каким образом автор статьи помещает Батюшкова в число деятелей литературной эпохи с 1819 до 1825 года, когда он совершенно уже исчез с литературного поприща[15], и каким образом издание альманахов «Полярная звезда» и потом «Северные цветы» приписывает *упадку* тогдашних журналов и *разладу* их с ходом тогдашней литературы??? Все это совершенно несправедливо.

В басне А.Е. Измайлова «Слон и собака» стихи Крылова:

---

* Это говорит автор статьи о Дельвиге.

...в родню хоть толст
Да не в родню был прост[16],

вовсе не намек на барона Дельвига, как утверждает автор статьи. Я знаю, на кого этот намек[17] – но не имею нужды объясняться. На стр. 42 напечатано: «*постоянным* и *желанным* гостем (т.е. у Александры Андреевны Воейковой) был В.А. Жуковский, *встретившийся* (??!!) с ней еще в Дерпте, в 1815 году, и посвятивший ей свою "Светлану" и несколько других стихотворений». – Замечу автору статьи, что В.А. Жуковский не *встретился* в Дерпте с Александрою Андреевною Воейковой, но *нарочно приехал жить в Дерпт*, в котором А.Ф. Воейков был профессором русской литературы в тамошнем университете. В семействе А.Ф. Воейкова жила его теща, Катерина Афанасьевна Протасова (урожденная Бунина), сестра Жуковского, и другая дочь ее, Мария Андреевна Протасова, вышедшая замуж за профессора Мойера[18]. Когда А.Ф. Воейков поселился в Петербурге, В.А. Жуковский был не *гостем* у него, а жил в одной квартире[19]. На стр. 16 статьи, в примечании, между прочим напечатано: «Опечатки, обессмыслившие эти два стихотворения, так беспокоили Пушкина, что он просил г. Булгарина поместить их в надлежащем виде в издававшихся г. Булгариным "Литературных листках", где оба стихотворения и были напечатаны в 1824 году, № IV, стр. 134 и 135. Они были доставлены г. Булгарину при письме Пушкина от 1 февраля 1824 года из Одессы[20]. Это *неизданное* и *любопытное письмо* было сообщено нам в *копии*, но мы не считаем себя вправе напечатать его теперь, не имея на то согласия г. Булгарина». – Возражаю во всеуслышание: А.С. Пушкин писал письма всегда в *один присест, наскоро* и никогда не оставлял у себя копий этих мимолетных импровизаций. Я же никому не давал копий с письма ко мне Пушкина. Каким образом копия письма Пушкина ко мне могла попасть к сочинителю статьи о Дельвиге??!! Меня же, Ф. Булгарина, никто не спрашивал о подлинности письма и о позволении напечатать его! Иной подумает, будто меня спрашивали, а я отказал. У меня находится в собрании автографов целый пук писем А.С. Пушкина[21], из которых я и напечатаю некоторые, если Господу Богу угодно будет продлить жизнь мою до того тома моих «Воспоминаний», в котором будут изложены литературные мои отношения. Оканчиваю мое суждение о статье о Дельвиге.

Печатается по: *Ф.Б.* Журнальная всякая всячина // СП. 1854. № 12. 16 янв.

[1] Виктор Павлович Гаевский (1826–1888) – юрист, критик, историк литературы. Цикл его публ. о Дельвиге состоит из четырех статей (Современник. 1853. № 2, 5. 1854. № 1, 9).

[2] А.А. Дельвиг в 1821–1822 гг. часто встречался с Булгариным на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности, бывал у него дома (см.: *Базанов В.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 371, 375, 379; *Вацуро В.Э.* С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989. С. 105, 134), в 1823 г. поместил в булгаринских «Литературных листках» (№ 4) стихотворение «На выпуск птички». В июне 1824 г. конфликт между Булгариным и Дельвигом чуть не завершился дуэлью, с этих пор Дельвиг отзывался о литературной деятельности Булгарина резко негативно (см. его письмо П.А. Вяземскому от 10 сентября и письмо Пушкину от 28 сентября 1824 г.: *Дельвиг А.А.* Соч. / Изд. подгот. В.Э. Вацуро. Л., 1986. С. 284, 286). Личные отношения Булгарина и Дельвига были восстановлены в январе 1825 г., но ненадолго. В «Литературной газете» Дельвиг поместил отрицательные рецензии на «Димитрия Самозванца» (1830. № 14; без подписи) и на немецкий перевод «Ивана Выжигина» (1830. № 34), а также ряд других антибулгаринских публикаций.

[3] В конце 1826–1827 г. Булгарин представил в III Отделение записку «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного», в которой определял лицеистов как сбившихся с пути фрондеров (см.: Видок Фиглярин. С. 104-111).

[4] Курсив в цитатах здесь и далее Булгарина.

[5] «Монах» – поэма, которую собирался написать Дельвиг (замысел не был осуществлен).

[6] Цитируется письмо Пушкина Дельвигу от 23 марта 1821 г.

[7] В другом своем фельетоне Булгарин писал: «В начале моего деятельного участия в русской литературе, т.е. с 1820 года, в Петербурге во многих домах были общества, в которые приглашались писатели, обратившие на себя внимание, художники и артисты. Припомню петербургским старожилам дом государственного секретаря, президента Академии художеств и директора Императорской Публичной библиотеки, Алексея Николаевича Оленина, у которого собирались на вечер каждое воскресенье, дом русского историографа Николая Михайловича Карамзина, который был открыт каждому знакомому ему, ежедневно, в девять часов вечера. Графиня Софья Владимировна Строганова (урожденная княжна Голицына) и государственный канцлер граф Н.П. Румянцов приглашали также, довольно часто, литераторов и художников на обеды и вечера. Умалчиваю о других собраниях. Во всех этих обществах не играли в карты, а беседовали о литературе, художествах и изящных искусствах. Многие в этих литературных беседах научились тому, чему никогда бы не научились иным образом. Более прочих обществ имело влияние на литераторов и художников общество у Алексея Николаевича Оленина, которого память непременно сохранится в истории литературы лучшей ее эпохи. Он ободрял литераторов в их трудах, советовал им и принимал даже отеческое участие в их судьбе. Добрый, благородный, умный, незабвенный муж в истории просвещения России! – Недостатком всех этих русских литературных обществ в двадцатых годах был недостаток в них дам, которые бы

принимали сердечное участие в русском языке и в русской литературе. Недоставало только женщин для упрочения этого стремления к высокой цели, потому что без женщин *изящное* и *прекрасное* может только появляться вроде метеора, но не утверждаться в гражданском быту» (*Ф.Б.* Журнальная всякая всячина // СП. 1854. № 256. 13 нояб.).

[8] В.П. Гаевский не раз цитирует булгаринский мемуар «Встреча с Карамзиным».

[9] Литературные собрания у А.Ф. Воейкова начались в 1822 г., на них бывали В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, Н.И. Гнедич, Н.М. Карамзин, И.И. Козлов, И.А. Крылов, П.П. Плетнев, В.А. Перовский, Дельвиг и др.

[10] Имеется в виду С.Д. Пономарева. Ее салон возник в середине 1810-х гг. и просуществовал до ее смерти в 1824 г. Его посещали Гнедич, Крылов, А.Е. Измайлов, П.А. Катенин, Н.И. Греч, Баратынский, Дельвиг, О.М. Сомов, В.И. Панаев, М.Л. Яковлев, К.Ф. Рылеев. См.: *Вацуро В.Э.* С. Д. П. [...] М., 1989.

[11] Салон Карамзиных в конце 1810-х – 1830-е гг. посещали Жуковский, Вяземский, Батюшков, А.С. Пушкин, А.И. Тургенев, Воейков, Гнедич, А.И. Кошелев, А.С. Хомяков, В.П. Титов и др. Салон А.Н. Оленина существовал в 1810–1830-х гг. Его посещали Крылов, Гнедич, Пушкин, Батюшков, Вяземский, А.С. Грибоедов, В.А. Озеров, Греч, А.А. Шаховской и др. В другом месте Булгарин вспоминал про «бывшего государственного секретаря, президента Академии художеств и директора Императорской Публичной библиотеки, Алексея Николаевича Оленина, мужа ученого, знатока и любителя литературы и всего изящного. Дом покойного Алексея Николаевича был дом патриархальный, в полном значении слова; каждое воскресенье он принимал у себя, по вечерам, ученых, литераторов, художников и всех любителей изящного. В доме его бывали и Карамзин, и Жуковский, и Пушкин, и Крылов, и Гнедич, словом, все деятели, большие и малые, тогдашней знаменитой литературной эпохи. Добрый и благородный Алексей Николаевич призрел и меня, в начале моего литературного поприща, весьма часто руководствовал мудрыми своими советами, при издании “Северного архива”, и первый одобрил мои труды в изящной словесности. Пока будет биться во мне сердце, не иссякнет в нем благодарность к этому почтенному мужу, и я об нем буду говорить пространнее в отрывках из моих “Воспоминаний”. Супруга Алексея Николаевича Оленина, Елисавета Марковна, урожденная Полторацкая, была олицетворенная доброта, и все их семейство обходилось с посетителями чрезвычайно ласково и предупредительно» (*Ф.Б.* Дорожные впечатления // СП. 1854. № 33. 10 февр.). Подробнее о салоне Оленина см.: *Тимофеев Л.В.* В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. Л., 1983. О петербургских салонах см. также: Муравьева И. Салоны пушкинской поры: Очерки литературной и светской жизни Санкт-Петербурга. СПб., 2008.

[12] У Булгарина – Федоровны, что является явной опиской, поскольку далее в этом же тексте он правильно указывает отчество Воейковой.

[13] То есть было за рамками табели о рангах, включавшей 14 классов. Вероятно, речь идет о стихотворении Баратынского, Дельвига и др. «Певцы 15-го класса» (1822), в котором высмеяны В.И. Панаев, Н.Ф. Остолопов, О.М. Сомов, М.Е. Лобанов и др. См.: *Боратынский Е.А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1. С. 160–162.

[14] См.: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания об Испании. СПб., 1823. Речь идет о стихотворении «С. Д. П[ономарев]ой при посылке книги “Воспоминание об Испании”, соч. Булгарина», опубликованном в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г.

[15] В конце 1818 г. Батюшков уехал на службу в Италию, а после возвращения в 1822 г. у него обострилось психическое заболевание, от которого он в дальнейшем уже не излечился.

[16] У Измайлова в басне «Слон и собаки» (1824): «...в родню хоть толст, / Да не в родню, быть может, прост». Измайлов обыгрывает слова из басни Крылова «Слон на воеводстве» (1808): «...в родню был толст, да не в родню был прост».

[17] В басне намек на самого Измайлова. Об истории басни см. фрагмент [А.Е. Измайлов].

[18] Екатерина Афанасьевна Протасова (урожд. Бунина; 1770–1848) – сводная сестра В.А. Жуковского. Мария Андреевна Протасова (1793–1823) – дочь Е.А. Протасовой, жена И.Ф. Мойера. Жуковский был влюблен в нее, но попытки его вступить с ней в брак не имели успеха. Иван Филиппович Мойер (1786–1858) – ординарный профессор хирургии в Дерптском университете (1815–1836); ректор университета (1834–1835).

[19] Общую квартиру на Невском проспекте в доме Меншикова Жуковский и семья Воейкова снимали в 1822–1826 гг.

[20] Письмо Пушкина см.: *Пушкин.* Полн. собр. соч. Л., 1937. Т. 13. С. 85.

[21] В другом месте Булгарин писал о письмах Пушкина следующее: «Я был журналистом в то самое время, когда А.С. Пушкин писал много и иногда необдуманно. Хвалил я его всегда, как первоклассного поэта, но позволял себе некоторые замечания. Имею собственноручные письма А.С. Пушкина, что он благосклонно ценил мои замечания, и скажу более, даже дорожил моим мнением, но, прислушиваясь к разным литературным сплетням, часто гневался, что и доказывается пасквильными его выходками» (СП. 1858. № 20. 25 янв.). Помимо письма, упомянутого в предыдущем примечании, известна только одна записка Пушкина Булгарину от ноября 1827 г. (см.: *Пушкин А.С.* Указ. соч.. С. 346).

[П.А. КАТЕНИН]

...мы весьма благодарны П.А. Плетневу за сообщение биографий литераторов в Известиях Императорской академии наук, по Отделению русского языка и словесности. В томе III, на листах 1, 2 и 3,

помещены *биографические записки* о трех членах академии по Отделению русского языка и словесности: о бывшем министре народного просвещения князе Платоне Александровиче Ширинском-Шихматове[1], о Петре Александровиче Катенине (отставном генерал-майоре) и о корреспонденте Модесте Андреевиче[2] Резвом, инженер-полковнике и вице-директоре Строительного департамента Морского министерства. Литературные труды князя П.А. Ширинского-Шихматова, хотя и похвальные, не имели влияния на ход и направление современной литературы, а о служебной его деятельности по части Министерства народного просвещения я не имею права говорить, тем более, что все похвальное высказано в краткой его биографии. Модест Андреевич Резвой усердно содействовал к полноте Словаря русского и церковнославянского языка[3] объяснением и составлением музыкальных терминов, вовсе не участвуя в движении русской литературы. Петр Александрович Катенин в свое время действовал усердно в литературе и драматургии и имел сильное влияние на литературу драматическую, и потому я останавливаюсь на нем, с замечанием, что все три упоминаемые здесь литератора начали свое поприще в военной службе.

П.А. Катенин родился 11 декабря 1792 года, скончался в деревне своей, в Костромской губернии, 23 мая 1853 года, на *шестьдесят первом* году своей жизни. В 1810 году он поступил из гражданской службы в военную портупей-прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк и после десятилетней примерной службы произведен в том же полку в полковники, на *двадцать девятом* году жизни. Он отличался храбростью в сражениях при Бородине, Люцене, Бауцене, Кульме и Лейпциге[4], и достиг бы, без сомнения, высоких чинов, если б беспрерывно продолжал военную службу. Но непреодолимая страсть к литературе отвлекла его, в мирное время, от военной службы[5]. Он был самою природою создан поэтом, одарен самою счастливою памятью, живым воображением и тонким вкусом изящного. Поэты и некоторые писатели славного Карамзинского периода[6] составляли его общество в отставке, и главное занятие его было драматическая литература. П.А. Катенин перевел стихами из Расина «Эсфирь»[7], и в этой трагедии играли еще две драматические наши знаменитости Яковлев и Семенова (Катерина Семеновна)[8]. Из Расина же он перевел «Баязета», из Корнеля «Сида» и четвертое действие «Горациев». Для комической сцены переведены П.А. Катениным «Les fausses confidences»[9] из Мариво (под русским заглавием «Обман в пользу любви»), «Le méchant» Грессета[10], под заглавием «Сплетни», и три комедии: «Недоверчивый», «Говорить правду, потерять дружбу» и «Нечаянный заклад»[11]. Из собственных сочинений П.А. Кате-

нина для театра известны: «Андромаха», трагедия в пяти действиях в стихах, «Пир у Иоанна Безземельного», пролог к драме князя А.А. Шаховского «Иваноэ»[12]. Без всякого сомнения, эти литературные труды составляют большую заслугу в литературе, но, как справедливо замечает П.А. Плетнев (стр. 23): «Важнейшая заслуга его драматическому искусству в России состояла в образовании знаменитого Каратыгина, с которым он во всю жизнь оставался в дружеских сношениях». Разумеется, таланты от Бога, но талант требует возделания, как все усовершенствованное в природе. Дикая природа может быть хороша, но в приятных искусствах и художествах талант требует возделания и образования. Покойный Василий Андреевич Каратыгин сам сознавался своим приятелям, что он, под руководством П.А. Катенина, прошел наново и с большою пользою русскую грамматику, риторику и пиитику, весь курс декламации, научился, по указаниям П.А. Катенина, писать стихи, и по его совету стал изучать в истории характеры тех лиц, которые надлежало представлять на сцене[13]. Повторяю с П.А. Плетневым: большая заслуга! Десять лет прожил П.А. Катенин в своей деревне, в уединении, с своими книгами и идеями, начал писать комедию «Вражда и любовь», которая осталась неконченою[14], и в это же время написал «Размышления и разборы», которые помещены в «Литературной газете», издававшейся бароном Дельвигом, в 1830 году[15]. В этой статье изложены замечания: 1) об изящных искусствах, о поэзии вообще и о поэзии еврейской; 2) о поэзии греческой; [3) о поэзии латинской;] 4) о поэзии новой; 5) о поэзии итальянской; 6) о поэзии испанской и португальской и 7) о театре. П.А. Катенин знал языки французский, немецкий, итальянский, испанский и латинский. П.А. Плетнев в своем биографическом очерке (стр. 23) говорит: «В числе немногих из писателей наших он рано почувствовал необходимость пользоваться в языке русском теми разнообразными красками, которые сообщаются ему искусным слиянием наречий старинного и нового, книжного и устного». В этой краткой статейке я вовсе не намерен разбирать, *необходимо* ли, для разнообразия современной речи, употреблять *старинные* слова и старинное *книжное* наречие. По моему мнению, давно уже изложенному, старинная русская письменность есть подражание церковному языку, созданному из наречий булгарского и сербского. Таким языком никогда не говорили на Руси, и это был язык *условный*, или *книжный*. Каждый писатель, в старину, умышленно старался отдаляться от изустного наречия и приближаться к языку *книжному*, или *условному*, составленному южными и юго-западными славянами. Это был обычай. По моему мнению, в нынешнее время должно писать так, как *правильно* (NB правиль-

но!) говорится на великороссийском наречии. Так писали Карамзин, Дмитриев, Жуковский, Пушкин и лучшие наши поэты и прозаики. И поэтому многие из русских писателей, современных П.А. Катенину, не соглашались с ним насчет введения старинных слов и оборотов, находящихся в церковных книгах и старинных русских летописях, в новый русский гражданский язык. Вот и вся причина литературных недоразумений и распрей, по случаю выхода в свет, в 1832 году, «Сочинений и переводов» П.А. Катенина, в двух частях. В этом собрании помещены: 1) «Пир у Иоанна Безземельного»; 2) отрывок из комедии «Вражда и любовь»; 3) четвертое действие из трагедии «Горации», четвертое действие из трагедии «Медея», рассказ Терамена из «Федры», три отрывка из «Гофолии». Прочих переводов П.А. Катенина и собственных его сочинений, прежде изданных, равномерно как и прозы его, нет в этом собрании сочинений, и потому издание неполное[16]. На счет содержания пиес П.А. Катенина никогда не было спора, и все в этом отношении признавали их достоинство. Спорили только о словах, т.е. о введении старинных или устарелых слов в новый русский гражданский язык, признавая заслуги П.А. Катенина в русской литературе и отдавая полную справедливость его полезной деятельности. В 1833 году Императорская Российская академия (которой председателем был известный любитель и поборник церковного языка и вообще всех славянских языков адмирал Александр Семенович Шишков) избрала П.А. Катенина в число своих действительных членов, и он в том же году вступил снова в военную службу и отправился на Кавказ, поступив в Эриванский карабинерный полк. В 1836 году он назначен был комендантом в крепость Кизляр, и чрез два года вышел в отставку с чином генерал-майора и поселился снова в своей деревне, где и кончил свою полезную и трудолюбивую жизнь, в продолжение которой заслужил почетное имя и в военной службе, и в русской литературе.

По смерти П.А. Катенина один из близких его родственников сообщил мне его стихотворение, написанное незадолго до его кончины. Это была *элегия*, в которой покойный, описывая старое дерево, уже лишающееся жизненных сил, намекал на свое положение. Я намеревался напечатать это прекрасное стихотворение в «Северной пчеле», но желал при этом сообщить биографические известия о жизни поэта и потому обратился к его старинному другу, В.А. Каратыгину. Он взял у меня стихотворение покойного П.А. Катенина, обещал собрать все материалы для его биографии, но этим и кончилось дело! Занятый своею службою, В.А. Каратыгин не мог в скором времени удовлетворить моего желания – я ждал, а между тем умер, почти внезапно,

и В.А. Каратыгин! Прекрасное стихотворение не отыскано в бумагах покойного[17]. Искренно сожалея о потере этого стихотворения, я чрезвычайно благодарен П.А. Плетневу за биографический очерк П.А. Катенина, доставляющий мне случай выразить мое искреннее уважение к писателю, любившему пламенно русскую литературу и оказавшему ей значительные услуги. П.А. Плетнев в своем биографическом очерке упомянул о твердом и благородном характере П.А. Катенина, о его живом воображении (стр. 22) и сказал, что «он был поэт не только в стихах, но и в разговорах и в действиях». Все это совершенно справедливо. П.А. Катенин был честен и благороден во всех своих поступках, храбр в боях, приятен в беседах, но иногда пламенное воображение увлекало его в литературных спорах, когда пытались опровергнуть его литературное мнение на счет так называемой классической литературы, которой он строго придерживался, и на счет русского языка, в который он желал ввести старинные формы и устаревшие слова. Впрочем, П.А. Катенин никогда не переступал за черту вежливости и деликатности, которыми отличается человек благовоспитанный. Словом, П.А. Катенин оставил по себе память на трех поприщах, на которых он действовал, память храброго и расторопного офицера, отличного литератора, честного человека и доброго помещика. Этого довольно!

Печатается по: *Ф.Б.* Журнальная всякая всячина // СП. 1854. № 175. 7 авг. – Отклик на академические некрологи, представленные П.А. Плетневым в «Отчете» по II Отделению имп. АН за 1853 г. (читан в публичном собрании АН 29 декабря 1853 г.); помимо Известий ОРЯС опубл. также: Журнал Мин-ва народного просвещения. 1854. Т. 81. Отд. III. С. 47–58 (о Катенине: с. 53–56). Подобные некрологи литераторам и ученым П.А. Плетнев составлял ежегодно, предполагалось собрать их в 4-й (не вышедший) том его Сочинений.

[1] Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1853), князь – товарищ министра народного просвещения в 1842–1850 гг., с 1850 г. и до смерти – министр народного просвещения; поэт, член Российской академии. Поместил в «Северной пчеле» «Отрывок из похвального слова императору Александру Благословенному» (1832. № 14) и стихотворение «Надпись к Александровской колонне» (1834. № 193).

[2] Отчество инженера, члена-корреспондента Академии наук и музыканта-любителя М.Д. Резвого (1806–1853) в некрологе Плетнева указано верно: Дмитриевич.

[3] См.: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.

[4] Булгарин перечисляет сражения между армией Наполеона и войсками антинаполеоновской коалиции: при Люцене (городок в 20 км к юго-западу от Лейпцига) 2 мая 1813 г., при Бауцене (город в Саксонии) 20–21 мая 1813 г., под Кульмом (местечко в Богемии в 40 км к югу от Дрездена) 29–30 августа 1813 г., под Лейпцигом 16–19 октября 1813 г.(все даты даны по новому стилю).

[5] П.А. Катенин писал своему другу Н.И. Бахтину в 1829 г.: «Однажды навсегда жребий мой брошен, по грехам моим – я литератор; службу я оставил, кажется, навсегда, богатства у меня едва достает, чтобы с горем, скукой и нуждой жить, семейства я не имею, стало живейшие мои желания и чувства обращены на один предмет, на приобретение некоторого уважения и похвалы, как писатель, при жизни и по смерти» (Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину. СПб., 1911. С. 163). Причиной отставки Катенина в 1820 г. стал его конфликт с вел. кн. Михаилом Павловичем; за фрондерство в 1822 г. Катенин был выслан из Петербурга.

[6] Начатый Карамзиным период русской литературы Булгарин именовал Карамзинским, включая в него творчество Грибоедова и Пушкина и оканчивая его Лермонтовым (см.: *Ф.Б.* Журнальная всякая всячина // СП. 1856. № 100. 5 мая). Булгарин полагал, что «в последние годы царствования императрицы Екатерины II и в царствование императора Александра I сделано все возможное по части филологии и эстетики, чтоб утвердить и упрочить правила русского языка и составить легкую, выразительную прозу и блистательное стихосложение. И прежде, и теперь [в 1854 г.], если писатель желал нравиться умным, благовоспитанным и образованным людям, то должен был приближаться в чистоте и правильности слога и языка, в прозе к Карамзину, в стихах к Жуковскому и Пушкину. Это были и суть наши *первообразы* (прототипы) слога и языка» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф.Б. // Северная пчела. 1854. № 4. 7 янв.).

[7] См.: *Расин Ж.Б.* Есфирь: Трагедия из священного писания / Пер. с фр. [в стихах] Павел Катенин. СПб., 1816. В этом же году пьеса была поставлена в Петербурге.

[8] Алексей Семенович Яковлев (1773–1817) – актер-трагик; Екатерина Семеновна Семенова (в браке кн. Гагарина; 1786–1849) – актриса.

[9] «Ложные признания» (*фр.*).

[10] «Злой» (*фр.*). Автор пьесы – французский поэт и драматург Жан-Батист-Луи Грессе (1709–1777).

[11] См.: *Корнель П.* Сид: Трагедия. СПб., 1822; *Мариво П.К. де Ш.* Обман в пользу любви: Комедия в 3 д. СПб., 1827; *Катенин П.А.* Сплетни: Комедия в трех действиях в стихах; подражание Грессетовой комедии: Le Méchant. СПб., 1821; Говорить правду, потерять дружбу: комедия в 1 д. Соч. Мариво. Переделанная с фр. П.А. Катениным // Букет: карманная книжка для любителей и любительниц театра на 1829 год. СПб., 1829. С. 1–74. «Баязета» Расина Катенин переводил вместе с А.А. Жандром, перевод не был опубликован и рукопись не сохранилась; «Горациев» П. Корнеля он перевел с Чепеговым, А.А. Жандром, А.А. Шаховским. Пьеса была поставлена в Петербурге в

1817 г., опубликовано только 4-е действие, переведенное Катениным: Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. СПб.., 1832. Ч. 2. С. 43–56. «Недоверчивый, или Елена и Клерваль» – переделка комедии Ш. Колле «Dupuis et Des Ronais»; «Нечаянный заклад, или Без ключа дверь не отопрешь» – переделка комедии М.Ж. Седена «La gageur impr vue» (две последние пьесы неопубликованы, рукописи хранятся в Санкт-Петербургской театральной библиотеке).

[12] См.: *Катенин П.А.* Андромаха: Трагедия в 5 д., в стихах. СПб., 1827. Третье действие этой трагедии Булгарин поместил в своем альманахе «Русская Талия». Романтическая комедия А.А. Шаховского «Иваной, или Возвращение Ричарда Львиного Сердца» по роману В. Скотта «Айвенго» была поставлена в Петербурге в 1821 г. Пролог Катенина к ней «Пир Иоанна Безземельного» был опубликован в: Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. СПб., 1832. Ч. 1. С. 123–162.

[13] Булгарин принадлежал к числу приятелей Каратыгина и мог слышать об этом от него. В другом месте он писал: «Страсть к театру была в нем [В.А. Каратыгине], так сказать, врожденная, и отец его, видя в нем сценические способности, устроил домашний театр, на котором Василий Андреевич играл, следуя наставлениям отца. С семейством Каратыгиных был знаком в то время пламенный любитель драматического искусства, известный литератор и переводчик многих театральных пьес Павел Александрович Катенин, служащий тогда капитаном лейб-гвардии в Преображенском полку. Он занялся сценическим образованием Василия Андреевича по господствовавшим тогда формам классической трагедии. Василий Андреевич вышел в отставку, определился на службу в Дирекцию Императорских театров 3 мая 1820 года и в том же году дебютировал в “Фингале”, трагедии Озерова, с большим успехом. <...> Василий Андреевич, пока господствовала на сцене классическая декламация, придерживался наставлений П.А. Катенина, с которым остался дружен до конца своей жизни» (*Булгарин Ф.* Воспоминания о Василье Андреевиче Каратыгине // СП. 1855. № 64. 21 марта). Об отношениях Катенина с В.А. Каратыгиным и его семейством см.: *Каратыгин П.* Записки. Л., 1970, по указ. Катенин был театральным наставником и А.М. Колосовой (с 1828 г. – жена В.А. Каратыгина), письма к которой см.: Русская старина. 1893. № 3, 4; два его письма (1823) к брату Каратыгина Владимиру остаются неизданными (ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 250).

[14] Отрывок был опубликован: *Катенин П.А.* Вражда и любовь: (Из комедии) // Невский альманах на 1830 г. СПб., 1829.

[15] См.: *Катенин П.А.* Размышления и разборы // Литературная газета. 1830. № 4, 5, 9–11, 19–21, 33, 33, 40–44, 50, 51, 67–72.

[16] Булгарин поместил резко отрицательную рецензию на это издание (СП. 1833. № 97, 98. 3, 4 мая).

[17] Стихотворение, о котором пишет Булгарин, не было обнаружено и в дальнейшем.

Литература

Боратынский Е.А. Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славянской культуры, 2012. Т. 3. Ч. 1. 609 с.

Вацуро В.Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989. 416 с.

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 703 с.

Дельвиг А.А. Сочинения / Изд. подгот. В.Э. Вацуро. Л.: Художественная литература, 1986. 472 с.

Каратыгин П. Записки. Л.: Искусство, 1970. 352 с.

Катенин П.А. Андромаха: Трагедия в 5 д., в стихах. СПб., 1827.

Рейтблат А.И. Сенковский О.И. // Русские писатели. 1800–1917. Биографич. словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 572–580.

Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского // Сенковский О.И. Собр. соч. СПб., 1858. Т. 1. С. XI–CXII.

Сенковская А.А. Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус): Биографические записки его жены. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1858. 276 с.

Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. Л.: Лениздат, 1983. 288 с.

References

Boratynskii E.A. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2012, t. 3, ch. 1. 609 p. (In Russ.)

Vatsuro V.E. *S.D.P. Iz istorii literaturnogo byta pushkinskoi pory* [S.D.P. From the history of the literary life of Pushkin's time]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 416 p. (In Russ.)

Vidok Figliarin: *Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie* [Vidocq Figlyarin: Letters and undercover notes FV Bulgarin in Third Office], izd. podgot. A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 703 p. (In Russ.)

Del'vig A.A. *Sochineniia* [Works], izd. podgot. V.E. Vatsuro. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura, 1986. 472 p. (In Russ.)

Karatygin P. *Zapiski* [Notes]. Leningrad, Iskusstvo, 1970. 352 p. (In Russ.)

Katenin P.A. *Andromakha*: Tragediia v 5 d., v stikhakh. Saint-Petersburg, 1827. (In Russ.)

Reitblat A.I. Senkovskii O.I. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biografich. slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical Dictionary], t. 5, Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 572–580. (In Russ.)

Savel'ev P. O zhizni i trudakh O.I. Senkovskogo [On the life and works of O. Senkovsky]. Senkovskii O.I. *Sobr. soch.* [Works]. Saint-Petersburg, 1858. T. 1, pp. XI–CXII. (In Russ.)

Senkovskaia A.A. *Osip Ivanovich Senkovskii (Baron Brambeus): Biograficheskie zapiski ego zheny* [Osip Ivanovich Senkovsky (Baron Brambeus): Biographical notes of his wife]. Saint-Petersburg, tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1858. 276 p. (In Russ.)

Timofeev L.V. *V krugu druzei i muz. Dom A.N. Olenina* [In a circle of friends and muses. House of A.N. Olenin]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1983. 288 p. (In Russ.)

Bulgarin and Others

1. Bulgarin's Recollections of the Writers (from "Severnaya Pchela")

Abram I. Reitblat

Abtract: F.V. Bulgarin in his voluminous "Memoirs" (1846–1849) didn't come to the period of his own literary and editing activity; however the republished fragments of his recollections –forgotten feuilletons from "Severnaya Pchela" contain information on the Russian writers of the first half of the XIXth century, whom he knew very well. He gives the details and corrections to the biographical publications about them, characterizes their creative work. In the sketches published Bulgarin recollects writers and journalists he knew – Osip Senkovsky, Alexander Izmailov, Anton Del'vig, Nikolay Yazykov, Pavel Katenin.

Keywords: F. Bulgarin, memoirs, literary biography

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD, "Novoe Literaturnoe Obozrenie" / Library Russian Art, Moscow, Russia: E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-291-300
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

«...человек таланта большого, а души низкой»: Е. Салиас де Турнемир о Л. Толстом

Е.Н. Строганова

Аннотация: В статье анализируются литературно-критические и неизвестные эпистолярные отзывы Е.В. Салиас де Турнемир (Е. Тур) о Л.Н. Толстом. Показано, что писательница высоко оценивала художественное мастерство Толстого, но негативно воспринимала его как личность. По письмам Е.В. Салиас устанавливается не отмеченный в толстоведении факт личного знакомства писателей.

Ключевые слова: Е.В. Салиас де Турнемир, Л. Н. Толстой, литературная репутация, эпистолярные суждения, художественный талант, негативная оценка личности.

Информация об авторе: Евгения Нахимовна Строганова, д.ф.н., проф. Российского гос. университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Тверь/Москва, Россия. E-mail: enstroganova@yandex.ru

Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир, урожд. Сухово-Кобылина (1815–1892), прозаик, критик, публицистка, получила признание под псевдонимом Евгения Тур[1]. Свою литературную деятельность Салиас начала с переводов, но уже в 1849 г. дебютировала как оригинальный автор повестью «Ошибка». В 1850-х гг. она активно публиковала прозу, однако впоследствии больше занималась публицистикой и критикой. Салиас стала первой женщиной-издательни-

[1] Семья Сухово-Кобылиных известна в истории русской культуры: средняя сестра писательницы Софья Васильевна была талантливой художницей, брат Александр Васильевич прославился как драматург, сын – Евгений Андреевич Салиас – стал известным историческим романистом. Писательницей стала и внучка Е.В. Салиас Евдокия Евгеньевна, в замужестве Урусова (1882–1939). Ее муж, кн. Ю.Д. Урусов, был расстрелян в 1937 г., сама она сослана в Киргизию, где и умерла. Продолжая семейную традицию, пользовалась псевдонимом Евдокия Тур. Ее дочь Евдокия Юрьевна, в замужестве Унковская (1908–1986), была народной артисткой РСФСР и получила известность как Эда Урусова.

цей[1]; в ее журнале «Русская речь» (1861–1862) начинали свой путь Н.С. Лесков, А.С. Суворин, В.А.Слепцов, А.И. Левитов. Со второй половине 1860-х гг. особую известность Е. Тур получила как детская писательница. Необычайную популярность ее детских произведений подчеркивали современники, считавшие, что имя писательницы «сделалось дорогим, точно родным, для наших школ и для каждой образованной русской семьи...»[2].

По роду своей деятельности Салиас поддерживала знакомство со многими литераторами. В 1850-х гг. в ее московском салоне бывали С.П. Шевырев, Н.В. Сушков, П.Н. Кудрявцев, В.П. Боткин, И.С. Тургенев, М.Н. Катков, Е.П. Ростопчина, Н.Ф. Щербина и др. Вполне вероятно, что и Л.Н. Толстой, но до настоящего времени знакомство с ним не было подтверждено документально. В толстовских материалах нет очевидных свидетельств о личных встречах с Салиас. Косвенным доказательством, что такие встречи могли иметь место, служит тот факт, что в начале 1850-х гг. Толстой и А. Сухово-Кобылин встречались в гимнастическом зале и между ними даже существовало некое соперничество. «Хотел Кобылину дать о себе настоящее мнение...» – записал Толстой в дневнике 7 марта 1851 г.[3] Но дружеской приязни между ними не существовало[4], и домашнего знакомства предполагать не приходится. Да и отношения Салиас с братом в этот период были достаточно напряженными[5].

Однако дневники и переписка Толстого свидетельствуют, что он был знаком с творчеством писательницы. 18 октября 1852 г. Толстой заметил по поводу ее романа «Племянница»: «Очень хорошо» [Толстой, т. 46, с. 145]. Первая часть романа была напечатана в 1850 г. в «Современнике», но полностью он вышел в 1851 г., и Толстой, скорее всего, читал роман в отдельном издании. Много лет спустя, 6 марта 1884 г., он оставил в дневнике похвальный отзыв об очерке Салиас, посвященном П.Н. Кудрявцеву, с которым она была дружна: «Вечер читал Сальяс о

[1] В первой половине XIX в. женщины издавали только детские журналы и альманахи.

[2] *Языков Д.* Литературная деятельность графини Е.В. Сальяс (Евгении Тур). Письмо к редакторам // Исторический вестник. 1892. Т. XLVIII. № 5. С. 492.

[3] *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Юбилейное изд. М.: ГИХЛ, 1937. Т. 46. С. 48. Далее ссылки даются в тексте: [Толстой, том, стр.].

[4] Дело Сухово-Кобылина. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 486 (примеч. В.М. Селезнева).

[5] См.: *Строганова Е.Н.* «Что-то странное со мною. Зачем родилась? Зачем любила? Зачем живу?». К биографии Е. Салиас де Турнемир // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 226–228.

Кудрявцеве – прекрасно» [Толстой, т. 49, с. 64]. Наконец, Толстой знал повесть Салиас о первых временах христианства «Катакомбы» – свободное переложение романа Николаса Уайзмена «Фабиола» (1854). Повесть Салиас вышла первым изданием в 1866 г., была чрезвычайно популярна и выдержала множество переизданий. Надо полагать, что не без одобрения Толстого «Катакомбы» были адаптированы для народного чтения и в 1886 г. изданы в «Посреднике» под названием «Фабиола, или Древние христиане» [Толстой, т. 85, с. 188–189].

Другие отзывы Толстого о творчестве Салиас неизвестны, не оставил он и каких-либо обобщающих суждений, но его отношение к отдельным ее произведениям было, как видим, вполне позитивным.

В свою очередь тексты Салиас дают концептуальный взгляд на Толстого. Известно, что она была автором критической статьи о повести «Казаки», в которой приветствовала поэтическое мастерство автора: «...это целая картина, нарисованная рукою мастера, колорит которого поразительно ярок и вместе верен природе [...] все просто, незамысловато – но сколько поэзии и оригинальности в этой простоте! Это – сама жизнь с ее неуловимой прелестию...»[1]. Повесть Толстого она представила в широком литературном контексте, вспоминая произведения Шатобриана, Руссо, Дюма-отца, Бестужева-Марлинского, Дениса Давыдова, Гюго, Купера. В своем разборе Салиас касается образов Марьянки, Лукашки и Ерошки, но в центре – фигура Оленина. И здесь настроение критика и шкала оценок изменяются. Образ протагониста интересует Салиас прежде всего «со стороны высшей нравственности» (с. 275), на художественную состоятельность произведения она как будто не посягает. Но на деле оказывается, что принятый ею подход ставит под сомнение и художественную убедительность текста. Согласно Салиас, фигура Оленина, характер которого «угадывается с первых строк» (с. 247), противоречит жизненной правде. В характеристиках этого персонажа, в его мыслях и поступках она постоянно обнаруживает противоречия, например, пишет: «Как ему было разочароваться? Чтобы разочароваться, надо носить идеал в душе своей, надо стремиться к чему-нибудь!» (с. 246). По ее мнению, у толстовского героя такого идеала нет, стало быть, и разочаровываться ему не в чем. Неоднократно встречаются упреки в «нелогичности» изображения Оленина (с. 259, 260). Такого рода замечания были вызваны тем, что критик не приняла специфику тол-

[1] *Тур Евгения*. Казаки. Кавказская повесть 1852 г. гр. Л.Н. Толстого // Отечественные записки. 1863. № 6. С. 243. Далее ссылки на эту статью даются в тексте с указ. стр.

стовского психологизма, не увидела главный нерв его творчества – интерес к изображению противоречивости внутренней жизни человека, то, что мы хрестоматийно, вслед за Чернышевским, называем «диалектикой души». В интерпретации Салиас Оленин настолько примитивен, что даже не приходится предполагать в нем какой-то внутренней работы. И она упрекает автора за его симпатии к герою, в желании «выставить его в хорошем, розовом и поэтически-обольстительном свете» (с. 247).

Одной из характеристик Оленина в устах критика становится метафора *грязный* в ряду *жалкий*, *пустой*, *мелкий* (с. 259). Для нее Оленин – лишь «грязный представитель полуобразования» (с. 267), который и прежде и теперь, на Кавказе, живет «жизнью животного» (с. 260), и любовь к Марьяне – лишь проявление его животности. Обратим внимание на эти характеристики, потому что позже еще вернемся к ним.

По-своему интерпретировала Салиас и пафос повести, в которой видела поэтизацию пьянства и разбоя: «Перед вами поэма, где воспеты не с дюжинным, а с действительным талантом отвага, удаль, жажда крови и добычи, охота за людьми, бессердечность и беспощадность дикаря-зверя» (с. 266–267). Ее общее суждение об авторе «Казаков» звучит как приговор: «...и в эстетическом, и в нравственном отношении ему недостает высшего полету, благороднейших стремлений» (с. 275).

Это представление Салиас о Толстом как о писателе большого таланта, но ложного направления сохранилось и в дальнейшем. В Тверском государственном объединенном музее находится фонд семьи генерал-фельдмаршала И.В. Гурко, который был женат на дочери Салиас Марии Андреевне. В этом фонде содержатся письма Салиас к дочери и членам ее семьи, в которых находим суждения о Толстом. Один из отзывов носит вполне нейтральный характер: «...читать Толстого хотя и приятно, но не образовательно», – писала она 5 декабря 1885 г. жене своего старшего внука Владимира Гурко[1].

В письмах же, адресованных дочери, Салиас откровенно и резко отзывается о поздних произведениях Толстого, противопоставляя его *романы* и *сочинения*, т.е. разделяя художника и мыслителя. Понятие *сочинения* как таковое не конкретизируется, но вполне очевидно, что подразумевается толстовская публицистика.

Толстому уделено значительное место в письмах от 2 марта 1885 г. и 20 апреля 1890 г., где осуждаются его религиозно-философские

[1] Научный архив Тверского гос. объединенного музея (НА ТГОМ). Ф. 1. Оп. 1. Связка 9. Ед. хр. 77. Л. 84. Далее ссылки на эту единицу хранения приводятся в тексте: НА ТГОМ, с указ. листа.

взгляды и социально-этические идеи. Высказывания Салиас чрезвычайно эмоциональны по тону и лексике, графически это усиливается восклицательными знаками и подчеркиваниями.

В 1885 г. Салиас сообщала: «...у нас здесь пример гордости и надменности [...] граф Толстой, написавший какую-то бездарную гадость и величающийся, как бы подвигом. Он сбивает людей с пути и кичится – на этом спросится еще больше, чем с других. Он же зарыл свой талант, и напротив того употребил его на всякое зло. Теперь издает: Мое!!! Евангелие. На месте Государя я бы велела все его измышления сжечь, особенно такие, где он доказывает, что благотворение пустяки и что он не принес его домой. Вправду, когда я читала это, я сказала себе: "Какой бесчувственный скот!" А я всякий день убеждена, что недовольно денег, чтобы помочь тому и этому. Голодные и холодные на всяком шагу, и как это умирать мы будем, зная, как столько на прихоти свои истратила (sic), или недостало у нас денег отдать голодным и холодным детям малым» [НА ТГОМ, л. 28 об.].

Буквально такого сочинения у Толстого нет. Речь, конечно, идет о трактате «В чем моя вера?»[1]. Судя по тексту письма, Салиас трактат не читала, но ей известен основной пафос сочинений Толстого. И она пользуется слухами, которые согласуются с ее собственным мнением, отсюда безапелляционная характеристика – «бездарная гадость». Те мысли, которые стремится донести до читателей Толстой, абсолютно чужды Салиас. В частных письмах писательница подчас очень критично высказывалась о существующем порядке вещей и о людях, возглавлявших социальные институты, но глобальное толстовское отрицание она, разумеется, принять не могла, как не могла принять и его религиозных толкований.

Сочинениям Толстого Салиас противопоставляет свою книгу для детей «Священная история», которую позиционирует как своего рода противоядие: «Многое, что написано, не было бы написано прежде, но теперь я вижу, куда ведут государство люди без самых *строгих правил*». Она полагает, что в современной ситуации «шатания, нравственной смуты» «сочинения-измышления гр. Толстого» являют собой род «авторитетной чепухи и сумбура», и называет их «сущим обществен-

[1] Работу над трактатом Толстой закончил в январе 1884 г., в том же году он был напечатан, но духовная цензура запретила его распространение. Тираж, однако, не был уничтожен, а разошелся по разным значительным лицам, пожелавшим прочитать новое сочинение Толстого, т.е. остался в частных библиотеках. Среди более массового читателя трактат циркулировал в списках [Толстой, т. 23, с. 552–553; коммент. Н.Н. Гусева].

ным ядом», т.е. утверждает, что они несут социальную опасность [НА ТГОМ, л. 26 об.–27].

Еще более гневную реакцию Салиас вызвала «Крейцерова соната», которой посвящено письмо 1890 года. С повестью Толстого она, как и многие другие современники, познакомилась в списке[1]. Это письмо начинается с фразы, свидетельствующей, что ему предшествовали более ранние разговоры с дочерью об этом произведении.

> Я прочла Крейцеровую. Это верх всякого невежества, татарства – армейщины при Н.[иколае] П.[авловиче], низости и скотства. Чтобы сказали мои, высокой души, друзья, Гранов[ский] и Кудр[явцев], если бы дожили до такого безобразно-грубого и пошло-омерзительного явления. Я всегда, глядя на лице и физиономию Толстого думала: “А души в нем нет! Глаза грязные, рот, трепещущий от себялюбия, всё выражение лица весьма пошлое, хотя умное, ничего светлого, ничего ясного в лице нет, а грязного много”. Так думала я и себя в этих думах упрекала: “Вот я какая сама дурная! Вижу только нехорошее, и благорасположения во мне нет. Он просто дурен лицем. Мало ли кто дурен? Это не есть знак грязи и пошлости». Так я с собою рассуждала, но упорно держалось во мне впечатление, что этот человек таланта большого, а души низкой. Теперь я с собою помирилась и умру зная, убежденная, что сей великий писатель, таланта себе равного в Европе не имеющего (sic), есть не более, как скот на 4 ногах, животное грязь любящее и в грязи валяющееся и отдаст он ответ Богу. Дан ему талант великий, а он его употребляет на оскотинение молодежи, на заражение ее самыми пошлыми, низкими, подлыми понятиями. Ужасно! И многие читают и находят, что, конечно, это гадко, но есть будто бы оригинальные мысли. Ни единой! Это соединение, уродливое, армейщины Николаевской с татарщиной и зверскими влечениями, без узды и без стыда, а с какою-то нахальной похвальбой и возвеличением животных страстностей и взрывов как законных! Ужасная мерзость! Меня тошнит нравственно и физически. Никогда я не пожму руки такого животного. Отравитель юношества, огонь таланта, Божественную искру употребляющий на то, чтобы не светильник зажечь его, а кучу навозу и нечистот – и дымится всё это и смрад и дышать неможно, и дурманит это [1 сл. нрзб.] глупых, слишком молодых или по природе уже склон-

[1] С.А. Толстая получила разрешение на печатание лишь в апреле 1891 г., и то только в составе собрания сочинений. Восьмая редакция уже с ноября 1889 г. распространялась в списках, сначала рукописных, потом литографированных и гектографированных [Толстой, т. 27, с. 596, 588–590; коммент. Н.К. Гудзия].

ных к пошлости и низости. Отведу глаза мои, заткну уши мои, язык мой к гортани прилеплю, чтобы не слышать, не говорить, не глядеть на такие возмутительные, богопротивные и людям погибельные речи, писания и волнения. Удалюсь в мой угол, где люди живут простые и часто довольствуются винтом одним. Оно лучше, чем читать и хвалить такие постыдные, безнравственные, под маской напускной добродетели, произведения. Дети 17 лет читают и научаются презирать сестер и матерей. Негодяй! Подлый себялюбец, достойный всякого презрения!

[НА ТГОМ, л. 533–536]

Можно было бы просто констатировать, что письмо Салиас вплетается в ряд других негативных отзывов о «Крейцеровой сонате», которых было немало. Но думаю, что некоторые комментарии необходимы. Во-первых, надо понять, какую редакцию повести она могла читать. По последней реплике – о том, что Толстой дискредитировал сестер и матерей в глазах их юных родственников мужского пола, можно предположить, что восьмую, предпоследнюю, которая, как известно, широко распространилась еще до окончательного завершения работы Толстого над текстом. В главе XIV кроме резкого суждения Позднышева о том, что воспитание девушек направлено на обольщение мужчин, были и рассуждения о страданиях девушек «от возбуждения чувственности» и ее проявлении в присутствии мужчин [Толстой, т. 27, с. 586]. В той же редакции в главе XVI Толстой писал об отсутствии у матерей духовной любви к своим детям и пространно сравнивал любовь к детям у женщин и животных [Толстой, т. 27, с. 586].

Во-вторых, совершенно очевидно, что Салиас оценивает повесть с гендерных позиций, протестуя против маскулинного, даже брутального взгляда, который, по ее мнению, присутствует в повести. Показательны два ряда повторяющихся характеристик: «верх всякого невежества, татарства – армейщины при Н.[иколае] П.[авловиче], низости и скотства» и «соединение, уродливое, армейщины николаевской с татарщиной и зверскими влечениями». Салиас говорит с позиций женщины, оскорбленной тем, что в повести Толстого женщина представлена как объект, опредмечена мужским взглядом, по сути, обезличена. Вспомним реакцию С.А. Толстой. Ее повесть «Чья вина?» была ответом не жены только, но оболганной женщины, которая сама решила рассказать правду о себе. И Салиас, говоря о «Крейцеровой сонате», по сути, возмущена отсутствием в повести женщины как субъекта, как личности.

Заметим, что сам Толстой уже вскоре после окончания работы над повестью не хотел ее публикации. 15 апреля 1891 г. он писал

В.Г. Черткову, что «вовсе не рад» разрешению, полученному от императора: «А что-нибудь скверное б[ыло] в Кр[ейцеровой] Сон[ате]. Она мне страшно опротивела, всякое воспоминание о ней. Что-нибудь б[ыло] дурное в мотивах, руководивших мною при писании ея, такую злобу она вызвала. Я даже вижу это дурное» [Толстой, т. 87, с. 83]. Разумеется, взгляд автора и позиция критика – это совершенно разные вещи, но показательны определения *скверное*, *дурное,* которые использовал Толстой.

Возвращаясь к вопросу о знакомстве Салиас и Толстого, можно сказать, что письмо о «Крейцеровой сонате» служит документальным подтверждением того, что они были знакомы. На это вполне определенно указывает словесный портрет Толстого, выполненный по памяти, но, можно сказать, с натуры. Салиас явно пишет о человеке, которого ей лично приходилось встречать. Эти встречи относятся к 1850-м гг. Основанием для такого утверждения служит акцент на «некрасивости» Толстого. Вопрос о своей внешней непривлекательности был очень болезненным для Толстого в молодые годы. Позже такой проблемы уже не существовало, не только потому, что он перестал рефлектировать по этому поводу, но и потому, что изменился внешне, обрел свое лицо. Вероятно, и впечатление Салиас относится к раннему периоду жизни Толстого. Скорее всего, они встречались в середине 1850-х гг. в Москве, и, скорее всего – в доме Николая Васильевича Сушкова, с которым каждый из них поддерживал отношения. В 1856–1858 гг. Толстой особенно часто посещал Сушковых, что было связано с увлечением их племянницей Екатериной Федоровной Тютчевой. Впоследствии он вспоминал: «В Москве был такой дом Сушковых. Я там часто бывал. Там собиралось интересное общество»[1]. В дневнике Толстого есть непрокомментированная запись от 18 октября 1857 г.: «...вечер был у Сушк[овой] и у Сух[аревой] Башни. Ни та, ни другая мне не нравятся» [Толстой, т. 47, с. 160]. Предложенное публикаторами прочтение – «Сушковой» – представляется неточным, так как Толстой никогда не упоминает имя Дарьи Ивановны Сушковой отдельно от имени ее мужа, и это предполагает написание фамилии во множественном числе, что подразумевает «дом Сушковых». В таком случае первая из тех, кто «не нравится» Толстому, – Е.Ф. Тютчева, по поводу своего отношения к которой он постоянно рефлектировал (как, впрочем, и по поводу отношения к другим женщинам). Другая же, названная по месту проживания «у Сухаревой Башни», могла иносказательно озна-

[1] *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого (Записи за пятнадцать лет). М.; Пг.: Центральное тов-во «Кооперативное изд-во», 1923. Т. II. С. 114.

чать Е.В. Салиас, дом которой находился «около Сухаревой башни, в 3-й Мещанской, почти на углу площади»[1]. Если это так, то вполне очевидно, что Толстой посещал Салиас, но не испытывал к ней симпатии. Их знакомство, подтверждаемое письмом Салиас, носило поверхностный характер и ни в те годы, ни позже не переросло в общение.

Выскажу также предположение, что негативное личное впечатление о Толстом, которое Салиас, судя по письму, всегда пыталась подавить в себе, отразилось в ее статье о «Казаках» – в характеристике нравственной личности Оленина. Понятия *грязный*, *животность*, которые в письме о «Крейцеровой сонате» она использует по отношению к Толстому, были гораздо раньше вербализованы ею в разговоре о «Казаках».

Литература

Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого (Записи за пятнадцать лет). М.; Пг.: Центральное тов-во «Кооперативное изд-во», 1923. Т. II. 396 с.

Дело Сухово-Кобылина / Сост., подгот. текста В.М. Селезнев, Е.О. Селезнева. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 544 с.

Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстологич. расшифровка Н. Роскиной; подгот. текста Д. Рейфилда, О. Макаровой. London: The Garnett Press; М.: Изд-во Независимая газета, 2000. 670 с.

Салиас Е.А. Семь арестов (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1898. Т. LXXI. № 1. С. 88–120, № 2. С. 485–513, № 3. С. 828–856.

Строганова Е.Н. «Что-то странное со мною. Зачем родилась? Зачем любила? Зачем живу?». К биографии Е. Салиас де Турнемир // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 217–244.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИЗ, ГИХЛ, 1928–1959.

Тур Евгения. Казаки. Кавказская повесть 1852 г. гр. Л.Н. Толстого // Отечественные записки. 1863. № 6. С. 242–279.

Языков Д. Литературная деятельность графини Е.В. Сальяс (Евгении Тур). Письмо к редакторам // Исторический вестник. 1892. Т. XLVIII. № 5. С. 485–493.

References

Goldenveizer A.B. *Vblizi Tolstogo (Zapisi za pyatnadtsat' let)*. [Near Tolstoy (fifteen years of records)]. Moscow; Petrograd: Tsentral'noe tov-vo "Kooperativnoe izd-vo" Publ., 1923. Vol. II. 396 p. (In Russ.)

[1] *Салиас Е.А.* Семь арестов (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1898. Т. LXXI. № 1. С. 91. В начале 1860-х гг. Салиас жила уже на Большой Садовой, возле церкви св. Ермолая, что на Козьем болоте [см.: Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London: The Garnett Press; М.: Изд-во Независимая газета, 2000. С. 208–209], но когда она туда переехала, неизвестно.

Delo Sukhovo-Kobylina [Sukhovo-Kobylin Case]. Sost., podgot. teksta V.M. Seleznev, E.O. Selezneva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 544 p. (In Russ.)

Dnevnik Alekseia Sergeevicha Suvorina. [Alexey Sergeyevich Suvorin's Diary]. Eds. N. Roskina, D. Reifild, O. Makarova. L.: The Garnett Press; Moscow: Izd-vo Nezavisimaia gazeta Publ., 2000. 670 p. (In Russ.)

Salias E.A. "Sem' arestov (Iz vospominanii)" [Seven arrests (From the memoirs)]. *Istoricheskii vestnik* [Historical bulletin], 1898, t. LXXI, no 1, pp. 88–120, no 2, pp. 485–513, no 3, pp. 828–856. (In Russ.)

Stroganova E.N. "'Chto-to strannoe so mnoiu. Zachem rodilas'? Zachem liubila? Zachem zhivu?'. K biografii E. Salias de Turnemir" ["Something strange to me. What was I born for? Why did I love? What do I live for?".". For biographies E. Salias de Tournemire]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 2015, no 2, pp. 217–244. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Poln. sobr. soch.:* v 90 t. [Complete Works: in 90 vols.]. Moscow, GIZ, GIKhL Publ., 1928–1959. (In Russ.)

Tur Evgeniia. "Kazaki. Kavkazskaia povest' 1852 g. gr. L.N. Tolstogo" [Cossacks. Caucasian novel 1852 Count LN Tolstoy]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1863, no 6, pp. 242–279. (In Russ.)

Iazykov D. "Literaturnaya deiatel'nost' grafini E.V. Sal'ias (Evgenii Tur). Pis'mo k redaktoram" [Literary activity of Countess E.V. Salyas (Eugenia Tour). Letters to the Editor]. *Istoricheskii vestnik* [Historical bulletin], 1892, t. XLVIII, no 5, pp. 485–493. (In Russ.)

"…a Man of Great Talent but Mean-spirited": Elizaveta Salias de Tournemire on Leo Tolstoy

Evgenia Stroganova

Abstract: The purpose of this paper is the analysis of literary critical including unknown ones epistolary comments of Elizaveta Sailas De Tournemire (E. Tur) on Leo Tolstoy. It shows that the authoress highly appreciated Tolstoy's pencraft and talent for writing, but had a bias against him as a person. In the letters of Elizaveta Salias De Tournemire there is an evidence of her acquiantance with the writer which had not been known before.

Keywords: Elizaveta Salias De Tournemire, Leo Tolstoy, relationship, epistolary comments, writer's talent, negative personal attitude.

Information about the author: Stroganova Evgenia Nakhimovna, Doctor Hab. of Philology, Professor at Kosygin Russian State University Tver'/Moscow, Russia. E-mail: enstroganova@yandex.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-301-310
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

История текста стихотворения Спиридона Дрожжина «Родина»

М.В. Строганов

Аннотация: Текстологическая история стихотворения С.Д. Дрожжина «Родина» (1871–1923) отражает сложную эволюцию крестьянского поэта. Несправедливо видеть в ней только сознательное приспособление автора к политической ситуации. В немалой степени эта эволюция отражала переход от свойственного народу пессимизма к оптимизму интеллигентского толка.

Ключевые слова: текстология, редакция текста, С.Д. Дрожжин, народный поэт

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов, д.ф.н., проф. Российского гос. университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва/Тверь. E-mail: mistro@rambler.ru

Стихотворение «Родина» (1871) является одним из самых популярных произведений С.Д. Дрожжина. Оно в обязательном порядке входит во все сборники и подборки стихов поэта, и его обязательно цитируют или хотя бы упоминают авторы вступительных и юбилейных статей; наконец, оно является одним из самых показательных стихотворений для презентации поэта в краеведческом плане. Но историей текста этого стихотворения никто не занимался, как будто этой проблемы просто не существует.

В принципе, все произведения Дрожжина с точки зрения текстологии не изучены. Исследователи по преимуществу оперируют сложившимися стереотипами и даже не задумываются над тем, чтобы применить к изучению творчества Дрожжина такой элементарный прием, как текстологический анализ. Между тем применение текстологического анализа может дать совершенно неожиданные результаты, что мы и намерены продемонстрировать на примере стихотворения «Родина». Работа эта была выполнена в процессе подготовки собрания сочинений Дрожжина. Вот текст стихотворения[1], который достаточно хорошо известен:

---

[1] *Дрожжин С.Д.* Собрание сочинений: В 3 т. / Гл. ред. М.В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2015. Т. 1: Стихотворения. 1867–1894. С. 47.

Кругом поля раздольные,
Широкие поля,
Где Волга многоводная –
Там родина моя!

Покрытые соломою
Избушки у реки,
Идут-бредут знакомые,
И едут мужики.

Ребята загорелые
На улице шумят,
И словно вишни спелые,
Их личики горят.

Вдали село, и сельский храм
Приветливо глядит,
А там опять к родным полям
Широкий путь лежит.

Идешь, идешь – и края нет
Далекого пути,
И хочется мне белый свет
Обнять и обойти.

Стихотворение очень бодрое, оптимистическое, даже задорное. Во всех изданиях оно помечено августом 1871 г., Петербургом. Но в таком бодром и оптимистическом виде стихотворение появилось вовсе не в 1871 г., а только после революции 1917 г., именно в 1923 г.,[1] то есть через 52 года после создания первого варианта. Вообще-то, бодрость и оптимизм должны быть скорее принадлежностью мироощущения молодого человека двадцати трех лет, а не семидесятипятилетнего старика. Поэтому мы полагаем, что задорно-оптимистический пафос появился в стихотворении под влиянием революции 1917 г. Однако сейчас, в начале нашего рассуждения, для нас не важно, по

[1] Следует заметить, что в более ранних послереволюционных сборниках это стихотворение отсутствует: *Дрожжин С.Д.* Баян. Стихотворения. 2-е, испр. и доп. автором изд. со вступительной статьей Н. С. Власова-Окского. Тверь: Изд. Тверского губоно, 1920; *Дрожжин С.Д.* Песни рабочих. 2-е, испр. автором и доп. изд. М., 1920.

какой причине это произошло, достаточно и того, что мы укажем на существенное различие редакций стихотворения.

В плане издания своих стихотворений, которое Дрожжин готовил в 1920 г., о стихотворении «Родина» он пишет: «*Родина*. Санкт-Петербург. Август 1871 г. Грамотей. [1873.] № 2. С. 59. Перепечатано в Русской старине 1884 при воспоминаниях о жизни и поэзии. Стихотворение в настоящем 4 изд. появляется в значительно исправленном виде. Имеется к нему несколько вариантов».[1]

То, что сказано Дрожжиным в этой справке, справедливо только отчасти. Бесспорно утверждение, что в новом издании «появляется [должно было появиться] в значительно исправленном виде». Верно и то, что «имеется к нему несколько вариантов»: мы располагаем как минимум еще четырьмя вариантами стихотворения и проанализируем их. Однако Дрожжин ошибается в датировке публикации первого варианта стихотворения. Дрожжин перепутал, выдавая желаемое за действительное. Он хотел, чтобы «Родина» была одной из первых (если не первой) его публикацией. Но первой публикацией вообще, и именно в «Грамотее», было стихотворение «Песня про горе добра молодца» (1873). А в следующем году там же была напечатана «Песня про солдата».[2] «Родина» же появилась в «Грамотее» не в 1873, а в 1875 г.; вот этот текст:

Кругом поля раздольные –
Широкие поля;
Болота непроходные–
То родина моя.
Соломою покрытые
Избушки, огород,
Ребята неумытые
Играют у ворот.
Да лица изнуренные
Встречаются порой,

[1] Варианты, заметки и примечания к Стихотворениям С. Дрожжина 1866–1904–1907–1920 гг. и последующих годов, сделанные автором вначале к приготовленному в 1920 году к печати 4 издания полного собрания Стихотворений в 2-х томах, или 4-х. Л. 12 (23). Музей С.Д. Дрожжина (пос. Завидово Конаковского р-на Тверской обл.). Благодарю заведующую музеем Е.В. Павлову за предоставление мне этих материалов для работы.

[2] *Дрожжин С.* Песня про горе добра молодца // Грамотей. 1873. № 12. С. 48–50; *Дрожжин С.* Песня про солдата // Грамотей. 1874. № 2. С. 56–57.

В работе истомленные,
Забитые нуждой...
А там – село, и Божий храм
Приветливо глядит;
А дальше снова по полям
Широкий путь лежит.
Идешь, идешь, и в даль небес
Хотелось бы слетать,
А там опять дремучий лес –
И неба не видать...[1]

«Грамотей» был не самым читаемым журналом, и настоящую известность Дрожжин получил не после разрозненных публикаций в этом журнале, а только тогда, когда в 1884 г. в «Русской старине» были опубликованы его «воспоминания о <...> жизни и поэзии», включившие в себя и републикацию «Родины». Отличия текста 1884 г. от текста 1875 г. на самом деле незначительны.[2]

Образ родины (‘родных мест’) построен на контрасте: «поля раздольные», а «болота непроходные». Это противопоставление хорошо известно в русской культуре: образ раздолья связан обычно со степью (в данном случае – поле), образом безысходного тупика является обычно болото; раздолье репрезентирует чаще всего государственную тенденцию, а тупик, – соответственно, антигосударственную.[3] В центральной части стихотворения нарисована картина мрачная и безысходная: «соломою покрытые избушки», «ребята неумытые», «лица изнуренные», «в работе истомленные, забитые нуждой». Лишь один «Божий храм приветливо глядит»; всё остальное хмуро и неприглядно. Последняя строфа стихотворения вновь построена на контрасте: «в даль небес хотелось бы слетать», но «дремучий лес» закрывает небо.

---

[1] Грамотей. 1875. № 2. С. 59. Подпись: С. Дрожжин. Благодарю Д. К. Равинского, помощь которого в работе с журналом была для меня неоценима.

[2] Поэт-крестьянин Спиридон Дрожжин в воспоминаниях о его жизни и поэзии. 1848–1884 гг. Гл. IV–V // Русская старина. 1884. Т. XLIV. № 10. С. 110. Варианты: 4. Вот родина моя; 15. За ним опять к родным полям; 19. А впереди дремучий лес.

[3] *Строганов М.В.* 1) Две России: «широкая, просторная» и «топи да болота» // Образ России в литературе XIX–XXI вв.: Материалы междунар. научн. конференции / Ред. Н.З. Коковина, М.В. Строганов. Курск, 2008. С. 5–28; *он же*. Степь и болото как ландшафтные образы России: от традиционной культуры к авторскому сознанию // Природные стихии в русской словесности / Отв. ред. А.И. Смирнова М.: ЛЕНАНДР, 2015. С. 5–21.

Редакция стихотворения, которая появилась в 1889 г., в собрании стихотворений Дрожжина, уже несколько отличается от первой. Дрожжин начинает с того же контраста и заканчивает контрастом:

Кругом поля, раздольные
Широкие поля,
Болота непроходные –
Вот родина моя.

Соломою покрытые
Избушки предо мной,
Ребята неумытые
На улице порой.

Босые, загорелые,
Играют и шумят,
И словно вишни спелые,
Их личики горят.

И мимо храма Божьего
Дорогою большой
Идут, крестясь, прохожие
И странники с сумой...

Вдали цветут сосновые
Дремучие леса,
И с тучами свинцовые
Нависли небеса.

Ни чем не одаренная
И скудная земля
Да Волга многоводная –
Вот родина моя![1]

Конечно, «вдали цветут сосновые дремучие леса», но над ними «с тучами свинцовые нависли небеса». Конечно, «Волга многоводная», но она соседствует тут не с необозримыми полями, а с «ни чем не одаренною и скудною землей»; если чего и много в этой картине мира, то только воды.

[1] *Дрожжин С.Д.* Стихотворения. 1866–1888. С записками автора о своей жизни и поэзии. 2-е изд. СПб.: Изд. М.В. Клюкина, 1894. С. 93–94. Первое издание – 1889 г.

На фоне этих контрастных картин природы Дрожжин рисует мир людей, выделяя в первую очередь детский мир. «Ребята» остаются такими же «неумытыми», то есть неухоженными, какими мы видели их и в редакции 1875 г. Но добавляется новая деталь, которая смягчает тяжелое впечатление: они «загорелые» и «словно вишни спелые, их личики горят». Дрожжин рисует и взрослый мир: мимо храма идут «прохожие и странники с сумой». При этом исчезают ранние характеристики: «лица изнуренные», «в работе истомленные, забитые нуждой». Эту картину также нельзя назвать умиротворяющей: народ богомолен, но нищ. Но по сравнению с картиной в варианте 1875 г. она, конечно, гораздо менее резкая.

Третий вариант появляется в печати в 1906 г. Первые четыре строфы приобретают современный вид. Противоречивость картины родины снимается, подчеркивается широта, раздолье, многоводность природы, многолюдство дороги, а неумытость ребят заменяется их загорелостью:

Кругом поля раздольные,
Широкие поля,
Где Волга многоводная –
Там родина моя!

Покрытые соломою
Избушки у реки,
Идут-бредут знакомые,
И едут мужики.

Ребята загорелые
На улице шумят,
И, словно вишни спелые,
Их личики горят.

Вдали село, и сельский храм
Приветливо глядит,
А там опять к родным полям
Широкий путь лежит.

Идешь, идешь, и в глубь небес
Хотелось бы слетать,
Да впереди дремучий лес,
И света не видать.[1]

[1] Жизнь поэта-крестьянина С.Д. Дрожжина (1843–1905 гг.), описанная им самим. Избранные стихотворения. М.: Изд. журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1906. С. 108.

Божий храм изображается таким же «приветливым», как в редакции 1875 г. Картина получается почти что умиротворенная.

Только последняя строфа приобретает прямо противоположный пафос безысходности и безнадежности. С одной стороны, эта строфа возвращает нас к редакции 1875 г. С другой стороны, Дрожжин усиливает контраст: «дремучему лесу» противопоставлено не «небо», а «свет». Эта метафора страстного стремления к свету и невозможности его достичь весьма свойственна раннему Дрожжину. Поскольку на этой ноте заканчивается всё стихотворение, строфа в известной мере восстанавливает то равновесие светлых и темных сторон в единой картине родного края, которое мы видели в редакции 1875 г.

Но поиски Дрожжина в определении своего родного края на этом не закончились. В 1907 г. появляется третья редакция стихотворения, в котором мы находим совершенно иную правку. Первые две строфы повторяют первую редакцию (незначительные различия: *избенки* вместо *избушки* – большой роли не играют). «Ребята неумытые», как и ранее, играют на улице, но «вишни спелые» и «личики» уже не упоминаются. Вместо этой строфы Дрожжин возвращает строфу из редакции 1875 г., в которой социально-критический пафос звучал очень остро, при этом элегическое многоточие в конце строфы заменяется строгой и однозначной точкой.

Фактически первые три строфы буквально повторяют редакцию 1875 г., сохраняя свойственные ей негатив и критицизм социальных оценок. Четвертая строфа (о Божьем храме) словесно существенно изменяется (следует заметить, что эта строфа меняется в каждой редакции), однако пафос ее остается неизменным. Зато появляется совершенно новая заключительная строфа:

Кругом поля, раздольные
Широкие поля,
Болота непроходные –
Вот родина моя.

Соломою покрытые
Избенки стали в ряд,
Ребята неумытые
Играют и шумят.

Да лица изнуренные
Встречаются порой
Работой утомленные,
Забитые нуждой.

Высоко подымается
На горке Божий храм,
И снова извивается
Дорога по полям.

Идешь, идешь, и края нет
Далекого пути,
И хочется весь белый свет
Обнять и обойти.[1]

В редакции 1906 г., как мы помним, речь шла о недоступности «света» – и мы делали вывод о безысходности и беспросветности картины. В редакции же 1907 г. последняя строфа формулирует идею доступности простора и свободы. «Хочется» – это сформулировано совершенно однозначно, а можется ли «весь белый свет обнять и обойти» – об этом Дрожжин не пишет. Достаточно и «хочется»: значит, всё доступно.

Дальнейшая работа Дрожжина над стихотворением к «юбилейному» изданию 1923 г. была очень простой. Он берет первые четыре строфы из редакции 1906 г., присоединяет к ним пятую строфу из редакции 1907 г., и получается то однозначно оптимистически звучащее стихотворение, которое мы теперь и знаем. То, что храм стал вместо «Божьего» «сельским» объясняется, конечно, внешней цензурой. От «храма» как такового, особенно если он стоит в рифменном положении, никуда не денешься; но превратить его из Божьего в сельский легко. Но из «Родины» оказались изъяты и «болота непроходные», и «ребята неумытые» (они стали однозначно «загорелыми»), и недоступность «света». А эти изменения следует объяснять не внешней цензурой, а либо цензурой внутренней, либо изменением представлений Дрожжина о смысле социальных преобразований в советской России.

Как мы помним, в вариантах «Родины» 1875 и 1907 гг. мы видели соединение противоположных начал, не имеющее исхода и перспектив, осложненное критицизмом и осознанием бесперспективности. В вариантах 1889/1894 и 1906 гг. мы видим осознание светлого будущего и чаяние надежд, осложненное, впрочем, опасением недостижимости искомого «света». То, что эти варианты сменяли друг друга,

[1] Стихотворения С.Д. Дрожжина. 1866–1888. 3-е, значит. испр. и доп. изд. с портретом и записками автора о своей жизни и поэзии. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1907. С. 137.

чередовались, однозначно показывает нам, что Дрожжину не была свойственна осознанная мимикрия в зависимости от политических обстоятельств. Другое дело, что после голода 1919 г., когда Дрожжин написал самое резкое свое стихотворение «В голодный год. Из письма к другу»,[1] жизнь его стала гораздо стабильнее, а в связи с юбилейными чествования – и приятнее. Не удивительно, что он уверовал в возможную счастливую жизнь народа. Кроме того, стремление «из мрака к свету» было свойственно Дрожжину на протяжении всей его жизни,[2] а поиски перехода к окончательной редакции начались, как мы уже видели, вскоре после революции 1905 г., в изданиях, дающих третью и четвертую редакции. При этом не стоит связывать эти поиски именно с революцией как таковой, потому что с 1906 г. в России началась реакция на революционное движение и никаких оснований надеяться на развитие общественной жизни, в принципе, уже не было.

То идеологическое движение Дрожжина, которое отразили пять редакций стихотворения «Родина», связано, как мы полагаем, с общим переходом поэта от народного пессимистического взгляда на общественную жизнь к историческому оптимизму. Этот исторический оптимизм был свойствен интеллигентскому сознанию с его верой в то, что социальные перемены могут изменить жизнь каждого отдельного человека. Мы не хотели бы оценивать эту веру и намерены сейчас только указать на возможность такого прочтения эволюции Дрожжина, как мы полагаем, весьма актуальное для нашей современности.

Литература

Дрожжин С.Д. Собрание сочинений: В 3 т. / Гл. ред. М.В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2015.

Строганов М.В. Народный поэт // Спиридон Дрожжин. Глазами современников и потомков: Статьи и воспоминания / Ред. М.В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2001. С. 10–20.

Строганов М.В. Две России: «широкая, просторная» и «топи да болота» // Образ России в литературе XIX–XXI вв.: Материалы междунар. научн. конференции / Ред. Н.З. Коковина, М.В. Строганов. Курск, 2008. С. 5–28.

[1] *Дрожжин С.Д.* Собр. соч. Т. 2: Стихотворения 1895–1929. Поэмы. С. 183.

[2] См. об этом подробнее: *Строганов М.В.* Народный поэт // Спиридон Дрожжин. Глазами современников и потомков: Статьи и воспоминания / Ред. М.В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2001. С. 10–20.

Строганов М.В. Степь и болото как ландшафтные образы России: от традиционной культуры к авторскому сознанию // Природные стихии в русской словесности / Отв. ред. А.И. Смирнова. М.: ЛЕНАНДР, 2015. С. 5–21.

References

Drozhzhin S.D. *Sobranie sochinenii: V 3 t.* [Works. In 3 vols], gl. red. M.V. Stroganov. Tver': SFK-ofis Publ., 2015.

Stroganov M.V. Narodnyi poet [Peasant Poet]. *Spiridon Drozhzhin. Glazami sovremennikov i potomkov: Stat'i i vospominaniia* [Spiridon Drozhzhin through the Eyes of His Contemporaries and Descendants. Articles and Memoirs]. Red. M.V. Stroganov. Tver', Zolotaia bukva Publ., 2001. pp. 10–20.

Stroganov M.V. Dve Rossii: «shirokaia, prostornaia» i «topi da bolota» [Two Russias: "Wide and Spacious" and "Marshes and Swamps"]. *Obraz Rossii v literature XIX–XXI vv.: Materialy mezhdunar. nauchn. konferentsii* [Image of Russia in the 19–21 centuries literature: Materials of an International Conference]. Red. N.Z. Kokovina, M.V. Stroganov. Kursk, 2008. pp. 5–28.

Stroganov M.V. Step' i boloto kak landshaftnye obrazy Rossii: ot traditsionnoi kul'tury k avtorskomu soznaniiu [Steppe and Marsh as Landscape Images of Russia: from the Traditional Culture to Author's Consciousness]. *Prirodnye stikhii v russkoi slovesnosti* [Natural Elements in Russian Literature]. Otv. red. A.I. Smirnova. Moscow, LENANDR Publ., 2015. pp. 5–21.

Textual History of Spiridon Drozhzhin's Poem "Homeland"

Mikhail Stroganov

Abstract: Textological history of a poem by S.D. Drozhzhin "Homeland" (1871–1923) reflects a complex evolution of a peasant poet. It would have been unjustful to see in it only an attempt to fit into current political situation. This evolution reflects the transition from the pessimism that is quite typical for the peasant class to the optimism of intelligentsia.

Keywords: textology, editing, Spiridon Drozhzhin, peasant poet.

Information about the author: Mikhail V. Stroganov, Doctor Hab., Professor at Kosygin Russian State University Moscow/Tver'. E-mail: mistro@rambler.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-311-331
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Заветный вензель: к биографии Е. Овербек

Н.А. Богомолов, А.Л. Соболев

Аннотация: Баронесса Е. фон Овербек была видной фигурой культурной жизни Петербурга на стыке XIX и XX веков, однако ее ранняя биография была известна только по изложениям З.Н. Гиппиус, а после 1903 года она вообще пропадает из поля зрения как ее русских современников, так и позднейших исследований. На основании архивных разысканий и иностранных источников воссоздается облик этой по-своему незаурядной женщины.

Ключевые слова: З. Гиппиус, культура модернизма, литературный быт, гендер, Элизабет Овербек

Информация об авторах: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

27 октября 1910 года многолетний приятель и конфидент Зинаиды Гиппиус Сергий Платонович Каблуков записал в дневнике:

> «Вчера З.Н. Гиппиус вернула мне “Собрание стихов” своих “кн. 1-ая и 2-ая” с поправками и заметками, сделанными ее рукою. На обложке написано:
>
> “Невинны нити всех событий.
> Но их не путай, не вяжи,
> И чистота, единость нити
> Всегда спасут тебя от лжи...”
>
> З. Г.
>
> На “шмуц-титуле” –
>
> “Противясь любви, – как бы не оказаться Богопротивниками?” З. Гиппиус.
>
> Сегодня я говорил с нею, прося объяснения инициалов “Е. О.” на стр. 63, 65, 75. От этого объяснения она уклонилась»[1].

[1] РНБ. Ф. 322. № 11. Л. 173–174. Приведенный катрен под заглавием «Ясность» и с посвящением В.А. Мамченко будет напечатан только в сборнике Гиппиус «Сияния» (Париж, 1938). Каблуков, будучи профессиональным

Каблуков принадлежал к поколению знакомых Гиппиус, узнавших ее уже в эпоху «Нового пути» и Религиозно-философских собраний – поэтому инициалы, проставленные над стихотворениями «Круги», «Прогулка вдвоем» и «Конец» (именно они располагаются на указанных страницах в дебютном поэтическом сборнике) ничего ему не говорили. Между тем, еще за десять лет до этого любой, входивший в ближний круг Мережковских, расшифровал бы их без труда – речь шла о баронессе Элле (Лизе) Овербек, сыгравшей весьма значительную роль в биографии Гиппиус 1898–1902 гг.

Гиппиус, впоследствии тщательно избегавшая упоминания ее имени[1], описывала обстоятельства их знакомства как минимум четырежды: в дневнике, в прозе (дважды) и в стихах. Мизансценой для него послужили окрестности виллы Guardiola в сицилийской Таормине[2]. Мережковские выехали в Италию из Петербурга в конце 20-х чисел января 1898 г.[3], провели около месяца в Риме и на рубеже фев-

---

переплетчиком, явно объединил в один владельческий конволют первый (1904) и второй (1910) стихотворные сборники Гиппиус; указания на номера страниц относятся к первому из них. Нынешнее местонахождение экземпляра неизвестно.

[1] В обширном корпусе мемуарных текстов Гиппиус Овербек упоминается единожды: «молоденькая англичанка, идеально музыкальная» (*Пахмусс Т.* Зинаида Гиппиус: «Эпоха Мира искусства» // Возрождение. 1968. № 203. С. 73). Имя ее применительно к биографии Гиппиус впервые было названо Т. Пахмусс, возможно, со слов В.А. Злобина (*Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippius. Из переписки З.Н. Гиппиус. München, 1972, по указ., где она фигурирует как Overbach, baroness E. G., von). Традиционный вариант русской биографии Овербек в наиболее разработанном виде представлен в коммент. А.В. Лаврова: *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. С. 465–466. Материалы этого комментария инкорпорированы нами в нашу статью.

[2] Сопоставительный анализ этих текстов и попытка извлечения из них биографического субстрата предприняты в: *Томсон Р.Д.В.* Встреча в Таормине: три редакции одной истории // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 262–273.

[3] Ср. прощальный экспромт П.И. Вейнберга: «В Таормину, в Таормину / Провожают дивно-Зину / Все ее друзья» etc. // *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения / Изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 269. 1 января 1898 г. Гиппиус писала П.П. Перцову: «Отъезд нам назначен 21-го янв<аря>, никаких откладываний Д. С. не потерпит» (Письма З.Н. Гиппиус к П.П. Перцову / Вступ. заметка, подг. текста и примеч. М.М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 129).

раля и марта перебрались на Сицилию. Полтора года спустя Гиппиус записывала в дневнике:

«Маленький домик на скале, где живет знакомая Reif, смехотворная какая-то баронесса, старая, полусумасшедшая художница, к которой я и chère Marthe отправились с визитом.

Яркий солнечный день. Крошечный балкон с широкими перилами из камня. Стол с чашками и глупости баронессы. Одна чашка лишняя. Вот и гостья. Маленькая старообразная англичаночка в парусинном платье, в прямой соломенной шляпе. Она села на перила. Баронесса тотчас же затараторила: “Mademoiselle est russe... Mais elle ne parle pas russe... La mère adoptive...”[1] и так далее. (Мы говорили, конечно, по-французски.) Мне девочка не нравилась, показалась незначительной. “Mademoiselle est musicienne...”[2] и опять так далее.

Мы спустились в сад, на крутой скале, и сели на камни. У англичанки были такие жалкие ножки в белых башмаках и лиловых чулочках. Баронесса скрипела:

— Qu’est-ce que c’est qu’un symbole?

— Mais je ne sais pas, Madame[3], – отвечала я холодно.

Марта заговорила с баронессой. У англичаночки была странная, красивая палка в руках, с перламутровыми инкрустациями.

— Покажите мне вашу палку, – сказала я.

И когда она мне ее протянула, у меня было непреодолимое чувство, без слов: ведь я с этим существом все могу сделать, что захочу, оно – мое. Слова потом пришли, очень вдолге.

На другой день – вечер у Gloëden’a...

Там, на вечере Gloëden’a – музыка и опять то же бессловесное чувство. Вдвоем – только раз, на каменной лестнице. Девочка мне показалась не такой банальной, умнее Марты, во всяком случае. <...> Потом я заболела, они уехали»[4].

---

[1] Мадемуазель русская... Но она не говорит по-русски.... Приемная мать.... *(фр.)*

[2] Мадемуазель – музыкант... *(фр.)*

[3] Что такое символ?... Но я не знаю, мадам. *(фр.)*

[4] Ретроспективная запись от 16 августа 1899 г. // *Гиппиус З.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2003. [Т. 8]. С. 50–51. Reif Marthe – владелица виллы в Таормине, знакомая Мережковских. Gloeden Wilhelm baron von (1856–1931) – немецкий фотограф, живший на Таормине. Дважды возникнет Овербек («маленькая англичаночка, приезжая, музыкантша, со стрижеными, как у мальчика, волосами и с мордочкой хитрой и любопытной мышки») и на самом дальнем плане путевого очерка, напечатанного по горячим

Детали этой ненасыщенной событиями первой встречи снова появятся в прозе Гиппиус четверть века спустя:

«По гравию шаги. Новая гостья. [...] Гостья была маленькая девочка. Так мне показалось с первого взгляда. Очень маленькая и худенькая – да, но чуть она робко присела на каменный парапет, прямо под струящимися ветвями, я увидел, что это, пожалуй, и не девочка. Некрасивое, узкое личико даже старообразно. Все в нем остро: острый подбородок, длинноватый острый нос. Только бледно-розовые губы – детские.

Клара назвала ее “баронессой”... фамилии я не уловил. Хозяйка спросила что-то о здоровье “your mother”. Клара, думая, вероятно, обо мне и привыкнув говорить со мной по-французски, перебила:

– Oh, parlons donc français!

– Parlons français![1] – согласилась маленькая баронесса, но я понял, что это не ее язык. Раньше она сказала несколько слов по-немецки, потом по-английски, но и там мне почудился едва уловимый акцент. Кто она?

Хозяйка с такой же силой болтливого красноречия разливалась теперь по-французски. Но я не слушал. И не на нее смотрел. Короткое серое платье; и как-то жалобно скрещенные ножки в серых чулках и белых туфельках. Немножко сутулится, оттого, сидя, кажется еще меньше. Широкий жакет английского покроя, английская соломенная шляпа.

– Dites moi, Monsieur, qu’est-ce que c’est que le symbolisme? Dites moi...

Обернулся к хозяйке, не видя ее.

– Mais je ne sais pas, Madame. Je ne sais rien du tout. Je ne pense jamais à rien...[2] [...]

Маленькая баронесса сняла шляпку, положила ее на парапет, рядом. Я увидел коричневые волосы, с золотыми искорками. Остриженные высоким бобриком, они пышно поднялись надо лбом. Не волнисто, а только пышно.

– Какая у вас красивая палка, – сказал я.

Она молча протянула мне свою трость. Черное дерево внизу, а вся верхняя половина покрыта сплошь перламутровой инкрустацией. Но

следам: *Гиппиус З.Н.* На берегу Ионического моря // Гиппиус З. Собр. соч. М. Русская книга, 2003. [Т. 7.] С. 215, 217.

[1] Давайте говорить по-французски! Давайте по-французски *(фр.)*.

[2] Скажите мне, месье, что такое символизм... Скажите мне. – Но я не знаю, мадам. Я не знаю ничего об этом. Я никогда про это не думаю. *(фр.)*

я почти не видел; я увидел глаза, светло-светло-карие, с желтым ободком вокруг зрачка, и в них, и в том, как она протянула мне эту свою трость, увидел... не знаю что, неопределимо, час судьбы, может быть.

Знаю только свое уверенное чувство тогда: с этим существом я могу сделать все, что захочу, оно – мое. [...]

Мы вышли от художницы втроем, – Клара сказала, что мы проводим Эллу до отеля, нам и по дороге. Элла развеселилась, улыбнулась раза два, по-детски, и, хотя говорила больше Клара, я кое-что об Элле узнал: она музыкантша, композиторша, кончила лондонскую консерваторию, живет всегда в Англии, но миссис Миддл так любит путешествовать, что они весь свет, кажется, изъездили... В Бестре сейчас проездом, но бывали и раньше. Специальность Эллы – оркестровая музыка. Миссис Миддл очень заботится о карьере Эллы, для этого нужно поддерживать в Лондоне связи»[1].

Парадоксальным образом художественный текст, хотя и сочиненный с четвертьвековой паузой, оказывается гораздо точнее и тщательнее в деталях, нежели почти синхронная дневниковая запись – ибо почти все, что сообщается здесь о визави лирического героя, находит подтверждение в сторонних источниках. Подлинное имя «баронессы» было Агнес Элизабет Овербек (Agnes Elisabeth Overbeck), она родилась 10 октября 1870 года в Дюссельдорфе[2]. Она принадлежала к разветвленному немецкому роду (поздний персональный миф о происхождении от русских эмигрантов не находит подтверждения в генеалогических источниках): ее прадед был мэром Любека, дядя – известным архитектором; знаменитый художник Иоганн Фридрих Овербек также состоял с ней в родстве[3]. После развода родителей мать увезла ее в Лондон, где она окончила Лондонский королевский музыкальный колледж по классу дирижерского искусства; играла на пианино и органе. К моменту знакомства с Гиппиус в ее скромной нотографии значилась музыка к постановке юного Гордона Крэга по мотивам пьесы Мюссе «Любовью не шутят».

---

[1] *Гиппиус З.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2011. [Т. 11]. С. 316–317 (Рассказ «Перламутровая трость», впервые опубл. в 1933 г.).

[2] https://de.wikipedia.org/wiki/Agnes_Elisabeth_Overbeck (здесь и далее сведения о внероссийской судьбе Овербек даются, кроме особо оговоренных случаев, по этому источнику).

[3] *Sellheim I.* Overbeck. Neustadt an der Aisch, 1987 (Deutsches Familienarchiv. Bd. 104).

К концу апреля Гиппиус тяжело заболела: один из ее преданных друзей сообщал оставленной в Петербурге их общей приятельнице: «По достоверным известиям, у Зинаиды Николаевны приключился в Таормине нарыв на верхней губе, который чуть не перешел в заражение крови. Доктора хотели делать разрез накрест, что оставило бы два шрама. Но затем дело поправилось, благодаря особой перевязке поперек лица и карболовым промываниям. Теперь все прошло и Мережковские переселились в Рим»[1].

Изменение их итальянской траектории могло быть связано с новым знакомством: и в дневнике, и в рассказе возвращение в Рим прямо связывалось со свиданием, назначенным там Овербек:

> «Потом я заболела, они уехали. Письмо из Неаполя: “Chère Madame, serez-vous bientôt a Rome?..”[2] Я ответила, что не знаю, что очень рада была бы еще встретиться и путешествовать вместе немного. Телеграмма: “Could join you Rome, for some [sic] week, mother goes England”[3].
>
> Удивило меня, но я обрадовалась»[4].

> «Укладывал, посвистывая, чемодан (хотя еще целых два дня!), когда Мария, с утренним кофе, принесла мне телеграмму.
>
> Раскрыл. Ничего не понимаю. На каком языке? По-французски? По-итальянски? Ах, по-английскиl Вопрос, когда я буду в Риме... “Could travel with you... Mother goes England. Ella”[5].

---

[1] Письмо С.А. Андреевского к В.Д. Комаровой от 1 мая 1898 г. // РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 1. Не исключено, впрочем, что Андреевский был мистифицирован (ср., например, описание тех же симптомов в письме Гиппиус к В.Д. Комаровой от 8 *марта* того же года из Рима: Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // In memoriam. Исторический сб. памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 205) и речь шла о какой-либо другой болезни. Ср. кстати: «Не даром писала я, что в Таормине мне не будет добра без Вейнберга Петра. Так оно и вышло! Там чуть-чуть мне не отрезали необходимейшего украшения – верхней губы. И спасло ее лишь присутствие духа моего супруга» (письмо Гиппиус к П.И. Вейнбергу от 12 июня 1898 г. // ЛН. Т. 106 (в печати)).

[2] Дорогая мадам, вы скоро будете в Риме? *(фр.)*

[3] Могла бы присоединиться к вам в Риме на несколько недель, мать уезжает в Англию. *(англ.)*

[4] *Гиппиус З.* Собр. соч. М., 2003. [Т 8]. С. 51.

[5] Могла бы путешествовать с вами. Мать уезжает в Англию. Элла. *(англ.)*

> Стоял с раскрытой телеграммой в руках. Смотрел на наклеенную полоску слов. Обернул – да, мне. Очевидно, надо ответить? Куда? Это из Рима. Да вот адрес отеля, – мой же, где я всегда останавливаюсь»[1].

В эти же дни Гиппиус впервые сообщает о своей новой приятельнице в Петербург: «В Риме меня ждет молоденькая композиторша – русская (ни слова не знающая по-русски), воспитанная в Англии. Она влюбилась в меня и хочет с нами путешествовать»[2]. Выбор адресата этого письма принципиален – Зинаида Афанасьевна Венгерова, писательница и переводчица, входила в очевидный, хотя и трудноопределимый круг петербургских сочинителей модернистского толка, с гипертрофированной толерантностью относящихся к теориям и практикам неклассических любовных отношений. Другой (хотя и более далекой от эпицентра) представительнице той же группы Гиппиус писала уже после возвращения в Россию, которое случилось около 14 июня: задержавшись буквально на два-три дня в Петербурге, Мережковские уехали на дачу «Аврора» (ст. Елизаветино Балтийской железной дороги). Оттуда месяц спустя Гиппиус отправила подробное письмо В. Д. Комаровой:

> «В последнее же мое путешествие, нынче весной, я встретилась с одной барышней, музыкантшей-композиторшей, с которой мы очень сошлись. Судьба ее трагическая: она русская, в раннем детстве была увезена из России родителями, бежавшими по политическим причинам в Англию и скоро умершими. Девочка не понимает ни слова по-русски, воспитана церемонной англичанкой. Кончила лондонскую консерваторию, издала уже несколько сборников своих песен,

---

[1] *Гиппиус З.* Собр. соч. М., 2011. [Т. 11]. С. 335.

[2] Письмо к З. А. Венгеровой от 5 мая 1898 г. // ИРЛИ. Ф. 39. Е. хр. 542. Листы не фолиированы. Эта обмолвка вызвала, вероятно, живое неудовольствие адресата, так что Гиппиус пришлось оправдываться: «Что касается Овербек – то я серьезно не понимаю, как вы можете и могли упоминать о ней в таком письме, как ваше – и опять не видеть улыбки, с которой я поддразнивала вас “влюбленной англичанкой”. Мне даже казалось, что вы понимаете. Если же перейти на серьезный тон – я в самом деле не понимаю, чем бедная девочка может вам мешать, и в какой мере может она влиять на что-нибудь между нами. Я чувствую искреннюю приязнь к этому ребенку, как чувствовала бы к Нате, если б она меня любила, как эта. Я редко чувствую приязнь, и это мне приятно во мне. Если она приедет в Россию – я буду очень рада и комнату ей, или, во всяком случае, место – найдем» (Там же. Ната – Наталья Николаевна Гиппиус, младшая сестра).

написала четыре симфонии, оперу, дирижирует оркестром и начинает приобретать известность. Но дело не в этом, а в том, что она *волшебно* музыкальна. Никогда я не встречала такого странного существа. Вы не поверите, как она была мне полезна, какие толчки уму в сторону музыки она мне дала. Я ее очень звала в Россию (которую она детски обожает), она должна была приехать, но, кажется, ее строгая мать-англичанка против этого. Если же это ей удастся, - я бы хотела познакомить ее с вами осенью, если вы позволите»[1].

В этом отрывке намечены принципиальные для Гиппиус черты синтетического облика Овербек, лишь отчасти, кажется, корреспондирующие с ее действительной биографией: так, у нас нет никаких подтверждений ни ее российского происхождения, ни ее русофильства; кажутся преувеличенными и масштабы ее дарования и грядущей славы. Кстати сказать, эта персонификация музыкальной темы получит свое развитие: несколько лет спустя, рассказывая Андрею Белому свой сон о «музыке будущего», Гиппиус предварит его ретроспекцией свежего воспоминания о встречах с Овербек:

«Прежде всего, я должна вас предупредить честно, что я в музыке ничего не понимаю, т.е. не имею никакого *музыкального образования*, а то, которое имела до двадцати лет (я росла в очень музыкальной семье и среди певцов и пьянистов) – совершенно утратила, попросту забыла, *разучилась грамоте*. Года три-четыре тому назад я очень близко сошлась и подружилась с одной девушкой, полуангличанкой-полурусской, небезызвестным композитором (почти исключительно оркестр), которая опять ввела меня в мир музыки на несколько времени и расширила мое “образование” – но за то от прикосновения, слишком глубокого и какого-то *узкого* к этому странному.... искусству?? у меня в душе осталось неразложимое чувство, но в котором, знаю, есть и... отвращение. Или страх, который неприятен, как отвращение»[2].

Вероятно, летом 1898 г. Гиппиус и Овербек обмениваются письмами, не дошедшими до нас, – и в них обсуждается возможность ее визита в Россию. 6 августа 1898 г. Гиппиус пишет Ф. Д. Батюшкову (в принятом между ними слегка легкомысленном тоне): «Я, впрочем, тоже увлекаюсь англичанками. Скажите Мих. Н-чу, что для него есть

[1] Письмо от 19 июля 1898 г. // Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой. С. 210–211.

[2] РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 6. Л. 88 об.–89.

чудная невеста. Сейчас видно, что он для нее именно и рожден. Англичанка - но и русская (говорит только по-английски), музыкантша, композиторша (свой оркестр в Плимуте), спит и видит приехать в Россию и полюбить первого русского, особенно если я посоветую. Имеет 23 года и немного мальчишескую наружность. Передайте это вашему другу. Критикесса тоже убеждена, что тут судьба Михаила Н-ча»[1]. «Критикесса» – это З. А. Венгерова, к этому моменту посвященная в подробности романа: в одном из летних писем Гиппиус явно апеллировала к известному ей сюжету: «Я знаю, что вы думали, как это ни странно. Я знаю, что мы могли бы любить друг друга полной любовью, как я ее понимаю, как Л. меня любит и как я, зараженная ею, ей отвечала... символами; но с вами этого не будет: вы этого не знаете; и я не верю, что вы моя»[2].

Овербек приехала в Россию в сопровождении своей матери[3] осенью того же 1898 г. – вероятно, не раньше 10-х чисел октября (когда Мережковские вернулись с дачи[4]), но и не позже конца этого же месяца – ибо октябрем 1898-го датирован инскрипт Бальмонта на поднесенных ей переводах из Шелли[5] (на редкость уместный презент для англичанки, не знающей по-русски). 13 ноября Мережковские, Венгерова и Овербек навещают Сологуба[6]. В конце ноября Гиппиус обещает приехать вместе с нею в гости к В. Д. Комаровой, причем тон письма предполагает уже состоявшееся знакомство («В будущую

[1] РНБ. Ф. 51. Ед. хр. 10. Л. 14 об. Мих. Н-ч, многократно упоминаемый в этом корпусе, – может быть, Михаил Нилович Альбов.

[2] Письмо от 12 июня 1898 г. // ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 542. Листы не фолиированы.

[3] Мать Овербек, несколько раз упомянутая в ее письмах к В.Д. Комаровой (о чем ниже), именуется там «Mrs. Splatt»; при этом в справке, основанной на генеалогических источниках, не говорится о том, что Овербек – приемная дочь.

[4] «Я возвратилась из деревни несколько дней тому назад...» (Письмо З.Н. Гиппиус к Е.С. Зарудной-Кавос от 15 октября 1898 г. // ИРЛИ. Ф. 445. Ед. хр. 112. Л. 2).

[5] «Баронессе Элле Овербек на память. К. Бальмонт. 98. окт. СПб» (Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. С. 36).

[6] Судя по записи в его «тетради посещений», визит продлился с 20:30 до полуночи («Тетради посещений» Федора Сологуба / Вступит. статья, публ. и аннотированный указ. имен М.М. Павловой и А.Л. Соболева // Федор Сологуб. Разыскания и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 63).

пятницу, конечно, приеду – с Mlle Лизой. Она меня и сегодня очень уговаривала ехать к вам, но я так напугана своим ненадежным здоровьем, что все-таки не решилась»[1]). 5 декабря Ф.Ф. Фидлер, летописец петербургской литературной жизни, встречает Гиппиус, Венгерову и Овербек на вечеринке у поэтессы О.Н. Чюминой: «Мережковская (он – болен гриппом) декламировала (с муфтой в руках, но без шубы, в одном платье) свои стихи по-русски и по-французски (в собственном переводе); ее сопровождала мисс Овербек, с которой она недавно приехала из Италии»[2]. По косвенным данным, в это же время она начала учить русский язык – по крайней мере, Гиппиус много лет спустя вспоминала (не называя имен) о комическом эпизоде, связанном с этим процессом:

> «Какая-то англичанка долго училась по-русски. Наконец, выучилась. И вот, Минский (кажется) принялся рассказывать ей, развивать перед ней свою лирически-философскую теорию. Говорил долго, с доказательствами, с пафосом. Англичанка внимательно слушала. А когда он исчерпал доказательства и горячие слова, англичанка, помолчав, сказала: “Штё-ё-ё?”»[3].

26 января 1899 г. Гиппиус пишет А.П. Философовой: «Баронесса Овербек живет еще выше меня, она будет в отчаянии, если Ваш визит к ней отразится на здоровье, я передам ей Ваш привет, а если Вы когда-нибудь захотите ее видеть – она с величайшим удовольствием приедет к Вам сама»[4]. 24 февраля в гостях у Венгеровой ее (вместе с Мережковскими, Чюминой и Бальмонтом) встречает Сологуб, лаконичные записи которого становятся единственным источником для дальнейшей хроники: 7 марта он видит Овербек в составе большой компании в гостях у О. Чюминой, а 1 апреля он встречает ее у Мережковских[5]. На этом разысканные сведения о ее визите 1898–1899 гг.

---

[1] Письмо от 27 ноября 1898 г. // Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой. С. 215–216.

[2] *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. С. 238; он же заметил, что Овербек и Гиппиус уехали вдвоем. Любопытно, что бывший там же Сологуб отметил среди гостей якобы больного Мережковского – но и Гиппиус, Минского, Венгерову, Овербек, Коринфского и Бальмонта («Тетради посещений» Федора Сологуба. С. 64).

[3] Письмо к Г.В. Адамовичу от 15 августа 1927 г. // *Pachmuss* T. Intellect and Ideas in Action. С. 366 (атрибуция первопубликатора).

[4] Письмо от 26 января 1899 г. // РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 107. Л. 3–3 об.

[5] «Тетради посещений» Федора Сологуба. С. 68, 69, 70.

заканчиваются, так что можно осторожно предположить, что она покинула Россию в апреле 1899 г.

Ближе к осени за границу уехали и Мережковские – и последующие несколько месяцев представляют собой один из самых слабодокументированных периодов их биографии. Большую часть этого времени они провели вместе с Овербек – в Риме, на Сицилии, во Флоренции и, наконец, в Германии[1]. Подробности об их совместном путешествии содержатся в письме Овербек к В.Д. Комаровой, отправленном 2/15 мая 1900 г.:

> «Что касается меня, то, я думаю, миссис Сплатт вам сказала, что я сейчас живу с Мережковскими. На самом деле, прошлым летом я провела всего несколько месяцев в Англии и присоединилась к Зине и Дмитрию Серг[еевичу] этой осенью в Италии. Сперва мы были в Риме, потом три месяца жили на Сицилии, а сейчас мы во Флоренции, где останемся до 24 мая, чтобы потом отправиться в Германию; Зина с мужем в Гомбург, а я в Кобленц к родителям. Зина чувствует себя очень хорошо, и я тоже чувствую себя лучше, чем в начале этой зимы. Я бы так хотела, если вы позволите, поговорить с вами совершенно откровенно о моих планах и замыслах. Вы выказали ко мне столько дружеского интереса, что я осмеливаюсь смотреть на вас как на истинного друга и уверена, что вы меня поймете. Как печально, что счастье так часто достигается ценой страдания другого; так, за два прошедших года я много страдала из-за тех страданий, которые должна была причинить своей матери, которая так добра и так меня любит. Во время ее пребывания в Петербурге вы, возможно, почувствовали, что между моей матерью и Зиной существуют мучительные отношения, что поставило и меня в очень трудную ситуацию. Невозможно судить, кто тут прав или виноват, каждая и права и неправа. Факт, однако, остается фактом: эти два существа не могут понять друг друга, и потому миссис Сплатт больше не может обращаться к Зине за чем бы то ни было. Я люблю Зину от всего сердца, и я, может быть, видела ее так близко, как никто; но временами у меня возникают весьма сильные сомнения, хорошо ли для моего творчества, что я все время нахожусь рядом с нею. Я слишком слаба, чтобы не быть поглощенной более сильной натурой,

[1] Ср. пунктирный очерк маршрута (подтверждаемый и сторонними источниками): «И только осенью 1899 года мы уехали из России на целый год, — сначала зима в Риме, весной опять Сицилия, летом 1900 года – в Германии. В сентябре 1900 – Петербург» (*Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, [1951]. С. 74).

и боюсь, что для художника первое условие – это свобода, внутренняя и внешняя. Зина совсем не разделяет моего мнения: она полагает, что только с ней я могу развиваться и смогу создать что-либо достойное в искусстве. Одно из самых сильных моих чувств – любовь к России, к моей родине, но я боюсь, что начинаю смешивать любовь к Зине с любовью к России. Итак, чтобы ясно понять самое себя, я хотела бы увидать мою страну и пожить там независимо от Зины, – может быть, лишь краткое время, до тех пор, пока сама не пойму, в чем истинная сила. У меня почти нет знакомых в России, но мне кажется, что отправиться сейчас в Россию с миссис Сплатт, увидать Россию свежими глазами - отличный случай. К тому же я от всего сердца хочу загладить тяжелые впечатления от ее первого пребывания в Петербурге, и я полагаю, что смогу это сделать, если буду жить вместе с ней среди умных и симпатичных людей, каковы настоящие русские! Однако эту идею, весьма простую, трудно претворить в жизнь из-за исключительного характера Зины. Она не одобряет и не понимает разлучения и хотела бы, чтобы я вернулась в Россию с ней и ее мужем в конце июня месяца. Ни за что на свете я не хотела бы порвать с нею: прежде всего, я ее люблю; к тому же я ей стольким обязана, она расширила мои горизонты, как никто и никогда не мог этого сделать, и я все время надеюсь еще многому научиться у нее. Конечно, временами она бывает слаба, но мысли ее всегда сильны и благородны»[1].

Планы эти не были исполнены – и Овербек прожила с Мережковскими в Германии все лето. На это же время падает первый опыт их совместного творчества: Овербек сочиняла музыку для недавно написанной пьесы Гиппиус «Святая кровь»: «Зина вам, конечно, говорила о драме, которую она только что написала. Существует возможность поставить ее в Лондоне в октябре, и именно из-за устройства постановки я должна оставаться здесь дольше. Эта драма настолько сильна, настолько нова и смела, что вряд ли английская публика ее поймет. Тем не менее, спектакль будет полезен, хотя бы для пробы мизансцен и т.д. Я готовлюсь писать музыку – работа очень интересная, потому что сюжет предполагает столько новых трактовок! Зина надеется, что драма будет поставлена на будущий год в Париже. Но, конечно, в переводе теряется столько оттенков, столько изящества. Это будет работа почти невозможная, как перевод на английский, особенно для меня, со-

[1] Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой. С. 220–221 (оригинал по-французски).

всем не “писаки”!»[1]. Впрочем, никаких следов воплощения этого проекта отыскать не удалось.

Больше повезло другой их совместной работе: Овербек сочинила музыку к двум античным пьесам, переведенным Мережковским – «Ипполиту» Еврипида и «Эдипу в Колоне» Софокла. По поводу первой из них Гиппиус писала А. С. Суворину: «Вот о чем хотел спросить я вас, Алексей Сергеевич: что вы думаете о постановке «Ипполита» на сцене вашего театра в ближайшем сезоне? [...] К этой трагедии написана музыка, специально к известному переводу. Музыка была готова еще в прошлом году, ее написала одна мало известная у нас, но знакомая лондонцам композиторша, русская, хотя воспитанная в Англии и там кончившая консерваторию. Там же изданы и ее оркестровые вещи. «Ипполит» как сюита исполнялся прошлой осенью в Плимуте, под дирижерством автора, который распоряжался тогда этим оркестром. [...] Конечно, Алексей Сергеевич, у меня есть и личный интерес к этому делу, я, так сказать, ратую за перевод моего мужа, музыка написана моим другом, таланту которого я очень и очень сочувствую; но помимо всего этого, поверьте, у меня есть тут и желание совершенно объективное, эстетическое, – увидеть на русской сцене нечто действительно прекрасное, настоящее»[2]. В принадлежащем Суворину «Театре литературно-художественного общества» пьеса поставлена не была, но неожиданно увенчалась успехом более амбициозная альтернатива – «Ипполит» был принят к постановке Александринским театром.

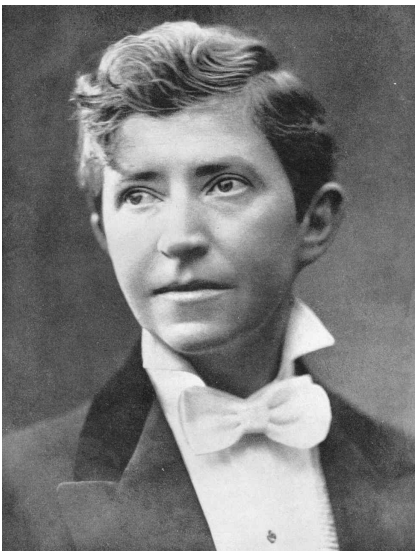
Премьера состоялась 14 октября 1902 г.; в недоброжелательной рецензии «Нового времени» музыка была упомянута лишь попутно: «Под заунывную протяжную музыку явилась подернутая облачной дымкою Афродита, вещавшая сдавленным голосом [...]»[3]. В более дружелюбном отзыве «Биржевых ведомостей» музыкальному сопровождению был посвящен отдельный абзац: «Музыка к “Ипполиту” Эврипида написана г-жею Е. Овербек. Г-жа Овербек получила музыкальное образование за границей и живет в Англии, где хорошо известна своими оркестровыми произведениями»[4]. Вторая

[1] Письмо Е. Овербек к В. Д. Комаровой от 13/19 августа // Там же. С. 227 (оригинал по-французски).

[2] Письмо от 24 июня / 6 июля 1900 г. // Литературное наследство. Т. 106 (в печати).

[3] *Беляев Юр.* «Ипполит» // Новое время. 1902. 16 октября. № 9561. С. 4.

[4] [Б.п.] К постановке «Ипполита» // Биржевые ведомости. 1902. 14 октября. № 280. С. 3.

«Baron Eugen Borisowitsch Lhwoff-Onégin»

пьеса Мережковского, для которой Овербек писала музыку, «Эдип в Колоне», была поставлена лишь полтора года спустя, в январе 1904 года – и в рецензии на нее (напечатанной в собственном журнале Мережковских) об авторе музыки тоже было сказано несколько добрых слов: «Музыка же г-жи Овербек и недурна, и местами очень уместна»[1].

Возможно, следующий (и последний документированный) приезд Овербек в Россию был связан с премьерой «Ипполита» – все-таки для музыканта со столь скромным послужным списком сцена Императорского театра должна была выглядеть более чем заманчиво. Точные даты ее пребывания в России неизвестны: Брюсов, бывший в Петербурге с недолгим визитом, застал ее 20 ноября дома у Мережковских: «Был Карташев, хорошо говоривший *против* церковных учений, и m-lle Овербек (?), бывшая любовница Зины»[2]. В этот же день встретил ее там и Блок: «Дело в том, что вчера я получил письмо от Мережковской, где сказано было, что жаль, если я не приду. Я думал – minimum Брюсов и Перцов и вообще что-нибудь важное. Так как мне лучше, то поехал. Оказались Венгерова, Owerbeck [sic] и громкие крики Тернавцева, который скоро ушел. До трех часов ночи говорили по-французски о любви и chair sainte (святая плоть)»[3]. Ведущиеся в эти дни в салоне Мережковских разговоры

[1] *Семенов Л.* Стихотворения. Проза / Изд. подгот. В.С. Баевский. М.: Наука, 2007. С. 116 (впервые напечатано: Новый путь. 1904. № 2. С. 246). Отметим, что в 1904 г. в Плимуте под управлением самой Овербек исполнялись номера из музыки к «Ипполиту». См.: The Strad. 1904. № 16. P. 375.

[2] РГБ. Ф. 386. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 24 об. В целомудренном советском издании «любовница» была заменена «подругой» (см.: *Брюсов В.* Дневники 1893–1910. М.: Изд. Сабашниковых, 1927. С. 125).

[3] Письмо от 21 ноября 1902 г. (Переписка Блока с А.В. Гиппиусом (1900–1915) / Предисл., публ. и коммент. В.В. Бузник, Л.К. Долгополова, В.А. Шошина // Литературное наследство. М.: Наука, 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 436). Тема

почти непременно касались их масштабного проекта, входящего в фазу воплощения – журнала «Новый путь»; Овербек, поневоле в него вовлеченная, но, благодаря языковому барьеру, не знающая всех тонкостей столичного культурного политикума, попала в неловкую ситуацию: «Интересный анекдот. Знаменитая композиторша Овербек, покорно исполняя приказание Зин[аиды] Ник[олаевны], привезла на “Вечера совр[еменной] музыки” кучу объявлений о “Новом пути” и передала их по невинности Нуроку. Можешь себе представить, что с ним сделалось! Он чуть ее не прибил и сказал, что он просто запрещает в “его обществе” распространять этот журнал»[1].

В начале следующего года ее еще раз застает Брюсов: «При Зиночке состояла и Лиза Овербек, девица для лесбийских ласк, тощая, сухая, некрасивая, лепечущая по-франц[узски]. Впрочем, она, перебегая, появлялась и у Людмилы, предлагая свои услуги и этой»[2]. Буквально через считанные дни между ней и Гиппиус при неизвестных нам обстоятельствах произошел разрыв – и уже 12 февраля Гиппиус, отвечая на просьбу О. Чюминой, высказывалась с чрезвычайной резкостью:

> «Что касается Лизы – то не могу передать ей ваш привет, ибо с “моего горизонта” она скрылась очень окончательно. Она попала в такое общество, с которым я не имела и не могу иметь никакой связи, и в исследование которого лучше не пускаться. Всего нормальнее для нас его игнорировать.
>
> Мне очень жаль это несчастное, исковерканное Европой, существо, – Лизу Овербек, – но мы тут ничего не можем делать. Следовало, чтобы кто-нибудь написал ее приемной матери и она увезла бы ее к

разговора, названная последней – скорее всего, музыка Овербек к одноименной драме Гиппиус.

[1] Письмо Д.В. Философова В.А. Серову от 10 декабря 1902 г. // Валентин Серов в переписке, документах и интервью. Л.: Художник РСФСР, 1985. Т. 1. С. 389. Казус связан с чрезвычайно воспаленными отношениями между кругом журнала «Мир искусства» (к которому принадлежал помянутый А.П. Нурок) и Мережковскими – причем не в последнюю очередь из-за автора этого письма.

[2] РГБ. Ф. 386. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 29 об. Людмила – Л.Н. Вилькина. Ср. в письме Д.С. Мережковского к ней: «...Вы сидите перед огнем на корточках, как средневековая колдунья, маленькая, беленькая в розовом свете огня, и варите какое-то любовное зелье из многих похищенных Вами сердец...» – в следующем далее списке доноров значится и «Оверб[ек]» (недатированное письмо // ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 882. Л. 110 об.).

себе. Ведь это почти больное существо, во многом ненормальное, и ее эпопея в Петербурге, в труппе театра Пассаж, может фактически очень печально, скандально и, по-человечеству жалко, окончиться. Мне это чрезвычайно неприятно, тем более, что извне всякий вправе счесть и меня тут ответственной (хотя в этот раз m-lle Овербек приехала в Россию помимо меня) – однако вмешиваться в это, даже касаться "этого", я чувствую себя совершенно неспособной, да, думаю, было бы и бесполезно»[1].

История не сохранила свидетельств об «эпопее» «в труппе театра Пассаж», о которой упоминает Гиппиус как о деле, заведомо знакомом адресату; лишь в самом общем виде мы можем судить об этом происшествии, благодаря недатированному письму Гиппиус к З. А. Венгеровой:

«Зинаида Афанасьевна.

Прошу вас очень сейчас же постараться как-нибудь доставить прилагаемое письмо Овербек. Я получила его сегодня утром и, конечно, не могу и не желаю распечатывать. Доставить же ей немедленно надо потому, что, как мне сообщила (вопреки моим желаниям слушать) Даша, – Овербек уже отмечена за границу и останется в Петербурге одну лишь эту ночь. Уезжает ли она с Яворской или с Радошевской – во всяком случае, адрес ее нам останется неизвестным, а я бы желала, чтобы письмо ее было ей возвращено, желала бы, поверьте, не из дурного чувства. Можете прочесть надпись на конверте. Еще – Так как ко всему всегда примешивается остро-жалобно-мелко-комичное – следовало бы попросить ее отдать кое-что Дашино, Даша ей дала, когда она приехала, свою единственную большую подушку, которую она не возвратила и на квартире не оставила, и Даша теперь ко мне все ходит и спрашивает, и шепчет, а я должна ей что-то говорить.

Милая Зинаида Афанасьевна, сделайте тут, что можете и как лучше. Если сегодня вас дома нет – завтра утром. Вы знаете адрес Яворской (или Радошевской). Пошлите.

Ваша Зина.

[на левом поле на лицевой стороне листа приписано:]

Но как хорошо, что уезжает из России. Только бы не вернулась»[2].

---

[1] ИРЛИ. Ф. 333. Ед. хр. 57. Ср. в недатированном письме к Минскому: «Лиза для меня исчезла. Бог умер в ней для меня, люблю его вне ее» (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 205. Листы не фолиированы).

[2] ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 542. Даша – Дарья Павловна Соколова (1856 – после 1919), няня Гиппиус и ее сестер; с 1900 г. – домоправительница

Лиза Овербек аккомпанирует Лилли Хоффман

В последующие годы эхо этих отношений еще не раз возникнет в петербургских писательских разговорах: так, историк литературы С. А. Венгеров, вероятно, не без помощи информации, полученной им от собственной сестры, будет в 1906 г. рассказывать Ф. Фидлеру: «Она [Гиппиус] – девственница. Но – лесбиянка. Ее возлюбленная – музыкантша Овербек. Она сама (то есть Зинаида) никоим образом этого не скрывает; однажды она устроила Овербек на глазах у всех не-

---

Мережковских; Яворская Лидия Борисовна (урожд. Гюббенет, в замуж. Барятинская; 1872–1921) – актриса, антрепренер «Нового театра»; ср. реплику Гиппиус в письме к В.Д. Комаровой: «Что сказать вам о ваших новых знакомых – Щ[епкиной-]Куп[ерник], Яворской, Арабажине и т.д.? Ничего не скажу: хорошего о них ничего не думаю, а дурное... нужно говорить с осторожностью. Я лично всегда от них держусь подальше, мож. б., даже с несправедливой холодностью, но ведь это уж мои индивидуальные ощущения» (Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой. С. 222); баронесса Радошевская Александра Игнатьевна – драматург, переводчик.

двусмысленную сцену ревности. И у нее были для этого основания – Венгеров сам видел любовное письмо Овербек к одной женщине, не оставлявшее никаких сомнений по поводу сексуального содержания их отношений...»[1]. Вспоминала ее и сама Гиппиус, писавшая той же З.А. Венгеровой в 1908 г.:

> «У меня, милая Зина, совсем другая точка зрения, ужасно простая, до банальности простая. Я ее никому (ни вам) не навязываю; но почему бы вам ее не понять и не признать, как я понимаю же вашу? – Для меня не все равно, вдвоем, "втроем или соборне", – ибо малейший пол я признаю только *когда* есть *любовь*. А любовь непременно "тайна двух". Мне даже стыдно это вам говорить, мне казалось, что вы знаете "любовь", а потому твердо знаете и это. Постольку, поскольку есть Любовь между двумя – нет "разврата". Они – взаимоисключающи. Между тремя и "соборне" не может быть тайны "двух", а следовательно и любви этой не может быть, значит один разврат. Я не была субъективно, в меру моего тогдашнего сознания, да и объективно, развратна, вступая "в брак с Лизой". Но была, говоря вам об этом и "шаля" с вами. Сложностей вопроса я не касаюсь, но вот общие черты»[2].

Значительный (хотя и незаметный стороннему лицу) след оставили эти встречи и в собственном творчестве Гиппиус. В свой день рождения 1912 года, преподнося экземпляр первого сборника стихов («Собрание стихов. 1889–1903». М.: Скорпион, 1903) своей двоюродной сестре Наталье Михайловне Доброхотовой, Гиппиус отметила на нем обстоятельства создания некоторых текстов, а также добавила посвящения, отсутствующие в печатной версии; среди них особо выделяется цикл из пяти стихотворений, первое из которых посвящено «Лизе О–к», а последующие – «Л. О.». Это стихотворения «Лестница», «Круги», «Прогулка вдвоем», «Конец» и «Ничего» (три из них были отмечены и в экземпляре Каблукова); прочитанные подряд, они образуют внятный лирический конспект отношений, закончившихся за десять лет до этого[3].

---

[1] *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. С. 441.

[2] Письмо к З.А. Венгеровой от 6 апреля 1908 г. // ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 542. Листы не фолиированы.

[3] Подробнее см.: *Богомолов Н.А., Котрелев Н.В.* К истории первого сборника стихов Зинаиды Гиппиус // Русская литература. 1991. № 3. С. 121–132. Описанный в этой работе экземпляр сборника (находился в библиотеке ИМЛИ) имеет исключительное значение для текстологии Гиппиус.

Лизе Овербек на память о русских годах досталось новое имя: вернувшись в Англию, она, вероятно под впечатлением от омонимии инициалов, стала называть себя «барон Евгений Борисович Львов-Онегин» (Baron Eugen Borisowitsch Lhwoff-Onégin); к фамилии прилагалась фантазийная генеалогия – она представлялась внучатой племянницей автора «Боже, царя храни...». 21 февраля 1904 г. в Плимуте состоялся концерт, где исполнялась музыка, написанная ею в России, причем она сама стояла за дирижерским пультом.

Около 1906 года она, подыскивая исполнителей для своих опер «Икар» и «Мария Антуанетта», знакомится в консерватории с оперной певицей (меццо-сопрано) Лилли Хоффман (Elisabeth Elfriede Emilie Sigrid Hoffmann; 1889–1943)[1]. Согласно жизнеописанию последней, Овербек давала ей уроки вокала, аккомпанировала на пианино и, воспользовавшись своими знакомствами, составила ей протекцию в «Висбаденской музыкальной академии». Основываясь на воспоминаниях современников, биограф описывает первые месяцы их знакомства: «...необычная пара, она – стройная семнадцатилетняя девушка, почти на голову выше своего избранника, и он – худой, небольшого размера парень. [...] Она знала, что люди будут удивлены, что она, у которой было столько поклонников, остановилась на комто одном. [...] Несмотря на это, Лили с детских лет мечтала о том, чтобы завести детей... но она не могла думать о себе»[2].

25 января 1913 г. в Лондоне они вступили в брак (Овербек выступала в ипостаси Е.Б. Онегина; ее избранница – под собственным именем). Последующие годы они прожили в Штутгарте (Hohenzollernstrasse 21), где Хоффман (называвшаяся отныне Зигрид Онегин – Sigrid Onegin) имела ангажемент в местной опере. Быт их существенно осложнился в годы Первой мировой войны: Овербек, будучи гражданкой Англии, обязана была регулярно отмечаться в полиции; во время ее кратковременной отлучки на родину соседи донесли, что отъезд ее был мнимым, а в действительности Зигрид якобы прячет ее в доме[3].

Лиза Овербек умерла 12 ноября 1919 года и похоронена на городском кладбище Штутгарта.

---

[1] *Penzoldt F.* Alt-Rapsodie. Sigrid Onégin – Leben und Werk. Neustadt an der Aisch: Verlag Degener & Co., 1953. S. 41.

[2] Ibid. S. 42. Перевод А.А. Соболевой.

[3] Ibid. S. 46, 49.

Литература

Богомолов Н.А., Котрелев Н.В. К истории первого сборника стихов Зинаиды Гиппиус // Русская литература. 1991. № 3. С. 121–132.

Гиппиус З.Н. Письма к В.Д. Комаровой / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 191–230.

Гиппиус З.Н. Письма к П.П. Перцову / Вступ. заметка, подг. текста и примеч. М.М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 124–159.

Гиппиус З. Собрание сочинений: [В 15 т.]. М.: Русская книга, 2001–2013.

Гиппиус З. Стихотворения / Вст. ст., сост., подг. текста и примеч. А.В. Лаврова. СПб.: Академический проект, 1999. (Новая Библиотека поэта). 592 с.

Литературное наследство: Александр Блок: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1980. Т. 92. Кн. 1. 564 с.

Семенов Л. Стихотворения. Проза / Изд. подгот. В.С. Баевский. М.: Наука, 2007. 597 с.

Томсон Р.Д.В. Встреча в Таормине: три редакции одной истории // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 262–273.

Федор Сологуб. Разыскания и материалы / Под ред. М.М. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 832 с.

Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 863 с.

Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippius. Из переписки З.Н. Гиппиус. München: Wilhelm Fink, 1972. 784 p.

Penzoldt F. [Hrsg.] Alt-Rapsodie. Sigrid Onégin – Leben und Werk. Neustadt an der Aisch: Verlag Degener & Co., 1953. 342 S.

References

Bogomolov N.A., Kotrelev N.V. K istorii pervogo sbornika stikhov Zinaidy Gippius [To the History of the first Collection of Verses of Zinaida Gippius]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1991, no 3, pp. 121–132. (In Russ.)

Gippius Z.N. Pis'ma k V.D. Komarovoi [Letters to V.D. Komarova], Ed. N.A. Bogomolov. *In memoriam. Istoricheskii sbornik pamiati A.I. Dobkina* [In memoriam. Historical memory collection of A.I. Dobkin]. Saint-Petersburg–Paris, Feniks-Atheneum Publ., 2000, pp. 191–230. (In Russ.)

Gippius Z.N. Pis'ma k P.P. Pertsovu [Letters to P.P. Pertsov], Ed. M.M. Pavlova. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1991, no 4, pp. 124–159. (In Russ.)

Gippius Z. *Sobranie sochinenii: [V 15 t.]*. [Works: in 15 vols.]. Moscow: Russkaia kniga Publ., 2001–2013. (In Russ.)

Gippius Z. *Stikhotvoreniia* [Poems], Ed. A.V. Lavrov. Saint-Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. (Novaia Biblioteka poeta). 592 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia [Literary Heritage. Alexander Blok: New materials and research]. Moscow, Nauka Publ., 1980, t. 92, kn. 1. 564 p. (In Russ.)

Semenov L. *Stikhotvoreniia. Proza* [Poems. Prose: fiction], izd. podgot. V.S. Baevskij. Moscow, Nauka Publ., 2007. 578 p. (In Russ.)

Tomson R.D.V. Vstrecha v Taormine: tri redaktsii odnoi istorii [Meeting in Taormina: three editions of the same stories]. *Zinaida Nikolaevna Gippius: Novye materialy. Issledovaniia* [Zinaida Gippius: New materials. Research]. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 262–273. (In Russ.)

Fedor Sologub. Razyskaniia i materialy [Fyodor Sologub. Researches and materials], Pod red. M.M. Pavlovoi. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 832 p. (In Russ.)

Fidler F.F. *Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniia* [From the literary world: characters and opinions], Ed. K.M. Azadovskii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 863 p. (In Russ.)

Pachmuss T. *Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippius*. München, Wilhelm Fink, 1972. 784 p.

Penzoldt F. [Hrsg.] *Alt-Rapsodie. Sigrid Onégin – Leben und Werk*. Neustadt an der Aisch, Verlag Degener & Co., 1953. 342 S.

"The Cherished Monogram": On Elizabeth Overbeck's Biography

Nikolay Bogomolov, Alexander Sobolev

Abstract: Baroness E. von Overbeck was an outstanding figure in the cultural life of Saint Petersburg at the turn of the 19th century though her early years are only evidenced by Z.N. Gippius. After 1903 she falls altogether out of sight both of her Russian contemporaries and later researchers. The present article reconstructs the image of the Baroness – a woman of a remarkable individuality – on the basis of archived documents and foreign sources.

Keywords: Zinaida Gippius, Modernist culture, literary life, gender, Elizabeth Overbeck

Information about the author: Nikolay A. Bogomolov, PhD, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru.

Alexander L. Sobolev, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-332-347
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

О шести строках Осипа Мандельштама[1]

Михаил Кукин, Олег Лекманов

Аннотация: В статье предлагается комментарий к строкам о живописцах (Тинторетто, Рафаэль, Рембрандт, Тициан) из московских стихотворений Осипа Мандельштама 1931 года.

Ключевые слова: Мандельштам, живопись, советская литература

Информация об авторах: Михаил Юрьевич Кукин, к.ф.н., доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия. E-mail: koukin@yandex.ru.

Олег Андершанович Лекманов, д.ф.н., профессор НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия. E-mail: lekmanov@mail.ru

Речь пойдет, в первую очередь, вот об этих строках (они же – девятая строфа) стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...» (май – 19 сентября 1931)[2]:

---

[1] Исследование осуществлено в рамках проекта «Европейская литература в компаративном освещении: метод и интерпретация», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

[2] Подробнее об этом стихотворении см.: *Brown C.* Mandelstam.Cambridge, 1973. P. 119–120; *Вайсбанд Э.* Украинизмы в поэзии Осипа Мандельштама 1919–1932 годов // Jews and Slavs. Jerusalem; Kyiv, 2008. Vol. 18. С. 368–369; *Гаспаров Б.* «Извиняюсь» // Культура русского модернизма = Readings in Russian Modernism: To honor V.F. Markov. M., 1993. С. 109–120; *Гинзбург Л.* О лирике. М., 1997. С. 368–369; *Горелик Л.* Связь в вечности: образ телефона в стихотворениях Мандельштама рубежа 1920–1930-х годов // Проблемы целостного анализа художественного произведения. Борисоглебск, 2005. Вып. 4. С. 22–26; *Городецкий Л.* Квантовые смысл Осипа Мандельштама. Семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференций. М., 2012. С. 96–98; *Жолковский А.* Очные ставки с властителем. Статьи о русской литературе. М., 2011. С. 78–93; *Струве Н.* Осип Мандельштам. Томск, 1992. С. 53–57; *Freidin G.* A coat of many colors: O. Mandelstam and his mythologies of self-presentation. Berkeleyetc.,1987. P. 229–231; *Harris J.* Osip Mandelstam. Boston, 1988. P. 77–80; *Черашняя Д.* Поэтика Осипа Мандельштама: субъектный подход. Ижевск, 2004. С. 139–206.

Вхожу в вертепы чудные музеев,
Где пучатся кащеевы Рембрандты,
Достигнув блеска кордованской кожи,
Дивлюсь рогатым митрам Тициана
И Тинторетто пестрому дивлюсь
За тысячу крикливых попугаев.

Мы попробуем последовательно предложить варианты ответов на три напрашивающихся вопроса, связанных с этими строками.

Первый вопрос: какова их роль во всем стихотворении?

Второй вопрос: почему в этих строках упомянуты именно Рембрандт, Тициан и Тинторетто?

Третий вопрос: почему перечисленные художники представлены именно такими мотивами?

1

Н.Я. Мандельштам пишет о «мучительной настроенности на приятие жизни», как о главном внутреннем двигателе сюжета стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...»[1] Л. Я. Гинзбург, вторя ей, тоже говорит о «мучительном зигзаге между призрачной связью с миром и жаждой настоящей связи» в этом стихотворении.[2] На наш взгляд, мучительная жажда настоящей связи с миром, господствующая в первых четырех строфах стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...», постепенно преодолевается в следующих его шести строфах.

Здесь лирический герой, почти до неразличения схожий с самим поэтом, сперва находит утешение в созерцании «переулков», «лотков» и «подворотен» реальной Москвы, а потом еще и в импрессионистически-свободном наложении на советскую действительность реалий из «большого» и недоступного ему мира.

Еще в третьей строфе в московском телефонном звонке лирическому герою слышалось «польское “Дзенькуе, пани”». В шестой строфе его фотографируют на фоне азербайджанской «лиловой шахгоры» (по-видимому, московского восточного задника). В седьмой строфе он оказывается в китайской московской прачечной, но, одно-

[1] *Мандельштам Н.* Комментарии к стихам 1930–1937 гг. // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 215.

[2] *Гинзбург Л.* О лирике. С. 369.

временно, как бы в самом Китае, «где чистые и честные китайцы // Хватают палочками шарики из теста, // Играют в узкие нарезанные карты // И водку пьют, как ласточки с Янцзы». В восьмой строфе московский асфальт накрыт «соломенной рогожей, // Напоминающей корзинку асти» – итальянского вина, а дальше упоминаются экзотические «страусовые перья», которые оказываются прутьями «арматуры // В начале стройки ленинских домов».

Кто захочет, может увидеть в сочетании мотивов вина и страусовых перьев из этих строк еще и отсылку к блоковской «Незнакомке», а через нее – к миру петербургской культуры прошлого, подготавливающую, как мы попробуем показать чуть дальше, музейные образы следующей, девятой строфы[1].

При этом лирический герой мандельштамовского стихотворения не противопоставляет «советское» и «мировое», а органично совмещает их: то ли африканские, то ли блоковские «страусовые перья» можно и нужно научиться распознавать в арматуре строящихся «ленинских домов». Подобный взгляд на советскую современность решительно разводит стихотворение «Еще далёко мне до патриарха...» с написанным чуть раньше мандельштамовским стихотворением «Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня...» (11 апреля 1931). Там «большой мир», представленный, между прочим,мотивами «масла парижских картин» и вина «асти-спуманте», существует совершенно автономно от советского мира, представленного в первой строке глаголом «корили».[2]

Соответственно, девятая, более других интересующая нас строфа стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...» является логическим продолжением бегло намеченного выше сюжета всего стихотворения. Здесь дело доходит до «мировой культуры»: лирическому герою удается «приохотиться» (словечко самого Мандельштама) к ценностям «большого мира» через разглядывание живописных полотен. В этой строфе с наибольшей силой достигается тот эффект, к которому Мандельштам стремится во второй, «оптимистической» части своего стихотворения – «эффект полноты жизни». Онвозникает из соединенияв мгновенном, импрессионистическом впечатлении ре-

[1] Заметим также, что в парном к «Незнакомке» стихотворении Блока «В ресторане» фигурирует не просто вино, а шампанское, «золотое, как небо, аи». Упомянутое Мандельштамом «асти», это тоже игристое вино, если угодно, итальянское «шампанское».

[2] О стихотворении «Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня...» см., прежде всего: *Жолковский А.* Избранные статьи о русской поэзии. Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М., 2005. С. 60–82.

ального окружающего мира, наблюдаемого здесь и сейчас, с воображаемым «большим миром», увиденным сквозь призму классической европейской живописи. По сути дела, именно такие свободные и внезапные связи-ассоциации и определяют особенныйстиль этого стихотворения, а, точнее говоря, целого мандельштамовского московского «цикла» 1931–1932 гг., написанного белым стихом.

В девятой строфе стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...» дважды повторен глагол «дивлюсь». Это редкий для Мандельштама, более нигде у него не употребляющийся глагол, поэтому он сразу обращает на себя внимание и почти наверняка вызывает в памяти читателя одно из главных пушкинских стихотворений – «Из Пиндемонти» и его строку «*дивясь* божественным природы красотам». Перекличка эта, как кажется, не случайна. Пушкин размышляет в своем стихотворении о свободе и формулирует собственный ответ на вопрос о том, что есть счастье. Но ведь и в стихотворении «Еще далёко мне до патриарха...» Мандельштама волнует сходный вопрос: это тоже поиск радости, счастья и свободыв окружающем поэта мире – поиск того, за что можно принять этот мир.

Путь пушкинской мысли, сжатой, как бы конспективной, практически точно, но развернуто и с вариациями, повторяется Мандельштамом: выход на улицу – движение и впечатления от окружающего, сквозь которые просвечивают образы большого мира – прикосновение к живописи, то есть к мировой культуре. Сравним эту композицию с финалом стихотворения «Из Пиндемонти»:

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

Можно сказать, что поиск «полноты жизни» – или «жажда настоящей связи с миром», как сформулировала это Л.Я. Гинзбург – приводит героя стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...» в музеи, к «созданиям искусств и вдохновенья», вполне закономерно. Важно подчеркнуть, что «музеи», живопись и «мировая культура» – это еще не конечная цель, к которой движется в данном случае Мандельштам. Заключительная строфа разбираемого стихотворенияговорит именно о жажде радости, свободы и правды, которая остается для поэта лишь мечтой:

И до чего хочу я разыграться,
Разговориться, выговорить правду,
Послать хандру к туману, к бесу, к ляду...

Сравним это с мечтательным восклицанием в финальной строке у Пушкина: «Вот счастье! вот права...».

2

Но почему за всю старую европейскую живопись в девятой строфе стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...» представительствуют именно Рембрандт, Тициан и Тинторетто? Прежде чем пытаться ответить на этот вопрос, дополним наш список еще одним именем – Рафаэля, который, вместе с Рембрандтом появляется в соседнем московском стихотворении Мандельштама – «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (май – 4 июня 1931):

Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом,
К Рембрандту входит в гости Рафаэль.
Он с Моцартом в Москве души не чает –
За карий глаз, за воробьиный хмель.

Итак, почему именно Рембрандт, Тициан, Тинторетто и Рафаэль? Не потому ли, что в 1929–1931 гг. некоторые живописные полотна этих художников изъяли из коллекции ленинградского «Эрмитажа» для продажи за рубеж?

Приведем краткую сводку фактов.

Всего из залов и запасников «Эрмитажа» было отобрано 2880 картин, 350 из которых представляли собой произведения значительной художественной ценности, а 59 – шедевры мирового значения.

В 1929 г. из музейной коллекции были изъяты, в частности: «Голова старика» Рембрандта, «Святой Иероним» Тициана, его же «Мадонна с младенцем», а также «Портрет дожа» Тинторетто. В 1930 г. – «Портрет Титуса» Рембрандта (сейчас его авторство поставлено под вопрос), его же «Паллада» (ныне атрибутируется ученикам художника) и «Портрет старика». В январе – апреле 1931 г. – «Иосиф, обвиняемый женой Потифара» Рембрандта (ныне атрибутируется мастерской художника), его же «Портрет польского дворянина», его же «Женщина с гвоздикой» и «Турок» (ныне атрибутируется мастерской), а также «Святой Георгий и дракон» Рафаэля, его же знаменитая «Мадонна Альба» и «Венера перед зеркалом» Тициана.

Внимание общественности ко всем этим и другим изъятиям из «эрмитажной» коллекции власти старались не привлекать – в советской печати продажа шедевров европейской живописи за границу не обсуждалась. Однако, как в ближнем, так и в дальнем круге знакомцев Мандельштама имелось множество потенциальных информаторов: от третьего мужа Ахматовой, искусствоведа Николая Пунина до самог директора «Эрмитажа» (с осени 1930 г.) Бориса Леграна, который, между прочим, в свое время первым тайно сообщил поэту о расстреле Николая Гумилева. Да и сам Мандельштам, усердный посетитель «Эрмитажа», легко мог заметить, как буквально на глазах оскудевает экспозиция музея. Надежда Яковлевна Мандельштам вспоминает: «Живя в Ленинграде, мы постоянно ходили в Эрмитаж и первым делом навещали рембрандтовского старца, протянувшего руки к коленопреклоненному сыну [...] И как-то Мандельштам сказал [...]: “У него добрые руки”»[1].

Если наша гипотеза верна, то логика упоминаний о Рембрандте, Тициане, Тинторетто и Рафаэле в московских стихотворениях Мандельштама могла быть примерно следующей: пусть я никогда больше не увижу эрмитажные картины великих итальянцев и голландца, это меня не слишком удручает. Их работы легко «пересоздаст» мое творческое воображение, ведь хватает же мне одной или двух мелких деталей, чтобы сквозь ландшафт Москвы проступила экзотическая Азия (Азербайджан и Китай) или Италия. Дополнительным аргументом в пользу правомерности нашего предположения, как кажется, служит то простое обстоятельство, что картин Рафаэля и Тинторетто ни в одном московском музее нет и никогда не было. То есть, говоря «вхожу в вертепы чудные музеев», Мандельштам имеет в виду не только московские, но и ленинградские музеи, следовательно, лирический герой входит туда не буквально, а в своем воображаемом путешествии.

В заключение этой части нашей статьи напомним, что в своем позднейшем «Путешествии в Армению» Мандельштам описывает как выставленную в московском Государственном музее нового западного искусства картину Винсента ван Гога «Ночное кафе в Арле». Между тем, ко времени опубликования мандельштамовского произведения (1933 г.) эта картина уже была продана в США (в настоящее время она находится в галерее Йельского университета)[2].

---

[1] *Мандельштам Н.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979). Екатеринбург, 2014. С. 551.

[2] Отмечено в комментарии П.М. Нерлера в: *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 683.

3

Все сказанное, как кажется, позволяет по-новому взглянуть на уже многократно обсуждавшуюся проблему поиска конкретных живописных прообразов для описанных Мандельштамом в стихотворении «Еще далёко мне до патриарха...» полотен Рембрандта, Тициана и Тинторетто. Поисками таких прообразов когда-то занимался один из авторов этой заметки[1], а вслед за ним и отчасти в полемике с ним — С. Синельников в своем Живом Журнале[2]. Однако все предложенные до сих пор гипотезы, во всяком случае, те из них, которые пытаются объяснить появление в стихах Мандельштама «тысячикрикливых попугаев» Тинторетто, неизбежно сопровождаются натяжками.

Можно, конечно, вспомнить, что на картине Тинторетто «Сусанна и старцы» изображен попугай[3], но этого очень одинокого попугая никак не превратишь в «тысячу попугаев». Можно поговорить о весьма многочисленных попугаях, соседствующих друг с другом на картинах Яна Брейгеля Старшего и других фламандских мастеров, но ведь Тинторетто никакого влияния фламандской живописи не испытал.

Не будет ли правильным для объяснения смысла строк о Тинторетто в стихотворении Мандельштама совсем отказаться от поиска птиц на картинах венецианца? Не лучше ли предположить, что поэт просто хотел как можно красочнее (вспомним о мандельштамовском стремлении к эффекту полноты жизни в стихотворении «Еще далёко мне до патриарха...») воплотить в стихотворных строках свое впечатление от огромных полотен Тинторетто, до предела заполненных экспрессивно движущимися фигурами в ярких развевающихся одеждах? Ход мандельштамовских ассоциаций мог быть, приблизительно, таким: сначала, как это было ему свойственно, поэт анимировал в своем творческом сознании картины Тинторетто и явственно *услышал* невообразимый шум, производимый его персонажами. Затем общее мандельштамовское ощущение пестроты, множественности и шума оформилось в образ «тысячи крикливых попугаев» (возможно, не без влияния упомянутых нами выше работ фламандцев).

---

[1] *Лекманов О.* Европейская живопись глазами Мандельштама (Статья I:Италия, Россия) // Toronto Slavic Quarterly. 2009. Spring. № 28 =http://sites.utoronto.ca/tsq/28/lekhmanov28.shtml.

[2] См.: http://ljreader2.livejournal.com/4280.html и следующие за этой еще шесть записей.

[3] http://ljreader2.livejournal.com/5034.html.

Весьма выразительные аналогии к строкам о Тинторетто из стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...» отыскиваются в том пассаже эссе Мандельштама «Разговор о Данте» (1933), где речь заходит о поэтике «Божественной комедии». Здесь возникают мотивы множественности, пестроты, экспрессии и шума, а также описывается техника смешивания образов живописцев разных времен и направлений: «Если бы залы Эрмитажа вдруг сошли с ума, если бы картины всех школ и мастеров вдруг сорвались с гвоздей, вошли друг в друга, смесились и наполнили комнатный воздух футуристическим ревом и неистовым красочным возбуждением, то получилось бы нечто подобное Дантовой “Комедии”»[1]. «Тысяча крикливых попугаев» – это ведь и есть прекрасная метафора«неистового красочного возбуждения»!

Еще одну подходящую к случаю цитату из «Разговора о Данте» приводит в своей работе С. Синельников: «Старая итальянская грамматика, так же, как и наша русская, все та же волнующаяся птичья стая, все та же пестрая тосканская “schiera”, то есть флорентийская толпа»[2].

Очень точным кажется нам и наблюдение Д. И. Черашней, которая заметила, что строка о «тысяче крикливых попугаев» Тинторетто из финала стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...» выкристаллизовалась из впечатлений от повседневных реалий московской жизни, описанных в его зачине: «Еще меня ругают за глаза // На языке трамвайных перебранок, // В котором нет ни смысла, ни аза».[3]

Отчасти сходным образом, и в мандельштамовских строках:

> Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом,
> К Рембрандту входит в гости Рафаэль.
> Он с Моцартом в Москве души не чает –
> За карий глаз, за воробьиный хмель.

---

[1] *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 257–258.

[2] Там же. С. 255. См.: http://ljreader2.livejournal.com/6006.html. В этой цитате возникают мотивы Италии, птичьей стаи, толпы и, наконец, пестроты. С. Синельников указывает также, что «пестрым» Мандельштам называет Тинторетто вслед за В. Маккавейским: «Кажется, что когда-то // Вас писал Тинторетто // В пестрых складках броката» (http://ljreader2.livejournal.com/5348.html).

[3] *Черашняя Д.* Поэтика Осипа Мандельштама: субъектный подход. С. 168–169. Можно было бы предложить еще одну гипотезу появления попугаев в разбираемых строках Мандельштама, опирающуюся на некоторую странность оборота «дивлюсь... за...» Не идет ли здесь речь о монетах (немецкие талеры с орлом называли попугаями) как цене за посещение музея?

описываются не столько впечатления от конкретных картин Рембрандта и Рафаэля, а также партитур Моцарта, сколько наступление нового московского дня. Предутренние сумерки (колорит Рембрандта) сменяются мягким солнечным светом и синим небом (колорит Рафаэля), а затем общую картину обогащает чириканье воробьев (Моцарт). Сравним со строкой из мандельштамовского восьмистишия 1933 года: «И Моцарт в птичьем гаме».

В стихотворении «Еще далёко мне до патриарха...» Рембрандт тоже возникает из полумрака. «Вертеп» у Мандельштама, это, конечно, не притон, а огромная пещера – с почти неизбежной ассоциацией: полутемная пещера, в которой родился Христос. Разумеется, в художественных музеях Европы хранится немало работ, написанных на сюжет Рождества. Есть они и у Рембрандта, однако для Мандельштама в данном случае было важно не только точно перечислитьконкретныесюжеты и фигуры, присутствующие на картинах великого голландца, но и передать свое мгновенное зрительное впечатление от взгляда на рембрандтовские полотна. Соответственно, вслед за полумраком вертепа у неговоссоздается яркое и почти аляповатое цветовое пятно: «пучатся кащеевы Рембрандты».

Попробуем сперва объяснить мандельштамовский глагол «пучатся», то есть – вспухают, набухают. Не подразумевается ли здесь знаменитый прием позднего Рембрандта – густое наложение красок на плоскость картины, в результате чего они начинают выступать изкартины, образуют объем? Возможно, впрочем, что речь идет о пучеглазости Кащея.

Но почему все-таки у Мандельштама «кащеевы Рембрандты»? Как кажется, вариант ответа на этот вопрос позволяет дать проницательное наблюдение Омри Ронена, сделанное им еще в 1968 году. Исследователь предположил, что во второй строфе позднейшего стихотворения Мандельштама «Как светотени мученик Рембрандт...» (1937) подразумевается картина Рембрандта «Артаксеркс, Аман и Есфирь» из собрания московского Государственного музея изобразительных искусств[1]. Артаксеркс на этой картине действительно напоминает

[1] См.: *Ронен О.* Чужелюбие. Третья книга из города Энн. СПб., 2010. С. 74–75. См. также: *Лангерак Т.* Анализ одного стихотворения Мандельштама («Как светотени мученик Рембрандт...») // Russian literature. 1993. № 33. С. 292–294. Образ «кащеевых Рембрандтов» в разбираемом нами стихотворении Ронен объясняет так: и Рембрандт, и Мандельштам – «мученики богатства своего художественного зрения, отвергнутого их веком, и оба могут только “смутить” “волнуемое” “мехами сумрака” поколение теми драгоценными дарами, которые они предлагают [...] выставленное на показ

сказочного Кащея – у него ожесточенное выражение лица, в его руке кинжал, рядом с ним молодая девушка, а на переднем плане картины изображен символ богатства – «ларец», упомянутый в стихотворении «Как светотени мученик Рембрандт...» («жаркие ларцы»). Главное же, фигуры царя Артаксеркса и его жены Эсфири буквально источают золотой свет – царь облачен в золотые одежды, на его голове золотой головной убор (верхушка которого весьма напоминает корону Кащея, как ее традиционно изображают), а в руке у Артаксеркса золотой кинжал.

И тут уместно будет вспомнить не только хрестоматийную пушкинскую строку «Там царь Кащей над златом чахнет», но и ассоциативно связанный с золотом образ Кащея из позднейшего стихотворения самого Мандельштама «Оттого все неудачи...» (1937):

Там, где огненными щами
Угощается Кащей,
С говорящими камнями
Он на счастье ждет гостей –
Камни трогает клещами,
Щиплет золото гвоздей.

Вторая возможность истолкования мотивов, связанных с Рембрандтом в стихотворении «Еще далёко мне до патриарха...», возникнет, если мы попробуем прокомментировать рембрандтовский фрагмент не в режиме «слово за словом», а сразу охватим взглядом весь образ, складывающийся из этих трех строк:

Вхожу в вертепы чудные музеев,
Где пучатся кащеевы Рембрандты,
Достигнув блеска кордованской кожи...

Вертепы – пещеры, именно в пещере обитает сказочный Кащей, про которого (еще раз процитируем) у Пушкина сказано: «там царь Кащей над златом чахнет». То есть, подобно скупому рыцарю или собаке на сене, Кащей сидит на своих сокровищах, ревниво охраняя их от посторонних и не пользуясь ими лично.

Может быть, «кащеевы Рембрандты» – это и есть «сокровища Кащея», которые хранятся (как, впрочем, и работы двух других худож-

---

богатство, по-видимому, смущает посетителей музея, и поэт, извиняясь, говорит об этом Рембрандту» (*Ронен О.* Чужелюбие. Третья книга из города Энн. С. 73, 75).

Тициан Вечелио. «Введение Марии во храм» (фрагмент). Венеция, Галерея Академии

ников, упомянутых у Мандельштама далее – Тициан, Тинторетто) в музеях-пещерах. На то, что это драгоценности, указывает дополнительно и образ «кордованской кожи» – дорогой мягкой кожи особой выделки, часто с золотым тиснением, из которой в старину делали, в том числе, и роскошные кожаные обои для дворцовых покоев. Несомненно и совпадение коричневато-золотистого колорита «кордованской кожи» с общим колоритом холстов Рембрандта, что опять же подчеркивает их «драгоценность».

Если учесть сказанное, то можно предположить, что сказочного «Кащея» надо искать не на полотнах Рембрандта среди его персонажей, а за пределами этих полотен (чуть выше мы применили тот же подход к «тысяче попугаев», которых, кажется, нет смысла искать на картинах Тинторетто). Поскольку Кащей стережет сокровища, то на его рольнапрашиваются хранители и директора музеев, ревностно берегущиехудожественные богатства, в то время как, позволим себе продолжить эту сказочную логику, Иван-царевич (молодое советское государство) хочет эти сокровища у скупого Кащея отнять и пустить их в ход. Эта трактовка хорошо согласуется с высказанным выше предположением о том, что вообще весь ряд перечисленных Ман-

Рембрандт Харменс ван Рейн. «Артаксеркс, Аман и Есфирь». Москва, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

дельштамом художников (Рембрандт, Тициан, Тинторетто и Рафаэль) упомянут именно в связи с изъятием из музейных собраний картин (и других художественных сокровищ, в том числе и золотых украшений) для продажи их за границу. Как известно, старые музейные работники, в частности помощник директора «Эрмитажа» Иосиф Орбели, по мере сил сопротивлялись этому ограблению государством музейных хранилищ и в глазах советских чиновников выглядели как «чахнущие над златом кащеи».

Выглядит вполне правдоподобным, что Мандельштам в данной строфе как бы примеряет на себя позицию и характер мысли не старой интеллигенции, ассоциирующейся с хранителями музеев, а гражданина нового строящегося государства. Это вполне согласуется с его желанием быть современным, жаждой связи с советской жизнью, которая прослеживается и в некоторых других стихах поэта начала 1930-х годов[1].

[1] Ср. с интерпретацией рембрандтовских образов Д.И. Черашней: «*Кащеевы* – не только Кащею принадлежащие, но, может быть, еще и в значении *ненастоящие Рембрандты*. Дело в том, что в 1930 г. Государственным

Нам остается попытаться объяснить мандельштамовскую строку «Дивлюсь рогатым митрам Тициана». Напомним, что митра – это «архиерейская и архимандритская шапка, при полном облачении» (словарь В.И. Даля). Входит митра и в облачение патриарха, то есть Мандельштам снова перекидывает ассоциативный мостик от музейных строк стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...» к его зачину. Одному из авторов этой заметки уже приходилось высказывать предположение, что «рогатую» митру поэт мог разглядеть на репродукции большой картины Тициана «Введение во храм пресвятой Богородицы», хранящейся в венецианской Галерее Академии (сам Мандельштам в Венеции никогда не был). Уточняя эту гипотезу, С. Синельников сделал чрезвычайно интересное и правдоподобное наблюдение. Он установил, что поэт в данном случае, скорее всего, воспользовался «готовым словом», а именно – образом из стихотворения Михаила Кузмина «Введение» (1909), которое как раз и представляет собой экфрасис венецианской картины Тициана «Введение во храм пресвятой Богородицы»:

Вводится Дева в храм по ступеням,
Сверстницы-девушки идут за Ней.
Зыблется свет от лампадных огней.
Вводится Девица в храм по ступеням.

В митре рогатой седой иерей
Деву встречает, подняв свои руки,
Бренный свидетель нетленной поруки,
В митре рогатой святой иерей[1].

антиквариатом в Германию была отправлена для реставрации партия картин, в т. ч. с неустановленным авторством. В 1931 г. картины вернулись в Москву, при этом одна из них (“Изгнание торгующих из храма”) была атрибутирована как принадлежащая Рембрандту, что подтверждала подпись художника. На фоне тогдашних многочисленных лже-Рембрандтов раннего периода эта сенсация вызвала сомнения у наших знатоков (и впоследствии экспертиза показала, что подпись относится ко времени реставрации картин). Поэтому строка “Достигнув блеска кордованской кожи” – может *означать как реставрированные*, так и *сомнительные*, причем глагол “пучатся” имеет отношение как раз к названной выше картине: характеризует две фигуры в средней части полотна» (*Черашняя Д.* Поэтика Осипа Мандельштама: субъектный подход. С. 185).

[1] См.: http://ljreader2.livejournal.com/5348.html. Слегка смущает только то, что у Мандельштама речь идет не об одной «рогатой митре», а о «рога-

Вместо подведения общих итогов этой заметки отметим, что при создании собственных монтажных вариаций картин великих живописцев прошлого Мандельштам руководствовался тем же принципом, который он упорно отстаивал в качестве переводчика французских, бельгийских и немецких писателей: «Педантическая сверка с подлинником отступает... на задний план перед несравненно более важной культурной задачей – чтобы каждая фраза звучала по-русски и в согласии с духом подлинника»[1]. Наши наблюдения в очередной раз показывают, что мотивы, возникающие у Мандельштама в связи с именами Рафаэля, Тициана, Тинторетто и Рембрандта, возможно, стоит искать не только на их холстах, но и в окружающем художников «воздухе» событий и впечатлений, среди прочитанного и услышанного поэтом.

Литература

Вайсбанд Э. Украинизмы в поэзии Осипа Мандельштама 1919–1932 годов // Jews and Slavs. Jerusalem; Kyiv, 2008. Vol. 18. С. 362–381.

Гаспаров Б. «Извиняюсь» // Культура русского модернизма = Readings in Russian Modernism: To honor V.F. Markov. М.: Наука, 1993. 405 с.

Гинзбург Л. О лирике. М.: Интрада, 1997. 409 с.

Горелик Л. Связь в вечности: образ телефона в стихотворениях Мандельштама рубежа 1920–1930-х годов // Проблемы целостного анализа

тых митрах». Не может ли здесь подразумеваться еще одна работа– портрет кардинала Антониотто Паллавичини из московского Государственного музея изобразительных искусств? Священнослужитель на этомпотрете изображен в красном кардинальском головном уборе с характерными выступами, которые можно назвать «рогами» (он называется «биррета», но Мандельштам мог назвать его и «митрой», ошибки такого рода в его поэзии и прозе встречаются). С этим портретом связана интересная история: сначала он находился в петербургском «Эрмитаже» (куплен еще при Екатерине II как потрет кисти Тициана), но в 1928 г. картину перевезли в Москву. В 1910-е гг. часть исследователей по-прежнему утверждала, что это Тициан или его школа, а часть стала называть автором Себастьяно дель Пьомбо. В пользу Себастьяно дель Пьомбо стали активнее высказываться в 1920-е гг. Однако «старый зритель» еще помнил картину, по «Эрмитажу», как тициановскую. До начала 2000-х гг. «Портрет кардинала Антониотто Паллавичини» висел в Москве в ГМИИ им. Пушкина как работа кисти дель Пьомбо, но в 2002 г. картину отреставрировали, просветили рентгеновскими лучами, обнаружили под слоем краски характерные для манеры Тициана наброски – и снова атрибутировали как работу кисти Тициана.

[1] *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 102.

художественного произведения. Борисоглебск, 2005. Вып. 4. С. 22–26.

Городецкий Л. Квантовые смыслы Осипа Мандельштама. Семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференций. М.: Таргум, 2012. 412 с.

Жолковский А. Избранные статьи о русской поэзии. Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: РГГУ, 2005. 654 с.

Жолковский А. Очные ставки с властителем. Статьи о русской литературе. М.: РГГУ, 2011. 637 с.

Лангерак Т. Анализ одного стихотворения Мандельштама («Как светотени мученик Рембрандт...») // Russian literature. 1993. № 33. С. 289–298.

Лекманов О. Европейская живопись глазами Мандельштама (Статья I: Италия, Россия) // Toronto Slavic Quarterly. 2009. Spring. № 28. URL: http: // sites. utoronto. ca/ tsq/28/lekhmanov28.shtml

Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3-х тт. Т. 2. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. 760 с.

Ронен О. Чужелюбие. Третья книга из города Энн. СПб.: Журнал «Звезда», 2010. 394 с.

Струве Н. Осип Мандельштам. Томск: Водолей, 1992. 268 с.

Черашняя Д. Поэтика Осипа Мандельштама: субъектный подход. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2004. 449 с.

Brown C. Mandelstam. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 320 p.

Freidin G. A coat of many colors: O. Mandelstam and his mythologies of self-presentation. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1987. 246 p.

References

Vaisband E. “Ukrainizmy v poezii Osipa Mandel’shtama 1919–1932 godov” [Ukrainizmy in Osip Mandelstam’s poetry of 1919–1932]. *Jews and Slavs*. Jerusalem; Kyiv, 2008, vol. 18, pp. 362–381. (In Russ.)

Gasparov B. “Izviniaius’” [I apologize]. *Kul’tura russkogo modernizma = Readings in Russian Modernism: To honor V.F. Markov.* Moscow, Nauka Publ., 1993. 405 p. (In Russ.)

Ginzburg L. *O lirike* [About lyrics]. Moscow, Intrada Publ., 1997. 409 p. (In Russ.)

Gorelik L. “Sviaz’ v vechnosti: obraz telefona v stikhotvoreniiakh Mandel’shtama rubezha 1920–1930-kh godov” [Communication in eternity: the image of a telephone in Mandelstam’s poems of the late 1920-ies-early 1930-ies.]. *Problemy tselostnogo analiza khudozhestvennogo proizvedeniia* [Problems of a comprehensive analysis of a work of art]. Borisoglebsk, 2005, vyp. 4, pp. 22–26. (In Russ.)

Gorodetskii L. *Kvantovye smysly Osipa Mandel’shtama. Semantika vzryva i apparat inoiazychnykh interferentsii* [Osip Mandelstam’s quantum sense. Semantics of explosion and the apparatus of foreign-language interferences].

Moscow, Targum Publ., 2012. 412 p. (In Russ.)

Zholkovskii A. *Izbrannye stat'i o russkoi poezii. Invarianty, struktury, strategii, interteksty* [Chosen articles about the Russian poetry. Invariants, structures, strategies, intertext]. Moscow, RSUH Publ., 2005. 654 p. (In Russ.)

Zholkovskii A. *Ochnye stavki s vlastitelem. Stat'i o russkoi literature* [Face-to-face with the autocrat. Articles about the Russian literature]. Moscow, RSUH Publ., 2011. 637 p. (In Russ.)

Langerak T. "Analiz odnogo stikhotvoreniia Mandel'shtama ('Kak svetoteni muchenik Rembrandt...')" [Analysis of a poem of Mandelstam ("As Rembrandt, a martyr of light and shade..")]. *Russian Literature*, 1993, no 33, pp. 289–298. (In Russ.)

Lekmanov O. "Evropeiskaia zhivopis' glazami Mandel'shtama (Stat'ia I: Italiia, Rossiia)" [European painting by Mandelstam's eyes (Article I: Italiya, Russia)]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2009, Spring, no 28. Online at: http: // sites. utoronto. sa/ tsq/28/lekhmanov28.shtml. (In Russ.)

Mandelshtam O.E. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*: v 3 t. [Complete Works and Letters: in 3 vol.]. T. 2. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2010. 760 p. (In Russ.)

Ronen O. *Chuzheliubie. Tret'ia kniga iz goroda Ann* [Chuzhelyubiye. The third book from the town of Ann]. Saint-Petersburg, Zhurnal "Zvezda" Publ., 2010. 394 p. (In Russ.)

Struve N. *Osip Mandelstam*. Tomsk, Vodolei Publ., 1992. 268 p. (In Russ.)

Cherashnaya D. *Poetika Osipa Mandel'shtama: sub"ektnyi podkhod* [Poetics of Osip Mandelstam: subject approach]. Izhevsk, Institut kompiuternykh issledovaniy Publ., 2004. 449 p. (In Russ.)

Brown C. *Mandelstam*. Cambridge, Cambridge University Press, 1973. 320 p.

Freidin G. *A coat of many colors: O. Mandelstam and his mythologies of self-presentation*. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press, 1987. 246 p.

On the Six Lines of Osip Madelstam

Mikhail Koukin, Oleg Lekmanov

Abstract: The article offers a commentary to the lines about painters (Tintoretto, Rafael, Rembrandt, Titian) from Madelstam's poems written in Moscow in 1931.

Keywords: Mandelstam, painting, Soviet literature

Information about authors: Mikhail Yu.Koukin, PhD, Assistant Professor at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: koukin@yandex.ru

Oleg A. Lekmanov, Doctor Hab. in Philology, Professor at the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: lekmanov@mail.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-348-369
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

«Вести из Пасси»: Рукописная газета В.Н. Буниной*

О.А. Коростелев

Аннотация: Работа посвящена сохранившейся в архиве Буниных рукописной газете «Вести из Пасси» (Leeds Russian Archive), которую В.Н. Бунина выпускала весной 1940 г., приехав из Грасса в Париж. В статье показывается, что газета В.Н. Буниной была не столько настоящим периодическим изданием, сколько выбранной автором формой эпистолярного диалога с оставшимся на юге Франции мужем и другими жителями виллы Jeannette. В.Н. Бунина и ранее предпринимала попытки обратить на себя внимание мужа, прибегая для этого к различным способам, в частности, посылала ему вместо писем листы из собственного дневника. Форма газеты преследовала отчасти ту же цель. Ответы И.А. Бунина в обычных письмах на содержащиеся в рукописной газете сведения подтверждают такое заключение. К статье прилагаются все выпуски «Вестей из Пасси» с реальным комментарием. Их тексты должны войти в готовящуюся для тома серии «Литературное наследство» публикацию переписки И.А. Бунина с В.Н. Буниной (в основной корпус по хронологии или, по крайней мере, в приложение).

Ключевые слова: русское зарубежье, И.А. Бунин, В.Н. Бунина, периодика, эпистолярий

Информация об авторе: Олег Анатольевич Коростелев, к.ф.н, заместитель директора по научной работе, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия. E-mail: okorostelev@mail.ru

В парижских бумагах Буниных в Русском архиве Лидса (РАЛ. MS 1067/39–42) сохранилась рукописная газета, выпускавшаяся В.Н. Буниной весной 1940 г. В каталоге архива она числится среди творческих рукописей и описана так: «Novaia istoriko-literaturnaia gazeta ezhednevnaia: Vesti iz Passi, Novosti iz Passi: Ezhednevnaia gazeta (1940) (issues nos 1–6 of home-produced ‘newspaper’)»[1].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-04-00107 «И.А. Бунин: Новые материалы и исследования (подготовка 2-й книги тома в серии “Литературное наследство”)».

Домашние издания – не новость для русских литераторов. В 1924–1926 гг. четыре номера рукописного журнала были выпущены в доме Горького в Сорренто под названием «Соррентийская правда» (позже «Соррентинская правда»). Ходасевич писал о нем в своих воспоминаниях: «Сотрудниками были Горький, Берберова и я. Ракицкий был иллюстратором, Максим переписчиком. Максима же мы избрали и редактором – ввиду его крайней литературной некомпетентности»[2]. Горьковские публикации журнала напечатаны в XII томе «Архива А.М. Горького»[3], а об издании появилась отдельная статья[4]. Второй номер журнала был републикован целиком[5].

Возможно, не без влияния воспоминаний Ходасевича, опубликованных в апреле 1937 г., В.Н. Буниной три года спустя пришла в голову мысль о своей газете.

Журналистский опыт у В.Н. Буниной был, и немалый, она публиковалась в самых солидных изданиях, вплоть до милюковских «Последних новостей», но писала трудно, множество раз переправляла тексты и большой плодовитостью не отличалась.

В отличие от «Соррентинской правды», «газета» Буниной гораздо камернее, такого звездного состава здесь не было, это творение одного автора, да и задача ставилась куда более скромная.

16 апреля 1940 г. В.Н. Бунина выехала из Грасса в Париж, где не была с осени 1938 г. Франция уже несколько месяцев (с сентября 1939 г.) находилась в состоянии войны с Германией, но реальных военных действий еще не было, они начнутся через три недели, а пока продолжалась почти такая же, как раньше, жизнь. Однако уже требовалось получать специальное разрешение на перемещение.

На следующий же день, 17 апреля 1940 г., И.А. Бунин отправляет взволнованное письмо: «Очень беспокоился, как ты едешь, милая моя. Сейчас от тебя телеграмма, что доехала. Но как доехала? Небось, измучилась. <...> Христос с тобой, пиши почаще» (РАЛ. MS 1066A/257).

В.Н. Бунина, еще не успев получить его письма, пишет 18 апреля: «Дорогой мой, прежде всего мне хочется тебя поблагодарить, что ты дал мне возможность поехать в Париж. Я давно себя не чувствовала так, как теперь – два целых дня атмосфера любви и приязни, радости и доброжелательства» (РАЛ. MS 1067A/250).

Вскоре после приезда в Париж В.Н. Бунина и затевает свою «газету», преследуя сразу несколько целей: во-первых, запротоколировать подробности своей парижской жизни, во-вторых, рассказать оставшимся в Грассе о парижских событиях, в-третьих, обратить на себя внимание мужа.

Как раз в этот период, с февраля по май 1940 г. В.Н. Бунина не делает дневниковых записей. Вероятно, многолетняя привычка вести дневник хотя бы отчасти отразилась на хроникальных записях ее «газеты».

Поначалу Вера Николаевна замахивалась даже на утренний и вечерний выпуски, однако отправила мужу ежедневные номера только 20 и 21 апреля, после чего запал стал угасать. Следующий номер был уже сдвоенным, 22–23 апреля.

Все эти дни супруги обменивались и обычными письмами.

Бунину в это время 69 лет, Вере Николаевне 58, позади непростая жизнь, в которой было много всякого.

22 апреля 1940 г. В.Н. Бунина пишет мужу: «Надеюсь, что завтра ты вспомнишь обо мне. 33 года жизни вместе», подписывая это письмо: «Твой ci-devant K., а теперь ничья Ника» (РАЛ. MS 1067A/251). Растроганный И.А. Бунин откликнулся 24 апреля 1940 г.: «О наших 33 годах вспомнил вчера ночью – с сильной нежностью о тебе, с великой благодарностью тебе. Мысленно о тебе молился. И все тщетно думал – что это такое – прошлое? Как определить представление о нем? Храни тебя Божья Матерь, бесценный друг, целую тебя горячо и крепко» (РАЛ. MS 1066A/261).

«Газета» В.Н. Буниной, помимо всего прочего, попытка привлечь внимание. По сути, это разновидность переписки, и «Вести из Пасси» могут быть включены в основной корпус (если не в общей хронологии, то, по крайней мере, как приложение). Во всяком случае, Бунин расценил это именно так и 24 апреля 1940 г. ответил: «Дорогая моя, милая, получены твои письма от 20 и 21-го. Рад, что тебе пока хорошо, но боюсь, что переутомишься» (РАЛ. MS 1066A/261). Писем от 20 и 21 апреля в архиве не отложилось, их, по-видимому, и не было, а имеет в виду Бунин как раз «Вести из Пасси» от этих чисел. В том же письме от 24 апреля 1940 г. он откликался на некоторые сообщения «Вестей из Пасси», просил передать «самые горячие мои чувства Кульманам» (РАЛ. MS 1066A/261), о здоровье которых сообщала Вера Николаевна в первом выпуске.

Похожие прецеденты уже были: и в дореволюционной части писем В.Н. Муромцевой к И.А. Бунину, отложившейся в Орловском музее, и в эмигрантской части, отложившейся в Русском архиве Лидса, в корпусе переписки обнаружились тексты явно иного жанра, больше похожие на дневниковые записи, чем на обычные письма, однако написанные той же рукой (В.Н. Муромцевой). Т.е. Вера Николаевна иногда посылала мужу вместо письма листы из своего дневника. По предположению С.Н. Морозова, таким образом В.Н. Муромцева стремилась

напомнить И.А. Бунину о себе и дать понять, что давно не получала от него писем. Таких случаев больше в дореволюционной части переписки И.А. Бунина с женой (правильнее было бы сказать: переписки В.Н. Буниной с мужем, поскольку сам Бунин письма писать не любил, отделываясь открытками в несколько слов, хотя читал внимательно, и стоило Вере Николаевне пропустить день-другой, начинал бомбардировать ее напоминаниями: «сегодня от тебя не было письма»).

24 апреля 1940 г. В.Н. Бунина пишет мужу в обычном письме: «Я имею час времени до обедни и хочу тебе написать и послать следующий выпуск “Новостей Пасси”» (РАЛ. MS 1067A/252). Этот выпуск оказался последним и строенным: «№ 4 и № 5 – № 6», он датирован 24–25–26 апреля, В.Н. Бунина явно исчерпала свой газетный запал, дописывала ежедневно новости, которых было немного, и к концу этот «номер» уже совсем превратился в обычное письмо.

Завершая свою затею, которая ей успела надоесть, В.Н. Бунина пишет Бунину в обычном письме 25 апреля 1940 г.: «Жду вестей с Jeannette» (РАЛ. MS 1067A/253), рассчитывая на ответ своим «вестям из Пасси».

Своей поездке В.Н. Бунина была очень рада, 26 апреля 1940 г. она писала И.А. Бунину: «Не знаю, как благодарить Бога и тебя, что я эту Страстную провожу в Париже, бывая в церквах почти на всех службах» (РАЛ. MS 1067A/254). Бунин насчет этого был более скептичен, отвечая 30 апреля 1940 г.: «Рад, что тебе пока хорошо, но убежден, что чем больше ты будешь в Париже, тем больше измотаешься» (РАЛ. MS 1066A/264). Три дня спустя, 2 мая 1940 г., И.А. Бунин писал жене: «Ты, верно, совсем замоталась – третий день от тебя ни строки» (РАЛ. MS 1066A/265).

8 мая 1940 г. Бунин выехал в Париж, и переписка между супругами в очередной раз надолго прервалась.

10 мая 1940 г. немецкие войска перешли границу Нидерландов и Бельгии, до падения Парижа оставались считаные дни.

Полный комплект рукописной газеты публикуется по автографу (РАЛ. MS 1067/39–42).

Одна из проблем для комментаторов эпистолярия и дневников В.Н. Буниной – ее привычка подробно рассказывать все новости, как важные, так и незначительные. Ее письма и дневники пестрят именами множества людей, от знаменитых до никому не известных, со всеми их большими и малыми событиями. Причем зачастую Вера Николаевна пишет имена не полностью, но в сокращении, использует прозвища, домашние клички, инициалы, а то и просто намеки. В рукописной

газете та же картина, здесь множество упоминаний лиц не только ближайшего круга, но и их жен/мужей, детей, племянников, дальних родственников и просто знакомых и т.д. Восстановить контекст во всей полноте оказалось очень непросто, и ряд криптонимов расшифровать не удалось, да и не обо всех упомянутых лицах удалось найти информацию (сердобольная В.Н. Бунина нередко прилагала немало усилий, чтобы помочь всевозможным друзьям и знакомым своих приятелей из самых разнообразных кругов общества, и теперь идентифицировать какую-нибудь племянницу знакомого таксиста, которого она обозначила одной буквой К., не всегда представляется возможным). Однако это и есть подлинный срез эмигрантской жизни, неадаптированный для современного читателя и без скидок на звездность.

---

[1] *Heywood A.* Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections / Edited by R. Davies, with the assistance of D. Riniker (revised edition). Leeds: Leeds University Press, 2011. P. 214.

[2] *Ходасевич В.* Горький // Современные записки. 1937. № 63. С. 282.

[3] М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М.: Наука, 1969. С. 38–50.

[4] Неизвестный Горький в рукописном журнале «Соррентинская правда» // Максим Горький – художник: Проблемы, итоги и перспективы изучения. Горьковские чтения. 2000 год. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2002. С. 100–106.

[5] Рукописный журнал «Соррентинская правда» № 2 / Вступ. ст. И.А. Ревякиной, публ. и примеч. М.М. Богоявленской и И.А. Ревякиной // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом / Ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 764–795.

№ 1

Новая историко-литературная газета ежедневная

Вести из Пасси

20 апреля 1940.
Суббота. 7 часов утра

Новости, толки, вести

Всем, всем, всем

Утро вечера Бориса Зайцева[1] прошло с большим успехом и артистическим, и материальным. Валовой сбор больше 7 тысяч. Ему отчислилось 4360 fr. Яблоновскому[2] 2340 fr.; 300 фр. – расхода.

19 апреля в два часа дня было ликвидационное заседание по этому утру вечера.

Присутствовали Г.И. Шик[3], М.С. Цетлина[4], Ф.О. Ельяшевич[5], Н.И. Михельсон[6] и всем известная Феничка[7] в шляпе цвета бордо.

К концу заседания пришла В.Н. Бунина. Радость, крики, поцелуи. Обещание помочь. Чествование ее у Тесленко[8] – кофе, пирожные, не-арийки – кулич, пасху.

—

Кульманы в Париже. Ник<олай> Карл<ович> уложен на 3 м<есяца>, что-то с сердцем. Нат<алье> Ив<ановне> предписано лежать 10 часов в день (!)

Приглашения: к Цетлиным (одна) к завтраку в понедельник, к Аитовым (с Леней) к обеду в понедельник, к Шик (одна) к завтраку в воскресенье, к Каллаш[9] (с Леней) на пирог к 4 ч. в воскресенье[10], к Каминским[11] во вторник вечером (с Леней). Со среды – серьезное говение. – Пост с понедельника.

—

Мнения:

В.Б. Ельяшевич настроен оптимистически, особенно после войны с Норвегией.

– Лечение зубов. – Тата нашла, что болит зуб не под коронкой, а рядом. Начала лечить.

Письма: от С.Ю. Прегель – назначает свидание 22 апр<еля> понедельник 4 ч. в Café Colisée на Champs-Élysées (думаю, не состоится, увидимся у М<арии> Сам<ойловны>, они живут вместе).

Мне от Алданова – приглашение на вчера к нему ужинать – прочла его в 10 ч., вернувшись от Ельяшевич (там мне дали кольцо и салфетку). Застала Леню – ел наш pot au feu[12]. Весел.

Тема для фельетонов. Приезд к Ельяшевич в первый день войны семьи Зеелера[13] в пять человек.

Вижу собачек, Мусю и других. Их не боюсь.

Проводы в Перпиньян русского офицера – сначала у него на квартире – а затем на вокзале Аустерлиц. Среди провожающих Л.Ф. Зуров, вручивший горсточку русской земли, чем доставил увешанному орденами русскому воину великую радость.

Л.Ф. Зуров получил бумаги для санатории. Сегодня начинаются хлопоты о sauf conduit[14] и исполнение всяких формальностей.

—

Встречи: с Михельсоном[15]. Расстроен. Волнуется за сына[16]. Приглашение на завтрак.

Планы на сегодня
Утром к Зайцевым
Завтрак с Леней дома
Манухина[17]
А в 6 ч. должна телеф<онировать> М. Ал. <Каллаш>.
Всенощная.
Обедаем дома.

Хроника: Михайлов[18] один едет на юг. Люсю Маршак[19], родную племянницу В.Ю. Браславской[20], разбил паралич, ей не более 43 лет.

У Браславских (Муси) родилась внучка[21].

Кампанари[22], друг Зайцевых и <Кумоных?>. Растратил деньги и пропал без вести. Жена[23] приехала из санатории, у нее последний градус чахотки, жила у Зайцевых. Деньги шоферские из гаража. Волнения, переговоры, наконец, жена решила пойти на квартиру и нашла труп мужа, покончившего с собой 29 дней тому назад, и 3 письма, ей, приятелю и консьержке.

Теперь жена уехала. Зайцевы сделали дезинфекцию.

Просьбы:
Прислать книжку с адресами.
Адрес Алексея Матвеевича[24].
Фонарик.

Пасси при лунном свете мило, а Bois – сказочно.
Может быть, выйдет вечерний номер.
Прошу откликнуться жителей vill'ы Jeannette.

Редактор и издатель Ника[25].

Письмо от Яна[26].
Сейчас зайду за бумагой.
Ехать было тяжело, но все забыто. Отдана ли машинка.

---

[1] В газетной хронике не сохранилось отчетов об этом мероприятии, к тому времени эмигрантские газеты в Париже доживали свои последние дни (через месяц с небольшим они прекратят свое существование, после того как немцы войдут в Париж). 27 апреля 1940 г. М.А. Алданов писал И.А. Бунину: «Очень приятно прошло чтение Бориса Константиновича

<Зайцева>: и читал он хорошо, и публики было много, и сбор хороший» (ОРЭУ. Gen 565).

[2] Яблоновский Сергей Викторович (наст. фам. Потресов; 1870–1953) – журналист, критик. Один из руководителей Московского литературно-художественного кружка. Член партии кадетов. В эмиграции в Париже преподаватель русского языка и литературы во французских лицеях, организатор и преподаватель Русского народного университета. В 1928 г. в Париже под председательством Бунина прошло чествование Яблоновского по случаю 35-летия его литературной деятельности.

[3] Шик Глафира Исаакиевна (урожд. Александрова; 1885–1959) – общественный деятель, благотворитель. Жена И.Я. Шика. Участвовала в благотворительных проектах Буниной, помогала ей материально.

[4] Цетлина Мария Самойловна (урожд. Тумаркина; в первом браке Авксентьева; 1882–1976) – общественно-политический деятель, благотворитель. Доктор философии Бернского университета. Первым браком замужем за Н.Д. Авксентьевым, вторым за М.О. Цетлиным. Член партии эсеров, участник революции 1905 г. С 1907 г. в эмиграции во Франции, в 1917 г. вернулась в Россию, с 1919 г. снова в эмиграции. Участвовала в разного рода благотворительных объединениях. Знакомство Буниных с Цетлиными состоялось в революционной Москве, куда Цетлины вернулись из эмиграции после Февральской революции. Семьи Буниных и Цетлиных были очень близки в 1920–1940-х гг. (до разрыва в 1947 г.).

[5] Эльяшевич Фаина Осиповна (1877–1941) – юрист, общественный деятель. Училась в Берлине. В эмиграции член правления общества «Быстрая помощь». Давняя знакомая семьи Муромцевых (Эльяшевичи были хорошо знакомы с родителями Буниной). Жена профессора В.Б. Эльяшевича (1875–1956). Бунины упорно писали их фамилию с «Е».

[6] Михельсон Наталья Игнатьевна – общественная деятельница. Знакомая Буниных.

[7] Шлезингер Фанни Самойловна (Fanny Schlesinger; 1884–1959) – подруга Буниной. До революции жила в Москве. В эмиграции жила в Париже и в Швейцарии, под Берном.

[8] Тесленко Николай Васильевич (1870–1942) – адвокат, общественный деятель. С 1899 г. присяжный поверенный. Депутат II и III Государственной думы. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1921 г. в Париже. Работал в банке, юрисконсультом ряда предприятий, имел частную практику. Председатель Объединения русских адвокатов во Франции, с 1931 г. председатель Комитета помощи русским писателям и ученым.

[9] Каллаш Мария Александровна (урожд. Новикова; лит. псевд. М. Курдюмов; 1886–1955) – журналистка, писательница, религиозный деятель. Автор книги о творчестве А.П. Чехова «Сердце смятенное» (Париж: YMCA-Press, 1934), высоко оцененной Буниным и использованной им в работе над книгой «О Чехове». Принимала активное участие в церковной деятельности

эмиграции. В 1931 г. одна из основателей Трехсвятительского подворья в Париже. Подруга Буниной.

[10] Об этом В.Н. Бунина уже успела сообщить мужу в обычном письме 18 апреля 1940 г.: «Каллаш пригласила нас в воскресенье – испечет пирог» (РАЛ. MS 1067A/250).

[11] Семейная пара – юрист Сергей Владиславович Каминский (1883–1969) и его жена, врач Лидия Абрамовна (урожд. Асс; 1877–1970) – была дружна с Буниными, оба супруга занимались общественной деятельностью, входили в правление общества «Быстрая помощь», в котором видную роль играла В.Н. Бунина.

[12] «котелок на огне» (фр.), горячее блюдо традиционной французской кухни.

[13] Зеелер Владимир Феофилович (1874–1954) – общественно-политический деятель, журналист, юрист, с 1920 г. в эмиграции в Париже, один из руководителей Земгора, секретарь Союза русских адвокатов во Франции, один из организаторов (1921), затем генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов.

[14] пропуск (фр.).

[15] Михельсон Александр Михайлович (1883–1976) – экономист, специалист по финансовому праву. Преподавал в Парижском университете и в Коммерческом институте в Париже. Экономический обозреватель газеты «Последние новости». Позже вице-председатель Русской академической группы (1958–1964), член-корреспондент Французской академии наук. Один из финансовых советников И.А. Бунина.

[16] Не удалось найти сведений.

[17] Манухина Татьяна Ивановна (урожд. Крундышева; 1885/6–1962) – писательница (псевд. Т. Таманин), журналистка, общественный деятель. Хорошая знакомая Буниных (см. письма Манухиной к Буниной: Вестник РСХД. 1996–1997. № 173–175).

[18] Михайлов Павел Александрович (1878–1962) – юрист, приват-доцент Новороссийского университета. В 1922 г. выслан из Советской России, жил в Париже. В 1923–1926 гг. преподавал государственное право на юридическом факультете Парижского университета и во Франко-русском институте, затем занимался торговлей антиквариатом. Член правления Парижской академической группы.

[19] Не удалось найти сведений.

[20] Не удалось найти сведений.

[21] Не удалось найти сведений.

[22] Кампанари Лев Дмитриевич (?–1940) – муж Е.Н. Кампанари, покончил с собой. К тому времени И.А. Бунин уже получил письмо от Б.К. Зайцева от 16 апреля 1940 г., в котором тот рассказывал о случившемся: «Помнишь ли ты Кампанари? Елена, его жена, уже 2 года в санатории (туберкулез). Он, оставшись тут один, запутался, запил, завел француженку и растратил 30 тыс. чужих денег. Елена давно чуяла, что дело плохо – наконец, приехала сюда, останови-

лась у нас (прожила 10 дней). Лев Дм<итриевич> где-то “скрывался”. А когда Вера с Еленой поехали на прежнюю квартиру Кампанари, которую пришлось взломать, вот там Л.Д. и оказался. Мертвый. Три недели тому назад открыл газ» (*Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 11 (доп.): Письма: 1923–1971 гг. М.: Русская книга, 2001. С. 117).

[23] Кампанари Елена Николаевна (?–1940) – ближайшая подруга Зайцевых с дореволюционных времен. В Первую Мировую войну сестра милосердия, георгиевский кавалер. В эмиграции в Париже художник по тканям, шляпница в ателье, с конца 1939 г. лечилась от туберкулеза.

[24] Жиров Алексей Матвеевич (1897–1982) – электромеханик, шофер. В разное время служил шофером у Рахманиновых и Конюсов. Муж Е.Н. Жировой, отец О.А. Жировой.

[25] Ника – одно из домашних имен В.Н. Буниной.

[26] Имеется в виду письмо И.А. Бунина от 17 апреля 1940 г., в котором он просил В.Н. Бунину пойти в Париже в писчебумажный магазин на avenue Mozart и купить ему особой бумаги для писем «Int rieur № 66 pour Omo-Ring-Book» (РАЛ. MS 1066A/257).

MS. 1067/40

№ 2. 21 апреля. Воскресенье

Новости Пасси

Вчерашний номер не вышел в свет по независимым от редакции причинам[1].

Всем, всем, всем

Вести, толки, мнения

Nuit calme[2]

В субботу утром

Посещение Зайцевых. Радости, крики. Бодры, здоровы, веселы – успех вечера.

Новости: жена Кепинова[3] в гипсовом корсете уложена на полгода, – девятый позвонок почти не существует. Вспомнили, что была автомобильная катастрофа, от которой они отделались, как им казалось, пустяками.

Наташе[4] лучше. J.P.[5] поправилась. Но Андрея[6] угоняют из Парижа.

Завтра дома с Леней и Лоллием[7].

Посещение Манухиной. Беседа о Блаженном Августине и гностиках и других житейских делах в разрезе религиозном.

Всенощная 81 rue de la Faisanderie[8].

Среди молящихся мы заметили:

М.Н. Сенютович[9], Е.Н. Вышнеградскую[10], Ниночку Вышнеградскую[11], Никиту Вышнеградского[12], Л.Ф. Зурова и др. Служба была изумительная с вербами и свечками. Прислуживали в белых стихарях Леша и Володя, семилетние мальчики, говевшие в первый раз. Леша племянник Серого[13]. Оба очаровательные, один брюнет, другой блондин, и серьезны необыкновенно.

Дома обед – суп, свинина, апельсины.

В 9 ч. – Лоллий.

9 ½ – Алданов занят сбором для Гессена[14].

От матери: взволнованность и слезы на глазах.

Воскресенье.

Михайлов – едет на юг. Приглашение на вторник обедать. Намерение познакомить нас с Клягиным[15]. Приятно, мило.

Обедня.

Среди присутствующих: Ив. Ив. Манухин[16], Т. Ив. Манухина, Л.А. Власова[17] с мужем (сестра Серовой), М.Н. Сенютович, В.С. Яценко[18] и другие.

Завтрак у Шик. Атмосфера дружеская.

Меню: селедка с картофелем, язык с горошком и картофелем, компот. Вина не было. Кофе.

В три дома.

Поход к Кульман.

Пешком и автобус 123.

Нат<алья> Ив<ановна>, похудевшая с испуганными глазами и измученным лицом.

Ник<олай> Кар<лович> в постели на три месяца. Бледный, худой. Тяжелое и грустное впечатление.

Пешком Каллаш.

Настоящий раут. Батюшка Дмитрий Соболев[19], опаздывающий ко всенощной. Катя Муратова[20], Баклэ[21], Авалова[22], Стронов[23] профессор, Круп[24].

Меню: пироги с рыбой и рисом, рыба под соусом томатным с картошкой. Белое вино. (В первый раз здесь.) Атмосфера любовно-веселая. Возвращение при луне пешком.

---

[1] Имеется в виду «вечерний номер», заявлявшийся в предыдущем.

[2] Спокойная ночь (фр.).

[3] Кепинов Леон Иванович (Левон Кепинянц; 1881–1962) – биолог, врач, доктор медицины, общественный деятель. С 1920 г. в эмиграции в Париже. В институте Пастера в Париже руководил физиологической лабораторией. С 1944 г. председатель Русской академической группы. Его жена Елена Павловна (урожд. Гукасова; 1891–1942) скончалась через два года от последствий перенесенной аварии.

[4] Н.Б. Зайцева-Соллогуб, дочь Зайцевых.

[5] Неустановленное лицо.

[6] Андрей Владимирович Соллогуб (1906–1996) – муж Н.Б. Зайцевой, юрист и банкир, во время Второй мировой войны мобилизован во французскую армию, направлен в офицерскую школу.

[7] Львов Лоллий Иванович (1888–1967) – литератор, журналист, критик. С 1919 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Эстонии, Болгарии, Чехословакии, Германии, с 1924 г. в Париже. Член редакционного комитета газеты «Россия и славянство», сотрудник «Возрождения», «Иллюстрированной России» и др.

[8] Церковь преп. Сергия Радонежского при Обществе галлиполийцев (81, rue de la Faisanderie), действовала в Париже по этому адресу с 1932 по 1942 г.

[9] Мария Николаевна Сенютович – дочь Николая Сенютовича, родственница семейства Вышнеградских.

[10] Вышнеградская Елена Николаевна – вдова финансиста и композитора Александра Ивановича Вышнеградского (1867–1925).

[11] Не удалось найти сведений.

[12] Не удалось найти сведений.

[13] Вероятно, имеется в виду Серов Сергей Михеевич (1884–1960) – военный врач, общественный и церковный деятель. Участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Париже. Заведовал амбулаторией имени Св. Патриарха Тихона при Сергиевском подворье, бесплатно лечил русских актеров, художников, литераторов, в том числе семьи Буниных, Зайцевых, Шмелевых, Осоргиных.

[14] 27 апреля 1940 г. М.А. Алданов писал И.А. Бунину: «Получил известие о приезде Веры Николаевны, хотел ее повидать. Был у нее, долго разговаривали, она здорова и так же мила, как всегда. Видел я у нее и Зурова, и Л. Львова» (ОРЭУ. Gen 565). В связи с чем Алданов занимался сбором для Гессена, не удалось установить.

[15] Клягин Александр Павлович (1884–1952) – инженер-технолог, предприниматель. В России служил в аппарате строительства железных дорог. В 1912–1914 гг. представитель Министерства путей сообщения во Франции

и Бельгии. В эмиграции жил во Франции, принял французское гражданство. В начале 1940-х познакомился с Буниными, помогал им деньгами. Позже Бунин написал предисловие к книге Клягина «Страна возможностей необычайных» (1947).

[16] Манухин Иван Иванович (1882–1958) – врач, доктор медицины. Муж Т.И. Манухиной. Жил в Париже. Лечил многих русских эмигрантов бесплатно, помогал неимущим. Автор большого количества научных работ.

[17] Власова Любовь Александровна (урожд. Лихонина; 1901–1980) – сестра М.А. Серовой. Пела в хоре Галлиполийской церкви.

[18] Не удалось найти сведений.

[19] Соболев Дмитрий Николаевич (1887, Москва – 1961, Париж, пох. на клад. Сент-Женевьев-де-Буа) – протоиерей. Участник Белого движения. В эмиграции в Константинополе, с 1921 г. в Югославии, принял священство (1922), служил в сербских приходах. С 1925 г. во Франции, священник разных приходов в Лилле, Гренобле и др., с 1936 г. помощник настоятеля Трехсвятительского подворья в Париже.

[20] Муратова Екатерина Сергеевна (урожд. Урениус; в первом браке Грифцова; 1891–1968) – переводчица, жена П.П. Муратова (1881–1950).

[21] Не удалось найти сведений.

[22] Возможно, княгиня Нина Ивановна Авалова (урожд. Миллер; 1897–1970), член Братства Св. Иоанна Предтечи при храме Трех Святителей в Париже.

[23] Не удалось найти сведений.

[24] Не удалось найти сведений.

MS. 1067/41

Двойной номер

22–23 апреля.
Чистый понедельник и чистый вторник

Новости Пасси
Ежедневная газета

Всем, всем, всем

Тихо скончался с 21 на 22 в ночь
Лазарь (Илья) Осипович Гавронский[1]

Вести, толки, мнения, слухи

Понедельник, вторник, среда

Отсутствие мяса три дня, как и сладостей.
По вторникам закрыты булочные

—

Во всех храмах чудесные великопостные службы.
В Галлиполийской церкви[2] без певчих эти дни.
На Буало чудное пение.
Особенно хорошо исполнили «Да исправится молитва моя».
Народу эти дни мало.

—

В понедельник 22 апр.

Обед у Аитовых[3] в семейном кругу. Лакей в белых перчатках. Меню: суп из легюмов, три рыбки макро и бабки из макарон, апельсины и грецкие орехи.

Хозяин ругал Манухина и Залманова и тех, кто у них лечится, обзывал дураками и идиотами. Замечание: возражений не слушает.

Сын его на фронте. Дочь красивая, медичка 3 курса, мобилизована.

В Салоне слушали радио и из Москвы. Точно передают французское радио, конечно, в переводе.

Слушали Грига (Пер Гюнт). Потом пластинки Шаляпина – «2 гренадера», «В 12 ч. по ночам», «Вдоль по Питерской». В 10 ч. дали ликера – бенедиктин.

Около 11 – ушли.

Во вторник 23.
Преждеосвященная литургия в Храме на улице Буало.
Потрясающее впечатление «Да исправится молитва моя».
Вообще преждеосвящ<енная> обедня красоты потрясающей.
Народу на донышке. Знакомых никого.

—

Путешествие на виллу la Miche.
Пешком до porte de St Cloud к церкви.
№ 1 автобус.
Пешком до виллы Цетлиных.

Там свячение. М<ария> С<амойловна> и М<ихаил> Ос<ипович> едут на похороны И<льи> Ос<иповича>. Меня М<ария> С<амойловна> отговорила ехать. Завтрак на скорую руку. Назначение свидания в пятницу в 4 часа у La Fontain'a.

Моя беседа с С.Юл. Прегель[4]. Получение 100 фр., обещание взять с брата[5] или Шурочки[6], и давать подписи.

Рассказы о выступлении Марги[7]. Реклама. Вообще я везде, где можно, очень хвалю recital[8].

—

Использование телефона.

Кодрянские[9] еще в отъезде.

Визит condoléance[10] к Е.С. Кянджунцевой[11]. Когда говорит о муже, плачет. Уже чувствует будни горя.

Приход ее племянника «Арманьяка»[12] Гукасова из «Возрождения».

Чай с черным хлебом и маслом, сдобным белым «стриктом», будто от Барталеса.

Сын его на фронте. Жена вся в работе по отсылке пасхальных посылок на фронт.

Разговоры о «текущем моменте», о Пэке[13] – весел, толст, ловко «устроился», 5 дней в неделю бридж, иногда и с обедом...

Пешком по Longchamps до Галлиполийской церкви.

Всенощная на rue Faisanderie, среди трех присутствующих Л.Ф. Зуров.

Ушли до окончания. Зашли к кн. Оболенской[14] – нужно отказаться было Лени от обеда, перенести на четверг вечером.

Обед у Михайловых. Меню: сардинки, редиска колэн под соусом, молодая картошка, спаржа, апельс<иновый> компот, хорошее красное вино.

Радио – Москва – сообщения – 6 симфония Чайковского.

—

Послезавтра Мигуэлло[15] едет с утренним поездом. Ночевка в Марселе. В пятницу – Ницца, Grand' hotel, везет две картины.

—

Письмо от Олен<иной> D'Al<geym>[16]. Предлагает свидание в пятницу 4 ч. 30 дня, как раз час свидания с М.С. <Цетлиной>. Предложу субботу.

Леня получил «путевку», билет бесплатный.

Сбор для него буду делать, когда он уедет. Сейчас имею – только 150 fr.

Купил легкие желтые башмаки и 2 пары носок и галстук.

Носится с планом устроить экспедицию по изучению церквей в Бретани и Нормандии.

Моды:

Мадам Ельяшевич переделывает мне шляпы.

Мой костюм уже застегивается, как следует, не знаю, растянула или я похудела еще.

Видом моим все довольны. Некоторые говорят, могу быть манекеном.

Шляпы все очень высокие спереди.

---

[1] О его кончине было сообщено в газетах: «Лазарь (Илья) Осипович Гавронский, зубной врач, тихо скончался в ночь на 21 апреля 1940 г., о чем с глубокой скорбью извещает семья» (Последние новости. 1940. 23 апреля. № 6966. С. 1). Бунин узнал об этом из газет и написал В.Н. Буниной 25 апреля 1940 г.: Только что отправил тебе вчера, душа моя, письмо, как принесла Г<аля> из города “Посл<едние> н<овости>” – “тихо скончался” Гавронский. Что же мне теперь делать?» (РАЛ. MS 1066A/262).

[2] См. примеч. 6 к № 2.

[3] Лечивший Бунина доктор медицины, кардиолог Владимир Давыдович Аитов (1879–1963) и его жена (во втором браке) Маргарита Николаевна Аитова (урожд. Бернштейн; в первом браке Маргулиес; 1876–1969), тоже доктор медицины, общественный деятель.

[4] Прегель Софья Юльевна (1897–1972) – поэтесса, прозаик, мемуаристка, издатель, общественная деятельница. С 1921 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Берлине, с 1932 г. постоянно жила в Париже, в 1942-м переехала в Нью-Йорк. Подруга Буниной.

[5] Прегель Борис Юльевич (1893–1976) – физик-атомщик, инженер, предприниматель, общественный деятель. После Второй мировой войны жил в Париже и Нью-Йорке, возглавлял радиевые и урановые компании. Член множества международных организаций, в частности, Совета директоров Литературного фонда, глава французского университета в Нью-Йорке, президент нью-йоркской Академии наук.

[6] Прегель Александра Николаевна (урожд. Авксентьева; в первом браке Болотова; 1907–1984) – художница, ученица Н.С. Гончаровой. Дочь М.С. Цетлиной и Н.Д. Авксентьева. Жена Б.Ю. Прегеля.

[7] Степун Маргарита Августовна (1895 или 1897–1972) – певица (контральто). Сестра Ф.А. Степуна. С 1920-х в эмиграции в Германии, солистка оперного театра в Геттингене, затем в Нюрнберге. Вместе с Г.Н. Кузнецовой периодически жила в доме Буниных в Грассе, после войны обе перебрались в США, затем в Женеву. О каком ее выступлении здесь идет речь, непонятно.

[8] сольный концерт (фр.).

[9] Врач, бизнесмен, меценат Исаак Вениаминович Кодрянский (Jacques Codray; 1894–1980) и его жена, писательница Наталья Владимировна Кодрянская (урожд. фон Гернгросс; 1901–1983), автор сказок и «повестей для

юношества». В 1940 г. Кодрянские перебрались в США, но часто приезжали в Европу.

[10] соболезнование (фр.).

[11] Кянджунцева Елизавета Самуиловна – вдова инженера и предпринимателя Гайка Григорьевича Кянджунцева (?–1939), скончавшегося незадолго до того.

[12] Имеется в виду Арменак Павлович Гукасов, сын нефтепромышленника и финансиста Павла Осиповича Гукасова (1858–1937), родного брата Абрама Осиповича Гукасова (Гукасянц; 1872–1969), основателя и и издателя газеты «Возрождение» (Париж, 1925–1940), в которой печатался И.А. Бунин. Елизавета Самуиловна Кянджунцева была родной сестрой жены П.О. Гукасова Евгении Самуиловны, так что А.П. Гукасов действительно приходился ей племянником.

[13] Пэка – одно из домашних имен Николая Рощина (наст. имя Николай Яковлевич Федоров; 1896–1956), подолгу жившего у Буниных, начиная с 1924 г. В 1946 г. вернулся в СССР.

[14] Из контекста непонятно, о какой именно Оболенской речь.

[15] Так В.Н. Бунина иногда именовала П.А. Михайлова.

[16] Оленина д'Альгейм Мария Алексеевна (урожд. Оленина; 1869–1970) – камерная певица (меццо-сопрано), в 1918–1959 гг. жила в Париже, концертировала до 1935 г.

MS. 1067/42

№ 4 и № 5 – № 6

Новости Пасси

ежедневная газета 24–25–26 апреля

Всем, всем, всем, всем

Вести, слухи, толки

Заходил на рю Jacques Offenbach Пэка[1]. Танту[2] не застал. Бросился к Лене. Сидели в кафе. Узнал о болезни, взволновался. Просил звонить по телефону в газету.

В зубоврачебном кабинете Таты[3].
Запломбирован зуб.

Моды
В мастерской Фаины.
Переделана по моде фетровая шляпа, падает на лоб.

Церковь на рю Faisanderie. Обедня и Всенощная. Служил отец Афанасий[4].

Среди молящихся М.Н. Сенютович.

—

Церковь в Кламаре, напоминающая часовню на Валааме.

Служит отец Киприан[5] и Чертков[6].

Среди молящихся мы заметили Ф.Ос. и В.Б. Ельяшевичей, В.А. и Б.К. Зайцевых и О. Ходасевич[7].

Завтрак у Ельяшевич.

Меню: селедка, суп и пирог с рыбой и рисом, компот, кофе.

—

12 Еванг. на рю de la Faisanderie.

Среди молящихся: Т.Ив. и И.И. Манухины, Е.Н. Вышнеградская с сыном, М.Н. Сенютович, Л.Ф. Зуров.

Ужин у Каминских.

Меню: селедка, винегрет, андав. Чай с вареньем.

Вынос Плащаницы на рю Люрмель.

Среди молящихся: Ильин[8], Мочульский[9], Фондам<инский>, Федоров, Ф.Ос. Ельяшевич, служил Клепинин[10].

У всенощной с погребением: среди молящ<ихся> на рю Faisanderie: Манухин, Минаев[11], Зуров, М.Н. Сенютович, Григуль[12].

Фельетон.

Заметки о православных церквях в Париже.

За Страстную нам пришлось побывать в нескольких церквях и каждая имеет свое лицо от того, кто главным образом в ней бывает и от места, где находится.

Галлиполийская церковь отличается подтянутостью.

Особенно поразило сегодня на всенощной после того, как мы были на выносе Плащаницы у Матери Марии[13]. В первой церкви мужчины все с выправкой, многие в черных парах, выбриты, за обедней – дети с няньками, все чисто, светло; во второй почти все запущены с измученными интеллигентными лицами, многие расхлябисты. Тесноты нигде не было.

В церкви в Кламаре – аристократические лица, много женщин, есть и в тайном постриге, дети, церковь очаровательная служит отец Киприан и Чертков, – тонкие аристократы по крови. Хор поет хорошо из женских голосов.

Были и в нижней церкви на рю Daru – народу было в тот день мало (18 апр<еля>), завтра надеемся отстоять обедню в верхней церкви – там публика смешанная, скорее буржуазная, и Корнилов[14], и Коковцов[15], и Манухины, и Куриленко[16] и много других, придает колорит и сестричество. Хор Афонского[17] прекрасен.

Были мы раз и в Антоньевской церкви, больше всего в ней есть что-то от русских приходов. Церковь богатая, ризы, хор, все как подобает. Публика из бывших сановников, бывших чиновников, очень правых зубров.

В.Н.

Говорят, что Карташов сошел с ума, стал похож на ниццких правых людей, жид с языка не сходит.

—

Кодрянские не приехали.

---

[1] Н.Я. Рощин.

[2] Вероятно, калька с французского tante, тетя.

[3] Тата – Малинина Татьяна Сергеевна (урожд. Каминская; 1908–1983), зубной врач. Лечила Буниных и Зурова. Дочь Л.А. Каминской.

[4] После того, как 1939 г. о. Виктор Юрьев был назначен настоятелем Введенского храма в Париже (на ул. Оливье-де-Серр), новым настоятелем Церкви преп. Сергия Радонежского при Обществе галлиполийцев (81, rue de la Faisanderie) в 1939–1941 гг. был игумен Афанасий (Петров Александр Александрович; 1892–после 1960), участник Первой мировой войны и Белого движения, начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1930–1931), настоятель русского православного храма в Каире (1932–1938).

[5] Киприан (Керн Константин Эдуардович; 1899–1960) – архимандрит, богослов, историк церкви. С 1920 в эмиграции в Константинополе, затем в Белграде. Окончил богословский факультет Белградского университета (1925). Преподаватель Духовной семинарии в Битоле (1925–1927, 1931–1936). В 1927 был пострижен в монашество и рукоположен в иереи. С 1936 г. в Париже, профессор Богословского института (1936–1960).

[6] Чертков Михаил – до революции земский деятель. В эмиграции православный священник во Франции, настоятель прихода в г. Пти Кламар. Принимал участие в работе Объединения «Православное дело».

[7] Ходасевич Ольга Борисовна (урожд. Марголина; 1899 или 1890–1942) – четвертая жена В.Ф. Ходасевича. В эмиграции жила в Швейцарии, затем во Франции. В 1939 г. приняла православие. Погибла в концлагере.

[8] Неясно, который из Ильиных имеется в виду, возможно, философ Владимир Николаевич Ильин (1890–1974).

[9] Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) – литературовед, критик. Автор книг о творчестве Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева. Преподавал в Сорбонне и Св.-Сергиевском Православном богословском институте в Париже.

[10] Клепинин Дмитрий Андреевич (1904–1944) – иерей, общественный деятель. С 1920 г в эмиграции в Константинополе, затем в Белграде, с 1925 г. в Париже. С 1937 г. священник. Один из основателей Объединения «Православное дело», настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы. Погиб в концлагере.

[11] Не удалось найти сведений.

[12] Возможно, Григуль Мария Владимировна (урожд. Кондратьева; 1887–1966), жена офицера Корниловского ударного полка Петра Яковлевича Григуля (1892–1971), председателя Общества галлиполийцев.

[13] Т.е. в *церкви* Покрова Пресвятой Богородицы (77, rue de Lourmel, Paris, 15e), основанной матерью *Марией* (Скобцовой).

[14] Корнилов Федор Дмитриевич (1864–1945) – повар, ресторатор, благотворитель. До революции работал в ресторане петербургской гостиницы «Европа», затем выполнял заказы для Царского Села, Петергофа и Зимнего дворца, для великих князей. С 1920 г. в эмиграции в Париже. Работал в ресторане «Эрмитаж», в 1924 г. открыл собственный ресторан «Осетр» и в том же году был признан первым кулинаром Франции. Работал шеф-поваром в ресторане «Доминик», затем открыл ресторан «У Корнилова» («Chez Korniloff») по адресу: 6, rue d'Armaill , Paris 17e.

[15] Коковцов Владимир Николаевич, граф (1853–1943) – государственный, общественный, церковный деятель. Сенатор (1900), член Государственного совета (с 1905), министр финансов (1906–1914), затем Председатель Совета министров с сохранением поста министра финансов (1911–1914). С 1918 г. в эмиграции в Париже. Работал в Международном коммерческом банке. Председатель Русско-французской торговой палаты.

[16] Куриленко Екатерина Николаевна (урожд. Рождественская; 1879–1952) – знакомая и соседка Буниных по Парижу: жила в доме № 1 по рю Жак Оффенбах.

[17] Афонский Николай Петрович (1892–1971) – регент. Участник Первой мировой войны и Белого движения. В эмиграции в Германии, затем во Франции. С 1925 г. регент собора св. Александра Невского в Париже, где организовал Митрополичий хор, гастролировавший во многих странах и удостоенный множества наград.

Литература

Ходасевич В. Горький // Современные записки. 1937. № 63. С. 282.

М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М.: Наука, 1969. С. 38–50.

Неизвестный Горький в рукописном журнале «Соррентинская правда» // Максим Горький – художник: Проблемы, итоги и перспективы изучения. Горьковские чтения. 2000 год. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2002. С. 100–106.

Рукописный журнал «Соррентинская правда» № 2 / Вступ. ст. И.А. Ревякиной, публ. и примеч. М.М. Богоявленской и И.А. Ревякиной // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом / Ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 764–795.

Heywood A. Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections / Edited by R. Davies, with the assistance of D. Riniker (revised edition). Leeds: Leeds University Press, 2011. P. 214.

References

Khodasevich V. Gor'kii. *Sovremennye zapiski* [Modern notes]. 1937, no 63, p. 282. (In Russ.)

M. Gor'kii. Khudozhestvennye proizvedeniia. Stat'i. Zametki [Gorky. Works Articles. Notes] Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 38–50. (In Russ.)

Neizvestnyi Gor'kii v rukopisnom zhurnale "Sorrentinskaia pravda" [Unknown Gorky in the handwritten journal "Sorrentinskaia pravda"]. *Maksim Gor'kii – khudozhnik: Problemy, itogi i perspektivy izucheniia. Gor'kovskie chteniia. 2000* [Maxim Gorky – an artist: problems, results and prospects of the study. Gorky reading. 2000], N. Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta Publ., 2002, pp. 100–106. (In Russ.)

Rukopisnyi zhurnal "Sorrentinskaia pravda" № 2 [A handwritten journal "Sorrentinskaia pravda" № 2], vstup. st. I.A. Reviakinoi, publ. i primech. M.M. Bogoiavlenskoi i I.A. Reviakinoi. *S dvukh beregov: Russkaia literatura XX veka v Rossii i za rubezhom* [From the two banks: Russian literature of the twentieth century in Russia and abroad], red. R. Davies, V.A. Keldysh. Moscow, Academy of Sciences Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 764–795. (In Russ.)

Heywood A. *Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections*, Edited by R. Davies, with the assistance of D. Riniker (revised edition). Leeds, Leeds University Press, 2011, p. 214.

"Vesty iz Passy": Vera Bunina's Handwritten Newspaper

Oleg Korostelev

Abstract: The paper is dedicated to the survived V.N. Bunina's handwritten newspaper "Vesty iz Passy" ("News of Passy") (Leeds Russian Archive) which was released in the spring of 1940, after Vera Bunina had moved from Grasse to Paris.

It is shown that the newspaper was not a periodical as such; rather it was chosen by V.N. Bunina epistolary form of a dialogue with her husband and other residents of the Jeannette villa, who remained in the south of France. Before that Vera Bunina used to make attempts to attract her husband's attention in various ways, for example by sending him pages from her diary instead of letters. The newspaper to a certain extent pursued the same goal. This hypothesis is confirmed by I.A. Bunin's letters with the response to the information from the newspaper. The commented complete set of the newspaper issues attached to the article. The texts are to be published in the volume of I.A. and V.N. Bunin's letters which is being prepared for the series Literaturnoe Nasledstvo (Literary Heritage) and will be either a part of the main corpus of the correspondence or will be placed in the Appendix.

Keywords: Russian emigre community, I.A. Bunin, V.N. Bunina, periodicals, correspondence.

Information about author: Oleg A. Korostelev, PhD, deputy director, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: okorostelev@mail.ru

ФОРУМ

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-370-379
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

О филологическом методе (насущные заметки)

С.И. Николаев

Аннотация: Размышления о филологическом методе и теоретических основах литературоведческих исследований были представлены в выступлении на круглом столе «Основания историзирующего прочтения» на XLV Международной филологической конференции Санкт-Петербургского гос. университета (март 2016 г.). Статья на основе доклада будет включена в коллективный труд «Искусство медленного чтения. История, традиция, современность», подготовленный в Отделе теории литературы ИМЛИ РАН. Редакция «ЛФ» благодарит автора, а также ответственного редактора-составителя указанного сборника Н.Н. Смирнову за возможность предварительной журнальной публикации.

Ключевые слова: филологический метод, научная теория, микроистория, историческая антрополрогия, протопоп Аввакум (Петров).

Информация об авторе: Сергей Иванович Николаев, д.ф.н., член-корреспондент РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: sergej_nikolaev2@mail.ru

Я занимаюсь историей литературы и здесь выступаю как историк литературы. Бытует мнение, что историки литературы скептически относятся к теории. И для такого мнения есть все основания. Например, мой учитель академик А.М. Панченко за четверть века никогда не вел со мной разговоров на темы методологии. Иногда он мог иронически высказаться о двух самых популярных в последней четверти XX в. теориях, его ирония была вызвана тем, что эти теории претендовали на объяснение всего. Правда, как-то раз, читая мою курсовую работу, он дошел до цитаты из «Теории литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена и посоветовал: «Уберите эту цитату – это учебник». Мне было жалко, но цитату я убрал и правильно сделал. Больше на такие труды я не ссылался. После кончины А.М. Панченко я собирался написать о нем и хотел сравнить свои соображения с мнением тех, кто знал его гораздо раньше меня. Его старинный товарищ, хорошо знавший его еще с начала 1960-х, на мой вопрос «Что было главное

в методе Александра Михайловича?», ответил без промедления: «Талант». Я с ним согласился, хотя и отогнал непрошенную мысль, что методология – удел бесталанных. Я сказал, что А.М. Панченко не вел со мной разговоров о методологии, и это так. Но не менее справедливым будет утверждение, что четверть века мы с ним говорили только о методологии историко-филологической работы.

Но крупные ученые могли высказываться и резче. Так, А.И. Доватур вспоминал, что академик С.А. Жебелев «терпеть не мог разговоров о методологии. Какой-то немец крупный говорил: "Кто не может говорить по существу дела, тот говорит о методологии". А Жебелев один раз напустился на Андрея Николаевича Егунова, причем несправедливо. Андрей Николаевич считался его любимым учеником. Мы сидим, что-то такое читаем, и только Андрей Николаевич говорит: "Методология...", – Жебелев не дал ему закончить, повернулся к нему: "Кто в вашем возрасте ... говорит о методологии, тот ничего не сделает в науке!" Андрей Николаевич осекся, потому что он совсем не это хотел сказать»[1].

Конечно, тут есть некоторый парадокс. В отличие от мольеровского Журдена, который простодушно не знал, что говорит прозой, Жебелев хорошо представлял себе, что такое методология, а в 1923 г. издал «Введение в археологию»[2]. И вообще, именно крупные ученые оставили замечательные труды по методологии. Сейчас возродился интерес к работам по методологии истории академика А.С. Лаппо-Данилевского[3], не утратила своей ценности «Наука о литературе» Ю. Кшижановского[4], самого крупного в XX в. польского историка литературы и фольклориста. Назову и «Теорию литературы» (1925) Б.В. Томашевского. По списку работ академика В.Н. Перетца можно бы думать, что у него была репутация законченного позитивиста, но в 1914 г. он издал исключительно полезную книгу «Из лекций по методологии истории русской литературы»[5]. Семинарий В.Н. Перетца дал отечественной филологии целую плеяду выдающихся ученых. Новый член семинария должен был показать знание иностранных языков и сделать сообщение о какой-нибудь методологической кон-

[1] *Доватур А. И.* Устные воспоминания / Подг. текста и примеч. Л. Л. Ермаковой // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. СПб., 2014. Вып. 5. С. 195.

[2] См.: *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1–2.

[3] См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории: В 2 т. М., 2010. Т. 1.

[4] См.: *Krzyżanowski J.* Nauka o literaturze. Wyd. 2. Wrocław, 1969.

[5] См.: *Перетц В. Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучений. Методы. Источники. Киев, 1914.

цепции. После этого он допускался к описанию рукописей и текстологической работе с ними. Дэвид Перкинс, автор теоретической книги с провокативным названием «Is Literary History Possible?»[1], вовсе не записной деконструктивист, а автор серьезных историко-литературных трудов об английском романтизме. В действительности историки литературы вовсе не сторонятся вопросов теории, но у них к ним свой подход.

Не так давно я обсуждал с одним магистрантом тему его диссертации. В конце беседы он неожиданно спросил: «А какую избрать методологию?» Я, признаться, несколько запнулся, поскольку считал, что наша беседа была посвящена и этому вопросу. В ответ я рассказал ему следующую историю, такой «притчевый метод обучения». В 2015 г. скончался известный оксфордский филолог-классик Мартин Уэст (1937–2015), он подготовил много изданий древнегреческих авторов, включая «Илиаду», написал ряд книг, в том числе новое пособие по текстологии на смену известному руководству Пауля Мааса. В 2009 г. один мой молодой коллега на фуршете после конференции оказался соседом Уэста и вступил с ним в беседу. Уэсту было уже более 70 лет, он охотно разговорился и, в частности, рассказал, что в 1960-е гг., когда он писал диссертацию, его университетский наставник обучил его британскому филологическому методу. Молодой коллега тут же оживился: «А что это за метод?» – Уэст ответил: «А такого метода и нет: просто надо пользоваться тем, что лучше всего подходит для данной проблемы»[2]. Молодой коллега потом сообразил, что формулировка Уэста соотносится с известными словами знаменитого немецкого филолога-классика Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа: «Ох уж этот хваленый “филологический метод”! На самом деле его попросту не существует, как не существует метода ловить рыбу. Кита бьют гарпуном, лосося острогой, на камбалу наступают ногой, сельдь ловят неводом, форель – на удочку. Где же здесь единый метод рыбной ловли?»[3]

Таким образом, главное в работе историка литературы – проблема, а уже она определяет методы ее решения. Конечно, сформулированный Уэстом британский филологический метод был высказан в

---

[1] См.: *Perkins D.* Is Literary History Possible? Baltimore, 1992.

[2] *Nikolaev A.* M. L. West and the British Philological Method (https://www.academia.edu/14390225/M._L._West_and_the_British_Philological_Method; дата обращения 03.04.2016).

[3] Цит. по: *Schadewaldt W.* Hellas und Hesperien: Gesammelte Schriften zur Antike und zur neuen Literatur. Zürich; Stuttgart, 1970. Vol. 2. P. 606–607.

жанре «застольных бесед», что нисколько не уменьшает его ценности. Но вот что он говорил об изучении литературы в речи на вручении ему премии Бальзана в 2000 г. за труды в области изучения античности: «можно выделить по меньшей мере три различных подхода к изучению литературы. Термин “литературоведение”, по сути, применим только к одному из этих подходов, в то время как моя творческая энергия была в основном посвящена двум другим. Вот эти три подхода: во-первых, рассмотрение внутренних качеств литературных произведений, их красот или огрехов, изучение творческого мира автора, его стиля и метода, и так далее; во-вторых, исследование отношения произведения к внешнему миру: вопросы его датировки и подлинности, его зависимость от предшественников и от традиции, в русле которой это произведение находится, интеллектуальные и культурные влияния, которым был подвержен его автор; и в-третьих, подход, который нередко использует результаты двух предыдущих, ставя своей целью определить, что именно написал автор и что именно он имел в виду. Эти три подхода можно обозначить как литературную критику, историю литературы и филологию. Я считаю себя филологом и историком литературы»[1]. К этой замечательной по своей прозрачности и ясности формулировке добавить нечего. Но она вовсе не так уж и проста, в том числе и слова «что именно написал автор и что именно он имел в виду». Здесь я бы хотел привести проницательное наблюдение нашего филолога-классика А.К. Гаврилова из его очерка об А.И. Доватуре: «Поклонение факту не есть отрицание теории, потому что факты не даны, а лишь устанавливаются как раз с помощью проверки и анализа, и в этом построении реальности для того, кто воссоздает ее, важен не только факт, но и сильное переживание метафизического, если угодно, свойства. Как иначе определить это упорное стремление, невзирая на труд и вечное сомнение, усмотреть в хаотичной груде сохранившихся текстов – этих языковых слепков отрывочной, гениальной, лживой, заторможенной человеческой мысли – обманчивый, часто причудливый и все время ускользающий контур былой действительности? Позитивизм это или нет, но науке нужно именно это, потому что это – дух науки»[2].

Вывод, к которому я так долго подводил, вполне ожидаем: главное в работе историка литературы не методология как таковая, а на-

[1] Опубликовано в кн.: Hesperos: Studies in Ancient Greek Poetry Presented to M.L. West on his Seventieth Birthday / Ed. by P.J. Finglass, C. Collard and N.J. Richardson. Oxford University Press, 2007. P. XX. (Пер. А.С. Николаева).

[2] *Гаврилов А. К.* О филологах и филологии. СПб., 2010. С. 199.

учная проблема. Размышление над проблемой приводит к фактам и к путям решения проблемы. Если же исследователь – особенно начинающий – идет не от проблемы, а от методологии, то довольно часто мы получали и получаем бесконечные хронотопы, интертексты, «локальные тексты» и проч. А вот ценность таких работ далеко не однозначна. И М.М. Бахтин, Ю. Кристева или В.Н. Топоров в этом никак не повинны.

Это были соображения, относящиеся к проблематике, обозначенной в аннотации круглого стола. Обращаясь к теме круглого стола уже в узком смысле, вынужден отметить, что в вихре быстро меняющейся в последние десятилетия литературоведческой моды, сопровождаемой суетой и гонкой, мы не всегда даже успеваем вспомнить двустишие:

И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал....

Между тем, все сказанное мной ранее вовсе не значит, что историк литературы должен чураться новых методов в литературоведении. Наоборот, он должен использовать в своей работе любые методики, позволяющие лучше решить поставленную научную проблему. Мне представляется, что весьма плодотворным является, в частности, метод микроистории, разработанный Карло Гинзбургом. Его труды переведены на русский язык[1], он сам не раз приезжал в Россию, поэтому подробно останавливаться на характеристике его метода нет смысла. Привлекательной стороной метода Гинзбурга является то, что микроанализ не противостоит целостному описанию («метаповествованию») и не отменяет его. Как подчеркивал сам Гинзбург, *микро-* означает *пристальность взгляда*, а не масштаб исследуемого предмета. Существенная особенность метода заключается в том, что рассказ о прошлом языком современности заменяется восстановлением картины прошлого во всей ее целостности, без всяких отсылок к современности, то есть на смену презентизму приходит антиквариз м, что в целом характерно для исторической антропологии. Гинзбург – историк, и его метод разрабатывался для исторических исследований, но методика вполне может быть использована и в работе историка литературы. Попытаюсь показать это на одном эпизоде из Жития протопопа Аввакума.

[1] См.: *Гинзбург К.* Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история: Сб. статей. М., 2004.

Во время скитаний Аввакума по Сибири происходит известный эпизод с падением его жены Настасьи Марковны, которая поскользнулась на льду и не могла подняться, а потом пеняла протопопу: «Долъго ли муки сея, протопоп, будет?» и я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же, вздохня, отвещала: «Добро, Петрович, ино еще побредем». Сразу после этого Аввакум рассказывает о курочке. «Курочка у нас черненька была, по два яичка на день приносила – робяти на пищю божиим повелением, нужде нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ништо чюдо была: во весь год по два яичка на день давала. Сто рублев при ней – плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится – и рыбку клевала, а нам против тово по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая!»[1]

Этот замечательный эпизод отметили В.В. Виноградов в своей статье «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума», Н.С. Демкова при характеристике художественных особенностей Жития, А.М. Панченко в учебнике по древнерусской литературе, В.В. Кожинов в монографии «Происхождение романа»[2]. Приведу только цитату из многократно переиздававшегося учебника Н.К. Гудзия: «Эпизод с курочкой, помещенный вслед за рассказом о тяжелом пути Аввакума с семьей из Даурии на Русь, – одна из любопытнейших жанровых картин в “Житии”, придающих ему характер непринужденного повествования, столь далекого от канонической формы обычного жития»[3]. Казалось бы, курочка у всех на слуху и никуда подеваться не может. Может! В середине 1990-х гг. был опубликован очерк «Древнерусская литературная анималистика», автор которого уделил «Житию» Аввакума отдельную главку на нескольких страницах[4]. Там представлен пестрый и почти барочный бестиарий,

[1] Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. вторая. М., 1989. С. 369.

[2] См.: *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. М., 1980. С. 28; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 461, 463, 467; История русской литературы X–XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. Учебное пособие для педагогических институтов. М., 1980. С. 433; *Кожинов В.* Происхождение романа. М., 1963. С. 230–231.

[3] *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. Изд. 5. М., 1953. С. 452.

[4] См.: *Демин А. С.* Древнерусская литературная анималистика // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М., 1995. С. 89—126.

преимущественно сибирский, но курочку автор даже не упомянул – видимо, это же просто курица, то есть обычная домашняя птица. Получается, с одной стороны, курочка есть, и все ее ценят, а с другой стороны – ее и вовсе нет.

Присмотримся к тексту Жития. Аввакум в небольшом отрывке трижды кряду говорит о том, что курочка «по два яичка на день давала». Почему трижды? Потому что крестьянская аудитория, к которой он обращался и из которой он вышел сам, прекрасно знала, что обыкновенная курица так не несется. «Чудо», как кажется, объясняется необыкновенной, говоря техническим языком, яйценоскостью курочки. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» конца XIX в. говорит, что «Средним числом получают от одной К. в год: ... 60–80 яиц от простой при примитивных условиях содержания, до 200 от культурной»[1]. По данным XX в. яйценоскость куриц колеблется от 140 до 220 яиц в год, только курицы-рекордсменки дают до 365 яиц в год. Вообще-то, это издавна знали и читающие люди. У Эзопа есть басня на эту тему: «О вдове и о курице». Приведу ее в переводе с греческого языка, выполненном в XVII в.: «Некая жена-вдовица име курицу, на всяк день яйца ей родящую. Помысли себе, яко аще болши курице ячмени предлагати, будет дважды днем родити. И сице сотвори. Курица же, отолстевши и тучна сущи, ниже единого яйца днем родити возможе. Толкование. Притча являет, яко любостяжания ради болши желающия и настоящая погубляют»[2]. «По два яичка на день» может давать только чудесная курочка, ее историю и излагает Аввакум и ее нечаянную смерть он искренне оплакивает. Для чудесной яйценоскости курочки у Аввакума наготове и объяснение: «божиим повелением», «Бог так строил». Поскольку Аввакум пишет житие, то в нем должны быть и чудеса. Но для своих житийных чудес он выбирает самый обыденный материал. История черной курочки – это вовсе не жанровая картина, а житийное чудо. В описании черненькой курочки есть еще одна очень важная психологическая черта. Описывая и оплакивая свою любимицу, нелепо и нечаянно погибшую при трагических обстоятельствах, Аввакум ностальгически вспоминает много лет спустя о давешнем и минувшем, о том чудесном и удивительном, что когда-то было у него и скрашивало его трудную жизнь. Конечно, Даурия – это вовсе

[1] *К. Г.* Куры // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Т. 17 (33): Култагой — Лёд. СПб., 1896. С. 116.

[2] *Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р.* Эзоп на Руси. Век XVII. СПб., 2005. С. 219.

не «утраченный рай», но страдания в пустозерской земляной тюрьме были много горше[1].

Для небольшого выступления я выбрал и небольшой фрагмент Жития. Несколько иная оптика и несколько иной инструментарий позволяют, как кажется, увидеть ранее незамеченные контексты и значения, небесполезные для интерпретации Жития. Представляется, что метод микроистории вкупе с антикваристским подходом могут быть плодотворны и для истории литературы, особенно старшего времени. Справедливости ради нужно отметить, что и ранее в отечественной филологии схожие методы применялись, и довольно успешно (см. работы Б.А. Романова, К.В. Чистова, А.М. Панченко и др.). Просто у Карло Гинзбурга метод приведен в систему, вписывающуюся в парадигму исторической антропологии.

Литература

Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

Гаврилов А.К. О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 380 с.

Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. 348 с.

Гудзий Н.К. История древней русской литературы. Изд. 5. М.: Знание, 1953. 512 с.

Демин А.С. Древнерусская литературная анималистика // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М.: Наследие, 1995. С. 89–126.

Доватур А.И. Устные воспоминания / Подг. текста и примеч. Л.Л. Ермаковой // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Вып. 5. 404 с.

Жебелев С.А. Введение в археологию. Пг.: Наука и школа, 1923. Ч. 1–2.

Кожинов В. Происхождение романа. М.: Советский писатель, 1963. 440 с.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: В 2 т. М.: РОССПЭН, 2010.

Николаев С.И. Курочка протопопа Аввакума и выдра Яна Пасека // Russica Romana. 2003. Vol. 10. P. 35–43.

Перетц В.Н. Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучений. Методы. Источники. Киев: тип. «Труд», 1914. 332 с.

[1] См. подробнее: *Николаев С. И.* Курочка протопопа Аввакума и выдра Яна Пасека // Russica Romana. 2003. Vol. 10. P. 35–43.

Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Эзоп на Руси. Век XVII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 552 с.

Krzyżanowski J. Nauka o literaturze. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1969. 520 p.

Nikolaev A. M. L. West and the British Philological Method (https: // www.academia.edu /14390225/ M._L._West_and_the_British_Philological_Method).

Perkins D. Is Literary History Possible? Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992.

References

Vinogradov V.V. *O iazyke khudozhestvennoi prozy* [On the language of fiction]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 360 p. (In Russ.)

Gavrilov A.K. *O filologakh i filologii: Stat'i i vystupleniia raznykh let* [About Philologists and Philology: Articles and speeches of various years]. Saint-Petersburg, S.-Peterb. un-ta Publ., 2011. 380 p. (In Russ.)

Ginzburg K. *Mify-emblemy-primety: Morfologiia i istoriia* [Myths, emblems, signs: Morphology and History]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 348 p. (In Russ.)

Gudzii N.K. *Istoriia drevnei russkoi literatury* [The history of Old Russian literature]. 5 ed. Moscow, Znanie Publ., 1953. 512 p. (In Russ.)

Demin A.S. Drevnerusskaia literaturnaia animalistika [Old Russian literary animalier art]. *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie prirody i cheloveka* [Old Russian literature: Image of the nature and person]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 89–126. (In Russ.)

Dovatur A.I. Ustnye vospominaniia [Oral memories], podg. teksta i primech. L.L. Ermakovoi. *Drevnii mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [Ancient World and Us: Classical Heritage in Europe and Russia]. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, vyp. 5. 404 p. (In Russ.)

Zhebelev S.A. *Vvedenie v arkheologiiu* [Introduction to archeology]. Petrograd, Nauka i shkola Publ., 1923. Vyp. 1–2. (In Russ.)

Kozhinov V. *Proiskhozhdenie romana* [Origins of the novel]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 440 p. (In Russ.)

Lappo-Danilevskii A.S. *Metodologiia istorii* [Methodology of History], v 2 t. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. (In Russ.)

Nikolaev S.I. Kurochka protopopa Avvakuma i vydra Iana Paseka [Protopope Avvakum's Hen and Jan Pasek's otter]. *Russica Romana*, 2003, vol. 10, pp. 35–43. (In Russ.)

Peretts V.N. *Iz lektsii po metodologii istorii russkoi literatury: Istoriia izucheniia. Metody. Istochniki* [From lectures on the methodology of the history of the Russian literature: history of the studies. Methods. Sources]. Kiev, Trud Publ., 1914. 332 p. (In Russ.)

Tarkovskii R.B., Tarkovskaia L.R. *Ezop na Rusi. Vek XVII* [Aesop in Russia. Century XVII]. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 552 p. (In Russ.)

Krzyżanowski J. *Nauka o literaturze*. Wyd. 2. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1969. 520 p.

Nikolaev A. *M. L. West and the British Philological Method* (https: // www. academia.edu /14390225/ M._L._West_and_the_British_Philological_ Method).

Perkins D. *Is Literary History Possible?* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992.

On a Philological Method
(Notes on a Matter of Current Interest)

Sergey I. Nikolayev

Abstract: Current reflexions on a philological method and theoretical basis of the literary research were the subject of the paper presented at the panel "The Grounds for the Historicizing Reading" at the XLV International Philological Conference held in St. Petersburg University, March 2016. The article based on the paper is to be published in the collection *The Art of Close Reading. History, Traditions, Modernity* (Moscow: IMLI RAN Publ., 2017). The Editorial Board of *Literary Fact* is grateful to the author and to N.N. Smirnova, the editor of the collection, for the opportunity to make a preprint in our journal.

Keywords: philological method, scientific theory, microhistory, histprical anthropology, protopope Avvakum (Petrov)

Information about the author: Sergey I. Nikolayev, Doctor Hab. in Philology, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. The Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia. E-mail: sergej_nikolaev2@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-380-452
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Филологический факультет Московского университета в 1949 году. Избранные материалы

П.А. Дружинин

Аннотация: Документы из фонда Министерства высшего образования СССР (Госархив РФ) раскрывают историю «борьбы с космополитизмом» 1949 г. в рядах московских филологов, прежде всего, профессоров и преподавателей МГУ. Эта кампания проводилась в русле общегосударственной политики, направленной на изгнание евреев с руководящих постов в вузах и научных организациях, и получившей название «борьбы с космополитизмом». В результате такой чистки по национальному признаку научные школы и научно-педагогические кадры понесли невосполнимый урон, предопределивший серьезную стагнацию в развитии отечественной науки. Вместе с тем, документы МВО СССР дают неизвестные ранее данные, в частности о запланированной специальной чистке ученых на кафедрах западных литератур вузов Москвы, которая не была осуществлена.

Ключевые слова: история филологии, наука и идеология, космополитизм, 1949 год, антисемитизм, тоталитаризм, политика в области образования, МГУ

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин, к.ист.н., независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: petr@druzhinin.ru

«Борьба с космополитизмом», оставившая в 1949 году неизгладимый след в судьбе отечественной науки, имеет свою большую, трагическую историю. Причиной рождения этого исторического феномена стало несколько факторов. Основными мы считаем два: во-первых, желание руководства страны (в лице главного гражданина СССР) ликвидировать послевоенное разномыслие, окончательно усмирить интеллигенцию, поставив ее на службу главной идее момента истории – «догнать и перегнать» Соединенные Штаты Америки. Во-вторых, именно в 1949 году получила свое развитие сформированная мироощущением той же инстанции политика «государственного антисемитизма»; причем последняя не просто символизировала нетерпимость к проявлению некоторыми гражданами своей национальной идентичности, но демонстрировала расцвет исконно-русского, «махрового» антисемитизма, который сдерживался все годы существова-

ния советского общества. Синергетический эффект этих факторов, когда в результате кампании 1949 года значительное число русских ученых (преимущественно евреев по крови) были лишены возможности продолжить свою научную и преподавательскую деятельность, стал приговором и науке в целом. Отдельные направления оказались лишены главных своих представителей, а результаты стагнации в гуманитарных науках после «чистки 1949 года» ощущаются до сего дня.

В свое время нами была в подробностях рассмотрена ситуация, сложившаяся в данном контексте в филологической науке Ленинграда, прежде всего, изгнание «литературоведов-космополитов» из Ленинградского университета и Пушкинского Дома Академии наук СССР[1]. В силу обособленности Ленинграда как научного и политического центра вкупе с раскручиванием «Ленинградского дела», ситуация там в 1949 году оказалась особенно тяжелой. Однако ученых-евреев шельмовали тогда на просторах всей нашей бескрайней родины, в том числе и в Москве: в Институте мировой литературы Академии наук СССР и на филологическом факультете Московского университета, в других советских учреждениях.

Мы сделали выборку документов, посвященных «борьбе с космополитизмом» на филологическом факультете МГУ, которые сохранились в фонде Министерства высшего образования (МВО) СССР в ГА РФ.

Именно МВО СССР должно было, с одной стороны, проводить кадровую и идеологическую политику руководства страны в подчиненных учреждениях; с другой – должно было отчитываться перед тем же руководством о своих действиях по проведению этих решений. То есть нам представляется, что все действия МВО СССР и его руководителей были в значительной степени вынужденными, и будь ситуация в стране иной – ни министр С.В. Кафтанов, ни его верные замы и помы – А.М. Самарин, К.Ф. Жигач, А.В. Топчиев и прочие им подобные не оказались бы столь кровожадными. Однако ссылки на эпоху, на то, что происходило всё, говоря словами Б.М. Эйхенбаума, «в это дикое время, среди этого мракобесия, лакейства и подлости», ни в коем случае не должно и не может оправдать послушных и квалифицированных исполнителей высочайшей воли, которые являлись звеньями единого механизма советского тоталитаризма – жестокого и беспощадного.

---

[1] См.: *Азадовский К., Егоров Б.* О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157–176; *Они же.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83–135; *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. Т. 1–2. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Судьба «космополитов» филологического факультета МГУ неразрывно связана с судьбой всех «литературоведов-космополитов» Москвы. Каждое научное и учебное учреждение в 1949 году в обязательном порядке выявило таковых, и потом их публично линчевало на общих собраниях. Ученых там разоблачали, унижали, топтали, доводили до инфарктов... Но никаких кадровых решений формально не принималось – оргвыводы были прерогативой партийных и государственных органов; и приговор об изгнании профессора из вуза выносило (или санкционировало) только Министерство высшего образования или сектор науки ЦК. Чтобы соблюсти заведенный порядок, сперва МВО снаряжало комиссию, которая работала в вузе рука об руку с парторганизацией, или даже с параллельной комиссией райкома партии; эта комиссия делала вывод о неудовлетворительности ситуации и ее «виновниках». Затем проводились партсобрания и открытые заседания ученых советов – именно эти линчевания «прославили» кампанию 1949 года. И только после всех этих мероприятий выносился окончательный приговор. Для его вынесения обычно созывалось специальное заседание Коллегии МВО СССР, к этому заседанию заранее готовился проект решения; на заседание Коллегии приглашались, и там же выслушивались, ректоры и деканы, затем вопрос обсуждался членами Коллегии, редактировались подготовленные проекты решений. После того, как Коллегия подготовила итоговый документ, его визировал и редактировал министр С.В. Кафтанов, и далее документ отправлялся на согласование в ЦК ВКП(б), и уже после одобрения (редактирования) главной инстанцией – подписывался итоговый документ, обычно в форме приказа МВО СССР.

Заседания коллегии МВО проходили в закрытом режиме, и сохранившиеся материалы – протоколы и стенограммы – имеют гриф «Секретно». Этот гриф объясняется не столько тотальным засекречиванием в годы позднего сталинизма, связанным со страхом перед мнимыми действиями западных спецслужб, сколько специфическими и вечными чертами отечественного делопроизводства, когда секретность есть верный помощник в принятии неправых решений.

Наиболее важные решения Коллегии, можно сказать программные, превращались в приказ министра и публиковались в ведомственном издании «Бюллетень Министерства высшего образования СССР»; таким образом, охват аудитории многих приказов оказывался значительно шире, нежели профессорско-преподавательский состав какого-либо одного конкретного вуза: он фактически становился директивой всем вузам страны.

Судьба московских литературоведов обсуждалась на заседании Коллегии МВО СССР 23 апреля 1949 года. Примерно за неделю до

заседания был приготовлен и размножен на ротаторе проект решения Коллегии, которое было озаглавлено «Об антипатриотической деятельности группы космополитов на кафедрах западной литературы в высших учебных заведениях Москвы», тем самым практически перекликаясь с заголовком общеизвестной статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», которая была напечатана 28 января в «Правде» и символизировала начало кампании по «борьбе с космополитизмом».

Однако именно в эти дни в Кремле решили, что если не сорвать стоп-кран, то всесоюзное избиение евреев лишит социалистическое отечество столь великого числа квалифицированных специалистов во всех областях, что невозможно будет ни «догнать», ни уж тем более «перегнать». И неожиданно разоблачение «евреев-космополитов» было спущено на тормозах. Конечно, проработали «для профилактики», притом сурово, но той гигантской бойни, которая была в Ленинграде – Московскому университету и западным кафедрам столичных вузов удалось избежать. Около 10 марта 1949 года на совещании в ЦК М.А. Суслов уже директивно распорядился поумерить пыл в деле повсеместного разоблачения «безродных космополитов».

Вопрос «Об антипатриотической деятельности группы космополитов на западных кафедрах», рассмотрение которого стояло в плане Коллегии МВО на 23 апреля 1949, был снят за два дня до заседания, превратившись в нейтральный «О состоянии преподавания западной литературы в вузах г. Москвы», которому предшествовал вопрос «О работе филологического факультета МГУ». Причем, если первоначальный проект решения о «евреях-космополитах», был подготовлен К.Ф. Жигачем и А.В. Топчиевым за неделю до заседания (он был размножен на ротапринте для участников Коллегии), то «новые» проекты, которые следовало писать уже в ином ключе, готовились министерством в страшной спешке – проект решения по вопросу филологического факультета МГУ был завершен лишь накануне – 22 апреля, а по второму вопросу – проект подготовить не успели вовсе. Однако и обсуждение, и решения Коллегии не могли не соответствовать ожиданиям партии и народа. К тому же, в составе Коллегии были проверенные бойцы идеологического фронта, которые хотя бы ради собственного спокойствия должны были «принять меры». Именно они в течение двух дней (23 и 24 апреля) обсуждали насущные вопросы высшего образования.

Ниже мы приводим ряд архивных документов, относящихся к памятному заседанию Коллегии 23 апреля 1949 года, которое проходило под председательством заместителя министра, металлурга А.М. Самарина. Документы снабжены необходимыми комментариями, лаконичность которых объясняется ограниченностью объема

данной публикации. Для сравнения мы оставили в составе стенограммы пункт с обсуждением состояния западных кафедр, а в виде приложения – проект решения по этому вопросу; указанные дополнения позволяют не только увидеть, как ужасающе могло повернуться это обсуждение для «литературоведов-космополитов», но и то, насколько все-таки сравнительно легко отделался в 1949 году коллектив филологического факультета МГУ.

При обсуждении интересующих нас вопросов на Коллегии МВО присутствовало, не считая стенографисток, более тридцати человек. Кроме председательствующего в этот день в зале заседаний сидели члены Коллегии, сотрудники министерства, а также приглашенные лица, в том числе представители партийных органов: П.И. Жеребцов – зам. завсектора науки Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) и Г.А. Белов от МК ВКП(б). Из профильных специалистов при обсуждении вопросов литературоведения присутствовали: декан филологического факультета МГУ Н.С. Чемоданов, который выступил с неизбежным в таких случаях докладом (доклад не стенографировался, будучи заранее написан и согласован с начальником Главного управления университетов К.Ф. Жигачем); декан филологического факультета ЛГУ Г.П. Бердников (он приехал из Ленинграда специально чтобы поделиться с коллегами опытом разоблачения космополитов в литературоведении); два профессора МГУ, которые одновременно были сотрудниками Агитпропа ЦК – зав. кафедрой советской литературы Е.И. Ковальчик и яркий представитель «нового учения о языке» лингвист-востоковед Г.П. Сердюченко.

То обстоятельство, что разгром евреев был отменен властною рукою, требовало нового формального повода для «критики» филологического факультета – им стала ситуация в области языкознания, уже несколько месяцев горячо обсуждавшаяся на заседаниях и в печати, вполне понятная участникам событий. По этой причине на заседание Коллегии был вызван и формальный виновник – академик В.В. Виноградов, еще в начале учебного года смещенный с поста декана факультета и замененный на этом посту Н.С. Чемодановым. Впрочем, если учитывать пятый пункт, для Виктора Владимировича это заседание не предвещало серьезных последствий, а оправдываться за минувшие месяцы он уже привык.

Итак, предоставим слово документам. Их в данном случае три: 1) фрагмент протокола заседания коллегии МВО от 23 апреля 1949 года; 2) стенограмма обсуждения доклада декана филологического факультета МГУ на коллегии МВО 23 апреля 1949 года; 3) проект решения Коллегии МВО, подготовленный к заседанию накануне (вторая редакция, от 22 апреля). Ошибки в написании имен и фами-

лий, нередко встречающиеся в такого рода документах, были исправлены нами без дополнительных оговорок. В приложении публикуется проект решения Коллегии в первоначальной редакции.

1.

Секретно

Протокол № 7
Заседания Коллегии Министерства высшего образования СССР
Москва, 23–24 апреля 1949 г. [1]

III. О РАБОТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

(т.т. Чемоданов Н.С.[2], Жигач К.Ф.[3], Сидоров А.Л.[4], Сердюченко Г.П.[5], Ковальчик[6], Бердников[7], Василенок[8], Самарин А.М.[9]).

---

[1] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 218. Л. 39, 43–49.

[2] Чемоданов Николай Сергеевич (1903–1986), лингвист, специалист по германским языкам, к.ф.н. (1940), профессор МГУ (1949); с 1943 по 1948 сотрудник ВКВШ при СНК (МВО СССР), декан филологического факультета МГУ в 1948–1950, впоследствии – доктор наук (1971); муж лингвиста Мирры Моисеевны Гухман (1904–1989).

[3] Жигач Кузьма Фомич (1906–1964), специалист в области химии нефти, в 1949–1951 начальник Главного управления университетов МВО СССР, член Коллегии МВО, активный участник борьбы с космополитизмом.

[4] Сидоров Аркадий Лаврович (1900–1966), историк, специалист по истории ВКП(б) и рабочего движения, в 1930-е на партийной работе, доктор исторических наук (1943), проректор МГУ в 1948–1952.

[5] Сердюченко Георгий Петрович (1904–1965), лингвист, сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), в 1948–1950 – профессор и зав. кафедрой кавказских языков МГУ, сторонник и трибун Нового учения о языке академика Н.Я. Марра.

[6] Ковальчик Евгения Ивановна (1907–1953), литературовед, критик, зав. кафедрой советской литературы филологического факультета МГУ. В 1945–1946 зам. отв. редактора «Литературной газеты», с 1946 – консультант Управления пропаганды и Агитации ЦК ВКП(б), в 1946–1948 отв. секретарь газеты «Культура и жизнь».

[7] Бердников Георгий Петрович (1915–1996), к.ф.н., декан филологического факультета ЛГУ в 1948–1950, активный участник кампании по «борьбе с космополитизмом».

[8] Василенок Сергей Иванович (1902–1982), фольклорист, доцент кафедры фольклора МГУ (1947–1961), специалист по белорусской литературе, автор ряда критических выступлений против «космополитов», в т.ч. соавтор статьи «Против крохоборчества и лжеакадемизма» (Литературная газета. 1949. 26 ноября).

[9] Самарин Александр Михайлович (1902–1970), ученый-металлург, член-корреспондент АН СССР (1946, академик с 1966), заместитель министра высшего образования СССР в 1946–1951.

Проверкой, проведенной Министерством высшего образования, установлено, что в учебной и научной работе филологического факультета Московского университета имеются крупные недостатки.

В лекциях и на семинарских занятиях по русской и зарубежной литературе не показывается прогрессивное влияние русской классической литературы на развитие культуры зарубежных государств. Творчество выдающихся деятелей отечественной культуры: Пушкина, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Тургенева иногда рассматривается как результат влияния западноевропейской культуры.

Некоторые преподаватели проводили антипатриотические, космополитические идеи в своей научной и педагогической работе. Доцент Н.В. Фридман[1] в своих статьях и лекциях о Пушкине принижал его творчество, стремился свести значение великого русского писателя до роли переводчика и ученика третьестепенных зарубежных литераторов. Профессор С.И. Бернштейн[2] в своих лекциях утверждал, что положения классиков марксизма-ленинизма о языке будто бы исходят из учения немецкого шовиниста и идеалиста Гумбольдта. Профессора и преподаватели: Я.И. Металлов[3], А.А. Исбах[4], Т.Л. Мотылева[5], А.А. Аникст[6], М.О. Мендельсон[7], Е.Л. Гальперина[8] в своих

---

[1] Фридман Николай Владимирович (1911–1990), литературовед, доцент МГУ, к.ф.н., впоследствии – доктор наук (1966); специалист по творчеству Батюшкова и Пушкина.

[2] Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892–1970), лингвист, выпускник Петербургского университета, с 1931 года в Москве; профессор МГУ (1947).

[3] Металлов Яков Михайлович (1900–1976), д.ф.н., германист, переводчик, специалист по немецкой литературе XIX в., профессор, до 1947 – зав. кафедрой всеобщей литературы филологического факультета МГУ.

[4] Исбах Александр (наст. имя Бахрах Исаак Абрамович; 1904–1977), писатель, литературовед, зав. кафедрой всеобщей литературы МГПИ; 1949 году арестован, приговорен к 10 годам лагерей, освобожден в 1954, реабилитирован в 1955.

[5] Мотылева Тамара Лазаревна (1910–1992), д.ф.н. (1948), сотрудник ИМЛИ с 1940, уволена в 1949.

[6] Аникст Александр Абрамович (1910–1988), литературовед, историк театра, к.ф.н. (1940), доцент (1946), впоследствии – доктор искусствоведения (1963); начальник кафедры всеобщей литературы Военного института иностранных языков (1944–1949).

[7] Мендельсон Морис Осипович (1904–1982), филолог-американист, в 1922–1931 жил в САСШ, член американской компартии; к.ф.н.; с 1946 преподавал в МГПИИЯ; впоследствии – доктор наук (1956), сотрудник ИМЛИ.

[8] Гальперина Евгения Львовна (1905–1982), литературовед, специалист по зарубежной литературе, доцент филологического факультета МГУ, сотрудник ИМЛИ.

лекциях игнорировали наследие русских революционных демократов, принижали значение великой русской литературы. Некоторые преподаватели-литературоведы в своих лекциях и печатных работах допускали формалистические ошибки и буржуазный объективизм; исходили из теории единого потока развития литературы, отрицающей связь литературы с конкретной исторической действительностью и классовой борьбой (Г.Н. Поспелов[1], Н.Л. Бродский[2], Е.Л. Гальперина, Л.Е. Пинский[3] и др.)

Доцент Л.Е. Пинский давал эстетскую оценку произведениям литературы, исходя из теории «искусство для искусства». Доцент Е.Л. Гальперина пыталась дискредитировать содержание советской литературы, утверждая в лекциях, что «советские писатели умнее своего творчества».

В лекционных курсах по зарубежной литературе излагалась исключительно литература Англии, Германии, Франции, США и замалчивалась богатая литература стран новой демократии. Кафедра советской литературы Московского университета (зав. кафедрой тов. Е.И. Ковальчик) не стала центром перестройки литературоведческих дисциплин на факультете, недостаточно пропагандирует достижения советской литературы и до сих пор не создала курса литературы народов Советского Союза.

Неудовлетворительно работает кафедра фольклора. Заведующий кафедрой фольклора Московского университета проф. П.Г. Богатырев[4] в своих лекциях протаскивал идеалистические теории современной буржуазной фольклористики.

---

[1] Поспелов Геннадий Николаевич (1899–1992), литературовед, специалист по русской литературе XIX века, профессор МИФЛИ (1938), д.ф.н. (1945), после возвращения МИФЛИ в состав МГУ – профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ, и.о. декана филологического факультета МГУ (1944–1945).

[2] Бродский Николай Леонтьевич (1881–1951), литературовед, специалист по русской литературе, д.ф.н. (1939), зав. отделом русской литературы ИМЛИ (1941).

[3] Пинский Леонид Ефимович (1906 – 1981), литературовед, специалист по европейской литературе, к.ф.н. (1936), доцент филологического факультета МГУ (1942 – 1951), арестован в 1951, освобожден в 1956.

[4] Богатырев Петр Григорьевич (1893–1978), славист и фольклорист, профессор МГУ (1940), д.ф.н. (1941), зав. кафедрой фольклора МГУ, уволенный после публикации разгромной статьи С.И. Василенка «Министерство высшего образования поощряет низкопоклонство» (Литературная газета. 1947. 15 ноября).

Ряд научных работников-языковедов в своих лекциях и печатных работах исходил из положений буржуазного языкознания с его лженаучной расовой теорией развития языков (теория праязыка) и идеалистических взглядов современной буржуазной лингвистики. Марксистское учение о языке, созданное академиком Марром Н.Я.[1], на кафедрах сравнительной грамматики индоевропейских языков (бывший зав. кафедрой проф. М.Н. Петерсон[2]), русского языка (зав. кафедрой акад. В.В. Виноградов[3]), романо-германской филологии (зав. кафедрой проф. А.И. Смирницкий[4]) замалчивалось и не получало должного освещения в лекциях и развития в научных трудах.

В учебном пособии акад. В.В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX вв.» проводятся антипатриотические идеи чужестранной основы русского литературного языка и его европеизации, как основного пути развития. Книга акад. В. В. Виноградова «Русский язык», подвергшаяся резкой критике в печати, неудовлетворительна по своим методологическим установкам.

Перестройка работы кафедр русского языка, русской и зарубежной литературы проходит неудовлетворительно. Кафедры не обсуждают основных вопросов истории и теории русской литературы и не воспитывают студентов и аспирантов в духе марксистского языкознания и марксистского литературоведения и критики. Бывший зав. кафедрой сравнительной грамматики индоевропейских языков Московского университета проф. М.Н. Петерсон отрицал советский этап в развитии языкознания и всецело основывал свою работу на отживших идеях русской дореволюционной лингвистики.

Кафедра общего языкознания не является центром методологической перестройки языковедческих дисциплин на факультете и не оказы-

---

[1] Марр Николай Яковлевич (1865–1934), лингвист, специалист по кавказским языкам, создатель теории глоттогонического процесса – «Нового учения о языке», академик Петербургской Академии наук (1912), АН СССР, вице-президент АН СССР (1930–1934).

[2] Петерсон Михаил Николаевич (1885–1962), лингвист, профессор МГУ (1919), д.ф.н. (1940), зав. кафедрой сравнительной исторической грамматики индоевропейских языков (1946–1949).

[3] Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969), лингвист, д.ф.н. (1940), действительный член АН СССР (1946), профессор (1943) и декан филологического факультета МГУ (1945–1948, 1950), зав. кафедрой русского языка (1947–1969).

[4] Смирницкий Александр Иванович (1903–1954) лингвист, профессор МИФЛИ (1940) и затем МГУ, зав. кафедрой английского языка, затем романо-германской филологии (1942–1951).

вает влияния на работу других лингвистических кафедр; недостаточно пропагандирует достижения советского марксистского языкознания.

В курсах по романо-германской и славянской филологии некритически излагаются буржуазные традиционные концепции развития западноевропейских и славянских языков.

Программы основных курсов являются неудовлетворительными. Программа по теории литературы (автор проф. Г.Н. Поспелов) содержит формалистические ошибки, повторяет буржуазные взгляды Веселовского. В программах по истории зарубежной литературы (авторы проф. Я.М. Металлов, доц. В.В. Ивашева[1], доц. Е.Л. Гальперина, доц. Л.Е. Пинский, проф. Б.И. Пуришев[2]) содержатся крупные ошибки. В разделе литературы рекомендуются работы разоблаченных научной общественностью антипатриотов-космополитов.

В программе по истории русского литературного языка (автор доц. С.И. Ожегов[3]) не показано развитие литературного языка на народной основе, игнорируется роль великих русских революционных демократов. Программа по современному языку (авторы Е.М. Федорук-Галкина[4], Н.С. Поспелов[5] и др.) является формалистической, не учитывает достижений Нового учения о языке Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова[6] в области грамматики. Программы по исторической грамматике русского языка и старославянскому языку (авторы Р.И. Аванесов[7] и П.С. Кузнецов[8]) также являются методологически

[1] Ивашева Валентина Васильевна (1908–1991), литературовед, к.ф.н. (1937), доцент кафедры истории зарубежной литературы МГУ (1946), впоследствии – доктор наук и профессор МГУ (1955).

[2] Пуришев Борис Иванович (1903–1989), литературовед, к.ф.н. (с 1951 – доктор наук), профессор кафедры зарубежной литературы МГУ (1945–1949).

[3] Ожегов Сергей Иванович (1900–1964), лексикограф, составитель «Словаря русского языка» (1949), подвергнутого критике в печати; доцент филологического факультета МГУ.

[4] Галкина-Федорук Евдокия Михайловна (1898–1965), лингвист, д.ф.н. (1948), доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ (с 1950 – профессор), жена И.С. Галкина – ректора МГУ в 1943–1947.

[5] Поспелов Николай Семенович (1890–1984), лингвист, к.ф.н. (1943; с 1953 – доктор наук), профессор кафедры русского языка МГУ (1954–1984).

[6] Мещанинов Иван Иванович (1883–1967), лингвист, действительный член АН СССР (1932), Герой Социалистического Труда (1945), академик-секретарь ОЛЯ АН.

[7] Аванесов Рубен Иванович (1902–1982), лингвист, профессор (1935), д.ф.н. (1948), профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ (1943).

[8] Кузнецов Петр Саввич (1899–1968), лингвист, д.ф.н. (1947), профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ (1948).

порочными. Крупные недостатки имеются в программе по введению в языкознание (автор проф. Н.С. Чемоданов). Новое учение о языке Н.Я. Марра не нашло в ней необходимого отражения, программа не проникнута духом большевистской партийности и объективистская по своему содержанию.

Работники филологического факультета Московского университета в течение ряда лет не работали над созданием новых учебников, в результате чего ведущие курсы по русской, советской и зарубежной литературе, а также русскому языку не обеспечены доброкачественными учебниками.

Слабо развернута научно-исследовательская работа кафедр. Мало готовится работ по актуальным проблемам современности. Темы многих научных работ малозначительны. Деканат не осуществляет контроля за выполнением плана и качества научно-исследовательских работ. В печатных трудах и диссертациях некоторых профессоров и преподавателей имеются грубые ошибки (работы В.В. Виноградова, М.Н. Петерсона, О.С. Ахмановой[1], Г.Н. Поспелова, Я.М. Металлова, Т.Л. Мотылевой, А.А. Исбаха, М.О. Мендельсон, Е.Л. Гальпериной); печатавшиеся работы нередко были бессодержательными (проф. П.Я. Черных[2] – «К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославовны», его же «Заметки о фамилиях» в «Горе от ума», доц. С.И. Ожегова «Слова на –аж»).

Руководители и профессора некоторых кафедр (акад. Н.С. Державин[3], проф. А.М. Еголин[4] и др.) мало связаны с факультетом и не читают общих курсов для студентов, что снижает уровень учебной работы факультета.

Подготовка аспирантов по русскому языку, русской и зарубежной литературе поставлена неудовлетворительно. Много еще

---

[1] Ахманова Ольга Сергеевна (1908–1991), лингвист, к.ф.н. (1941, с 1954 – доктор наук), и.о. зав. кафедрой английского языка филологического факультета МГУ (1949, зав. кафедрой с 1950).

[2] Черных Павел Яковлевич (1896–1970), лингвист, к.ф.н. (с 1954 доктор наук), доцент кафедры русского языка (с 1954 профессор), автор «Историко-этимологического словаря русского языка».

[3] Державин Николай Севастьянович (1877–1953), славист, действительный член АН СССР (1931), профессор МГУ (1941), зав. кафедрой славянской филологии (1943–1948), зав. кафедрой славянских литератур (1948–1949).

[4] Еголин Александр Михайлович (1896–1959), литературовед, д.ф.н., член-корреспондент АН СССР (1946), профессор (1941) и зав. кафедрой истории русской литературы МГУ (1941–1951), директор ИМЛИ (1948–1952), сотрудник аппарата ЦК ВКП(б).

выпускается аспирантов без защиты диссертаций. Недостаточно актуальны темы некоторых диссертаций. Ряд тем не имеет ни познавательной, ни научной ценности («Славянизмы в “Езде на остров любви” Тредьяковского», руководитель проф. С.И. Бернштейн; «Инфинитивы у Апулея», руководитель проф. М.Н. Петерсон и т.д.).

В целях устранения отмеченных недостатков и улучшения преподавания русской и советской литературы, русского языка и зарубежной литературы в высших учебных заведениях:

КОЛЛЕГИЯ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать ректора Московского университета акад. Несмеянова А.Н.[1], декана филологического факультета проф. Чемоданова Н.С.:

а) коренным образом перестроить всю работу филологического факультета и кафедр на основе указаний ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам; искоренить имеющиеся факты космополитизма, аполитичности, формализма в педагогической и научной работе профессоров и преподавателей;

б) укрепить кафедры квалифицированными профессорами и преподавателями, способными успешно решать задачи воспитания советских литературоведов и языковедов и развивать советскую филологическую науку в духе постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам;

в) практиковать на заседаниях ученых Советов и кафедр факультетов[2] широкое обсуждение программ соответствующих курсов, учебников, учебных пособий, стенограмм лекций по узловым вопросам, а также важнейших научно-исследовательских работ;

г) повысить идейный уровень печатных изданий, добиваясь разработки наиболее актуальных проблем социалистического реализма, марксистско-ленинской эстетики и Нового учения о языке, разработанного академиком Н.Я. Марром. Обеспечить подготовку работниками филологических специальностей полноценных, доброкачественных учебников по русскому языку, русской и совет-

[1] Несмеянов Александр Николаевич (1899–1980), доктор химических наук (1934), профессор (1934) и заведующий кафедрой органической химии (1944–1978), декан химического факультета (1944–1948), ректор МГУ (1947–1951), действительный член (1943) и президент (1951–1961) АН СССР.

[2] В оригинале ошибочно «ГУУЗов», т.е. Главных управлений учебных заведений.

ской литературе; представить в месячный срок составы авторских коллективов по подготовке учебников по советской литературе, истории русской литературы XIX века, современному русскому языку и зарубежной литературе;

д) закончить к маю 1949 года переработку учебных программ по курсам: «Введение в языкознание», «Современный русский язык», «История русского литературного языка», «Русская литература XVIII века», Русская литература XIX века», «Русская литература XX века», «Советская литература», «Зарубежная литература», «Русский фольклор», «Введение в славянскую филологию», «Сравнительная грамматика славянских языков», «Введение в германскую филологию». Проекты новых программ представить Министерству на утверждение;

е) включить в курс зарубежной литературы историю литератур стран народной демократии и стран Востока;

ж) включить в учебный план филологических специальностей семинары по Новому учению о языке Н.Я. Марра;

з) уточнить учебные планы филологических специальностей и представить их к 1 мая 1949 года на утверждение в Министерство;

и) в течение мая 1949 года провести аттестацию аспирантов филологических специальностей и результаты аттестации представить на утверждение Министерства к 1. 06. 1949 г.

2. Начальнику Главного управления университетов профессору Жигачу К.Ф. и ректору Московского университета акад. Несмеянову А.Н. организовать летом 1949 года при филологическом факультете Московского университета месячные курсы для преподавателей университетов по общему языкознанию, русскому языку, русской и советской литературе и литературе народов СССР; подробный план организации курсов представить в Министерство на утверждение к 1 мая 1949 г.

3. Начальнику Главного управления университетов проф. Жигачу К.Ф. и начальнику Методического управления проф. Бутягину А.С.[1] пересмотреть и утвердить к 1.06.1949 г. учебные планы и программы по специальностям: русский язык и литература, западные языки и литература, славянские языки и литература, родной язык и литература для университетов союзных республик.

---

[1] Бутягин Алексей Сергеевич (1881–1958), математик, доктор физико-математических наук, директор (с 1939 – ректор) МГУ (1934–1941, 1943); член ВКВШ, Коллегии МВО СССР (1944–1951).

4. Поручить комиссии в составе: тт. Ковальчик Е.И. (председатель), Климович[1], Старикова, Василенок С.И., Зозуля[2] – в двухмесячный срок разработать проект программы по истории литературы народов СССР и представить на утверждение Министерства.

5. Начальнику Главного управления университетов проф. Жигачу К.Ф. и начальнику Отдела учебников тов. Деомидову М.И.:

а) в месячный срок пересмотреть действующие учебники и учебные пособия по филологическим дисциплинам и представить предложения о порядке их использования;

б) в месячный срок представить предложения об авторских коллективах по написанию учебников по основным языковедческим и литературоведческим дисциплинам и мероприятиях по подготовке этих учебников;

6. Главному управлению университетов (проф. Жигачу К.Ф.) и Управлению кадров (тов. Михайлову М.В.) в двухмесячный срок, совместно с ректорами университетов [!] принять меры к укреплению кафедр филологических специальностей квалифицированными профессорами и преподавателями, освободив от работы лиц, которые по своей научной квалификации не соответствуют требованиям высшей школы.

7. Начальнику Главного управления университетов проф. Жигачу К.Ф. и начальнику Отдела труда и зарплаты тов. Пантелееву И.С. установить на филологическом факультете Московского университета дополнительно должности зам. декана по аспирантуре и зам. декана по отделению русского языка и литературы, логики и психологии.

8. Начальнику Главного управления университетов проф. Жигачу К.Ф. и и.о. Ученого секретаря ВАКа тов. Земсковой Ю.А. в недельный срок представить на утверждение Министру состав экспертной комиссии по романо-германской филологии.

9. Утвердить контингент приема аспирантов на факультет на 1949/50 учебный год, согласно приложению.

---

[1] Климович Люциан Ипполитович (1907–1989), востоковед, профессор МОПИ (1934–1954), известен своими выступлениями против И.Ю. Крачковского в 1937 и против В.М. Жирмунского в 1949 (статья «Против космополитизма в литературоведении» напечатана 11 января 1949 в «Правде»).

[2] Зозуля Михаил Никитич (1904–1983), доцент филологического факультета МГУ, заместитель декана по учебной работе (1949–1956, 1958–1977), специалист по украинской литературе.

IV. О СОСТОЯНИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВУЗАХ г. МОСКВЫ.

(т.т. Шапкарин А.В.[1], Шимбирев П.Н.[2], Ухалов[3], Глаголев[4], Орлов[5], Демешкан[6], Зотов[7], Иващенко[8], Самарин А.М.)

Поручить комиссии в составе: т.т. Светлова В.И.[9] (созыв), Жигача К.Ф., Шапкарина А.В., Воловика Б.Е.[10], Шимбирева П.Н., Орлова (Министерство просвещения РСФСР) в пятидневный срок переработать проект решения в соответствии с состоявшимся обсуждением и представить на подпись Председателю окончательное решение Коллегии по данному вопросу.

---

[1] Шапкарин Анатолий Васильевич (1914–1996), кандидат исторических наук (с 1954 – доктор), доцент кафедры научного коммунизма философского факультета МГУ, специалист по истории КПСС, преподаватель марксизма-ленинизма на гуманитарных факультетах, сотрудник Отдела преподавания общественных наук МВО СССР.

[2] Шимбирев Павел Николаевич (1884–1960), специалист по педагогике и коммунистическому воспитанию, профессор (1935), доктор педагогических наук (1938), начальник отдела педагогических вузов МВО СССР (1946–1949).

[3] Ухалов Ефим Степанович (1895–1976), к.ф.н., доцент, парторг филологического факультета МГУ, вскоре – 23 апреля 1949 – назначен заведующим организованной кафедры истории русской журналистики филологического факультета МГУ (1949–1952).

[4] Глаголев Николай Александрович (1896–1984), литературовед, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ (1942), участник дискуссии об А.Н. Веселовском.

[5] Орлов Николай Николаевч, начальник главного управления вузов Министерства просвещения РСФСР

[6] Демешкан Елена Борисовна, доцент кафедры зарубежной литературы МГПИ, была знаменита своим антисемитизмом.

[7] Зотов И.С., директор МГПИИЯ, уволенный в апреле 1949 как «не сумевший очистить преподавательские кадры от политически неблагонадежных людей».

[8] Иващенко Александр Федорович (1908 –1961) литературовед, к.ф.н. (с 1950 – доктор наук), доцент кафедры всеобщей литературы филологического факультета МГУ, сотрудник ИМЛИ.

[9] Светлов Василий Иосифович (1899–1955) специалист по истории философии, кандидат философских наук (с 1952 – доктор), директор Института философии АН СССР (1944–1946), заместитель министра высшего образования СССР (1946–1952).

[10] Воловик Борис Ефимович (1902–1952) специалист по металлургии, доктор технических наук, профессор МВТУ им. Баумана, сотрудник МВО СССР.

2.
Стенограмма
заседания Коллегии Министерства высшего образования С.С.С.Р.
Москва, 23 марта 1949 года[1].

III(1) – О РАБОТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ.
(Доклад тов. Чемоданова Н.С. – не стенографируется).

ПАНТЕЛЕЕВ. – Вы назвали ряд фамилий, которые Вас не удовлетворяют и немножко пролили слезу, что комиссия предлагает Вам освободиться от целого ряда лиц. Я не уловил Вашу мысль, как вы будете перестраивать работу? Неужели люди с такими ошибками могут продолжать работать?

ЧЕМОДАНОВ. – Речь идет не о слезе. Мы не отказываемся от критики людей, но нужно различать людей, которых нужно гнать, и тех, у которых есть отдельные ошибки, но которые могут исправить эти ошибки. В проекте предложений указаны лица, от которых нужно освободиться. Я указал на Фридмана, на Богатырева, фактически уволили Мотылеву, Исбаха, Аникста. Если речь идет о профессоре Металлове – у меня нет оснований ставить вопрос о его снятии. Вопрос разрешается на партбюро. Речь идет не о том, чтобы бить с размаху. Критики на факультете достаточно, это может подтвердить секретарь партийного комитета. Я протестую против того, что кафедра огульно обвиняется как скопище вражеских кадров.

ЖИГАЧ. – Товарищи, обсуждение вопроса о работе филологического факультета на сегодняшнем заседании коллегии имеет большое значение для улучшения работы не только филологического факультета Московского университета, но и для улучшения подготовки кадров на всех филологических факультетах всех университетов.

Тов. Чемоданов говорил, что основные научные кадры в области филологии сосредоточены в МГУ, на факультете около 40 профессоров, т.е. более половины профессоров и докторов в области этой дисциплины работают на филологическом факультете МГУ.

Естественно, что улучшение идейного содержания преподавания филологических наук, государственных учебных планов, программ,

[1] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 226. Л. 1–42. Машинопись, с обильными подчеркиваниями чернилами, которые по всей вероятности принадлежат С.В. Кафтанову.

учебников – должно опираться на работу филологического факультета Московского университета. А в настоящий момент работа этого факультета нас не удовлетворяет, он является плохим помощником в деле перестройки всей работы в деле подготовки специалистов-филологов. Работа факультета не перестроена в соответствии с решением ЦК Партии по идеологическим вопросам.

В работе отдельных кафедр и ученых факультета имеют место факты космополитизма, объективизма, низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой. На факультете до последнего дня подвизались такие лица, как Мотылева, Аникст, Исбах и др., еще ряд не разоблаченных космополитов. Космополитические взгляды протаскивает ряд профессоров, как Металлов, Гальперин[а], крупнейшие ошибки мы видим в работе академика Виноградова, Аванесова, Поспелова и др.

Я бы так сказал, что факультет принимал несомненно ряд хороших решений и на ученых советах и на заседаниях кафедр, но следует признать, что еще враждебные нашей советской идеологии элементы на факультете не исключены, и работа по перестройке только начата, но не завершена.

Мы должны судить не по словам и решениям, а по результатам работы. Если посмотреть и если взять учебную и научную работу, то здесь совершенно не нашли отражения решения нашей партии по идеологическим вопросам. Таким образом можно сказать, что в годы, даже десятилетия написаны учебники по узким практическим вопросам и в них допущены крупные политические ошибки, которые в целом отражаются на работе.

Вопрос о создании учебников. Мы не сможем обеспечить перестройки нашего факультета, пока не будем иметь настоящего учебника о языкознании и по вопросу истории литературы, изложенного с марксистко-ленинских позиций. Такие учебники, которые имеются сейчас в области литературы и языкознания, содержат ряд крупных ошибок. А что сделано факультетом в деле создания учебников?

Прежде не раз поручалось Московскому университету и специальным кафедрам, дважды слушались доклады по идеологическим вопросам и доклад т. Деомидова о создании учебников. Однако, в 1948 г. не издано ни одного нового учебника в области филологических наук, намечено 2 учебника под редакцией проф. Еголина – учебник по истории советской литературы и введение по языкознанию и больше ничего нет. И как можно быстро перестроить наше филологическое образование, если таким черепашьим шагом будут создаваться новые учебники?

Мы должны серьезные требования предъявить Московскому университету, что не только хорошие резолюции писать и готовность перестраиваться, но на деле показать надо, что эта перестройка идет.

Я хочу сказать об искусствоведении, об этом специально т. Чемоданов ничего не сказал и факультет не разбирался поэтому специально; и пошел по линии наименьшего сопротивления передать на исторический факультет, пусть там разбираются. А если взять программу как основу по курсу введения в историю искусств, то только 20% времени отводится на изложение русского искусства. Затем, какая рекомендуется литература? Почему должны обучать нашу молодежь истории западноевропейского искусства по учебнику под редакцией Пунина[1], который разоблачен как безродный космополит и матерый вредитель советского строя. Затем «История стиля изящных искусств»...[отточие в тексте; имеется в виду книга Э. Кон-Винера] и Никольского «История русского искусства» и спрашивается, почему здесь нет ни литературы, ни высказываний классиков марксизма по вопросам искусства?

Если посмотреть программу, то увидите, что изложение истории отдельных произведений искусства, отдельных художников дается вне развития истории общества, вне классовой борьбы, вне развития общества, так что это отделение было на филологическом факультете неправильно, так как мы не готовим историков по искусству вне общей исторической подготовки.

Правильно, что это отделение переводится на исторический факультет, но прежде нужно детально разобраться, кто и с каких позиций готовит специалистов на этом отделении. Несколько слов о других университетах.

Прежде всего о Ленинградском университете. Здесь присутствует декан Ленинградского филологического факультета, ему следовало бы предоставить слово.

Нужно отметить, что, мне кажется, на Ленинградском филологическом факультете еще хуже обстоит дело, чем в Москве: состав ведущих профессоров как Азадовский, Эйхенбаум, Жирмунский, Реизов, Гуковский – теоретики космополитизма, преклонялись перед буржуазной наукой. Когда критиковали Веселовского, они выступали против этой критики.

[1] Пунин Николай Николаевич (1888–1853), историк и теоретик искусства, профессор отделения всеобщей истории искусств Исторического факультета ЛГУ, в 1946 году частично отстранен от преподавания, а в 1949 уволен из ЛГУ «как не обеспечивающий идейно-политического воспитания студенчества», в том же году арестован, осужден на 10 лет ИТЛ, скончался в заключении. Под его редакцией вышла «История западноевропейского искусства (III–XX вв.). Краткий курс» (Л.; М., 1940).

Мы вчера беседовали с деканом факультета, он говорит – мы проработали всех, разложили по полочкам и ждем только команды, когда начинать критиковать, нет указаний обкома партии и Министерства. Надо им послать группу товарищей помочь развернуть критику, которая должна быть. Пора уже вам не ждать команды, а самим приниматься за дело.

В Киевском университете подвизалась большая группа космополитов, как Гозенпуд[1] и др., которые представляли Пушкина, как изящного француза, писали, что Пушкин внедрил французский стиль, привил французскую литературу на русскую почву. Он был выгнан с факультета и устроился в Москве заведующим литературным отделом Малого театра. Гордон[2], который имел 7 псевдонимов и под различными украинскими фамилиями обстреливал украинское искусство, доказывал, что Шевченко мужицкий поэт, что украинская литература началась тогда, когда соприкоснулась с западной литературой, что Леся Украинка хороша тем, что вводила западную культуру. Но в Киевском университете идет активная работа по перестройке, не в пример Ленинградскому.

В Белорусском университете подвизался космополит Бараг[3], который, работая в области белорусского фольклора, ставил задачу

[1] Гозенпуд Абрам Акимович (1908–2004), историк музыки, театра и литературы, кандидат искусствоведения (1946, «Шекспир и музыка»), впоследствии – доктор (1963), профессор кафедры истории музыки Киевской консерватории и совместитель в других вузах Киева; зав. литчастью Малого театра (1948–1949), после 1949 – жил и работал в Ленинграде. (В тексте стенограммы ошибочно «Газенберг».)

[2] Гордон Яков Ильич (1913–1998), литературовед, критик, специалист по зарубежной литературе XIX века, автор монографии о творчестве Гейне, доцент филологического факультета Киевского университета; в его диссертации, посвященной Лесе Украинке, было сказано о влиянии творчества Гейна на ее поэзию, что стало причиной обвинений в космополитизме. В 1949 уволен из Киевского университета, два года провел в Черновцах, после чего переехал в Душанбе, где работал на кафедре русской и зарубежной литературы Таджикского гос. университета им. Ленина.

[3] Бараг Лев Григорьевич (1911–1994), литературовед и фольклорист, выпускник МГУ, доцент и зав. кафедрой русской литературы Минского пединститута, к.ф.н. (1938, творчество Фонвизина); с 1941 – в Уральском университете; специалист по русскому и белорусскому фольклору; вынужден был оставить преподавание в Свердловске, в конце 1940-х годов учился в докторантуре (до защиты диссертации дело не дошло), с 1951 работал в Башкирском гос. университете, с 1966 – зав. кафедрой русской литературы, доктор филологических наук (1968). (В тексте стенограммы ошибочно «Бахрах».)

найти сказку и доказать из какой другой страны эта сказка пришла в Белоруссию. Он в период Великой Отечественной войны собирал частушки, в которых идеализировались немцы, не собирая совершенно фольклора Отечественной войны. Я хотел бы сделать упрек экспертной комиссии ВАК. В этом университете была подготовлена диссертация Гуторова[1], который был политруком партизанской дивизии, его диссертация «Фольклор Отечественной войны» более года маринуется в ВАКе, а космополиту Барагу присуждено звание. Профессор Богатырев дал отрицательный отзыв диссертации Гуторова.

КОЧЕРГИН. – А почему вы не протестовали.

ЖИГАЧ. – Вот я протестую.

Работал у нас в Черновцах Тамарченко[2], который был разоблачен и перекочевал теперь в Москву и сбежал из Черновиц, когда выяснился ряд неблаговидных его поступков.

Я считаю, что в этом решении надо добавить важный пункт: «Поручить Главному управлению университетов совместно о Управлением кадров изучить кадры по всех университетах обстоятельно». Опыт у нас уже есть в области биологических наук, и поставить во-

[1] Гуторов Иван Васильевич (1906–1967), фольклорист, сотрудник аппарата ЦК КП(б) Белоруссии, известный своими выступлениями против космополитов в 1949; 18 июня 1948 защитил в Белорусском гос. университете докторскую диссертацию на тему «Партизанская война в народном творчестве», которая была утверждена ВАК 21 мая 1949. (См.: Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1949. № 8, август. С. 14.) Значительная часть фольклорного материала была заимствована им из записей аспирантки академика М.Н. Никольского Марии Самуиловны Меерович (1909–ок. 1996), которая в течение ряда лет собирала фольклор времен войны (в т.ч. фольклор гетто и концлагерей); но в 1949 она была исключена из аспирантуры Минского пединститута и арестована (освобождена после личной встречи академика М.Н. Никольского с главой КП(б) БССР П.К. Пономаренко), лишена жилплощади в Минске; после ее поездки в Москву и ходатайства И.Г. Эренбурга перед М.А Сусловым вернулась в Минск и получила распределение на преподавательское место в Орше, а затем – в Мозыре, где и умерла.

[2] Тамарченко Григорий Евсеевич (1913–2000), литературовед, к.ф.н. (с 1972 – доктор наук), доцент кафедры русской литературы Черновицкого пединститута; в 1949 переехал с женой-литературоведом в Ленинград, но не получил работы (жена его – Анна Владимировна Тамарченко (1915–2015) была русской, к.ф.н., с 1971 – доктор наук); из Ленинграда они поехали в Свердловск, где оба получили преподавательские места, откуда перебрались в Ленинград, а затем эмигрировали в США.

прос о перераспределении кадров. Недопустимо положение, когда 90% всех профессоров работает в Московском и Ленинградском университетах.

Нужно поставить задачу более решительного выдвижения молодежи на преподавательскую работу.

Я считаю, что в решении Коллегии надо поставить вопрос о создании учебников, о состоянии литературы и языка народов народных республик. Возьмем Белоруссию, нет учебника по истории Белоруссии и белорусского языка, то же самое и по Украине и по другим союзным республикам, и мы по существу в наших университетах не читаем курса истории СССР. Нам нужно сейчас поставить перед собой задачу в течение 1949–50 г.г. создать учебники по истории литературы народов СССР по каждой республике и учебники по языку на этой базе создать, или одновременно создать учебники по истории литературы СССР, которого мы сейчас не имеем.

Я считаю, что нам необходимо летом по типу курсов, которые были по биологии, организовать курсы переподготовки преподавателей по русскому языку и литературе и общему языкознанию. Я бы особенно хотел остановиться на вопросе об учебниках, мы, к сожалению, не могли дать конкретных авторов и сейчас мы должны поставить задачу, что Главное управление университетов должно в месячный срок предоставить авторские коллективы по подготовке новых учебников и пересмотреть авторские коллективы, которые уже имеются в государственном плане, так как целый ряд авторов, которым поручено составление учебников, им доверять нельзя.

СИДОРОВ. – Ректорат Московского университета слушал доклад нового декана филологического факультета и обсуждал основные вопросы, связанные с коренным улучшением работы филологического факультета. Пожелания и решения ректората в тех частях, которые связаны с помощью Министерства в основном, но не полностью, получили отражение в самом проекте решения, который здесь имеется.

Основное заключается в том, что в свете борьбы с космополитизмом мы стояли перед задачей коренной решительной перестройки работы факультета по основному, идеологическому разделу, как в области филологии, так и в области истории литературы и особенно русского языка. Я бы не выдвигал такие вопросы как классическая филология, классические языки, восточные языки; они также важны, но перестройка и дальнейшее развитие филологического факультета обуславливается общей теорией языка и русского языкознания. Истории вопроса литературы русской, в первую очередь, и вопрос изучения

русского языка, вот это те вопросы, на которых надо сосредоточить преимущественное внимание. Хотя по другим кафедрам, как кафедра классической филологии, выступали наши профессора и глядя на их возраст, ставишь вопрос, в какой мере наши профессора могут мыслить по-марксистски и в какой мере это может иметь реальную основу.

Один из «молоденьких» профессоров говорил – мне 72 года, я один из самых молодых профессоров, а все остальные старше.

Надо использовать эти кадры как технических специалистов, которые помогут нам быстрее подготовить определенную смену молодежи, передав им свое знание техники, а мы должны их подготовить с марксистской идеологией.

Я должен сказать, что вопросы общего языкознания не занимают того места, которое должны были бы занимать в стенах Московского университета. И в этом отношении повинен наш декан филологического факультета, который является фактическим руководителем и заведующим кафедрой общего языкознания. Какая это кафедра, которая представлена одним человеком на полставки. Фактически заведующий кафедрой академик Мещанинов находится в Ленинграде и заявил, пусть Н.С. [Чемоданов] руководит кафедрой, я буду принимать участие в работе, буду помогать. Но реальной повседневной деятельности он не имеет ни сил, ни возможности проводить. Такого рода заявление Мещанинова имеется.

Мы должны поставить вопрос о создании кафедры общего языкознания и повышении требований к фактическим работникам и руководителю кафедры. Наш декан в основном занимает правильную научную и методологическую линию в вопросах перестройки, но нужно, чтобы практическая работа не отставала от постановки вопросов, которые мы намечаем. А пока практически повертываемся плохо и очень отстаем от намеченного.

Вопрос общего языкознания связан с теорией Марра, с практической реализацией планов, которые наметили. Может быть, в других университетах лучше обстоит дело с методологическим претворением учения Марра в изучении вопроса о языках, а может быть, и хуже. Во всяком случае, после неоднократных разговоров с профессорами убеждаешься, что мы все согласны перестраивать работу на основании учения Марра, но помогите нам. А для того, чтобы помочь, нужно ряд вопросов, связанных с учением Марра, проработать в более узком коллективе профессоров и дать основные линии для развития этого учения дальше. Мещанинов заявляет: в одной лекции скажу общие сведения о теории Марра. Мы стоим не перед общими популярными сведениями, а перед задачей, как на основе учения Марра

поднять различные области филологической науки. Это общая проблема, которая стоит перед Министерством высшего образования. И неплохо было бы для решения этой задачи сплотить кадры молодежи, сплотить кадры ученых, которые являются действительными сторонниками этого учения и в своих научных исследованиях стараются его развивать. Так мы быстрее сумеем сдвинуть с мертвой точки большой корабль, который застрял по отношению к учению Марра.

Второй вопрос по истории литературы. Огромное значение имеет кафедра нашей советской литературы, к сожалению, она очень слаба. Но в настоящем составе при руководстве проф. Ковальчик оказывает большую помощь остальным кафедрам по истории литературы, но все-таки разработка вопросов критического отношения к истории литературы и вопросов социалистического реализма совершается чрезвычайно медленно. А без разработки этих вопросов и практической реализации вопросов, связанных с написанием учебников, также не двинемся вперед.

Что касается истории русской литературы, включая и советскую литературу, под углом зрения создания учебников, то надо придать гораздо большее значение.

Ректор обращался в Министерство в прошлом году, после специального совещания с редакторами, которые возглавляют соответствующие коллективы, и они жаловались на большую педагогическую загрузку, которая не дает возможности выделить необходимое время, чтобы в определенный срок создать учебник. Кроме того они заняты другой работой и в Академии общественных[!] наук, и в научно-исследовательских институтах, и мы просили Министерство выделить несколько штатных единиц, чтобы мы могли некоторых профессоров освободить от другой работы, кроме работы, связанной с написанием учебников, но вопрос не получил определенного разрешения.

(САМАРИН – Чтобы они больше работали в Академии наук).

Давайте вызовем этих профессоров и поговорим, может быть их можно от работы в Академии наук освободить, но, к сожалению, целый ряд инстанций решают вопрос о переводе наших профессоров в другие учреждения, и мы теряем эти кадры, ослабляем свои кафедры, но бесспорно, что при нагрузке в 600–800 часов при огромных требованиях, которые мы предъявляем, мы реально учебников не получим. Между тем, эти учебники должны быть созданы. Целый ряд авторов желают работать над учебниками и на известные материальные затраты нужно пойти, так как эти учебники являются не только учебниками для Московского университета, и но для всех учебных заведений нашей страны.

Точно так же заслуживает чрезвычайно большого внимания предложение нашего декана в отношении стенографирования лекций. Это связано о затратами, но если мы хотим иметь курс, помогающий ученой работе при отсутствии учебников, то эти материалы могут явиться учебным пособием, и мы должны провести это мероприятие, ибо этот курс не только является материалом для критики и контроля, но также и учебным пособием, которое мы могли бы потом издать. Нужны деньги. Я считаю, что у советского государства денег достаточно для того, чтобы провести это мероприятие, а когда практически подходишь, то оказывается, что это не так. Мы просим Коллегию, чтобы этот вопрос получил практическое разрешение. А одно заявление, что денег достаточно, – это вопроса, к сожалению, не решает. Нужно действительно соответствующее мероприятие большого государственного значения, которое стоит в плане научно-исследовательского института, и получило подкрепление. Как у нас достаточно средств, когда вот пример, заместитель декана филологического факультета закончил крупное исследование, и когда попробовали перепечатать за счет университета – отказали в оплате. Стоит обратить внимание на это дело. Из большого количества учебников, которые стояли в плане факультета за прошлый год, к сожалению, половина не выполнена. Из 7 учебников, которые факультет должен был создать в связи с обязательствами, которые авторы взяли в связи со строительствам нового здания университета перед товарищем Сталиным, выполнены только лишь 5, которые написаны полностью, но ни один из них еще не отпечатан. Из 15 учебников выполненных, при проверке оказалось, только половила полностью закончена, а другие учебники фигурируют в качестве законченных, когда в действительности написаны у двух 5 глав, а они фигурируют как законченные. И в этом отношении мы должны поднять требовательность по отношению к профессорам и зав. кафедрам нашего факультета. К сожалению, многие профессора и зав. кафедрами занимают позицию выжидания – что скажут, занимают малосамокритичную позицию, мы видим мало самокритики в выступлениях профессоров.

Если декан в своем докладе берет ставку на то, чтобы академика Виноградова оставить в качестве зав. кафедрой русского языка, ничего не сказано о том, как укреплять кафедру. На мой взгляд, академика Виноградова нужно оставить во главе кафедры русского языка. При всех многочисленных ошибках, которые имеются в его работах по истории современного русского языка, нужно отметить эти ошибки, и чтобы сам Виноградов понял и признал их, но практически нельзя же ставить академика Виноградова рядом с Петерсоном, это люди

различного склада, у них ошибки не идентичны, нельзя сваливать всех в одну кучу.

ЧЕМОДАНОВ. – Ошибки Виноградова крупнее, чем у Петерсона.

СИДОРОВ. – Тогда я отказываюсь понимать ваш доклад на ректорате и в процессе работы комиссии: если ошибки Виноградова крупнее, чем Петерсона – этого прожженного гелертера, которого мы терпим потому, что он является единственным знатоком санскрита. Как можно так говорить на Коллегии? А если вы говорите, так нужно делать соответствующие выводы, нужно тогда Виноградова не просить остаться, а выгнать с соответствующей политической и научной проработкой, чтобы все историки русского языка и специалисты русского языка на этом учились. Нельзя так безответственно бросать заявления.

Мы знаем, что у академика Виноградова есть крупные ошибки, критиковали их в университете, он говорил – признаю свои ошибки, на мне еще сказывается влияние моих буржуазных учителей, я готов перестраиваться, буду перестраиваться, помогите мне. Вы же говорите, что кафедра русского языка, во главе которой стоит академик Виноградов, перестроила свою работу, свою программу. Как же это может сочетаться одно с другим? Или программа ничего не стоит, или является результатом серьезной работы научных работников под руководством академика Виноградова и дает доказательство, что люди стали на путь перестройки. Это мне кажется непонятным.

Есть некоторые неувязки в пунктах практических предложений. Не знаю, как туда Эйхенгольц[1] попал, который у нас не работает. В течение полутора лет старается попасть в университет, но мы не пускаем. Он фигурирует, и есть еще несколько имен, которые к нашему факультету касательства не имеют.

Товарищи, перед университетом, несмотря на наличие большого количества профессоров, стоит вопрос о кадрах. Было бы нелепо, если бы мы в министерстве требовали кадры для укрепления Московского университета. Такие требования могут быть в сугубо индивидуальных случаях, об 1–2 лицах. Мы должны давать кадры министерству и должны укреплять кафедры за счет тех кадров, которые мы выращиваем.

[1] Эйхенгольц Марк Давидович (1889–1953), д.ф.н., профессор и зав. кафедрой всеобщей литературы МОПИ им. Н.К. Крупской, специалист по французской литературе XIX века, автор школьных учебников и хрестоматий по зарубежной литературе.

У нас и сейчас почти 100 аспирантов, но, к сожалению, работа с ними страдает крупными пороками в том смысле, что делового повседневного руководства со стороны деканата подготовкой аспирантов нет. Кто ими руководит? – Заместитель декана по научно-исследовательской работе, но у него огромная работа. Помимо этого вся научно-исследовательская работа возложена на одного и того за человека, у которого даже технического секретаря нет. А посмотрите, сколько отчетов требуется из Министерства об этих 100 аспирантах, и строго научно-политической подготовки не дается. Ведь любой институт Академии наук, там имеются отделы по подготовке аспирантов, человек 5 сидят в таком отделе, а у нас во всех без исключения факультетах не имеется ни одного специального работника. По подготовке аспирантов на других факультетах лучше, чем на филологическом факультете. Не лучше ли сэкономить на количестве аспирантов, но выделить 2–3 человека, которые следили бы за политическим воспитанием аспирантов, они научно стали бы расти. Я считаю, что и факультет и Министерство выиграли бы на этом деле.

По обследованию: я просмотрел целый ряд материалов, действительно целый ряд фактов правильно указан о наших недостатках. Действительно, зав. кафедрой романской литературой[!] на него материал послан и сейчас стал вопрос о необходимости уволить целый ряд работников кафедры.

У нас сейчас в Университете работает много комиссий по обследованию работы, параллельно работают комиссия ЦК, Бюро МК, комиссия райкома, причем я со стороны этих учреждений не видел такого отношения, каково было проявлено со стороны Министерства. Является представитель комиссии, например, комиссия проверяла 4 гуманитарные кафедры, и говорит: «Я направлен к вам, чтобы ознакомиться с работой кафедр, сообщите, что вы думаете?» Кончается обследование, весь материал предварительно рассматривается при нашем участии, а из Министерства ни один товарищ не зашел ни в начале, ни в конце, что касается существа вещей, то эта картина не соответствует действительности.

Мне хотелось бы, чтобы наши профессора выступили со своими практическими замечаниями о переустройстве работы факультета, так как мы можем работать и переустраивать работу своего факультета, только опираясь на весь коллектив профессорско-преподавательского состава, который хочет работать в том направлении, которые Партия и Правительство ставят перед нами, а от некоторых мы сами освободимся и очень важно, чтобы эта перестройка была связана с практическими результатами в области научно-исследовательской работы.

Должен заявить, что результат научно-исследовательской работы за истекший год, как у партийных, так и беспартийных профессоров по филологическому факультету недостаточны, и за это надо критиковать наш профессорско-преподавательский состав.

Насчет учебной работы, последнее замечание, к сожалению, учебная работа не нашла полного отражения во всей работе. А между тем в первую очередь во всех учебных заведениях учебная работа упирается на идеологическую основу и это есть крупный недостаток в нашей работе, что этого нет. Мы перестроили учебные планы недостаточно, во-первых, огромная перегруженность студентов. Вот студенты 9 семестра имеют 6 экзаменов, у них остается полгода для подготовки к диплому, причем в конце марта они должны диплом сдать. Очевидно, что студентов 5 курса нужно разгрузить. Затем требования идут по разным направлениям, в частности по линии усиления исторического образования для филологов. К сожалению, история русской литературы и история наших народов изучаются оторвано от общего процесса.

Программы по истории, учебные планы по истории не находятся в соответствии со специальными задачами, которые доставлены в области учебной нашей работы. Лекции часто низкого качества. В частности, филологи выгнали доцента Фридмана, заявили, что не хотят его слушать, потому что он проводит неправильную установку в обеих лекциях. Ряд профессоров и доцентов заражены космополитическими ошибками, вредными взглядами и были осуждены на партийной организации, где прекрасный доклад о борьбе с космополитами сделала проф. Ковальчик. Но до конца этого дела не довела в смысле конкретной идейно-политической борьбы, вытекающей из обсуждения этих вопросов.

КОВАЛЬЧИК. – Может быть, я остановлюсь на мелочи, но у меня возникает такая мысль, почему у нас в университете на экономическом факультете есть порядок, студенты сдают пальто на вешалку, сидят в аудитории раздетые, слушают внимательно. У нас же на факультете бросается в глаза исключительная беспорядочность и неорганизованность. Сама дверь, которая ведет в помещение факультета, странно открывается – одна к вам, а другая в другую сторону и когда встречаетесь в этой узкой щели, не знаете, куда деться. Когда идут лекции, шум рядом такой, что ничего не слышно. Идет ремонт, в верхнем этаже валятся колонны, настилается пол, стук и все прелести ремонта сказываются. Трудно описать, до какой степени все на факультете неорганизованно. Мне кажется, что это непосредственно вина деканата. Нет настоящей требовательности. Нельзя допускать

приход студентов, когда лекция началась. Это вина преподавателей. Я была в контрольном порядке на одной лекции и в продолжении 10 минут тянулась цепочка студентов. Вопросы дисциплины, порядка имеют огромное значение.

На факультете устраивалось обсуждение насущных вопросов, шла критика по докладу о космополитах, шла острая критика веселовщины и ее проявления на литературной кафедре, в связи с работой Поспелова. Но мы не умеем все это организационно закреплять. К чему же мы пришли? Умения вносить положительное, передовое, новое в практику повседневной работы у нас нет, и получается, что масса хороших решений остается только на бумаге. И об этом шла речь, когда деканат отчитывается на партийном комитете. Эта недисциплинированность, неорганизованность очень мешает нашей работе.

Мне хотелось бы сказать на Коллегии министерства о работе на кафедре советской литературы. Организовалась она после исторического решения ЦК Партии по журналам «Звезда» и «Ленинград». Состав кафедры малочисленный и нужно указать, что все члены кафедры совместительствуют. Это накладывает очень тяжелый отпечаток на всю нашу работу в том смысле, что все члены кафедры только на полставки и не могут глубоко заниматься пропагандой советской литературы и невольно соединяют это с другой работой. И надо сказать, что все почти члены кафедры фактические выполняют полную ставку, это, в основном люди, которые любят советскую литературу, занимаются ею много лет и занимаются педагогической деятельностью.

Но надо сказать, что кроме того, что все совместители, нам необходимы работающие кадры и в этом смысле нам нужно сильно помочь. Мне кажется, что кафедра проделала большую, но явно недостаточную работу, заключающуюся в том, что отстояла, а нам пришлось отстаивать преподавание советской литературы с 1 курса до последнего. Почему мы отстаивали? Потому что на 2 и 3 курсах не собирались преподавать советскую литературу и когда мы говорили, что на первом курсе поставлен курс введения в советскую литературу, который должен познакомить учащихся с сильными, новыми образами, то тогда и на следующих курсах нужно проводить преподавание через просеминары и т. Поспелов говорил, что эти просеминары будут отвлекать студентов. Нам удалось провести свой план и сейчас советская литература читается с 1-го курса до последнего года. Но потребности студентов значительно больше, чем мы можем дать. В частности, у нас недостаточно семинаров на спецкурсах, на 3-м не хватает количества людей, занятых этим делом и эти семинары должны быть расширены.

Мне хотелось бы сказать Коллегии, что требуется решительно рассмотреть вопрос о подготовке аспирантов нашей кафедры советской литературы, и это я хотела бы подчеркнуть особенно. У нас аспиранты советской литературы, т. е. будущие деятели советской культуры, готовятся в тех формах академического плана, который установлен по всем отраслям кафедры, т. е. они два года сдают кандидатский минимум, потом пишут или не пишут диссертацию и уходят. Причем на партсобрании по моему отчету один из аспирантов сказал, что она меньше всего занималась советской литературой и дошла до нее, а тема ее диссертации была Подъячев.

Я считаю, что наши аспиранты должны быть связаны и с практическим литературным движением, с литературными организациями. Это значит, что мы должны иметь в виду не только их педагогическую практику на факультете, чтение каких-либо лекций, но должны соединять их с работой литературных учреждений, имея в виду журналы и газеты и практическую работу со стороны советских писателей.

Затем необходимо, чтобы все кандидатские вопросы, которые они выдвигают в качестве индивидуального плана, предусматривали такие вопросы, которые позволили бы аспирантам выступать в печати, вопросы не узкоакадемические, абстрактные, а вопросы нужные, политически важные, влияющие на развитие нашей культуры.

Затем необходимо сломать старые традиция такого порядка, у нас обязательно для аспирантов изучать 2 иностранных языка, причем традиционное представление – французский, немецкий или английский, французский. Для аспирантов нашей кафедры должен быть обязательно второй язык или язык народов СССР или стран новой демократии. Нужно учитывать, что эти люди, которых мы готовим, будут работать в 50–60-х годах нашего столетия. Страны новой демократии продвинут социалистическую перестройку и нам нужно иметь перспективы – кого мы готовим. Нам не нужно готовить сугубо академических узких деятелей, а людей, которые бы разбирались в вопросах шире и могли бы работать на новых фронтах нашей культуры.

Третий вопрос – вопрос преподавания теории литературы. Это курс, который вел Поспелов и, на мой взгляд, он не имеет права быть повторен, пока он не перестроится. Здесь нужна глубокая политическая перестройка. Деканату нужно найти хороших, глубоко подготовленных преподавателей по вопросам теории литературы. Я ставлю этот вопрос очень серьезно потому, что от него зависит подготовка по конкретным курсам. Нельзя строить этот курс отвлеченно, раскрывая академически отвлеченные эстетические категории, должна быть боевая, партийная направленность, передавая опыт развития совет-

ской литературы, нужно положить в основу теоретическое обобщение. От того, как будет читаться этот курс, будет зависать направленность воспитательной работы на факультете. Нужно не забывать, что готовя будущих деятелей в этой области, нужно заботиться о их мировоззрении на действительность, нужно, чтобы они получили глубокое изучение курса по литературе.

СЕРДЮЧЕНКО. – Перестройка программы и работы филологического факультета Московского университета является очень серьезным вопросом. На протяжении ряда лет настоящего большевистского отношения к работе, поскольку критика и самокритика не были в фаворе на этом факультете, и говорить о развитии советской филологии не приходится.

Не надо закрывать глаза, что настоящего партийного контроля за работой на этом факультете не было. Я возьму частный вопрос, который, как мне кажется, достаточно будет иллюстрировать сказанное мною. Существует две направляющие кафедры на факультете общего языкознания и русского языкознания.

Посмотрите, что представляет собой кафедра общего языкознания, это же кафедра теории и истории языкознания. Этот заголовок, общее языкознание – говорит о ведущем месте и сущности работы этой кафедры в системе факультета. А на кафедре общего языкознания пол единицы, т.е. эта теоретическая, методологическая кафедра представлена половиной штатной единицы. Нельзя же закрывать глаза на это.

Мы очень высоко ценим И.И. Мещанинова, но нельзя же и Мещанинова ставить в неловкое положение, в какое его фактически поставил университет. И.И. Мещанинов не работает на этой кафедре в течение 2-х лет, он отказывается от этой кафедры, но он числится за этой кафедрой, и за спиной Мещанинова, который числится в университете, прикрывается вся работа важнейшей теоретически-методической кафедры языкознания при том глубоком невнимании к этой кафедре. В университете кафедра русского языка выглядит значительно импозантнее. Наша кафедра представлена на полставки, а кафедра русского языка, во главе которой стоит ак. Виноградов, стоит на явно противоположной позиции, он фактически дает тон и в течение ряда лет определял общее направление жизни факультета, а у него был ученый секретарь Фридман, и мне кажется, что нам не приходится закрывать глаза на то, что представляет собой Виноградов, он представляет колоссальное количество грубых ошибок и самых разнообразных. Достаточно указать в работе Виноградова Пушкин

именуется французом и т.д. Достаточно указать, что благодаря руководству Виноградова на филологическом факультете была в полном пренебрежении разработка о Новом [учении о] языке. Не случайно, конечно, что Мещанинов с самого начала холодно относился к работе, чего нельзя сказать о его работе в Ленинградском университете, где он заведует кафедрой и где он бывает большее время.

Я из этого не склонен делать вывод о том, что нужно акад. Виноградова убрать из университета, это было бы неверно, но нам нужно сказать о том, что нужно специалистам перестроиться на советский лад, и это разрушит безобразную обстановку, которая была создана на филологическом факультете. И кое-кто из истеричных лиц, которые окружают Виноградова, готовы были пренебречь политической основой – это доценты Галкина-Федорук и др., имея партийные билеты, оказывали самое отрицательное влияние на Виноградова. На кафедре русского языка нет той атмосферы, которая бы давила на Виноградова и заставила его перестроиться. Сейчас, когда мы взялись, сплотили усилия Академии наук и партийного состава университета, мы чувствуем, что Виноградов начинает медленно, скрипуче, но все-таки поворачиваться, перестраиваться. Трудно, на слово верить мы привыкли, и верят, и судят [не] по делу, но мне кажется, что если мы усилим твердое партийное мнение, установим твердое партийное мнение, и путь, по которому Виноградов должен пойти, то Виноградов пойдет, а за ним пойдут и другие специалисты, в которых мы нуждаемся. Ибо Виноградов – это стимул для определенной группы русских языковедов. Но если мы Виноградова заставим, и он пойдет, то с помощью Виноградова мы смогли бы перестраивать и периферийные университеты[1].

Может быть, и само Министерство высшего образования допустило грубейшую ошибку, когда в прошлом году, после развернувшейся на страницах советской печати критики Виноградова, фактически реабилитировало его, допустив его к организации всесоюзного совещания преподавателей по русскому языку.

Это был грубый жест, нехороший жест со стороны Министерства высшего образования. Этот жест повел к тому, что на периферии так и поняли, что вся критика, которая была развернута в Ленинграде, в Москве, на страницах печати – ей грош цена. Министерство высшего образования в то же время высоко чтит этого академика Виноградова и рассматривает, как фигуру, определяющую состояние филологической работы в Советском Союзе. На это нельзя не обратить внимания

[1] Весь абзац отчеркнут слева вертикальной чертой.

сейчас, когда говорим вообще о перестройке филологической работы на факультете.

А известно ли Министерству высшего образования, что в Белорусском университете имеется единственный учебник по белорусскому языку, построенный на космополитической основе. Там имеется раздел лексики, где трактуется, что белорусская лексика состоит из элементов древне-греческих, латинских, голландских, польских, шведских, литовских, английских – словом все народы мира влияли, не указано только на определяющее влияние русской культуры в развитии белорусской лексики. Это написано Штерном[1]. И совсем не определялся вопрос, в чем же самобытность белорусского языка и лексики. Этот учебник является единственным в БССР.

Я в отчете вынужден был написать, что филологический факультет Белорусского университета и Академия Наук БССР не понимают безобразного положения, в каком должна развиваться белорусская культура, при отсутствии важнейшего пособия для белорусского народа.

Нужно знать, что у нас свила себе гнездо реакционная организация космополитизма в грузинском языке, в Грузинском университете. Из грузинского университета выпускается такой космополитический учебник, как ак. Ч... [отточие в тексте][2]. Мы неоднократно об-

[1] Ошибка стенографистки; имеется в виду Шкляр Герцель Залманович (1904–1965), лингвист (гебраист, диалектолог), составитель (совместно с С.Л. Рохкинд) «Еврейско-русского словаря» (1940); соавтор учебника современного белорусского языка, подготовленного в 1940 Институтом литературы и языка Белорусской Академии наук (Курс сучаснай беларускай мовы: Фанетыка, марфалогія, лексіка / К.І.Гурскі, Т.П.Ломцеў, Г.З.Шкляр, С.Л.Рохкінд. Минск, 1940); эвакуировавшись в 1941 в Кострому, остался там и после окончания войны и долгие годы преподавал в местном пединституте, занимался диалектологией края. Благодарим С.Н. Запрудского (Минск, БГУ), который помог разрешить казус «Штерн / Шкляр». Нужно отметить, что в данном случае мы видим сознательное перекладывание «вины» за этот учебник на Г.З. Шкляра с целью обелить другого лингвиста – Т.П. Ломтева (1906–1972), одного из соавторов учебника, с 1939 декана филологического факультета Белорусского гос. университета; в 1949 Ломтев уже был членом ВКП(б) и профессором кафедры русского языка филологического факультета МГУ (в 1951 в издательстве МГУ выйдет его учебник для вузов «Белорусский язык», написанный на фундаменте «марксистского языкознания в свете трудов товарища Сталина»).

[2] Имеется в виду Чикобава Арнольд Степанович (1898–1985), лингвист, доктор наук (1929), профессор Тбилисского гос. университета (1933), действительный член АН Грузинской ССР (1941), знаменитый оппонент «Нового

ращали внимание Министерства высшего образования и в печати, и в разнообразных докладах. Но никаких решительных шагов для того, чтобы изменить это положение, не сделано. И на это нужно сейчас обратить внимание.

Надо прямо сказать, что тот пример, который тов. Жигач привел с диссертацией Гуторова, не совсем удачный. Мне пришлось столкнуться с этим вопросом, в связи с проверкой работы Белорусской академии наук. Гуторов авторитетный белорусский работник, но дает неавторитетную работу по фольклору. Тезисы, на которых значится имя Гуторова, построены безобразным порядком, и те ошибки, которые нашли себе место в этих тезисах, нашли себе место и в диссертации Гуторова.

(С МЕСТА. – Какие ошибки?)

Он говорит – вся самобытность белорусского народа, его идеи, патриотизм, заставляют его думать о старине, в старине он находит... (*читает*)... о его привязанности к отечеству и т. д. Это нацдемовские старые тезисы.

А если взять его теорию развития революционно-демократического движения в литературе, там жуть сплошная!

Я считаю, что если проанализировать эти проблемы по материалу, имеющемуся в секторе науки ЦК ВКП(б), то степени научные там даются очень легко, во всяком случае по диссертации, посвященной белорусского космополита ... [отточие в тексте] и по диссертации о Франциске Богушевиче[1] они при отрицательных рецензиях все же были признаны достойными степени и люди, получая эти степени, чувствуют себя спокойно. Я считаю, что на эту сторону работы Белорусского университета и Белорусской академии наук нужно обратить внимание.

Последнее, о чем я хотел сказать, что я считаю, что т. Сидоров совершенно правильно указал, что работы проф. Петерсона заслуживают уже определенной оценки. Нельзя так дальше. Я считаю, что правильно говорили в газете «Московский университет», когда его

учения о языке» Н.Я. Марра. Речь, вероятно, о курсе «Общее языкознание. Часть II: Основные проблемы» (Тбилиси, 1945), который был издан университетом на грузинском языке (ч. I, «Проблемы пропедевтики», вышедшая 3-м изданием в 1946, формально не была продукцией университета – она издана под грифом АН Грузинской ССР).

[1] В оригинале стенограммы указан как «Фредерикс Бабушевич»; возможно, речь про обсуждение докторской диссертации В.В. Борисенко «Франциск Богушевич и проблема реализма в белорусской литературе XIX в.», которая им была защищена только в 1956.

обвиняли в буржуазном объективизме и социологизме, и формализме, и если посмотреть его курс сравнительной грамматики, то она и все другие работы построены на космополитической основе. Это не в пример Виноградову, он как-то поворачивается, в последнем своем выступлении, когда мы разбирали, он как-то пересмотрел свои позиции и переменил настроение, чего нет у Петерсона. И до каких пор мы будем слушать, что он из себя представляет и терпеть.

Мы должны сделать выводы и эти выводы должны иметь воспитательное значение.

Еще одно замечание. Если уже стоит вопрос о переиздании некоторых учебников, то надо сказать, что учебник проф. Чемоданова переиздавать нельзя, он построен на основах профессора Шор[1]. Учебник имеет принципиальные ошибки, его надо перестроить заново, если он пишется заново, это хорошо, но так, как он есть, его переиздавать не годится, и мне думается, что Министерство высшего образования должно принять какое-то решение о создании коллектива авторов и объявлении конкурса на составление учебника по филологии.

БЕРДНИКОВ. – Я должен сказать, что положение на филологическом факультете Ленинградского университета еще более трудное, чем в Московском университете. И это определяется, прежде всего, тем, что в Ленинградском университете особенно были сильны традиции, появившиеся с дореволюционными традициями декаданса, то, что расценивалось в начале XX века, который был в Ленинграде и имел свои толки. На сегодняшний день один из этих толков – это группа – которые были соратниками Эйхенбаума[2], один из толков Жирмун[ский], ибо эти профессора активно действуют и имеют своих учеников, которые занимают руководящее положение в филологии, это проф. Гуковский[3], Бялый, Тронский и ряд других, которые являются непосредственными участниками этих бывших толков формализма.

Что из себя представляют некоторые из них? Эйхенбаум в 1919 году предлагал отсидеться от чумы большевизма. В 1922 году писал – жизнь, слава богу, пошла не по Марксу, тем лучше. Он был вождем, теоретиком группы, которая пыталась установить Гамбургский счет.

---

[1] Шор Розалия Осиповна (1894–1939), лингвист, доктор наук (1936), литературовед и переводчик, профессор МИФЛИ, первая жена Н.С. Чемоданова.

[2] Везде в тексте стенограммы ошибочно называется «Ихенбаумом» или «Эйхенвальдом».

[3] Везде в тексте стенограммы ошибочно называется «Буковским».

По теории Эйхенбаума Толстой превращался в двурушника, ... [отточие в тексте] умел бороться с современностью, как искусный стратег, знающий важность отступления, а не только натиска. Толстой по теории Эйхенбаума теряет национальность, он заявил, что Толстой является наименее национальным из русских писателей. Такие же вещи, примерно, Эйхенбаум проделывает с Лермонтовым, который под его пером являлся результатом самых различных западноевропейских влияний.

Во время дискуссии о Веселовском Эйхенбаум заявил, что критика и самокритика мешает творческому вдохновению. Будучи апологетом Веселовского, заявил на дискуссии о Веселовском, что Фадеев допустил громаднейшую политическую ошибку, что выступил против Веселовского. Это ниспровержение гордости нашей науки и культуры. Отсюда можно сделать соответствующий вывод.

Жирмунский является зав. кафедрой западноевропейской литературы. Рядом работает Реизов. Для характеристики Реизова достаточно сказать, что недавно выпустил диссертацию Таманцева[1] о ... [Бодлере].

Было ему указано, что работа идет по порочному пути, но он сказал, что в диссертации все учтено. На деле же это оказалось порочной, недопустимой работой.

Рядом работает Алексеев[2], его космополитические ошибки известны, это апологет Веселовского. Рядом работает Г...[отточие в тексте][3], которая не имеет своего лица, а дышит и живет Жирмунским. И начинается дальше молодежь – Дьяконова[4], Хатисова[5], жена Жирмунского Сигал[6], они не имеют научного лица.

---

[1] Таманцев Николай Александрович (1918–1960), аспирант филологического факультета ЛГУ, его диссертация о Бодлере не была допущена к защите, впоследствии к.ф.н. (1953).

[2] Алексеев Михаил Павлович (1896–1981), литературовед, д.ф.н. (1937), профессор кафедры зарубежных литератур филологического факультета ЛГУ, член-корреспондент АН СССР (1946, с 1953 – действительный член), прежний декан факультета. (В стенограмме везде ошибочно «Аникст».)

[3] Возможно, имеется в виду Ирина (Изабелла) Романовна Гербач (1894–1954), к.ф.н., доцент кафедры романо-германской филологии; впоследствии – на кафедре английского языка.

[4] Дьяконова Нина Яковлевна (1915–2013), к.ф.н. (1943, с 1966 – доктор наук), доцент кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета ЛГУ (1944) (в стенограмме ошибочно «Яковлева»).

[5] Хатисова Татьяна Георгиевна (1906–1979), к.ф.н., доцент кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета ЛГУ.

[6] Сигал Нина Александровна (1919–1991), к.ф.н., доцент кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета ЛГУ.

Мы столкнулись с системой вредительской подготовки кадров, когда все делалось, чтобы Жирмунский оказался незаменимым.

Какие мероприятия проводятся на факультете? Мы находимся сейчас перед третьим туром очень серьезной борьбы против пережитков тех или иных определенно враждебных направлений в нашей филологической науке.

Весной прошлого года впервые за много лет их деятельности в советской литературе добились безоговорочной капитуляции Жирмунского, Алексеева[1], Проппа, Эйхенбаума, Азадовского и многих ученых, которые подвергались критике, но не выступали с признанием ошибок.

Во время сессии ВАСХНИЛ подверглись сугубой критике наши лингвистические кадры кафедр литературы. Тогда проводили критику под флагом требований реальной перестройки содержания читаемого курса, поставили перед кафедрами ряд практических задач, которые должая были на деле продемонстрировать, как люди перестроились, в процессе работы наблюдали перестройку.

Последние события разоблачения космополитов представляют все эти вопросы. И для нас ясно стало, что в ряде случаев имеем дело не с отдельными ошибками, а с целой системой ошибочных, сознательно неверных взглядов со стороны ведущих теоретиков литературы, ведающих подготовкой кадров на филологическом факультете Ленинградского государственного университета.

Во-вторых, мы чувствуем, что в некоторых местах не добрались до сути при критике, которой подвергались отдельные ошибочные положения в работе Гуковского. Между тем совершенно ясно, что в работах Гуковского имеется в основе своей порочная гегелианская система. Достаточно оказать о том, что этот Гуковский так пишет: «Реализм в литературе пришел на смену романтизму и возник на основе противоречий самого романтизма, зарождался в нем».

Интересна эта система идеалистического представления, что развитие литературы при самом развитии художественного познания мира придет, что в работах Гуковского и Пушкин и Гоголь страдали объективизмом. Тут речь идет о широком потоке европейского масштаба, где на одну доску ставятся не только Пушкин и Радищев, но и Руссо.

Я могу сказать, что последние месяцы проделана на филологическом факультете большая работа, мы заново пересмотрели продукцию крупнейших русских ученых, пересмотрели работы основной

[1] В документе ошибочно «Аникст».

кафедры, провели обследование работы и Института русской литературы. Это важно, так как там работали наши же работники, большинство совместителей. Во вторник появилась в Ленинградской правде статья, посвященная этому вопросу, и мы готовились, чтобы провести партсобрание и ученый совет, но партсобрание задерживается, так как должен был приехать Головенченко[1] и провести собрание и сделать доклад, но он не едет, а горком партии говорит ждать его.

ВАСИЛЕНОК[2]. – Внимание к филологическому факультету привлекается не только потому, что там работает 40% профессоров, но что роль литературы в нашем обществе резко повысилась. Вы помните высказывание товарища Жданова, что каждое удачное произведение партия сравнивает с выигранным сражением. Такую роль литература никогда не играла. И решения партии о литературе, театре, критике требует соответствующим образом усилить наше литературоведение.

Я хочу остановиться на двух вопросах, на одном из очень запущенных участков преподавания в вузе – на фольклоре. Преподавание русского фольклора имеет принципиальные недостатки на нашем филологическом факультете. Я хочу ответить тов. Ковальчик, она сказала, что шумно в коридорах, мешают заниматься. Но мы имеем 1,5 тыс. студентов, 16 аудиторий и коридор в 2 метра шириной, работаем в две смены. В 3 часа вы не только не услышите лекции в своей аудитории, а трудно расслышать рядом стоящего человека. Конечно, большие трудности возникают из-за того, что мы не имеем своей жилплощади.

Я хочу не согласиться с проф. Сердюченко. Я согласен в той части, в которой он критикует Виноградова, в его разделе европеизации русского языка есть крупнейшие методологического и политического характера ошибки. Умалять ошибок проф. Виноградова нет надобности.

Другое дело, что критиковать человека, это не значит ставить вопрос о запрещении ему работать. Мы растим и будем растить не только новые, но и старые кадры, помогаем им перестраиваться, перевоспитываться.

Я не согласен с проф. Сердюченко в отношении Гуторова. Гуторов воспитанник детдома, комиссар партизанской дивизии, легендарная

[1] Головенченко Федор Михайлович (1899–1963), литературовед, профессор МГПИ, сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) (в тексте стенограммы ошибочно «Головин»).

[2] В тексте стенограммы везде ошибочно «Василюк».

личность в условиях Белоруссии, один из лучших теоретических работников в белорусской литературе. В отношении тезисов я не согласен. Я преподаю белорусскую литературу 25 лет, но хочу сказать, что в этих тезисах есть недостатки, сама идея появления тезисов – протокольным путем создать науку – порочна, в тезисах нельзя развернуть соответствующих концепций, допускается много неправильных трактовок в литературе 20 века. Но причем тут Гуторов. Это работа института литературы и языка Белорусской Академии Наук, большой коллектив, подписывает Борисенко[1], Гуторов. Я утверждаю, что эти тезисы – лучшие тезисы, с которыми я знаком по истории Белоруссии. Их нужно критиковать, но в известном направлении.

Разрешите вкратце остановиться на преподавании фольклора в нашем вузе и затем сказать, поскольку присутствуют товарищи из других вузов, о состоянии этой дисциплины вообще.

Я хочу сказать, что по количеству и качеству опубликованных текстов народной поэзии, по теоретической разработке нерусского народного творчества и науки нами занималось передовое место. В области исследования народной поэзии много сделали русские революционеры-демократы. У А.М. Горького имеется десяток специальных работ по фольклору. А различные библиографические работы Ленина и Сталина о народном творчестве, у них имеются прямые высказывания о народном творчестве, о высокой оценке этого творчества, как одного из первейших не только нашей литературы, но и других видов культуры.

Именно фольклор мы должны рассматривать, как свой национальный источник развития русской литературы, что наша русская культура вырастала не из английской или немецкой, а из других корней, из своей национальной почвы. Эту сторону недооценивают. Не только к фольклору, но и предъявить серьезные претензии к литературоведению. До сих пор мы пользуемся старой схемой западноевропейского литературоведения, мы снижаем роль нашей литературы. В частности я хочу обратить внимание вот на какой факт. Чем объяснить, что история русской литературы начинается с XIX века, что история русского театра начинается с XVIII века, причем с классицизма, заимствованного из Франции. Если оторвать литературу от фольклора, то нужно поверить, что история русской

[1] Борисенко Василий Васильевич (1904–1984), литературовед, к.ф.н. (с 1956 – доктор наук); профессор Минского пединститута им. Горького, директор Института литературы и языка АН БССР (1946–1973), действительный член АН БССР (1969).

литературы начинается с XIX века. Разве это не есть космополитизм отрицать самобытность характера русской литературы? Чем объяснить, что в курсе древней литературы фигурирует XVII век, это противоречит нашим концепциям историческим и снижает роль русской литературы. Этот век нужно выделить в особый курс и создать особый учебник.

Что касается фольклора – то эта область самая засоренная, и здесь исключительно большой вред принес проф. Богатырев, о котором говорили. Такие профессора, как Азадовский, Чичеров[1], Гофман[2], Минц[3] – они засорили буквально этот участок работы. За 10 лет Богатырев не написал ни одной работы, он составил десяток программ, которые изымались Министерством. Этот человек жил 20 лет за границей, который написал антисоветскую книгу, издал ее, сделался профессором и руководит секцией Академии наук, Институтом и является референтом ВАК и решает судьбы науки в этой области и продвигает свои кадры. Вот работа докторская Кравцова[4], работника из Тамбова, который был выслан за политические грехи на 10 лет и работа его крайне примитивна, он добился, чтобы работа была продвинута и защищена.

Возьмите другие работы. Я прочту вам перечень работ, над которыми работают фольклористы. Все работы архаичны, не отражают современности. Возьмите темы: Гриньковская – обряд вождения русалок в селе...[5] (зачитывает перечень тем).

---

[1] Чичеров Владимир Иванович (1907–1957), фольклорист, д.ф.н. (1948), профессор филологического факультета МГУ (в оригинале стенограммы «Чеч....»).

[2] Эрна Васильевна Померанцева (урожд. Гофман; 1899–1980), фольклорист, доцент кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ (1938–1958), к.ф.н. (доктор исторических наук, 1964).

[3] Минц Софья Исааковна (1899–1964), фольклорист, соавтор Э.В. Померанцевой по ряду работ, с 1944 зав. фольклорным отделом Государственного Литературного музея.

[4] Кравцов Николай Иванович (1906–1980), фольклорист, славист, в 1934 году был осужден на 5 лет по «делу славистов», с 1939 – преподаватель, зав. кафедрой русского языка и литературы Тамбовского пединститута (1939–1960), к.ф.н. (1944), в том же году по рекомендации П.Г. Богатырева принят в докторантуру ИМЛИ, д.ф.н. (1947), профессор (1948), впоследствии зав. кафедрой устного народного творчества филологического факультета МГУ (1962–1980).

[5] Речь о статье: *Гринкова Н.П.* Обряд «вождения русалки» в с. Верейка Воронежской области // Советская этнография. 1947. № 1. С. 178–184.

Совершенно не разрабатываются классики русской демократии, отказались от изучения классиков марксизма. Они засорили эту тематику. Работу эту проводят в Ленинграде проф. Пропп, Азадовский. На каком же уровне находится наука в Ленинграде, когда Ленинградский университет выпускает книгу, где Азадовский пытался доказать, что не немцы, а англичане создали русскую науку о филологии.

Я считаю, что этот участок крайне засорен и нуждается в немедленном вмешательстве Министерства высшего образования.

Я обращаю внимание членов Коллегии на состояния факультета. У нас 9 отделений. Очень сложно работать. Нужно обязательно выделить специальных зав. отделениями.

Второй вопрос – здесь говорили о литературе народов СССР. Мы сделали большое упущение – имелась кафедра, ее закрыли. На факультете преподаются украинский, белорусский и т. д. языки, а кафедры народов СССР нет.

САМАРИН[1] (МГУ). – В своем докладе проф. Чемоданов говорил о кафедре [всеобщей] литературы МГУ, заведующим которой являюсь я. Он упомянул об обследовании, которое было проведено комиссией министерства, и обвинил меня, что я после обследования повел курс на разгон кафедры и представил материал об освобождении 80% кафедры. С этим я согласиться не могу. Я настаивал на отчислении трех штатных работников кафедры из состава 10. Мне представляется, что это совершенно необходимый акт и отнюдь не может повести к разгону кафедры, а освободит места, которые будут заняты настоящей советскими работниками, способными помочь кафедре в разрешении всех поставленные ею вопросов. Речь шла о профессоре Металлове, доценте Гальпериной и ... [отточие в тексте], в работах которых систематически повторяются ошибки космополитического характера. Они широко пропагандировали Фейхтвангера, в докторской диссертации проф. Мотылева указывает на Фейхтвангера, как на образец либеральной буржуазной школы, который является на самом деле космополитом, смыкающимся с Нусиновщиной[2], Моты-

[1] Самарин Роман Михайлович (1911–1974) литературовед, кандидат (1938), доктор филологических наук (1948), с 1944 старший преподаватель, с 1947 – зав. кафедрой всеобщей литературы филологического факультета МГУ, впоследствии декан факультета (1956–1961), один из наиболее деятельных участников борьбы с космополитизмом в МГУ и ИМЛИ.

[2] Имеется в виду Нусинов Исаак Маркович (1889–1950), литературовед, критик, д.ф.н., профессор кафедры всеобщей литературы МГПИ (до 1945 –

левщиной. Я считаю, что должен был так остро поставить вопрос после опубликования документа о борьбе с космополитизмом в газете «Правда» и «Культура и жизнь».

Таким образом я подтверждаю свою позицию, которую я занимал на заседании кафедры 7 марта 1949 г., когда комиссия еще не закончила свою работу на кафедре и в то время, когда я с документами комиссии не был знаком.

Я хочу поставить другой вопрос, каковой без вмешательства коллегии разрешить невозможно. Для обеспечения состава преподавателей западного отделения, который отвечал бы государственным нуждам страны необходимо организовать при западном отделении филологического факультета небольшие подготовительные курсы человек на 15–20, вполне достойных товарищей, чтобы их могло было сделать подлинно советскими специалистами по западной литературе. Я несколько раз обращался в соответствующие организации, министерства, но не нашел прямой поддержки за исключением со стороны т. Сидорова.

Я просил бы, чтобы это мероприятие было разрешено. Если такие курсы имеются при институте иностранных языков, для которого мы подготовляем кадры, то тем более необходимо такой подход к кадрам западного отделения филологического факультета.

УХАЛОВ. – Когда здесь говорили, что 40 профессоров пишут учебники, то возник вопрос, как же 40 профессоров не могут создать учебник, если кафедра будет участвовать. Институт мировой литературы назывался, и там эти же профессора, и другие институты, как педагогический институт и др. Прежде всего, как избавиться от этого совместительства? Я считаю, что это чрезвычайно трудно.

САМАРИН. – Что трудно? Сидит человек в Институте мировой литературы и пишет монографию вместо того, чтобы писать коллективный учебник.

УХАЛОВ. – Хорошо. Давайте назовем эти фамилии. Профессор Еголин – завед. кафедрой и ЦК ВКП(б) утвержден директором института, его же нельзя освободить. Проф. Бло...[отточие в тексте][1],

---

зав. кафедрой), профессор МГПИИЯ, арестован 12 января 1949 по делу Еврейского антифашистского комитета, скончался во время следствия.

[1] Имеется в виду: Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984), литературовед, д.ф.н. (1938), профессор МГУ (1943), зав. сектором ИМЛИ (с 1947), впоследствии декан филологического факультета МГУ (1950–1952). Автор учебника «История русской литературы XVIII века» (1945, 2-е изд. 1951).

завед. отделением в Институте мировой литературы, его нам не освободят. Профессор Бродский заведует отделением... и т.д. Это люди, которые могли бы работать над учебниками, но они заняты в нескольких местах.

Давайте решим вопрос, если мы сможем их освободить от другой работы, кроме писания учебников, то это будет хорошо, но если не освободят, то мы сами эту проблему разрешить не сможем. Мы говорим, что проф. Сердюченко, выступая, говорил, что на факультете критики не было, а между тем на ученом совете уже обсуждали некоторых специалистов и уже заставили многих работников признать свои ошибки и нужно посмотреть, как реализуются эти декларативные признания и мы сейчас выявили, что проф. Петерсон не способен перестроиться, мы поставили вопрос перед Министерством закрыть кафедру и самого Петерсона уволили, но фактически он ведет только санскрит. Это последняя искра, которая у него теплится и его обвинять не стоит. 1–2 человека, которых он подготовляет, мне кажется, что люди изолированы и достаточно раскритикованы и они не принесут много вреда. Общих широких курсов он не читает. Если вопрос стоит о снятии, я не сторонник, чтобы его снимать.

Вот проф. Богатырева мы критикуем, но у нас ни одного доктора по фольклору нет в Москве, а здесь нужно руководство аспирантурой, некоторые доценты, так как надо выращивать новые кадры, ждать, пока они вырастут, тогда ставить вопрос – выращивать кто будет. Богатырев не способен дать марксистское образование. И здесь необходимо, чтобы разорвать этот круг, идти на смелые решения.

САМАРИН. – В чем смелость? Устранить негодных руководителей?

УХАЛОВ. – Нужно поставить доцента, а вы не разрешите. И получается так: Петерсон член экспертной комиссии, Виноградов – член ВАК, Богатырев – председатель экспертной комиссии. Вот вам маленький перечень. А какова же здесь позиция Министерства? Все эти лица занимают не только у нас руководящие посты на факультете. Нужно решать этот вопрос не только в университете, но и в Министерстве.

Здесь говорили о том, что нужно выдвигать новые кадры. Это совершенно правильно. В этом году сделали значительный шаг, выдвинули целей ряд товарищей. Причем, товарищ Самарин, нужно иметь в виду, что некоторые специальности появились в течение последних лет. Не было литературы славянской, ни одного доктора нет по славянской литературе, и аспирантов не подготовили. Таким об-

разом, по ряду кафедр мы имеем большие затруднения. И здесь для того, чтобы иметь эти кадры в будущем, нужно вложить некоторый капитал. Помогите нам сейчас, а через несколько лет мы вам вернем с процентами. Сейчас мы набираем в аспирантуру из студентов по этой специальности и в ближайшее время будем давать продукцию, но в этот период необходимо помочь по ряду кафедр.

По фольклору ставили вопрос перед ЦК, чтобы разрешили, откомандировали к нам окончившего академию общественных наук тов. Богомолова[1]. ЦК берет его в свой аппарат, и мы не знаем, согласиться ли на его откомандирование в Московский Университет. Если бы нас поддержало Министерство высшего образования, может быть ЦК удовлетворило бы эту просьбу. Есть ряд трудностей на факультете, для изжития которых нужна ваша помощь.

Вопрос с учебниками – дело большой и государственной важности. Для этой работы необходимы не только кадры, но и условия. Ни университет, ни Министерство ничего не делают до сих пор в этом отношении. Даже до того, что напишут главу учебника, нужно обсудить, исправить, 3-4 раза перепечатать, и ни одной копейки не отпускается на эту работу, должны печатать за свой счет. Когда был Виноградов, печатал за свой счет. Разве так делают большое государственное дело? Это крохоборчество, это нищенство, мы за 30 лет не можем создать учебника.

САМАРИН. – Я считаю, что профессор, получая оклад 6000 рублей, может оплатить за перепечатку, тем более, что он имеет еще и гонорар за эту книгу.

УХАЛОВ. – Он не обязан. Он может перепечатать эту работу, но принципиально это неправильно.

САМАРИН. – Я не против того, чтобы университет платил, но я думаю, что не это является препятствием.

УХАЛОВ. – Я считаю, что условия должны быть созданы для работы над учебником. Это, в принципе, неправильно. Надо создавать такие

[1] Богомолов Борис Иванович (1917–1998), выпускник АОН при ЦК ВКП(б), занимался фольклором, защитил диссертацию на тему «В.Г. Белинский и вопросы народного творчества» (1949), в 1950 в Малой серии «Библиотеки поэта» был издан подготовленный им сборник «Былины» (переиздан в 1954); вскоре поступил в распоряжение МГБ СССР, впоследствии руководитель Управления КГБ СССР по Воронежской области (1956–1962), генерал-майор госбезопасности (1957).

условия, чтобы люди чувствовали, что это государственное дело, и создать соответствующую атмосферу.

Последний вопрос о распределении, мы готовим целый ряд кадров и каждый раз мы становимся перед вопросом, для чего они готовятся. Многих искусствоведов приходится распределять Комитету по делам искусств, – он говорит, нам эти кадры не нужны, у нас своя система институтов, мы готовим для себя кадры, нам они не нужны, однако из года в год нам дают задание по набору в эти отделения, по классической филологии. Мы готовим людей и не даем им назначения, они должны искать сами. Зачем мы их готовим? Нужно уточнить, каких специалистов нужно готовить государству, и чтобы наши планы были приспособлены к тем заданиям, которые стоят перед страной, а мы не знаем, кого готовим, в частности по классической филологии.

САМАРИН. – (См. материал для протокола).

4. (2) - О БОРЬБЕ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ В ПРЕПОДАВАНИИ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВУЗАХ Г. МОСКВЫ.

(Доклад т. Шапкарина – не стенографируется).

ШИМБИРЕВ. – По приказу Министра высшего образования обследование преподавания западной литературы было поручено Отделу общественных наук, Главному управлению университетов, Управлению кадров и Отделу педагогических вузов. Я полагал, что результаты этого обследования, как я говорил с т. Шапкариным, будут согласованы, прежде чем будут представлены на Коллегии. Это важно потому, что те разногласия, которые не существенны, которые можно было бы выяснить путем совместного обсуждения с тем, чтобы их на Коллегии не выносить и не являлись бы документом, в известной степени не отвечающим положению, какой этот документ должен занять. Мы видели представителей комиссий, в частности, были организованы две комиссии, была организована комиссия по обследованию преподавания русского языка и тут с т. Шульгиным идет дело правильно. Мы заслушали доклад бригады, вместе обсудили выводы, а здесь тот документ, который, представлен на Коллегию, не был согласован с т. Шапкариным. Я обращался к т. Шапкарину, неоднократно писал о согласовании и желании обсудить, но т. Шапкарин не сделал.

Я считаю, что такое положение неправильно. Мы обследуем совместно и то, что делаем совместно, должно совместно представлять-

ся. Тот проект решений, который представлен, чрезвычайно небрежно составлен, тут в конце концов не разберешь. Меня интересует, как дело поставлено в педагогических вузах, степень ответственности каждого педагогического вуза и моя, как начальника этого отдела. Если сведения, как обстоит дело, прямо по энциклопедии. Нас интересует постановка дела преподавания западной литературы за последние годы. Почему Институт им. Ленина называется первым центром космополитизма, когда больше 2-х лет тому назад Нусинов оттуда удален, была проведена большая работа в институте им. Ленина, двухдневное заседание...

САМАРИН. – Почему институт не хотел взять на работу Демешкан?

ШИМБИРЕВ. – Я возражаю, что институт им. Ленина является первым центром космополитизма. Та самокритичная работа, которая была проведена, не обнаружила космополитизма на кафедре западной литературы, а как раз на кафедре русской литературы.

Относительно Демешкан – институт на протяжении длительного времени возражал против нее, считал ее элементом неуживчивым с крайне сварливым характером.

Я говорю, что мотивировка, которая была приведена, я не мог разобрать, но такая была мотивировка.

Какие факты, я считаю, требуют расследования. Прежде всего по ряду не ведущих руководителей кафедр, а по некоторым рядовым работникам, в частности здесь взять т. Балашов[1] – обвиняется в очень тяжелом преступлении потому что, я на этом примере хочу показать, что этот документ не является тем документом, Балашову вменяется неправильный отзыв об Энгельсе (*зачитывает*).

Балашов сообщил, что он не так говорил и в подтверждение привел выписки из записей студентов, где видно, что это заявление опровергается. Балашов является бывшим работником Министерства высшего образования, молодой работник, член партии, может быть он действительно и ввел в заблуждение, но он ссылается на документы – записи студентов, и я считаю, что в постановление такие факты включать нельзя.

Затем вопрос с программой. Нельзя так судить. Соединенные Штаты Америки как заголовок должны быть сбоку, и это опечатка

[1] Балашов Николай Иванович (1919–2006), литературовед, доцент кафедры всеобщей литературы Пединститута им. В.П. Потемкина (с 1945), старший инспектор ВКВШ – МВО (1944–1946), к.ф.н. (1945, с 1976 – доктор наук), впоследствии – действительный член РАН (1992).

типографии, нельзя же на опечатке строить обвинение. Это сделано в типографии, а вовсе не наша ошибка, но это не является характеристикой программы. Опечатки бывают и очень досадные, но тем не менее это опечатка. Нужно было прежде, чем представлять на коллегию, выяснить и согласовать. Я возражаю.

Дальше вносится предложение отменить программу истории западной литературы XVIII века, составлена Эйхенгольцем, Металловым и доцентом Ива...[Ивашевой]. Я не знаю такой программы, но у нас ни Металлов, ни Ива...[Ивашева] участия не принимали. Эйхенгольц принимал участие, но затем после критики он снял свою подпись, мы сами стали разрабатывать программу. Я считаю, что программа должна быть подвергнута обстоятельному анализу, но нельзя выносить на коллегию. Я возражаю и считаю, что в таком виде выносить на Коллегию Министерства неправильно.

КОЧЕРГИН. – Тов. Шимбирев, скажите, а что бы вы могли добавить после вашего замечания отдельных пунктов в смысле разоблачения космополитов, в частности по вашим вузам, по системе педагогических вузов?

ШИМБИРЕВ. – Добавить тут нечего.

КОЧЕРГИН. – И смазывать не стоит безобразия, которые допустили. Вы стали на этот путь совершенно неправильно.

УХАЛОВ. – Мне кажется, что здесь обращают внимание на неуживчивый характер т. Демешкан и уходят от партийной постановки вопроса. Ну что же такое, что был ряд столкновений с работниками, которые обследовали, может быть не следовало посылать в числе членов комиссии человека, с которым была длительная вражда, но вот та комиссия, которая работала на филологическом факультете, так глубоко изучила материал, как ни одна комиссия. Два раза кафедру обследовали, но такого глубокого обследования не проводили. Они прочитали большинство дипломных работ, кандидатские диссертации, просмотрели программы. С таким материалом можно спорить в таком случае, если будем придираться к мелочам. Дело же не в этом. Надо говорить полным голосом. Мы на факультете критиковали отдельных космополитов, но по-семейному, а тут нужна глубоко политическая постановка вопроса. И если мы пойдем по такому пути – здесь тенденциозно, здесь несправедливо, мы скатимся на чисто деляческие позиции и потеряем перспективу, которая должна быть нами ясно намечена.

Я считаю, что критика, которой был подвергнут филологический факультет, в основном правильная. Я бы мог привести, что учебник, на который ссылались, был изъят в 36-м г. и факультет не пользовался им, не было еще кафедры. Можно было бы говорить, что статья о Фейхтвангере была написана Металловым тогда, когда Фейхтвангер был в Советском Союзе и другая постановка была, но дело не в этом, а дело в том, что мы не разгромили космополитизм, а мы должны были это сделать.

Филологический факультет сделает все выводы из критики, которая была у тов. Шапкарина. В основном постановка вопроса и выводи правильные, и тут нужно не разбираться и проверять, а решать вопросы, которые стоят чрезвычайно остро.

ГЛАГОЛЕВ. – Сейчас идет речь о решении большой государственной задачи, и нужно отбросить мелкие вопросы. П.Н. [Шимбирев] неправильно в своем выступлении поставил вопрос.

Нужно поставить вопрос – правильна ли по существу оценка и анализ положения, данные в докладе тов. Шапкарина. Если правильно в основном, то в чем и как нужно внести те или иные коррективы, чтобы помочь министерству лучше провести работу по перестройке. Согласовано ли, или не согласовано – это второстепенный момент, не имеющий существенного значения.

Дело усложняется тем, и об этом говорил т. Шапкарин, что эти люди, о которых идет речь и в проекте постановления, и в докладе, они занимали позиции ведущей группы, которые в глазах Министерства являлись ведущими фигурами и арбитрами, основными специалистами, которые решали все вопросы по западноевропейской литературе, которые руководили основной работой по составлению программ, которые проводили конференции и т. д.

Тут совершенно ясно, что должна быть какая-то явная позиция нашего Главного управления университетов, а также Отдела педагогических вузов, и я считаю, что бесспорно командные позиции на этом участке были захвачены группой лиц, которые были связаны друг с другом, в основном, более или менее тесными отношениями, которые проводили политику нам вредную и враждебную, как Нусинов насаждал политику воспитания не наших кадров, не нужных нам кадров, не тех кадров, которых мы должны были готовить на факультете западноевропейской литературы.

Всем известно, что Эйхенгольц и Нусинов, и Металлов, и Исбах все были связаны между собой. Бесспорно, что Нусинов выступал по диссертациям и Металлова, и Исбаха. Бесспорно, что подбор аспи-

рантов был поставлен антигосударственно, неправильный. Бесспорно и то, что направление, методологическое направление были не марксистское воспитание кадров по западноевропейской литературе.

Я не считаю, что если мы это признаем как бесспорный факт, то тем самым должны абсолютно и избежать всякого дифференцированного подхода при оценке кадров преподавателей по каждому вузу, т. е. объявить всех этих лиц или всех работников.

Когда читаешь предложение, то получается, что все работники этого участка по западноевропейской литературе, все они сплошь антипатриоты, космополиты, проводившие враждебную линию и т. д. Т.е. получается, что весь этот участок сплошь был захвачен чуждыми и враждебными людьми, участок сильно засорен, но сказать, что были только не наши люди, но предложение такое, что там нет достаточно дифференцированного подхода.

Надо говорить о людях, нам враждебных, типа Нусинова, затем о помощниках врагам и третье – о людях, которые занимались систематически и ошибались, о людях, имевших ошибки, но нежелающих их признавать и перестраиваться, и о людях, которые имели эти ошибки, но которые являются ценными специалистами советского типа и которых мы должны все-таки так или иначе перевоспитывать, и заставить их перестроиться и быть полезными людьми в советском государстве.

Конкретно буду говорить. Стоит вопрос о кафедре западной литературы Московского университета. В докладе говорится о Пинском – талантливый преподаватель, есть у него серьезные ошибки эстетического порядка и [идеологического] порядка. Это человек, в отношении которого нужно поставить вопрос так – сумеем ли заставить в ближайшее время по-настоящему, полностью свои ошибки изжить.

КОРОЛЕВ. – А надо ли идти по такому пути?

ГЛАГОЛЕВ. – Надо. Мы не можем полностью оголить весь фронт и выбросить людей, которые могут быть полезны. Тут не может быть огульного подхода. Если товарищи не захотят раскритиковать свои ошибки и полностью перестроиться...

САМАРИН. – Когда мы обсуждаем людей, допустивших ошибки, мы анализируем и корни, которые питают эти ошибки.

ГЛАГОЛЕВ. – Люди типа Гальпериной в своей практике проводили влиявшие на них раньше буржуазные идеи, не марксистско-ленинскую линию.

САМАРИН. – А сколько ей лет, чтобы она могла быть раньше под влиянием буржуазных идей?

С МЕСТА. – 42 года.

САМАРИН. – Вы в коллективе у себя серьезно должны решать вопрос о кадрах.

ГЛАГОЛЕВ. – Вопрос о программах. Дело в том, что вопрос о программах обстоит таким образом, что одним и тем же автором писались и редактировались программы. Возьмите программу, которая написана Ивашевой и ею же редактировалась. В этих программах часто принимали участие и они были одобрены работниками ЦК, несущими ответственность за это дело. Я ставил вопрос о тов. Николаеве[1], который является членом кафедры института, работал в течение ряда лет и не сигнализировал ни разу о крупнейших безобразиях.

САМАРИН. – Причем здесь ЦК, его работники, какое это имеет отношение к обсуждаемому вопросу?

ОРЛОВ. – Мне кажется, что прежде всего нужно дать ответ по существу ряда вопросов, поставленных на заседании Коллегии Министерства высшего образования. Нужно прежде всего рассмотреть это в плане правильных принципиальных установок в свете тех указаний, которые дает партия по борьбе и по разгрому космополитизма.

С этой точки зрения рассматривая доклад, нужно сказать, что доклад правильно отразил состояние преподавания западной литературы в педагогических вузах. Министерство высшего образования после опубликования статей дало указание директорам вузов начать работу внутри институтов по разоблачению космополитизма на отдельных кафедрах, путем проведения заседаний ученых советов, заседаний кафедр, факультетов, имея в виду, что на ряде участков и западной литературы, и ряде других участков имеются проявления космополитизма, объективизма и других ошибок идеологического порядка, которые также льют воду на мельницу космополитизма. Пока эта работа проводится. Я хочу высказать свое мнение по поводу

[1] Николаев Виктор Николаевич, к.ф.н., специалист по зарубежной литературе; инструктор сектора художественной литературы Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), член редколлегии журнала «Советская литература», сотрудник ИМЛИ.

всего материала на основе личных впечатлений при обсуждении вопроса в институтах.

Вчера я был на заседании ученого совета Московского областного педагогического института, где деятельность кафедры западной литературы была подвергнута большой уничтожающей критике в докладе и в выступлениях, где указывалось, и конкретные выступления подтвердили факты космополитизма со стороны руководителя кафедры доцента Исбаха. Он уже отстранен руководством института от работы и несомненно, здесь решение правильно, но в институте с преподаванием не только Исбаха, но дело с преподаванием и других работников кафедры отмечали ряд ошибок по этой же работе, и у других работников кафедры также отмечался ряд серьезных недостатков в подборе самих аспирантов. Естественно, раз был такой состав кафедры, это определяло и работу аспирантов.

Но в Областном педагогическом институте там был ряд совещаний, были ученые советы факультета и института, где деятельность, работа кафедры западной литературы была подвергнута критике и руководство проф. Эйхенгольца. Он также отстранен от руководства кафедрой.

В части критики работы о положении в Областном институте там много уделялось внимания о неблагополучном положении с аспирантским составом и с работой аспирантов. Сейчас Эйхенгольц обходит все учреждения и доказывает, что он не при чем. Причем он человек ловкий, запасся документами, но существо ясно не на основе документов, а на основе непосредственных деяний, на основе отзывов всего коллектива, совершенно ясно, что здесь ошибки не допущено в отношении оценки проф. Эйхенгольца.

Теперь в отношении положения в институте им. Ленина, действительно ли институт им. Ленина в течение ряда лет являлся центром таким. В 1945 году Нусинов был освобожден от заведования кафедрой и все факты, которые относятся к прошлой деятельности, правильно характеризуют положение в институте Ленина. Но директор института дал справку, что был освобожден, с августа был на полставки. У руководителей института была твердая линия, чтобы Нусинова изъять. После этого он оказался в институте иностранных языков, но наследство в институте Ленина было безусловно его.

В этом материале настоящее положение в институте Ленина не освещается, фамилии не называются. На заседании Ученого Совета деятельность кафедры западной литературы в настоящем составе не подвергалась особой критике. Может быть, там нет людей типа Исбаха, но серьезные недостатки в преподавании западной литературы есть и нужно основательно поработать, чтобы обследовать состояние преподавания

и подвергнуть критике ошибки отдельных работников кафедры, которые имеют место. И в ряде других кафедр эту работу нужно продолжить.

На сегодняшний день положение в двух институтах, городском и областном, нетерпимое и требует принятия срочных мер в свете решений и указаний, которые имеются по этому вопросу. Я должен оказать, эти меры принимаются. Та критика, которая была в институтах, недостаточно вскрыла все недостатки. Недостаточно разобрались в деятельности Эйхенгольца и в этом направлении предстоит большая работа».

И общая оценка правильная, в педагогическом институте имела место группа, которую называли Исбах – Эйхенгольц, раньше Нусинов, которые нанесли огромный вред. Нужно сейчас пересмотреть и преподавание, и научную работу, и состав аспирантуры. Была упомянута вскользь конференция в 48 году. Был правильный установочный доклад на пленуме конференции, а на западной секции были большие затруднения, обратились в университет и оттуда прислали товарища руководить секцией. Но в число докладчиков попали те люди, которых тут называли и здесь мы допустили большую ошибку.

Заявление товарища Шапкарина в документе, который утвердило Министерство Просвещения. Министерство просвещения никаких документов не утверждало, так как кандидатский минимум нами не утверждается, литературы для аспирантов мы не даем, – это дело Министерства высшего образования.

Я получил сведения, что здесь может идет речь о том, что один из периферийных работников прислал материал на прикрепление его к аспирантуре и ходатайствовать об этом перед Министерством высшего образования. Он прислал план своей диссертации и список литературы, который тут фигурирует. Один из работников Отдела кадров и направил вам материал. Безусловно, может быть, не нужно было такой документ направлять. Отдел кадров ГУУЗа нам этот документ не утвердил.

В отношении мероприятий Министерства просвещения, которые сейчас проводятся как обсуждение, которое идет на ученых советах, вскрывает наличие космополитизма, объективизма не только у преподавателей кафедры западной литературы, но и других кафедр, в частности, в институте педагогическом им. Потемкина фигурирует Гроссман[1], затем в Институте им. Ленина [С.И.] Бернштейн, Нейман[2] и других.

---

[1] Гроссман Леонид Петрович (1888–1965), литературовед, писатель, преподаватель МГПИ им. В.П. Потемкина, с 1945 – профессор, подвергся критике как космополит.

[2] Нейман Борис Владимирович (1888–1969), литературовед, д.ф.н., профессор.

ДЕМЕШКАН. – Вопрос, который здесь поднят может быть отдельным товарищам неизвестен, но мы имеем огромный материал по каждому пункту и полностью аргументировали свои выводы, и члены комиссии не впервые сталкивались с этим вопросом, мы с этой группой ведем борьбу в течение десяти лет, мы уже много раз выступали против группы Нусинова и точно мы вооружены достаточно 10-летним изучением этой школы.

Мы перечитали все статьи, все работы, проверили всю деятельность этой компании, но интересовались и судьбой нашего молодого поколения. Нусинов действовал открыто. Тов. Шапкарин приводил факты, мы писали о его деятельности. Мною было написано письмо в ЦК Партии о работе этой группы в институте им. Ленина, и было указание снять Нусинова с работы, но Агроскин[1] пристроил его в Институт иностранных языков, который воспитывает кадры для заграницы; мы опять писали, но нам не всегда удавалось пробивать эту стену. Это была настоящая борьба. Члены группы вели борьбу до последнего. Металлов говорил, что он ведет борьбу до полного уничтожения, чтобы мы печататься не могли нигде, ни в одном органе печати, и был закрыт доступ во все органы печати.

Потому что всеми литературно-критическими отделами заведовали друзья Нусинова, космополиты, которые сейчас разоблачаются.

Товарищ Шимбирев сказал, что для него глубоким материалом был доклад товарища Жданова, но тов. Жданов именно и учил до конца глубоко разбирать каждый вопрос, откуда это идет. Чем глубже сумеем проанализировать, тем лучше сумеем понять и измерить тот вред, который нанесли безродные космополиты культуре, науке, образованию.

Товарищ Чемоданов рекомендовал нам посидеть по два часа на лекциях и больше ничего мы не должны были делать. Это неправильно. Мы не знакомы с товарищем Чемодановым, а он говорил о моем характере, но меня хорошо знают и по моим статьям и по тому, что первый удар Нусинову был нанесен мною, что он убежденный враг народа, русских за людей не считает и в таком духе воспитывал молодежь. Он внушал русской части студентов, что они не способны учиться. Студенты и говорят – не пойдем в аспирантуру по западной кафедре, потому что говорят, что мы не так способны. Эту группу точно можно назвать, что это диверсионная группа.

---

[1] Агроскин Иосиф Ильич (1900–1967), ученый-мелиоратор, доктор технических наук (1938), профессор по кафедре гидравлики, с 1946 по 1948 – зам. министра высшего образования СССР.

Большинство членов этой группы происходило из крупной еврейской дореволюционной буржуазии, большинство побывало заграницей, вышли из троцкистов, из бунда. Они связаны друг с другом с детских лет. Аникст знает Нусинова еще со Швейцарии, вместе приехали в 191[7] г. Они совершенно откровенно проводили свою вредительскую деятельность. Профессора Нусинова никто не пытался разоблачить, и они это прекрасно понимали. Раскусила его молодежь, но с нами, только что вошедшими в литературу представителями молодежи, мало кто считался. Он говорил, что книга Стефана Цвейга о Толстом стоит всех работ Ленина о Толстом – это говорилось на кафедре в 1945 г.

Трудно передать всю ту пакость, которую мы слышали с кафедры в эти годы. Если бы вы посмотрели на план диссертаций, он всегда рекомендовал «исторические» так называемые темы, как например, он не говорит Мильтон в России, мы можем говорить только Россия в Мильтоне – это он связывал с определенной исторической закономерностью. Он не мог представить такого положения, чтобы русская культура стояла во главе цивилизации, доходит до таких утверждений: «А хорошо Бродский Державина назвал великим? Бродский подслуживается к русским».

Но вместе с тем Нусинов поддерживал, понятно, все антисоветские диссертации, после решения ЦК поддерживал Гальперину по двум диссертационным выступлениям. Она сделала доклад из своей антисоветской диссертации и утверждала, что декаданс это вершина мировой культуры, который породил Горького.

Характерно, что Нусинов, который был сознательно разоблачен в 1939 г. нашей центральной прессой, где он назывался меньшевиком, троцкистом, где точно классифицировалась его деятельность, Нусинов сошел со сцены, во время войны стал активно приподниматься. И странное дело, никогда Нусинов не упоминался в качестве обязательной литературы в программах советских вузов, а во время войны стали его пропагандировать. Нусинов в 1948 г. утвержден Главным управлением университетов и наряду с Нусиновым фигурирует известный немецкий националист Дебелиус и потом уже в рекомендованной литературе указывал Ленина и Сталина, и указывается, что статьи могут быть прочитаны на выбор или Ленина или Нусинова.

Вот отношение к марксизму. Мало того, что они искажают и извращают и дискредитируют, они допускают оскорбление выпущенных материалов Маркса и Энгельса. Ивашева в своей диссертации, которая была дважды рекомендована к защите и не принята только благодаря моему вмешательству, так как я достаточно хорошо знаю материалы,

чтобы разоблачить. Вот отчет Гальпериной в том, что она изучает классиков марксизма-ленинизма, она название статей переврала. Вот как дает классиков марксизма-ленинизма Ивашева, она дает только отдельные страницы этих работ, дает на спецкурсах (*зачитывает*).

Тут т. Чемоданов говорил, что это не система. Я считаю, что за систему этих людей давно бы посадили, если бы они систематически, каждый день говорили, что Стефан Цвейг выше Ленина. Но есть вещи, за которые достаточно было бы передать в трибунал. На это имеются документы.

Вот спецкурс, который Гальперина проводила в прошлом году: «Стихи Рембо...» (*читает по материалам*).

В университете нет ни одной дипломной работы, ни одной диссертации, где показывалась бы роль русской литературы в развитии мировой литературы, роль русской критики в развитии мировой критики. Все острые актуальные проблемы, которые назревали в нашей науке и являлись средством воспитания патриотизма у студенчества, – ни одной такой темы нет. Студенты заявляли, что они просят, чтобы организовали чтение курса русской литературе, ознакомления с творчеством революционных демократов. Этот не организовали, зато пригласили Мотылеву, которая должна была прочесть курс о влиянии русской литературы на западную. То, что мы сейчас находим в области западной литературы, это не просто кампания, это связано с коренными интересами нашего народа, и мы никто не остановимся на полпути и доведем дело до конца. Это связано с коренными интересами русского народа, это серьезная большая опасность, стремление разоружить народ перед лицом империалистической реакции, оглупить, одурачить. Много лекций было о самой реакционной литературе, как Андре Жид, Шопенгауэр. В этих программах нет ни одной фразы, которая не вызывала бы возмущения, их нужно отменить.

ЗОТОВ. – Доклад тов. Шапкарина предоставляет большую политическую ценность. Я, как директор института иностранных языков, несмотря на то, что на прошлой неделе я был именником [!] здесь, но я хотел бы еще раз сказать, что в докладе тов. Шапкарина политическая сторона дела представлена совершенно правильно.

Я должен сказать тт. Шимбиреву и Глаголеву, что они здесь выступали совершенно не с тех позиций, с которых нужно выступать на Коллегии. Я в первый раз вижу тов. Демешкан, но вижу, что говорит партийный человек, по партийному ставит вопрос. И непонятна позиция тов. Глаголева, который обследовал институт, где сидел Нусинов, и не вскрыл причины, которые привели к такому состоянию.

Тов. Глаголев, если вы обследовали институт, хотя бы с директором поговорили, а вы только, представили мне бумажку об обследовании и больше не разговаривали со мной, может быть директор мог бы вам помочь в этом деле. Встает вопрос, какими же хитрыми методами действовали враги народа, такие Нусиновы, почему мы, директора, которые сидим уполномоченными партии и государства в институте, почему мы сами не взялись, как следует быть за разоблачение всей этой космополитической и враждебной нам работы. Поймите нас, директоров, мы связаны были сверху и внизу. [*далее пропуск листа стенограммы*]

[ДЕМЕШКАН] ...Нусинов был поддержан. Раньше его поддерживало Министерство просвещения, из одного вуза взяли в другой вуз, перевели и последовательно из месяца в месяц он вытаскивает свои кадры одной и той же с ним национальности, и сейчас двое русских остались на кафедре, остальные нерусские. По определенному признаку подбирались кадры, причем если сопротивляются такому подбору, сопротивляются, начинаются звонки из Отдела преподавания иностранных языков. Когда он был в министерстве и Зусманов и Чемоданов и вплоть до Агроскина все поддерживали Нусинова. У нас не было штата аспирантуры, а у него 4 человека аспирантов и присылаются бумаги, все подписанные, с приказанием принять аспирантов и передать их в руки Нусинова, мы никогда не представляли таких требований на аспирантов, так как не имели права, у нас нет на кафедрах узаконенных аспирантов.

Я хотела сказать, что мы просмотрели многое и проявили близорукость в этом отношении и большого порядка совершили ошибку, что во время не рассмотрели противников.

Я бы просила Министерство высшего образования по отношению к нашей кафедре принять самые жесткие меры. Я обращалась в Министерство высшего образования с письмом об освобождении 7 человек. Тов. Шапкарин указывает на одного космополита, которого мы разоблачили – это Мендельсон. Он в Советский Союз приехал недавно, в 1934–35 г. (*зачитывает*).

Мы дадим жестокий бой этим людям, которые занимают в ВАКе посты.

ИВАЩЕНКО. – Я хочу выступить в качестве члена экспертной комиссии и должен сказать, что все попытки опорочить честную и добросовестную работу комиссии, выводы которой определяются на огромном материале, вызывают у многих глубочайшее возмущение.

Я не могу кратко не остановиться на выступлении проф. Шимбирева. Он защищает программу, на которой красуется его имя, программу, в которой ведется откровенная пропаганда самых растленных явлении зарубежной литературы, и это факт, а он говорит, что Металлов не принимал участия в составлении программы. Вот программа, на которой красуется подпись ответственного редактора проф. Металлова.

Я перейду к существу вопроса. Чем сильнее и глубже вскроет советская научная общественность все формы деятельности безродных космополитов и буржуазных националистов, тем лучше. Мы боимся, что оголим преподавание западной литературы, останемся без людей, не на кого будет опереться, но лучше не опираться на такие кадры. Вот А.В. [Шапкарин] показал чудовищное расхождение между реальной нагрузкой с целой шайкой дармоедов, которые кормились на чужой счет. Они играли на своей незаменимости.

Не позднее, как вчера закончилось вторичное партийное заседание бюро Института мировой литературы, на котором разоблачен во всей жалкой наготе Кирпотин[1], который предстал перед всеми прежде всего как вор, хапуга, чуждый советской действительности человек. Его исключили из партии.

Всю эту шайку связывала круговая порука, они пытались монополизировать и закрепить за собой наиболее ответственные места в советской науке о литературе своим лжеавторитетом. Возьмите профессора Металлова, я несколько подробнее хочу остановиться на этой фигуре потому, что он до сих пор пользуется каким то авторитетом. Он председатель экспертной комиссии ВАК. Это страшно, так как в руках такого человека находятся судьбы советских людей, которые идут в науку. Что представляет докторская диссертация Металлова о Гейне? Главным оппонентом был Нусинов. Это сумбурная, противоречивая, халтурная работа в 1200 страниц. Прочесть ее – это подвиг сам по себе. Она построена на мотивах самого развязного буржуазного национализма. Металлов обыгрывает у Гейне его еврейское происхождение, выставляет его совершенством мировой культуры, которое возвышается над всей действительностью не только культурной, но и политической мысли 18–19 веков. Он пишет: «Гейне стоит в авангарде истории. Огромной заслугой Гейне является то, что он задолго до знакомства с Марксом рвется к революционной демократической

[1] Кирпотин Валерий Яковлевич (1898–1997), литературовед и критик, д.ф.н., зам. директора ИМЛИ; в 1949 лишен должности, исключен из рядов ВКП(б).

борьбе, а как только позволяют условия, становится плечо к плечу с Марксом и Энгельсом». Он называет Гейне «политически мудрым революционером», кстати сказать, называет «космополитом, у которого глубочайшее понимание диалектики Гегеля, вскрывает материалистическую основу ...[отточие в тексте] коммунизма, с гениальной прозорливостью проникает в историческую сущность революционной борьбы». Куда там Маркс и Энгельс, он – центр, пуп, сила, он – гвоздь всех возвышенных взглядов, и нет мировой культуры, он все воплощает в себе.

Наконец второе, это полная, это откровенная клевета на русских революционных критиков. Никто из наших критиков не мог понять Гейне. Писарев – он не мог понять Гейне. Добролюбов исказил стихи Гейне, и т. д. А кто оценил Гейне, а искренние его почитатели, императрица Елизавета Австрийская и Меттерних... (*зачитывает*). Затем Бисмарк... (*зачитывает*). Затем он говорит, что своими успехами Некрасов в 1861 г. был обязан не своим стихам, а тем, что в этом году умер Гейне, так и указывается, что Гейне повлиял на Некрасова, и это обеспечило успех (*зачитывает*).

Я должен привести одну цитату, в которой находим открытое издевательство над Маяковским. Говоря об Уитмене и Маяковском, он переходит к Гейне и говорит: «Несравненный в мировой литературе поворот совершил Гейне. Ни до, ни после Гейне никто в мировой поэзии не сумел написать столь совершеннейших, влияющих на многомиллионные народы, стихов». Куда тут Маяковский.

Не могу не позабавить вас одной цитатой, но это одна капля в море. У Гейне есть проблема вкуса и приличного питания, в позитивной программе его творчества это ультра-материалистическая проблема. Поэт глубоко и совершенно справедливо убежден в том, что раковый суп непосредственно вытекает из свободы и конкретизирует ее.

Какие же диссертации выходили из под пера Металлова?

Под руководством Металлова была защищена в 1945 г. диссертация Валевич «“Волшебная гора” Томаса Манна». Находим следы металловского руководства. Это самая разнузданная эротика и апология смерти: «В ночь карнавальную...» (*читает*). Вот тема диссертации и выдержка из диссертации, которая защищалась в 1945 году.

САМАРИН. – (См. материал для протокола).

3.

Проект от 22. III. 49

Решение
Коллегии Министерства высшего образования СССР
О мерах по улучшению работы филологического факультета
Московского государственного ордена Ленина университета
им. М. В. Ломоносова[1]**.**

[К заседанию коллегии МВО СССР 23 марта 1949 г.,
подготовлен К.Ф. Жигачем и А.В. Топчиевым[2]]

Заслушав доклад декана филологического факультета Московского государственного университета проф. Н.С. Чемоданова, Коллегия отмечает:

Исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и решение августовской сессии ВАСХНИЛ поставили перед советскими языкознанием, литературоведением и искусствоведением огромной важности задачи в деле дальнейшего развития передовой марксистско-ленинской науки и коммунистического воспитания кадров филологов.

В науке о языке эти задачи сводятся, прежде всего, к решительному разгрому и полному преодолению пережитков буржуазной формалистической и идеалистической лингвистики с ее лженаучной расовой «теорией» праязыков, и к перестройке всех научных дисциплин, в частности по русскому и романо-германскому языкознанию, на основе материалистического учения о языке академика Н.Я. Марра.

Основной задачей литературоведения и искусствознания является беспощадная борьба с враждебным советскому народу безродным космополитизмом, формализмом, низкопоклонством перед буржуазной наукой и культурой.

Однако перестройка идейно-теоретической, политико-воспитательной и организационной работы на факультете проходит неудовлетворительно.

---

[1] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО). Оп. 1. Д. 226. Л. 225–230. Машинопись, подписи-авторафы; перед заседанием проект был тиражирован на ротаторе в 25 экз. – один из них отложился в этом же деле, лл. 138–142. Приложения, указанные в тексте, в архивном деле отсутствуют.

[2] Топчиев Александр Васильевич (1907–1962), доктор химических наук (1944), зам. министра Высшего образования СССР (1947–1949) , в июне 1949 избран действительным членом АН СССР (1949) и назначен главным ученым секретарем Президиума АН СССР.

Руководство лингвистическими кафедрами на факультете в течение ряда лет возглавляется сторонниками старого языкознания, отстаивающими отжившие традиции русской дореволюционной лингвистики и проповедывающими чуждые советской науке формалистические теории соссюрианства и структурализма (акад. Виноградов – зав. кафедрой русского языка и бывш. декан факультета; проф. Петерсон).

На факультете замалчивается и не получает развития материалистическое учение о языке Н.Я. Марра. Враждебное материализму формалистическое направление в лингвистике, ведущее свое происхождение от либерально-буржуазной школы Фортунатова, Шахматова, Бодуэна де Куртене и находящееся в тесной связи с современной зарубежной лингвистикой, не разоблачается и имеет прямых приверженцев (проф. Аванесов, проф. Кузнецов, проф. С.И. Бернштейн).

Бывший зав. кафедрой сравнительной грамматики индоевропейских языков проф. М.Н. Петерсон в своих курсах проповедовал теорию праязыка, а в статьях, напечатанных в изданиях факультета, утверждал, что сравнительный метод Фортунатова способен разрешать все задачи, стоящие перед языкознанием, профессор Аванесов эклектически объединяет советскую науку с мнимыми «достижениями буржуазной лингвистики».

Ошибки, допускаемые в трудах отдельных работников факультета (пособие акад. Виноградова «Русский язык» и его же «Очерки по истории русского литературного языка»), и замалчивание учения о языке Н.Я. Марра неоднократно подвергались на факультете критическому обсуждению.

Однако, несмотря на признание акад. Виноградовым и проф. Аванесовым своих идеалистических ошибок, существенных изменений в учебной и научной работе факультета не произошло. Большинство основных языковедческих курсов на факультете все еще строятся на основе буржуазного сравнительного языкознания, а ученые-языковеды факультета не опубликовали ни одной серьезной работы, являющейся вкладом в марксистское языкознание.

Кафедра общего языкознания не является центром методологической перестройки языковедческих дисциплин на факультете и не оказывает влияния на работу других лингвистических кафедр, недостаточно пропагандируют достижения марксистского языкознания.

Кафедра русского языка (акад. Виноградов) не перестраивается, не обсуждает основных вопросов истории и теории русского языка в плане материалистического языкознания, не критикует допущенных ею ошибок, не воспитывает студентов и аспирантов в духе марксистского учения о языке Н.Я. Марра.

На кафедре романо-германской филологии (проф. Смирницкий) до сих пор не изжиты идеалистические структуралистические ошибки, в курсах кафедры не критически излагаются буржуазные концепции в языкознании.

Многие профессора и доценты литературоведческих кафедр в курсах и опубликованных работах протаскивали космополитические взгляды (проф. Мотылева, доц. Аникст, доц. Гальперина, доц. Фридман). В работе кафедры русской литературы до сих пор имеют место рецидивы буржуазного компаративизма и теории единого потока развития русской литературы (проф. Г.Н. Поспелов, проф. Бродский). В курсах всеобщей литературы читается исключительно литература Англии, Германии, Франции, США и совершенно замалчивается богатая литература славянских стран Польши, Чехословакии, Болгарии.

Кафедра советской литературы не стала центром перестройки литературоведческих дисциплин на факультете, недостаточно пропагандирует достижения советской литературы и до сих пор не создала курса литературы народов Советского Союза.

Курсы, читаемые проф. Богатыревым по фольклору, пропагандируют чуждые советской науке структуралистические концепции.

Крупные недостатки имеется и в подготовке аспирантуры на факультете, большое число аспирантов кончают аспирантуру без защиты диссертаций, неудовлетворительно организована педагогическая практика аспирантов, тематика некоторых спецвопросов и диссертаций неактуальна.

Недостаточная борьба с космополитизмом и рецидивами буржуазных влияний в работе отдельных профессоров привела к тому, что перестройка факультета в духе требований, вытекающих из решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, осуществляется крайне медленно.

Программы ряда основных курсов по истории западной литературы (автор Е.Л. Гальперина), по истории западноевропейской литературы XVIII в. (автор Л.Е. Пинский) и по истории новой западной литературы XIX в. (автор В. Ивашева) остаются методологически неудовлетворительными, ведущие курсы не обеспечены учебниками, а имеющиеся, например, учебник новейшей литературы Гальпериной и методическое пособие Ивашевой методологически несостоятельны. Работа по созданию новых учебников не стала в центре внимания факультета и всех кафедр, а существующий план подготовки учебников находится под угрозой срыва.

Слабо развернута научно-исследовательская работа кафедр. Мало работ по актуальным проблемам современности. Недостатком науч-

ной работы факультета является ее многотемность и распыленность, деканат и кафедры не осуществляют контроля за выполнением плана и качеством научно-исследовательских работ.

В изданиях факультета имеются грубые методологические ошибки (статья проф. Петерсона – «Проблема метода в языкознании», вып. 1-й, проф. Г.Н. Поспелова «Проблемы романтизма», вып. 3-й, статья профессора Пиксанова «Проблемы изучения литератур народов СССР», вып. 7-й и др.).

В целях устранения отмеченных недостатков в работе филологического факультета Московского государственного университета, Коллегия

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать ректора университета акад. Несмеянова А.Н.:

а) коренным образом перестроить учебную и научную работу факультета, решительно борясь с космополитизмом, аполитичностью формализмом и рецидивами идеализма в педагогической и исследовательской работе;

б) практиковать на ученом совете и кафедрах факультета широкое обсуждение основных курсов лекций по узловым вопросам и научно-исследовательских работ;

в) улучшить издательскую работу факультета, повысить идейный уровень печатных работ факультета;

г) обеспечить выпуск в сроки полноценных учебников по русскому языку и русской советской литературе. Утвердить план подготовки учебников по филологическим дисциплинам согласно приложению № 1;

д) закончить к маю 1949 года переработку учебных программ (согласно приложению № 2) и проекты новых программ представить на утверждение главного управления университетов;

е) развернуть воспитательную работу среди преподавателей, аспирантов и студентов факультетов в духе советского патриотизма и беспредельной любви к нашей родине;

ж) организовать семинары и спецкурсы по Новому учению о языке Н.Я. Марра;

з) включить в курс всеобщей литературы историю литературы стран народной демократии;

и) уточнить учебные планы отделений факультета и представить их к 15 апреля 1949 года на утверждение руководства Министерства;

к) решительно улучшить состав аспирантуры, в особенности по кафедрам русского языка и славянских языков и литератур;

л) изъять из обращения учебные программы по западной литературе XVII и XVIII вв. (автор Пинский), XIX века (Эйхенгольц), XX века (Гальперина) и учебники по новейшей западной литературе (автор Гальперина) и методическое пособие (автор Ивашева).

2. Поручить начальнику главного управления университетов К.Ф. Жигачу:

а) организовать летом 1949 г. при филологическом факультете Московского университета месячные курсы для преподавателей университетов по общему языкознанию, русскому языку, русской и советской литературе и литературе народов СССР;

б) провести в 1949 году совещание по программам курсов общего и русского языкознания русской и советской литературы и литературы народов СССР;

в) представить в месячный срок соображения о составе авторских коллективов по созданию учебников по филологическим дисциплинам, в том числе по истории литературы народов СССР.

3. начальнику Главного управления университетов т. К.Ф. Жигачу и Отделу труда и зарплаты (т. Пантелееву И.С.):

а) выделить в распоряжение ректора Московского университета 3 профессорских и 2 доцентских ставки, предназначенных для научно-исследовательской работы по созданию учебников по филологическим дисциплинам;

б) установить на филологическом факультете должность замдекана по аспирантуре и по отделениям русского языка и литературы, логики и психологии.

4. начальнику Главного управления университетов т. К.Ф. Жигачу и Управлению кадров (т. Галкину) укрепить руководство кафедрами русского языка, славянских литератур, фольклора, классической филологии.

5. Утвердить новую структуру и профили отделений факультета согласно приложению № 3. Искусствоведческое отделение факультета включить в состав исторического факультета университета.

6. Утвердить контингенты приема студентов и аспирантов на факультет на 1949–50 учебный год, согласно приложениям 4 и 5.

7. Освободить от работы на факультете профессора Мотылеву, профессора Бернштейн С.И., доцента Аникст и доцента Исбах.

К. Жигач
А. Топчиев

[ПРИЛОЖЕНИЕ]

Проект к заседанию Коллегии МВО СССР 23 марта 1949 г.

РЕШЕНИЕ
Коллегии Министерства высшего образования СССР
Об антипатриотической деятельности группы космополитов на кафедрах западной литературы в высших учебных заведениях Москвы[1]**.**

Проверкой работы кафедр западной литературы в учебных заведениях Москвы установлено неблагополучное положение в научной работе и преподавании зарубежной литературы.

Преподавание западных литератур в высших учебных заведениях Москвы было поставлено плохо.

В лекциях и на семинарских занятиях по западной литературы не раскрывалось величие русской классической литературы, не показывалось ее прогрессивное влияние на развитие культуры западноевропейских государств.

Творчество выдающихся деятелей отечественной культуры: Пушкина, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Тургенева рассматривалось как результат влияния западноевропейских писателей.

Принижалось значение Советской литературы и ее роль в воспитании нового советского человека.

В научных работах, в лекциях и на семинарских занятиях протаскивались космополитические взгляды на развитие отечественной культуры, литературы и искусства.

Антипатриотическая группа безродных космополитов, занявшая ответственные позиции на кафедрах советских вузов, почти откровенно ревизовала и извращала указания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина по вопросам русской и зарубежной литературы.

Ныне окончательно разоблаченный Нусинов, развязно и нагло заявлял, что «есть двадцать два марксизма», и что, следовательно, марксизм – понятие неопределенное. Возглавляющий в настоящее время кафедру в Московском областном педагогическом институте проф. Эйхенгольц, в своих лекциях протаскивал порочные суждения «о наличии двух разновидностей социализма – западного и нашего русского».

---

[1] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО). Оп. 1. Д. 225. Л. 6–16. Ротапринт (другой экземпляр проекта в Д. 226, л. 147–157).

Эти порочные антимарксистские взгляды Эйхенгольца и других официально были зафиксированы в «Программе по истории новейшей западной литературы», составленной доцентом Московского государственного университета Гальпериной. Проф. Эйхенгольц в своих лекциях оскорбительно называл труд В.И. Ленина «Что делать?» «статейкой», заявлял студентам, что он не хочет «утруждать» их чтением цитат из произведений В.И. Ленина. Такое же отношение к трудам великого Ленина установлено у преподавателя МГПИ им. [В.П.] Потемкина Потоцкой.

На кафедре, возглавляемой безродным космополитом Исбахом (МГПИ им. Потемкина) наблюдались факты бестактных выпадов против Маркса и Энгельса. Лектор Н. Балашов заявлял, что Энгельс «не понял» книгу Генриха Гейне «Людвиг Берне», что «Маркс своим авторитетом прикрыл неблаговидный поступок немецкого поэта Генриха Гейне».

Группа космополитов в своих работах излагала антимарксистские взгляды на выдающихся писателей западноевропейских стран (Ивашева – докторская диссертация о Диккенсе, Исбах – лекция об Анри Барбюсе, Металлов – докторская диссертация о Генрихе Гейне, Эйхенгольц – статья в Большой Советской Энциклопедии о А. Барбюсе).

Приглашенная в МГУ для чтения курса современной западной литературы доктор Мотылева принизила и оклеветала в своей диссертации Льва Николаевича Толстого. Известное положение В.И. Ленина о мировом значении творчества Л. Толстого Мотылева подвергла ревизии.

Раболепское преклонение группы безродных космополитов перед растленным буржуазным Западом закономерно сочетается у них с принижением и опошлением русской национальной культуры.

Одна из идейных вдохновительниц этой группы Т.Л. Мотылева утверждала, что «образы активных борцов за дело народа... появлялись в русской литературе XIX века лишь эпизодически» (статья «Мировое значение советской литературы» в сборнике «Проблемы социалистического реализма», 1948 г.).

Доцент кафедры Московского педагогического института иностранных языков и Московского государственного университета Мендельсон в своей книге «Марк Твен» уподобляет Марка Твена Гоголю. Книга его откровенно пропагандирует среди советской молодежи растленную идеологию американского капитала, собственническую мораль, неукротимую алчность к наживе, жалкую психологию американского дельца.

Великие русские критики, революционные демократы либо тенденциозно замалчивались, либо подверглись охаиванию. Доценты Гальперина и Аникст в своих докладах на Всероссийском совещании заведующих кафедрами литературы открыто игнорировали наследие русских революционных демократов. Доцент МГУ Ивашева в статье «Диккенс в русской критике XIX века» (1946 г.) объявляет Белинского учеником и пропагандистом немецкой реакционной философии.

Тлетворное влияние группы космополитов проникало в студенческую и аспирантскую среду:

Студентка Московского государственного университета Коновельцева в своей дипломной работе утверждает, что Пушкин всегда находился под всесильным влиянием западной культуры («Шекспир в журнале “Современник”», 1948 г.).

Аспиранты Лерман, Кройнс, Кораллов (областной педагогический институт), Финкельштейн, Суворова (педагогический институт им. Потемкина) и др. не знают работ русских революционно-демократических критиков, посвященных вопросам западноевропейской литературы.

Группа космополитов идейно разоружает советскую литературу, сведя ее коммунистические идеи к сумме отвлеченных моральных положений, по сути дела превращая советскую литературу в носительницу либерально-буржуазных идеалов «правды, добра, человечности» (статьи Мотылевой, Кирпотина и др.).

С вузовской трибуны нередко звучат барски-пренебрежительные отзывы космополитов о советской литературе. Так, Гальперина в своей лекции студентам МГУ заявляла, что «советские писатели умнее своего творчества», дискредитируя содержание советской литературы.

В оценке значения прогрессивной зарубежной литературы космополиты смазывают антиимпериалистическую, антифашистскую направленность творчества Фаста, Фучика, Арагона (Мотылева – статья «Советская культура и зарубежные писатели», Исбах – лекция о современной французской литературе). Наряду с этим идет откровенная пропаганда буржуазного декаданса, смакование самых упаднических, самых растленных явлений зарубежной литературы и рабское восхищение американским образом жизни. Не случайно, что за последние годы появились кандидатские диссертации, посвященные декадансу Рембо, работы Норы Гальпериной, Балашова, декадансу Верхарна работа Шенкер и т. д.

Е.Л. Гальперина в Московском государственном университете организует спецкурс на тему «Французская проза 20-х годов

XX века», делая акцент на писаниях Сартра, Селина, Мориака и других предателей французского народа. В спецсеминаре Ивашевой (Московский государственный университет) студенты делают доклады о литературе «потерянного поколения», изучая Олдингтона, Хаксли, Мэкензи и др.

Космополиты сознательно разлагают студенческую молодежь, заставляя ее изучать заведомо порочные произведения буржуазной литературы.

Характерен возмущенный отзыв студентки Булгаковой о семинаре доц. Ивашевой: «Я читаю романы Олдингтона и других с отвращением, я отплевываюсь от них, как от нечистой силы, и не знаю, что мне делать дальше, так как чувствую всю бессмысленность моей работы».

В дипломных работах студентов не используются труды классиков марксизма-ленинизма, вместо этого усиленно рекомендуются книги, изъятые органами Советской власти – Нусинова, Луппола, Воронского, Чужака и др. (Работы студентов Лурье, Фурман, Либерзон, Брегман, Радзевич – Московский государственный университет).

Одним из самых ярких проявлений реакционной деятельности группы безродных космополитов был их откровенный воинствующий национализм. Националистические тенденции последовательно пронизывают всю их литературную и педагогическую работу.

Идейный вдохновитель национализма Нусинов в книге «Пушкин и мировая литература» считает ошибкой Шекспира, что он не раскрыл образ еврейского ростовщика Шейлока, не показал его веру в то, что евреи «богом избранный народ».

Посредственный еврейский поэт Перец Маркиш, разоблаченный ныне как враг народа, провозглашается Нусиновым вершиной мировой культуры. Показательна, например, библиография к спецкурсу Исбаха: «Советская литература и современная литература Запада». Назвав две работы Горького, Исбах дает перечень литературы в следующем порядке: Исбах, Фейгельман, Мотылева, Исбах, Мендельсон, Мотылева, Исбах, Фрид, Песис и т.д.

В лекциях 1945 года Гальперина сочувственно цитировала высказывание Фейхтвангера о том, что «вся культура Возрождения возникла на традициях древнееврейской культуры». Она же, на совещании зав. кафедрами в феврале 1948 г. прямо назвала Фейхтвангера «единственным писателем Запада, который высоко несет знамя реализма». В ответ на протесты и возражения присутствующих, Гальперина прибегла к провокационной сенсации, заявив, что Фейхтвангер приезжает в демократическую Германию, что он наш друг.

Исбах в брошюре «Современная французская литература» (1947 г.) называет Фейхтвангера первым писателем, изобразившим трагедию французского народа.

Такие писатели как Гейне превращаются в орудие развязной националистической пропаганды (докторская диссертация Металлова). В целях националистической пропаганды используются такие писатели, как Золя, в связи с делом Дрейфуса. Дело Дрейфуса делается критерием, по которому оценивается прогрессивность или реакционность западноевропейских писателей (диссертация Мотылевой).

Чудовищным проявлением националистической «политики» группы космополитов является факт появления кандидатской диссертации, защищенной в 1944 г. в МГПИ им. Ленина на еврейском языке под названием: «Борьба еврейского народа против русских погромщиков-шовинистов».

Вред, нанесенный нашей науке и делу воспитания советской молодежи антипатриотической группой безродных космополитов, усугубляется еще тем, что составление важнейших руководящих документов – вузовских программ, учебников, учебных пособий в течение долгого времени являлось монополией Нусинова, Металлова, Гальпериной, Ивашевой и др. В этих программах принижалось мировое значение русской науки, литературы, искусства. Игнорировалось международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. Фактически ревизовалась марксистско-ленинская периодизация новой и новейшей истории литературы. Шла почти откровенная пропаганда американизма и идеологии буржуазного декадентства.

Программы по западной литературе XVII и XVIII в.в. были составлены доц. Пинским; по литературе XIX в. – проф. Эйхенгольц, Ивашевой и Металловым, по литературе XX в. – доц. Гальпериной и Металловым. Учебник по новейшей литературе, изъятый из обращения, был составлен Гальпериной, Эйшискиной и Запровской. Методическое пособие по новой западной литературе, составленное Ивашевой, редактировалось Нусиновым, рецензировалось Аникстом.

Члены антипатриотической группы космополитов заняли важнейшие позиции в вузах в качестве зав. кафедрами, преподавателей западной литературы, руководителей аспирантов и т. д. Они употребили все усилия для того, чтобы расставить своих людей в ведущих вузах Москвы, монополизировать научную работу и преподавание в области западной литературы.

Важнейшим центром антипатриотической группы явился Московский государственный педагогический институт им. Ленина, где

на протяжении двадцати с лишним лет развертывалась враждебная деятельность Нусинова, заведовавшего там кафедрами западной и еврейской литературы. Именно в этом институте Нусинов воспитывал свои кадры. Здесь начинали свою деятельность такие убежденные ученики Нусинова, как Гальперина, Аникст, Ивашева, Мотылева, Штейн и многие другие.

Другим гнездом антипатриотической группы стал Московский государственный институт иностранных языков, где Нусинову была предоставлена кафедра уже после того, как в Московском государственном педагогическом институте им. Ленина он был снят с работы по указанию ЦК ВКП(б).

Нусинов подбирает в Московский педагогический институт иностранных языков группу единомышленников-космополитов: репрессированного Долицкого, бывшего иностранного поданного Мендельсона, Черневич, Брескину, Елина, Выгодскую, Штейна, Гальперину, Мотылеву, а также беспринципных и во всем покрывающих его Яхонтову, Зааль-Головню и др.

В Московском университете в течение многих лет заведывал кафедрой его ближайший сподвижник Металлов. Металлову и Нусинову и здесь удается сколотить кафедру всеобщей литературы университета из той же группы последовательских [!] единомышленников – Металлов, Нусинов, Гальперина, Пинский, Ивашева, Аникст, Исбах, Мендельсон, Лозинская, Молдавская входят в кафедру старейшего русского университета.

В Горпединституте им. Потемкина кафедрой заведует космополит Исбах, сосредоточивший вокруг себя такую же группу в составе – Майзельс, Закса, Эйхенгольца, Балашова и репрессированной Арманд и др.

Кафедрой западной литературы в Московском областном педагогическом институте в течение долгих лет заведует ярко выраженный космополит Эйхенгольц.

Нити антипатриотической группировки протягиваются в Библиотечный институт, где подвизаются те же лица.

Ту же картину можно наблюдать в Литературном институте Союза советских писателей, где кафедру литературы возглавляет Металлов, собрав вокруг себя Ежерец, Ивашеву и др. активных представителей указанной группы.

Они же обосновались в Высшей дипломатической школе.

В руках у Нусинова, Металлова, Эйхенгольца в течение долгих лет были сосредоточены подготовка и отбор молодых научных кадров через аспирантуру.

Через руки одного только Нусинова прошло свыше тридцати аспирантов и около 50 диссертаций по западной литературе.

Нусинов, Металлов, Эйхенгольц руководили одновременно 10-ю и более аспирантами. Дело подготовки аспирантов в их руках явилось не только средством растления нашей молодежи, но и своего рода легким способом добывания денег.

В той или иной степени, каждый, проходящий аспирантуру по кафедре западной литературы, оказывался в сфере влияния Нусинова и других. Там, где Нусинов не мог быть научным руководителем, он становился официальным оппонентом, дирижируя всем ходом защиты кандидатских и докторских диссертаций.

При содействии Нусинова была организована защита докторской диссертаций Металлова, Мотылевой, кандидатской диссертации высылавшегося из Москвы Боржок, репрессированного Сучкова и др.

Антипатриотической группе космополитов удалось встать во главе отделов западной литературы в Литературной и Большой советской энциклопедиях, где подвизались Нусинов, Эйхенгольц, Гершензон и др.

Связь с заграницей, с иностранными писателями по линии Иниздата С.С.П. также оказалась в сфере влияния этой группы. Группа космополитов обеспечила себе влияние также и в ВАК'е, в секции романо-германской филологии экспертной комиссии, председателем которых и по сегодняшний день состоит Металлов, оказывая несомненное влияние на судьбы наших ученых и советской литературы.

Вводя в заблуждение Министерство высшего образования и органы Государственного Контроля, безродные космополиты превратили кафедры всеобщей литературы некоторых московских вузов в «кормушку» для своих кадров.

Ярким примером неприкрытого расхищения государственных средств и щедрого «финансирования» космополитов является и положение на кафедре в Московском институте иностранных языков. В период пребывания в должности зав. кафедрой МОПИИЯ, Нусинов добился утверждения 44 ставок с общим объемом работы кафедры 10.717 часов в год.

В первом полугодии 1948/49 уч. года кафедра дала всего лишь 2.300 часов.

При норме годовой нагрузки в 840–730 часов в год и получая полные ставки заработной платы, преподаватель Баратов дал 149 часов, Брескина – 56; Елина – 51 час, Мендельсон – 95 часов, Выгодская – 133 часа и т.д.

Коллегия Министерства высшего образования СССР
ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Осудить деятельность антипатриотической группы безродных космополитов в области преподавания западной литературы как вредную для высшей школы.

Обязать руководителей высших учебных заведений, начальников главных управлений, отделов Министерства принять меры к коренному улучшению преподавания западной литературы в вузах, положив в основу всей работы кафедр всеобщей литературы учение классиков марксизма-ленинизма, постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, редакционные статьи газет «Правда» и «Культура и жизнь», «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» и соответствующие приказы Министерства высшего образования СССР.

2. Отменить как идеологически порочные:

а) программы по западной литературе XVII и XVIII вв., составленные доцентом Пинским;

б) программу по литературе XIX в., составленную профессором Эйхенгольцем, Металловым и доц. Ивашевой;

в) программу по литературе XX в., составленную доц. Гальпериной и проф. Металловым.

3. Изъять из обращения:

а)учебник по новейшей литературе, составленный Гальпериной, Эйшискиной и Запровской;

б) Методическое пособие по новой западной литературе, составленное Ивашевой, изданное под редакцией Нусинова.

4. Главному управлению университетов, Методическому управлению, Отделу педагогических вузов и Отделу вузов искусств:

а) пересмотреть в месячный срок все действующие в вузах программы по всеобщей литературе;

б) представить на утверждение Коллегии составы авторских коллективов по подготовке учебников и учебных пособий по всеобщей литературе, обратив особое внимание, на подготовку учебников и учебных пособий по литературе и языку славянских народов;

в) пересмотреть в месячный срок действующий учебный план по всем специальностям литературного и филологического факультетов университетов и педагогических вузов;

г) в двухмесячный срок пересмотреть тематику научно-исследовательских работ кафедр всеобщей литературы.

5. Управлению кадров, Отделу аспирантуры, Главному управлению университетов и Отделу педагогических вузов:

а) провести до 1 июля 1949 года, аттестацию аспирантов кафедр всеобщей литературы в университетах и педагогических вузах;

б) в целях улучшения подготовки научно-педагогических кадров по всеобщей литературе провести отбор преподавателей периферийных вузов для прикомандирования их в годичную аспирантуру и двухгодичную докторантуру для подготовки кандидатских и докторских диссертаций.

6. Управлению кадров, Главному управлению университетов, Отделу педвузов и Отделу вузов искусств, а также директорам высших учебных заведений представить в двухнедельный срок Коллегии Министерства предложения об освобождении от работы в вузах лиц, непригодных для преподавания всеобщей литературы.

7. Высшей Аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования СССР:

а) пересмотреть состав экспертной комиссии по романо-германской филологии и вывести из комиссии лиц, пропагандирующих космополитизм, формализм и буржуазное эстетство;

б) проверить в двухмесячный срок докторские диссертации Металлова, Мотылевой, Старцева и все кандидатские диссертации по всеобщей литературе, защищенные в Московском университете, Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина, Московском городском педагогическом институте им. Потемкина и Областном педагогическом институте в период с 1942 года по 1948 год, а также кандидатские диссертации Исбаха, Аникста, Гальпериной, Пузис.

8. Отделу труда и зарплаты Министерства проверить соответствие реальной учебной годовой нагрузки преподавателей кафедр, всеобщей литературы университетов и педвузов, размеру получаемой заработной платы.

9. Указать директорам высших учебных заведений, [что преподавание] заведующими кафедр учебных дисциплин, в том числе и западных литератур, должно быть пронизано духом наступательной боевой партийности. В лекциях, спецкурсах и на семинарских занятиях по истории всеобщей литературы должно быть раскрыто величие русской литературы и русской революционно-демократической критики, ярко показано их прогрессивное влияние на развитие культуры западноевропейских государств. Глубоко научно и в яркой форме должны быть раскрыты достижения советской литературы, ее заслуги перед Родиной и трудящимися всех стран в воспитании лучших черт характера нового советского человека, преданности советских людей великому делу партии Ленина–Сталина, неиссякаемой любви

советского народа к социалистической отчизне и глубокой ненависти капиталистическому миру.

Лекции и семинарские занятия по всеобщей литературе должны быть основаны на великих идеях учения Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина.

Профессора, преподаватели и научные сотрудники должны беспощадно разоблачать безродный космополитизм и воспитывать студенческую молодежь в духе священного Советского патриотизма.

Литература

Азадовский К., Егоров Б. О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157–176.

Азадовский К., Егоров Б. «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83–135.

Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. Т. 1–2. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

References

Azadovskii K., Egorov B. O nizkopoklonstve i kosmopolitizme: 1948–1949 [About adulation and cosmopolitanism: 1948–1949]. *Zvezda* [Star], 1989, no 6, pp. 157–176. (In Russ)

Azadovskii K., Egorov B. "Kosmopolity". *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], Moscow, 1999, no 36, pp. 83–135. (In Russ)

Druzhinin P.A. *Ideologiia i filologiia. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noe issledovanie* [Ideology and philology. Leningrad, 1940: Documentary study]. T. 1–2. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2012. (In Russ)

Faculty of Philology, Moscow State University in 1949
Selected Materials

Pyotr A. Druzhinin

Abstract: Documents from the fund of the Ministry of Higher Education (State Archive of the Russian Federation) unveil the history of the "fight against cosmopolitanism" in 1949 in Moscow among philologists, especially professors, lecturers and other faculty members. The campaign against cosmopolitanism was a part of the general state policy, its target being expulsion of the Jews from the leading positions in the universities and academic institutions. As a result of such purges on ethnic grounds, scholarly traditions and academic staff suffered unredeemable damage which caused national scientific stagnation.

The documents of the Ministry of Higher Education provide new data, for example, shed light on a specially planned purge (which remained unfulfilled) of the scholars at the departments of Western literature in the higher educational institutions of Moscow.

Keywords: history of philology, science and ideology, cosmopolitanism, 1949, anti-Semitism, totalitarianism, educational policy, Moscow State University

Information about the author: Pyotr A. Druzhinin, Ph.D., freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: petr@druzhinin.ru

IN MEMORIAM

Александр Сергеевич Янушкевич

(3 августа 1944 – 26 ноября 2016)

Автомобильная авария прервала жизнь Александра Сергеевича Янушкевича. С золотой школьной медалью он в 1961 г. поступил на историко-филологический факультет Томского университета, с которым связал всю свою судьбу. Ученик Ф.З. Кануновой, А.С. активно участвовал в создании томской школы истории русской литературы, которую впоследствии и возглавил. Изначально научные интересы томичей тяготели к литературе эпохи сентиментализма и романтизма, к «проблемам метода и жанра» (замечательный факультетский сборник, выходящий с 1973 г.), взаимосвязям русской и европейских литератур. А.С. Янушкевич начал с изучения Гоголя (диплом «Гоголь и Гофман», 1966, кандидатская о «Вечерах на хуторе» и прозаических циклах 1830-х, 1971), а с середины 1970-х стал наиболее активным участником масштабного томского проекта по освоению наследия Жуковского. Как известно, накануне открытия Томского университета сибирский меценат А.М. Сибиряков пожертвовал ему купленную у сына поэта большую часть (более 4,5 тыс. томов) библиотеки Жуковского. Спустя век книги этого собрания были выявлены в море разросшихся библиотечных фондов и описаны (Описание В.В. Лобанова, 1981), а коллектив сотрудников кафедры русской литературы приступил к изучению литературных интересов и хода творческих работ Жуковского, отталкиваясь от материалов его библиотеки. Сохранившаяся ее часть таила сокровища: стихи, заметки, планы, записанные Жуковским в книгах или вложенные в них, сотни отметок и маргиналий на полях и т.д. Томский коллектив (Ф.З. Канунова, Э.М. Жилякова, Н.Б. Реморова, Н.Е. Разумова, И.А. Айзикова, А.С. Янушкевич и его супруга О.Б. Лебедева, их коллеги), распределив между собой жанры и сферы европейских литературных и культурных контактов Жуковского, стал двигаться в ширь и глубь его творческого наследия. Фундаментальный трехтомник «Библиотека В.А. Жуковского в Томске» (1978–1988) содержал столько новых материалов, сколько не предлагало ни одно другое советское исследование о поэте. Отрадно, что уходящее в историю государство одной из последних наград в области науки отметило госпремией РСФСР (1991) этот труд томских ученых.

Пришло время обобщений (А.С. посвящает Жуковскому докторскую диссертацию, 1985, готовит справочник «В.А. Жуковский. Семинарий», 1988, издает две фундаментальные монографии) и – движения вперед. В 1990-е А.С. Янушкевич выступает застрельщиком еще более грандиозного научного проекта. «Это был казавшийся тогда почти безумием замысел издания Полного собрания сочинений и писем Жуковского в 20 т.»[1]. Безумство храбрых, самоотверженных и талантливых победило трудности: с 1999 г. начали выходить большие черные тома – стихи, баллады, поэмы, эпос, статьи, дневники... Их вышло 13; 14-й, сданный в год смерти А.С. в издательство, завершит корпус «сочинений».

Особо следует сказать, сколь фундаментально, продуманно, академично томский коллектив под руководством А.С. Янушкевича поставил издание Жуковского. По существу, при кафедре был создан уникальный научный центр жуковсковедения (пользуясь формулой А.С., «изучения кота Васьки»), где велись картотеки, составлялись указатели публикаций и архивных документов, реестры писем и рисунков поэта, подбиралась «жуковиана». В некоторые годы удавалось

[1] *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский сегодня: между 1983-м и 2008-м годами. (К изданию его «Полного собрания сочинений и писем») // Археографический ежегодник за 2007–2008 годы. М.: Наука, 2012. С. 57.

получить лаборантские ставки, в иные – нет, но дело не останавливалось. Вскоре исследователи из Москвы, из Тарту, других мест стали приезжать в Томск – поработать, пользуясь богатствами накопленных материалов. Прочные контакты установились у Томска с Германией, Эстонией, Францией, Италией... Из заграничных архивов и библиотек в центр мирового жуковсковедения поступали статьи, редкие издания, архивные копии. Фундаментом фронтального изучения Жуковского стали подготовленные А.С. и О.Б. Лебедевой летопись его жизни и творчества (во многом основанная на первом полном издании дневников поэта), свод «В.А. Жуковский в воспоминаниях современников» (1999). Логичным развитием коллективных работ явилась серия научных трудов «Жуковский. Исследования и материалы». Так академические отделы и группы Пушкинского Дома работают над классиками: Пушкиным, Достоевским, Некрасовым. «Сегодня даже трудно представить, как небольшой коллектив вузовских ученых со всеми вытекающими последствиями: колоссальной учебной нагрузкой, обилием аспирантов, многочисленными "реформаторскими" заморочками, удаленных от столичных библиотек и архивов, сумел в течение десяти лет создать трехтомную монографию "Библиотека В.А. Жуковского в Томске"», – констатировал А.С. Янушкевич[1]. В еще большей степени это относится к Полному собранию сочинений и писем.

Но не Жуковским единым... С 1990-х А.С. Янушкевич активно развивает проекты, посвященные взаимодействию русской и европейских культур. Началом стало инициированное Львом Копелевым серийное издание «Россия и Германия в зеркале друг друга». В новом веке А.С. и О.Б. Лебедева организуют совместные программы с итальянскими университетами (Салерно, Неаполь...), результатами которых стали международные конференции, монографии и сборники, академические обмены. Под редакцией А.С. в Томске начал выходить «научно-практический журнал» «Имагология и компаративистика», с международным составом авторов, с мультиязычными публикациями. Томск уже давно стал одним из центров мировой русистики, а ядром этого центра был А.С. Янушкевич.

Из предпоследнего письма А.С., 1 ноября 2016:

«Только вчера возвратились с Ольгой Борисовной из Рима, где вели с итальянскими коллегами переговоры о продлении нашего договора с Sapienza и совместных изданиях. Пришлось войти в

[1] *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский сегодня: между 1983-м и 2008-м годами. С. 56.

редколлегию их журналов: Europa orientalis и Russica romana. Издания симпатичные, с установкой на фактографию. Подумайте об эпистолярии Вяземского! А в Томске затеяли издание журнала “Имагология и компаративистика”, где на меня взвалили должность отв. редактора. Вышло уже три номера, и начальство уговаривает войти в Scopus. Противлюсь изо всех сил, так как вся эта суета сует с рейтингами не по мне. В понедельник сдаю последний том сочинений Жуковского (Рим в основном просидели над беловым макетом: творили указатель имен). Составляю проспект третьего выпуска “Материалов и исследований”, который хочу сдать к Новому году, чтобы получить финансирование. Очень буду рад видеть Вас в рядах рыцарей кота Васьки».

Но не филологией единой... Немного найдется заслуженных профессоров, на официальной странице университетского сайта которых в графе «увлечения» указано: «Собирание грибов». Об уникальной способности А.С. найти гриб даже там, «где гриба нет», знало, кажется, все академическое сообщество. Был еще спортивный патриотизм. «Я хотя и не фанат и стал чаще смотреть футбол сидючи на диване, но теперь приходится болеть за “Томь” (раньше к ней я был равнодушен...). Кажется, она стала играть поинтереснее. Во всяком случае “Зенит” как-то сник...» (13 апреля 2005).

Переписка с А.С. Янушкевичем о Жуковском позволяла с восхищением следить за подготовкой в Томске его Полного собрания сочинений и писем. Увлекательные сюжеты архивных находок (А.С. щедро слал коллегам обнаруженные им тексты документов и писем), поэтика датировок и атрибуций... В новом веке А.С. буквально *жил* этим изданием. Характерное письмо 2008 г.:

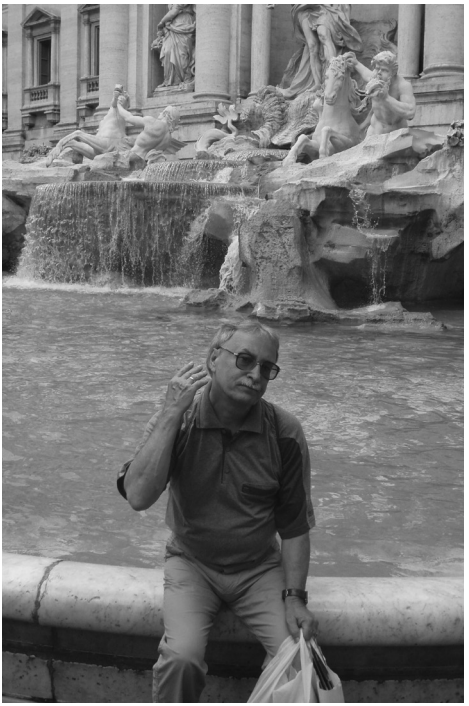
> [...] эпистолярная сухотка, о которой так любил писать столь писучий Жуковский, меня уж точно одолела. Правда, и дел по горло. После возвращения из Питера прошел уже месяц, а я еще все не отчитался за командировку: видимо, посадят в тюрьму (если в одиночку и с библио-

текой, то согласен). В Петербурге поработал очень продуктивно: нашел еще около 50 новых писем и завершил почти всю работу с рукописями "Одиссеи". Сейчас формирую шесть эпистолярных томов и к сегодняшнему дню подошел к 1848 году (последний 20-й том). В основном тексты или набираю вручную или привожу в порядок сканированные. Ваши (Вяземские), Э.М. Жиляковой (елагинские), В.С. Киселева (великому князю) очень облегчили адскую работу. Еще помог немецкий славист Хольгер Зигель (автор монографии на немецком языке об А.И. Тургеневе), приславший переписку Ж<уковского> и Тургенева. Располагая все в хронологическом порядке, я постоянно испытываю чувство благодарности судьбе за встречу с Жуковским и за возможность прожить с ним вместе его духовную Одиссею. Уж точно – "душа распространяется". Нужно сказать, что масштаб его эпистолярия впечатляет во всех отношениях. Успеть бы доделать. Главное – все собрать и выстроить. Комментарий могут сделать и другие, если не успею сам...

Проблем текстологических тьма. Ведь публикаторы (и дореволюционные, и послереволюционные) исходили из собственных представлений о дефинитивном тексте, а так как не все автографы сохранились, то приходится только догадываться, чем они руководствовались. Нужна унификация, а автографы тоже дают противоречивую картину... В "Языках славянских культур", кажется, появился приличный редактор А.Б. Пеньковский. Во всяком случае, над 4-м томом он поработал со знанием дела, хотя и не бесспорно. Но все равно все проблемы придется решать лично, так как никакой эдиционно-текстологической традиции нет. Особенно непонятно, что делать с заглавными буквами в написании титулов царственных особ (великих князей, императоров, величеств и высочеств etc.): десятки вариантов как у самого Жуковского, так и у публикаторов. Орфография и пунктуация, графика – сплошные проблемы. Хорошо, что у Вас письма даны по автографам (можно сравнивать с публикациями), но и здесь существенные разночтения с другими автографами. Очень жду ранних писем Вяземского, чтобы заполнить все лакуны.

Мы начали капитальный ремонт квартиры, а посему уже 10 мая переселяемся на дачу: хорошо, что там есть телефон и возможность работать с компьютером. Придется в мае-июне почти каждый день ездить в город (60 км. – на машине около часа). Главное бедствие – книги!!! Вот уж точно: "Собрать бы книги, да и..." Что-то не радует "Томь": после кубковой игры с ЦСКА разладилась. Буду смотреть на даче чемпионат Европы, но только уповаю на Пушкина: "Товарищ, верь!" Хотя "вряд ли, мой милый..."

Как Ваша жизнь? Что нового в литературоведческой тусовке? Хотя, что там может быть нового? Мы сейчас готовим програм-

мы магистратуры (дичь!), а О.Б. делает большой и красивый русско-итальянский сборник (это не дичь!). В конце июня на Телецком озере на базе Горно-Алтайского университета вместе с итальянцами проводим конференцию по имагологии. Пообщаемся на лоне прекрасной природы. [...]

Мысль о том, что надо успеть собрать все 20 томов, надо закончить дело (не свой «научный проект», а литературное дело Жуковского – восстановить вполне то, что он дал русской культуре), – лейтмотив переживаний А.С.

«Нужна основательная проверка всех архивных источников, особенно в московских архивах. ГИМ, ГАРФ, РГАДА, да и РГБ с РГАЛИ еще требуют более фронтального взгляда. Надеюсь в январе-феврале вырваться с Ольгой Борисовной в столицу и покопаться там. Мне кажется, что удастся откопать и новенькое, но главное сверить старое. Конечно, я тороплюсь. Боюсь не успеть... Но в этом деле торопливость чревата».

«Попытался создать макет первых двух томов, чтобы запустить их в издательский проект и получить хоть какие-то гроши на их издание. Конечно, сыро и противоречий очень много, но время торопит. Хочется успеть отслужить Василию Андреевичу. Поэтому тороплюсь, покуда предполагаю жить...»

Задумывая «Литературный факт», мы попросили Александра Сергеевича войти в редколлегию, надеясь, что при всей своей загруженности он будет щедр на профессиональную помощь журналу и творческими идеями, и авторским участием, и привлечением коллег – ведь именно таким – человеком коллективного научного действия – всегда был А.С. Янушкевич. Из последнего письма:

«Что касается предложения войти в редколлегию Вашего журнала, программа которого мне очень симпатична, то желание есть, но боюсь, что я буду “не ко двору” (но вам виднее), а вот предложить несколько публикаций (своих, Ольги Борисовны и коллег), чуть-чуть придя в себя (у нас начинается дурацкая аккредитация), точно смог бы. Еще раз спасибо за всё. С искренними чувствами, Ваш А.Я. и томичи».

Спасибо Вам за всё, Александр Сергеевич!

Правила оформления статей

Текст предоставляется в редакторе WORD. Шрифт Times New Roman, формат страницы А4, размеры всех полей — 25 мм; абзацный отступ (красная строка) — 1,25; кегль основного текста — 12, выравнивание – по ширине, без переносов.

При необходимости в постраничной сноске к названию работы указывается грант (или исследовательская программа), в рамках которого подготовлена работа.

Основные особенности оформления текста:

— по всему тексту должны быть кавычки «елочки» (« »); для внутренних цитат — “лапки” (“ ”);

— для акцентирования элементов текста допускается использовать курсив; для более значимых выделений — полужирный курсив, полужирный прямой;

— длинное тире — по всему тексту, кроме случаев, когда нужно межцифровое: например, между страницами в ссылках: С. 18–20, между годами: 1920–1930;

— между фамилией и инициалами ставится пробел, между двумя инициалами пробел не нужен: П.П. Петров;

— основные принятые сокращения: г., гг., в., вв., т. е., т. к., и т. д., и т. п., и под., и проч.; «великий князь», «император», «профессор» и под. — пишутся полностью;

— месяцы передаются словами (13 марта 1977 г.), вторая дата воспроизводится в скобках: 4 (17) мая, 22 мая (4 июня);

— года и века по всему тексту обозначаются цифрами: 1920 г.; 1920–1930-е гг. / II–III вв.; XX в.

Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок. Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой.

Перед основным текстом статьи дается:

- УДК (см., например, teacode.com/online/udc или udk-codes.net);
- ББК (см., например, http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk.pdf).
- Название статьи – по центру, без отступа, полужирным шрифтом.
- Инициалы и фамилия автора/ов – по центру, без отступа, курсивом.

- Аннотация (200–250 слов; она должна представлять собой реферат-резюме статьи с соблюдением последовательности изложения).
- Ключевые слова.
- Информация об авторе: имя, отчество, фамилия, ученая степень (если есть), звание (если есть), должность, полное название организации, город, страна, E-mail.

После этого размещается та же самая информация на английском языке.

Пример оформления первой страницы:

УДК
ББК

Проблемы мировой литературы
И.И. Иванов

Аннотация:
Ключевые слова:
Информация об авторе: Иван Иванович Иванов, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, E-mail: ivan@mail.ru

Problems of World Literature
Ivan I. Ivanov

Abstract:
Keywords:
Information about author: Ivan I. Ivanov, PhD, Associate Professor, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: ivan@mail.ru

Далее – текст статьи – выравнивание по ширине, без переносов.

После статьи приводится **Литература** в алфавитном порядке (сначала русские источники, затем иностранные).

Затем **References**:

Текст библиографии на русском языке переводится в транслит http://translit.net/ (вариант системы Библиотеки Конгресса – LC).

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не транслитерируются и не переводятся.

Далее необходимо отредактировать результат и добавить переводы на английский язык:

- перевести на английский язык название книги, источника и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;
- заменить // на точку;
- заменить / на запятую;
- перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);
- заменить двоеточие после названия места издания на запятую;
- после транслитерации издательства добавить Publ.;
- исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;
- курсивом выделить название источника.
- в конце библиографической ссылки добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры оформления библиографических ссылок в списке литературы и транслитерации

Литература

Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 185 с.

Ларионова М.Ч. Архетипическая парадигма: миф, сказка, обряд в русской литературе XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 44 с.

Некрасов И.С. Пахомий Серб, писатель XV века. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1871. 102 с.

Никольский С.А. Мировоззрение русского земледельца в романной прозе И.С. Тургенева // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 83–99.

Рыбальченко Н. Как рассеялся мираж // Вечерняя Москва. 1974. 23 октября.

References

Adrianova-Peretts V.P. *Ocherki poeticheskogo stilia Drevnei Rusi* [Essays poetic style of ancient Russia]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1947. 185 p. (In Russ.)

Larionova M.Ch. *Arkhetipicheskaia paradigma: mif, skazka, obriad v russkoi literature XIX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The archetypal paradigm: a myth, fairy tale ceremony at the Russian literature of the XIX century: Author. Dis. ... Dr. Philology sciences]. Volgograd, 2006. 44 p. (In Russ.)

Nekrasov I.S. *Pakhomii Serb, pisatel' XV veka* [Pachomius the Serb writer of the XV century]. Odessa, Tip. Ul'rikha i Shul'tse Publ., 1871. 102 p. (In Russ.)

Nikol'skii S.A. Mirovozzrenie russkogo zemledel'tsa v romannoi proze I.S. Turgeneva [World Russian farmer in novelistic prose I.S. Turgenev]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 2008, no 5, pp. 83–99. (In Russ.)

Rybal'chenko N. Kak rasseialsia mirazh [Like a mirage dissipated]. *Vecherniaia Moskva* [Evening Moscow], 1974, October 23. (In Russ.)

Описание статьи из электронного журнала:

Boeva G.N. V.P. Burenin vs Leonid Andreev: "tekhnologiia proizvodstva" parodiinoi lichnosti [VP Burenin vs Leonid Andreev: "manufacturing technology" a parody of personality]. *Mediaskop*, 2016, vyp 3. Available at: http://www.mediascope.ru/?q=node/2160 (Accessed 15 January 2016).

Описание статьи с DOI:

Vinogradov I. Otecheskoe popechenie: imperator Nikolai I v sud'be N.V. Gogolia [Paternal Care: Emperor Nicolas I in Gogol's Fate]. *Studia litterarum*, vol. 1, no 1–2, pp. 269–277. doi: 10.22455/ 2500-4247-2016-1-1-2-269-277

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2016 № 1–2

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук 121069 г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
E-mail: litfact@gmail.com
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки *А.В. Белоусова*
Компьютерная верстка *Е.Ю. Дроздова*

Подписано в печать 30.12.2016.
Формат 60×90$^{1}/_{16}$.
Усл.-печ. л. 29.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 00